

ОСЦЕНАРИИ

● АЛЬМАНАХ 1975

КИНОСЦЕНАРИИ АЛЬМАНАХ · 1975

Г. Капралов

С. Гуманов

Ю. Дунский

В. Фрид

Е. Оноприенко

Г. Полонский

А. Джакыпбеков

Л. Дядюченко

В. Кунин

А. Спешнев

Б. Могилевский

Р. Габриадзе

В. Ежов

В. Садовский

В. Потоцкий

Б. Заходер

Г. Бардин

С. Лунгин

С. Листов

3. ПРИНИМАЮ НА СЕБЯ

41. ДЕНЬ ПОБЕДЫ

75. СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА

107. КЛЮЧ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

143. ЗЕНИЦА ОКА

171. ГОРОЖАНЕ

201. ПЛАТА ЗА ИСТИНУ

237. СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ

255. ОДИННАДЦАТЬ НАДЕЖД

287. ПОТРЯСАЮЩИЙ БЕРЕНДЕЕВ

СЦЕНАРИИ МУЛЬТФИЛЬМОВ

317. ФАНТИК

322. ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

325. ГОЛУБЫЕ СТРЕЛЫ

330. МАЛЬЧИШКА ТИШКА

333. СЮЖЕТЫ САТИРИЧЕСКОГО
КИНОЖУРНАЛА «ФИТИЛЬ».

ОТ РЕДАКЦИИ

В третьем выпуске альманаха «Киносценарии» редакция предлагает вниманию читателей несколько разных по темам и жанрам литературных произведений, созданных для кино советскими писателями и кинодраматургами. Преимущественное внимание, естественно, уделено темам современности — им посвящено восемь из десяти публикуемых сценариев художественных фильмов, в том числе три сценария, написанные для республиканских киностудий. Редакция надеется, что интерес читателей вызовут также сценарии новых мультипликационных фильмов и сюжеты Всесоюзного сатирического киножурнала «Фигиль».

В следующем выпуске альманаха редакция рассчитывает опубликовать новые киносценарии наших известных писателей и кинодраматургов — Евгения Габриловича, Бориса Васильева, Юрия Нагибина и других.

Редакция будет благодарна читателям за отзывы и замечания по настоящему выпуску альманаха.

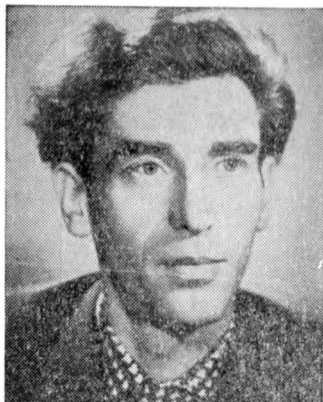
Т. Камралов
С. Мурманов

**ПРИНИМАЮ
НА СЕБЯ**

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАПРАЛОВ (родился в 1921 году) окончил Ленинградский институт театра, музыки и кино. Много лет работал в комсомольской и партийной печати. Член Союза писателей СССР. Г. А. Капралов автор стихотворных сборников, книг о творчестве Г. А. Товстоногова, Ю. В. Толубеева, о драматургии М. Горького и др. По сценариям, написанным при участии Г. Капралова, поставлены художественные фильмы «Николай Бауман», «На диком берегу», «Последний подвиг Камо».

СЕМЕН ИЛЬИЧ ТУМАНОВ (1921—1973 гг.) учился на режиссерском факультете ГИТИСа, затем работал режиссером-постановщиком в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского. В 1959 году закончил Высшие режиссерские курсы при киностудии «Мосфильм» и на этой киностудии поставил ряд фильмов: «Алешкина любовь» (совместно с Г. Щукиным), «Ко мне, Мухтар!», «Заблудший», «Николай Бауман» (одновременно он соавтор сценария), «Любовь Серафима Фролова», «Жизнь на грешной земле».

По сценарию «Принимаю на себя», публикуемому в альманахе, фильм ставит на киностудии «Мосфильм» режиссер Александр Орлов.

По ночным московским улицам грохочет трамвай. На поворотах снопы искр осыпаются с дуги.

Трое парней стоят на остановке. Все в одинаковых костюмах, галстуках, кепках. С одинаковыми деревянными чемоданами. Подходит трамвай, и все трое чинно поднимаются в вагон.

Здание наркомата тяжелой промышленности погружено во тьму. Ярко светятся только три больших окна кабинета наркома да пониже этажом, сбоку, еще одно окно.

В этой комнате с одним окном работает Шура.

Перебирая стопки бумаг, выписывает цифры...

Входит помощник Орджоникидзе Анатолий Семушкин.

— Опять пришел? — говорит угрожающе Шура.

— Сам прислал! — говорит Семушкин торжественно.

— Наябедничал?

— Устных распоряжений ты не выполняешь, так вот тебе письменное. — И Семушкин кладет перед Шурой на стол приписанный им листок.

Шура читает:

— «Распоряжение по Наркомату тяжелой промышленности. № 329/7 от 28 марта 1932 года. Служащая отдела планирования тов. Быстрова А. Н. перенесла недавно тяжелое заболевание, однако, несмотря на предупреждения врачей, систематически остается на работе до поздней ночи. Запретить с сего дня тов. Быстровой А. Н. оставаться на работе после 9 часов вечера. Нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе».

— Серго сказал: выполнять немедленно

но! — Семушкин смотрит на часы, которые показывают четверть первого.

— Ах так! — возмущается Шура. — Я буду протестовать!

— Протестуй, — покорно говорит Семушкин. — А сейчас иди отдыхай!

— Я пойду к нему, — решительно встает Шура. — Ему можно, а мне нет?!

— Шурочка, — заискивающе просит Семушкин, загораживая ей дорогу. — Не шуми! Серго сейчас расстроен: на Сталинградском опять план сорван и по стали недо-выполнение...

— Вот видишь, — говорит чуть не плача Шура, — а я тут сижу!.. Уеду я! Вот! Хочу своими руками... И чтоб искать меня не смей! Понял? А то и там опекачь начнут...

— Ну-ну, взвилась, — гудит Семушкин.

Шура вышла из наркомата, подошла к трамвайной остановке. Окна кабинета Орджоникидзе по-прежнему светились, их то и дело пересекала тень шагающего человека. Из-за поворота вылетел трамвай. Шура, не дожидаясь полной остановки, вскочила на подножку, вошла в вагон.

— Здравствуй, Таня, — как давнюю знакомую приветствовала она кондукторшу.

— Опять припозднилась, — покачала та головой.

На вагонной скамейке спали, положив головы на чемоданы, трое парней.

— Что это у тебя за пассажиры? — поинтересовалась Шура.

— Ночевать им негде. Приехали сегодня, а ждут их только завтра. Вот и ночевничают у меня... Да! — почти вскрикнула Таня. — Они ж к тебе!.. Женихи!

— Как ко мне? — удивилась Шура.

— Ну не по твою душу... К Орджоникидзе они... Завтра должны явиться...

— А кто такие? Не знаешь?

— Вон этот,— Таня показала на Сергея, который во сне смешно двигал бровями и что-то бормотал,— сказал, что они сталевары, с Урала...

Шура села напротив, наблюдая за спящими. Сон их был тревожен. Сергей поживался от холода.

— Подъем! — вдруг крикнула Шура на весь вагон.

Сталевары повскакали со скамьи.

— Кого кличут? — забасил толстяк Калина.

— Не кого, а подъем!

— А ты кто такая? — строго спросил Сергей.

— Разговоры отставить!

— У нас билеты,— Сергей полез в карман.

— Билеты недействительны! — улыбнулась Шура.

Шура поднималась по широкой мраморной лестнице. За ней гуськом шли парни. Она щелкнула замком, распахнула дверь в квартиру. Парни вошли в просторную прихожую, остановились, осматриваясь. Шура зажгла свет в большой комнате.

— Снимай сапоги! — распорядился толстяк.— А то ковер затопчем.

— Ерунда! — сказала Шура.

— Не годится,— не согласился Сергей. Ребята сняли сапоги, прошли в комнату.

Шура сбросила жакет, швырнула его на роуль:

— Садитесь. Чего дрожите? Я сейчас вам ванну натоплю. Мигом согреетесь. А потом чайку поьем.— И она вышла.

Калина осторожно присел на диван. Сергей и Оскин продолжали стоять, оглядывая высокие лепные потолки, дорогую старинную мебель.

— Музей,— присвистнул губастый Оскин.— И хозяйка красивая.

— Кшесинская! — подмигнул Калина.— Вот девка!

На столе зазвонил телефон. Ребята перестали смотреть, не зная, что делать.

Шура в ванной растапливала колонку. Услышав звонок, выбежала в комнату, схватила трубку:

— Алло! Слушаю! — Никто не ответил, и Шура положила трубку.— Что же не подошли к телефону?

— Неопытные! — Сергей сказал это не то всерьез, не то с иронией.

— Легко одеты вы, смотрите! — заметила Шура.

— Да мы выезжали — у нас теплые дни были... А потом сказали: в Москве пальты выдадут! — объяснил Калина.

— Не пальты, а пальто,— поправила Шура.

В небольшой ванной комнате мылись сразу все трое, терли друг другу спины. Неожиданно Калина закрутил кран, с беспокойством посмотрел на товарищей.

— А вдруг она... У меня в кармане партбилет, деньги...

— И у меня! — встревожился Сергей.

Калина протер от мыла глаза. Откинул крючок, осторожно приоткрыл дверь. Как был, намыленный, выскользнул из ванной в коридор, схватил в охапку одежду и в один прыжок — обратно. Все стали ощущать карманы.

— Есть. Все цело...

— И у меня...

— Кто ж она такая?

...Потом парни в рубашках, галстуках, аккуратно причесанные, сидели в комнате за столом. Шура разливала чай. На тарелках лежали хлеб и колбаса, в открытой банке — варенье.

— Вы, значит, одна в стольких комнатах живете? — почтительно осведомился Калина.

— Одна.

— А мужа нет?

— Нет.

— Помер?

— Хуже...

Калина посмотрел на ребят, нахмурился:

— В ГПУ забрали?

— Дурак,— спокойно ответила Шура.

Калина заерзал на стуле:

— Вы, мамаша...

— Я тебе сейчас покажу мамаша! — разозлилась Шура.— Ешь и ложись спать! Тоже мне сынок нашелся!

Зазвонил телефон. Шура сняла трубку:

— Слушаю... Я... Все в порядке. Что же может случиться? Обиделась? Конечно, обидно... Да я понимаю... Это ты звонил только что? Зачем же беспокоиться, чудак-человек! Где там скучать! У меня — гости... Сталевары. Они, собственно говоря, к тебе приехали... Сейчас спрошу. Ребята, откуда вы?

— Из Рудного,— ответил Калина.

— Из Рудного,— сказала Шура в телефон.— Не знаю... А ты сам поговори... — Она протянула трубку Калине: — На, поговори, это — Орджоникидзе.

Калина оторопел:

— Орджоникидзе?!

— Да, да! — улыбнулась Шура.— Поговори.

Калина взял трубку, дунул туда, потом сказал:

— Что?.. Здравствуйте, Сергей... Серго...

— Григорий Константинович,— подсказала Шура.

— Григорий Константинович... Все трое приехали... Я — Калина, Оськин, Найденов... Все в полном порядке! Сыты, обуты... То есть, помыты... А чего ему быть плохим? Хорошее настроение... Передам! Спасибо! Спасибо! — Калина протянул трубку Шура: — Тебя.

Шура взяла трубку.

— Да, Серго... Зачем? Куда они на ночь поедут? Места хватит, да и мне веселее, все-таки ухажеры!.. Спокойной ночи. Передам... — Она повесила трубку.— Вам еще раз привет, а завтра ровно в девять утра вас ждут...

Ночь. В большой комнате Шуриной квартиры спят ребята: Сергей на матрасе, прямо на полу, Калина на диване, Оськин на сдвинутых стульях.

В соседней маленькой комнате на кровати поверх одеяла лежит Шура. Глаза открыты. О чем-то думает.

— Чего? — сказал Сергей и проснулся. Сел, протер глаза. Встал, обойдя стулья, на которых спал Оськин, подошел к столу, поднял чайник, хотел выпить прямо из носика, но воды не было. Сергей взял чашку, пошел на кухню. Отвернул кран, напился, крикнул от удовольствия и заметил сидящую за столом Шуру. Она курила.

— Потревожил? — спросил Сергей.

Шура пожала плечами.

Сергей подсел к столу:

— Угости папироской.

— Спать иди.

— Да выспался,— зевнул Сергей.

Шура протянула пачку папирос, Сергей закурил.

— Прости за вопрос... — Сергей замолчал, но Шура смотрела дружелюбно, и это ободрило его.— Что с мужем-то случилось?

— Нет у меня мужа... и не было... Отец у меня этой осенью помер... Хороший был... Чахотка...

— Да-а... — Сергей не знал что сказать и, чтобы перевести разговор, спросил: — А квартира-то ваша?

— Какая наша! Мы тут с ним одну комнату занимали, а в этих хоромах какой-то бывший нэпман жил... Вот его недавно в ГПУ забрали, а мне сказали: присмотри пока... Я и смотрю,— Шура невесело усмехнулась.— А вы чего подумали?

— Да мы ничего,— смутился Сергей.

— Ты с Серго-то встречался?

— А как же! — оживился Сергей.— Через него вся моя жизнь на другую сторону пошла...

Шура молча смотрела на Сергея, а тот понял ее взгляд как приглашение к рассказу и продолжал:

— Я подпаском был... Однажды пастух Архип позвал помыться в бане. Помылись

мы. Вернулись к стаду, глядим: две овцы задраны. Волки побывали. Мы туда-сюда, а что сделаешь? И никому еще ничего не сказали, а глядим, Фрол с Темкой скачут. Это у нас наипервейшие кулаки были. Подскакивают да сходу кнутами и Архипа, и меня. Так исхлестали — дыхнуть больно... Лежу я в избе и от слез ничего не вижу. А стенка газетами заклеена... И прямо против моих слез — портрет. И речь Орджоникидзе... Заводы, чугун, сталь, стройки... Эх, думаю, живут же люди!.. И в ту же ночь написал письмо Орджоникидзе. Люди, мол, трудовой социализм строят, а я тут от кулаков терплю... Помогите, дяденька... Так и отписал — дяденька, учиться, мол, хочу на чугун и сталь... И вот, помню, раз утром на всю деревню кричат: Сергею письмо из Москвы! Все сбежались. А Орджоникидзе пишет: поезжайте, уважаемый товарищ Сергей Найденов, на завод в Рудный — это от нас двести верст... Ты чего улыбаешься? Верно я говорю, написано было: уважаемый товарищ Сергей Найденов...

Строгое, открытое лицо Сергея светилось воодушевлением, и Шура залюбовалась им.

— Слушай, — сказала она вдруг, — может, мне к вам податься, а?

— Куда? — не понял Сергей.

— Да в Рудный...

Сергей усмехнулся...

— У нас таких квартир и в помине нет. В бараках живем...

— Плевала я на квартиру... А у вас что же, большой завод?

— Был старенький заводик. Его еще до революции построили. Но теперь реконструкция начинается. Ух, будет завод!

— Расскажи, — попросила Шура.

К приземистому вокзальчику города Рудный подошел поезд. Из вагонов с шумом и смехом выгружались приехавшие, в основном молодежь, но много и пожилых, с женами, детьми... Чемоданы, мешки, узлы передавали прямо из окон.

Шура с чемоданчиком в руках спрыгнула на платформу.

Где-то заиграла гармошка, кто-то запел, но сразу смолк — в тишине вдруг отчетливо прозвучали звуки похоронного марша. От станции к стоящему на запасном пути товарному вагону медленно двигалась процессия. Мужчины во фраках и цилиндрах несли на плечах гроб. Следом шли несколько человек с венками. Играл оркестр пожарников, а за оркестром двигались заводские ребята и девчата с красным полотнищем, на котором было написано: «Вечная слава ударнику социализма товарищу мистеру Д. Дауну».

К приехавшим подбежала Лариса Федорова, секретарь парткома стройки.

— С приездом, товарищи! У нас беда — американский инженер помер. Умница был. В футбол играл... Вы пока разгрузайтесь! Сейчас вас накормят, разведут на ночлег...

Гроб поставили возле вагона. Оркестр смолк. На возвышение подвинулась Лариса.

— Товарищи! — откашлявшись, начала она. — Буржуи бывают разные. Мистер Даун тоже был вроде как буржуй, но он вместе с нами...

А на перроне поднялся шум.

— Каменщики, штукатуры, плотники! — кричал веснушчатый паренек. — Регистрируйтесь у меня. Приготовьте документы!

Народ пришел в движение.

— Бетонщики спрашивают, где им собираться? — кричал кто-то.

Шура стояла, оглядываясь по сторонам.

Снова заиграл оркестр. Гроб поставили в вагон. Все молча обнажили головы. Старичок-железнодорожник задвинул дверь вагона и мелом написал: «Срочный возврат».

Шура с чемоданом вышла в привокзальный скверик. Села на скамейку, закурила. Кривоногий дед подметал дорожку.

— Дед, где здесь переночевать можно? — спросила Шура.

Дед прищурился:

— С этим плохо. Людей уйма понаехало. Иди в поселок, может, кто пустит.

Откуда-то вынырнул оборванный мальчишка, проскулил:

— Тетенька, дай пяточок...

— Зачем тебе?

— Жалко? Тогда дай докурить.

— Курыка нашелся. Катись отсюда!

— Если не дашь — плюну в морду, а у меня сифилис!

Шура вскочила, хотела схватить мальчишку за пиворот. Он перепрыгнул через низкий штакетник сквера и упал. Вскочил, но тут же, охнув, сел на землю.

— Что? — наклонилась над ним сердито Шура.

— Нога! — простонал мальчишка.

Истошный вопль раздался в низеньком бараке, что стоял недалеко от станции.

— Чего орешь? Уже все, — сказала Шура, опуская Васькину ногу.

Васька лежал на кровати поверх солдатского одеяла. Шура села на табурет рядом, осматривала неприбранную комнату, отделенную фанерной перегородкой от других помещений барака.

— Ты с кем живешь?

— С отцом.

— А мать где?

— Нету. Сбежала.

— А отец кто?

— Фролов. В ночной. Электрик.

— Понятно. Тогда я у вас переночую... Он — электрик, а ты — хулиган.

— Я не хулиган, — буркнул Васька.

— А кто? Робин Гуд? Слышал про Робин Гуда? — Шура вздохнула. — Так вот, Робин Гуд из тебя не получится.

— Почему?

— «Тетенька, дай пяточок!» — переразнила Шура. Она достала из чемодана колбасу, хлеб, банку с маслом.

Васька оживился, прихрамывая, добрался до стола.

— Сначала порядок в комнате наведем, — предложила Шура.

— Да ну его! — махнул рукой Васька. — Давай заправимся.

— Где веник? — строго спросила Шура.

В коридоре на двери листок бумаги. От руки написано: «Партком». В комнате Ларисы на стене большой плакат: «За матюг штраф 5 коп. на постройку цеппелина «Клим Ворошилов». Под плакатом — ящик.

За столом сидит Лариса, напротив — Шура. В углу, за другим столом, — заместитель секретаря Дугин.

— И работу найдем, и с жильем устроим, — говорит Лариса. — Люди нам позарез нужны. Правильно сделала, что к нам приехала. Я тебя сейчас на довольствие поставлю. — Она стала писать записку.

В комнату вошли двое мужчин: один совсем молодой, широкоплечий, другой уже с проседью в волосах.

— Лариса Васильевна, мы на площадку. Вы с нами? — спросил молодой.

— Нет. С вами Дугин пойдет. Знакомьтесь! Наш директор и начальник стройки, — она показала на молодого, — Иван Дмитриевич Егоров, а это главный инженер Семен Михайлович Матвеев... А это... Александра...

— Просто Шура.

— Хорошо, просто Шура Быстрова. Из Москвы, поработать у нас хочет.

— Прекрасно! — сказал Егоров. — Только извините, мы сейчас спешим... Пошли, Василий! — Это уже относилось к Дугину.

Егоров и Матвеев вышли. Дугин спешно прятал в стол бумагу. Лариса снова принялась за записку.

— А скажи, пожалуйста, — спросила Шура, — Найденов Сергей у вас работает?

— Какой Найденов?

— В Москву к Орджоникидзе приезжал. Он, толстяк Калина...

— Ах, эти! Их в Германию на практику отправили!

Дугин остановился на пороге и через плечо сказал:

— Разврат это: нашим рабочим ездить к буржуйам учиться.— И ушел.

— Что он сказал? — не поняла Шура.

— А, — махнула рукой Лариса, — мы с ним спорим, спорим...

У мартеновской печи работает одетый в щегольскую спецовку Сергей. Завершается разливка металла. В стороне, наблюдая, стоит мастер Гуммель, потом подходит к Сергею.

— Вы будете работать хорошо, — одобритительно кивает он головой. — Смекалка есть.

— Я думал, не раскроете вы своих секретов. Спасибо!

— Англичапам, французам не раскрыл бы, — улыбается Гуммель. — А вам, пожалуйста! Пока вы там в России их освоите, мы, немцы, придумаем что-нибудь новое! — Он захохотал, потом порывлся в своем шкафике. Достал какую-то фотографию. — Вот, все хочу вам показать. В прошлую войну я воевал на русском фронте. Это у вас, на Украине... Вот я... — Он показал на фото. — В мире есть два храбрых солдата: русский и германский! Такого солдата может породить только великая нация! Россия и Германия! Остальное — дерьмо!

— Вы что, господин Гуммель, собираетесь воевать?

Гуммель посерьезнел:

— Только не с вами! Не приведи бог столкнуться с вами в следующей войне! — Гуммель спрятал фотографию. — Видите ли, господин Найденов, мир прогнил и взбесился. Поэтому у вас к власти пришли коммунисты, а у нас придем мы, национал-социалисты. Мы сумеем навести порядок! А что думают о будущем в России?

— Что думают о будущем в России, знает весь мир. Мы строим социализм и хотим мирной жизни.

— Ну, мирная жизнь, как известно, короткая передышка между войнами. Человечество должно очищаться. Для этого

нужна война. Война сплачивает нацию, поднимает патриотический дух. Человек начинает понимать, во имя чего он живет! Вы знаете, господин Найденов, самое меньшее число самоубийств бывает во время войн...

Сергей жил на частной квартире. Хозяева были в отъезде. Поздно вечером он сидел в своей комнате, заканчивая разбор записей, сделанных днем на заводе. Отложив в сторону тетради, с удовольствием вытянулся на стуле, закурил. За окном на улице послышались крики. Сергей вышел на балкон. На мостовой трое парней преследовали девушку. Один схватил ее за рукав, но она оттолкнула парня и вбежала в подъезд дома.

Сергей поспешил в переднюю. Услышав шум на лестнице, открыл дверь. Девушка вбежала в квартиру, захлопнула дверь, притаилась, тяжело дыша. По лестнице прогремывали чьи-то шаги. Кто-то выругался. И все смолкло. Девушка посмотрела на Сергея, жалко улыбаясь. Лицо ее было в грязи.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Пошли, помойся, — сказал Сергей.

Он зажег в ванной свет. Прошел к себе в комнату, посмотрел в окно. На противоположной стороне улицы маячила чья-то тень.

С полотенцем в руках вошла девушка, тоже посмотрела в окно и быстро погасила в комнате свет.

— Пожалуйста... Извините... Я боюсь... — зашептала она.

— Садись! — Сергей пододвинул ей кресло. — А за что они тебя?

— За брата. Политика.

— Коммунист?

— Кто?

— Брат.

Девушка заморгала:

— Не знаю.

— Эх, ты, малограмотная, — сказал Сергей. — Как тебя зовут?

— Эльза...

— Меня Сергей. Я из Москвы.

— Москва! — обрадовалась Эльза.

На лестнице опять послышался шум.

Эльза вскопчила, прижалась к Сергею.

— Не бойся! — успокоил он.

Шаги смолкли.

— Что с тобой делать? — усмехнулся Сергей. — Ночуй здесь. Хочешь?

— Хочу.

Сергей взял со стола тетради и блокнот, положил их в чемодан, запер его и задвинул под кровать.

— Ложись здесь, — он показал на свою кровать и вышел в переднюю. Там он уселся в кресло-качалку, что стояла в углу.

— Сергей! — неожиданно позвала его Эльза. — Сергей!

Он встал, открыл дверь в свою комнату. Эльза уже лежала в постели.

— Ложись, — показала она рукой рядом с собой.

— Ты что?! — задохнулся Сергей. — Я думал... революционерка. А ты... — Он схватил со стула платье Эльзы, со злостью бросил его на кровать. — А ну, марш отсюда!

— Что ты? — испугалась Эльза. — Ты спас меня...

— Дура... — Он захлопнул дверь, снова сел в качалку. Качаясь, хмурился, о чем-то думал.

Сергей вздрогнул и проснулся. Прислушался. Из его комнаты доносился шелест бумаги. Сергей тихо поднялся с качалки, неслышными шагами подошел к двери и заглянул в щелку. Эльза, выдвинув из-под кровати его чемодан, собирала его тетради и блокноты, торопливо прятала их за пазуху. Одним прыжком Сергей ворвался в комнату. Эльза сдавленно вскрикнула, бросила тетради, которые были в руках. Не раздумывая, Сергей схватил Эльзу в охапку, перевернул вниз головой и, придерживая юбку, сильно встряхнул девушку. Два блокнота упали на пол.

— О боже! — простонала она.

— Паспорт! — приказал Сергей.

— Переверните меня, — попросила Эльза.

— Паспорт! — повторил Сергей.

— О боже! — Эльза сунула руку за блузку и протянула Сергею его паспорт.

Осенние тучи плыли над Москвой. Куранты на Спасской башне пробилж пять раз. В этот предрассветный час Красная площадь была пустынна. Из кремлевских ворот выезжала машина. Серго Орджоникидзе сидел рядом с шофером. Сзади — Семушкин.

— Что Турмачев? — спросил Серго.

— Звонил. Ждет в Коломенском, — ответил Семушкин.

Машина, попетляв по улицам, выехала из города.

Рассветало.

В Коломенском на обочине дороги стояли три машины и группа военных около них. Курили, переговаривались.

Подъехала машина Орджоникидзе. От группы военных отделился один в длинном кожаном пальто. Четыре ромба поблескивали на петлицах. Это был Турмачев.

Серго вылез из машины. Козырнув друг другу, Турмачев и Серго крепко обнялись.

— Почему не заходишь? — спросил Серго.

— Дела.

— Дела, дела! — пробурчал Серго. — Двух часов поспать не дал. В следующий раз на Политбюро буду голосовать против всех ваших предложений. Скажу: последнего сна лишили. Или на полигоне спать предложешь?

— Сядем ко мне в машину. — Турмачев открыл дверцу своего автомобиля и приказал шоферу: — Ты, Ваня, пересядь в машину наркома. Нам посекретничать надо.

Турмачев сел за руль, Серго рядом. Машина рванула вперед. Серго поморщился:

— Только не гони как дьявол. Я — нарком. Меня жалеть надо.

— Как прикажешь, Григорий Константинович,— улыбнулся Турмачев.

Некоторое время они ехали молча.

— Рано я тебя поднял, говоришь? — начал Турмачев.— Вот теперь спешим. Надо спешить! А когда я четыре года назад подал докладную, в которой ставил вопрос о необходимости полного технического перевооружения всей нашей армии, ты знаешь, чем это кончилось: был назван безграмотным марксистом, обвинен в желании милитаризировать страну... и чуть ли не во вредительстве...

Серго резко повернулся к Турмачеву и почти закричал:

— А на какой базе, черт тебя подери, ты предлагал тогда осуществить это перевооружение? Где ты собирался строить тысячи танков, самолетов, пушек? В примусной мастерской? Молчи! Не перебивай! Тебе специальные заводы нужны! А у нас четыре года назад своего тракторного завода не было. А металл? Сталь, чугун, медь, железо, уголь, нефть, вольфрам?.. Специальные стали до сих пор из-за границы ввозим. Я тебе сказал, помолчи! А что тебя рубанули сгоряча, так кого из нас не рубали?

— Сейчас не гражданская война,— сказал Турмачев.

— Ну извини, я не согласен. Революция-то продолжается!

Турмачев повернулся к Серго.

— Ты вперед, вперед смотри! — забеспокоился Серго.— Вообще, если все твердят одно и то же — это плохо. Столкновение мнений — это жизнь. У меня просто слабость на спорщиков. Да, да! Люблю, когда кроют!

— Ну, по-моему, не все это любят.

— А знаешь, я думаю, мы никогда не разгромили бы оппортунистов, троцкистов, уклонистов, не очистили партию от оппозиции, если б не умели спорить.

— Это уже другой вопрос.

— Характер у тебя, товарищ командарм, прямо скажем, нелегкий...

— А у тебя?

— И у меня! — обрадовался Серго.— У меня ужасный характер! Со мной, например, нельзя было бы жить в коммунальной квартире! У нас, Алексей, у всех паршивые характеры... Хороший характер, знаешь у кого?

— У кого?

— Только у Клары Цеткин.

— Почему?

— Не знаю.

Оба засмеялись.

Впереди на шоссе показалась стайка мальчишек на самокатах. Турмачев дал протяжный сигнал. Мальчишки не обратили внимания.

— Вот дьяволы дети! — выругался Серго.— Останови!

Он выскочил из машины, подбежал к ребятам, схватил двоих в охапку, крикнул Турмачеву:

— Хватай остальных! Отвезем в милицию, пороть будем.

— Не тронь! — вырвался один из пойманных.— Теперь пороть запрещено!

— А кататься посреди дороги не запрещено? Сбоку дороги места не хватает?

— Так он не идет сбоку. Ему асфальт нужен,— показал на самокат другой мальчишка.

— В футбол играете? — спросил, улыбаясь, Серго.

— Нет... Нет мяча! — закричали дети.

— Лгуны! — вмешался подошедший Семушкин.— А это что? — он показал на облепленный грязью лежащий у обочины мяч.

— Дяденька, наподдай! — крикнул рыжий мальчишка.

Семушкин красиво размахнулся, с силой ударил ногой по мячу, но он остался на месте, а Семушкин со стоном присел.

— Что такое? — спросил Серго.

— Так он же цементный! — крикнул рыжий.

Серго нахмурился, но тут же отвернулся, пряча улыбку.

И снова по шоссе мчались машины.

Серго повернулся к Турмачеву:

— Алексей, когда нам придется воевать?

— Лет через десять...

Серго закрыл глаза.

— О чем задумался, Григорий Константинович? — спросил Турмачев.

Серго помолчал, потом сказал:

— Вернемся к нашему разговору. Я тебя убедил?

Турмачев ответил не сразу.

— Видишь ли, Григорий Константинович, если солдат совершит ошибку, он за нее платит своей жизнью. Ошибка ротного командира стоит жизни уже десятку бойцов. А сколько жизней стоит ошибка полководца, командующего? А я — командарм. Я за многое в ответе. Сколько нужно металла, какие нужно строить заводы, где брать деньги — об этом должен думать ты. Я же сажусь тебе на шею!

— Садись, дорогой, садись. Моя шея все выдержит! Недаром же она, черт побери, называется тяжелой, моя промышленность...

Машины мимо сторожевой будки въехали на полигон. Часовой козырнул.

Народный комиссариат тяжелой промышленности. В приемной у кабинета Орджоникидзе, где в углу стоял стол Семушкина, вдоль стен сидели люди.

— Здравствуйте, товарищи! — Нарком появился в дверях подтянутый, радостный, улыбающийся.

Все поднялись. Серго здоровался с каждым за руку.

— Здравствуйте, профессор Тушнов!.. Здравствуй, Федяев!.. А ты кто? — обратился он к невысокому мужчине, который впился глазами в наркома.

— Это, Григорий Константинович, изобретатель-самоучка из Загорска, по государственному делу, — пояснил Федяев. — Булетов его фамилия. Он будет полезен на совещании.

— Да? — Серго с интересом оглядел

Булетова. — Хорошо!.. Что у тебя, Сидоренко? Здравствуй.

— Проект инструкции, вы просили показать до заседания.

— У-у! Сколько ты написал-то... Любишь писанину. Разложи листы на столе Семушкина в один ряд, как китайскую грамоту, — попросил Серго.

Сидоренко отошел к столу Семушкина, стал раскладывать листки.

— А что с тобой, Иванов? Бледный ты что-то, — обратился Серго к молодому человеку с перевязанным горлом.

— Да вроде ангина, Григорий Константинович, чепуха.

— Ангина — не чепуха. Иди сюда, — Серго подвел Иванова к окну. — Открой рот, скажи «А-а-а». Я же фельдшер. Ну!

Иванов, смущаясь, открыл рот. Серго покачал головой.

— Лежать тебе надо! Анатолий! — позвал он Семушкина. — Дай-ка бумагу. Я тебе, Иванов, сейчас полоскание выпишу.

Семушкин подал бумагу и ручку. Серго стоя стал выписывать рецепт.

— А у меня, Иванов дорогой, к тебе вопрос. Скажи, на твоём заводе могут изобрести велосипед?

— Так он же давно изобретен!

— Что ты говоришь? — изумился Серго. — Тогда у меня просьба, личная. Не смог бы ты наладить выпуск детских велосипедов, а? Понимаешь, дорогой, совсем мы о нашей детворе забыли. О нашей смене! А ведь смена смене идет, а?

— Идет, — закивал Иванов.

— Вот видишь! А у них ничего нет. Скучно зато пацанам, голодно зато. Давай их порадуем! Ты, Иванов, подумай, поможешь, а потом мне доложишь, идет?

— Попробую, Григорий Константинович.

— Вот и спасибо! А сейчас иди в аптеку!

Серго подошел к столу Семушкина и пальцами — от большого до мизинца — быстро измерил общую длину листов, разложенных Сидоренко.

— Шесть! Сократи до четырех! Вечером придешь — сократим вместе до трех!..

Серго открыл дверь в кабинет:

— Прошу, товарищи!

К перрону Ярославского вокзала подкатил пассажирский поезд. Из вагона вышла Лариса и с нею еще трое мужчин.

— У нас,— сказал один из них, посмотрев на часы,— три с половиной часа свободного времени. Бросим в гостинице чемоданы, вакусим, и в наркомат. Вот только Лариса...

— Что Лариса? Пойду в парикмахерскую, сделаю модную плойку!

Засмеявшись, все пошли к выходу.

В кабинете Серго продолжалось совещание.

Одергивая гимнастерку и поглаживая бритую голову, ораторствовал Федяев.

— Случай на полигоне, я имею в виду неудачу с броней, касается, в первую очередь, армии, а поэтому требует немедленных решений... Наша армия стоит на страже...

— Извините, я перебыл вас,— вмешался Серго.— Судя по записке, вы хотите рассказать нам то, что нам уже известно. Не стоит терять время, прошу прямо к делу. У тебя, Федяев, есть предложения?

— Есть. И конкретные.

— Выкладывай.— Серго вышел из-за стола, остановившись сбоку.

— Во-первых,— сказал решительно Федяев,— надо... вы уж, товарищи ученые, на меня не сердитесь, изменить социальное происхождение профессорского состава...

— То-есть, как изменить? — не понял Серго.

— Сейчас у меня в институте все специалисты из буржуазной среды...

Серго покачал головой:

— К сожалению, дорогой директор, нету у меня других специалистов!

— То-то и оно! — согласился Федяев.—

Взять, к примеру, нашего руководителя, ученого профессора Тушнова. Ему бы после дела шахтинских вредителей, после процесса вредителя Рамзина сделать выводы, а он?..

— Погоди,— перебил Серго.— Ты что, обвиняешь профессора Тушнова во вредительстве? Тогда его надо судить!

Федяев замаялся:

— Судить, может, рано.. Но вообще-то можно и судить! Оборонное задание не выполнено? Не выполнено! Факт! И я не думаю...

— А надо думать,— вскипел Серго.— Сядь!

Федяев пожал плечами, сел. Серго молча прошелся по кабинету.

— А что вы, профессор, скажете?

Тушнов поправил галстук:

— Мне сказать нечего.

— Почему же нечего? — Серго подсел к Тушнову.— Говорите.

— Не хочу,— Тушнов отвернулся к окну.

— Видали! — торжествующе сказал Федяев.— Характер! Поруководи таким!

Тушнов резко встал:

— Плохой характер или хороший, уважаемый директор, это не профессия! Чтобы руководить, надо хоть что-то знать. А я опух, понимаете, опух от идиотских предложений, вопросов, советов! Он,— Тушнов кивнул в сторону Федяева,— понимаете, гневался на меня недавно за то, что я не выписываю научную литературу на американском языке! Я битый час ему доказываю, что такого языка нет. Не верит! Объясните вы ему, может, он вам поверит, товарищ народный комиссар, что американцы читают по-английски. Если вы, конечно, сами об этом знаете! Извините! — Тушнов резко сел и замолчал.

— Ну, дальше, дальше, продолжайте, профессор! Вы еще только подходите к обсуждаемому вопросу.— Серго смотрел на Тушнова с лукавым любопытством.

Профессора снова как подбросило:

— Нельзя, нельзя, товарищи, свое неве-

жество, бесхозяйственность, порой глупость оправдывать тем, что где-то есть вредительство!

— Правильно, профессор! — крикнул радостно Серго.

— Вы посмотрите, какие кругом люди! — продолжал Тушнов. — Какой энтузиазм! Какие таланты!

— Правильно! — поддакнул Федяев. — Таланты есть. Вот, я пригласил сюда товарища Булетова. Встань, Булетов!

Булетов встал, заморгал глазами. Все повернулись к нему. Федяев гордо оглядел присутствующих:

— Зачем я его сюда привел?

— Да, зачем? — спросил Серго.

— Это, товарищ народный комиссар, настоящий талант! И классовое происхождение подходящее. Расскажи о своем социальном происхождении...

— погоди, — перебил Серго, — в чем его талант?

— Продемонстрируй, — приказал торжественно Федяев.

Булетов протянул Серго толстую клеенчатую тетрадь. Орджоникидзе с любопытством начал листать ее.

— Вот, товарищи! — продолжал Федяев. — Человек, можно сказать, сам замечательную броню для нашей армии изобрел!

— Замечательную, говоришь? — Серго протянул тетрадь Тушнову. — Посмотрите, пожалуйста, профессор.

— На странице восьмой, — робко подсказал Булетов.

Тушнов нашел нужную страницу.

— Мы, товарищ Серго, — ораторствовал Федяев, — изготавливаем опытный лист этой брони.

Тушнов положил тетрадь на стол:

— К сожалению, эта рецептура давно известна. Англичане отказались от нее в империалистическую войну, в пятнадцатом или шестнадцатом, не помню, году.

— Я сам, без англичан работал, — обиделся Булетов.

— В науке, к сожалению, так бывает, —

посочувствовал Тушнов, — человек тратит годы, иногда жизнь на поиски того, что давным давно всем известно. К сожалению...

— Это еще нужно проверить! — настоялся Федяев.

— Проверяйте, — согласился Тушнов.

Серго подошел к своему столу, придвинул блокнот:

— Позвонишь мне в среду, Булетов, мы с тобой побеседуем... — И обращаясь к Семушкину, попросил: — Толя, дай ему номер телефона... А сейчас продолжим разговор, — Серго вернулся к Тушнову. — Скажите, товарищ Тушнов, — Серго в упор смотрел на профессора, — что, по-вашему, необходимо, чтобы в кратчайший срок получить желаемую броневую сталь?

— Опыты, опыты и опыты... И для этого нужны специалисты-сталеплавильщики.

— Будут. Мы дополнительно послали на практику в Германию и Америку молодых рабочих. Что еще?

— Еще мне нужны помощники, ассистенты, лаборанты. Как ни парадоксально, но ценить надо мою голову, а не мои мозолистые руки! Я могу, конечно, раздувать тигель, таскать воду, мыть пробирки, но это расточительство! Бесхозяйственность! Вы мне еще в прошлом году обещали увеличение штатов.

— Я издал приказ! — вспыхнул Серго. — Почему он не выполнен? Кто отменил мое распоряжение?

— Вы сами, — сказал Семушкин.

— Я?

— Да. — Семушкин достал из папки бумаги. — Вот: в марте подписан приказ об увеличении штатов института. В апреле вами издан приказ о режиме экономии. На основе этого приказа в мае штаты института урезаны по сокращению штатов...

Серго схватился за голову:

— Это же идиотизм! — простонал он. — Где Сидоренко? Немедленно ко мне! Нет! Я сам пойду к нему! Бюрократы! Черт знает что! Издаешь приказ — думаешь: откармливаешь барашка, а глядишь, тебе

Орджоникидзе — актер Эдишер Магалашвили, Шура — актриса Алла Будницкая

ведут двугорбого верблюда! Извините, товарищи... Профессор, пока я разберусь в бумажных завалах Сидоренко, составьте предварительный список всего, что вам необходимо: штаты, оборудование, в том числе заграничное, помощь других институтов, заводов... Перерыв на двадцать минут, товарищи. На втором этаже у нас буфет...

Егоров и Матвеев стояли в коридоре гостиницы «Берлин». Матвеев осторожно постучал в дверь номера. Никто не ответил.

— Ну, ты уж слишком по-интеллигентски, так и не услышишь. А она, наверное, спит,— сказал Егоров и бухнул в дверь кулаком. Но и на сей раз никто не отозвался.

— Может, она действительно в парикмахерскую пошла,— заметил Матвеев,— ведь у нас в Рудном, Иван Дмитриевич, причесаться почти невозможно: все хотят быть строителями и никто—парикмахером.

В конце коридора показалась Лариса. Волосы ее были уложены плойкой.

— Лариса Васильевна! — галантно склонился Матвеев.— Вы просто очаровательны. Позвольте предложить вам руку.

— Вот, Иван Дмитриевич,— сияла Лариса,— учитесь. А вы во мне только партийного секретаря видите... А где Грэвс?

— Он пошел искать водку или коньяк и сказал, что будет ждать нас у входа.

Серго в своем кабинете, взобравшись на стул, открыл форточку. У стола сидел мрачный Федяев.

— Знаешь, Серго, не по мне эта научная сбруя. Перед этими профессорами да академиками я — дурак.

Серго похлопал Федяева по плечу, улыбнулся:

— Когда дурак говорит, что он дурак, значит, он уже не дурак.

— Освободи меня от этой работы.

— Молодец, Федяев! Я, честно говоря,

снять тебя собирался, но раз ты сам понял, честь тебе и хвала! Заходи на той неделе, подумаем, куда тебя устроить.

— Послушай, Серго, ты меня давно знаешь, еще с гражданской. Возьми меня к себе в наркомат. Не пожалейшь.

— Понимаешь, дорогой,— вздохнул Серго,— мой наркомат очень сложное учреждение. Здесь могут работать только ученые люди, образованные. Одно место есть, где неученый может работать, но, извини, я себе его взял.

Из подъезда наркомата вышел мрачный Федяев. Его поджидал Булетов.

Они молча пошли через площадь.

В кабинете Орджоникидзе сидели приехавшие из Рудного.

— Вот, дорогие товарищи, и до вашего Рудного очередь дошла,— радовался Серго.— Будем и у вас вести реконструкцию и стройку со всем большевистским размахом. Проекты привезли?

Егоров показал на рулон и папки:

— Все здесь.

— Должен вас огорчить...— Серго выдержал паузу,— и порадовать. Ваши проекты... устарели. Центральным Комитетом партии принято решение увеличить мощность вашего комбината против проектной вдвое.

Все радостно зашумели.

— Я правильно понял? Вдвое? — переспросил американский специалист Грэвс.

— Совершенно правильно, мистер Грэвс,— сказал Орджоникидзе.— Сейчас разберемся. Но сначала, как устроились? Может, есть просьбы?

— Уж если так,— сказала решительно Лариса,— у меня просьба, Григорий Константинович, личная.— Она достала из кармана и протянула Серго лист бумаги.— Дайте хоть на три дня отпуск, больше года мужа не видела.

— Он где?

— Во Ржеве, на партработу его направил.

— А тебя на Урал, в Рудный,— Серго вздохнул.— Да, Цека играет человеком...

— От Москвы рукой подать, я бы мигом обернулась. Когда еще такой случай представится? — Лариса умоляюще смотрела на Серго.

Орджоникидзе нажал кнопку звонка, укрепленную у края под столом. Вошел Семушкин.

— Анатолий! Срочно дай в Ржев телеграмму-молнию! Правительственную! От моего имени. Попроси, чтобы немедленно на три дня для встречи с женой прислали в Москву Федорова...

— Константина Николаевича,— подсказала Лариса.

— А ей,— сказал Серго,— сейчас же устрой лучший номер в гостинице. Хочешь в «Савой»? — повернулся он к Ларисе.

— Мне все равно,— растерялась Лариса.

— В «Савой» ее! Люкс ей! С ванной там, вазами, зеркалами! И продукты ей организуй, яблоки, апельсины, сыру, в общем, сам сообразишь! А тебя отпустить, Лариса, сейчас никак не могу. Думаю, так будет лучше.

— Спасибо, Григорий Константинович!

— Это тебе спасибо. Еще есть вопросы?

— У меня,— сказал Грэвс.— Мистер нарком, почему у вас в буфете не продают ни коньяка, ни водки?

Вечер.

Радостная Лариса с большим свертком появилась в холле гостиницы.

— Сорок четвертый номер,— попросила она ключ у портье.

— Ваша фамилия Федорова? — спросил тот.

— Федорова.

— Вам телеграмма.

Лариса нетерпеливо вскрыла ее и прочла: «Приехать не могу конференция гтч Целую люблю Константин».

Сергей стоял в центре огромного цеха и смотрел, как под крышей, позванивая, медленно ползет мостовой кран.

— Что, Сережа, еще неделя, и ту-ту? — спросил мастер. — Москва?

Неожиданно загудел гудок. Кран остановился. Рабочие оставляли работу и направлялись в раздевалку.

— Что-нибудь случилось? — спросил Сергей.

Лицо мастера стало торжественно-строгим.

— Через полчаса Гитлер будет говорить по радио, — сказал он, — и вам тоже следует послушать.

Рабочие молча умывались, переодевались.

...Во дворе вокруг столба, на котором был укреплен репродуктор, стоял народ. Гуммель наблюдал за порядком. На его рукаве черпела повязка со свастикой.

По радио зазвучали фанфары. Заговорил Гитлер... Толпа внимательно слушала.

Сергей подошел к Гуммелю:

— О чем он говорит?

— Об унижении Германии. О реванше. О пересмотре границ, — торжественным шепотом ответил Гуммель.

Речь Гитлера становилась все истеричнее. Толпа паляризовалась. Головы тянулись к репродуктору, покачиваясь в такт судорожной речи фюрера. Некоторые рабочие плакали.

Вечером в Рудный привезли кино. На щите висело объявление: «Месс-Медд». 1-я серия. Начало в 7 час. вечера».

К деревянному, наспех сколоченному клубу стекался народ. Пришла и Шура. Стала в очередь за билетами.

— Здравствуй! — шлепнул Шуру по спине Васька. Он схватил ее за руку и вытащил из очереди. — Стой здесь. Отец билет купит, наша очередь подходит.

Васька исчез, но через минуту снова появился вместе с отцом, худым средних лет мужчиной.

— Вот, знакомьтесь, — приказал Васька. — Сядем вместе.

...В кинозале Шура сидела между Васькой и его отцом. На экране бушевали волны. Сквозь шторм плыл корабль. Васька украдкой поглядывал то на отца, то на Шуру.

На экране появилась каюта, а в ней качающийся из стороны в сторону гроб...

Васька впился в экран.

...Крышка гроба начала сползать. Упала на пол... В гробу поднялся покойник...

В зале кто-то вскрикнул. Васька схватил Шуру за руку.

...В каюту вошел Чиче, набросился на покойника, пытаясь заткнуть ему рот ватой...

В этот момент в клубе зажегся свет. Зрители затопали ногами. Васька свистнул...

В клуб вошли Лариса и Сергей Найденов.

— Лариса Васильевна, идите сюда! Мы для вас местечко держим, — крикнули из третьего ряда.

— А я с поношением, — сказала весело Лариса.

Шура обернулась и узнала Сергея. Он тоже увидел ее. Изумился:

— Шура! Откуда?

— Да! Ведь вы знакомы! — обрадовалась Лариса. — Пошли, — кивнула она Шуре, — уместимся!

Шура встала. Сергей протянул ей руку. Она подала свою. И Сергей буквально вытянул ее из ряда:

— Ты что, в командировке? Или как?

— Какая командировка! — ответила за Шуру Лариса. — Она тут у нас... ударница...

Свет в зале потух. Картину начали показывать дальше.

Васька сердито посмотрел на отца, зло сказал:

— Зачем отпустил? Эх, ты! Квасу бы купил ей, что ли...

Орджоникидзе — актер Эдишер Масалашвили, Найденов — актер Сергей Сазоньев

В старом мартеновском цехе шел митинг. Выступал Сергей Найденов.

— В Германии к власти пришли фашисты,— говорил он.— Они преследуют коммунистов, жгут книги на площадях, устраивают еврейские погромы. Они открыто говорят о подготовке к войне. Мол, Германии не хватает жизненного пространства. А кому его не хватает? Капиталистам для эксплуатации!

Лариса смотрела на Сергея. Удобная, чистая спецовка ладно сидела на нем. Говоря, он вскидывал голову, и его льянной чуб задорно взлетал.

— Но должен сказать,— продолжал Сергей,— на заводах у них работа налажена. Дело свое там каждый знает. Техника у них высокая. И кое-что новое я у них узнал, хотя, скажу, по мастерству наши старые мастера, такие как дядя Андрей, у которого я проходил первую науку, им не уступят.

Все одобрительно загудели.

— А еще я вот что скажу. Они ведь на

капиталистов работают, а работают аккуратно, чисто. Все правила соблюдают. А у нас? Вот Серго меня в Москве спросил, как там у них шихту сортируют? Я ответил, что у них существует двадцать четыре класса шихты. А у нас, в Рудном? — спросил Серго. Один класс,— сказал я.— А ты знаешь,— спросил Серго,— как этот класс называется? Он называется — мужицкий, лапотный. А мы от лапотной России уходим, социализм строим. Значит, и работать должны по-социалистически, лучше, чем у капиталистов.

Все зааплодировали.

— Товарищи! — выступила вперед Лариса.— Найденов здесь осветил международную обстановку и все прочее. Вы видите, как империалисты точат зубы против страны Советов. Они и здесь, у нас, имеют свою агентуру. Классовый враг не дремлет. Он вредит там где только можно. Вчера во втором цехе в вентиляционную трубу кто-то засунул ватник. Доступ воздуха прекратился, и паровик перегрелся...

— Давить гадов! — крикнул кто-то.

— Правильно! — кивнула Лариса. — Они от нас не уйдут! Но и мы зевать не должны. Надо покончить с ротозейством и беспечностью. Вчера на строительстве нового металлургического цеха принято решение еще на месяц сократить срок его ввода в строй.

— Ура! — прокатилось по цеху.

Грохочут на стрелках колеса. Мчится спецпоезд наркома Орджоникидзе: три вагона и паровоз...

На рассвете поезд подошел к Рудному. Остановился за вокзалом на запасных путях. Из вагона вышли Серго и Семушкин. Кругом никого.

— Что, Анатолий, делать будем? — пожевываясь от утренней прохлады, спросил Серго.

— А я знаю, — хмуро ответил Семушкин. — Мы же сообщили, что приедем в десять. А сейчас семь. Может, отдохнем, чайком погреемся?

— Что-то стареть стал, джигит!

— Да это я так! — махнул рукой Семушкин. — До стройки-то пять километров. Пойду поищу транспорт. На грузовике поедешь?

— Хоть на телеге.

...Пылит по дороге телега. В нее запряжен верблюд. Погоняет его девушка-кавашка. Рядом с ней трясутся Серго и Семушкин.

— Давай, давай, Дип! — Девушка хлестнула верблюда кнутом.

— Как, как ты его назвала? — удивился Серго.

— Дип его кличка. Это сокращенно, а полностью — «Догнать и перегнать!».

Серго улыбнулся:

— Ты давно на стройке?

— Первый год. Нас сто человек приехало. Женщины Востока на стройке. В газете писали. Не читал?

— Читал, читал, — вмешался в разговор Семушкин. — Ты правь аккуратнее, а то в канаву опрокинешь...

Девушка сверкнула зубами:

— Держись за меня, не выпадешь!

Впереди показалась развилка дороги.

— А эта дорога куда? — спросил Серго.

— В поселок. А к начальству — прямо, — ответила девушка.

— Отвези нас сначала в поселок, — попросил Серго.

Телега свернула направо, и вскоре они въехали в поселок. Здесь были и трехэтажные дома, и бараки, и землянки-временки, и какие-то будки, покрытые толем. На печурках, построенных прямо под открытым небом, стояли кастрюли, чайники, ведра, сковородки.

Серго нахмурился.

— Как поселок назвали?

— Новый быт! — с гордостью сообщила девушка.

— Молодцы! — буркнул Серго. — Красиво назвали, проникновенно... Вот что, Толя, езжай, разыскивай начальство, а я пройду.

— Только далеко не уходите, — строго сказал Семушкин. — А то опять потеряетесь. Я, честное слово, искать не буду!

— Слушаюсь, — козырнул Серго.

Перешагивая через кучи битого кирпича и земли, Серго подошел к баракам. Завернул за угол.

Прямо перед ним девушка купалась в корыте, ее подружка поливала ей из чайника. Серго оторопел. Девушки, увидев мужчину, завизжали.

— А ну, ходи отсюда! — зло крикнула та, что держала чайник, и плеснула в Серго водой. Он отпрянул за угол.

У водопроводной колонки выстроилась длинная очередь женщин.

— Здравствуйте, товарищи женщины! — бодро поздоровался Серго.

— Здорово, — отозвался кто-то в ответ.

— А почему такая очередь? Что дают?

— Какаву, — ответил все тот же недружелюбный голос.

— Понятно! — насторожился Серго. — Что же не потребуете, чтобы вам еще колонок понастроили?

Женщины молчали. Одна мрачно сказала:

— Ты, мил человек, шел бы куда шел.

— А я к вам шел! Хотел расспросить о жизни. Довольны ли Советской властью или жалобы есть? Как с продуктами? Хорошо снабжают?

Женщины переглянулись.

— Как с хлебом-то? — не унимался Серго. — Вкусно пекут?

— Может, хочешь попробовать? — спросила пожилая женщина в мужском пиджаке.

— Если можно, угостите, пожалуйста! ..Серго сидел в общепитии за столом и жевал хлеб. Вокруг него толпились женщины.

— А сливочное масло дают детям? — спрашивал Серго.

— Как же! — отвечали женщины. — И тебе сливочное, и тебе не сливочное.

— Масла много, — вздохнула молодуха.

— И, говорите, каждый день ухитряются привозить молоко?

— Ухитряются, — кивали согласно женщины.

— А в выходной, бывает, и сливки привезут, — добавила одна из них.

— Сливки? — Серго нахмурился. — Что-то вы мне, дорогие женщины, арапа заправляете...

— Куда же мы тебе его заправляем? — удивились женщины. — Истинную правду говорим...

Серго поднялся.

— Куда же ты, мил человек? — засуетилась женщина в мужском пиджаке. — Мы же тебе еще про ширпотреб не рассказали.

В это время открылась дверь и в комнату вбежали запыхавшаяся девушка и милиционер.

— Слава богу! — крикнула женщина в мужском пиджаке. — Вяжите его, подкулачника!

— Руки вверх, — скомандовал милиционер и выхватил из кобуры наган.

По поселку пылил автомобиль. В нем стояли Семушкин и комендант поселка Митин. Семушкин с беспокойством поглядывал по сторонам.

— Может, он в контору зашел? — недоумевал Митин.

— Он по конторам не ходит, — покачал головой Семушкин.

Возле одного из барачков толпились народ.

— Стоп! — Семушкин выскочил из машины, подбежал к толпе. — Что случилось?

— Шпиона поймали, — ответила девочка. — Против Советской власти агитировал..

Из дома слышался шум и смех. Выбежала хохочущая молодая работница.

— Девчата! — крикнула она. — Вождя арестовали! Орджоникидзе это!

Все бросились в барак. Комендант Митин выскочил из машины, стал торопливо проталкиваться сквозь толпу.

В барачке стоял невероятный шум.

— Детишки в школе мерзнут, дров нет! — говорила высокая, худая женщина. — Дерьма заготовить не могут...

— И доктора сменить надо! — подхватила другая. — Наш совсем спился. Намедни прихожу к нему, говорит: раздевайся. Разделась. Он за грудь схватил, трубку приставил и заснул...

— А еще, товарищ нарком, — сказала старушка, — белых ниток нет. И сапожник очень уж нужен...

Тут заговорили все сразу.

— Тихо! — крикнул Митин.

Шум смолк. Митин подошел к Орджоникидзе. Отрапортовал:

— Митин, комендант поселка.

— Сначала с женщинами поздоровайся, — сказал Серго.

Митин стал здороваться с женщинами.

Серго похлопал его по плечу:

— Молодец, Митин! Вовремя пришел. Вот, садись за стол, доставай бумагу и за-

В роли Турмачева — Михаил Глузский

писывай. А вы, товарищи женщины, расскажите товарищу Митину, что мне рассказывали, к врачу сводите, насчет сапожника и ниток обсудите, за водой его пошлите, на колонку. А вечером мы с тобой потолкуем. Понял, Митин? А где начальник стройки? И председатель профсоюзного комитета?

По улице поселка стремительно шли озабоченные Егоров, Федорова, Матвеев, Дугин.

— Как получилось, не понимаю! Как снег на голову! — бормотал Егоров.

— А он всегда, как снег на голову, — сказала Лариса.

Навстречу в толпе строителей и детворы шагал Орджоникидзе.

Егоров почти подбежал к нему:

— Здравствуйте, Григорий Константинович! Откуда вы?

— А вот из Нового быта! Здравствуй, Егоров...

Егоров вытянулся, громко начал:

— Товарищ народный комиссар...

— погоди, Егоров, — прервал Серго, — рапортовать ты мне будешь по телефону, когда я уеду в Москву. А сейчас разреши мне самому осмотреть твое хозяйство. Новый быт я уже видел...

...Серго ходил по заводу и стройке. Остывал около грабарей, возивших землю на низкорослых крестьянских лошадах, разговаривал со строителями, взбирался по шатким мосткам к кровлям новых цехов. Было жарко. Серго вытирал пот. Тяжело дыша, присаживался отдохнуть на штабелях железных балок.

Полез Серго и на строящуюся домну, которую обкладывали изнутри огнеупорным кирпичом.

— Григорий Константинович, — не выдержал Егоров, — вы же устали. Может, не полезем?

— Уставать потом будем. — И Серго молодого пошел вверх по деревянным настилам.

Навстречу с пустыми носилками для подноски кирпича спускалась Шура со своей напарницей Таней. Увидев Серго, она вздрогнула и, как напавшая девчонка, попыталась спрятаться.

— Держи ее! — кричал Серго. — Держи ее, Анатолий!

Лариса и Егоров остановились пзумлепные.

Семушкин бросился к Шуре. Серго поманил ее пальцем:

— Иди сюда! Иди. Сейчас мы с тобой поговорим. Я ее по всей России разыскиваю, а она здесь. Ты что, написать не могла?

— Зачем тебя беспокоить? — отвернулась Шура.

— Креста на тебе нет! Беспокоить! — ворчал Орджоникидзе.

— А ведь и верно нет, — засмеялась Шура.

Серго обнял ее, расцеловал. Обращаясь к опешившим Егорову и Ларисе, сказал:

— Дочь моего боевого товарища... Значит, ты здесь работаешь... Молодец! Когда смену кончаешь?

— А мы с Таней уж час как кончили, да вот подзадержались, товарищам помогали.

— Узнаю! — Серго заговорщически подмигнул Шуре. — Идем с нами... Анатолий, держи ее и не отпускай!.. Хотя постой! Она же всю ночь работала. Да? Ей спать надо.

— Какой сон? — воскликнула Шура. — Разве я сейчас усну.

— Ну тогда пошли!

На шихтовом дворе шихтовщик Дименков, маленького роста коренастый мужичок с глубоко сидящими глазами, только что наполнил шихтой вагонетку, когда около него появился Найденев.

— Ты что ж, Дименков? — чуть не простонал он. — Я же тебе сколько раз говорил: сортировать надо шихту по кускам равной величины. От этого качество пла-

ки зависит, качество стали. А ты что делаешь?

Дименков молчал, что-то обдумывая.

— Ну, чего молчишь? — рассердился Сергей.

— Ордер на галоши дадите? — неожиданно спросил Дименков.

— Так тебе ж прошлый месяц уже дали! — удивился Сергей.

— Ничего, пригодится в хозяйстве.

— Ну и кулак же ты. Совесть-то у тебя есть?

— Из совести штанов не сошьешь. Мне за сортировку не платят. — И Дименков толкнул вагонетку.

— Стой! — кричал Сергей. — Сволочь! Уходи отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

В этот момент на шихтовом дворе появились Орджоникидзе, Егоров, Матвеев, Лариса, Дугин.

— Это кто ж тут ругается? Неужели товарищ Найденев? Вот не ожидал, — сказал Серго.

— Товарищ нарком... — решительно начал Найденев.

— Подожди! Как твоя фамилия? — обратился Серго к рабочему.

— Дименков...

— Так что же тут у вас, товарищ Дименков, произошло?

Лицо Дименкова приняло страдальческое выражение. Обиженным голосом он сказал:

— Вот шихта, говорит, не та... Да я ведь не спорю... объяснить надо, а не ругаться.

— Да, — Орджоникидзе заглянул в вагонетку, — шихту ты не сортируешь. Так нельзя... Но кричать советскому командиру производства тоже нельзя. — Глаза Серго стали жестокими и холодными. — Может, ты у капиталистов, товарищ Найденев, и видел и слышал такое, но мы, как ты знаешь, с такими порядками еще в семнадцатом году покончили.

— Простите, Григорий Константинович. Сорвался я... Но я объяснил ему...

— Значит, плохо объяснил, — сказал

Орджоникидзе и повернулся к Дименкову.— Что тебе было непонятно?

Дименков осклабился:

— Когда по-человечески, товарищ нарком, то все понять можно...

Серго снова сердито глянул на Найденова. И все окружающие — Матвеев, Егоров, Лариса, Дугин — смотрели на него осуждающе.

— А ты как сам с печью управляешься? Показывай.— И Серго пошел в цех.

Возле спецпоезда ходил часовой.

Серго в вагоне лежал на диване, держал на боку грелку. За столом Шура прихлебывала с блюдечка чай.

Вошел Семушкин.

— Соды дать?

— Давай,— поморщился Серго.

— Надо диету соблюдать, врачей слушаться,— ворчал Семушкин.— А вы? Что ни увидите — все в рот! Суп из воблы, пирожки на маргарине, повидло...

— Надо же знать, чем кормят рабочий класс!

— Ерундой кормят,— ворчал Семушкин.— Вы что, газет не читаете?

Серго покачал головой.

— Ох, Семушкин, до чего ты мне надоел. Вот, Шура, какой уж год терплю этого иезуита!

Зазвонил телефон. Семушкин снял трубку:

— Семушкин слушает... Сейчас. Там Егоров пришел.

Серго отбросил грелку, поднялся с дивана.

— Пропустите,— сказал Семушкин в телефон.

— Спасибо! Пойду,— поднялась Шура.

— Сиди,— приказал Серго.— Я еще с тобой разговаривать буду.

Вошел Егоров. Серго протянул ему руку, радостно спросил:

— Принес?

— Что? — не понял Егоров.

— Заявление. Чтобы я тебя освободил от должности.

Егоров, не говоря ни слова, достал из кармана заявление. Серго вспыхнул, заходил по вагону.

— Посмотрите на этого героя! Серго дал ему выговор, так он на Советскую власть обиделся! Не хочет больше работать! Каков гусь! Все, кому влезлю выговор, сразу заявления пишут! Молчи, сядь, Егоров.

Егоров сел около стола, Серго придвинул к нему свой стул, уселся.

— Ты пойми только одно: таких бешеных темпов как наша история не знала. И народ понимает, что или мы в кратчайший срок сделаем свою страну железной и стальной, или погибнем. Да, да! Если мы не выдержим, то стрелки истории могут оказаться передвинутыми на много лет назад.

— Да я все понимаю,— потер себе шею Егоров.

— Все да не все! Сталь, конечно, это сталь, и домны — это домны. А для чего? Не для самих же домен? А для тех, кто строит. Для народа. Ты понимаешь? Для народа! И хотя народ наш во имя завтрашнего дня, во имя ленинского дела отказался сегодня от многого, ты-то обязан, понимаешь, обязан дать ему все, что можешь дать. И тебе об этом думать. А ты Митину перепоручил да профсоюзному бюрократу...

— Выше себя не прыгну,— сказал Егоров.— На каждом шагу: того нет, этого нет! Никто не помогает. Только дергают.

— Это ты брось! Тебе вся страна помогает. А кто не помогает — требуй. С меня требуй! Тебе, Егоров, терять нечего. Выговор, да еще от наркома, у тебя есть! Два сразу не дают. Шуми! Стучи кулаком! Понял? Завтра вместе в обком поедем! Будь уверен, там я буду не как нарком, а как член Политбюро бушевать! Согласен?

Егоров почесал затылок:

— Вот и хорошо! Вот и умница! Где твои командеры?

— На улице ждут.

— Семушкин, зови их... Или нет, пошли на воздух, там побеседуем.

...Возле пакагуза на ящиках сидели Орджоникидзе, Егоров, Лариса, Сергей, Матвеев. Вокруг них ходил Грэвс. Говорил громко, махал руками.

— У вас обыкновенная сталь идет с браком, а вы хотите уж получить специальную!.. У вас нет специалистов, а хотите организовать скоростную плавку! Вы же восточный человек! Вы должны знать поговорку: «Если дыню бить кнудом, она быстрее не вырастет!»

— А я знаю американскую поговорку,— отпарировал Серго,— «Если кнут повесить на вешалку — не разбогатеешь!» А нам, мистер Грэвс, очень нужно разбогатеть!

— Хотите разбогатеть? Я вам помогу! Пожалуйста! Вы мне платите жалование валютой? У вас мало валюты. Я от нее отказываюсь, от валюты! Платите рублями и ордерами на галоши! Только не сходите с ума! Я как специалист категорически возражаю против ваших планов, темпов, сроков!

— А что ты думаешь, Егоров? — спросил Серго.

— Скоростную плавку, пожалуй, можно было бы наладить...

— Металла не слышу в голосе, дорогой Егоров. А ты, Найденев, как думаешь? — обратился Серго к Сергею.

— Наладить можно. Немцы плавят...

— Вот именно! — взорвался Грэвс. — Немцы плавят! А вы начнете... это... вкалывать! Зачем вы сделали революцию? Если бы у нас в Штатах рабочие вкалывали, как вы вкалываете, то у нас сразу же, что не дай бог, произошла бы революция!

— Мистер Грэвс, — улыбнулся Серго, — я думаю, что вы...

— Старый дурак! — подхватил Грэвс. — Совершенно верно! Я спятил! Я полюбил вкалывать! Работать в две смены! Штурмовать, прорывать, догонять и перегонять. Мы и так уже здесь делаем невозможное.

А вам все мало. У нас в Америке опыт, традиции. Но у нас нет таких темпов.

— У вас в Америке, — улыбнулся Серго, — нет и Советской власти! Вот! — Серго протянул Егорову небольшую пластинку. — Это образец. Надо выплавлять такую сталь. Я привез все расчеты. Надежда только на вас. На ваш комбинат.

Наступила пауза. Все внимательно рассматривали образец. Найденев листал папки с расчетами.

— Ну как? — спросил Серго.

— Вообще-то можно попробовать сварить такую сталь. Да вот электропечь вышла из строя. Надо ремонтировать... — сказал Сергей. — Только...

— Что только? Продолжай! — ободрил Серго.

— Никто не знает как. И рабочие у нас очень неквалифицированные.

— Рабочих надо все время обучать, передавать им свой опыт. Но не так, как ты это делал утром.

— Григорий Константинович!..

— Ладно! Мы ведь уже разобрались... Вот ты скажи, что, по-твоему, нужно, чтобы все у нас, я не говорю о скрытых врагах, стали работать добросовестно?

— Безработица нужна, — сказал вдруг Сергей. — Да, да, не смейтесь. Иногда мне кажется, что это так. Ведь сейчас многие не дорожат своим местом. Его уволят, он через пять минут найдет новую работу да еще лучше...

— Вы слышите, что он говорит? — Серго развеселился: — Поправка к социализму. Грэвс покачал головой:

— Нет! Безработица — это плохо. Поверьте мне. Это говорит буржуй.

Семушкин посмотрел на часы:

— Товарищи, мы не ценим время!

Серго легко поднялся на ноги:

— Семушкин, бери бумагу, пиши: Приказ по Наркомтяжпрому. Номер поставишь потом... Начать на комбинате в городе Рудном экспериментальный выпуск высококачественной спецстали, для чего в кратчайший срок отремонтировать электропечь.

Кадр из фильма

Ответственным за ремонт и эксперимент назначить товарища Найденова...

— Меня? Нет! — запротестовал Сергей. — Я электропечами специально не занимался...

— Теперь займешься, — сказал жестко Серго. — Ты думаешь, рабочие Сталинградского когда-нибудь до этого выпускали тракторы? Ты знаешь, сколько там было поломано станков? Но что делать?

— Григорий Константинович, назначьте вместо меня кого-нибудь более опытного.

— А ты что, струсил? Боишься?

— Конечно, боюсь. А если что не так? Кто отвечать будет?

— Я отвечать буду! Семушкин, пиши расписку: «Я, нижеподписавшийся, Григорий, он же Серго, Орджоникидзе, всю вину за все неполадки, которые произойдут у товарища Найденова при ремонте электропечи, беру на себя. Все выговоры, весь брак прошу заносить на мой счет». Вот тебе будет охранная грамота.

— Да не надо мне никакой грамоты! — обиделся Сергей.

— А что тебе надо?! Требуй! Требуй, чего хочешь, — все дай! Ты дай мне сталь! — Орджоникидзе, глядя Сергея за плечи, заглянул в глаза: — Ну, дорогой, чем тебе помочь?

— Один не справлюсь... Назначьте еще кого-нибудь, — уже сдавался Сергей.

— Корабль, у которого два капитана, обязательно идет ко дну! Я должен знать, с кого спрашивать!

— А где документация к печи, инструкция?.. Где их искать? — еще пытался отбиться Сергей.

— Мы тебе дадим технического секретаря, он все разыщет. Кого тебе дать? — Серго уже торжествовал.

Сергей подумал и взглянул на Шуру:

— Ее дайте.

— Нет! — решительно сказала Шура. — Не хочу.

— Шура! Он сейчас имеет право капризничать! Если он потребует Мэри Пик-

Форд, я ему привезу Мэри Пикфорд! — Серго обвел всех взглядом. — Договорились?

Сергей еле слышно сказал:

— Не справлюсь! Завалю я это дело!..

Но Серго услышал и вскричал:

— Я тебе не справлюсь! Я тебе завалю!

Грэвс не выдержал и закричал:

— Все сумасшедшие! Рабочие, инженеры, министры! Все!

— Не сумасшедшие, а одержимые, — поправил Семушкин.

— Это нюанс! — отмахнулся Грэвс.

Ночь. Все сидели в салоне-вагоне. Егоров и Матвеев пили чай, Грэвс пил коньяк и жаловался Семушкину:

— Прихожу в магазин, спрашиваю расческу — нет. Есть дамские гребешки. Что делать? Купил. Так продавец мне почему-то не сказал «спасибо». Непонятно.

Серго, Шура и Лариса сидели на диване. Серго опять с грелкой.

— Лариса Васильевна наша что-то притихла... Но я ведь помню, помню, — вздохнул Серго. — Все просят отпуска! На днях звонил Максим Горький. На Сталинградском тракторном нашел писателя, про большой конвейер книгу пишет. Просил ему отпуск дать. А он в газете работает...

— Лариса сто лет мужа не видела, — сказала Шура.

— А тот писатель, говорит, жену сто лет не видел. Она в Иванове работает! А как я сам хочу в отпуск! Тоже не пускают... Ладно, Лариса, даю слово, печь наладите — дам тебе отпуск!

— А если не паладим? Ни печь, ни себя? — спросила с каким-то вызовом Лариса.

— Что ты сказала? — не понял Серго.

— Глупость сказала, — Лариса неестественно рассмеялась.

Рано утром спецпоезд наркома уходил. Серго стоял на подножке вагона и долго

махал всем рукой. К группе провожающих Орджоникидзе подкатил автомобиль.

— А что если мы пешком пройдемся? Время еще есть, — предложила Лариса.

— Нет! — сказал Грэвс. — Только на авто. — Он полез в машину и зашел: — «Англичанин мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину, а наш русский мужик...»

— Мы с Матвеевым тоже едем, — сказал Егоров.

Лариса, Шура и Сергей пошли по дороге.

Сразу за станцией начинался огромный луг. Ромашки качались под легким ветром.

— Что тебе Серго говорил по секрету? — обратилась Лариса к Шуре.

— Почему по секрету? Убеждал учиться... Я ведь училась в институте, а когда отец умер, бросила, пошла в наркомат... Серго говорит: расти надо. Может, с осени поеду...

— А я-то думала тебя председателем профсоюза предложить. Ты видишь, как у нас на этом участке? Хромов болеет все время, да и без огонька он, вялый какой-то, а у тебя задор есть. И организаторский талант. Вон ребят от бузы отвлекла, чистоту в общежитиях навела. Поработай пока, а там видно будет. А?

— Да, наверное, надо. Серго был очень огорчен нашим Новым бытом, — сказала Шура.

— Ну и прекрасно! — Лариса вдруг перепрыгнула через канаву, отделявшую дорогу от луга. — Идите сюда! — крикнула она и побежала по траве. — Красота-то какая!

Сергей и Шура тоже перепрыгнули через канаву. Сергей подхватил Шуру.

— Ты что? — вспыхнула Шура. — Я ведь не спотыкаюсь. — Она освободилась от его рук и пошла в сторону.

Лариса ревниво покосилась, но сделала вид, что ничего не заметила.

— Красота-то какая! — повторила она. — Мы живем и ничего не видим. Я уж и не помню, когда последний раз была в поле,

в лесу. Посидим,— предложила она Сергею.

Шура в стороне рвала ромашки.

Сергей расстелил свой пиджак, сел рядом с Ларисой.

— Да,— сказала Лариса,— живем без оглядки. Построим замечательную печь, а самим уже жить будет поздно. Я, знаешь, в Москве видела два спектакля в Камерном театре... Там есть такая артистка, Алиса, почти Лариса, Коонен. Она меня удивила, скажу тебе. Понимаешь, один вечер она ходит по сцене в тужурке комиссара, наган на боку, матросиками командует, и никакой тебе любви. А на другой вечер, представь: она же играет одну французенку. А у той только любовь на уме... И играет Алиса... Как в жизни... До жути... Я понимаю, хорошо, пусть, она артистка. И все-таки, как это в одной женщице — такие разные чувства! А?!

Лариса взглянула на Сергея и увидела, что он не отрывает взора от Шуры, бродящей по лугу. Лариса грустно улыбнулась.

— Ты слушаешь меня? — окликнула она Сергея.

— Что? — как бы очнулся Сергей. — Ты о чем?

— А! — махнула рукой Лариса. — Дребедень! Размагничиваемся мы. А нам в кулаке держать себя надо, как говорит мой Дугин.

Она решительно встала.

Сергей усмехнулся:

— Чего это ты себе этого Дугина в заместителя взяла?

— Во-первых, не взяла, а выбрали. А во-вторых, он парень деловой, решительный...

— Уж больно деловой,— сказал Сергей.

— Шура! — крикнула Лариса. — Пошли!

У электропечи стояли Сергей, Грэвс и Матвеев. Подошла Шура.

— Нашла? — нетерпеливо спросил Сергей.

Шура ответила, чуть не плача:

— Нету. Нигде нету. Я перебрала все полки, все шкафы...

Грэвс покачал головой:

— Не имея инструкции, не зная технологии...

Сергей повернулся к Матвееву:

— Вы наш главный инженер. Вы должны знать, где инструкция по ремонту печи.

Матвеев пожал плечами:

— Откуда? Я принял дела два года назад. Печь была уже смонтирована.

— Надо написать фирме, чтобы они срочно прислали инструкцию,— сказал Грэвс.— Иначе будет маргышкин труд... Пошлите телеграмму...

— Давайте пошлем,— согласился Матвеев.

— И будем ждать месяц, два?.. Нет! Начнем ремонт без инструкции,— почти закричал Сергей.— Иди, вырубай рубильник,— приказал он пареньку, и тот побежал к трансформаторной будке.

— Заземлить! Не забудь заземлить! — горячился Грэвс.

— Слушай, мистер,— зло сказал Сергей,— не путайся под ногами!

— Сережа, не горячись,— попросила Шура.

В своем паркоматском кабинете Серго говорил по селектору с бакинскими нефтепромыслами. Перед ним на столе лежал график добычи нефти.

— Баку, Баку, плохо слышу,— кричал Серго.— Рапортуете об успехах, так барабанные перепонки лопаются, а тут и голос потеряли.

— Зачем терял? Не терял! — слышался голос бакинца.— Наши недостатки, товарищ нарком, это маленькие пятнышки на большом солнце. По сравнению с тринадцатым годом мы увеличили...

— По сравнению с тринадцатым годом, дорогой товарищ,— перебил Серго,— я тоже прибавил килограммов тридцать. Чего молчишь? Ну, до завтра! Надеюсь, и

нефти будет больше плана, и голос будет. Будь здоров!

Серго отключил селектор и обратился к сидящему у стола директору одного из украинских заводов:

— Извини!.. Продолжай, пожалуйста!

— Так вот, я говорю, очевидно, существует какая-то тайна, которой мы просто не в состоянии разгадать... Вы, Григорий Копстантинович, были у нас, сами видели... А брак идет! Только брак! Видно, имеются объективные причины...

— Каждая объективная причина, уважаемый Иван Тимофеевич, имеет фамилию, имя и отчество.— Он взял лист бумаги, карандаш: — Что входит в состав электродов?

— Кокс входит,— ответил директор.— Он размельчается на частицы определенной крупности... Это мы все делаем...

— Значит,— сказал Серго,— кокс. Так и запишем, первое, кокс. Что еще?

— Смола.

— Какая смола?

Присутствующие в кабинете другие директора и работники наркомата недоуменно переглядывались.

— Каменноугольная. Мы удаляем из нее влагу и нафталин...

— Второе,— продолжал записывать Серго,— смола. Дальше что?

— Все,— заключил директор.

— Как все? — переспросил Серго.— Так, конечно, кроме брака ничего не получится!

Сидящие в кабинете заинтересованно смотрели на Серго.

— А что же еще? — развел руками директор.

— А еще, товарищ Власов, нужна организация труда! А у тебя на заводе этот компонент отсутствует напрочь! Когда, ответьте мне, когда вы, руководители предприятий, поймете, что организация труда...

В кабинет вошел Семушкин. Серго сердито посмотрел на него:

— Зачем пришел? Я же сказал, чтобы нас не прерывать! Что тебе?

Семушкин протянул бумаги. Серго раздраженно взял их, стал читать и сразу же расцвел в улыбку:

— Одну минутку, товарищи, я сейчас! — Он вышел из кабинета.

И почти тут же снова открылась дверь, и в кабинет на детском велосипеде въехал сияющий Серго. За ним вошел смущенный Иванов. Серго объехал на велосипеде во круг стола:

— Ах, красота какая! Вот молодец, Иванов! Вот обрадовал! Смотрите, товарищи! Это же победа! А звонок звонит? Слышите? Звонит! А почему фонарика нет? Иванов, надо сделать фонарик!

Серго слез с велосипеда, стал рассматривать его почти с жадностью, потом нахмурился.

— Вот окрасили вы его зверски, как пожарную машину! Сколько штук сделали?

— Пока один...

— Надо тысячи! Сотни тысяч! И вообще, товарищи! — Серго обратился ко всем присутствующим: — Вот вы, директора крупных предприятий. Сколько у вас отходов! Давайте выпускать игрушки! Разные! Интересные! Занимательные!.. А сейчас, Семушкин, садись в машину, езжай к тем пацанам, которые на самокатах гоняли. Разыщи того рыжего, с которым ты в футбол, помнишь, играл, и отдай этот велосипед.

По ночному Кремлю шли усталые Серго и Семушкин. Тихоенько зашли в квартиру Серго.

— Есть будешь? — шепнул Серго и зажег свет.

Семушкин отрицательно помотал головой. Он доставал из двух портфелей письма, папки с делами, книги, журналы.

— Пошли в кухню,— поманил его Серго.

— Не могу, жена ждет.

— Неужели ждет? Так поздно? — Серго вздохнул.— А моя не ждет. Раньше жда-

ла, а теперь, махнула рукой.— Он стал рассматривать письма.— Да, Семушкин, старею. Раньше все получал любовные послания, а теперь вот: от инвалидов, старых партизан, пенсионеров... Очки куда-то пропали.— Серго стал шарить по полкам, заглянул в ящики стола.— Никакого порядка. Ни черта найти невозможно, как у нас в наркомате...

— Вот справочники по металлу. Это о спецсталиях. Здесь все о Северном полюсе,— Семушкин выложил на стол толстые книги. Серго посмотрел на них, вздохнул:

— А ну их к бабушке. Слушай, Анатолий, хочешь послушать музыку?

— Да вы что, Григорий Константинович, ведь все спят.

— А мы тихонечко, шепотом.— Серго вынул из портфеля пластинку.— Смотри, Утесов! «С одесского кичмана». Я у нашей машинистки до утра выпросил. В торговле купила...

— Я лучше пойду. Ведь жена ждет,— сказал Семушкин.

Серго махнул рукой.

— Пронаций ты человек. Иди! К жене, к теще! Спокойной ночи!

Семушкин ушел. Серго снял китель, сел за стол, взял в руки справочник по металлу, полистал, подумал, потом достал из шкафа патефон, взял пластинку и отправился в кухню.

Через секунду запел Утесов: «С одесского кичмана...»

Серго с блаженной улыбкой сидел в кресле и слушал. Потом закрыл глаза.

Раздался пронзительный телефонный звонок. Второй... Третий... Серго спал. В наброшенном халате вошла Зинаида Гавриловна. Сняла трубку.

— Слушаю... Да, да. Сейчас передам.— Она стала расталкивать мужа:— Серго. Серго.

Серго открыл глаза. Зинаида Гавриловна протянула ему трубку:

— Сталин тебя...

— Какой Сталин?

— Как какой?! Сталин...

— Ах, Сталин! Так бы и сказала!— Серго взял трубку:— Да... Конечно, разбудил. Так... так... Булетов? Помню. Безграмотный парень из Загорска... Что? Я— бюрократ? Это он тебе пишет? Что? Говори громче! Так... Мерзавец! Говорю, мерзавец! Хорошо, я срочно разберусь. Да, да, конечно! Спокойной ночи!— Серго с силой бросил трубку на рычаг.

— Что случилось?— спросила Зинаида Гавриловна.

— Как что случилось?— зло грохотал Серго.— Соедини меня с Семушкиным!

Зинаида Гавриловна стала звонить по телефону. Серго начал рыться в портфеле.

— Каков гусь! Недоучка! Мерзавец!— бормотал он.

— Толя, это вы?— спросила в телефон Зинаида Гавриловна.— Сейчас дам Серго.

Серго схватил трубку:

— Успел лечь? Нет? Вот и хорошо. Ты Булетова помнишь?.. Да, да. Из Загорска. Он написал в Политбюро на имя товарища Сталина клеюзу. Будто мы, то есть я, затираю его изобретение! Его замечательную броню! Надо срочно произвести испытание. Что у нас завтра? Зина, дай календарь!

Зинаида Гавриловна подала настольный весь исписанный календарь. Серго стал листать его.

— Так, завтра не выйдет. Послезавтра что?.. Плохо... А после-послезавтра?.. Нет, это долго. Сделаем так: немедленно посылай в Загорск машину за этим изобретателем, вози его и его броню на полигон. Звони Турмачеву, пусть поднимает по тревоге артиллеристов! Сегодня же устроим испытание. Тебе три часа достаточно? Хорошо, четыре. Будет готово— звони мне. Потом, потом поспишь! Все.— Серго повесил трубку. Прошелся по комнате, остановился, спросил у Зинаиды Гавриловны:

— Слушай, а может быть, я не заметил, как обюрюкратился?

По ночной Москве мчалась машина Орджоникидзе.

А на полигоне уже была установлена пушка. Возле нее стояли красноармейцы. Рядом группа штатских. Среди них профессор Тушнов, Федяев. Поодаль Булетов. Чуть в отдалении ходил взад-вперед Турмачев.

— Непонятно! — ворчал Тушнов. — Зачем надо ночью поднимать людей с постели?

— Думаю, профессор, что нам не стоит обсуждать распоряжения наркома, — ответил наставительно Федяев.

На полигон въехала машина. Из нее вылез улыбающийся Серго. Подошел к пушке, приветливо здороваясь со всеми.

— Где изобретатель? — спросил он и нашел глазами Булетова. — Пойдем, посмотрим твою броню.

Все направились к установленному в поле броневому щиту.

Серго внимательно осмотрел его, повернулся к Тушнову:

— Что скажете, профессор?

Тушнов пожал плечами:

— Решительно ничего.

— Булетов с вами советовался? Вы знаете качественный состав брони?

— Нет.

— Знаете, — сказал Булетов. — Я же вам его показывал.

— Вы что, ничего не изменили?!

Булетов отрицательно покачал головой.

— Простите, но я ничего не понимаю, — взорвался Тушнов. — К чему эти дурацкие эксперименты? К чему меня, больного, старого человека, поднимать ночью и везти на этот балаган? — Тушнов повернулся и пошел прочь.

Серго взглянул на Булетова.

— А вы, Булетов, значит, довольны своей броней? — спросил он как-то очень тихо.

— Доволец, — сказал Булетов.

— И, как пишете товарищу Сталину, на сто процентов уверены в ее прочности?

— Абсолютно уверен.

— Это замечательно, когда человек уверен на все сто процентов. Я попрошу, —

сказал Серго, — всех отойти. Подальше! Еще подальше! Еще!

Все отошли.

— Что ты задумал, Григорий Константинович? — спросил издали Турмачев.

Серго зашел за броневой щит, встал там и крикнул:

— Стреляйте!

— Товарищ Орджоникидзе! — испугался Булетов. — Так никак нельзя...

— Почему пельзя? — закричал Серго. — Ты в Политбюро писал? Товарищу Сталину клялся? Ты же пишешь, что твоя броня непробивасма! Так стреляйте! Стреляйте! Я приказываю!

— Никто стрелять не будет, — спокойно сказал Турмачев, подойдя к щиту. — Товарищ Орджоникидзе, отойдите!

— Так пельзя! — почти стонал Булетов.

— А писать жалобы, кляузы, да еще в Политбюро, можно?! Почему ты ко мне не пришел? А? Отвечай, когда тебя спрашивают! — бушевал Серго.

Булетов молчал, моргая глазами.

— Ладно. Отойдите, — сказал уже тише Серго. — Прикажите произвести выстрел. Грохнула пушка.

— Снаряд жалко, — мрачно сказал Турмачев, глядя на пробитый броневой щит.

— Позор! — громко крикнул Тушнов.

— Да, позор, — спокойно подтвердил Серго. — А позор, как известно, длиннее жизни. Спасибо, товарищи.

Орджоникидзе стремительно пошел к машине.

Наступила осень.

На электропечи в Рудном висел плакат: ПУСТИМ ПЕЧЬ НА МЕСЯЦ РАНЬШЕ СРОКА.

Взмокший, усталый Сергей зашел в свою контору. Шура подала ему папку.

— Что это?

— Инструкция по ремонту...

— Где ты пахла?

Шура показала телеграмму:

— Получили от фирмы из Брюсселя.

Вот: «На ваш запрос отвечаем тчк Инструкция по ремонту электропечи А-13 лежит в комнате машинистки в шкафу возле окна на третьей полке слева тчк»... Я полезла — и действительно лежит! — сказала Шура.

Сергей развел руками.

— Черт-те что! В Брюсселе знают, а мы ни черта! Вот они, порядочки!.. — Он повергел инструкцию. — Слушай, так она же по-французски. А где перевод?

— Перевода там нет, наверное, потеряли. В этом все дело.

— Так на кой!.. — Сергей запнулся. Открыл ящик своего стола и бросил туда папку.

У печи стояли Матвеев, Егоров, Лариса и Грэвс.

— Что решили? — спросил Егоров. — Пускаем печь?

— Пускаем, — ответил Сергей.

Грэвс, он слегка навеселе, хлопнул Сергея по плечу.

— Вкальваем, Сережа!

Сергей отмахнулся.

— Не на дядю вкальваю, на себя.

— С меня вычитается, — загоготал Грэвс. — Я проиграл пари.

— Не вычитается, а причитается, — поправила его Шура.

— Опять нюанс!

— Давайте пускать, — сказал Сергей. — Беги! — приказал он пареньку.

Тот забежал в трансформаторную будку.

— Отойдите! Все отойдите! — крикнул Сергей.

Люди отошли от печи. Рядом остался только Сергей.

Сергей на мгновение задумался, как бы в последний раз взвешивая свое решение. Увидев это, Лариса тут же решительно шагнула к нему. Он не заметил ее и махнул рукой пареньку.

Паренек включил рубильник.

В печи что-то ухнуло, и сверкнуло пламя.

Что-то ударило Сергея в грудь, и он только успел заметить, как упала Лариса...

В кабинете Егорова сидели Матвеев и заместитель секретаря парткома Дугин. Сам Егоров ходил взад-вперед...

— Не понимаю, — рассуждал он. — Если Быстрова нашла эту инструкцию, почему же он нам ничего не сказал? Он обязан был сначала познакомиться с этой инструкцией...

— Простите, — сказал Матвеев, — но, в первых, инструкция была по-французски. Пока бы мы вызвали переводчика, то да се, мы потеряли бы еще не менее недели, а то и больше.

— Наше счастье, — воскликнул Егоров, — хотя какое счастье, черт возьми, что Серго болеет. Говорят, не раньше, чем через неделю встанет. Может, к тому времени еще и поправим?

— Я пока не знаю полностью степени повреждений, а потом и вообще эти печи не знаю, — развел руками Матвеев.

— Какой позор! — резко сказал Дугин. — Выполнение ответственного оборонного задания сорвано... Я думаю, товарищи, что тут мы еще не все точно оцениваем и не все знаем.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился Егоров.

— Здесь все не так просто... Сопоставьте факты... Найденов... вихляет...

— Что? — не понял Матвеев.

— Вихляет, — жестко повторил Дугин. — Сначала, как известно, он долго ломался перед Орджоникидзе, отказывался, значит, понимал всю меру ответственности. А потом вдруг такая подозрительная решимость. Действительно, заметьте, никому ничего не сказал, когда появилась эта инструкция. И вообще странно, что он даже не знал, где она лежит. Если б он сам перехватил телеграмму из Брюсселя, то, я уверен, скрыл бы все.

— Вам бы следователем быть, товарищ Дугин,— осторожно заметил Матвеев.

— А вы свои интеллигентские штучки бросьте! Не к лицу хихикать, когда дело идет о вопросах политических.

Матвеев как-то съезжился и промолчал.

— Мы,— продолжал Дугин,— должны быть бдительными. Вы помните историю с ватником в вентиляционной трубе? И теперь надо взглянуть на все это дело поглубже... Мы должны будем сказать Серго всю правду, как бы она ни была горька.

— Так ты что,— нахмурился Егоров,— думаешь, что здесь вредительство?

— А вам все еще не ясно? — вызывающе посмотрел Дугин.

— Ларпса Васильевна иначе думает,— сказал Егоров.

— Как она себя чувствует? — встрепетнулся Матвеев.

— Состояние ее еще тяжелое,— сказал Егоров.— Удар был сильный. Но сейчас ей лучше...

— Лариса Васильевна,— заметил настаивательно Дугин,— как пострадавшая, должна лечиться. А мы уж тут сами...— закончил он многозначительно.

Шура в общезнании жарила на примусе картошку со свиным салом. Потом сложила ее в мисочку, добавив сверху соленый огурчик. Стала заворачивать миску в газету.

Вбежала Таня и сразу зашептала:

— Ой, Шурка, чего я наслышалась! Многие, конечно, жалеют Сергея Ивановича. Говорят, он над этой печью колдовал до беспамьятства, вот и одурел. Или ошибка какая. Но, знаешь, есть и такие вредные, вроде этого Дименкова, который, помнишь, при Орджоникидзе-то...

— Помню, помню...— поспешно сказала Шура и присела в предчувствии недоброго.— Ну, ну!

— Так вот, этот Дименков всюду говорит, что, мол, Сергей в Германии не тому учился. Об этом говорит, мол, и сам Серго сказал. Видишь, как он дело-то повернул!

А его слушают... И еще: корреспондент приезжал. Шустрый и строгий такой. У вас, говорит, бдительности нет, а классовые враги этим пользуются... Дугин же слушает его и поддакивает.

Шура села бледная, не говоря ни слова.

— Ты понимаешь,— тараторила Таня,— куда они гнут?!.. Ты не расстраивайся, Шурка. Еще все обойдется. А может и худо быть!.. Я слышала, его хотят из партии исключить...

— Да брось ты! — сказала Шура, решительно вставая.— Болтаешь бог знает что!

— Ну вот-те на! Болтаю! Что я выдумала, что ли? Вот-те крест, то есть честное комсомольское!..

В парткоме сидели Дугин и Шура.

— Не кричи так,— сказала зло Шура.— Ну что ты орешь? Там же все слышно,— она покосилась на дверь.

— А почему я должен говорить тихо? — с вызовом спросил Дугин. Он бросил куренную папиросу и тут же зажег другую.— Почему я должен говорить тихо? — повторил он.— Я говорю, что думаю. А ты пытаешься его выгораживать, и я знаю почему...

— Товарищ Дугин! — вскрикнула Шура.— Ведь ты же его знаешь. Попробуй ему в душу заглянуть.

— Ну, ты меня удивляешь,— вскинул брови Дугин.— В душу?! Душа — поповские выдумки. Мне от тебя такое даже слушать неудобно. Я сам сначала не хотел верить. Но ведь — факты! Факты! И все против него. Вот и газета пишет...

— Что газета? — сказала упавшим голосом Шура.

— Ты что, еще не читала? — Дугин достал из стола газету и протянул Шуру. И Шура сразу же увидела огромный заголовок: «ПЛОДЫ ПРЕСТУПНОГО БЛАГОДУШИЯ»

Сергей лежал на кровати в своей комнате. Его голова и грудь были забинтованы. Вошла Шура.

— Шурочка! — улыбнулся Сергей. — Вот спасибо. Ты уж прямо, как... — Он не нашел слов и только улыбался.

— Вот я тебе картошечки нажарила... Как ты себя чувствуешь?

— Как я могу себя чувствовать, когда приходишь ты?

— Я не об этом. Голова, руки?

— Я же тебе сказал — это пустяки. Доктор обещал послезавтра снять повязки. Без них лучше заживать будет... Как на заводе? Что говорят?

— У тебя следователь был? — спросила Шура.

— Был, — сказал Сергей.

— Что ты ему сказал?

— Я сказал, что пока ничего не могу сказать. Причина аварии мне неясна. Но я готов отвечать за все.

— За что ты готов отвечать? — почти вскрикнула Шура и зарыдала.

— Что ты, Шура? — растерялся Сергей. — Что ты?

Шура плакала.

Москва. Раннее утро.

К Казанскому вокзалу подошел поезд. Из вагона вышла Шура. Она без вещей. Пошла по перрону. Навстречу к ней двинулся милиционер. Шура опасливо остановилась. Милиционер посмотрел на нее, улыбнулся, прошел дальше.

...Шура подошла к зданию Наркомтяжпрома. Зашла в бюро пропусков.

— Мне срочно надо повидать товарища Орджоникидзе, — сказала она в окошечко дежурному.

— Фамилия? На какой час он вас вызывал? — спросил мужчина в полувоенной форме.

— Я — Быстрова. Он меня не вызывал. Я приехала из Рудного. По очень важному делу. Доложите ему. Он меня знает.

Дежурный помолчал.

— Видите ли, товарищ Орджоникидзе тяжело болен. Его нет в наркомате, а нам

категорически запрещено его беспокоить.

Шура растерялась.

— Но у меня чрезвычайно серьезное дело... А Семушкин?

— Семушкин в командировке. Завтра придет. Зайдите завтра.

— Завтра будет поздно. Я сегодня же должна уехать обратно.

Дежурный помолчал.

— Зайдите к вечеру. Я постараюсь что-нибудь сделать. Говорите, Быстрова? Из Рудного?

— Да.

Дежурный записал что-то в блокнот. Вздохнул:

— Но нам сказано, состоянье тяжелое, беспокоить нельзя.

Шура вышла из наркомата.

Вечер. Во всех окнах здания наркомата горел свет. И только три больших окна кабинета наркома темнели черными квадратами.

Шура снова вошла в бюро пропусков. Постучала в окошко. Его открыла женщина.

— Я — Быстрова, — сказала Шура.

— Слушаю вас.

— Я заходила утром, здесь был мужчина...

— Он сменился...

— Вы не знаете, тут для меня ничего нет? Обо мне обещали доложить наркому.

Женщина пожала плечами:

— Ничего не знаю. У меня нет никаких распоряжений. Приходите завтра...

Шура постояла, подумала о чем-то.

— До свидания, — сказала она решительно и вышла из здания.

Она шла по улице, не замечая прохожих. На вокзале подошла к билетной кассе:

— До Рудного.

— Плацкартных мест нет.

— А у меня на плацкарту и денег нет...

Шура получила билет, посмотрела на сдачу, пошла к буфету, купила там ве-

сколько пирожков, встала в угол, с жадностью стала есть...

— Начинается посадка на поезд семьдесят три, Москва — Иркутск, — объявили по радио.

Зашевелились пассажиры, двинулись на перрон.

На перроне у вагона стояла Шура, машинально доедала пирожки, о чем-то думала. Ее толкали, она не замечала.

— До отхода поезда номер семьдесят три остается пять минут. Провожаящим просьба выйти из вагонов, — объявил голос по радио.

Вокруг Шуры пассажиры стали проталкиваться, целоваться.

Состав дернулся.

— Паровоз прицепили, — сказал кто-то.

— Отъезжающих прошу в вагон, — крикнула проводница.

Шура поднялась на площадку вагона.

— Внимание, внимание! — заговорило вокзальное радио. — Товарищ Быстрова! Товарищ Быстрова! По приказу наркомтяжпрома товарища Орджоникидзе срочно сдайте билет. Повторяю! Товарищ Быстрова! Товарищ Быстрова! По приказу наркомтяжпрома товарища Орджоникидзе сдайте билет в кассу. На привокзальной площади вас ждет машина номер сорок пять — двадцать четыре. Повторяю...

В заводском клубе было не продохнуть. Плавали клубы табачного дыма. Шло партийное собрание. В президиуме на сцене сидели Егоров, Дугин, несколько рабочих, представитель райкома партии.

Сбоку стола сидел Сергей. Голова и рука еще в бинтах.

Выступал старый доменщик дядя Андрей.

— Я внимательно выслушал товарища Дугина и всех, кто тут выступали, и газету опять же читал! И что получается? Все судят да рядят, и все сквозь человека, будто его и нет... А человек-то... вот он, — доменщик кивнул в сторону Найденова. — Тут,

конечно, народу мало, кто Сергея давно знает, но я знаю... И как к нам пришел, помню, и как науку постигал... Смышленный и к делу прилипчивый... Опять же с Германии он вернулся. Даром он и там хлеб не ел. И кое-какие ихние премудрости одолел. И опять же порядок у нас в цеху навел... Мы же в полтора раза увеличили съем. Это факт! Мы пятилетку в три и восемь месяцев выполнили. Верно говорю?

— Верно, дядя Андрей! — поддержало несколько голосов.

— А что авария? Хотел человек как лучше да споро, а не вышло. Но на кого прорухи не бывает?.. Я в злой умысел Найденова не верю...

— Ты кончил, дядя Андрей? — спросил Дугин.

— Можно и кончить... У тебя язык побойчее.

— Тут, дядя Андрей, не язык, а факты, — встал Дугин. — Мы тебя уважаем, а вот разобраться, как видно, ты не хочешь... Но вот, товарищи, еще факт. Мы его хотели не оглашать пока, но приходится. Как все произошло с этой инструкцией, могла бы нам помочь разобраться товарищ Быстрова. Но она... сообщаю, товарищи, вот уже три дня как исчезла.

Собрание загудело.

— Вместе с ней, — повисил голос Дугин, — исчезла и злополучная инструкция... Есть подозрения, что исчезновение Быстровой организовано заинтересованными лицами. Мы спрашивали товарища Найденова, где она, но он, как ни странно, утверждает, что ничего не знает.

— Ишь ты, — крикнул кто-то из зала, — под ручку ходили, а тут — здрасьте!

Дугин постучал карандашом о графин.

— Пусть Найденов скажет! — снова крикнули из зала.

Сергей встал.

— Я сам, товарищи, очень волнуюсь... Да, под ручку ходили и будем!.. Но сейчас ничего не знаю. Последний раз, когда Быстрова навестила меня больного, она была очень взволнована, но мне она ничего

не сказала. Я и сам уж думаю, нет ли здесь...— Он замолчал.

— Странно, товарищ Найденев,— сказал Дугин,— вы себя ведете. Все вам неясно, все вам непонятно... Кто просит слова? Пожалуйста, товарищ Гаврилов.

На сцену вышел рабочий средних лет.

— Я, товарищи, на шихтовом дворе работаю... И вот у нас любопытный случай был. Стоим мы как-то в обеденный перерыв, курим, про баб травим... Ну, знаете, там...

Дугин постучал по графину.

— Ты давай, Гаврилов, ближе к делу.

— А я в самой близости и есть... Значит, про баб травим.

В зале засмеялись.

— Сейчас вы заплачете,— сказал спокойно Гаврилов.— Так вот... про баб травим... И подходит вдруг Найденев. Послушал да и говорит: «А у меня в Германии вот какой случай был». И рассказывает, что будто уже за полночь вбежала к нему в квартиру, где он жил, одна молодая девушка, немочка. Ее фашисты насильничать хотели. А он ее спас, то есть ночевать у себя оставил...

Члены президиума переглянулись. По залу прошел легкий смех.

— Но это не все,— продолжал Гаврилов.— А потом, товарищи, оказалось, что немочка-то эта в фашистской партии состоит и у Найденева хотела украсть паспорт и документы... Это он рассказывает... Ну, мы тогда посмеялись, а вот теперь я думаю, что там все было, наверно, не так, как рассказывал Найденев. Проговориться-то он проговорился, а всего не сказал... Вот пусть он сейчас скажет. Правильно я говорю?

— Товарищ Найденев,— обратился Дугин,— что вы можете сказать?

Найденев встал.

— Я могу повторить только то и только так, как рассказывал тогда. Грязные намеки товарища Гаврилова я отмечаю с негодованием. Об этом факте я тогда же доложил руководителю практики, им был

заявлен официальный протест немецким властям. Прошу проверить.

— Хорошо! Придется проверить,— сказал Дугин.— Только ты заметил, товарищ Найденев, что все как-то не за тебя, а против?... Продолжай, Гаврилов.

— И еще факт. Я, правда, не присутствовал, но товарищ Дименков говорил мне, да и другие товарищи знают, как Найденев обращался с рабочими. Тогда это и товарищ Орджоникидзе заметил. Нарком так и сказал: «Эти, говорит, порядки, мы еще в семнадцатом году порушили...»

Кто-то зааплодировал в зале, но его не поддерживали.

— Ты кончил, Гаврилов? — спросил Дугин.

Гаврилов пошел на свое место.

— Да,— подтвердил Дугин,— так тогда и сказал товарищ Серго. Найденев, конечно, извинялся, что, мол, сорвался, погорячился. И мы ему тогда поверили, а вот теперь в свете новых фактов и этот факт уже становится не случайным...

Найденев опустил голову.

В этот момент в зал почти вбежала секретарь Егорова.

— Что такое? — сердито спросил Дугин.

Секретарь подала Егорову бумагу и что-то шептала ему на ухо. Егоров стал читать бумагу. Не дочитав, встал.

— Товарищи...— начал он, но от волнения не смог продолжать и замолчал.

В зале наступила такая тишина, что, кажется, слышно было, как клубится табачный дым.

— Товарищи! — снова начал Егоров.— Сейчас из Москвы передали телефонограмму... с указанием обнародовать немедленно... Я прочту: «Директору завода товарищу Егорову. Во время моего пребывания в Рудном 28 июля с. г. мною была написана тов. Найденеву С. И., но не принята им следующая расписка, которую я повторяю здесь: «Я, нижеподписавшийся, Григорий, он же Серго, Орджоникидзе, всю вину за неполадки, которые произойдут у товарища Найденева при ремонте электропечи, беру

на себя. Все выговоры, весь брак прошу заносить на мой счет.

Я приношу свои извинения товарищу Найденову в связи с тем, что мой справедливый устный выговор ему за то, что он грубо разговаривал с рабочими, был сделан мною тоже грубо, в такой формулировке, которая дала некоторым товарищам повод оскорбить товарища Найденова необоснованными подозрениями.

Поручите товарищу Найденову в кратчайший срок исправить аварию печи и самому провести первую опытную плавку. Наркомтяжпром Орджоникидзе».

— Ура!!! — закричало сразу несколько голосов.

Зал бурно аплодировал.

Яркий солнечный день. На наблюдательном пункте стояли военачальники и Орджоникидзе. В бинокли следили за ходом учений.

— Танки командива Виндушева пошли, — сказал Турмачев.

— Вижу, — отозвался Серго. — Могу тебя порадовать: вчера звонили из Ленинграда. На Кировском броню испытали: стоят неколебимо, как Россия.

— Я прошу от моего имени, — сказал Турмачев, — передать благодарность в Рудный. Их броня тоже отличная. Но...

— Что но? — насторожился Серго.

— Ее мало.

— А между прочим, товарищ командарм, для того, чтобы увеличить выплавку металла с пяти до десяти миллионов тонн, Франции понадобилось семь лет, Германии — десять, США — пятнадцать, Англии — тридцать шесть, а нам — всего четыре.

— А между прочим, товарищ нарком, когда заговорят пушки, то предварительно не будут осведомляться, сколько лет вашей броне?

— Ты не помнишь, у кого, я говорил тебе, хороший характер? — улыбается Серго.

— Запомнил, — тоже отшутился Турмачев.

В бинокль было отчетливо видно, как танки наступали, развернувшись по всему полю.

...После учений военные собрались у своих машин. Подошел комдив Виндушев.

— Товарищ командарм, разрешите обратиться к товарищу наркому?

— Обращайтесь, — кивнул Турмачев.

— Товарищ народный комиссар! У нас для вас сюрприз...

— Сюрприз? — Орджоникидзе протянул руку. — Давай!

— Надо ехать. Прошу в машину, — пригласил Виндушев.

На высоком берегу реки горит большой костер. Повар-красноармеец в белой куртке и колпаке режет мясо, лук, помидоры.

Подъезжают машины. Орджоникидзе и с ним военные направляются к костру.

— Где сюрприз? — спрашивает Серго.

— Вот! — торжественно говорит Виндушев. — По распоряжению командарма. Шашлык!

Серго засиял.

— Какая прелесть! — Он подошел к повару и ахнул: — Ты откуда родом?!

— Сибиряк, — ответил повар.

— Разве так, товарищ сибиряк, жарят шашлык? А ну, снимай куртку!

...Жарится на углях шашлык. Серго в белой куртке орудует возле костра.

— Товарищи военные! — кричит Серго. — Слушать мою команду! Садитесь!

Все расселись на траве.

— Не тут! — горячится Серго. — Вот здесь садитесь.

— Почему? — спрашивает Турмачев. — Здесь удобнее.

— Не рассуждать! — обрывает его Серго. — Садитесь, где приказал!

— Не понимаю... — говорит, пересаживаясь, Турмачев, но Серго его прерывает:

— Потом поймешь. Наливайте. Что у вас?

— Водка,— говорит Виндушев.

— Шашлык и водка! Дилетанты! — восклицает Серго.— Сказали б, я вам «Хванчары» привез. Целый бочонок пропадает. Земляки прислали, а мне пить нельзя. Черт с вами, пейте водку! Только быстро!

Военные разлили водку по стаканам.

— За что выпьем? — спрашивает один из них.

— Я предлагаю тост,— сказал Серго.— Чтобы вы, товарищи военные, как можно дольше были не у дел! Чтобы как можно дольше был мир на нашей земле! Будьте здоровы!

Военные чокнулись, выпили. Смотрят на Серго. А тот спокойно раздувает фанерой жар в костре.

— Григорий Константинович! — говорит Турмачев.— Дай же закусить.

— Минутку,— улыбается Серго.— Сначала дым понюхайте. Сладко пахнет?

— Сладко!

— Appetit появился? — спрашивает Серго.

— Появился! — хором отвечают военные.

— Слюнки текут?

— Текут!

— Вот почему я вас с этой стороны посадил! — ликует Серго.— Чтобы на вас сначала дымок пошел! Ах, как он аппетит возбуждает!

— Не томи, Григорий Константинович! Это же восточная пытка!

— Потерпи, дорогой, слаще кусок будет.— Серго снял шампур, подошел к повару: — Тебе первому. А пельменями следующий раз угощать ты будешь!

— Слушаюсь! — отвечает повар.

Серго раздает всем по шампuru, себе берет последний. Надкусил кусочек мяса.

Семушкин наклонился к Серго, тихо говорит:

— Не ешьте, диета. Ведь опять боли будут.

Серго заговорщически зашипел:

— Ты только никому не говори, и ничего у меня болеть не будет. Понял?

Семушкин махнул рукой:

— Вольному — воля!

— Вот именно,— согласился Серго.

Наступил вечер. Костер догорал. На берегу реки расположились на траве Серго, Турмачев, Семушкин и несколько военных.

— Немцы всегда были сильны наземными войсками,— говорит Петров. У него на петлицах четыре ромба.

— В прошлом,— соглашается Турмачев.— В прошлом. А впереди — война мотров. И в воздухе, и на земле. Конечно, солдат и здесь останется решающей силой. Но его надо поддержать техникой... Немцы готовятся к тотальной войне. И они торопятся.

Серго встал. Поднялись и остальные. Стоят молча.

— Да,— тихо сказал Серго.— Надо чувствовать время. И перегонять... Перегонять!

Сергей Найденов шел по Кремлю. Прошел мимо царь-колокола и царь-пушки, повернул к Большому Кремлевскому дворцу.

— У вас билет в президиум, но вы опоздали,— заметил дежурный с повязкой на рукаве.

— Поезд опоздал, такая досада! — сказал Сергей.

В большой просторной комнате было светло и нарядно. По стенам стояли стулья, обитые шелком. Несколько изящных столиков — по углам.

Сергей сидел один и ждал.

Из зала доносилась чья-то речь, бурные аплодисменты.

Внимание Сергея привлекли большие напольные часы в футляре из красного дерева. Он подошел поближе посмотреть их.

— Вот он где, Сергей Найденов! — раздался голос Орджоникидзе. Сергей обернулся. Перед ним стоял Серго. А из дверей со сцены выходили члены президиума совещания.

Сергей узнавал знакомые лица.

— Григорий Константинович, я...

— Знаю, знаю,— прервал Серго.— Железные дороги — тоже мое ведомство. Значит,— он развел руками,— опять моя вина! А тебя поздравляю с рекордной плавкой! И орденом!

— Спасибо, Григорий Константинович!

— Вот видишь, и печью овладели. А между прочим, некоторые заграничные пророки и сейчас еще пишут, что нам на овладение техникой понадобятся десятилетия.

— Мне, Григорий Константинович, один мастер в Германии тоже говорил, что мы их никогда не догоним.

— А мы их не только догоняем, но и перегоняем! — сиял Серго.— Речь готова?

— Ох, Григорий Константинович, страшно!

— Твои страхи я уже знаю,— засмеялся Серго.— Страшно, страшно, а как пошел — не удержишь!.. Ты только не торопись, расскажи все обстоятельно, как рабочих учил, как готовились к рекорду.— Орджоникидзе обнял Сергея за плечи, повел в большое фойе, спрашивая на ходу:

— Ты, конечно, профессора Тупнова знаешь?

— По его рецептам сталь варим, а самого в глаза никогда не видел.

— Разве? Ну, сейчас познакомлю. Он где-то здесь... А Калину видел?

— Он тоже здесь? — обрадовался Сергей.

Ранний рассветный час.

По Красной площади от Манежа к Мавзолею медленно идут Серго и Сергей.

— Самые отъявленные враги не могут не признавать теперь страны Советов,— говорит Серго.— На нас надежда всей трудовой земли. Ты понимаешь это?

— Понимаю.— Сергей чувствует, что Серго готовит его к чему-то.

— Значит, нет передышки?

— Нет! — решительно подтверждает Сергей.

Они подходят к Мавзолею. Останавливаются. Молчат.

— Григорий Константинович,— тихо говорит Сергей.— Я слышал, что флажок — значок члена ВЦИК, там, на груди Ильича, это ваш! Да?

— Да,— так же тихо отвечает Серго.— В ту страшную ночь, в Горках... Надежда Константиновна не могла найти его вцпковского значка...

Они снова помолчали.

Пробили куранты.

— Ты смотри, какая-то дивчина на площадь пришла в такую рань.— И Серго показал на противоположную сторону, где на углу улицы Куйбышева виднелась одинокая женская фигура.

— Так это ж Шура! — счастливо улыбнулся Сергей.

— Шура Быстрова?! — обрадовался Серго.

— Шура Быстрова. Моя жена.

— Вот разбойники! И ничего мне не сказали. И на свадьбу не пригласили!.. Ну-ка, зови ее сюда! Я сейчас с ней поговорю!

Сергей помахал Шуре рукой, чтобы она шла к ним. Она поняла, пошла через площадь.

— Ай-я-яй! Разбойники! — повторил Серго.— Ну, вот что! Сегодня в два часа у меня дома праздничный обед! Идет?!

— Идет! — весело согласился Сергей.

— А до обеда тебе придется решить один вопрос...

— Какой, Григорий Константинович?

— Два часа назад мне звонил Турмачев. В Ленинграде группа ученых проводит небывалые опыты по созданию нового типа двигателей — ракетных. Слышал о таких?

— Читал о такой идее,— сказал Сергей.

— Ну и прекрасно! — воскликнул тот.— Значит, долго объяснять не надо. Дело важнейшее и наименее ответственное... Так вот, им нужен опытный металлург... Умеющий печи взрывать! — Серго хитро сверкнул глазами.

— Григорий Константинович! — сказал Сергей, с трудом сдерживая подступающее волнение.— Григорий Константинович! Я все понял. Если партии нужно, то я...— Он что-то вспомнил, и легкая тень улыбки проскользнула по его лицу, и он закончил: — Нижеподписавшийся Сергей Найденов, принимаю всю ответственность на себя!..

Машина наркома мчалась по городу. Серго о чем-то думал, рассеянно погляды-

вая по сторонам. Вдруг он резко обернулся.

— Стой! — приказал он шоферу.

Машина остановилась.

Сзади по тротуару, бешено накручивая педали, ехал мальчик на трехколесном велосипеде. Через заднее стекло машины Серго следил за ним, пока тот не объехал машину и, помахав Серго рукой, весело продолжал свой путь уже впереди.

— Поезжай тихо, рядом! — сказал Серго шоферу.

Так они и ехали рядом: нарком и мальчишка на своем трехколесном чуде.

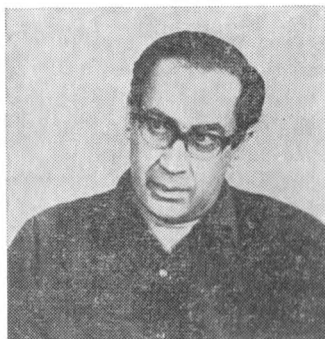

Ю. Дегустовий
В. Фрунд

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

ЮЛИЙ ТЕОДОРОВИЧ ДУНСКИЙ и ВАЛЕРИЙ СЕМЕНОВИЧ ФРИД работают вместе со школьной скамьи. Оба родились в 1922 году, учились в одной и той же школе, вместе поступили на сценарный факультет ВГИКа и закончили его. Кинематографический дебют Ю. Дунского и В. Фрида состоялся на «Мосфильме» в 1957 году. По их сценарию «Случай на шахте № 8» был поставлен фильм режиссером В. Басовым. Перу авторов принадлежат сценарии, поставленные на киностудии «Мосфильм»: «Жили-были старик со старухой» (режиссер Г. Чухрай), «Красная площадь» (режиссер В. Ордынский), «Служили два товарища» (режиссер Е. Карелов), «Гори, гори, моя звезда» (режиссер А. Митта), «Старая, старая сказка» («Ленфильм», режиссер Н. Кошеверова) и др.

По литературному сценарию Ю. Дунского и В. Фрида «День Победы» фильм ставит на киностудии «Ленфильм» режиссер Сергей Микаэлян.

Шла война. Доставая из-под снега черную землю, рвались снаряды. Бежали по зимнему полю бойцы...

Потом поле с бойцами и взрывами стало уходить вдаль, сделалось совсем маленьким, чуть не с ладонь величиной — вся война умещалась в окошке старенького телевизора. Только звуки боя остались такими же громкими и грозными.

Две старухи смотрели военный фильм, сидя рядышком и укрывшись одной шалью. Комната, где сидели, была не богатая, но и не бедная: венские стулья, шифоньер, железная кровать, диван — с валиками и высокой спинкой, а на спинке еще полочка.

Бревенчатые стены были увешаны картинками и интересными плакатами, простенок между окнами заклеен для красоты глянцевой бумагой со множеством крохотных красных раков — листом неразрезанных оберток для карамели «Раковая шейка». В общем, было и уютно, и чисто.

Перекрыв грохот боя, кто-то постучал в окно. Одна из старух — большая, с добрым пухлым лицом — пошла в сени открывать.

Вернулась она с девушкой лет восемнадцати. Гостья остановилась у порога, чтоб не наследить сапожками.

— Тетя Шура, баба Лиза, я зачем пришла-то... Дайте нам, пожалуйста, посуду. Мы в поведельник принесем.

Вторая старуха (она была щупленькая и с острым, как у синички, носом) сказала, не оборачиваясь от телевизора:

— А нам самим надо.

— Ну что ты, Лиза,— огорчилась тетя Шура.— Нам-то для чего?.. Дадим, дадим.

Она раскрыла шифоньер — там была полка для посуды — и стала складывать в клеенчатую сумку тарелки, вилки, ложки.

— Галка народу назвала — гору! — рас-

сказывала в это время гостья.— Где только сажать будем!

— Они тебе, Шурка, все лафитнички побьют,— предсказала баба Лиза. Девушка не поняла.

— Чего побьем?

— Стопочки.

— Нет, нет, даже не бойтесь! — Девушка подхватила сумку.— Спасибо, тетя Шур, спасибо, баб Лиз!

(Надо сказать, что хотя старухи были по годам ровня, обоим под семьдесят, все звали их именно так: тетя Шура и баба Лиза).

Гостья убежала, а Шура снова под села к подружке. Война уже кончилась; с экран какой-то ученый человек объяснял про загрязнение среды. Старухи смотрели с прежним вниманием.

— Я тебе удивляюсь, Шура,— сказала вдруг Лиза.— Зачем дала посуду? Думаешь, на свадьбу позовут? Обязательно не позовут!

— Да зачем мы им? — удивилась Шура.— Тоску наводить? Они молодые, пускай уж..

— Домой пойду,— капризно объявила Лиза.— Досмотрю вот передачку и пойду.

— Тут оставайся! У тебя холодина, только чертей морозить.

Опять они послушали про загрязнение, и Лиза подвела итог:

— Среда уже загрязнилась, скоро до четверга доберутся.

Шура обрадованно засмеялась: поняла, что подружка больше не сердится.

На опушке леса старухи потихоньку кидали лопатами снег. Шура при этом рассказывала, а Лиза слушала и часто, по-

птичьей, кивала. Она хорошо знала эту историю.

— В тот год заготовщик приехал, покупал плауново семя. А семя как собирали? Найдешь, бумажку подставишь и поступишь по ему ноготком. Ну, тебе и посыплется чуток. Маленькое такое, навроде мучицы, желтенькое...

— Оно для медицины очень полезное,— сказала Лиза и смахнула с носа капельку.

— А мой Мишка, враг, чего выдумал... Это уж, конечно, после узналось... Взял гнилушку, истер в муку и цельную бутылку повес заготовщику...

Пока Шура рассказывала, а Лиза кивала, из-под снега показался могильный холмик и рядом с ним врытая в землю самодельная скамеечка. Подруги воткнули лопаты в снег и уселись на эту скамейку. Посидели, молча глядя на могилку, потом Лиза напомнила:

— Ну и чего заготовщик?

— Да... Ему, конечно, удивительно, откуда столько много. Но делать нечего, заплатил Мишке деньги. Восемнадцать рублей.

— Восемнадцать рублей! — эхом отозвалась Лиза.

— Это тогда были неслыханные деньги... Мишка мой сразу в кооператив и купил ружьишко. Ему давно ружье хотелось... Собрал ребятишек, намалевал дегтем рожу, чтоб, значит, ее расстреливать. А в сарае, как раз, Степан борону чинил. Как Мишка стрельнет — прямо чуть отца не убил!.. Степан из сарая, Мишке по шее, а ружье в колодец!

— Ну и правильно! — одобрила Лиза.

— Обожди... Тут бежит заготовщик: ваш сын устроил аферу, и прошу вернуть восемнадцать рублей. Степан на Мишку: где, змееныш, деньги? Мишка говорит, я на них ружье купил. «Тогда отдавайте ружье!» А ружье-то где?..

— В колодеце! — вздохнула баба Лиза.

По деревенской улице шел парень, без шапки, с транзистором на ремне через шею. Две нарядные девки жалась к нему с обеих сторон — прямо-таки висли на руках. Транзистор наяривал что-то лихое из программы «Маяка». Дойдя до новой большой избы все трое оттопали с обуви снег и вошли внутрь.

Под ярко освещенными окнами толкались детиски: интересно было посмотреть на свадьбу. Подъехал «ковлик» — из него вышел озабоченный худой мужчина и тоже прошел в дом. Зрители отметили:

— Председатель приехал.

У одного из окон вместе с детьми стояли тетя Шура и баба Лиза.

— Пойдем, пойдем. Нечего срамиться,— сердилась Лиза.

Но Шуру нельзя было оторвать от окна.

— Погоди! Сейчас их на карточку сыпать будут... Галка-то вся в беленьком, ровно куст жасминовый!..

На какой-то миг окошки осветились ярче. Потом еще раз, еще. Это мигала фотовспышка.

— Да пойдем же... У тебя свой дом есть! — Лиза прямо тащила подругу за рукав, а та не шла:

— Теперь подарки объявляют. Ой, хорошие!

Лиза не выдержала — поднялась на цыпочки и тоже дотянулась посмотреть. В избе было полно народу, стол — от стены до стены — уставлен едой и питьем. Какая-то боевая тетка поднимала над головой и показывала подарки: лоснящиеся отрезы, вазы, тюль, настенные часы. Слов через окно было не слышать, но понятно, что тетка называла фамилии, кто подарил. Гости и жених с невестой дружно хлопали в ладоши.

— Ладно, пойдем,— сказала наконец Шура.

Они молча шли по темной улице; потом Лиза сказала с подковыркой:

— Чего молчишь? Напоили нас, на-

кормили... Со свадьбы с песнями идти надо, с пляской. Давай заводи!

Шура засмеялась, тихонечко запела:

Ох, дед бабу
Завернул в тряпку,
Поливал ее водой,
Чтобы стала молодой!..
Ох! Ох! Ох!

Она даже притопнула валенком, повела плечами. Тогда и Лиза набрала побольше воздуха и закрычала во всю мочь:

Мы, колхозные девчоночки,
Нигде не пропадем!
Провались земля и небо,
Мы на кочке проживем!

И сразу же настроение испортилось у нее еще больше.

— Тьфу ты! Хорошо, не видит никто... Пошли, устала я. Ноги не держат.

Старухи ели картошку с капустой, подливали из бутылочки постное масло и смотрели телевизор. Шел хоккейный матч: по экрану метались полосатые люди.

— До чего ж я его не люблю,— злилась баба Лиза.— Шайба, маленькая, черненькая, скачет, как блоха. Ее и не видать совсем.

В телевизоре показали штрафную скамейку и на ней — парня с обиженным и упрямым лицом.

— На твоего Сережку пошибает,— сказала Шура.

— Похож,— согласилась Лиза.— И года те же... Дуры мы с тобой были, радовались: другие девок народили, а мы — сыночкой. Были бы у нас девки... Эх, да что уж теперь говорить!.. Шурка, я его выключу.

— Команды уходят на перерыв, а счет... Счет пока не открыт,— укоризненно сказал с экрана комментатор. Вместо хоккея появилось женское лицо с красивой прической и, глядя на старух, сообщило:

— Предлагаем вашему вниманию по-

казательные выступления фигуристов в записи...

— Вот и нам счастье привалило! — обрадовалась Шура.

— Хорошо, я не выключила,— похваталась Лиза.— Мне сердечко подсказало!

Вышли на лед и замерли под плеск аплодисментов мужчина и женщина в нарядных костюмах.

— Пахомочка! Пахомочка! — узнали старухи и засмеялись в радостном предвкушении.— Сейчас пойдет «Кумпарситу» выписывать.

Подруги сидели на лавочке возле могильного холмика — того, на опушке.

Падал с неба медленный пухлый снег и ложился на могилку, которую накапуне они так старательно расчищали от зауса.

— Ой, снежок, снежок,— вздохнула Шура.— Зачем же ты нам работы прибавляешь?

А Лизу заботило другое:

— Весной у Леночки в школе рассаду возьмем... получше. Всю могилку обсадим. Красиво, чисто будет.— Она помолчала.— Пусть молодежь наша помнит — жизнь-то, она все вперед бежит... И Лиза горестно махнула рукой.

Справедливая Шура не согласилась.

— Пионерчики же ходят. В прошлом году цветы посадили, скамеечку нам покрасили...

— Ходят! Конечно, ходят! — почему-то распаялась Лиза, но не нашлась, что сказать дальше.— Это подумать только! Тридцать лет как война кончилась.

В хлеву было полутемно. Шура сыпала корове концентратный корм, а за перегородкой, толкаясь, как в забегаловке, клевали овес куры. Их у Шуры было шесть. Лиза кидала им овес и размышляла вслух:

— Надоели мне куры твои эти. Надо их ликвидировать, а вместо их будем кролев держать. Сотню или две. От них и мясо, и

пух, и шкурка... Крольчатину в городе с руками рвут!

— Это я не согласна,— ответила Шура.— Я на фирме видела, как их по ушкам бьют.

— Зачем по ушкам?

— А забивают. Дощечкой по ушкам — вот сюда, по затылочку... У меня на это сердца не хватит.

— Да... С тобой каши не сварить.

Тут дверка открылась и в хлев, согнувшись, вошел грузный краснолицый мужчина.

— Бригадир пожаловал! — объявила Лиза.— Это уж за чем-нибудь.

— Да нет. Просто так зашел... Проведать.

— Здравствуй, Бориска,— поздоровалась Шура.— Иди в дом, мы сейчас.

...Все втроем сидели на диванчике, смотрели телевизор. Показывали какой-то мюзей. За девушкой-экскурсоводом, от картины к картине, ходила толпа.

— Во молодежи сколько,— грустно сказал Бориска. Ему было под шестьдесят и в деревне величали его Борис Емельянович.— А у меня, бабоньки, опять прокол получается.

Лиза усмехнулась:

— Плохой ты, значит, бригадир.

— А что я могу? Надо очистку на ферме делать, а транспортер в ремонте, Автропова в военкомат вызывают, Надька в декрет ушла. Да еще этот, Лепехин, в парной на горячий кирпич сел. Говорит, трезвый был, зараза!.. Вот и посоветуйте, как быть.

— Как быть? — сощурилась Лиза.— Кожу теперь Лепехину пересаживать. Твои голенищи не подойдут?

— Охо-хо! Лизка скажет! — громко расхохотался бригадир. А глазки смотрели спокойно.— А может, вы, бабоньки, подсобите?

Он это так сказал, будто только что, сию секунду придумал.

— Ты, Борька, хитрый, как муха.— Лиза помахала пальцем перед носом бригадира.— Транспортер стал... А почему? Потому что довели до ручки!.. Водослив не закончили... А щетки где металлические, сто лет обещанные?

— Роденьские, все будет, все сделаю! А пока что не обойтись без вас. Выручайте.

— Нету нашего согласия! — Лиза даже вскочила с дивана.— Как свадьба, так не позовут. А как ферму чистить, первыми приглашают!.. Небось, и «газик» пришлешь?

— Пришлю.

— А мы не поедем! Мы на пенсии!

Борис Емельянович с надеждой посмотрел на Шуру. Та улыбнулась.

— Да не бренчи ты, Лизка. Поедем, куда мы денемся.

Бригадир просиял:

— Спасибо, мои красавицы, спасибо, куколки. Лизка, занозина, давай поцелую!

— Нечего, нечего. Ишь, завертелся.

— Да, мне еще к бухгалтеру! — вроде бы вспомнил Борис Емельянович.— До свиданья вам.

Когда за ним закрылась дверь, Шура сказала виновато:

— А на фирме-то холодно. Сквозняки.

Лиза не ответила, только поджала губы.

— Ты завтра мою кофту надень. Серую, вязаную.

— Обойдусь...

— Вот те на,— огорчилась Шура.— Надень, Лиза, обязательно надень.

— Думаешь, я не знаю? — Лиза бесстрастно смотрела в телевизор, но голос у нее вздрагивал.— Ты эту кофту Люське Бондиной давала, за шифером ездить.

— Ну и что?

— А то, что тебе все равно, что я, что Люська-шалава!

— Уж тебе и Люська не угодила...

— Нахалка она! Дороги в твой дом не знает, а кофту попросила!

— Ну, раз надо было...

— Ты для всех хорошая! А я для всех.

плохая. Это ты нарочно так подстраиваешь! Я ведь не слепая, я все вижу!

— Да бог с тобой... и чего ты выдумала? — растерянно бормотала Шура. Но Лиза продолжала выкрикивать, разжигая себя все злее:

— Я скажу нет, а ты — пожалуйста! Я скажу да, а ты поперек!... И всегда потвоему выходит. Тихая-тихая, а водишь меня, как овцу на веревочке!.. Ты со всеми вась-вась: не хочешь отношение портить. Только меня не жалеешь, нервы мои!

Шура наконец не выдержала:

— Ох, Лизка, черный у тебя рот.

— А у тебя душа черная!.. Хватит! С этой поры я тебя не знаю, ты меня не знаешь! И сей раз уже окончательно... Подыхать буду, прощаться не позову!

Она стала надевать пальтишко, но от волнения все попадала рукой в драную подкладку.

— Куда ты, бешеная? — испугалась Шура. — У тебя в доме стужа!

Лиза уже шла к выходу. Подруга выложила последний козырь:

— У тебя телевизора нету!

Хлопнула дверь, и Шура осталась в одиночестве...

...Уже смеркалось. Она сидела и печально смотрела в телевизор. Там что-то разладилось: по экрану вместо изображения бежали волны, прыгала какая-то рябь. Но Шура это было все равно. Она смотрела и не видела.

А Лиза, не сняв пальтишка, сидела у себя в нетопленной избе. Из не желающей разгораться печки лез в комнату дым. От дыма ли, от недавней ли ссоры, Лизины глаза полны были слез. Всклпыывая, она смотрела в окошко — синее, как экран телевизора.

Наутро обе они работали на ферме. Работали рядышком — шпарили кипятком фляги, — но не разговаривали и не смотре-

ли друг на дружку. До них доносились обрывки чужих разговоров:

— В район электродоплки прибыли.

— А нас опять бортником?

— Почему бортником? Это Кузя хлопал ушами, а новый, он выхватит!..

Две девушки в телогрейках мыли окна и судачили о своем:

— Она на танцы брюки-клевш надела, удивила деревенских... А сама не знает, что уже давно с манжетами носят.

— А у ней?

— А у ней без манжет!

Распахнулась дверь. Мужчины прприялись вывезить навоз. В помещении ворвался белый морозный пар, стало холодно.

Баба Лиза зябко поежилась. Шура вынула из сумки серую старенькую кофту и повесила на гвоздик перед самым Лизиным носом. Сперва та как бы и не замечала эту кофту. Потом сняла с гвоздя и демонстративно положила на Шурину сумку.

— Дорогие друзья! — улыбнулась из телевизора женщина с красной прической. — Приближается день Советской Армии, и мы передаем концерт по заявкам наших воинов...

Шура смотрела на экран, горестно подперев голову рукой. Постучали.

— Отворено! — крикнула Шура с надеждой.

В дверь заглянула женщина с кошелкой.

— С наступающим, тетя Шура! Ты мне бокалов не дашь? И тарелочек.

— Не дам. Извини, конечно, но завтра самой потребуется.

Соседка не обиделась.

— Пойду к Федосеевым. Может, там разживуся... Ты чего повеселая?

— Так...

Соседка ушла, и Шура снова осталась наедине с телевизором. Краснознаменный ансамбль пел старую хорошую песню про войну народную, священную войну...

Двадцать третье февраля в этот год выпало на воскресенье. Над избами кое-где висели флаги, по улице празднично гулял народ. Подросток лет пятнадцати без смысла и со страшным ревом гонял взад-вперед на мотоцикле.

Лиза, с узелком и с лопатой в руках, шла в сторону от деревни. Тропинка петляла по оврагу, потом повела к заросшему кустарничком косогору. А дальше шла снежная целина до самого леса. Лиза увидела след, оставленный большими валенками, и пошла не по следу, а рядом...

На опушке она увидела Шуру: та лопатой раскидывала снег.

— Здравствуй, Лиза,— робко поздоровалась Шура. Не ответив, Лиза взялась за свою лопату.

Снова они очистили от снега могилу и свою скамеечку. Лиза вынула из узелка печенье и две конфеты, положила на холмик. Потом присела на скамью.

Шура порылась в сумке, достала пару вареных яиц, а также пачку сигарет «Лайка». Вынув две сигаретки, она положила их рядом с конфетами и тоже села. Так они сидели рядышком и смотрели на могильный холмик. Наконец Лиза смилостивилась, заговорила:

— Чего ты вдруг сигареты принесла?

— Может, они курящие были? — обрадованно ответила Шура.

— Через тридцать лет вдруг курящие стали? Не было у них ничего — ни махорки, ни спичек.

— Да уж больно красивые,— объяснила Шура виновато и показала пачку. Они помолчали.

— Тут ветер сильный. Намекает,— сказала Лиза.— Надо бы кругом веток наткать.

— Обязательно надо.

Опять помолчали.

— Поминать у меня будем? — решившись, спросила Шура. Лиза не сразу ответила:

— Я к тебе не пойду. Ты меня из дому выгнала.

— Я на такое не способна. Ты это, Лиза, хорошо знаешь.

— Ладно уж, приду... Только чего я тебе скажу: ветками тут не загородишь. Надо чем поздоровше...

Через поле тянулись бесконечной шеренгой щиты снегозадержания. Лиза огляделась, убедилась, что никого нет, и махнула Шуру рукой. Та проворно вытащила из забора, с краю, несколько щитов.

Пока они складывали щиты и увязывали веревкой, Лиза говорила:

— Ты меня, Шурочка, тоже должна понимать. Мы с тобой как два цветика остались на поле скошенном.

— Да уж... Война всех выкосила,— кивала Шура.

— Кому мы нужны, кроме как друг дружке? Кто про нас помнит?.. Нет, вспоминают, конечно,— когда попросить чего или на работу... Только за этим и приходят. Вот чего мне обидно.

— А для чего им еще приходить? — рассудительно сказала Шура.— Целоваться с нами? Так те годочки ушли, не видать куда!.. И мы с тобой, пока молодые были, не больно стариков уважали.

Волокуша была готова. Подруги взялись за веревку и потянули свою добычу с поля.

...Неподалеку от могилы, с наветренной стороны, стоял теперь аккуратный деревянный заборчик.

Когда старухи, довольные сделанным делом, вернулись в деревню, они увидели, что около Шуриного дома стоит колхозный грузовик.

— Это за щитами приехал,— охнула Шура.— Дознались...

У Лизы тоже упало сердечко:

— А мы упрямся! Не были, мол, там и не были...

Водитель высунул из кабины молодое круглое лицо:

— Тетя Шура! Баба Лиза! Вы где гуляете?.. Я вам дрова привез!..

...Дрова — точнее сказать, чурки и обрезки горбыля с лесопилки — были уже свалены у стены Шурино дома.

— Спасибо тебе, Юрочка, — благодарили старухи. — Пойдем к нам, чай пить!

— Не, не могу. Дела.

— Какие еще дела, — наседала Лиза. — Заходи! Расскажешь, чего где делается.

— У нас и четверка есть, — подкинула последний козырь. Шура.

Водитель надменно улыбнулся:

— Четверка сейчас совершенно ни к чему. Я на телеге.

И он полез в кабину.

Вечером они сидели у Шуры. Тихо играл телевизор. На столе, кроме обычных двух приборов, стояли еще семь. И около каждого — налитая до краев стопочка. Со стороны могло показаться, что женщины ждали гостей, но так и не дождались.

— За родных наших, — громко и растроганно сказала Шура. — Кого с нами уже никогда не будет! За их светлую память...

— И за наших двоих солдатиков, — добавила Лиза.

Они выпили, закусили грибочками.

— А нам, чтобы здоровье было. — Это сказала Шура.

— Ты все ж таки соберись к доктору, — посоветовала Лиза. — Коленка — дело не шуточное...

— Да может, я не так ступила.

— А вдруг отложение соли? Или менниск? Или же ридикулит?

Шура только рукой махнула:

— Давай-ка лучше споем. Старинную... Только ты не горлань.

И не обращая внимания на телевизор, они запели:

На позицию девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилися
На ступеньках крыльца...

В сених раздалися шаги. Вошел без сту-

ка бригадир Борис Емельянович. Он оглядел стол, чинно снял у порога шапку:

— С праздником!

— Проходи, Боренька, проходи. Будь гостем.

— Да я на минуточку. Еще дома не был.

Он хотел было сесть, где стояли пустые тарелки, но вовремя сообразив, присел чуть в сторонке. Женщины достали тарелочку, вилку, бокал и поставили перед гостем. Борис Емельянович встал и произнес тост:

— Шура! Светлая память твоему мужу Степану Ивановичу и сыну единственному Михаилу... Лиза! Светлая память твоему мужу Андрею Васильевичу и сыну единственному Сергею, а также твоему брату и другу моему Павлу... Светлая память и двум безымянным солдатам, которые в могилке за оврагом... Всем им вечная память и вечная слава!

Он выпил, тихонько поставил бокал на место и сел.

— Спасибо, Боря, — растрогалась Шура. И Лиза поддержала:

— Спасибо, Емельяныч, что и ты нас не забываешь... А я уж, дура, подумала: опять у бригадира прокол.

— Да разве ж я... Не, не. Я только хочу про могилку сказать.

— Ругать будешь? — виновато спросила Шура.

— За что? — насторожился бригадир. Но Лиза перебила:

— Да чего ты, Шура!.. Давай, Боренька, рассказывай.

— В сельсовете разговор был. Что, мол, скоро День Победы. Сколько солдат полегло в наших местах, а памятника нету.

— Точно! — сурово сказала Лиза. — Давно бы уж пора.

— Пора! Но на всей нашей территории — ни одной братской могилы. Вот только что ваша... И есть такое мнение, могилку эту в центр села перенести.

— То есть как? — обомлела Шура.

— Ну, перезахоронить солдат... У самого сельсовета, на площади.

— Ни к чему это!.. Не желаем! — в один голос отозвались старухи.

— Там-то им лучше будет лежать,— вздохнул бригадир.— Не на отшибе, а на самом видном месте. Чтобы каждый живой поклониться им мог, цветочки принести...

— Ничего мы не знаем,— отрезала Лиза.— Где вы раньше-то были?.. А в пятьдесят втором? Не ты ли там распахать собирался?

Борис Емельянович опять вздохнул:

— Ну, это дело бывшее... А вы-то сами... Или вечно жить собираетесь? Что с могилкой станется, когда вас не будет?

— Вот тогда и перенесете. А куда мы живы — не отдадим!

— Как это не отдадите? А если вас и спрашивать не станут? — уже сурово сказал Борис Емельянович.

— Ты не пугай, Боря. Мы в сорок первом немцев не испугались, а тебя уж тем болше! — огрызнулась Лиза. А Шура добавила:

— Мы ее своими руками копали. Значит, наша она!

— И советскую власть не послушаете?

— Над могилкой этой ни у кого власти нет. Только лишь у нас,— не сдавалась Лиза.— Наши солдатики! Наши теперь!

— А если б родные их матери захотели? Чтобы в село... Тогда как? Вы и против матерей пойдете?

— Солдатики наши безвестные,— не сразу нашлась Лиза. Но бригадир напирал:

— А куда вы документацию ихнюю подевали? Медальоны, книжки воинские?

— Ничего у них не было,— растерянно сказала Шура, чуть не плача.— Только фотка у одного, так на ней ничего не видеть. Вся кровью залита.

— А где эта фотка? Покажи!

Наступило молчанье. Потом Лиза сказала:

— А ее у нас нету. Потеряли.

— Как нет? Была же. Сам видел.

— Потеряли. В ту весну еще искали — не нашли.

— Лизавета, ты не крути!

Шура не выдержала:

— Ну есть она, есть... У меня.

Избегая Лизинога взгляда, она подошла к стене и достала из-за ходиков ворох всяких бумаг. Это были пожелтевшие похоронки, какие-то справки, пенсионная книжка... Был там и уголок красноармейской книжки с маленькой фотографией. Изображения на ней, действительно, не было — только густое темное пятно.

Борис Емельянович взял этот обрывок в руки, стал рассматривать.

— Хоть бы что-нибудь, хоть буковка...

— Говорили ж тебе,— буркнула Лиза.

— Все равно.— Бригадир достал бланк наряда, завернул в него фотографию и спрятал в нагрудный карман.— Я эту карточку в газету пошлю. Наука теперь чудеса делает. Вон, в «Неделе» писали: химия, ультралучи. Может, восстановят... Тогда и поговорим... Бывайте!

Едва за бригадиром закрылась дверь, Лиза дала волю своей злобе:

— Ты что наделала, дура блаженная? Кто тебя за язык тянул?.. Я говорю — нету, значит, нету! Значит, стой на том!

— Так ведь есть,— робко оправдывалась Шура,— как же не сказать?

— Опять ты поперек! На зло, что ли?.. Вот отыщется какой-никакой сродственник — и заберет! У них все права!

Шура упрямо глядела в пол:

— А жулить на старости лет тоже не годится. Сколь годов живу, чужого не брала.

— А я, выходит, беру? Я, выходит, жулье? Воровка?.. Зачем же ты меня в дом пускаешь? Я и у тебя все повиытаскаю!

— Вот уж правда, что язык без костей! — озлилась и Шура.— Угомонись ты, чума!

Но Лиза уже ничего не слышала:

— Нет уж, я лучше уйду. Я тут не останусь... Все, Шурка! Вот на этот раз уже окончательно все! До самой до гробовой доски!

Мартовское солнце грело по-весеннему весело. Осевший снег стал серым, коздреватым. Шура подымалась вверх по косоугру. Издалека она увидела: на скамеечке у могилы сидит Елизавета. В нерешительности Шура остановилась.

Но Лиза и сама заметила бывшую подругу. Встала, освободив скамеечку, и молча ушла.

Потом они сидели каждая в своей избе.

Шура без интереса смотрела по телевизору фильм-оперу.

А Лиза, нацепив очки, читала журнал «Здоровье».

За деревней разлился кисельной рекой закат. Хлюпая модными сапожками по проталинам, бежала к Лизиной избе девушка с запеленутым младенцем на руках.

Лиза работала во дворе: тюкала топором, поправляя подгнившую ступеньку крыльца.

Девушка окликнула ее из-за ограды:

— Баба Лиза! Вы с Валерочкой не посидите? Мама в район уехала, а мне уходить.

— Куда это? На танцульки?

— Ага. На танцы,— неохотно призналась гостя.

Лиза оставила топор:

— Я тебе, Антопина, прямо удивляюсь. Что у тебя в голове? Ветер мякину шевелит. И больше ничего!.. Восемь классов и то окончить не сумела. На работу тебя кнутом не згонишь... А на танцы — это пожалуйста. Это можно за семь верст.

— Ну, чего вы, баба Лиза,— огорчилась Тоня.— Может, я там свое счастье найду.

— Уже нашла одно. Не хватит с тебя?

Из свертка донесся протестующий писк.

— Иди-ка, Тонька, домой,— велела баба Лиза.— Посидишь с ребеночком и книжку считаешь. Тебе же лучше.

— Хорошо, баба Лиза,— грустно сказала Тоня.— До свиданья.

Проводив девушку глазами, Лиза пошла в дом.

Она вытянула из печи кастрюльку с кашей, отсыпала себе в мисочку, но есть не стала. Посидела в раздумье над кашей и сыпала обратно в кастрюлю. Из-за печи доносилось стрекотанье сверчка.

— Цыц, проклятый! — крикнула ему баба Лиза. Но сверчок не унялся, наоборот,— запел еще громче. Аккомпанируя ему, падали со звоном капли с потолка в подставленное ведро.

Хлопнула дверь, вошла Шура и с неупокой улыбкой остановилась у порога:

— Здравствуй, Лиза! — Не получив ответа, она продолжала: — Пойдем ко мне, я тебе чего покажу. У меня чудо есть.

Лиза молчала. Подруга покосилась на ведро, на протекающий потолок.

— Ну, будет, будет сердчать. Пойдем.

— Ладно,— уступила Лиза.— Пойду.

Укутываясь в платок, она пожаловалась:

— Слышишь, сверчок цвиркает? Спать не дает.. Надо его хлорофосом отравить.

— Да что ты,— расстроилась Шура.— Сверчок хороший. Сверчок — это, Лиза, зимний соловей.

..В Шуриной избе было, как всегда, тепло. На диване, на развернутом одеяльце, лежал Валерочка. Он орал, дрыгал ногами, сжимал и разжимал мокрые кулачки. Старухи стояли и глядели на него.

— Чудо... Скажешь тоже,— фыркнула Лиза. — С этим чудом Тонька ко мне совалась, да я ее погнала.

Шура, не слушая, разговаривала с младенцем:

— Ты чего кричишь? Чего командуешь? Ах ты, бригадир!.. Смотри, Лиза, задок-то красненький, прямо как помидорка.

— Эту мать в тюрьму надо!.. У тебя присыпка есть? Или детский крем.

— Откудава? Мы постным маслом помажем.

— Можно,— разрешила Лиза.— В журнале написано. Только масло пужно кипяченое, чтобы инфекцию не завести.

...Уже запеленутый Валерочка спал и сосал во сне пустышку.

Шура с Лизой смотрели телевизор — любимое свое фигурное катание.

— Ой, глупая моя башка,— вздохнула Шура.— Правильно ты меня песочила... И зачем я карточку отдала!.. А теперь, Лиза, мне чего-то боязно, чего-то я все жду, жду...

— Может, ничего и не будет,— великодушно сказала Лиза.— Это Борька просто так болтал, без понятия... Столько лет. Там уже реакция химическая... Никакая наука не поможет!

— Правда? Ну, тогда хорошо.

В овощехранилище, где перебирали проплогонный картофель, влетела Тоня с газетой в руках:

— Где тетя Шура? Баб Лиз! Смотрите, про вас в газете напечатали!

Она прошла между длинными бункерами с картофелем и остановилась под лампой.

— Девочки, смотрите! Наших на всю страну прославили!

Работницы окружили Тоню, заверещали:

— В газете?.. Покажи!.. Да прочитайте всем!

Тоня громко начала:

— «Случилось это осенью сорок первого, когда наши части отходили с боями. За околицей глухой смоленской деревни женщины — Елизавета Егоровна Петюнина и Александра Матвеевна Громова — нашли двух убитых бойцов. По стреляным гильзам, по тому, как лежали бойцы, было видно, что дрались они до последнего патрона и погибли геройской смертью. Женщины спрятали их и ночью, тайком от немцев, похоронили: сами сколотили гробы, сами вырыли могилу...»

Шура и Лиза сидели у кучи картофеля и слушали газету. Лица у них были тревожные, испуганные.

— «За могилой этих неизвестных сол-

дат они заботливо ухаживают до сих пор. Никаких документов у воинов не было — только окровавленная фотокарточка, которую женщины берегли все эти годы. Теперь этот снимок удалось полностью восстановить. Вглядитесь в лицо красноармейца! Может быть, вы узнаете в нем близкого человека, однополчанина, соседа и можете восстановить имя героя...»

Все столпились вокруг Тони, разглядывая серьезное молодое лицо в красноармейской пилотке.

— Смотрите, молоденький... Лет двадцать... Может, и двадцати нет.

Газета пошла по рукам.

— Возможно, кто и отзовется... Газета центральная, читают всюду.

Люди как-то по-новому смотрели теперь на Лизу с Шурой.

— Баб Лиз! А второй, он тоже молодой?.. Если этого узнают, так и второго назовут... Тетя Шура! А, тетя Шур!

Старухи не отвечали.

— Баб Лиз! Да что вы как ушибленные?.. Вам теперь, наверно, медали дадут... На кино снимать будут!

— Дай-ка сюда,— сказала наконец Лиза. Далеко отставив газету, она взгляделась в фотографию и неохотно признала:

— Он.

А всегда добродушная Шура вдруг обрушилась на девчат:

— Чего разгалделись, сороки-белобоки? Ля-ля, ля-ля, а работа сама пускай делается!

Женщины смотрели на нее в полном недоумении. От этого Шура совсем расстроилась:

— А ну их. Пойдем, Лизавета!

Лиза сложила газету, спрятала в сумку, и обе направились к выходу...

Они шли по улице, не разбирая дороги. Лиза корила подружку:

— Вот и вышло все по-моему. И карточку проявили, и расписали на всю Россию.

— Может, и не скажется никто,— без уверенности предположила Шура.— Ведь

это когда было... Может, у него все померли. А может, он был вовсе бессемейный... Ах, дура я, дура безголовая!

Снег уже вовсе сошел. Апрельская та-лая земля дышала паром. Рядом с бурой прошлогодней травой поблескивали иголки новой. Старухи ковырялись в своих огородах. Из-под куста смородины, перед самым носом тети Шуры, с криком выско-чила галка. То ли у нее было поранено крыло, то ли еще что, но только она не по-летела, а отскакнула в сторону, испуганно глядя на старуху.

Шура поманила птицу пальцем и шаг-нула к ней. Та отпрыгнула еще дальше.

— Не бойся, глупая,— сказала Шура.— Иди ко мне, я тебя вылечу... Чего глаза таращишь? Я-то тебя не съем. Тебя кот Васька скушает.

Галка в панике шарахнулась, пролезла под плетнем и оказалась в огороде у бабы Лизы.

— Лизка! — крикнула Шура.— Лови галку! У тебя в малине прыгает.

Лиза подошла к плетню, увидела птицу и отметила:

— Глазок-то какой хитрый. Прямо как у Емельяныча.

Галка поскакала прочь от Лизы.

— Шур! Заходи от оврага! Она туда правит... Да не беги, она тебя боится.

— Чего ей меня бояться. Это она тебя испужалась.

Они осторожно наступали на галку с обеих сторон.

— Тю-тю-тю... Мы тебе имечко дадим, Галей назовем,— уговаривала Шура.— У меня в сенях жить будешь. Семечками угощу!..

— А ко мне пойдешь — целый чулан в твоём владенье,— переманивала Лиза.— Я тебя Цыганочкой звать буду, кашки дам.

— У ней в чулане солнца не бывает. Иди, Галя, ко мне!

— Не слушай Шурку, Цыганочка. У ней в телевизоре треск страшный.

От этой игры старухи получали большое удовольствие.

— Не верь Лизке, Галочка! Она чего хочешь наговорит... У ней язык...

Но тут галка вспорхнула, полетела низко-низко над землей и скрылась из ви-ду. Шура вздохнула:

— Не захотела жить с нами птаха.

— Да. Скучно ей с нами, с таким старьем.

Молодая женщина в плаще и резиновых сапожках, постучав, зашла в избу и заста-ла старух за чаепитием.

— Здравствуйте, Александра Матвеевна, здравствуйте, Елизавета Егоровна.

— Вот хорошо-то! Садись, Леночка, мы тебя горяченьким напоим.

— Спасибо, не хочу... У нас экскурсия была на озеро, и Терехина Таня из третьего класса нашла гнездо... Даже это не гнездо, а просто на старой осоке лежали — вот...

Из-за пазухи она достала носовой платок, а в нем три зеленоватых яйца.

— Я думаю, это дикой утки.

— Утинные,— подтвердила Шура.— И как это их онтарка не съела.

— Ондартра,— поправила Лиза.

— Александра Матвеевна, их нельзя подложить под вашу несущку? Ведь жалко... А вылупятся утята — мы их возьмем в школьный уголок.

— Навряд ли,— покачала головой Ли-за.— Если мать отлетела, значит, они уже остыли, замерли.

Но Шура рассудила по-другому:

— Давай. Попыток не убыток. Положим с куриными... Яйца-то меж собой драться не станут...

— Садись, Лена. И так редко ходишь. Садись чай пить,— потребовала Лиза.— Мы тебя и покормим, ты не думай.

— Ой, не могу. У меня тетрадок — прямо до неба.

— Четыре, пять, шесть, семь,— считала стопочки Шурина соседка — та, которой от-

казали в посуде 23 февраля. Тарелки и вилки были уже сосчитаны и отложены.

Лиза в эту процедуру не вмешивалась, смотрела телевизор.

— К празднику Первая наша цех приходит с очень хорошими показателями, — рассказывала с экрана симпатичная молодая женщина. Телевизор чего-то барахлил. Гудел, как примус, мигал.

— Спасибо, тетя Шура, — растроганно сказала соседка. — А третьего числа принесем, не сомневайся.

— Гуляйте на здоровье, — вздохнула Шура и пошла в сени проводить гостью.

Вернулась она не одна: следом за ней шел худой мужчина в плаще и шляпе — председатель колхоза Деев. Лицо у него, как всегда, было озабоченное.

— С праздником! — поздоровался он. — Громова, Петюнина, собирайтесь. Поедем сейчас.

— Кому это мы понадобились? — спросила Лиза.

— В райком. Машину за вами прислали...

Перед избой, окруженная любопытными, стояла черная «Волга».

— Подумаешь, «Волга!» — громко, чтобы слышал молодой шофер, говорила Тоня. — Теть Шура! Баб Лиз! Не езжайте. Пускай «Чайку» пришлют!

Старухи, принаряженные, нерадостно взволнованные, полезли в машину. Председатель уже сидел рядом с шофером. Рывкнув сигналом, «Волга» покатила по украшенной флагами деревенской улице.

В районном центре, у райкома партии, машина остановилась. Деев помог старухам вылезти.

В кабинете первого секретаря людей было много. Каждый поздоровался с Шурой и Лизой за руку, назвал себя.

— Веретенников Геннадий Петрович. — Это сказал первый секретарь.

— Шанина. Секретарь по пропаганде.

— Майор Кротов. Военком.

— Демидов.

— Муриш.

Старух усадили на диванчик. Они сидели, положив руки на колени, тесно придвинувшись друг к другу — для уверенности.

— Так вот, товарищи, кто не знает, — Веретенников развернул газету, — сегодня опубликована еще одна статья. О результатах поисков.

— О результатах, — шепнула Лиза Шуре.

— Как известно, мы опубликовали эту фотографию, — стал читать секретарь, видимо, не с самого начала. — Прошел день, другой, а на третий было получено письмо: «Здравствуйте, дорогие товарищи из газеты. Это он! Он, мой родной, о котором я тридцать лет не могла ничего узнать. Мой сын Павел Васильевич Федосеев. Мой Пашенька»...

Старухи переглянулись.

— Пашенька, — растерянно сказала Шура.

— Казалось бы, загадка разгадана, — продолжал секретарь. — И вдруг еще одно письмо. «А фамилия этого неизвестного, которого я признала на портрете, Писаренко Антон Демьянович. Это мой муж, с которым я прожила только годик. Посылаю вам снимок, на котором я, слева, взяла его за плечо»... А потом еще одно. «На фотографии — житель деревни Сюндюково Чувашской АССР Николай Трофимович Орлов, 1919 года рождения. Это признали две его сестры и брат. В деревне живет его мать, ей уже восемьдесят лет, она не владеет русским языком. А сестры очень волнуются и плачут, не могут писать. По их просьбе пишет вам это работник военкомата Марков»... А потом еще и еще. «Мой муж... Мой сын... Мой брат... Мой отец... Мой жених... Мой друг...» Строки писем. Трудно поверить, но таких писем — больше ста.

— Больше ста! — вырвалось у кого-то.

— Эксперт-криминалист М. В. Воронков приступил к проверке. Используя новей-

шие научные методы, он сличил присланные в письмах фотографии с карточкой, которая хранилась все эти годы у Александры Матвеевны и Елизаветы Егоровны...

— Про нас,— подтолкнула Шура подругу.

— И выяснилось, что ошиблись все. Как ни больно, но об этом нужно сказать прямо. Мы узнали имена ста героев, но как зовут того, кто изображен на карточке, установить пока не удалось...

— Не удалось! — шепнула Лиза Шуре.

— Как нам сообщили, останки славных воинов девятого мая, в День Победы, будут торжественно перенесены и похоронены на центральной площади большого современного села Любцы.— Веретенников положил газету на стол.— Вот, товарищи Громова и Петюнина, какое великое дело вы сделали... Благодарим вас от всей души.

Он пожал обеим руки, и остальные тоже пожали.

— А вы, товарищи,— Геннадий Петрович обвел глазами присутствующих,— проследите, чтобы все было хорошо — действительно торжественно.

— Я обеспечу военный оркестр и эскорт,— сказал военком.

— Товарищ председатель! — обратилась Шанина к Дееву.— Надо все деревни оповестить. Чтобы процессия была побольше...

Первый улыбнулся старухам:

— Как вы считаете, вроде, все хорошо выйдет?

Наступило неудобное молчание. Наконец Лиза сказала:

— А мы никак не считаем. Мы против.

— Против чего?

— Не отдадим солдатиков.

Стало еще неудобней.

— Обождите, я что-то не понимаю,— растерялся Геннадий Петрович.

— Вы уж на нас не обижайтесь, но только мы не согласны...— На глазах у тети Шуры показались слезы, и она замолкла.

— Если б у них нашлись родные, мы бы слова не сказали,— пояснила Лиза.— А так они наши. Не надо их переносить.

— Да что вы, бабы? Вы что? — тихо сказал Деев.— Теперь уж это дело государственное, народное.

Шура с Лизой молчали, глядя в пол.

— М-да,— крикнул военком.— Вот какое настроение...

— Там будет сквер, прекрасный памятник поставим,— попробовал урезонить старух Мурин. А Шанина разъярилась:

— Могила будет принадлежать и вам... И другим. Всем... Почему вы говорите — «наши, наши». Они же в самом деле не ваши!

Старухи продолжали упрямо молчать. Тогда первый секретарь сказал:

— Прекратим дискуссию, товарищи. Без согласия...— Он заглянул в газету: — Александры Матвеевны и Елизаветы Егоровны мы не имеем права решать. Пусть они недельку подумают и скажут нам.

Шура и Лиза недоверчиво смотрели на него. Он повторил для них:

— Слово даю. Как вы решите, так и будет.

Домой старух отвезли на той же «Волге». Выбравшись из машины, они сказали шоферу спасибо — и сразу же увидели две бумажки, засунутые между дверью и косяком. Это оказались телеграммы.

— Кому ж такое?.. Ошибка, наверно.

Они вошли в дом, зажгли свет. Лиза надела очки:

— Нам.

— Ой, беда.— Шура даже взялась за сердце.

— Дорогие Александра Матвеевна Елизавета Егоровна благодарим низко кланяемся Федосеевы,— прочитала Лиза и развернула вторую телеграмму: Не верим газете верим только себе это наш отец муж дедушка никогда жизни вас не забудем семья Рябовых.

— Вот те на,— только и сказала Шура.

...Наутро к избе Лизы подъехал на велосипед почтальон:

— Баба Лиза! Вам почта... Распишитесь.

Он подал вышедшей на крыльцо Лизе телеграмму, две открытки и письмо, а потом укатил.

— Шура! Шура! — позвала Лиза через забор. — Зайди ко мне!

...Они читали по очереди:

— Может быть, вы припомните: у него на левой руке, между большим и указательным, была наковка — буква «Б». Это мой Боря...

— Поздравляем вас с праздником Первомая. Желаем долгих лет жизни. Пускай по-ихнему это не наш отец. Пришлите нам копию с той найденной фотографии. И мы повесим ее у себя дома. Для нас он отец...

— Ох, господи, — вздохнула Шура. — Теперь ко мне пойдём. Мне тоже пришло.

Первый раз после долгой зимы колхозных коров погнали на выпасы: пускай попробуют первой травки. Стадо выплескивалось пестрыми волнами из ворот коровника. Коровы — даже старые — подскакивали, бодали от радости воздух, мычали, задирая морды к голубому небу. Между ними носились совсем уж ошалелые телята-годовички.

Шура с Лизой стояли у дороги и смотрели на счастливых коров с удовольствием и завистью.

На ферме старух окружили девчата. Галка — та, чью свадьбу справляли зимой, — читала вновь полученные письма:

— Я уже очень старая. Была бы получше, то обязательно приехала бы на могилку к моему Лешеньке. Эксперт ошибся, а я ошибиться не могла. Я сердцем чувствую.. Но не приеду. Ноженьки плохо ходят. А то и вас хотела повидать, посмотреть, какие вы хорошие...

Шура с Лизой слушали эти слова бесстрастно. Непонятно было, радуются они или печалются...

...Старухи сидели на скамейке у могилы. Аккуратный холмик уже засветился светлозеленой весенней травой. На скамейке, между Шурой и Лизой, лежала стопка писем. И голоса тех, кто писал эти письма, звучали над безвестной могилкой — звучали мягкий южный говор и северная скороговорка, голоса неуверенные и напористые, городские и деревенские.

— Я никогда не могла свыкнуться с мыслью, что от моего отца ничего не осталось... Это страшное ощущение — нигде, ничего, пустота. Ведь был человек, ведь есть я... Потом — странное чувство радости, находки. И теперь опять пустота. Но я все равно благодарна вам, дорогие...

— Дорогие товарищи Громова и Петюннипа! На фото, конечно, Петр Юрьевич Скулме. Его признали все родственники, кроме матери, которая умерла два месяца назад. В разговоре с дядей он всегда говорил, что в плен сдаваться не будет. Мы надеемся, что это действительно он, это в его характере...

— Если это фото кто-то признал, не смотря, что это мой муж, я прошу сообщить адрес того человека, его имя и фамилию. Возможно, это наш родственник...

— У нас нема цих фотографий. Вин не миг сфотографироваться, бо жили бидно. Но це точно мой брат Шотравка Яким Ульянович...

...С каждым днем писем становилось все больше. Сначала Шура складывала их за ходики. Потом — в коробку из-под печенья...

Вечером коровы умиротворенно возвращались домой. Шура выглядела свою Милку, проводила в хлев и пошла к себе.

Перед телевизором сидела Лиза. Лицо у нее было несчастное и злое.

— Ты что? — испугалась Шура.

— Потух. Ни вида, ни голоса.

Шура кинулась к телевизору, стала крутить ручки.

— Да. Помер телок... Что ж теперь будет?

— Его чинить — это месяц уйдет, — мрачно предсказала Лиза. — Да еще, может, и не починят.

Под самым окном раздался автомобильный шум. Шура выглянула в окошко.

Возле дома остановились две машины — «козлики» и райкомовская «Волга». Из машин вылезли пятеро и гуськом направились к дому. Впереди шел председатель колхоза Деев, за ним — Шанина, потом завроно Муриин, военком и еще один, незнакомый.

Вздохнув, Шура пошла открывать.

— Здравствуйте, Александра Матвеевна! — улыбнулась Шанина. — И Елизавета Егоровна тут? Как хорошо, что вы оказались вместе.

— И всегда мы вместе, — настороженно сказала Лиза. Шура подвинула стулья, принесла табуретку и накрыла ее полотенцем. Все сели.

— А ведь мы к вам по делу! — сказал военком. Шура тихо улыбнулась:

— Да уж видать, что не на гулянку. — Дорогие Александра Матвеевна и Елизавета Егоровна! — начала Шанина. — Мы все — комиссия по перезахоронению праха героев. Ну как вы, подумали?

— Это чтобы переносить? — спросила Лиза. — Нету нашего согласия.

— Опять двадцать пять, — буркнул военком. А Деев встал со стула и заходил по комнате:

— Да какая вам разница, в конце концов! Что ходить подалеже?.. Так я «газик» свой дать могу. Как попросите — в момент!.. Вот, перед всеми обещаю.

— И в пахоту дашь? — ехидно спросила Лиза.

— В пахоту, конечно, не дам. И в сев

не дам, и в уборку... Но вам же и не каждый день надо. Вон я свою мать как любил — а сколько раз хожу к ней? Раз пять-шесть в год!

— А она бы к тебе сто раз пришла, — сказала Шура тихо.

— Если думаете, что некому будет ухаживать за могилкой героев, то не беспокойтесь, — вступил в разговор Муриин. — Шефство берут лучшие пионерские дружины... Вам же, наверное, трудно расчищать снег, сажать цветы, поливать.

— А место там завидное, — гнул свою линию Деев. — Парк разобьем... А то лежат, как неродные, у оврага. Они, я думаю, лучшую долю заслужили.

— А около памятника будут принимать в пионеры, — добавила Шанина. — Молодые в день свадьбы будут приносить цветы.

Старухи отрешенно молчали.

— Ведь уже не отменить. Покатилось дело! — сказал Деев. — Вся страна знает. К нам гости едут из области, из Москвы!.. Телевиденье приезжает. Телевиденье!

Для убедительности он ткнул пальцем в сторону Шуриного телевизора. Но на старух и это не подействовало. Обе вжали головы в плечи, у обеих дрожали губы — а все равно они молчали.

— Я уж и не знаю, как вас еще умолять, — сказала Шанина, тоже чуть не плача. — Вот сколько людей пришло. Что же нам, на колени перед вами стать, что ли?

Шура поглядела на нее, привстала и вдруг сама бухнулась на колени:

— Миленькие, оставьте вы их нам!.. Не отымайте!

Растерянные и удрученные, члены комиссии вышли на улицу и остановились у машин.

— Их, конечно, можно понять, — сказал Муриин. Деев не согласился:

— А я вот не понимаю.

Закурили, помолчали. Потом военком заявил решительно:

— Я считаю, подготовку надо продолжать, а утром девятого мая поставить старух перед фактом.

— Как это перед фактом? — встревожилась Шанина.

— А так. Увидят они своими глазами тьму народа, начальство увидят, сводный оркестр, военный караул, генерала из Москвы — и сдадутся. Не каменные.

— Другого ничего не остается, — кивнул молчавший до сих пор пятый член комиссии. — Старушки поймут.

— А если нет? — колебалась Шанина. — Геннадий Петрович обещал им, что без их согласия...

— Да не пойдут они против всего честного народа. — Деев досадливо махнул рукой: — Согласятся!

А в доме заплаканная Шура говорила:

— Что же это за наказание? И людей обижаем, и себя мучаем!.. Нету покою, нету, Лизанька... Может, у Леночки спросить, чего она присоветует?

— Это своей головой надо... Давай-ка, подруга, мы с тобой в Любцы сбегает.

— Для чего такое?

— А посмотреть. За погляд денег не берут.

Старухи шли по раскисшей проселочной дороге. За плечами котомки, в руках палки: путь предстоял нелегкий и неблизкий. На ходу Шура рассказывала:

— И вот он, змей, нашел осиное гнездо — колобок такой серенький, с кулак будет... Отцепил и домой приволок. А они, смиренные, спят!..

— Ну да, осень ведь, — кивнула Лиза.

— Да... Мишка все же не без ума: он лёточку, лаз-то ихний, бумажкой заткнул. Он, видишь, хотел их в школу взять, на уроке выпустить... Но это уж после узналось... А ночью осы те угрелись, ожили, бумажку выпихнули и пошли по избе вое-

вать. Степан на печке спал, вот они и давай его шулюкать.

— Ой, беда! — засмеялась Лиза.

— Да... Он кричит: Шурка, бежи, копец нам!.. А Мишенька под лавкой затаился — думает, не найдут. А они и туда достигли!..

...У обочины грунтовой дороги они голосовали проезжающим машинам. Но движение здесь было бедное. Проехал мальчишка на велосипеде, машина с домиком на салазках — для строителей...

...Шура и Лиза ехали в кабине высокого большеного трактора «Кировец»...

...На шоссе старухи ждали автобуса. Ждали, наверно, долго: народу на остановке скопилось порядочно...

...Они выбрались из переполненного автобуса, осмотрелись. Это и были Любцы...

На центральной площади располагался сельсовет. Рядом был клуб, который сейчас ремонтировали — заляпанные краской стремянки, неопрятные бочки с известью...

— Сынок! — сказала Лиза, подойдя к одному из рабочих. — Не знаешь, где тут хотят героев хоронить?

— Вон там, бабуся. В парке.

Там, куда он показал, никакого парка не было. Был большой серый пустырь, вбитые в землю колышки и протянутые между ними веревки. Посреди пустыря два плотника, покрикивая друг на друга, строили что-то из горбыля. Еще двое сидели на скамейке, завтракали кефиром с булкой. Старухи постояли, оглядели неуютную эту площадь. Потом Шура сказала:

— Ну уж нет. Не отдадим.

Назад старухи возвращались на попутном грузовике. Они тряслись в кузове, на ящиках с запчастями, и молчали. Не хотелось разговаривать.

Машина дернулась, стала.

— Приехали,— объявил шофер.— Станция Вылезайка!

Шофер был хороший: довез до самой деревни, даже вылезти помог.

Еще издали Шура увидела, что возле ее дома толпится народ.

— Уж не пожар ли,— на всякий случай испугалась она.

На крыльце сидела городская женщина лет сорока. Вокруг расположились местные детишки и даже взрослые. Была тут и Тоня с Валерочкой на руках, был и бригадир.

— Гостей принимайте!— закричал он излишне весело. Почувяв недоброе, старухи замедлили шаг.

— Каких еще гостей?— пробормотала Лиза.

Женщина сошла с крыльца, побежала навстречу.

— Харитоновая я, Ольга Семеновна.— Она поклонилась им низко, потом стала обниматься.— Это моего папу вы схоронили. Спасибо за это вам вечное!

Старухи ее, конечно, не отпихнули, но и не обрадовались. А бригадир Борис Емельяныч (он нарочно тут торчал, чтобы приезжую не обидели) сказал недобро:

— Что же вы гостью свежим воздухом угощаете.

— Пойдемте в дом,— без улыбки пригласила Шура.— Отдохните.

— Я вас беспокоить особенно не буду,— заторопилась женщина.— Может, правда, еще моя сестра придет. Нам только ночку переночевать, а как захоронят — мы сразу по домам. Ну и, конечно, на могилку хотелось бы сходить, на нынешнюю.

— Чаю поьем и сходим,— пообещала Лиза. Харитоновая обрадованно засмеялась:

— Вот спасибо!.. Да, к слову пришло.

Она подхватила с земли и поднесла

Шуре и Лизе по картонной коробке с изображением самовара.

— Я тулячка, значит, с самоварами... Это электрические, вам в подарок,— все говорила Харитоновая.— Достали по знакомству, а потом и забылись: вдруг у вас электричества нет?

— Есть. Все у нас есть,— вздохнула Шура.— Спасибо вам...

Гостья сидела за столом и ела яичницу.

А старухи в это время шушукались в полутемных сенях.

— Я ей прямо скажу: вы сами по себе и мы сами по себе,— грозились Лиза.— Идите к бригадиру ночевать. Он эту карусель затеял!

Шура слушала и качала головой:

— Такая женщина хорошая... Уважительная.

— Еще и подарки эти,— вспомнила Лиза.— Голова кругом идет!.. Да еще сестра придет... Пускай уж переночует?

— Пускай. Но когда на могилку пойдешь, ты сразу садись на скамеечку. Мол, паша могилка!

Снова шли старухи к могилке за оврагом, но на этот раз не одни. Между Шурой и Лизой шагала Харитоновая. Робко поглядывая на неприветливых хозяек, она рассказывала:

— Наша мама тоже хотела приехать, но куда ей. Болеет сильно... Нас у ней три дочки. Любочка с мамой осталась, а Надя обещала обязательно приехать. Она в Тамбове замужем.

— Мать-то чем болеет?— сдержанно поинтересовалась Лиза.

— Ой, не говорите. И диабет, и сердце, и вообще...

...Шура первая поднялась по косогору и сразу увидела: на опушке леса стоит машина и какие-то люди сидят на их заветной скамеечке. Старухи прибавили ходу.

У могилы сидели трое: красивая, хорошо одетая женщина с накрашенными губами, черный мужчина в очках и длинноволосый парень в куртке с молниями.

— Здравствуйте,— спокойно сказала женщина, вставая навстречу.— Кто из вас Александра Матвеевна, а кто Елизавета Егоровна?

Шура показала на подругу:

— Она Елизавета... А вы кто будете?

— Меня зовут Алла Владимировна. Это сын Виктор. А это мой муж, Генрих Аркадьевич Зарафьян.

Зарафьян встал, снял шляпу, поклонился. Сын Виктор тоже поздоровался.

— Мы не стали вас беспокоить — сразу поехали сюда. Дорогу женщины показали,— объяснила Алла Владимировна.— Огромное вам спасибо! В этой могиле лежит мой друг... Можно сказать, жених. Алеша Вишневецкий.

— А почему вы так думаете? — резко спросила Харитоновна.

— Потому что я видела фотографию в газете. Доказательств у меня нет... Но я уверена.

— А у нас доказательство,— заволновалась Харитоновна. Она достала из большой сумки маленькую, из маленькой — ветхий треугольничек письма, развернула и стала читать: «Мы бьем проклятого врага неподалеку от старинного русского города, где когда-то наши били Наполеона...» Это Смоленск, конечно... «Я очень подружился с одним парнем из Саратова. Мы с ним всегда вместе. Он говорит: может, и погибнем вместе, но отступать больше не будем...» Ясное дело, это они!.. Оба друга тут.

Алла Владимировна пожала плечами:

— А вы узнавали по номеру полевой почты? В архиве?.. Какая часть, была ли тут в сентябре сорок первого...

— Ничего мы не узнавали,— всхлинула Харитоновна.— Не написал он обратный адрес.

Некоторое время все молчали, глядя

на могилку. Потом Алла Владимировна приняла решение:

— Поедем в деревню. Александра Матвеевна, Елизавета Егоровна, садитесь в машину... И вы тоже, пожалуйста... Антон, хватит тебе спать, вылезай.

На заднем сиденье дремал толстый мальчик лет двенадцати. Мать потеревшая его за ухо, он открыл глаза, вылез из машины и всем поклонился — точно, как Зарафьян.

— Это сын Антон,— объяснила Алла Владимировна.

Старухи, которые держались настороженно и в разговоры не вступали, тут не выдержали, заохали:

— Ах, ты, бедный, приморился!.. Ну да, натрясло по нашим-то дорогам... А вот мы тебе молочка дадим парного. Любишь парное молочко?

Антон вопросительно поглядел на мать. Она за него ответила:

— Он не знает. Не пил... Молодые люди, вы пройдетесь пешком. Вам полезно.

Она села за руль. Зарафьян занял место рядом, а старухи и — после некоторого колебания — Харитоновна втиснулись на заднее сиденье. «Москвич» тронулся.

— Мы едем в Крым, в отпуск,— рассказывала, не оборачиваясь, Алла Владимировна.— И решили сделать крюк.

— У нас на заводе строго,— сказала Харитоновна.— Спасибо, у меня отгулы нашлись.

Алла Владимировна притормозила. Навстречу машине, махая руками, бежали деревенские дети.

— Там еще приехали! Еще приехали! — кричали они.

Действительно, на крыльце Шуриной избы сидели еще четверо: мужчина лет пятидесяти, с жеваным лицом, в кепке и с палочкой в руке; другой мужчина, помоложе, и две женщины. Одна из них была Надя Харитоновна: сестры кинулись друг к дружке, обнялись, поцеловались.

Вторая женщина — пожилая, с грустным приятным лицом — поднялась навстречу старухам. А человек с палочкой закричал:

— Во какие у нас бабки! На персональной машине ездют! — Он подошел здороваться: — Галкин мое фамилие. Значит так, прибыли к вашему солдатику.

— И кем это он вам приходится? — враждебно спросила старшая Харитоновна.

А старухи молчали: как-то получилось, что другие спорили из-за солдатика, а про них забыли. Галкин сдвинул кепку на лоб.

— Вот об этом мы еще не договорились. Я считаю, к своему товарищу приехал, с которым воевал. Фотография вылитая!.. А она, — он показал на женщину, — думает, что это супруг ее тут скоронен... А вот гражданин говорит — это его брат... Так что полной ясности нету.

Они сидели в доме, заняв все стулья, табуретки и диван. Виктор с Антоном тоже успели вернуться и сидели в углу, на судуке. Все молчали: непонятно было, как и о чем говорить. Первым не выдержал Галкин. Он встал, подошел к телевизору, шелкнул выключателем.

— Подомался, — сказала Шура.

— Жалко. — Он снова сел. — Ну, хотите, я вам хохму расскажу? Обхохочетесь... Иду я со станции, а меня догоняет вот она, Филипенко. Говорит, давайте вместе пойдем. А то за мной какой-то увязался, не отстает... Я поглядел, действительно, идет. А чего бояться-то, говорю. А она: деньги отнимет, разденет. Я говорю — непохож. Смотри, как одет хорошо. А она: может, потому и одет, что других раздевает. А это был вот он, Киреев!

Рассказчик засмеялся, но никто его не поддержал, даже не улыбнулись. Опять помолчали.

— Меня со станции таксист вез, — сказал Киреев. — Да не довез. Как асфальт кончился, говорит: дальше не поеду, утонем... Действительно, дороги тут весной...

— А я проехала, — с удовольствием отметила Алла.

Антон вдруг спросил у Шуры:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть кошка?

— Чего?.. Нет, милый, кошки нет. Курсы есть в сарае.

Антон ушел. Галкин откашлялся и сказал:

— Да... нескладно вышло. Вон сколько родни объявилось и каждый к себе тянет... Это надо кончать. Он не скажет, а больше спросить не у кого.

— Очень разумно, — впервые открыл рот Зарафьян. Все, в том числе и жена, поглядели на него.

— А раз правильно, надо похоронить честь-честью и помянуть по русскому обычаю, — продолжал Галкин.

Старухи беспокойно задвигались, зашептались о чем-то. Остальные также заговорили, перебивая друг друга.

— Как же так, — пачали было Харитоновы, — у нас письмо...

— И пускай каждый будет при своем, чтоб никому не обидно, — сказал Киреев. А Филипенко добавила:

— Чего нам торговлю устраивать? Это ведь дело святое.

— В таком разе нечего расслаиваться. Кто не был на могиле, сейчас туда пойдем. Старушки пускай отдыхают. А бабы... и женщины, — (Это Галкин добавил, поглядев на Аллу), — пока готовят обед. Или, точнее сказать, ужин. На всех... Согласны?

— Да, но с одной поправкой, — сказала Алла Владимировна, которая тоже любила командовать. — Мужчины сначала пускай сходят нарубят еловых веток для вешков. Я привезла искусственные цветы. Очень хороше — пластмассовые.

Но Галкин сразу поставил ее на место.

— Цветочки — это очень прекрасно, но мужиков на такое дело отрывать не стоит... Мы лучше бабушкам кой-какой ремонт сделаем. Это надо, я смотрел... А за

елками мы пошлем... товарища студента пошлем.

— А где тут елки? — недовольно спросил Виктор, но подчинился, встал.

— Где? На елочном базаре... Возьми топор и купи сколько надо.

В дверь робко постучали. Старухи так и вскинулись.

— Еще родственники, — предположила Надя Харитонова. — Мало нас тут.

Но это была Леночка, учительница.

— Ох, я не вовремя, — смутилась она. И, не отходя от порога, позвала: — Александра Матвеевна, можно вас на минуту?

Когда Шура подошла, девушка шепотом спросила:

— Из утиных яиц никто не вылупилсь?

— Чего? — не сразу сообразила Шура.

— Из утиных яиц. Моим школьникам не терпится.

— А... Нет, Леночка. Это дело длинное. Утки, они месяц на яйцах сидят.

Все с интересом слушали этот непонятный разговор.

— Тогда извините за беспокойство. До свидания.

— Погоди, не бежи, — не пустила Шура. — Леночка, сводила бы парня в лес. Он не знает.

— Да у меня сейчас... Ну ладно, провозу, — сказала Лепочка, не глядя на Виктора.

Когда они уходили, Галкин сказал вслед:

— Эх, пришла одна молодая, и ту прогнали! Оставили меня с пенсионерочками... Ну, пошли на могилку.

Зарафьян шел от колодца с полными ведрами, поплескивая себе на брюки.

...В доме сестры Харитоновы чистили картошку, роняя в лохань кружево кожур.

В другом углу Алла Владимировна — уже в тренировочном костюме, в тапочках — распаковывалась. Она достала три

пестрых спальных мешка, пять банок го-вяжьей тушенки.

— Я как чувствовала, взяла... У вас лук, капуста найдется?

— Дадим, — кивнула баба Лиза. — И огурцов дадим и грибочков.

Вошел Антон с куриным яйцом в руке.

— Там и корова есть, — сообщил он тебе Шура.

— Есть, милый, есть.

— А это я нашел во дворе. Наверное, курица потеряла.

— Это рябая. Я ее шалавой зову: где ни попадя несется. Ты его выпей, милый.

— Прямо так? Некипяченое?

— Иди, Антон, иди. Не морочь голову, — велела мать.

Когда мальчик отошел, Лиза не утерпела, сказала:

— Что-то мне чудно. Сами вы черненькие и муж у вас черный, а дети все беленькие.

Алла Владимировна засмеялась:

— Так Зарафьян им не отец. Он у меня третий. Я третий раз замужем...

Она вновь пырнула в чемодан и достала два платка:

— Это вам.

Лиза поглядела и взялась за щеку:

— Никак оренбургские?!

— Спасибо, не надо бы, — сказала Шура, но с удовольствием приняла подарок и пошла к сундуку, упрятывать.

Вера Харитонова отложила нож и двинулась следом. Понизив голос, волнуясь, она спросила:

— Как по-вашему, тетя Шура... Только правду скажите. Это отец там лежит?.. Я вам карточку покажу.

Она вытерла руки и достала из сумки маленькую паспортную фотографию. Шура глянула на снимок, потом на Харитонову: у той в глазах уже начали копиться слезы. Вдохнув, старуха сказала:

— Я так думаю, что он... Вроде похож.

У могилы стояли, сняв шапки, Галкин и Киреев.

На скамейке сидела Филипенко и плакала, тихо сморкалась в платочек.

В густом ельнике Виктор рубил колючие пружинистые ветки.

Лена сидела на пеньке и рассказывала:

— А журнал «Здоровье» — это ее любимое чтение... Рубите вон ту, она аккуратная... Все медицинские слова знает! А как сама заболевает, сразу забудет. «Леночка, золотко, у меня под крылышками тянет!..» Как будто она ангел... А между прочим, совсем не ангел.

Виктор отложил топор:

— Хватит. Давай отдохнем.

— Давайте... А тетя Шура, вот она чудесная!..

Некоторое время оба молчали. Потом Виктор сказал:

— Глухо как получилось. Я матери говорил не ездить, но она же у нас такая энергичная. А тут, оказывается, воп сколько претендентов... Зачем вспоминать самое тяжелое, что было в жизни?.. В этом просто нет смысла.

Лена нахмурилась:

— В твоей жизни ничего тяжелого пока еще не было. Ты даже не знаешь, можно это забыть или нельзя.

— Может быть, и было,— многозначительно сказал Виктор. Но Лена только рукой махнула.

— А они не плохое вспоминают. Они вспоминают самое хорошее, что у них было... Пошли?

— Давай еще посидим. Тут хорошо.

— В лесу всегда хорошо.

В кабинете первого секретаря райкома сидела вся комиссия по проведению торжества.

— И еще, Геннадий Петрович, просьба,— говорил одио из членов комиссии.— У нас в Любцах раскупили всю цветную

бумагу. Люди венки делают... Райунивермаг имеет цветную бумагу, а передать ее к нам в сельмаг не хочет.

— Только и делов-то? — улыбнулся Веретенников и сделал пометку на календаре.— Хорошо. Мы им подсказжем... Дальше?

— Из Москвы генерал Захаров приезжает, от Комитета ветеранов. И еще товарищи,— сказал военком.

— Хорошо... А как старушки? Легко согласились?

Военком замялся:

— Да... Наверное.

— Как это наверное? Я считал, что с ними договорились.

Члены комиссии молчали. Веретенников нахмурился:

— Так. Попытно... А вы разве не помните, какое я им дал обещание? Вот здесь, в этом кабинете.

— Геннадий Петрович,— жалобно сказала Шанина.— Мероприятие приобрело такой размах... И это теперь не только их личное дело...

А военком добавил:

— Мы поняли, что вы тогда... ну, так... из вежливости. Из уважения к ним, что ли.

Геннадий Петрович с шумом отодвинул кресло и встал из-за стола. Он даже покраснел от злости.

— У старух никого нет. Это вам прекрасно известно. Все их мужчины убиты на войне и невесты где похоронены... Только эта могила близко. Все, что у них осталось в жизни... И я свое слово сдержу. Хоть гром греми!.. Если не дали согласия — отменяю всю церемонию!

— Но как же,— растерялась Шанина.— Уже и область в курсе.

— А вот так же!.. Мне выговор влепят, но и вам не поздоровится! Всем!.. Мы еще на бюро поговорим!

На коньке Лизипой избы сидел Галкин с топором, чинил гонтовую крышу и распевал:

А первая болванка
Попала танку в лоб!
Механика-водителя
Загнала прямо в гроб!
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!..

А во дворе у Шуры Зарафьян с Киреевым, скинув пиджаки, пилили дрова большой двуручной пилой.

— Вы не рвите... Тяните спокойно к себе. И глаз держите сверху над пилой,— инструктировал тихого Зарафьяна Киреев. Но Зарафьяна занимали более сложные проблемы.

— Война — это как атомный взрыв. И мы все — облученные,— сказал он невпопад.— За эти годы все клетки в организме сменились, как считается, раз пять... А война все сидит в нас и даст вдруг рецидивы...

Киреев слушал с вниманием — даже перестал пилить.

— Снова вспыхивает боль, снова слезы... Возьмите мою Аллу. Такая радиональная, уравновешенная женщина — а вот, пожалуйста...

— Скажите,— грубовато и сочувственно спросил Киреев,— вам не обидно, что она так? Вы все-таки муж, а она едет как бы к другому... И еще вас тащит за собой...

— Нет. Мне даже приятно,— Зарафьян вдруг улыбнулся.— Я, честно говоря, от нее не ожидал.

— Конечно, хорошо,— помолчав, сказал Киреев.— Нельзя забывать. Память — это совесть... Ладно, поехали.

Они снова принялись пилить.

Старухи разговаривали в хлеву: больше нигде было поговорить, всюду толкался приезжий народ.

— Надо им объявить,— говорила Лиза.— Так, мол, и так. Ничего не будет, мы согласия не дали... Где лежали, там пускай и лежат.

Шура кивала, вздыхала:

— Надо. Конечно, надо... Да ведь я не насмелюсь.

— А я, значит, бессердечная?.. Ну, пожалуйста, я скажу.

— Скажи, Лизанька, правда... Только завтра скажи. Пускай уж ночь поспят... Ох, неладом получилось. Ехали, приехали,— а мы с тобой как кикиморы болотные. Не улыбнемся даже, не обрадуемся.

Шура еще раз вздохнула и села доить корову.

Теперь Галкин чинил крышу не один: ему помогал Киреев. А Зарафьян сидел на завалинке, отдыхал. Постукивая топором, Галкин пел:

Он окончил школу, школу боевую,
Научился метко истреблять врага!
И о нем мечтают, друга вспоминают
Черные ресницы, синие глаза!

Он прервал пение, увидев Виктора и Леночку. С вязанками еловых лап они шли к Шуриному дому.

— Долго, долго гуляли! Вдвоем, а заблудились! — закричал им Галкин.— Студент, тебе боевое задание: наладить бабкам телевизор. Секешь в этом вопросе?

Лепочка отдала свою вязанку Виктору, сказала что-то — Галкин не расслышал, — улыбнулась на прощанье и побежала по своим делам. Постояв, поглядев ей вслед, Виктор пошел в избу.

Во дворе Филипенко говорила старухам:

— У нас все готово. Только посуды не хватает... Ножей, вилок.

— Это я моментом насоберу,— обрадовалась Лиза. Она побежала со двора, а Филипенко, помяввшись, спросила у Шуры:

— Тетя Шура, я вам карточку показывала... Как вы считаете, это он?

Шура поглядела на ее расстроенное лицо.

— Я уверенно тебе не скажу, но только похож. Скорей всего, он и есть.

Лиза стояла под окном соседской избы и с удовольствием рассказывала, пока соседка отсчитывала в ее кошелку ножи и тарелки:

— А Сарафан этот — ему фамилия Зарафьян, это уж мы так, меж собой, зовем Сарафан — он при ней. Он не бойкий, по науке он. — Лиза приняла нагруженную кошелку. — Пойду к Зинаиде...

...У другого дома она рассказывала:

— А солидному фамилия товарищ Киреев. Он большой начальник, министр не министр, но в министерстве работает... Зинаида, ты дала бы мне творожку.

...Шура тем временем сидела на заваulinке своего дома и разговаривала с деревенскими. Их собралось человек десять.

— Смех и грех... Толкутся, ничего сделать не дают: мы сами, мы сами!.. И воду носят, и печку топят... Ну, сами, так сами...

Соседи с любопытством заглядывали в окно — посмотреть, как управляются приежкие.

— Подарков навезли, прямо даже неудобно, — продолжала хвастаться Шура. — Но и назад ведь не отдашь.

— А вы им объявили? — поинтересовалась Тонька. Шура сразу увяла:

— Да нет пока что... Решили, завтра скажем.

Стол в Шуриной избе был уже накрыт — точнее, два стола, Шурин и Лизин, составленные вместе.

— Эх, бабушки-старушки, несравненные мои! — крикнул Галкин, обнял старуху и поцеловал каждую. Глазки у него блестящи, щечки разругались.

— Когда ж ты успел? — неодобрительно спросила Шура.

— А мы по-плотнички, на бровышках...

— Садись, Витя, — позвала Алла Владимировна. — Тебя одного ждут.

— Сейчас... Сейчас. — Виктор, который все время возился с телевизором, щелкнул выключателем. Гости затихли.

Заиграла музыка, потом экран посветлел, появилось изображение.

— Вылечил нашего телочка! — обрадовалась Лиза и объяснила Зарафьяну: — Это мы так меж собой называем — телок, телочек.

— У вас лампа сгорела, — сказал Виктор, обтирая руки. — Шесть жэ один пэ. Работать будет, я схему немного изменил. Но лучше все-таки достать.

— Я припшлю, — с готовностью сказал Киреев. — Шесть жэ один пэ. Заметаю.

Галкин сидел рядом с Филипенко. Пока она накладывала ему в тарелку творога, он балагурил:

— Винтовка большая — на одного. Котелок маленький — на двоих. Почему так, объясни, старшина?

Но, налив себе рюмку, он сразу посерьезнел. Встал, постучал ладонью по столу, хотя и так было тихо.

— Товарищи дорогие! Завтра День Победы, люди соберутся праздновать, а мы с вами в это время будем уже трястись в вагоне... Поэтому я хочу сказать сейчас. Самое большое и великое, что случилось в нашей жизни, — это День Победы. Девятое мая тысяча девятьсот сорок пятого года... За этот день мы воевали четыре годочка. За этот день мы должны сейчас выпить и помянуть тех, кто не дожил.

Надя Харитоновна всхлинула, а за ней — Лиза с Шурой. Все выпили и стали есть с откровенным аппетитом.

— А теперь давайте за бабушек за наших родных! — предложила старшая Харитоновна. Выпили и за бабушек.

Алла Владимировна нагнулась к Филипенко, сказала тихо:

— Знаете, Галина, Зарафьян человек просто чудесный. И живем мы душа в душу. Он к моим детям относится, честное слово, лучше чем я... Но если бы сейчас вдруг, чудом, вернулся Алеша — не знаю

как бы я... Наверно, бросила бы все и побежала...

Лиза тем временем рассказывала Зарафьяну:

— Я так планирую, что мы с Александрой станем пчел разводить. Но, между прочим, не для меда...

Зарафьян вежливо слушал и кивал.

— Для пчелиного молочка. Матка ихняя дает такое молочко, полезное для медицины. Оно ведь большие деньги стоит!..

Сын Антон дергал Аллу за рукав, шептал ей что-то. Она отмахивалась:

— Сиди тихо и ешь!

За мальчика вступился Киреев. Он сидел рядом и слышал их переговоры.

— Пускай, пускай скажет. Товарищи! Антон хочет сказать тост!

Антон встал. Он весь надулся, покраснел и выкрикнул:

— В честь погибших воинов Советской Армии!

— Молодец! — обрадовался Галкин. — Орлепок!.. А рассказать тебе, как я первую свою медаль заработал?.. Значит, так. Отступает наша рота... И меня с дружкой оставляют прикрывать отход. С этим самым, с Андришкой, который тут лежит... Да... А под насыпью, значит, дренажная труба. Бетонная... Мы туда залезли, пулемет установили — ну прямо тебе ДОТ!.. Андришка мне говорит... — Галкин вдруг махнул рукой: — А, ладно! Долго рассказывать... Бабусеньки, вы чего надулись, как мышь на крупу?.. Выпили? Выпили. Значит, надо песни петь... Первый справа, заводи!

— Сам заводи, — улыбнулась Шура.

— Нет уж, давайте вы.

— Запевай, Шура, запевай, — велела Лиза.

Шура смущенно хихикнула, отодвинулась для простору от стола и запеала:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...

Эту самодельную песню, которая поет-

ся на мотив «Синего платочка» знали все, кроме зарафьяновского семейства. Не очень слаженный хор подхватил:

Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война!

Песню прервал стук в дверь. В комнату вошли трое: председатель колхоза Деев, бригадир Борис Емельянович и незнакомый мужчина в погонах милиционерского капитана. Разговор за столом замер. Все с удивлением — а старухи даже с некоторой тревогой — смотрели на вошедших.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал капитан. — Не помешали?

А Деев объяснил:

— Это товарищ Воронков, следовательно из Москвы. По вашим делам приехал.

— Да вы садитесь, — пригласила Шура. — Садитесь с нами, все поместимся!

— Антон, иди спать, — велела Алла Владимировна. Антон неохотно подчинился. Встал из-за стола и Виктор:

— Спасибо. Пойду погуляю.

Старые гости потеснились, повые сели. Разговор ожил как-то сразу. Первым заговорил Галкин:

— Этот следовательно все концы найдет. Не сомневайтесь!

— А ты почему знаешь? — удивилась Лиза.

— Сразу видно — умнейший человек. К ужину приехал.

— Да ну тебя, безумовый, — засмеялась Шура. Остальные тоже поулыбались.

— А вы, собственно, по каким нашим делам приехали? — спросил Киреев.

— Хочу присутствовать при эксгумации... То есть, при вскрытии могилы, — объяснил следовательно. — Поскольку присланные фотографии не позволили установить личность одного из погибших, мы возлагаем надежды на эксгумацию.

Над столом пронесся взволнованный шум.

— Но ведь столько лет прошло, — сказала Алла с сомнением.

— Ну и что же? Товарищи Громова и Петюнина хоронили солдат ночью, спешили... Могли не заметить каких-либо документов.

— Не было там документов,— тихо сказала Шура.

— Истину могут прояснить и какие-то личные вещи — портсигары, зажигалки, ложки, перочинные ножи... Может, кто-нибудь вспомнит? Что могло быть при вашем родственнике?

— Я помню!.. И даже точно при нем есть! — громко и сбивчиво заговорила Вера Харитонова.— Вот увидите, вы завтра ключ найдете!.. Английский ключ, беленький, от двери.

Следователь сделал пометку в блокноте.

— Ключ от английского замка... А почему вы думаете, что он на фронте носил с собой ключ?

— А я уверена! — От волнения Харитонова даже встала.— Последний день, когда он уходил на войну, я на всю жизнь запомнила... Хоть и малая была. Отец с матерью работали на фабрике, трепальщикам, вату перерабатывали. Жили мы бедно... Это сейчас никто не голодает, а тогда родители только и думали, чем бы нам рот набить... А наш папа знаете какой был? Ему через час в военкомат, а он из пруда коряги таскает. На дрова сушить, чтоб мы с матерью без дров не остались.

Мы видим, как это было...

...Максим Харитонов — молодой, серьезный и очень похожий на красноармейца с фотографии вынырнул из воды и поплыл к берегу, толкая перед собой черную склизкую корягу. Двое босоногих девчонок, суетясь и мешая друг другу, вытирали ее на берегу... Потом все трое с криками и свистом волокли целую связку таких коряг по пыльной дороге.

И вот уже Максим с дочками вваливается в маленькую комнату рабочего барака.

— Прибыли! — доложил он жене — то-

ненькой, миловидной, с грудным ребенком на руках.— Теперь, Оля, давай Веркины валенки. Подошью.

— Что ли ты к зиме не вернешься? — недоверчиво спросила Оля.— Сказали, война три месяца будет.

— Может, три, может, меньше. А может, и побольше.

Пока Ольга лазила за валенками, он проверял — что она ему уложила на дорогу. Вынул из фанерного чемодана несколько кусков колотого сахара, пачку паченья «Пушкин».

— Это ни к чему. Детям отдай.

— А тебе?

— Тимошенко накормит.

Он взял латаный-перелатанный валенок и начал орудовать двумя большими иглами и драгвой.

— Продай мои галифе. В городе, на базаре. Там лучше дадут.

— Может, не надо, Максим? Вернешься, в чем ходить будешь?

— И еще возьмешь у Расцепкина двадцать четыре рубля. Он мне должен.

— А как не отдаст?

— Отдаст. Не такая у него совесть.

...Уже с чемоданом в руке, Максим поцеловал по очереди дочерей, обнял Ольгу.

— Ну, пока. Не реви.

Ольга заплакала еще громче, повисла на нем. Максим выгреб из кармана мелочь, ключ, положил все на стол, потом передумал и снова сунул ключ в карман:

— С собой возьму. Без стука вернусь, учти.

Он махнул рукой на прощанье и ушел по длинному коридору...

— Этот ключ обязательно у него. Никуда не мог деться,— закончила рассказ Харитонова.

Ее слушали тихо и внимательно, вспоминая каждый свое, но похожее. Шура с Лизой вытирали глаза краешками платков.

Виктор с Леной шли по проселочной дороге.

— Если нас попутка возьмет, за десять минут будем,— объясняла Леночка.— А пешком минут сорок.

— А как там ночная жизнь? Имеет место?

— Танцы в клубе, кино. В общем, бурлит.

— А я ничего не помню. Никаких вещей,— грустно сказала Алла Владимировна.— Когда мы с Алешей прощались, я так плакала, ничего не видела из-за слез. Буквально ничего.

— Знаете,— медленно произнес Киреев.— А я, пожалуй, вспомнил. Сам я с Магнитки. Что называется, потомственный сталевар. И отец, и брат в одном цеху работали... Кстати, я этого цеха потом был начальником. Пока в Москву не переехал. А тогда, конечно, был пацан. Четырнадцать лет...

...На дворе около заводоуправления собрались стриженные наголо парни — кто с мешком, кто с чемоданчиком. Тут же толпились и провожающие. Всплиывали девушки, вздыхали отцы и матери.

Был тут и мальчишка лет четырнадцати. Он ни на шаг не отходил от веселого рослого парня, очень похожего на солдата с фотографии.

— Ты-то чего приперся? — недовольно говорил старший брат, но в голосе его не было строгости.

— А попроситься.

— Так мы ж вчера целый вечер прощались. Давай пять и чеши домой. Неудобно.

— А они сами сюда идут.

Действительно, из-за угла литейки показался пожилой рабочий в спецовке, а с ним заплаканная женщина.

— Решили с сыном попроситься. Какой-никакой, а все-таки сын! — неуклюже пошутил отец. А мать сказала только:

— Ой, Володечка! — И вскрикнула.

— Эй, только чур без этого! — встревожился Володя.— Багя, давай по-мужски.— Он протянул отцу руку, тот схватил её, стиснул и никак не мог отпустить. Мать заплакала в голос:

— Как мы в дом вернемся, где тебя уже не будет?!

— Ты чего меня отпеваешь? — спросил Володя, стараясь говорить повеселее.— Багя, Анатолий, уведите вы её!

В это время раздалась команда:

— Становись!

Парни пошли строиться. Володя тоже было побежал, но вдруг остановился и попросил старшего по команде:

— Семен Семенович, разрешите в цех. На одну минуту!

— Зачем?

— Вот так надо! — он провел ребром ладони по горлу.

— Ну, давай. По-быстрому.

Володя помчался в литейку, младший брат, конечно, за ним.

Они вбежали в цех — дымный, гремещий, освещенный красными зарницами.

— Иван Прокопыч! Дай ковшика!

Сталевар протянул ему ковшик с длинной ручкой. Володя зачерпнул жидкого оленного металла и, держа ковшик на отлете, побежал из цеха.

На глазах у всего строя он веером выплеснул металл в лужу и отдал ковш Анатолию. Ребята глядели с недоумением на закипевшую воду. А Володя вынул из воды еще не остывший комочек металла и, перебрасывая с ладони на ладонь, закричал:

— Налетай-расхватывай! Для крепости, для закалки и для памяти!

Строй рассыпался. Ребята вылавливали из воды крохотные слиточки металла. Одну такую стальную каплю подобрал и младший брат Анатолий...

Киреев обвел глазами слушателей. Старухи смотрели на него пригорюнившись.

— Я эту стальную слезинку до сих

пор сохраняю... И Володька, скорее всего, тоже берег.

— Да уж конечно, берег,— уверенно сказал Деев. Следователь кивнул и записал что-то в свой блокнот.

— Товарищи, вы плохо едите! — спохватилась Алла Владимировна.— Давайте, давайте!

Председатель колхоза вздохнул:

— Уже, пожалуй, и по домам пора. Как с ночлегом-то решили? Я к себе возьму товарища капитана и еще двоих могу. Бригадир тоже кого-нибудь прихватит.

— Да не нужно,— улыбнулся Киреев.— Мы уж тут договорились. Устраиваем два общежития — у бабы Лизы мужское, у тети Шуры женское.

Чуть захмелевший Галкин говорил бригадиру:

— Боря, налей себе. Выпей.. Теперь слушай.. Как же вы с бабулями нашими обошлись? Прямо как хунта.

— А что такое, что такое? — встревожился бригадир.

— У бабы Лизы изба только что не валится! Два нижних венца менять надо!.. И никто не почешется.

— Ладно, сделаем,— успокоился бригадир.

— Да не ладно! Я ведь нарочно приеду, проверю. Если что не так, в райком поеду. Костылем по столу как трахну!

— А где костыль? — попробовал перевести на шутку бригадир.

— Найдем! С чердака достанем!

Галкин грозно глянул на бригадира и вдруг не то спел, не то выкрикнул:

— А на его груди сияла медаль за город Будапешт!..

Потом махнул рукой и стал есть свой творог. Борька хотел было налить ему рюмочку, чтобы подружиться, но Алла Владимировна сделала запрещающий знак, и бригадир поставил бутылку на место.

— А я тоже вспомнила,— робко заговорила Филипенко.— То есть, не вспомнила, а помню, конечно... Только не знаю, рассказывать или нет.

— Почему не рассказывать? — удивился председатель.— Это дело большой важности.

— Да я знаю... Но просто как-то даже неудобно. Я молодая была, такая глупая.

Тетя Шура улыбнулась ей через стол.

— Думаешь, старые больно умные? Расскажи, милая.

...С грохотом летят по деревне разукрашенные лентами телеги. На передней два гармониста, на второй жених с невестой, а дальше — гости поют, свистят, хохочут...

И вот уже идет за свадебным столом пир.

— Горько! Горько! Пить нельзя! — надрываются гости.

Жених в гимнастерке с курсантскими петличками, на груди значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок». Лицом он очень похож на красноармейца с фотографии — только все время улыбается.

— Горько! Горько! Чистая полынь!

Пожав плечами, курсант поцеловал невесту. Это Галина Филипенко. Но какая молодая, какая красивая!.. На ее голубой крепдешиновой кофточке тоже был значок, комсомольский. Гармонист, заиграл «Три танкиста». Гости радостно запели.

*На границе тучи ходят хмуро!
Край суровый тишиной объят...*

Из-за дощатой переборки высунулась чистенькая старушка, поманила молодых к себе...

...За перегородкой гости допевали песню про танкистов, а старушка говорила невесте:

— Вот тебе, Галина, от меня. Тебе и Петеньке.

Из жестяной коробочки от зубного порошка «ТЭЖЭ» она вынула два ясных золотых колечка.

— Обручальные,— объяснила старушка.— Чтобы, значит, не самокруткой, а честь по чести... Мы с покойником сорок лет носили, а вам дай бог еще подольше.

Молодая неуверенно посмотрела на мужа.

— Какие красивые. Правда, Петя?

Но курсант думал по-другому:

— Нет, бабушка. Это совсем ни к чему. Комсомольцы и вдруг с колечками! Прямо курам на смех.

Песня за переборкой почему-то обвалилась. В избе стало тихо.

— Никакого тут смеха нет,— грустно сказала бабушка.— Сроду были кольца... В знак верной любви... Я вам дарю, а вы уж как желаете. Хоть за окошко киньте...

Молодые вышли к притихшим гостям.

— Чего заскучали? — весело спросил жених. Никто не улыбнулся в ответ.

— Петро,— заговорил худой носатый старик.— Как бы тебе это выразить... Матвейка вон со станции приехал. По радио сказали: война с Германией.

Галя охнула и прижалась к Петру. А он обнял ее за плечи и сказал, сам не веря своим словам:

— Это еще проверить надо. Может, папика какая-нибудь?

— Сам слышал, своими ушами,— буркнул Матвей. Он сидел у стола в телогрейке и пыльных сапогах.— Говорят тебе, война.

...Наступила ночь. Молодые остались одни в комнатухе за перегородкой. В большой комнате кто-то задул лампу. Если бы не луна, стало бы совсем темно. Чуть поблескивали на подушке золотые кольца: бабушка так и не забрала их назад. Петр подошел к жене, положил ей обе руки на плечи, посмотрел в глаза, потом поцеловал. Не так, как тогда, при гостях, а по-настоящему — крепко и долго. Галя взялась за верхнюю пуговку кофты и стояла, не решаясь расстегнуть.

— Помочь? — спросил Петр неловко.

Но Галя закрыла пуговицу ладошкой:

— Петя... Пускай ничего не будет.

— Как так? Что-то я не пойму.

— Я тебя прошу, пускай сегодня ничего не будет.

— Сегодня?.. Так ведь завтра я уеду. Ты что, забыла? Война!

— Вот поэтому и прошу.

Петр ударил себя кулаком по ладони.

— Но я же твой муж!.. Или ты меня не любишь совсем? Зачем тогда говорила?

— Я и сейчас скажу. Люблю, люблю! Больше чем себя люблю!

— Галочка! — Он обнял ее, посадил на постель. Галя вырвалась, сказала чуть не плача:

— Пускай все будет, когда ты с войны вернешься. Я тебя буду ждать...

— А так не ждала бы?.. Что ты придумываешь? Что тебе в голову вскочило?

— Просто я знаю... Ну, чувствую: если послушаешь меня, значит, скоро вернешься. Никакая пуля тебя не догонит.

— Ну, это уж прямо суеверие.

— Нет, Петенька! Нет!.. Не спорь, мне сердце говорит... Больше будешь думать обо мне, скучать будешь больше и вернешься!

— Я и так вернусь! — чуть не крикнул Петр.— Живой-здоровый. Ты что, сомневаешься?.. Да мы их в два счета расколоти! Месяц, другой и войне конец!

— Вот и подожди. Ведь сам говоришь — недолго... А я тебя буду ждать верно и честно.

— Да верю я тебе без всего этого. Я ж тебя люблю.

Галя всхлипнула:

— Любишь, а кричишь... Ругаешься...

— А ну тебя! — Петр беспомощно махнул рукой.— С тобой спорить...

Не договорив, он повернулся и вышел из комнатки. Постоял в темноте на крыльчке, покурил, потом распоттал папироску и пошел обратно в дом.

Галя, съездившись, сидела на краю кровати. Муж подошел, присел рядом.

— Ладно,— сказал он.— Давай так посидим. Все равно часа через два уже собираться.

Галя благодарно улыбнулась. Потом взяла с подушки кольца, надела одно себе

на палец, а другое положила мужу в карман гимнастерки.

— Петенька, увези с собой. Не хочешь, не надевай, но только, чтоб оно всегда с тобой было... А я свое никогда не снимаю...

Все невольно поглядели на руки Галины Филипенко. Да, тоненькое колечко было на месте — на безымянном пальце левой руки, как полагается вдове.

— Так оно и вышло,— грустно закончила Филипенко.— И зачем я такую глупость придумала? Наверно, душа уже знала, что не вернется. Хотелось как-то обмануть судьбу, пересилить.— Филипенко повернулась к следователю: — Я, товарищ Воронков, уверена: Петя свое колечко до самого конца хранил.

Следователь внимательно поглядел на кольцо и сделал короткую запись в блокноте. За столом установилось молчание. Харитонова горестно вздыхала, Киреев крутил в пальцах незажженную сигарету. Зарафьян задумчиво смотрел на увядшее, красивое когда-то лицо Галины. Первым заговорил Галкин:

— И что же у тебя с тех пор нпкого не было?

— Можно сказать, что и не было,— почти виновато ответила Филипенко.

Шура наклонилась к Лизиному уху:

— У тебя черныи платок есть?

— Откудова?

— Ну я тебе свой дам... У меня два.

Галкин между тем объяснял Кирееву:

— Курсант, понятное дело. В первый день обязап явиться как штык... А я, представь, на фронт попал только в ноябре. Октябрьскую в Пензе отпраздновал, в училище... Добыли ликерчику, конфеток...

Следователь открыл свой толстый портфель, спрятал туда блокнот.

— Спасибо, товарищи, за помощь... Но, конечно, сведений маловато. А заинтересованных лиц много, очень много. Мы ведь получили свыше пятисот писем. Одних фотографий восемьдесят штук.

Он вынул из портфеля папку, развязал тесемки и вывалил на стол кучу фотокарточек.

Старухи и приезжие с почтением и печалью смотрели на рассыпанные по столу молодые лица. Карточки были самые разные: глянцевные художественные и любительские, и размытые, серые, увеличенные с паспортных, и вырезанные из каких-то общих снимков — с чужими ладопами на плечах, с краешками чужих платьев. Лица тоже были разные. Уверенные, скопфуженные, веселые... Но всех их объединила безвестная смерть, все эти ребята умерли молодыми в бою за своих близких и дальних...

Помолчав, следователь Воронков собрал фотографии и снова уложил их в папку, как в маленькую братскую могилу. Деликатно кашлянув, Деев напомнил:

— Светает уже... Спасибо этому дому, пойдем к другому.

Он встал. За ним поднялись капитан Воронков и бригадир. Пока бригадир прощался с каждым из приезжих за руку, Лиза отозвала председателя в сторонку.

— Скажи, кому надо: пускай переносят... Даем наше согласие.

— Давно бы так! — обрадовался Деев.— Значит, звоню сейчас Веретенникову, докладываю...

Выйдя на крыльцо, бригадир придержал следователя за локоть:

— Товарищ капитан, кому присуждать думаете?

— Что присуждать?

— Ну это... Родство, значит. С героем. Тут ведь нельзя кому попадя... Вот Галкин, к примеру. Ничего мужик, но выпивает, грубиян...

Следователь слушал без интереса и без удивления.

— Я думаю, Кирееву можно бы,— продолжал Борька.— Все-таки в министерстве, начальник управления! А нет, так Филипенко. Она агроном, можно сказать, знатный человек...

— Ну, молодец... Ну, придумал,— ска-

зал следователь.— Вы что, премию делите? Путевку в дом отдыха?.. Идите и не болтайте всякую ерунду.

На крыльце Лизинного дома сидели Галкин с Киреевым. Смотрели на светлеющий край неба, курили.

— Вот я танкист. Три раза раненный,— рассказывал Галкин.— А гореть не горел ни разу! Мы этого больше всего боялись, что морда обгорит, девчата смотреть не будут... Что же вышло на практике? Морда чистая, а девчонки все равно на других глядели!

— Слушай, я чего-то не пойму.— Киреев повернулся лицом к собеседнику.— Говоришь, танкистом был, а товарищ твой... похороненный... Он вроде в пехоте?

— Ну правильно,— заторопился Галкин.— Пока машину не дали, и я трубил в пехоте. Ничего тут такого особенного...

— Брось, Галкин, не крути,— с досадой сказал Киреев.— Ведь сам говорил: на фронт попал после ноябрьских... А в этих местах война прошла пораньше. В октябре его похоронили!

Галкин ничего не ответил. Бросил окурок, разможжил его концом палки. Потом сказал, скривившись:

— Поймал ты меня, поймал. Тот еще прокурор... Только учти: ты-то прокурор, да я не жулик!.. И воевал не хуже всех, и друг у меня был закадычный — механик-водитель. Пока я в госпитале был, убили его. Лежит неизвестно где. Как вот этот... Не веришь?

Киреев слушал, не перебивая. Галкин вдруг беспомощно улыбнулся:

— Тебе, может, смешно покажется. Но я, когда прочитал в газете, сразу подумал: хоть к этому солдату съезжу, к незнакомому... Поклонюсь старушечкам, которые его схоронили, с людьми побеседую про войну, про все те великие годы... Да что тут много говорить... В общем, ты молчи. Вреда-то от меня никакого. Правда?

— Я не скажу,— обещал Киреев. Галкин повеселел.

— Вот правильно! Это ты молоток. А я тебе еще одно наблюдение скажу... Думаешь, все, кто приехал, уверены, что это ихний? На сто процентов?.. Никогда!.. Просто хотят надеяться, хотят поближе прикоснуться...

Ранним утром девятого мая и приезжие, и свои деревенские собрались у опушки леса.

Около кустов стояли два пустых красных гроба, а поодаль расположилась шеренга автоматчиков. Шеренга эта наглухо закрывала могилу, и не видно было, что там делалось.

Тетя Шура с бабой Лизой, обе в черных платках, стояли у деревьев. Приезжие держались рядом. Кто имел награды, надел их в этот день. У Галкина вся грудь была в медалях.

Лейтенант, руководивший работой, доложил Воронкову:

— Уже метр семьдесят, а ничего нет.

— Старухи сколько говорили?

— Говорили, метра полтора.

Военком и Деев переглянулись.

— Копайте дальше,— приказал Воронков.

Вдали остановился зеленый автобус, из него вышел военный оркестр; заблестела на солнце медь инструментов...

Зарафьян держал Аллу под локоть. Антона не было — не пустили. Виктор стоял рядом с матерью. Тут же держалась и Леночка. В обнимку, прижавшись друг к другу, стояли сестры Харитоновы.

Филипенко охнула и вдруг, не разбирая дороги, спотыкаясь, пошла вперед, к могиле. Виктор с Киреевым удержали ее, отвели назад. По толпе пробежал ропот.

В селе Любцы тем временем готовились к траурной церемонии. Висели на домах флаги, на площади перед сельсо-

ветом собирался народ. Клуб сиял свежей побелкой — ремонт успели закончить во время.

Посреди площади чернела только что вырытая могила. Рядом стояла трибуна, обтянутая кумачом. А на пустыре аккуратными рядами были выкопаны ямки, сложены кучами саженцы.

На опушке леса работа подошла к концу. Солдаты чистились, одевались. Взвод автоматчиков уже построился. Военком и Деев помогали заколачивать крышки двух гробов.

Следователь Воронков встал, стянул и бросил на землю резиновые перчатки.

— Товарищи, должен всех огорчить, — сказал он устало. — Никаких новых данных... Ни личных вещей, ни документов. Абсолютно ничего.

Сестры Харитоновы тихо заплакали. А старухи стояли, глядя в землю, одинаково сложив руки на животе.

— Выходит, пичья? — угрюмо сказал Киреев. — Нет. Так быть не может... Наши они. Всех нас... Правда, бабушки?

Оркестр заиграл траурный марш. Мужчины торопясь пошли к гробу. Подняли и на руках понесли к дороге. И Галкин нес, и Киреев, и Зарафьян, и Виктор.

Гробы поставили в кузов украшенного красно-черными полотнищами грузовика, и процессия тронулась. Впереди шел военный оркестр, за ним несли венки. По бокам грузовика шли автоматчики, а сразу за гробами — Шура и Лиза. За ними, толпой, приезжие и деревенские.

На шоссе провожающих посадили в автобусы. На перекрестках межколхозных дорог к медленной колонне присоединялись новые и новые машины — грузовики, автобусы, легковые.

— На земле нашей война давно отгремела. Но в сердцах у нас она еще шумит, — говорил с кумачовой трибуны секретарь райкома Веретенников.

Площадь была забита народом. Вместе со всеми слушали речь секретаря Шура и Лиза.

— Мы никогда не забудем тех, кто отдал свою жизнь за всех нас. Сегодня мы чтим память двух неизвестных солдат...

На трибуне, за спиной Веретенникова, стояли гости из Москвы — генерал в парадной форме, офицеры, штатские.

— Но почему мы говорим — неизвестных? Неизвестны только их фамилии. А все остальное мы про них знаем. Что были они молодые ребята, что дрались героически, стояли до конца... Вечная им слава и почет!

Один за другим прогремели три залпа. Зазвучал печальный марш. Гробы стали опускаться в могилу...

И тут заплакала в голос какая-то пожилая женщина. Зарыдали Шура и Лиза. Да и ветераны на трибуне моргали глазами, стараясь не уронить слезу, — всколыхнулось горе давних лет.

— А теперь, товарищи, приступим к закладке парка памяти погибших героев, — сказал в микрофон Деев. Отыскал в толпе Шуру и Лизу: — Александру Матвеевну Громову, Елизавету Егоровну Петюнину, а также всех приехавших к неизвестному солдату, просим посадить по дереву в память своих сыновей, мужей, братьев, не вернувшихся с войны.

Шура с Лизой, Харитоновы, Филипенко, Галкин, Киреев — все взяли по саженцу, понесли к ямкам. Пионеры поддерживали деревца, помогали засыпать корневища.

Деев снова наклонился к микрофону:

— Товарищи! У нас остались саженцы. Давайте сделаем так: те, у кого есть погибшие на войне родственники, тоже могут в их память посадить дерево!

Из толпы вышло человек десять, направились к саженцам... За ними еще... Еще... Через минуту уже сотни людей заполнили пустырь — почти все, кто был на площади. Люди хватали оставшиеся деревца, толкались, кричали, звали кого-то...

Не рассчитал, не обдумал Деев свое предложение. Но все равно, он не жалел об этом.

— Не волнуйтесь! Не толпитесь! — кричал председатель в микрофон. — Еще привезем саженцев! И лопат привезем!.. Всем хватит! Все посадят!

Виктор с Леночкой тоже посадили дерево. Девушка поддерживала слабый прут, а Виктор руками подгробал землю.

Шура и Лиза смотрели на возбужденных людей, сповавших вокруг. Они видели всех своих знакомых, любовно возившихся с деревьями. Увидели и военкома, рывшего ямку, и Шанину, неумело ковырявшую землю лопатой, и Веретенникова, тащившего деревце от только что подъехавшего грузовика.

Снова заиграл духовой оркестр, и звуки старинного вальса «На сопках Манчжурии» заглушили топот, шум, крики.

Поезд с грохотом подходил к станции. Стоять ему тут полагалось всего одну минуту, поэтому расставание было бестолковым, торопливым.

— Мы приедем! Приедем еще! — кричала Надя Харитонова.

— Я вас к себе вытащу, — обещал старухам Киреев. — Посмотрите, как столица живет.

— Товарищи! А что, если сделать это традицией? Приезжать сюда каждый год девятого мая! — говорила, растрогавшись вдруг, Алла Владимировна. — Антон! Антон, отойди от края.

Виктор и Леночка стояли отдельно.

— Лена, ты в Москву собираешься?

— Может быть, в августе...

— Позвони, ладно? Вот телефон.

Виктор сунул ей приготовленную бумажку. Лена спрятала листок, улыбнулась, но на всякий случай сказала:

— Позвоню, а ты меня не узнаешь.

— Узнаю.

Зарафьян записывал для Киреева свой адрес, а Филипенко тем временем цело-

вала Шуру, потом Лизу, потом опять Шуру.

Поезд остановился. Отъезжающие стали садиться.

— Пишите! Пишите, не забывайте! — крикнула уже из тамбура Вера Харитонова. — А я вам каждую педельку буду!

— Эх-ма! — вздохнул Галкин. — Жизнь обманщица... Может, и не приедем, может, и писать будем редко. Но вы, бабули, все равно помните: вы наши родные!

— Родные!.. Любимые!.. Спасибо вам! — закричали из вагона. И поезд тронулся.

А на платформе осталось семейство Зарафьянов, старухи да Леночка.

«Москвич» Зарафьянов ехал по знакомой уже дороге.

— Мы тут сойдем, — попросила Шура. Алла Владимировна удивилась:

— Зачем же... Мы вас прямо до дому.

— Нет, милая. Нам тут падо.

— Ну, как знаете... Антон, помоги бабушкам выйти. Еще раз спасибо за все. А если что понадобится из Москвы — любые лекарства и вообще, — напишите, я сразу пришлю...

«Москвич» уехал, а старухи направились от дороги к лесу.

На опушке они остановились у черного прямоугольника свежей, паспех утрамбованной земли. Скамейки их уже не было — только два колышка торчали из травы... Шура с Лизой постояли молча и пошли к деревне.

Накрывшись одним платком, они сидели у телевизора. На маленьком экране шла война, бежали за танками пехотинцы, грохотали взрывы. Из пыли и дыма показались на миг самодельный указатель: «До Берлина — 50 км».

Потом экранчик телевизора стал двигаться на нас: все ближе, ближе... И вот уже ничего не стало видно, кроме поля и бегущих среди взрывов солдат.

Е. Остроумов

**СМОТРЕТЬ
В ГЛАЗА**

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ ОНОПРИЕНКО (родился в 1925 году) участник Великой Отечественной войны. В 1954 году закончил сценарный факультет ВГИКа. Автор и соавтор сценариев художественных фильмов, поставленных на киностудии им. А. Довженко: «Гори, моя звезда», «Катя-Катюша», «Молчат только статуи», «Ярость», «К свету», «Разведчики», «Крутой горизонт», «Мужество», «За твою судьбу», «В бой идут одни старики».

По публикуемому в альманахе литературному сценарию «Смотреть в глаза» фильм ставит на киностудии им. А. Довженко режиссер В. Луговской».

Бывает так — все лето дуют сухие ветры, прожигая блеклое небо, сады и степи. И темная пыль с терриконов толстым слоем лежит на стенах домов, на крышах, на листьях; сломившь толстую ветку, снимешь жирную пыль, а веточка-то в спичку.

А потом вдруг натянет с Азова быстрые тучи, ударит шумный ливень — и все пастежь: сады, поля, двери в домах... Отбушует гроза, торопит ее ветер дальше, в половецкие, скифские дали; сверкает умытый, чистый мир, и радуга ляжет концом коромысла на дальние терриконы. Они в это время парят. Как парят, окутываясь после дождя белым туманом, черные терриконы!

А дышится легко и вольно, и видно ясно и далеко — и этот поселок, стоящий в степи, и двойной террикон над ним, и мокрый флажок на копре и мелькающие спицы шкивов.

Во всю мощь — гудок тепловоза. Грохот и гул — ритмично отстукивая на стрелках, плавно покачиваясь, летит эшелон. Блестит в открытых пульманах уголь.

А вокруг донецкая степь с иссиня-черными терриконами, силуэтами заводов на горизонте, поселками в балках и в степи, с садами и озерами...

Стремительно приближается к нам двойной террикон.

И сразу, перекрывая оставшийся позади перестук эшелона и затухающий тепловозный гудок, — угрожающий треск и грохот. В сырой мрачной лаве шахты, где сквозь густую угольную пыль едва пробиваются мигающие огни светильников, тяжело рвутся глыбы, летят и ломаются

как спички толстые крепежные стойки. Обвал!..

По штреку бежит человек в распахнутой робе. Бросается к шахтному телефону.

Таня опустила стекло, тотчас упругий ветер растрепал светлые волосы. Все было покойно под белесым небом: и присохшие мальвы у дороги, и дальние поля, и — когда машина вырвалась на гребень холма — этот мирный поселок недалеко от шахты. Курчавились сады, сверкнуло озеро в балке, белые домики рассыпались на склоне. И вдруг... С резким свистом разрезая воздух, мелькнули, обгоняя такси, оранжевые машины спасателей.

— Ого! — хмуро сказал шофер. Таня не успела ничего спросить — от резкого тормоза взвизгнули колеса. Две женщины бросились к машине, старшая рванула дверцу, уселись, отстранив чемоданы.

— К шахте! — потребовала одна из них, и столько было тревоги в ее лице, в голосе, что шофер беспрекословно повиновался.

Таксист резко затормозил на шахтном дворе, и женщины бросились к теснившимся поодаль инженерам. Таня поторопилась за ними.

Не было суеты, но во всем ощущались тревога и напряжение. К клетки направлялась группа спасателей.

Таня прошла мимо оранжевых автобусов, задержалась возле санитарной машины. Молча стояли шахтеры в спецовках, курили. Они готовы были по первому сигналу идти вниз, выручать попавших в беду. И только оживились, когда случайная

спутница Тани, та, что постарше, подбежав к ним, спросила:

— Данилыч! Где Семен?

Давиденко обернулся. Угрюмое, крупное лицо его вмиг подобрело.

— А, Росица,— сказал он, словно удивившись тому, что она здесь. И не давая ей заговорить, упрямил: — Спокойно, Росица, спокойно...

— Андрей... там? — Молодая держит руки у горла, вот-вот закричит.

— Ну Лида! — излишне бодро сказал Давиденко и потрепал ее по плечу. — Сними ж Саша Орловский! Значит, все будет ладно... Спасатели уже работают... — И тихо Росице: — Успокой ее и сама держись. Не такой человек твой Семен, чтоб...

Он смотрит женщинам вслед, и лицо его снова мрачно. С тем же угрюмым выражением он обернулся, когда Таня тронула его за рукав:

— Прикажите выдать спечовку...

— Куда еще? — удивился он. — Вы кто?

— Я врач, прибыла по назначению...

— У спасателей есть врач... впрочем, ждите, не отлучайтесь...

— Но мой долг...

— В шахту нельзя! — отрезал он. — А вот женщинами займитесь...

— А что же произошло? — с прорвавшимся волнением спросила она.

Давиденко, отходя от нее, пожал плечами:

— Стихия...

Ударил звонок, и все подались вперед. Поднялась клеть, с лязгом раскрылись решетчатые двери. Спасатели и Давиденко стремительно вошли в клеть. Смотрит Таня, смотрят шахтеры. Еще ударил звонок — и клеть с глухим грохотом провалилась вниз.

Вот она, стихия. Разрушенная лава, в едкой пыли косо мелькают лучи светильников. Дробный грохот отбойных молотков, удары по металлу, яростные крики.

С нечеловеческим напряжением рвались люди к товарищам, наглухо скрытым за мрачной твердью.

Давиденко, уставший, осунувшийся, молча сидел на бревне. Все указания давно сделаны, ничего добавить нельзя. Только — ждать.

— Еще немного! — крикнул усатый рослый бригадир Гринченко, голый по пояс, мокрый, черный. Спасатели растаскивали камши, крепили кровлю. Неожиданно глыба рухнула — обозначился черный провал.

— Э-ге-ге-гей! — Гринченко просунулся по пояс в провал и посветил фонариком. В ответ ни звука.

Горноспасатели один за другим протиснулись в дыру. Но там снова бесформенные глыбы преградили им путь.

— Нету,— доложил командир, подавая Давиденко пустую измятую флягу. — Вот... нашли...

В полной тишине спасатели специальным прибором, как врач стетоскопом, прослушивали стены.

— Нет...

— Нет...

Солнце еще не встало, но уже розовеют облака, осветился флажок на копре. В низинах уплывает легкий туман. Тихий поселок. Безмолвие.

Но присмотримся... не спит старый шахтер, молча стоит у калитки, смотрит в сторону шахты.

В раскрытом окне дома видно — все ходит и ходит по комнате человек, курит. Подошел к окну, молча смотрит туда же.

Две женщины сидят во дворе: Росица и Лида с ребенком на руках; Росица плотнее укутывает плечи Лиды теплым платком, берет у нее ребенка, баюкает. А Лида безучастно смотрит вниз, в землю.

Там, под землей, продолжались поиски. Давиденко тронул за плечо Гринченко:

— Иди отдохни... третьи сутки не спишь...

— Нет...

Давиденко не настаивал, встрепенулся, встал.

И тут раздался крик, особенно резкий в этой тишине:

— Есть, есть!.. — По штреку бежал один из спасателей.

— Ну?! — рванулся к нему Давиденко.

— Они в верхнем уступе! Командир говорит, выводить к главному стволу далеко, ослабли, предлагает вывести через шурф — он там рядом!

— Пусть выводит!

Сверкает живая, искристая вода, переливается, дрожит. Ослепительное солпце — больно смотреть на яркий свет. Жаркое марево над степью, над густой посадкой, над двойным терриконом вдали. Колхозный баштан, круглые полосатые арбузы, кукуруза, бочка. А за баштаном — островок бурьяна, старая почерневшая ограда. И возле нее в беспокойном ожидании — весь поселок. И Росица тут, и Лида рядом с Давиденко. И старики, и дети.

Все смотрят на черную дыру шурфа. Она закрыта тяжелой металлической решеткой, чтоб, не дай бог, никто не провалился.

Лязгнул замок — это спасатели поднимают решетку. И наконец появляется на поверхности бадья, в которой спасатели поднимают измученного грязного Андрея...

Толпа подалась вперед.

Черные, грязные, стоят, шатаясь, шахтеры. Все, как один, ослепли от знойного яркого солпца, закрывают лица руками. Последним вылез Орловский, голова у него перевязана.

Давиденко сдерживает толпу, пропуская врачей.

— Ну вот, под небушкой, — говорит Король.

— Семен! — бросается Росица.

— Ну, живой я, целый, — снисходительно улыбается он, обнимая ее.

Лида обнимает Андрея, плачет:

— Да будь оно неладно, не пуццу больше...

Орловский, шатаясь, пошел к бочке с водой. Пил прямо из ведра, и вода текла по черному лицу, по рукам, по груди. Потом вылил остаток на голову. И повалился в пахучую траву — чебрецом потянуло, сухой землей; тонкие стебельки закачались перед глазами, и жучок, божья коровка, деловито полз по травинке. А еще выше — ватные, пухлые облака плыли под неярким от зноя небом.

Он лежал, блаженствовал, закрыв глаза, где-то слышалось:

— Да целые мы, куда пас?

— Сам знаешь, в больницу, осмотр...

— Да мне б ведро борща, а не осмотр!..

Кто-то мягко тронул Орловского. Открыл глаза — и увидел... Светлые, шелковистые волосы, очень смуглое, милое лицо; но прежде всего глаза он увидел, чуть тревожные, серьезные, пристальные ярко-черные глаза.

И вобрав залпом все — и яркий солнечный свет, и близкие эти глаза, и светлый локон, и тревожные губы, — он вздохнул и пробормотал восхищенно:

— И приснитесь ж такая!

Новый врач Татьяна Петровна озабоченно спросила, беря его за руку:

— Как вы себя чувствуете? Ничего не болит?

Словно гудящий вихрь, ударил гул и грохот летящего угольного эшелона. Отстукивают пулеметным треском колеса, мелькают вагоны. Все дальше... все тише...

«Шахтерочка» — так называется кафе в поселке. Как аквариум — стены стеклянные. Столики белые, цветы. Чисто и

уютно. Тут никогда не бывает пусто. Для шахтеров всегда пиво свежее, в жару детишки мороженым объедаются, пенсионеры судачат — все новости здесь. И хозяйка здесь в белом переднике, белой наколке — Лида. Вот и сейчас Андрей, Семен Король за столиком, Жора, их обступили молодые. Только пенсионер Левченков хмурится в углу.

— И все трое суток?.. — переспросил Жора, глядя на невозмутимого Короля с кружкой в руке.

— Все время! — подтверждает Андрей. — Тут жрать охота — сил нет, подметку бы съел, Орловский уже все анекдоты порассказал, а этот только и поет: вот дурак, заставляла Росица борщ съесть, отказался!..

— Да сдуру и попали! — издали изрек Левченков.

— Ну ты у нас профессор, — добродушно сказал Король.

— А что? Я в свое время любой треск, любой шорох...

— А как же! Мне Давиденко рассказывал...

— Вранье! — перебил его Левченков.

— Ну, Семен, выведи его на чистую воду!..

Левченков демонстративно пересел подалее.

— Это еще, когда этот ученый впервой в шахту залез. А в лаве как? Вода журчит, порода играет. Ну, треснуло! Профессор наш побелел да ходу, а дед Кравченко его за штанину: беда, мол, пропали! Становись, говорит, на карачки, упрись руками в почву, а спиной кровлю подопри да держи крепче! А я, мол, помощь позову!

Хохочут шахтеры.

— И держал?

— Еще как держал, чуть не полсмены, вся шахта со смеху помирала!

— Дурье, — как приговор изрек Левченков.

Мимо «Шахтерочки» прошла с меди-

цинским чемоданчиком в руке Таня. Все с любопытством посмотрели ей вслед.

— К Давиденкам, что ли?

— Не, у них же Орловский, там над ним Трофимовна хлопочет.

— Ну, если к Орловскому, серьезное будет лечение, — с намеком сказал Андрей.

Размахивая чемоданчиком, Таня шла по улице. Полуденный зной загнал людей в дома; в садах под навесами у летних кухонь возились хозяйки; возле строящегося дома сгружали бревна и камни; под кустами возились девочки с куклами; на дороге по расчерченным «классикам» бродили куры; с озера доносились визг и крики ребятишек. Толкнув калитку, Таня попала во двор Давиденко. Огромная собака лежала в тени, вывалив большой красный язык.

Окна в доме были открыты, и Таня отчетливо услышала голоса. Ворчливый женский отчитывал:

— Отдай пиджак! Тебе что в больнице было сказано? Лежать! На том и отпустили, под мою ответственность...

— Да здоров я, мне только пройтись! — это голос Орловского.

— Знаю, куда тебе пройтись! Мне сказали, как ты в больнице все насчет новой докторши выпытывал, кто да что...

— Я такой еще не видел, Трофимовна, — неожиданно тихо произнес Орловский.

Таня сердито пожала плечами. Посмотрела на собаку, собака на нее. А из окна:

— Да замужем, небось?

— То-есть, как это — замужем? — голос Орловского возмущенно взметнулся. — Отобью!

— Ты смотри у меня! Все у тебя так: раз-два — и готово! «Отобью!» Нет, чтоб по-человечески!..

— Эй! — крикнула Таня. — Уберите собаку!..

— Ой, боже ж мой! — выглянула в ок-

но Трофимовна, скрылась и тут же появилась в дверях, поспешая к госте.

Орловский быстро поправил волосы, сел на тахте в ожидании.

— Можно? — Таня входит. Ее сопровождает хозяйка, причитая и охая: собака-то охотничья, безобидная, одно название — собака...

— Здравствуйте, Татьяна Петровна, — Орловский встал ей навстречу, не сводит с нее глаз. — Больше я о вас, к сожалению, ничего не знаю. Кроме имени...

— К сожалению? А что хотели бы знать? — спросила она привычным врачебным тоном, присаживаясь на стул возле тахты и жестом приказывая ему лечь. Приладила манжет аппарата, нажимает грушу — измеряет давление.

— Все, — чистосердечно признался он. — О вас я хотел бы знать все.

И все так же пристально продолжал смотреть на нее. Это смутило ее.

— Вы мешаете мне работать, — рассердилась она.

— Да здоров я!..

— А пульс учащенный.

— Это по другой причине... Как вы устроились... Таня... Петровна?

— Спасибо, хорошо. Я комнату сняла у Королей...

— Квартиру дадим... Кстати, вам какую квартиру надо?

— В каком смысле?

— Ну... однокомнатную или... вы с семьей?

Она поняла, улыбулась.

— Никудышний из вас дипломат. Нет, я незамужем. Вы ведь это хотели узнать?

— Прекрасно! — выкрикнул он, порываясь встать.

— Лежите! — строго сказала она. И посмотрела в карточку: — Орловский Александр Викторович, двадцать восемь лет, главный инженер. Видите, а я о вас все знаю! Вот только ухаживать за мной не надо.

— Нет в мире женщины, которой бы не пришлось, что за ней ухаживают...

Она поморщилась, сказала с досадой:

— При всем вашем, видимо, отличном знании этого предмета, ошибаетесь. Мне не нравится... Итак, покой, отдых, сон. А я завтра зайду.

Смущаясь и оттого злясь на себя и на него, Таня попрощалась и ушла.

Он проводил взглядом из окна ее фигурку, потом повернулся к Трофимовне и тихо удивленно сказал:

— Все, Трофимовна. Пропал.

А в это самое время Давиденко сидел далеко от родного поселка, в кабинете министра, и, казалось, вовсе не слушал начальника комбината.

— Таково печальное положение на шахте «Глубокая»...

Непроницаемо лицо Давиденко, все внимание его — на спичечном коробке, который он пытается поставить на ребро. Но коробок все падает, и Давиденко вновь и вновь колдует над ним, рассыпая спички на зеркальной полировке стола.

— Во всем комбинате только на этой шахте хроническая задолженность, — продолжал докладчик. — Прорывы, недавно и вовсе завал был, к счастью, без тяжелых последствий.

Министр невольно следит за манипуляциями Давиденко, да и другие косятся — кто с улыбкой, кто осуждающе.

— Поэтому неоднократно предложения директора шахты...

— Директора выслушаем самого, — прервал министр. — Да убери ты эту цапку, Данилы!

Давиденко вроде даже с сожалением расстался со своей игрушкой, стреб спички, затолкнул их в коробок, встал, крихтя, долго водружал на мясистый нос старые очки, потом пристально уставился на докладчика, так пристально, что тому неловко стало под этим взглядом.

— Что-то вы, извините, обтекаемо... На совещании в комбинате говорили более определенно.

— Куда определеннее! — перебил министр. — Вы ли это, Иван Данилыч? В голове не укладывается, что речь идет о «Глубокой». Не скрою, я тут пристрастен. До войны, когда вы мне, помните, Иван Данилыч, мне, горному мастеру, доверили орден к знамени шахты прикрепить, можно ли было думать, что придется вот так сегодня разговаривать?

— Вот-вот! Так и ставьте вопрос — гнать Давиденко в шею!

— Как его ставить — это, Иван Данилыч, предоставьте нам... а вы...

— А я давно стучу во все двери: шахте необходима полная реконструкция! Новый ствол, новые горизонты, словом — все!

Давиденко с вызовом оглядывает сидящих, точно ждет — ну-ка, посмейте возразить!

— Давиденко прав, — подал голос заместитель министра, машинально беря все тот же коробок и тоже пытаясь поставить его на ребро.

— Полумерами не обойтись. Шахте семьдесят лет, тогда ведь как строили? Взрывали ее, восстанавливали в войну... частичные меры полностью исчерпали себя!

— Н-да, — сказал министр. — Что ж, Иван Данилыч, специалистов пришлем, пусть готовят экономические обоснования. А решение мы утвердим.

Отобразив коробку и сунув ее в карман, Давиденко снял очки, помялся.

— Можпо... еще несколько слов?.. Эта шахта — дело всей моей жизни и, очевидно, последнее. А потому я требую, — Давиденко смотрит прямо в глаза министру. — Да... именно требую пойти мне навстречу...

Во дворе у Росицы — как в цветочной оранжерее. Пышные цветы, кусты, диким виноградом увита веранда, вьюнок оплел маленькую беседку. Даже по стенам дома подвешены горшки, из которых струится зелень. Перед домом пламенеют гвоздики.

Росица возилась в саду, а во дворе шла воспитательная работа. Сын стоял потупившись, носком ковырял землю. Две сестрички злорадно смотрели на него, а Король, грозный, ходил вокруг.

— Окно не бил... мячом попало!.. — твердил мальчишка.

— Ой, Семен Король! — подала голос Росица. — Пропал ребенок. Что я бабушке в Болгарию напишу? Уголовником вырастет, а ты все ходишь, как кот! Ты — по-отцовски!

— Хорош!.. — твердил сыну Король. — Ну, погоди у меня!

— Ну, погоди! Ну, заяц, погоди! — восторженно подхватила дочери.

Орловский вошел во двор, подал Росице конверт:

— Воюете? Вот, Росица, почтальон передал. А где здесь твоя квартирантка?

В этом доме Таня снимала маленькую угловую комнату. В комнате — чемоданы, связки книг. Таня набросила халат, сунула ноги в тапочки. Включила утюг, а пока села разбирать книги. И скоро Таня растерянно огляделась, села на чемодан — книг оказалось столько, что девать некуда.

Когда раздался энергичный стук в дверь, она торопливо запахнула халат.

— Войдите!

Вошел Орловский. Увидел ее, совсем иную, домашнюю, земную, в тапочках и халате, без косметики, смотрит — не на-смотрится. Даже поздороваться забыл.

— Добрый вечер, — насмешливо улыбнулась она. — Нужна врачебная помощь?

Он взял себя в руки и тотчас стал другой, задиристый, ершистый.

— Здравствуйте. Вы готовы?

— К чему это я должна быть готова? — удивилась она.

— Давиденко вернулся из министерства, — сообщил он доверительно. — Просит к себе...

— Меня? — удивилась она.

— И вас тоже...

— Ну, хорошо,— подумав, согласилась она.

Он шагнул к стопкам книг. И сразу видно, что эти руки привыкли к книгам,— он их листает, перебирает, просто трогает.

— Медицина... и искусство! — со вздохом сказал он. И добавил совершенно искренне:

— Мне бы такую жену...

— Какую?

— Красивую. Умную. И чтоб про искусство объясняла, я ведь тут тюлень-тюленем.

— Ну, где же всем найти таких жен? — улыбулась она.

— А чего вы, собственно говоря, стойте? Одевайтесь быстрее!

Она сделала вид, что обиделась.

— Не кричите! А то куда я не пойду с вами!

— Ладно,— сказал он уже примирительно.— К сожалению, ваша правда, вы мне еще не жена. Пожалуйста, не сердитесь. И не надо обижать старика.

Помолчали. И вновь он, удивленно и требовательно:

— Так что же вы стойте?

— Да потому что жду, когда вы мне, наконец, дадите возможность переодеться! Ну и человек!

— Простите! — спохватился он и смущенно затопал к выходу. Возле двери обернулся и попросил — сначала по-английски, а потом по-немецки — обменяться книгами. Глаза его довольно заблестели.

Она не выдержала и засмеялась:

— Боже, да вы, оказывается, хвостун! И притом — наивный... — И добавила что-то по-латыни. Видя, что он не понял, но не хочет подавать виду, Таня сжалась: — Это латынь — «Оставь надежду всяк сюда входящий».

— Чепуха,— решительно заявил Орловский.— Мертвый язык. Годится только касторку выписывать.

И вдруг крик во дворе, шум, причитания, голос Росицы.

Росица причитала, потрясая письмом:

— У-убил! Изверг! Душегуб! Пропали мы, деточки, сироты вы мои горькие! Он, он! — показывала на Короля. Никто не понимал, в чем дело.

— Читай, сыночек, сирота моя бедная!

— «Уважаемая Росица Васильевна! Ваш муж, Король Семен Павлович, систематически нарушает правила техники безопасности. А вам, как жене шахтера, хорошо известно, чем это грозит. Просим оказать нам помощь в воспитательных целях, так как шахтер он хороший и резких административных мер принимать не хочется, а с другой стороны — оставлять так тоже нельзя. Просим повлиять. Инженер по технике безопасности».

— Да что ж ты молчишь? Да мало тебе завала было? — плачет Росица.— Вот, деточки, вот он, ваш папа, не жалеет вас, не думает... Что ж вы молчите?

— Хорош! — сказал сын.

А Король — красный, растерянный — мнется, заикается.

— Да когда ж это было? Один раз, а то — «систематически». Жаловаться буду! Викторыч, куда ж ты, скажи ей!..

Но Орловский, взяв за руку Таню, быстро прошел мимо них к калитке, посмеиваясь:

— Не-е, Семен, каждый страдает в одиночку!

— Ну, я с тобой поговорю, я тебе покажу воспитательные меры, ну, погоди! — неслось со двора.

— Ну, погоди! — тут же откликнулось девчоночье восторженное и тоненькое.

Был тот предвечерний час, когда солнце уже зашло за холмы и облака пламени от последних лучей. Дневная жара спала, звуки стали слышнее и отчетливей.

Поселок жил своей обычной жизнью. Возле домов, прямо у забора, за вкопаным в землю столом шахтеры забивали козла; бойко шла торговля пивом и мороженым в «Шахтерочке»; толпились люди

у клуба, ожидая начала сеанса; прошли возбужденные, мокрые и измазанные футболисты, таща сетку с мячами; Жора, сидя на крыше общежития, чинил антенну; женщина красила штатетник.

Таня и Орловский шли по улице. Когда проходили мимо двухэтажного коттеджа, Орловский кивнул на балкон:

— Мое жилье. Надеюсь увидеть вас у себя... ну, для начала хоть гостьей... правда, уют холостяцкий... но...

Таня чуть улыбнулась.

— А вот скажите! Молодой, я бы даже сказала... в общем, симпатичный товарищ, энергичный такой — а не женат. Что, невест не хватает?

Он только свистнул. А потом вдруг, неожиданно для Тани, признался откровенно:

— Больше всего на свете, Танечка, не терплю я половинчатости. Но мне — либо все, либо ничего!

— Да вы отъявленный максималист!

— А разве это плохо? Работать так, чтобы плечи трещали, веселиться — без оглядки... а любить — так самую лучшую! — И он так выразительно посмотрел на нее, что она досадливо поморщилась.

— Ну вот, опять...

— Пришли, — сказал он, отворяя калитку во двор к Давиденко.

— Вас очень любят в этом доме.

— Отец после войны умер от ран у Давиденко на руках. Данилыч меня и воспитал... Можно смело сказать — второй отец...

Они поднялись на веранду. Там уже собрались гости, друзья хозяина дома с женами. Стояли группами, некоторые сидели, ждали. И какая-то неловкость чувствовалась, видимо, оттого, что сам хозяин, непривычно торжественный, в новом костюме, с орденами и медалями, неподвижно сидел, забившись в угол и уставившись в одну точку. Не замечал никого, не видел.

Трофимовна, подавая на стол, поворчала на Орловского:

— Где тебя носит? Ждем...

Женщины в это время с доброжелательным любопытством разглядывали Таню; она почувствовала себя неловко, а тут еще Орловский:

— Знакомься, Трофимовна, моя жена! — Но увидев, как гневно блеснули ее глаза, как она резко повернулась, миролюбиво придержал ее за локоть. — Только она еще не знает об этом... не сердитесь и... простите меня, Таня.

— Соглашайся, девушка, все одно не отстанет, — улыбнулась Трофимовна.

— Ладно! — поднялся Давиденко. — Прошу, — показал на стол.

И когда все расселись, остался стоять. Все смотрели на него. Ждали.

— Ну что, реконструкцию нам утвердили, небось, уже знает...

— А ты в деталях расскажи, Данилыч! — попросил кто-то.

— Потом, — махнул он рукой. — Не затем я вас позвал. Тут такое дело... да... не умею сказать, черт! В общем, так... Много мы сделали, да все не смогли... а что не смогли, вот детям передаем...

Удивленные этой непонятной речью, за столом зашумели. А он, злясь на себя за то, что не сумел достойно, соответственно моменту, найти слова, сердито заговорил:

— Вот, — и положил руку на плечо Орловскому. — Когда-то, Сашко, твой батя мне ключи от своего директорского кабинета передал... А теперь... словом, договорился я, и по моей просьбе директором будет назначен Саша Орловский.

За столом воцарилось молчание. Орловский, видимо, что-то хотел сказать, встал немного, да раздумал. Таня посмотрела на него и поняла: он этой новостью ошеломлен, даже подавлен.

— Н-да, — первым нарушил молчание главбух.

— Вот это огорошил, Иван!

— А не рано ты, Иван, в пенсионеры?

— Нет! — твердо произнес Давиденко. — В самый раз.

Опять замолчали.

— А как же нам-то всем быть? Нашето положение посерьезнее будет,— пытался пошутить механик.— Радоваться — Иван обидится, а его лучше во враги не записывать. Огорчаться — так новый зло затант...

— А у него, как всем известно, тоже характер — не мед,— подхватил главбух.

— Так за что же пить?

— За нового директора! — категорически сказал Давиденко.— Давай, Сашко!

Лицо Давиденко, шум, голоса — все уходит, стихает. Молча смотрит в одну точку Давиденко — он весь в прошлом.

И возникает старинная мелодия «На шахте «Крутая Мария». И голоса самочников, конононов, навалотбойщиков:

— *Вставай, Ваня... вставай, друг... завалят нас...*

— *Не могу, Витя... видать, надорвался я с санками...*

Звучат песни эпохи, сменяя друг друга.

Звучат голоса:

— *Шахтеры! Белые банды идут на нас. Кто честный — выходи получать винтовки!..*

Задумчивое лицо Давиденко.

Голоса:

— *Пиши: Дорогой Ильич! Именем мировой революции верные сыны красного Донбасса, исполненные революционного долга, добыли первые пуды угля и шлют его в подарок тебе и славному красному пролетариату Москвы...*

Песни. Ликующий шум толпы.

— *Стахановскому вожаку Давиденко — ура-а-а!*

— *Папа, папа, а это орден, как у Буденного, да?..*

И возникает могуче «Вставай, страна огромная...»

— *Все, уходим. Пора. Прощай, «Глубокая»!*

Раскатистые взрывы, орудийное эхо.

— *Не плачь, Надя, вернемся!..*

— *Ва-аня!.. Колечку нашего... убили!..*

— *В ознаменование победы советского народа...*

И новые песни звучат.

Эти песни поют за столом. А Орловского нет, он отошел.

...Орловский стоял, облокотившись на изгородь, смотрел. Внизу спокойно светились огни поселка. На веранде за кустами шумели гости.

Таня подошла, остановилась поодаль в нерешительности. Он не повернулся, хотя слышал шаги и понял, что это она.

— Поздравляю вас,— тихо сказала Таня.

— С чем? — все так же не оборачиваясь, скептически спросил Орловский.

— С повышением! Люди вашего склада обычно честолюбивы, в хорошем смысле, конечно.

— Не тот случай, Татьяна Петровна,— он вздохнул.

— Вы не рады?

— Ах, Таня, Таня, Танечка,— проговорил задумчиво Орловский. И вдруг повернулся к ней: — Ну и сюрпризик мне преподнес старик! Как обухом по голове!

— Но это приятный сюрприз...— возразила Таня, не понимая еще, что его так озадачило.

Он досадливо махнул рукой:

— Чему радоваться? Ведь ситуация-то сложилась хуже некуда!

— Но почему?

— Да потому что он спит и видит эту реконструкцию! А шахту закрывать надо.

— Как это — закрывать, почему?

— Отработала свое... ну, тут технология, вы не поймете...

— Пойдите, но почему же вы молчали об этом?

— Да потому, что нужно все это выверить, просчитать, перепроверить. Без этого — что шуметь? Но убежден, чувствую, прав я, надо закрывать.

— Так должен же Давиденко об этом знать?

— Вот я и собирался ему сказать. А теперь?..

— Где вы там? Саша!..— Трофимовна звала их к столу.

— Ну, директор будущий...— сказали ему.

— Скажи нам что-нибудь...

— А ну, тронную речь!

— Давай, не стесняйся!..

Встал Орловский, обвел всех взглядом. Таня с интересом и тревогой следила, ждала, что он скажет, как выйдет из положения.

Орловский взял рюмку, подержал:

— За вас, шахтеры, как всегда! И чтоб там ни было, что б нас ни ждало... за наше шахтерское братство!

Давиденко и Орловский молча шли по вечернему поселку. В ярком свете луны почти растворились пятна уличных фонарей. Яблони свесили ветки над изгородями. Тишина, покой. Темные кусты. Спящая площадь. Закрытая «Шахтерочка».

— Заасфальтировать надо,— говорил Давиденко.— Не забудь в смету реконструкции.

— У меня серьезный разговор.. Важный... Данилыч...

Группа шахтеров у забора, огоньки папирос. Поздоровались дружно.

— Это кто ж пошел? — слышен голос почти ослепшего Кравченко.

— Тихо, дед, директора пошли...

— А дай я спрошу?

— Да сиди ты!..

— Не пускайте его!

— Я палкой! — погрозился Кравченко.— Эй, Данилыч, стой!

— Стою, дед.

Кравченко подошел, шахтеры обступили.

— За что ж тебя турнули, Данилыч? — напрямик спросил Кравченко.

— Ты смотри,— удивился Давиденко,— уже все знают! Не родился еще, дед, тот человек! Сам ушел...

— Где ж это видно, чтоб начальник — и сам ушел! Ты мне гайки не вкручивай!.. Давиденко безнадежно махнул рукой.

— Теперь вам Саша директор будет,— сказал он,— Орловский.

— Это какой же Саша, по чьей линии?

— Ваш же правнук! Или пра-правнук! Двоюродный, что ли... Все я тут перепутал с тобой, дед...

Они идут по ночному поселку. Беззвучные зарницы вдали — стороной проходила гроза. Душно. Огни, теплые, живые, свистят в домах. Невидимый женский голос ласково убаюкивает ребенка. Тихая музыка из раскрытого темного окна, чужие, незнакомые слова песни. Влюбленные тихой тенью проходят.

Давиденко отвел рукой тяжелую ветку яблони, свесившуюся через изгородь.

— Урожай будет,— сказал он.— Тоже, помню, в сорок первом... боже ж ты мой, какой урожай был! Да...

Звучат их шаги.

— Вот, Саша,— тихо, задумчиво, непривычно для себя, сказал Давиденко,— мечтали мы все... и твой отец, чтоб была наша «Глубокая» лучшей в мире! И поселок чтоб... Вон! — повел рукой кругом.— Рождаемся тут и умираем тут. Воевали, в ледяной воде поднимали штреки. Три поколения, да что — четыре! — и все это для них родное, да. Это ж сколько горя, сколько радости! И все — вместе... Вернись, мне даже в снах видится, каким это будет... А я упрямый, я поживу, я увижу! И нашу «Глубокую», и поселок, и все! А уж потом и помереть не жалко...

Орловский слушал, опустив голову. А Давиденко взял его за плечи, встряхнул, заставляя посмотреть в глаза:

— И вот это все — тебе отдаю, Саша. В твои руки...

Ничего не ответил Орловский. Пошли дальше.

— Ну а теперь говори, что хотел! — вдруг сердито сказал Давиденко.

Орловский даже растерялся.

— Чего ушел, об этом хотел спросить? Да еще в самый такой момент?

— Ну примерно так...

— Да черта с два бы я ушел!.. Но, Сашко, тебе одному скажу прямо — не могу поперек дела встать. Переросло оно меня, дело! А мои университеты знаешь сам... В двадцатых хотел на учебу — отряд ЧОН на кого бросишь? А там — коллективизация, пятилетки, война, словом, чувствую, знаю — не потяну! Тут твоя голова нужна, Сашко... — И опять рассердился. — А то б черта с два я ушел!..

Тревожно и волнуяще в ночной степи звучит сирена тепловоза. С частым треском колес, с ветровым грохотом и гулом идет эшелон, покачивается в пульманах уголь.

Раннее-раннее утро. Тихое, доброе, как только что проснувшийся ребенок. Еще не жарко, косые лучи высвечивают окна; еще не высохли капли росы на тяжелых, мохнатых мальвах.

На пешеходном мостике над железной дорогой стоит Орловский, облокотясь на перила. Отсюда хорошо виден весь поселок и шахта, где безостановочно крутятся колеса шкивов.

Роспца раскрывает окно...

Огороженный участок, времянка, молоденькие деревца, летняя печь в огороде. А рядом уже выведен до половины новый дом, лежат камни, бревна, груды песка, глины. Лида возится у плиты. Андрей, помахав ей, уходит.

Из домов, из дворов выходят шахтеры. По одному, по два, вытягиваясь в цепочку, двигаются в одном направлении — к шахте.

Прогрохотал внизу доезд. Очнулся Орловский, тоже пошел.

В приемной молоденькая секретарша Аня снимает чехол с машинки. Вошел Орловский, поздоровался и направился к двери с табличкой «Главный инженер».

— Вам же не туда, Александр Викторович! — напомнила Аня.

— Что? Ах, да...

Он пошел к другой двери, с табличкой «Директор». Остановился.

— Вот что, Аня, — сказал он. — Давай так, ничего пока не мспяется, попляла? Все как было. И какие там распоряжения давал Давиденко — словом, все остается в силе!

— Ясно, Александр Викторович!

Он энергично открыл дверь и прошел в кабинет. Собравшиеся инженеры нестройно поздоровались. Поприветствовав их, торопливо снял трубку телефона. Было впечатление, будто он давным-давно занимает директорский кабинет.

— Аня? Донецк мне и быстро! «Гипрошахт». Группу проектирования!

Прижав трубку щекой к плечу, кивком подозвал инженера с бумагой. Пробежав глазами, быстро подписал.

— Что хмурый, Кривенко? — прикрыв трубку рукой, спросил снабженца. — Кабель на второй участок отдал?

— Позвольте объяснить, я...

— Нет? Не отвечает? — крикнул в трубку Орловский. — Звони через пять минут, Анечка! — И снова к снабженцу: — Зачем мне твои объяснения? Тебе когда Давиденко приказал отдать? — Он полистал настольный календарь. — Неделю назад. Вот записано. Сегодня отдашь...

— График работ по ремонту на пятом горизонте, — подал бумагу транспортник.

Орловский взглянул на него остро, взял бумагу, отложил:

— Отменяется.

— Как?! — раздались удивленные голоса.

— Вот так. И вот что. Вы меня знаете, я вас. Давайте восторги реконструкции в сторону. Пока от нас требуется одно — качать уголек. А...

Зазвонил телефон.

— Что? Опять не отвечают? Звони, Аня, но дай мне этот «Гипрошахт» живым или мертвым!

Давиденко поднялся на второй этаж, зашел в приемную: Аня вскочила, смущенно поздоровалась и не знает, как ей быть.

— Сиди, Аня. Сам пришел? — он кивнул на дверь кабинета.

— Люди у него...

— Подожду.

Давиденко шагал взад-вперед по приемной. Мимо него поспешно прошел главбух с бумагами, поклонился почтительно, а потом без разрешения — в дверь. И механик ворвался в кабинет без приглашения.

Транспортник, обескураженный, вышел, плечами пожал. Пожаловался Давиденко:

— Представляешь, Данилыч, новый-то на пятом горизонте восстановление штрека отменил!..

— Раз отменил, значит так надо. Я ему верю! — Давиденко поднял вверх указательный палец. — Он, брат, знает что к чему... Ученый!..

Транспортник отошел с видом и вовсе ошеломленным. А Давиденко приметил — уже и профсоюз без очереди и без спроса пошел к начальству. Нахмурился Давиденко. Совсем оробела Аня.

— Это что ж такое, Аня? Выходит, если посетитель скромный, то и весь день просидит?

— Не знаю, — Аня уже в полной растерянности. — Александр Викторович сказал, ничего не менять, чтоб все, как у вас! Вы же сами...

— Сам, сам! — передразнил ее Давиденко. — Непорядок, безобразия! Надо было сказать мне, что ли!.. — Он открыл дверь и вошел.

— Ага! — вслед сказала Аня. — Вам скажешь, попробуй!..

У Орловского было много людей. Инженеры склонились над бумагами.

Рассерженно поприветствовав, Дави-

денко прошел к шкафу, открыл его, порылся, ища что-то. И на немой вопрос Орловского ответил, как бы извиняясь:

— Трубку оставил...

Орловский поспешно встал, выдвинул ящики стола, помог Давиденко найти трубку.

Давиденко вдруг рассмеялся, покачал головой.

— Я подумал, — он ткнул трубкой в сторону приемной, — хорошо бы, да почаще, начальство всяческих раггов ставить в такую ситуацию, чтоб оно на себе испытывало собственный стиль руководства. А? Здорово было бы!

Раздался телефонный звонок. Орловский схватил трубку:

— Что? Опять не отвечает? Скажи, чтоб заправили машину на Донецк. И побыстрее, Аня!

— Правильно, — одобрил Давиденко, — поезжай. А то, пока не грохнешь кулаком об стол...

— Тут так грохнешь, что вообще неизвестно, чем все это кончится, — вскользь заметил Орловский.

Сквозь косые сверкающие лучи солнца брызжет дождик, и под яркой радугой, качаясь и грохоча, отстукивают свой бесконечный путь колеса угольного эшелона.

Маленький «рафик» с надписью «Гипрошахт» затормозил у шахтоуправления поселка и оттуда вышло четыре человека. Знакомятся.

— Давиденко...

— Бакуров...

— Шатко...

И пока идет церемония знакомства, из толпы одобрительно комментируют, доброжелательно посмеиваются.

...А от «Шахтерочки» спешат, Левченков впереди. В руках — папка. Он шагнул вперед, раскрывая ее, достал лист бумаги — и к Бакурову, определив в нем старшего:

— Вот! От имени общественности! Просим учесть в проекте!

— Что это?

— Поскольку местные бюрократы зажимают... здесь соображения строительства моря!

— Какого моря?

— Водоёма с зарыблением.

— Я что-то не пойму,— говорит Бакуров. А Левченкова оттерли шахтеры.

— Это у него от жары!

— Про стадион не забудьте! — крикнул Жора.

— И еще... бассейн сделать надо!

— Эстраду летнюю!..

Давиденко понял, что сейчас пойдет стихийный митинг и надо спасать проектантов.

— Тихо! — он поднял руку. Попскав глазами, позвал Жору.— Зайдешь в партком, возьмешь лист бумаги. Напишешь красиво! Чтоб все предложения по реконструкции — туда!

— Будет сделано! — козырнул Жора.

Орловский поспешил увести гостей.

— Опять ты, Иван, от критики смылся,— прокричал Левченков вслед Давиденко.

— Как мы спланируем работу? — обратился Орловский к приезжим.

— Что ж, исходные данные нами получены,— ответил Бакуров.— Уточним их, и собственно, наш приезд..

— Нет,— возразил Орловский.— Я все же предлагаю сначала побывать в шахте.

Старые выработки, отслужившие штреки. Посвечивая фонариками, в спелках ходили Росица, еще две женщины и Таня.

— И будет у нас тут цветочное царство,— мечтала вслух Росица.— Вот у нас в Болгарии есть Долина Роз! Вот где красота!..

— Я все хочу спросить,— обратилась к Росице Таня,— как это ты, болгарка, здесь оказалась?

— Да как? Когда у нас шахты строить

начали, ваши показывать приехали, учить. Ну и Семен мой с ними..

В перегородке открылась дверь, и вошли проектировщики в сопровождении Орловского и Давиденко.

— Вот здесь мы собираемся устроить подсобное хозяйство,— пояснил Давиденко.

И Росица тут как тут:

— Вы там обязательно в планах запишите, Викторич! Вот в этой штольне мы шампиньоны разведем, надо ее отремонтировать, побелить, дневной свет, надо удобрения. И я, знаете что? Я хочу тут попробовать цветы выращивать, вот!..

Но Орловский уже не слышал ее, словно окаменел. Он увидел... Бакуров шел к Тане, она — навстречу, и они, улыбаясь, поцеловались. Прямо при всех, без смущения, как-то привычно, что ли, по-семейному. Таня, веселая и довольная, ответила на приветствия остальных, видимо, хороших и давних знакомых.

Орловский потемнел.

— Ну что вы здесь стоите без дела? — после минутной паузы напустился он на Росицу и двух женщин.

Росица так и застыла с раскрытым ртом.

— Что это с ним? — прошептала она.

Одна Таня все поняла. Он перехватил ее понимающий насмешливый взгляд и на нее обрушилось:

— А вы!.. В рабочее время!..— Он даже задохнулся, не зная, как же ей ввести в криминал это «рабочее время».— Почему здесь, кто разрешил, зачем?

— Успокойтесь,— так же насмешливо глядя на него, спокойно и с расстановкой сказала Таня.— Я проверяю аптечки.. во вверенной вам шахте.. и тут мне придется составить на вас акт.. Кстати, не хотите валерьянки? Успокаивает..

— Пойдемте! — Орловский резко повернулся. Остальные последовали за ним. Только Бакуров задержался.

— Гроза — начальник?

— Это у него временное... Почему же не

предупредил о приезде? — улыбалась Таня.

— Хотел сделать сюрприз...

— Мы ждем! — резко крикнул Орловский.

— Иди, Глеб, до вечера!.. — Таня, счастливая, помахала ему вслед рукой.

Они шли по штреку. Полки со сланцевой пылью. Иногда мелькнет в уходящих в сторону черных зевах штреков безмолвная темная фигура.

Пролязгал электровоз, заставив их прижаться к стенам.

— Давит вас геология, — сказал Бакуров, глядя на измятую крепь.

— Это все надо учесть, — сказал Давиденко. — Чтоб как в метро было!

Согнувшись, прошли в наклонную лаву. Моторы комбайна молчат, слышны громкие голоса, звонкие удары по металлу, крики и ругань, натужно: «Раз, два — взяли!»

Грипченко, голый по пояс, мокрый, командовал.

— Что тут происходит? — спросил Бакуров. Орловский не ответил, хмуро сказал Грипченко:

— Комбайн из лавы убрать. Крепить деревом. Костры почаше.

А когда вылез в штрек, увидел: Глеб, сидя на куче бревен, сваленных у стены, развернул плап горных работ, смотрел, высвечивая фонариком.

И только тут Орловский пояснил ему:

— Сдавило так, что теперь комбайн хоть зубами выгрызай...

— Почву поддувает, кровлю коржит, то и дело сильные включения колчедана, — добавил Давиденко.

— Н-да, — задумчиво произнес Глеб. — А как с метаном?

— Шахта сверхкатегорийная. А сюда, чем глубже, тем больше выбросов, — показав по плану Давиденко.

Глеб слушал их, не отрывая взгляда от плана.

— Сложно. Трудно. Но — захватывающе интересно! — пробормотал он.

— Значит, в принципе мы уточнили наши позиции и возможности? — спросил Давиденко.

Орловский сказал требовательно:

— Время! У меня есть веские причины спешить. Счет не на дни — на минуты! Если надо, буду платить сверхурочные нашим людям, но выдержите темп!

Давиденко прислушивался, смотрел: чувствовалось, что он живо переживает сказанное... но добавить ему здесь нечего.

— Условия создадим, — только подтвердил он.

Глеб сложил плап, встал.

Орловский тронул его за локоть, кивком предложил отойти в сторону.

Журчала внизу вода. Издали доносились глухие голоса, удары молота.

— Вы... словно недоговариваете что-то, — сказал Глеб.

— Очень прошу — побыстрее дайте экономические обоснования...

— Осторожничаете?

— Нет... и вот что. Давайте сразу уточним вопрос о Татьяне Петровне.

Глеб удивленно посмотрел на него:

— Не понял вас. Что именно вы хотите уточнить?

— Хочу, чтобы вы знали. Я люблю ее. И сделаю все, чтобы она была со мной...

— Однако! — Глеб даже чуть растерялся.

— Вы считаете это странным? Или возможным запретить мне любить ее? — не давая ему опомниться, продолжал Орловский.

— Нет, конечно! — Глеб снова спокоен и чуть насмешлив. И тверд. — Но не быть назойливым и неприятным для нее — это я могу потребовать. И требую!

— Хорошо, жизнь покажет. Думаю, у нас обоих хватит ума и такта не переносить это на дело...

— Я рад это слышать.

Орловский вздохнул и вдруг сказал:

— С каким удовольствием я бы вцепил

сейчас по твоей счастливой физиономии, ты себе представить не можешь!

— Могу! Еще как могу! — ответил Глеб, видимо, испытывающий те же чувства.

Они изучающе посмотрели друг на друга.

— Идемте, нас ждут, — первым нарушил молчание Орловский.

Вечером Таня сидела у себя в комнате за столом, подперев щеку кулаком, с довольной улыбкой наблюдала, как проголодавшийся за день Глеб обстоятельно и аппетитно уничтожает приготовленный для него специально обед. На столе стояли цветы, бутылка сухого вина. Глеб только ел да похваливал. А ей было покойно и хорошо.

— Однако Орловский этот — фрукт!.. — произнес Глеб, вспоминая их разговор, и внимательно посмотрел на Таню.

— Ой, — вздохнула Таня. — Ты, Глеб, еще хлебнешь с ним горяшка... Этот чем не перед чем не остановится...

— Он... надоедает тебе?

Она пожала плечами, улыбнулась:

— Не в этом дело. Меня другое тревожит...

Он сел рядом, успокаивая, привлек ее к себе:

— Что же нас тревожит?

И она почувствовала в этом полупутильном тоне превосходство старшего, терпеливо снисходящего до забот и беспокойства ребенка. С досадой сняла его руку с плеча.

— До чего же я не люблю этот твой тон! То ли высокомерие, то ли снисходительность...

— Ну не сердись, Танюша. Но в самом деле, как же расценивать твоё поведение?

— Я... — начала она, но он не дал ей продолжить.

— Ведь ты мне жена и...

— Невенчанная! — Она подняла вверх палец. — Разве нам плохо так, Глеб?

— Плохо! Если женщина способна уст-

раивать такие проверки: «поживем отдельно, посмотрим», если она так рассудочна, — какая ж это любовь?

— Глебушка! — она оторвала голову от его груди, смотря укоризненно. — А ведь тебе совестно говорить так...

— Да не могу я говорить иначе! Ты здесь, я там. Никто ничего не поймет, я сам, дьявол меня забодай, не пойму!

— Может ты и прав, — сказала она как бы про себя и добавила, уже обращаясь к нему: — Но... иначе я не могу!

— Когда ты уехала, я решил — ноги моей у тебя не будет! Ни писем, ни звонков — ничего!

Она засмеялась, довольная:

— И все же ты здесь!

— Да, здесь! Да, не выдержал, не могу! И никогда не смогу! Ну, почему ты молчишь?

— Да потому, что я женщина! Я хочу разобраться в себе, — сказала она с досадой. И добавила обиженно: — Это только тебе все и всегда ясно и понятно.

Он почувствовал, что обстановка накалилась, что разговор этот тягостен для нее. Помолчав, он спросил, меняя тему:

— Да. Так что же тебя все-таки тревожит?

— Что? — она словно вернулась издалека и не сразу поняла, о чем оп. — А-а... да. Тревожит. Но... вот что. Позови Орловского. Или пойдем к нему.

Он изумленно уставился на нее:

— Это еще к чему?

— Ты поймешь... По-моему, это очень важно для тебя.

Орловский открыл дверь и, увидев неожиданных гостей, на мгновение опешил, но только на мгновенье. Тотчас скрыв удивление, он посторонился:

— Прощу.

Синий спортивный костюм, ладно облегающий его крепкое мускулистое тело, делал его похожим на спортивного тренера. Убрал с кресел кипы газет и журналов,

предложил сесть. Ждал. Несколько секунд длилось замешательство.

— Любопытная ситуация,— сказал наконец Орловский.— Я рад, если это просто визит вежливости.

— Это не визит вежливости,— сказал Глеб.— Прошу извинить, что беспокою по делам дома. Но Таня сказала мне...

— Прости, Глеб,— Таня волновалась, тербила в руках сумочку.— Я сама.

— Слушаю вас.

— Вот вы, прямой честный человек,— так наверное о себе думаете?

— Я не думаю, это так и есть.

— Ну, тогда уж разрешите откровенно.

— Только так,— сказал он.

— Хорошо. Я ничего не понимаю в ваших делах. Но даже мне понятно одно. Вы считаете, убеждены, что шахту надо закрывать. А перед Глебом ставите другую задачу. Как же понять ваше молчание?

— Все-таки наябедничала,— улыбнулся он. А потом вдруг догадался, вскочил, гневно схватил ее за руку.

— Вы... вы посмели думать, что я молчу... из-за вас? Жду, пока он брякнется?

Она отвела руку. Орловский, сокрушенно качая головой, заходил по комнате.

— Это я вам не прощу,— погрозил он уже тише.— Вот вы — медик, всегда на рентгене первый вопрос: что у вас? Ваша карточка? А если без карточки? Сам ставь диагноз! Непредвзят! Вот и я не хочу, чтобы мои сомнения довели над ним. Могу же я ошибиться, черт меня побери!

Она даже улыбнулась — такой он был взъерошенный, смешной и беззащитный в этой своей вспышке.

— Можете. Можете, деликатный и вежливый человек...

— Ну, уж коль наябедничала, что ж... Одну минутку! — Он поставил бутылку, рюмки, конфеты.— Что еще? Ага, кофе. Разговор у нас будет основательный, идите за мной, помогите...

На кухне он достал банку с кофе, чашки.

— Привыкайте хозяйничать на моей

кухне,— буркнул неумолимо и дал ей передник.

— Вы невозможный человек. Прекратите!

— Между прочим, когда вы вот так злитесь, становитесь еще красивее. Я только отметил факт, что вы с ним сделаете? И вышел.

Таня поставила на огонь кофейник, поставила на подносе чашки. Оглядела кухню. Все здесь было чисто, аккуратно, удобно. Ее внимание привлекла толстая раскрытая книга. Она взяла ее. Книга называлась: «Девочки, это книга для вас», а раскрыта она была на той старнице, где сообщался рецепт приготовления жаркого.

Таня улыбнулась, положила книгу на место и принялась разливать кофе.

Когда она вошла в комнату, забыв снять передник, Глеб ревниво посмотрел на нее. И потом все время непонятное тревожное чувство не оставляло его.

Орловский, возбужденный, азартный, знаком скомандовал, куда поставить поднос, помог расставить чашки, и получалось, что они вдвоем угощали Глеба. Глеб ясно ощутил это. А Орловский не заметил, увлеченный своими мыслями.

— ...Поэтому прошу только одно: быть абсолютно объективным и беспристрастным. И так вот ставьте задачу своим людям и машинам. Или-или! Закреть — или реконструировать! Третьего не дано. Но я убежден — надо закрыть.

Таня поймала сумрачный взгляд Глеба. И поняла. Она сняла передник и села с ним рядом, взяла чашку.

В институте «Гипрошахт» в большой, как зал, комнате много приборов, монотонное тихое гудение. У стен — вычислительные машины. Белые стены, белые халаты у вычислителей и операторов.

Глеба окружили помощники — молодые, современные ребята, чуть скептические, на-

смешливые, ироничные; в руках у них — листы с заданием.

— Задача стоит только так,— говорил Глеб,— реконструкция. Второго не дано. Любой ценой, любой! Найти способ, найти решение, вы меня понимаете. Работайте так, как будто перед вами дилемма: реконструкция или смерть.

— Задача ясна, шеф...

— Не впервые...

— Будет сделано, шеф!..

Старенькая хата деда Кравченко кажется совсем маленькой под могучими стройными тополями. В этом дворе нет сада, только шелестит — и в безветрии — большая тополиная роща. И старые тополя... и поменьше... и совсем молоденькие...

Это роща тополей той редкой породы, что еще встречаются на Украине, что живут столетия.

А у хаты уже собралось много людей. Человек десять шахтеров с женами, детьми, со старыми бабушками. Все выглядит торжественно и нарядно.

Старик Кравченко бродит, постукивая палкой:

— Это ж по какой линии пошло? По Ванькиной? Или Юркиной?

— Владимира, дедушка! — отвечает Лида. На руках у нее — грудной ребенок, она укачивает его, ходит между тополей, приговаривая: — Не плачь, хорошая моя, вырастешь, будешь вот такая! — кивает на тополя. — Вон дед твой Владимир шумит, слышишь? — показывает дочери тополь. — А то — дядя Коля... а то... вон, Викторыч, смотри ты, какой важный! Даже галки не садятся... А то твоя мама...

И среди присутствующих — Орловский и Татьяна Петровна. Таня с интересом наблюдала, как два шахтера выкопали ямку, как Лида передала ребенка, а сама, вместе с Андреем, взяла тоненький саженец, установила в ямке, заровняла землю. Приотпала, вытерла рукой лоб, оглянулась:

— Давайте!

Кто-то подал ей ведро с водой, подвели Кравченко. Он зачерпнул кружку, дрожащей рукой нащупал саженец, полил. Отдал кружку, поклонился саженцу...

— Расти до неба, сынок, смелый будь!

— Дед, там же девочка! — шепнули ему.

— А все одно! Верной шахтеркой будь!

Все по очереди подходили, брали кружку, поливали. Все, даже дети. За совсем маленьких — их отцы или матери.

Дошла очередь и до Орловского. Он зачерпнул воды, подал кружку:

— Прошу, Татьяна Петровна...

Она видела, как странно на нее посмотрели все, как зашумелись, но не поняла почему, полила саженец, после чего одобрительно загудели кругом, и Лида заулыбалась ей.

Орловский тоже зачерпнул воды, полил.

— Красивый обряд,— сказала она.

— Это все он.— И Орловский кивнул в сторону Кравченко.— Еще до революции, как у него первенец родился, посадил тополь. С тех пор и пошло: как в шахтерском роду прибавление — так и тополь.

Он посмотрел на нее, улыбаясь:

— Но посадить тополек могут только родственники... жены... шахтеров.

Она повернулась к нему.

— Ну, на худой конец, невесты,— улыбнулся он.

Таня взглянула на него уничтожающе. Повернулась и пошла. Он бросился за ней. Догнал, когда она уже повернула за угол.

— Стойте! Нельзя уходить, Татьяна Петровна, вы ведь обидите этих людей! Сейчас — обед!..

— Вы!..— Она гневно вырвала руку.— Как вы смели... как вам не стыдно устраивать из этого балаган!.. Вы... уходите, не то я бог знает что сейчас выскажу вам!..

Опустив голову, он понуро возвратился назад, не смея смотреть в глаза людям.

Кравченко уже, видно, сообщили про скандал.

— Кто? — рассвирепел он.— Где? Да я ему сейчас плетюганов, босяку такому!

А ну подойди, сукин ты сын! Ты чей, по какой линии?

Орловский подошел.

— Прости, дед,— сказал он.— Плохи наши дела...

Давиденко ходил у себя на веранде, сияющий, торжественный и довольный. Раскрытые папки лежали на столике, а он нет-нет и косился на них.

— Звал, Данилыч? — быстро вошел Орловский.

— Вот! — Давиденко потащил его к столику.— Готово! Я уже просмотрел.

— Что это? — не сразу понял Орловский.

— Бакуров прислал... тут записка тебе... «Уважаемый тов. Орловский! Согласно договоренности, посылаю предварительные выкладки. Думаю, они заставят Вас изменить свою точку зрения. Впрочем, она вполне извинительная для неспециалиста. С уважением. Бакуров».— Слушай, о чем он тут пишет? О какой точке, о каком зрении? — спросил Давиденко.

— Это я вам скажу чуть позже.

— Правильно, это все чепуха. Садись, читай!

— Нет. Вы извините, это — дома...

— Ну, давай. Я жду! Хотя среди ночи звон!

Поздним вечером уютно горит в комнате настольная лампа, яркий круг света освещает стол, кусок пола, часть кресла. На столе, на кресле, на полу даже разложены чертежи, схемы, кальки, арифмометр, линейки, ручки, справочники.

Стоя на коленях на стуле, навалившись на стол, Орловский размышляет над бумагами. Взъерошил волосы, невесело свистнул.

Потом отошел, сел поодаль — локти в колени, подперев руками голову. Так и сидел, уставившись в одну точку.

Он медленно брел к шахте, поеживаясь от прохлады,— осень уже стоит, по ночам холодно.

Яркие спокойные огни на терриконе, на копре. Ритмичное дыхание компрессоров. Лязг и звон вагонов под погрузкой, обвальный грохот угля. Орловский смотрел на все это, словно впервые видел. И вдруг отступил в сторону, в тень акации. По двору шел Давиденко, окруженный шахтерами. Шутили. Смеялись.

Орловский подождал, пока они прошли, и побрел к дому Росицы. Постоял в нерешительности, глядя на Тавины окна. Наконец решился — подошел и тихо постучал.

Что-то белое мелькнуло за окном, выглянула Таня. Потом скрылась и, уже в халате, открыла окно.

— Что-то случилось? — спросила с тревогой.

— Случилось,— подтвердил он.— Здравствуйте. Извините за... топольки и за поздний визит.

Он замолчал. И она каким-то особым чутьем угадала, поняла, что действительно случилось нечто серьезное и важное, что привело его к ней.

Вдруг он поднял голову и попросил:

— Выйдите на минутку, вы мне нужны...

— Хорошо,— сказала она. Мелькнула в окне штора, вспыхнул свет.

Они шли над озером — темный террикон отражался в светлой от звезд воде. За озером спокойно мерцал огнями поселок.

— Значит, подтвердилось? — спросила Таня.

— То, чего я боялся. Ошибся Глеб. Если только это ошибка.

— Вы подозреваете, что он...

— Да все у него правильно! Все как будто и верно, и все... не то...

— В вашем тоне сквозит недоверие. Вы спягае, он специально...

— Нет! Такого не допускаю. При всей антипатии, вы уж простите. Скорее всего —

просто ошибся... И тем не менее, закрывать надо. Шахта убыточна.

Таня хотела успокоить его, тронула за руку:

— Ну что ж?... Скажите им, зачем же мучиться, в конце концов, это...

— Оставьте, — с досадой почти крикнул он. — Не нужно меня жалеть. Вот они — дома строят, деревья растят. Как же сказать? И как не сказать? Я не боюсь. Но дело не в том, чтоб они подчинились. Это просто. Дадут приказ закрыть шахту и... подчинятся. Не смотреть как будут? Это ж целый мир... Это ж надо слушать с детства ее гудок... кормилицы... дышать этим воздухом... чувствовать ее, как живую...

Она шла, опустив голову. Взглянула на него и сказала искренне:

— Слабому я бы сказала — уезжайте. А вам...

В дом к Давиденко Орловский заходить не стал. Постучал тихонько в окно. Окно открылось, и появился в нижней рубаше Давиденко.

— Вот, Иван Данилыч, — сказал он.

— На тебе лица нет, Сашок, не заболел?

— Нет. — Орловский протянул ему толстую папку. — Тут вот — мои расчеты.

— Да что ты мямлишь? — встревожился Давиденко. — Говори! В чем дело?

— Прочтите...

— Я прочту, а ты что, онемел?

— Разговор, Иван Данилыч, слишком серьезный предстает! Поэтому не могу сейчас наскоро, хочу, чтоб вникли, поняли аргументацию!

— Да что такое? — растерянно проговорил Давиденко, беря папку.

Давиденко закончил читать, когда уже светало. Сидел в густом плавающем дыму — курил непрерывно.

Откинулся на спинку стула, закрыл гла-

за. Потом встал и, сразу постарев, ссутулившись, подошел к окну.

За окном было уже совсем светло, но солнце еще не взошло.

Зазвонил телефон.

— Здесь Давиденко.

— Это я. Думаю, вы прочли уже, Иван Данилыч? — послышался голос Орловского. Давиденко помолчал немного.

— Так где ж ты хочешь, чтоб мы говорили? — спросил он. — У тебя, в кабинете директора?

— Ну зачем вы так, Иван Данилыч... Если не возражаете, я сейчас приду к вам...

— А чего ж мне возражать? Я только подумал... может, тебе здесь труднее будет? Все ж таки стены, в которых, можно сказать, вырос и которые теперь взорвать собрался.

И снова наступила пауза.

— Н-да, — сказал наконец Орловский. — Значит, не поняли вы моих соображений. Может, и говорить не стоит?

— Зачем же откладывать? Придется.

Они сидели за столом, на котором разложены были планы горных работ и бумаги, стояли стаканы с чаем.

— Вот это все, — постучал Давиденко по бумаге, — считаю предательством, Саша. Извини, юлить не привык. И коль уж напрямую — я что здесь увидел? Вот, мол, какой я умный да принципиальный! Что вся ваша жизнь в этом — плевать, зато я каков!

— Это не разговор, Иван Данилыч. Во всяком случае, разговор не на равных. Вы же знаете, что я не смогу ответить в том же тоне.

— Почему? Отвечай! Сейчас обо всем забудем — два инженера, два руководителя — и дело, ничего больше!

— Выходит, для себя старался?

— Саша, Саша... думаешь, я сам этих твоих возражений и сомнений не знал? Знал! Но потому тебе и передал, что сам не

могу, не хватает у меня знаний ли, таланта, черта, дьявола! А у тебя есть все это. Я ж тебя сыном считал,— с болью сказал Давиденко.

— Выходит что ж, мне надо было смолчать? И пусть все летит в трубу?

— Какую трубу? Целый институт — институт! — решает эту задачу... и успешно решает! Ну пусть я темный, не понял, но они что же? Рота не в ногу, один ты в ногу?

— Да поймите же, постарайтесь понять мои соображения!

Орловский ходил по комнате, все повышая голос, говорил, а потом, спохватившись, поглядывал на дверь в спальню, переходил почти на шепот:

— В этих наметках проекта завышены — и намного! — будущие нормы выработки.

— Бакуров правильно поступил, он учел техническую революцию в горном деле, новые механизмы, новые комбайны, те, которых еще нет, но они будут, они уже проходят испытания!

— Проектировщики, как всегда, исходят из максимальных возможностей, берут идеал. Но мы ведь не сможем взять эти механизмы, не пойдут они у нас! А с той техникой, что сейчас, когда ж окупятся затраты на реконструкцию? Через тридцать лет? Вряд ли!

— Что ж, в этом ты где-то прав,— сказал Давиденко.— Но... это вовсе не значит, что шахту надо закрывать. Качать уголь можно. План привести в соответствие с мощностями можно... правильно?

— Нет, неправильно,— возразил Орловский, рывком разворачивая на столе план горных работ.— Взгляните. Видите эту геологию? Пласты мизерные и маломощные, излом на изломе, сброс на сбросе. Туда новому технику не дашь! Вот вы тогда удивлялись — как это я в завале оказался, почему торчал там, дескать, предвидел этот завал, что ли? А если хотите — да, предвидел. Я давно уже засек эту закономерность — чем глубже, тем больше наруше-

ний. Полсотни метров — и жди каверзы. Только пройдешь... и опять. И все чаще, чаще... этого ведь никакой проектант предугадать не сможет!

Давиденко помолчал.

— Я отдаю должное таланту инженера Орловского,— наконец сказал он,— и его интуиции. Многое, конечно, следует учесть, но подход у нас иной. Геология сложна? По-иному вскрывать лавы, планировать. Газы, выбросы? Обеспечить максимальную безопасность, вентиляцию. Ну и так далее...

— Я считаю: лучше и дешевле построить новую шахту, чем те же деньги вложить в безнадежное дело — в реконструкцию!

— Безнадежное? Бросить уголь, который нужен как хлеб!

— Не бросать! В семи километрах — шахта «восемь-бис». Вот ей и отдать наши запасы, они их возьмут. Вот! — показал он на плане.

Давиденко поймал его на слове и обрадовался.

— Ага! Значит, все-таки можно! Только пусть другие наш уголь берут! Не мы... Если очень захотеть, в нашем деле все обосновать можно. В этом я тоже отдаю должное и твоему таланту и твоей интуиции. Ты все рассчитал и учел. Одно ты забыл. Мелочь. Люди здесь живут. Люди! А не роботы...

— Да я о людях и думаю прежде всего!

— А им такие твои заботы ни к чему...

— Бессмысленный труд тем и страшен, что он интерес в человеке убивает, веру...

Давиденко посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты не убедил меня.

— Жаль,— сказал Орловский, закрывая папку.— Я выхожу на партком с предложением... закрыть шахту и передать наши запасы «восьмой-бис».

— Так.— Давиденко встал.— Но учти! Это будет только твое мнение. Личное! Ни партком, никто тебя не поддержит, я уверен. И думаю, вы поймете,— голос его

тверд, жёсток, — с таким настроением дело не сделаешь. Я буду ставить на парткоме вопрос о снятии вас с директоров, Орловский. Всё, вы свободны...

— Меня снять можно, — сказал Орловский. — Но проблемы, о которых я тут написал, не снимешь!..

— Вы свободны! — едва сдерживаясь, сказал Давиденко. — Мы выяснили все, и говорить больше не о чем! Разве что, в порядке личном, — прошу забыть дорогу в этот дом.

Поздно вечером Таня в своем кабинете смазывает обильно зеленкой царапины на лице и руках мальчишки. А сама все время поглядывает в окно, на площадь перед «Шахтерочкой».

— С голубятни упал, — охотно начинает парень. — Там у меня лестница подломилась, я и загудел...

Таня почти не слышит его, все ее внимание — там, на площади.

Возле «Шахтерочки» сегодня оживленнее, чем всегда. И у столиков, и на площади группами стояли люди. Поглядывали на окна парткома, ждали. В кафе светился телевизор, Левченков в одиночестве упрямо смотрел детектив. Лида ходила, собирала со столиков пустые кружки, ворчала незлобно:

— Скорее бы уж. Давно закрывать пора... У меня ж новоселье — люди придут...

Таня увидела из окна, как все вокруг пришло в движение, люди подались вперед — значит, закончился партком. Вышел Гринченко. Его окружили, чуть не силой затащили в «Шахтерочку».

Таня быстро выбежала из комнаты. В кафе вокруг Гринченко так много народу, что ей пришлось приподняться на носках, чтобы увидеть и услышать его.

— Братцы! — просящим голосом говорил в это время Гринченко. — Все узнаете...

потом! А так... ну это же закрытый партком!

— Подумаешь, секреты! — напирала на него.

— Ну разобрались?

Он отчаянно махнул рукой.

— Раздели Сашку Орловского!... И решение — снять с директорства.

Такой взрыв оживления случается лишь на футболе после крепкого красивого гола.

Гринченко увидел Таню, громко крикнул ей:

— Ну ваш-то, Татьяна Петровна, дал ему жару!..

— Ну и верно!

— Ишь, чего надумал!

— И деды, и отцы, а он...

Таня повернулась и пошла к зданию шахтоуправления. Прошла гулким пустым вестибюлем, поднялась на второй этаж. Двери в кабинете и приемной открыты — проветривают после дымного заседания. В кабинете слышны голоса. Таня остановилась, прислушалась.

— Договаривайте! — гремел требовательный голос Глеба. — Эдак, чего доброго, вы меня и в должностном преступлении обвините. Что, мол, выдал худший вариант, что необъективен, так?

— Не знаю. — Таня едва узнала голос Орловского.

Они вдвоем в кабинете. Окна раскрыты, сквозняк шевелит бумаги на столе.

— Честно — не знаю, — повторил Орловский. — И знаете это один вы.

— Ваши подозрения попросту нелепы. Все подсчитано. Это ведь только в поэзии так, нельзя подсчитать точно. А тут — сухая логика цифр. Тут...

— Бросьте, Бакуров! Вы же знаете, что говорите чепуху! И в нашем деле есть чутье, есть интуиция, есть талант. А что такое талант? Беспощадный перебор вариантов и умение найти лучший! Увидеть, что будет завтра, какие компоненты схлестнутся. И сейчас именно тот случай, когда формально вы...

— Вы задержали меня, чтобы прочесть популярную лекцию о таланте? Дело сделано.

— Дело сделано. Но я задержал вас, чтобы вы ответили мне на один вопрос. Сумеете ли вы потом честно смотреть в глаза?

— Кому?

— Всем. И прежде всего — Тане.

Глеб насмешливо хмыкнул:

— Это от бессилия, Орловский.

— Вы не ответили.

— Поздно, Орловский. Все уже сказано. И не надо свою неудачу и прожекторство оправдывать Таней.

— Бакуров! — раздался голос Давиденко. — Ну где же вы? Мы вас ждем...

Давиденко, довольный, сияющий, — победитель! — и Глеб вышли из шахтоуправления. Их обступили, поздравляют, жмут руки.

— Эх ты, — Левченков презрительно посмотрел на Орловского и протиснулся вперед. — Молодец, Иван! — крикнул он Давиденко. — Вот где молодец, так ничего не скажешь! А то, понимаешь ты, на общественность плевать, — и кивнул в сторону Орловского.

Орловский медленно побрел прочь. Перед ним расступались, смолкали, провожали взглядами.

— Нет-нет, что ни говорите, кое-какой резон у Орловского имеется, и это надо учесть, — великодушно произнес Давиденко, обращаясь к Глебу.

А тот увидел Таню, которая одиноко стояла в стороне и смотрела вслед уходящему Орловскому. Глеб подошел к ней, но их тут же окружили Андрей с Лидой, Давиденко, Гринченко.

— Ну спасибо вам, — поблагодарил Андрей Бакурова и с чувством пожал ему руку.

— Такое дело полагается отметить! — засмеялся Давиденко. — Тем более — новоселье у человека! Идем!..

— Идем, Танюша? — предложил Глеб, беря ее под руку.

И только Росица сказала растерянно:

— А как же Викторич? Его-то не звали...

— Гм, действительно, — Давиденко придержал Росицу за руку, дождался, пока остальные отошли немного. — Ты сходи за ним. И от меня попроси. Не надо портить людям праздник.

— А пойдет? — усомнилась она. — Может, сами?

— Нет, лучше ты. Лично прошу, что ли...

— Ой, и норовистые ж вы оба!.. Ладно, пойду...

Все это время — и когда его поздравляли незнакомые люди, и когда они шумной гурьбой шли по улице, и возле нового дома Андрея, где целая толпа собралась, гремела радиоло, бегали дети, и когда в оживленной суматохе рассаживались за праздничным столом, — Бакурову было не по себе. И Таня, изредка посматривая на него, чувствовала его смятение и тревогу, была задумчива, молчалива.

Вошел вместе с Росицей Орловский. Боевой пыл не остыл в нем, он понимал, какие чувства может вызвать его появление, но держался просто, как ни в чем не бывало.

— Ну, Росица, — воскликнул он, — поскольку твой Семен в лаве, то нынче — я твой кавалер!

— А что ж! — с вызовом сказала Росица. — Я согласна, я не то что иные, некоторые! — И уколола взглядом Таню. Но Таня, занятая своими мыслями, не заметила, молча смотрела на Орловского... на Глеба. А Глеб опустил глаза и черенком ножа что-то чертил и чертил на скатерти.

Росица подняла бокал, обвела всех взглядом:

— За вас, шахтеры, как всегда, и первое слово, и первая рюмка, и чтоб всегда вас ждал такой добрый дом.

Все одобрительно зашумели, а Росица, повысив голос, продолжила: — Так выьем же, чтоб стоял этот дом двести лет, и еще столько, и еще полстолько, чтоб детей в нем было много, чтоб смеха много, а слез мало!..

— В точку, Росица! — одобрил Давиденко и потянулся с бокалом к Орловскому.

— До дна!

— Согласен! — сказал, чокнувшись с ним, Орловский и протянул бокал к Глебу.

— За чистую совесть шахтера!

Он напряженно ждал. И Таня тоже ждала. Глеб молча притронулся своим бокалом к бокалу Орловского.

Щелкнул выключатель, и в комнату вошли Таня и Глеб.

— Это хорошо, что ты вытащила меня оттуда, — сказал он, усаживаясь в кресло. — Не до веселья.

— Что так? — спросила она, беря передник и собираясь идти на кухню.

— Устал зверски.

— Я сделаю кофе.

— Спасибо.

Он сидел, зажав руки в коленях, опустошенный и тихий.

Она вошла, остановилась над ним.

— Хороший тост, правда? За чистую совесть.

Он поднял голову и удивленно посмотрел на нее.

— К чему ты это?

— Смотри мне в глаза, Глебушка...

И она прочла в его глазах смутение и тревогу.

— Уедем отсюда, Таня. Сегодня, сейчас! Ты нужна мне, нужна, понимаешь? Как никогда!

— Ты никогда не лгал мне. И слава богу, ты не умеешь лгать. Скажи, ты слухавил?

— Да нет же, нет, нет, нет! И все это чепуха, суета, важно другое, важно — ты и я, и чтобы мы были вместе. Уедем, Таня!

Она, как мать, погладила его по голове.

— Важно другое. Я не могу себе представить, чтобы ты пошел на сделку с совестью, чтобы потом всю жизнь... А ведь это страшно — один компромисс, и еще, и еще, и человек сам не заметит, как он перестал быть человеком. Хорошо, мы уедем...

— Сейчас же?!..

— Сейчас.

Поздно ночью Росица с соседками возвращалась с новоселья. Где-то пели еще. В ночной тишине далеко разносилась звонкая песня. Возле дома Росица увидела машину, увидела, как Глеб выносил стопки книг, и Таню в окне, уже в плаще и козынке.

— Ой, беда какая, — прошептала она. — Ой, бабоньки, уезжает докторша. А Викторыч-то что же, и не знает?..

И она стремглав бросилась назад.

Орловский спешил по улице к дому Росицы.

Дверь была открыта, и он вошел — ворвался, не постучав.

— Вы?! — встал ему навстречу Глеб. Не обращая на него внимания, Орловский подошел к Тане.

— Что это?

— Послушайте, Орловский, — решительно шагнул к нему Глеб. Но Таня властно сказала:

— Выйди, Глеб.

Она смотрела на него выжидательно, и Глеб смирился.

— Хорошо. Я жду тебя. — И вышел.

— Я уезжаю. Уезжаю совсем.

Он понял по тону, что решение ее твердо. Он как-то сник, сел на стул. И все показалось ему пустым и ненужным.

— Этого не может быть... не должно, Таня... Вы понимаете?

— Так нужно. Спасибо вам за все. Я хорошо буду помнить о вас, Саша...

Впервые услышал он от нее близкое «Саша» — и это подстегнуло его.

— Таня! — он бросился к ней, взял за руки. — Вы делаете непоправимую ошибку, Таня!

Она молчала. И это молчание он понял по-своему.

— В конце концов, — осмелел он, — я, как директор, категорически запрещаю вам уезжать. Вы не можете так вот, походя, бросить работу, людей, поселок, вы...

Она упрямо качает головой, как бы отвергая все его доводы.

— Не надо, — говорит она. — Вы же все понимаете, Саша. Я не могу объяснить, я не знаю, что это... Но я не могу оставить его теперь... в таком состоянии!..

— Это трусость! Вы просто боитесь, вы не любите его, вы убегаете от...

— Хватит! — резко оборвала Таня, убиравя руки. Смятение охватило ее, она поняла, что на какое-то мгновение дала Орловскому почувствовать свою слабость, она испугалась, что он заметит пробудившееся в ней чувство, в котором она боялась признаться самой себе. И она настойчиво твердила, убеждая скорее себя, чем его: — Я люблю его, люблю, понимаете вы, люблю!..

Оба замолчали.

— Меня ждут, — тихо напомнила она.

Ночная дальняя дорога. Стремительно ложилась под колеса лента шоссе. Глеб сосредоточенно курил, глядя вперед и ничего не видя. Таня откинулась в угол на сиденье. Молчала. Обдавая вихрем, проносились встречные машины, мелькали светящиеся автобусы. Они оба молчали. Но они хорошо знали друг друга и понимали, что думает каждый. Мы услышим этот немой разговор.

— И все же ты сказал неправду, Глеб, — голос Тани. — И ты понимаешь, что я это знаю.

— Я так люблю тебя, что ради этого готов на все.

— Там, где началась ложь, любовь уходит, Глеб. И это ты понимаешь тоже.

— А была ли у тебя любовь, Таня?

— Я была искренна с тобой, Глеб.

— Знаю. Но была ли это любовь?

— А что же это было?

— Не знаю. Может быть, ты была благодарна мне за мое отношение к тебе? И это было лишь сильное желание ответить мне тем же?..

— Возможно, — в голосе ее раздумье. — Но я действительно хотела ответить на твою любовь!

— И не смогла, — голос Глеба. — И теперь ты здесь, со мной... из жалости... — Пауза. — Но мне не нужна эта оскорбительная жалость! Мне беспощадно ясно, что я теряю тебя, что ты и сейчас в мыслях там, с ним...

— Нет, Глеб. Все сложнее. И Орловский... может быть, ты и прав. Но и не будь его, я бы ушла от тебя... и потому тяжело и пусто в душе.

Ярко освещенная заправочная станция. Таня сидела на скамейке, а Глеб невдалеке ходил, заложив за спину руки.

Заправленная машина посигналила издали, и шофер, выйдя, помахал рукой.

Глеб подошел к Тани. Она встала, но он медлит, не идет к машине.

— Я возвращаюсь, — сказал он твердо. — Вон идет автобус, и я...

— Глеб! — глаза Тани радостно заблестели. — Но зачем же автобус?.. Мы...

— Нет! Ты уедешь одна. Что мы кривим душой? Ведь мы прекрасно все понимаем. Я знаю, что сейчас теряю тебя. Но иначе я не могу.

— Я знала, Глеб. Я всегда верила в тебя...

— Обещай мне. Ты уедешь куда-нибудь, побудешь одна, успокоишься, обдумаешь все, не спеши. Это ты можешь сделать для меня?

— Могу, Глеб.

— И как ты решишь, так и будет. Но

если бы ты знала, как он ненавистен мне, этот уверенный оптимист! Ну ладно, хватит, вон автобус.

Она приподнялась на носках и поцеловала его в щеку.

Он повернулся и почти побежал от нее.

— Глеб! — закричала она.

Он обернулся.

— Глебушка, милый! Как я рада за тебя!

Рано утром — еще солнце не встало, еще туман в низинах — Глеб решительно подошел к подъезду Орловского и, поднявшись на второй этаж, настойчиво позвонил.

Орловский открыл ему дверь — в пижамах, в руках бритва. Нисколько не удивившись, пропустил гостя в комнату.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— Вы не удивлены? — спросил Глеб.

— Удивлен, не удивлен — роли не играет.

— В общем, собирайтесь, едем в Донецк. Есть один вариант...

— Глеб, вы уже сделали один главный шаг — пришли. Так не надо недомолвок — «есть один вариант». Нет варианта, ведь так.

— Так, — после паузы сказал Глеб. — Ваше предложение закрыть шахту — правильно. А то, что произошло вчера, я беру на себя.

— Не думайте, что это так просто.

— Поэтому мы и едем в министерство.

— Да я не о том. Вот здесь, в поселке, людям, тому же Давиденко, как вы объясните все это? А знаете что? Мой вам совет — объясните все, как оно было. Он же редкой души человек. Он поймет. Он поймет, но не завидую вам в том разговоре! А может быть, позже сообщите ему? Дескать, еще раз пересчитали и...

— Нет! — резко прервал Глеб. — Не пойдет.

— Понимаю. Но все же... поосторожнее, падите старика. Такие перепады!.. Что ж, идите к нему.

Глеб не спешил.

— Вы на коне, — проговорил он, — но, если я не ошибаюсь, особой радости не испытываете?

— Не ошибаетесь. Не испытываю. И знаете почему?

— Почему?

— Свою правоту я доказал и так бы. Но вот то, что сделали вы... это единственно верное, что может удержать с вами Танию. Но не удержит, предупреждаю честно.

— Об этом говорить не будем. Она все решит сама.

Нарядная шахты забита до отказа. Здесь и дети, и женщины, старики — все пришли. В президиуме — министр, Орловский, угрюмый Давиденко. Лица шахтеров мрачны, женщины кое-где всхлипывают.

На трибуне министр.

— ...И решение закрыть шахту — единственно правильное. — Он опустил голову, помолчал. — И мне, как и вам, нелегко это, знаете... Ну, а теперь — главное. — Он поднял голову. — Ни один человек не останется, конечно, без работы. Нужда в людях у нас большая, знаете. Все будут трудоустроены! На других шахтах. Получите квартиры, поможем перевезти дома!..

— Да разве ж в том суть? — спросил кто-то с отчаянием.

Давиденко долго смотрел на него, потом опустил голову. Медленно вышел из-за стола, постоял. И сразу стало видно, какой он седой, старый, и палочка, которая раньше была, вроде больше для форса, теперь вон как нужна.

Тяжело опираясь на нее, он медленно пошел по проходу.

А вслед ему неслось:

— Ну а кто не захочет уезжать — пожалуйте! Здесь будет открыт завод по ремонту горного оборудования. Так что поселку ничего не грозит!

Но он уже ничего не слышал.

В тишине мерно дышала шахта. Золотыми брызгами мерцали огни, уютно светились желтые окна поселка.

Молча, подавленно брел по улице Давиденко.

Возле нового дома Андрея люди собрались. Несколько фигур темнеет. Кто сидел на скамье, кто стоял, а кто-то на корточках пристроился. И Лида здесь, и Андрей. Курили. Увидели Давиденко, окликнули.

Хотел Давиденко побыть с мыслями своими наедине, но пришлось подойти. Шахтеры обступили его. Тот, на корточках, тоже поднялся. Это — Король.

— Что ж теперь будет, Данилыч? — спросил за всех Король.

Какого ответа они от него ждали?

— Тебе-то что волноваться? — сказал седой шахтер. — Ты — жечи на плечи и подался на другую шахту... А я?..

— А что ты? — сердито сказал Левченков. — Пенсия большая... а то сторожем станешь на этом ремзаводе... А мне вот куда?

— Это точно: ты, Левченков, без ответственности пропадешь, — невесело пошутил Король.

— Молодым, оно конечно, а нам как?..

Не знал Давиденко, что им ответить. Пошел молча. И другие потянулись за ним.

Улицами поселка шли к шахте старые шахтеры. Все ближе старый двойной террикон, уплывает навстречу вагонетка с породой — навстречу плывет пустая.

Шли шахтеры, а на озере — голоса, смех, современная ритмичная мелодия из транзистора. Девичий хохот. Выскочила из-за угла девчонка да чуть не упала, подхватил ее Давиденко. Это — Аня, бывший его секретарь. А вслед за нею и смущенный Жора, увидел процессию, остановился виновато.

— Извиняюсь, Давилыч, нечаянно вышло...

Прошли шахтеры молча. И только тонкий девчоночий смех раздался позади.

Король и Росица сидели, не зажигая света, в комнате — полутьма.

Дети спали. Подошла Росица, поправила одеяло, опять отошла. Села рядом с Королем, тихо раскачивается, обхватив голову руками. Король неуверенно погладил ее по голове.

— Не плачь, Росинка, не надо... Жизнь большая, найдем и мы себе место!..

— Семен! — Она подняла к нему заплаканные глаза. — Ты меня любишь, Семен?

Королю даже неловко стало, давно уж забыл он про все такие слова, а тут вот...

— Н-ну, ясное дело, как же иначе?

— А тогда можешь для меня сделать что-то?

Он пожал плечами:

— А чего ж не сделаешь?

— Нет, ты обещаешь!

— Ну, пообещал...

— Останемся здесь, Семен! Никуда не поедем!..

— Как это? — опешил он. — А что же я делать тут буду?

— Да работы на заводе будет!.. А я... не могу я, ну приросла я к этим садам и цветам и всему... останемся, Сеня!..

Семен встал, зашарил в темноте по столу в поисках спичек.

— Так как, Сеня?

— Ну, брат, огорошила ты меня!..

С ураганным ревом и свистом врывается в кадр эшелон, все нарастает пулеметная дробь колес, гудят виадуки, свистит ветер, мелькают в блеске огня вагоны с углем... Летят они мимо цветущих садов.

В небольшой городской квартире Таня в белом халате, сидя за столом, выписывала рецепты. Рядом стояли санитар и фельдшер. В руках у них чемоданчики с медикаментами, лечебными инструментами.

Хозяин квартиры — пенсионер — лежал в кровати, неловко улыбался.

Таня подписала рецепт, отдала его внучке пенсионера. Улыбнулась.

— Все будет хорошо. Только надо полежать, успокоиться...

— Спасибо, доктор,— слабо улыбался ей больно.— Оно и неловко было скорую вызывать, да уж...

— Ну, что вы, с сердцем не шутят... тем более, вы не мальчик, да и испытали, видно, многое. Это с войны? — спросила она про его руки, сплошь покрытые мелкими черными оспинками.

— Не-е... это в шахте когда-то,— ответил он.— Уголек это...

Она со вспыхнувшим любопытством посмотрела на него:

— Так вы — шахтер?

— Был когда-то... В Караганде...

— Я завтра навещу вас.— Таня встала.

— Да не надо, не беспокойтесь, спасибо, доктор.

— Лежите, лежите. Завтра... в десять...

Когда они сели в машину «Скорой помощи», санитар сказал с недоумением:

— Зачем вам завтра к нему? Это ж дело участкового врача!

Она не ответила, глубоко задумалась.

Мчалась машина по улицам города.

Опустила голову Таня.

Девушка-фельдшер поглядывала на нее.

— Татьяна Петровна,— шепотом спросила она,— вы плачете?

— Это от ветра,— ответила Таня,— это сейчас пройдет.

Орловский шагал к шахтоуправлению, когда его привлекло необычное оживление возле «Шахтерочки», — и он зашел туда.

Шахтеры сидели за столиками, толпились на веранде. А дородный лысоватый человек щедро выставлял на стол пиво.

— И лучше, чем у нас, не найдешь! — соблазнял он.— Река Донец рядом, курорты, Украинская Швейцария... вот ты, к примеру, кто?

— Ну, к примеру, машинист комбайна,— ответил Андрей.

— Требуются! Да еще как! Милый ты мой!

Орловский покосился на него, проходя к стойке, взял у Лиды пачку сигарет.

А рядом с ним другой вербовщик, худой, рыжий, крикнул первому:

— Ну да, курорт! А Северодонецк весь химией провонял, это как? Нет, братцы, авторитетно говорю, в западном Донбассе и шахты новые и... вот твоя специальность?

— Проходчик...

— Так тебе прямой резон к нам! Заработки — во! А ты? — это уже к Орловскому.

— Директор шахты...

Рыжий поперхнулся пивом, однако, тут же напелся:

— Не требуется,— развел руками.

Посмеиваясь, шахтеры потянулись за Орловским.

В нарядной собрались люди, многие в спецовках. Обычно наряд выдавали в комнате участка, но тут был особый случай.

Орловский обратился к людям:

— Что ж, товарищи, впервые даю такой наряд и, дай бог, чтоб в последний раз. Гринченко! Закрывать седьмую восточную, садить лаву, демонтировать оборудование...

Упала гулкая тишина, опустили глаза шахтеры. В тишине что-то резко стукнуло о паркет — это Давиденко уронил трость.

— Как же так? — растерянно спросил кто-то.

— Уже?

Гринченко встал перед Орловским, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и ушел, бросив:

— Без меня...

— Что — без тебя? — опешил Орловский.

Тот обернулся и уже издали крикнул с тоской:

— Да не могу я, не могу!

И еще один встал, сказал виноватым тоном:

— Извини, Викторыч. Ну вот все пони-

маю, но чтоб своими руками?! — И тоже ушел.

А двое и вовсе молча ушли, понурившись, избегая смотреть на Орловского.

Левченков же — он тоже здесь случился — зло крикнул:

— Сам придумал, сам бы и лез! Мыслимое ли дело!..

— Что ж, сам так сам, — сказал Орловский.

Но тут подошли Андрей и Жора.

— Кому-то ж надо...

— Мы с тобой, Викторыч...

Подтянулись молодые.

— Разреши целики добрать, директор! Те участки, что оставляли для прочности кровли...

— Эх, мать честная! — сказал Орловский всердцах. — Врежем напоследок, хлопцы, чтоб дети грома не боялись!..

Бешеный темп работы в лаве, черные лица, в пыли косые лучи фонарей, рев и грохот механизмов, вздувшиеся мускулы крепких рук, азартные сверкающие глаза Орловского.

Рушились глыбы угля и все заволакивало черной пылью.

Кувыркались в небе голуби, плыли под белыми облаками, купались в синеве.

Стоял Андрей — усталый, спокойный, равный с равными, смотрел в небо и улыбался счастливо. А рядом шахтеры, товарищи его, тоже глядели на голубей.

Все черные, все — братья.

Подошел Орловский, похлопал Андрея по плечу — и ничего не сказал.

— Мы тут перебросились, Викторыч: нам бы как-то вместе, чтобы не раздробилась бригада... — предложил Андрей. — Хорошо у нас получается, вот что обидно! Возьми с собой, как назначат?

И опять замелькали, закачались вагоны, засверкала уголь в бункерах, прогромы-

хали колеса. С гулом и свистом идет эшелон. Гудит тепловоз. По ночной степи, где вполнеба встают багровые зарева заводов, идет эшелон с углем.

Поздним вечером Орловский, уставший, прямо в грязной робе, пренебрегая уставновившимися правилами — из шахты немедленно в баню, — вошел в свой кабинет. Взял сифон, долго пил. Потом стоял и смотрел на террикон за окном.

Потом достал из шкафа знамя шахты, развернул его, долго рассматривал орден на знамени.

Без стука отворилась дверь и вошел Глеб. Они молча посмотрели друг на друга.

— Устал дьявольски, — сказал наконец Глеб словно про себя. — Шахту новую принимали. Ехал мимо — и решил... а собственно, зачем я решил к вам заехать? — он словно размышлял вслух. И остро взглянул на Орловского.

— Таяня вам пишет?

Орловский не ответил, устало опустился в кресло. Помолчали.

— Н-да, — перевел разговор Глеб, — восемь шахт, а на девятой, на вашей, осечка. Нет-нет! — поднял он руку, не давая сказать Орловскому. — Правильная осечка!

Он встал, походил по комнате, снова сел.

— Шахту готовим к сдаче... То, о чем вы мечтали. Вот куда проситесь! А это все, — он кивнул на знамя, — в ящик, в архив, пройденный этап.

Глеб решительно поднялся:

— Желаю удачи...

— Пойдите! — остановил его Орловский. — Где эта шахта, о которой вы говорили?

— В Володарском районе...

— Когда войдет в строй?

— Не сегодня — завтра... Да, там есть где развернуться!

Орловский быстро встал и подошел к карте области, висящей на стене.

— Во-ло-дар-ский район,— пробормотал он.— Ага, вот оно!

Он вновь сел и задумался. Глеб смотрит на него.

— Стоп! Стоп. А что? А что, черт побери! — И схватил трубку.— Анечка, всех быстро давай — и Давиденко, и механика, главного, всех ИТР, быстро! — И рукой пригласил Глеба сесть.— Это неважно, что поздно, буди всех!

И положив трубку, попросил Глеба:

— Прошу вас остаться. Расскажите нам о той шахте...

...И вот, когда все собрались и он сообщил им свое решение, они сидели, удивленно переглядывались.

— Постой, постой! — сказал Давиденко.— Значит, ты предлагаешь просить ту новую шахту нам, так?

— И всем, всей шахтой, поселком — туда! — говорил Орловский.

— Утопия,— улыбнулся Глеб.

— Да нет, не дадут...

— Где это видано?

— Это ж не резон — не видано! Так пусть будет видано! — заявляет Давиденко. Он и про палку забыл, и вновь выпрямился, словно вдохнули в него жизнь.

— Ну, вот вы — министр, а я — это я! Ну, ваши доводы против? — наступает он на Глеба.

— А такие доводы — это все теперь надо ломать! Это же что? Ведь туда уже назначены люди, кадры, специалисты! Значит, ломать все? — говорит Глеб.

— Ломать!

— Но это и планы, и деньги немалые!

— Верно! Все верно. Но вот это — куда?! — Орловский показывает знамя и орден.

— Как это куда? Ну, как положено... как знамена боевых частей...

— Ага, в музей, значит? В архив? Но не может же просто так умереть наша «Глубокая»! Была и нету ее?! И только в архивах пыль? — наседает Давиденко.

— Хорошо! — саркастически говорит Глеб, полностью войдя в роль министра.—

Значит, отдать вам новую шахту, а вы сохраните и знамя, и орден, и название...

— Вот именно!

— Именно! — насмешливо протянул Глеб.— Угля еще в тонны не качнули, а орден уже есть! Bravo!

— Не в ордене дело! А в том, чтобы не списывать, чтобы сохранить эти семьдесят пять лет, всю историю, всю память!

— Ну что ты говоришь такое? Совершенно другое место, условия, пласты... — поддержал Глеба механик.

— Но мы-то те же! А шахта — это мы! И история — это тоже мы! А не глыба породы да дырка в земле! А все — пот и кровь, труд и слава и даже ваши совершенно справедливые и дельные уговоры, товарищ министр, — пошел на тонкую, как ему казалось, лезть Орловский.— Разве ж это можно пустить по ветру? Вот пусть и дальше живет «Глубокая», не должна она умереть.

Замуровали ствол. Уже давно уехали все и шахту демонтировали. Сняли рельсы и столбы с террикона, частью разобрали копер, вывезли оборудование.

Стояли у ствола приехавшие с новой «Глубокой» Давиденко, Орловский, шахтеров много — приехали на автобусах, стоящих поодаль. Все торжественно и печально. У кого ордена есть — при них.

А рабочим не было дела до шахтеров, они деловито покрикивали, заводили бадью с цементом, крепили бетонные толстые плиты. Перекрывали плитами черный зев старого ствола.

— Стой, стой! — послышался крик.

Привели старика Кравченко. Он шел и палочкой постукивал впереди себя. Подвели его к черному зеву.

— Здесь, осторожно...

— Слышу,— сказал Кравченко, втягивая воздух из сырого ствола.

Попрощавшись с шахтой, уселись шахтеры «Глубокой» в ожидающие их автобусы.

Давиденко взглянул на часы:

— Пора, Сашок, ждут нас там.

— Данилыч,— попросил Орловский.— Я отлучусь на день. Один день. Проследи там...

Давиденко посмотрел на него, понимающе стукнул по плечу и пошел от «Волги» к автобусу.

Серая гладкая лента шоссе стремительно ложилась под колеса. Мимо мелькали шахты, поселки, дорога ныряла вниз и поднималась на холмы; сквозь леса, рощи, мимо озер, идет дорога на Снежное; и далеко, насколько можно охватить взглядом, синели по горизонту терриконы, копры, либо смутным в мареве видением вставали заводы. Впереди на черном терриконе — гигантские белые буквы: «Слава труду»...

Стремительно ложилась под колеса дорога. Она шла вдоль озера, взлетала на холм,— и перед нами новая шахта вдали, поселок, арка с надписью. Кое-где еще дома в лесах, еще голо во дворах и на улицах, только школьники трудятся, высаживая тонкие прутики саженцев.

Еще невелик, мал террикон.

Но уже бежали по нему и опрокидывались вагонетки с породой.

Но крутилось колесо подъемника, трепетал на копре флажок и, лязгая, подвигались вагоны под бункер, где мощным потоком с обвальным грохотом сыпался в них уголь. На окраине машина остановилась. Орловский вышел, подал руку Тане.

Это был хороший воскресный день, и людей было много — готовились к празднику, вешали знамена и транспаранты, стояли группами — весь поселок, знакомые лица.

Возле трехэтажного дома люди собрались, сажали деревья. И Король здесь, и Росица командует. Увидели Орловского с Таней.

— Ой, это ж наш доктор! — сказала Лидя.

— Заходи, Викторыч! — зовет Андрей. Поздоровались.

— Вон видишь, и доктор тут,— сказал Король Росице.

— А мы вот в гости,— улыбнулась Росица.— Посмотреть, как тут, да и этот совсем замучил, не работается ему на заводе, да и самой скучно...

— Словом, к поезду,— улыбнулась Таня.

— Ой, голова кругом идет...

— Дайте мне,— попросила Лидя Таня, взяла лопату и начала окапывать саженец.

Георгий Полоцкий

**КЛЮЧ
БЕЗ ПРАВА
ПЕРЕДАЧИ**

ГЕОРГИЙ ИСИДОРОВИЧ ПОЛОНСКИЙ (родился в 1939 году) окончил педагогический институт и несколько лет работал учителем русской литературы в средней школе. Затем учился на Высших сценарных курсах. По его дипломному сценарию режиссер С. Ростозкий поставил на киностудии им. М. Горького фильм «Доживем до понедельника». За сценарий этого кинопроизведения Г. Полонский был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Г. Полонский соавтор сценариев телевизионных фильмов «Перевод с английского» и «Ваши права?».

Постановка фильма по сценарию Г. Полонского «Ключ без права передачи» на киностудии «Ленфильм» поручена режиссеру Динаре Асановой.

Большинство ребят еще не знало Назарова в лицо. И он не вызывал к себе особого интереса, когда шагал среди полководя перемены рядом с заместителем директора по воспитательной части. «Чей-то родитель или чей-то представитель», — так, наверное, думали, если думали о нем вообще.

— Полагалось бы собрать всех в актовом зале, — сказала ему Ольга Денисовна. — И представить вас... И чтобы вы сказали небольшую «тронную» речь.

— Это обязательно? — спросил он без энтузиазма. — А я уже стал знакомиться в рабочем порядке. С каждым классом в отдельности.

— Можно и так, ваше право... Федорук! Юра! — окликнула она парня, который, опережая их, толкнул Назарова.

— Чего?

— «Чего...» — горько повторила она. — Извиниться полагалось бы.

— Извиняюсь.

— «Извиняюсь» — это значит, ты сам себя извиняешь. А как надо?

— Простите, пожалуйста...

— Что ж ты мне говоришь? Ты толкнул Кирилла Алексеича — ему и скажи, — Ольга Денисовна, воспитывая Федорука, заодно и Назарову давала урок завидного педагогического упорства.

— Извините, пожалуйста, — жестоко скучая, повторил мальчик незнакомцу в кожанке. — Можно идти?

— Идти можно. Бежать сломя голову — нет. Да еще в такой обновке — жалко ведь... — У Федорука были сверкающие, только из магазина, ботинки. — Хороши! Поздравляю!

— Спасибо... — Мальчик светло сконфузился и исчез.

В тот момент выяснилось, что величавое одутловатое лицо Ольги Денисовны с застывшей в глазах укоризной может быть добрым и домашним.

— Стало быть, с каждым классом в отдельности, — вернулась она к прерванной теме. — Это дольше, зато основательнее, понимаю. Да, вы отметьте себе: завтра совещание руководителей методобъединений... Ну-ну, не смотрите так, никто пока не ждет от вас указаний, предложений... просто будем вводить вас помаленьку в курс...

Назаров улыбнулся:

— Спасибо, что «помаленьку»...

Гвалт перемены с ее «броуновым движением» мешал разговору.

— Вот что, Кирилл Алексеич, — вздохнула Ольга Денисовна, взяв его под руку и выводя на лестничную площадку. — Школа уже давно без хозяина. Строго между нами: Серафиме-то Осиповне полагалось бы уйти намного раньше — она ведь начала слепнуть два года назад!

— Вот как?

— Да, и это скрывалось... Память, чутье, опыт — это все было при ней, и все-таки... Некоторые, знаете, широко-о пользовались тем, что она в потемках.

— Ребята?

— Не только...

Тут дали звонок, Ольга Денисовна развела руками и оставила Назарова.

Вот он у себя, в директорском кабинете. Здесь уютно. Стол превосходный, книги, сейф, телевизор — работайте, товарищ Назаров! Из кресла на него удивленно таращится кошка. Пушистая, раздобрев-

шая, цвета кофе. Вот она здесь, действительно, «у себя».

— Брысь!

Уступая ему место, кошка усмехнулась вопреки всякому правдоподобию... Он сел в нагретое ею кресло и стал листать перекидной календарь.

Здесь почерком учительницы начальной школы бывшая директриса напоминала себе, что надо сделать, о чем хлопотать. Тут и горсовет, и металлолом, и доклад где-то, и дежурство в буфете, и несколько раз слово «продленка» с восклицаниями, и сигнал, что «во 2-ом «Б» читают медленно!»

А под стеклом на столе — несколько фотографий «бабы Симы» с детьми, с выпускниками... Видно, как она старела, как по-совиному глядела сквозь очень толстые линзы в последние годы.

Календарь под рукой Назарова открылся на апрельском листке с такой записью: «Уровень уроков химии?!» Этот сигнал уже понятен ему. Листок Назаров выдрал и положил во внутренний карман кожанки — на память.

И закурил. Даже если судить только по этому календарю, «не соскучишься»...

1. Кем быть (обоснование твоего выбора)?

2. Ты оптимист или нет? Почему?

3. Почему провалился «Гамлет» в нашем театре?

Прочти на доске такие сверхсвободные темы, 10-й «Б» не удивился: это было в стиле Марины Максимовны. А она все же надеялась озадачить их, раздражить. Что-то задиристое посверкивало в ее глазах. У нее мальчишеская стрижка, худая шея, великоват рот, косметики — ноль. Глаза говорили как-то явно и серьезно о присутствии духа в хрущом ее теле, так что мужчин это могло даже отпугивать, но художник не прошел бы мимо.

Алеша Смородин, высокий, большелобый, сутулый, работает так, словно ему дана тема «Образ Марины Максимовны», —

посмотрит на нее, улыбнется, напишет несколько строк и опять направит на нее через очки взгляд рассеянный и сосредоточенный одновременно.

— Какую ты выбрал? — шепотом спросила она.

— Вторую. По-моему, самая трудная, — улыбнулся он, благодарный за этот простой вопрос.

— Я так и знала, — кивнула она.

Женя Адамян, сосед Смородина, не согласен:

— Что вы, первая труднее! На целый порядок. Потому что...

— Тихо, тихо, весь пыл — туда. — Она нагнула его голову к бумаге.

Отошла от их парты и вдруг наткнулась — как на нож! — на откровенно злобный взгляд из-под давно не стриженных черных волос. Саша Майданов. Что это с ним?

«Нет, я не оптимист, — размашисто написано у Майданова. — А почему — это мое личное дело».

Когда Марина Максимовна подошла к нему, он сгреб все листки, скомкал их. И вид у него — просто опасный.

— Ты что, Саша?

— Ничего... Не обязан я это писать. И не буду!

— И не надо! Из-под палки на такие темы не пишут. Но зачем так скулами играть?

В глаза он не смотрит, юмористического ее тона не принимает.

— Меня это не спросят нигде... Ни в каких программах этого нет, значит — неправильно!

— Что неправильно?

— Все! Лишнее это, только голову забивать...

Класс настороженно слушает этот диалог, хотя Марина Максимовна говорит тихо, с одним только Сашей:

— А вот у поэта Светлова была другая позиция, он сказал: «Я легко обойдусь без необходимого, но я не могу без лишнего».

Но Майданов гнул свое:

— Это его дело. Вот если б он экзамены принимал...

— Что ж... по крайней мере, честно. Не пиши ничего, не надо. Открывай учебник. Все, кто согласен с Майдановым, достают учебники...

— А детектив можно? — нагло повеселел он.

— Да что вы с ним разговариваете, Марина Максимовна? — не выдержала Юля Баюшкина. — Гоните его!

— Гоните меня! — как эхо повторил Майданов, и сам пошел на выход. Скомканной бумаге придал вид букета и положил на учительский стол.

В тишине за Майдановым вышел Алеша Смородин. Там, в коридоре, перехватил его руку у локтя:

— Сделай мне одолжение: заberi свой мусор и извинись.

Майданов на секунду оторопел от ледяной корректности этих слов, потом сказал: «Еще чего!» и, вырываясь, мазнул Алешу рукавом по лицу, по очкам. Очки упали — брызнуло стекло.

— Извиниться, говоришь? Я извиняюсь! — сказал Майданов Смородину, у которого сразу сделалось беспомощное и напряженное лицо. — Не будешь лезть под руку...

Тут кто-то запихал ему в карман его бумажный букет. Развернувшись, чтобы ударить, он увидел Юлю Баюшкину. Она негромко уронила:

— Все, Майданов. Ко мне не подходи.

Эта девчонка имела, видимо, власть над майдановским существованием — он ссутулится и потух.

Назаров шел по коридору с записной книжечкой. Дверь химического кабинета открылась — урока там не было, — и Назарова окликнула Эмма Павловна, химичка:

— Кирилл Алексееч!

— Да?

— Вы ничего мне не скажете? Ни сло-

вечка? — Назарову показалось, что с ним кокетничают.

— Виноват, Эмма Павловна, но по одному уроку судить нельзя.

Эмма Павловна — молодая блондинка со сложной прической, завидным цветом лица и крупными клипсами. Она пошла рядом с Назаровым.

— Я понимаю... Я там кое-что скомкала... А вы думаете, легко, когда на уроке сидит мужчина и так пронзительно смотрит?!

Он что-то промычал.

— Да еще класс тяжелый, развинченный. Один Женечка Адамян чего стоит!

— Это тот, что вопросы задавал?

— Вот-вот! Специально готовит эти свои пакостные вопросы, чтобы насмеяться над учителем! Между прочим, сынок главного инженера с химкомбината...

— Вот как?

Ему надо было на четвертый этаж, а Эмма Павловна не отставала, у нее «накипело»:

— Уймите его, Кирилл Алексееч, я прошу! Знаете, я просто вся ликую, что у нас к власти пришел наконец мужчина!

Назаров, глядя на свой ботинок, сказал:

— Эмма Павловна, а вы не давайте ему такого удовольствия — насмеяться. Он — вопрос, а вы ему — ответ, толковый и ясный.

— Ну знаете...

— А что? Он был в своем праве — на уроке химии интересоваться открытием, за которое академик Семенов получил Нобелевскую премию по химии. А вы были как-то уж очень уклончивы...

— Но вопрос не по теме! Да ему и не нужен ответ, он и так знает... — Эмма Павловна розовеет.

Сверху спускался Алеша Смородин с портфелем — видимо, уходит совсем.

— Стоп, — остановил его Назаров. — Почему не на уроке?

— Вот, кстати, тоже из десятого «Б», —

вставила Эмма Павловна. Назаров кивнул — мол, знаю, помню.

Алеша словно разбужен вопросом, как бы удивлен.

— Отпустили,— ответил он.— Я очки разбил.

Он предъявил очки и туда, где отсутствовало стекло, с печальной издевкой просунул палец.

— Ну и что? Посидел бы, послушал учителя. Слух в порядке, надеюсь?

Юноша наморщил лоб, усиленно вглядываясь в Назарова.

— Видите ли,— сказал он очень искренне,— когда у человека минус пять и нет очков, он неадекватен сам себе. Кругом туман потому что, вата... Кроме того, у нас два последних урока сочинение, так что слух ни при чем...

Вздохнул, повернулся и пошел вниз, касаясь перил. Он не нуждался в санкции Назарова на уход.

— Вот как они разговаривают! И это еще лучший из них,— сокрушенно сказала Эмма Павловна.

— Понятно... «Неадекватен сам себе».

— В десятом классе им вообще море по колено!

Назаров вытащил из внутреннего кармана тот календарный апрельский листок, где стояло: «Уровень уроков химии?!»

— Да, кстати. Это я нашел среди записей Серафимы Осиповны. Ознакомьтесь.

Он отдал листок химичке и сразу ушел, чтобы человек не вскидывался, не спешил обороняться, теряя лицо, а мог подумать.

...Потом он заглянул в кабинет литературы, там была полуоткрыта дверь.

— Десятый «Б»? .

Класс вскинул головы, некоторые встали, другие медлили, прикованные к своим исповедальным листочкам. Кто-то сзади невинным тоном спросил:

— Вы ревизор? На всех уроках будете?

— Тихо ты, остряк,— услышался благоразумный шепот.

— Извините, Марина Максимовна, я отниму полминуты... Мы могли познакомить-

ся на химии, но я решил — не стоит. Будем лучше считать, что этого урока, половину которого вы превратили в балаган, не было. Плохое случилось бы начало у нас... Я Назаров Кирилл Алексеич, новый директор. Временно, пока отозван на сборы ваш военрук, буду вести начальную военную подготовку и автомобильное дело. Вот. Представители сильного пола должны радоваться: смогут получить любительские права...

— А мы? — спросила Таня Косицкая, в лице которой 10-й «Б» готовил смену актрисе Доровиной.— Нам будет чему радоваться?

Назаров едва заметно поклонился — наверное, ее внешним данным:

— Не беспокойтесь. С новой четверти я и вас «охвачу» на уроках обществоведения — это мой главный предмет. Есть еще вопросы?

Пауза.

— Вопросов нет. Тогда работайте.

Он сделал знак, чтобы не вставали, и хотел уйти, но его задержали необычные темы на доске. Он прочел и спросил Марину Максимовну шепотом:

— А что, «Гамлет» действительно провалился? Я об этом нигде не читал...

— А нигде пока и не писали.

— Так откуда же...

— Но мы видели спектакль... Своими глазами, в прошлое воскресенье.

— А-а...— протянул он озадаченно и вышел.

Водруженная на стол груда книг и брошюр была едва ли не выше Назарова.

— Так я пойду, Кирилл Алексеич? — спросил голос библиотекаря.

— Да-да, конечно, я запроу сам. Если часть книг возьму домой, то заполню на себя формуляр и все там отражу, не беспокойтесь.

— Ну что вы, вам не обязательно...

— Порядок один,— возразил он спокойно и положил перед собой «Руководство

учебным процессом в школе» В. П. Стрезикозина. Включил настольную лампу. Снял кожанку и остался в рубашке с галстуком. Чтобы встряхнуться, несколько раз выполнил отжимы от стола. Услышав чьи-то быстрые каблучки, выпрямился...

— Верочка, дай мне на двадцать минут «Былое и думы»,— сказала Марина Максимовна, думая, что библиотечка где-то за стеллажами.

— Ушла Верочка,— отозвался Назаров.

Марина Максимовна вскинула брови. Помедлив, подошла к его столу, сбоку взглянула на книжные корешки. Тут были труды по педагогике, по возрастной психологии, о школе в связи с научно-технической революцией...

— Собираетесь все это осплить?

— А что? За неделю — реально.

— Почему не взять домой? Хотя спешить вам некуда: дети, наверно, не плачут?

— Дети — имеются. В количестве одной штуки. А визгу — полон дом, особенно когда от взрослых телепередач отдирают... Не представляю, какую надо площадку, чтобы заниматься дома. И вообще я люблю библиотеки. Что они набиты мудростью — это само собой. Но я их за то люблю, что человек тут не может фамильярничать с мудростью — понимаете?

— Не очень...

— Ну, не на кушетке читает, где и телефон подключен к тебе, и телевизор, и жена... Тишина, твердый канцелярский стул и книжка — вот это да, уважаю.

— Это, знаете, роскошь,— колочим тонном заявила Марина и отошла на поиски «Былого и дум». — Вы сумеете-ка в троллейбусе, когда там битком. И в кухне, пока варится суп! И ночью, пока спит сын...

— У вас сын? А с кем он днем?

— В яслях. Весной будет три года, в садик пойдем.

— Ясно... А как муж, его успехи?

Марины не видно было за полками. И не поступило ответа на последний вопрос. Может быть, не расслышала? Потом она вышла с нужным томом в руках:

— Пойду, Кирилл Алексеевич, ребята ждут.

— До сих пор? У вас там что — литкружок?

— Нет, у нас спор возник, стихийный... Я вспомнила один чудесный аргумент у Герцена...

Она снова провела пальцем по всей толще книжной груды, что высилась перед директором:

— Как толсто пишут о нашем деле... — Она вытащила из этой кучи тоненькую желтую книжку. — А этого недостаточно? На обложке стояло: «Януш Корчак. Как любить детей».

— Наверно, почти беллетристика? Но начать можно и с нее, я не против. Спасибо... — Он так продолжительно поглядел ей в глаза, что следовало бы сказать: загляделся, и сам был этим смущен. И решил — напрямик, через барьер условности:

— Марина Максимовна! А ведь вы узнали меня.

Она вскинула голову.

— Да, я был в той комиссии, что навещала мастерскую вашего мужа. Года три назад?

— Только не надо оправдываться!

— Не собирался. Наоборот, могу повторить: дети железнодорожников имели больше прав на это помещение, оно им досталось законно... А ваш талантливый супруг слишком уж развоевался тогда. Вроде он удельный князь, а мы были — половцы! Ему бы подождать немного, а он...

— Не надо об этом! — перебила Марина, глаза ее вспыхнули и потемнели. — Я для вас не жена скульптора Локтева, а учитель вверенной вам школы.

— «Вверенной вам...» Ну полно обижаться, Марина Максимовна! Скажите лучше, как его успехи сейчас?

— Из любви к искусству интересуетесь?

— Допустим, — он выдержал ее скептический взгляд.

— Успехов ждать не приходится. В загале Локтев... А вообще я ничего не знаю: нет его в городе. Давно.

Назаров прошелся вдоль стеллажей, неодобрительно усмехнулся:

— Городские инстанции виноваты стало быть? А заодно и жена с ребенком? Послушайте, так он же у вас слабак! А на вид бравый был парень. Фиделя Кастро напоминал — бородой, ростом... И предлагали же ему пустующий гараж, мог перебиться временно!

— Давайте прекратим, Кирилл Алексеевич! — крикнула она.

— Давайте! — крикнул он ответно. — Только если по такой малой причине художник кончился, значит, его и не было никогда!

Вот так он довел ее до слез. А зачем? В порядке самообороны? Затравленно глянула она сквозь слезы и дверь за собой — трах!

В досаде на себя взлохматив волосы, Назаров уставился в обложку книги Корчака.

— Ну-с? Сегодня, кажется, кто-то родился? — прозвучал над Юлей Баюшкиной голос отца как раз в тот момент, когда она открыла глаза и снова зажмурилась — мама раздвинула шторы.

Юля зевнула и сказала:

— Мне снилось, что я разбила банку с кислотой в химкабинете.

— Чепуха, — сказала мама ласково. — Забудь про все кислоты: у тебя сегодня и праздник, и воскресенье. Совпало-то как хорошо!

Юля еще досыпала одним глазом, принимая родительские поцелуи.

— Поздравляю, девочка. Будь умницей...

— Мать, уши, я думаю, драть не будем?

— О чем ты говоришь, Коля, какие уши? Семнадцать лет! Тут розы нужны, корзину роз к ногам. Верно, доченька?

— Ну роз я не достал, принцесса меня извинит, а кое-что получше имеется... Принайми!

Что-то водрузили ей на живот поверх

одеяла, что-то щелкнуло, и Муслим Магомаев страстно запел:

Ах, эта свадьба-свадьба-свадьба
цела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли,
Широкой этой свадьбе
было места мало...

— Ой... большое спасибо!

Это был магнитофон, портативный, изящный. Дивная игрушка.

— Тут одним спасибом не отделаешься, — шутил папа, выключив Магомаева. — Такие капиталовложения должны давать хорошие проценты, дочка! Да-да... В виде приличного аттестата — это раз...

— Нет, — перебила мама, — главное не это. Главное — понимать, что ближе родителей никого нету, что им для тебя ничего не жалко и что плохо они не посоветуют — у них опыт!

— Ладно, мать, не наседай... Юля, Юля! Ну чего ты нажала, куда? Понятия ведь не имеешь, что это за кнопка! На, читай инструкцию... Пока не ознакомишься, даже не прикасайся. Я, чтобы записать Муслима, вчера часа три разбирался... Значит, так: он работает и от сети, и на батарейках. Ну батарейки мы зря жечь не будем...

— Пап, я должна одеться, — сказала Юля.

— Ну-ну... — Он вышел с инструкцией в руках, а мама осталась сидеть в ногах у именинницы.

— Юленька, мы все-таки решили устроить, отец рыбу достал живую... Можешь своих позвать, только немного. А мы пригласим Борзуновых с дочкой.

— Да? — Юля моментально отвернулась к стене. — Я рада за вас. И сочувствую рыбе. Но меня не будет.

— Начнется... Чем, чем они не угодили тебе?

— Не они, а вы. Ты!

— Интересно... Чем же это? — изумилась Клавдия Петровна.

— Тем, как ты их облизываешь. И главное, зря: мне Борзунов не нужен, я в педагогический иду.

— Что?! Коля, ты слышишь?! Она уже идет в педагогический... Это кому надо сказать спасибо — Марине Максимовне?

В смежной комнате зазвонил телефон, трубку взял отец. Зычно объявил:

— Именинницу трезбуют!

— Пораньше не могли? Наверное, она, Мариночка! Спешит показать, что не была... — прокомментировала мама.

Секунда — и Юля, уже в халатике, была у телефона.

...Саша Майданов торчал в будке без пальто, в свитере и шапке, с лыжами, которые не умещались, мешали ему закрыть дверь. Первым делом он предупредил Юлю:

— Только трубку не бросай: у меня одна двушка.

— А если брошу?

— Тогда мне придется еще доставать...

В общем, так. Я поздравляю, желаю тебе всего самого-самого... Говорить я не умею, ты знаешь. Может, я тогда и сваял дурака на сочинении... я не спорю...

— Так. Уже прогресс. Еще что скажешь?

Втянув озябшие пальцы в рукава, он замолчал. И она ждала.

...Если вернуться на минутку в ее квартиру, мы увидим, что родители — мама, накрывающая на стол, и папа, будто бы углубленный в магнитофонную инструкцию, — оба предельно внимательны к этому разговору Юли. И она демонстративно переходит на английский:

— Иф ю уонт ту си ми тунайт, ю мэй кам...

— Секреты, — скорбно улыбается мама. — Вот и обучай их после этого...

— Что-что? Повтори! — заволновался в своей будке Майданов. Юля взбунтовалась, и он это слышал:

— Товарищи, миленькие, дайте же словечко сказать! Я не только по-английски, я по-птички скоро начну разговаривать!

— Как тебе это нравится, Николай?

— Ну не нравится, а что я могу? Выросла девка... Пошли в кухню... Пошли, пошли, — проявил сознательность отец.

Оставшись одна в комнате, Юля сказала:

— Через час я буду на Гагаринской, ты знаешь и дом и подъезд. Но там тебе надо прежде всего просить прощения!

— Юль... а тебе не надоело там?

— Представь себе, нет!

— А то поехали в Блинцово, как в тот раз... Тетки там нет сегодня. Печку затопим. Там хорошо... Белки по снегу бегают...

— Никуда я не поеду с тобой — отрезала Юля. — Ты вел себя с Мариночкой как последний хам.

Снег! До этого он был только за окнами и мало замечался, а тут ослепил вдруг, козырнул щедростью, пристыдил чистотой...

Автошка, сын Марины Максимовны, сидел на санках и сердился: его «конь», вместо того, чтобы работать, затеял долгий и непонятный разговор с мамой. «Конем» был Алеша Смородин. Антон, кряхтя, слез и пошел к скамейке, в кусты, — добывать себе какой-нибудь кнут. Там он с удивлением увидел Юлю Баюшкину: она присела за скамейкой, шепотом сказала:

— Своих испугался? Тс-с-с... Мы спрячемся!

И в обнимку они стали через щель в скамье наблюдать. Ага, вот пропажа обнаружена, «конь» озирается в поисках седока...

— Анто-он! — позвала мама. — Антон, ты куда это делясь? Пора-не пора, я иду со двора!

Юля выпрямилась и с малышом на одной руке, со своим новеньким магнитофоном в другой пошла ваискошь через детскую площадку.

— Граждане, — обратилась она учтиво к Марине и Смородину, — вы случайно не знаете, чей это ребенок? Если ничей, я беру его себе.

— Знакомое лицо, — подыграла ей Марина. — На днях точно такого продавали в овощной палатке, купите себе...

Антон хохотал, абсолютно счастливый,— он любил юмор.

— А это откуда? — спросил Алеша про магнитофон.

Юля поставила маленький аппарат на сачки и включила — на сей раз это была запись с популярной детской пластинки, в которой Антошку зовут копать картошку. Объяснила:

— Подарок. От родителей. Я сегодня родилась.

— Юлька... Алеша, это свинство, что мне никто не сказал...

— Да мы и сами как-то прошляпили. Поздравляю!

А Марина Максимовна поцеловала ее и какие-то секретные вещи зашептала на ухо, отчего Юля порозовела:

— Спасибо... Только зачем вы такая наблюдательная?

— Алеша,— повернулась к нему Марина,— ты очень зол на Майданова? Даже теперь, когда наплыли вторые очки?

Он пожал плечами:

— Я не из-за очков, а из-за вас... А вы уже простили?

— Что, непедагогично? Теперь надо объявить ему войну?

— Не войну... но, как минимум, вытаскать на бюро! Не я один так считаю.

— Ваше право. Только зачем? Лучше придти с ним ко мне — все равно мы соберемся, раз такой повод! — и, может, заодно пойдем: почему он всеми иглами наружу, кто и в чем виноват перед ним? Юля, мы можем его пригласить?

— Сегодня? Нет... Он за город уехал, в Блинцово. Там у него теткин хибара, а самой тетки нет, и белки скажут, и печку, видите ли, можно разжечь... Как будто я никогда печку не видела... Или белку! — Она повела плечом очень индифферентно.

Антошка заявил, наоборот, с большим подъемом:

— Хочу белку! Где она?

— Вот у Юли спроси,— отозвалась мама.— Ты была там?

— Ну предположим...

Марина пересела на качели и вдруг спросила:

— А что, ребята, не рвануть ли нам за город? Не потеснить ли Майданова возле его печки?

— Это вы из-за кого предлагаете? — спросил, глядя на Юлю, Алеша.

— Да из-за себя, господи! Из-за этих белок! Из-за Антона — он зимнего леса никогда не видел... А вы видели? Где, когда? Прошлым летом по телевизору? — задиралась она, пока не раздалось единоголасное:

— А что, в самом деле? Поехали!..

В электричке — те же плюс Таня Косицкая и Женя Адамян. Вагон свободный, почти безраздельно принадлежит этой компании. Антошка имеет возможность облазить разные скамейки. Адамян везет свои лыжи, захвачен и рюкзачок с провизией. Разговор неупорядоченный, скачущий:

— Марина Максимовна, а давайте «Маскарад» поставим? Майданов — Арбениц, Юлька — Нина, я — баронесса Штраль... — смеется Таня.

— Издеваешься? Нину мне никогда не дадут, я и не надеюсь, носом не вышла...

— Да, носик у тебя скорей уж для Марии Антоновны из «Ревизора». Но это мы простили бы...

— Майданов уже простил! — вставил Женя.

— Не твое дело. Но пока у тебя тройки,— Юля, я тебе говорю! — никаких ролей и маскарадов, понятно?

— Подумаешь, тройки... В день рождения о них можно не напоминать. Правда, Антон? И вообще я их, может быть, нарочно получаю!

— То есть?

— Чтобы меня нельзя было зачихнуть в тот институт, куда я не хочу!

Адамян засмеялся:

— А там, куда ты хочешь, троечников берут вне конкурса?

— Нельзя, Юлька, невозможно перед таким человеком, как наш физик, стоять и

мямлить «я учила, но забыла» — провалиться легче! Так, Женя?

— Да, он корифей,— улыбнулся Адамьян.— Алексис, ты ему не отдавай Макса Борна, ты «прочти и передай товарищу»...

— Угу...

— Мальчишки, вы не сорвитесь у меня,— озабоченно сказала Марина.— Я, конечно, не в курсе, но... Макс Борн — может быть, это уже чересчур?

— Думаете, не наш уровень? — улыбнулся Алеша.

— Ваш, ваш! Но я перегрузок боюсь. Сейчас финиш, десятый класс, третья четверть — самая утомительная...— говорила она, обматывая нитку вокруг его верхней пуговицы, готовой отлететь.

Он вдруг отвел ее руку и произнес медленно:

— Вот когда вы так делаете... я не только трудных авторов... я букваря не понимаю!

— А я тебя,— растерянно сказала Марина.— Ты о чем, Алеша?

— Неважно. Не обращайтесь внимания.— И сразу заинтересовался ландшафтом за окном. Ему повезло: ребят отвлек Антошка, они не слышали этого.

Когда они входили на заснеженный дачный участок под предводительством Юли, Майданов, в шапке и свитере, вытягивал полное ведро из колодца. Он так опешил, увидя всю процессию, что выпустил ручку, и она бешено завертелась...

Глядя на него, Юлия хохотала и другие гости — тоже, а малыш, которого нес Смородин, спрашивал:

— Это Майданов? А где белка? А что это крутится?

...На майдановских лыжах Юлия скатилась с горки по искрящейся пушистой целине и внизу шлепнулась, вспахала ее носом.

— Приказываю! — крикнул Женя Ада-

мян.— Торжественный салют семнадцатую артиллерийскими залпами!

Сверху в нее полетели снежки, веселые и безжалостные.

Солища в этот день было сколько угодно. И Антон не капризничал. Что касается Майданова, он был насмешлив, слов тратил минимум, общался с Антошкой охотнее, чем со всеми. Кажется, это паломничество к нему настроило его иронически. Но хорошо хотя бы, что злость прошла,— думалось Марине... Вот он на склоне горы по снежному насту пишет лыжной палкой огромнейшую римскую цифру XVII — в Юлину честь. А лица не разглядеть отсюда...

— Юля... с той компанией он уже не имеет дела?

— Давно! За полгода я вам ручаюсь. Это «баба Сима» успела прочистить ему мозги. Ну и я немножко... Двое оттуда уже в колонии.

— За что?

— Взломали галантерейный киоск.

— Красота! — горько сказала Марина.

— Они бы и Сашку потянули — слава богу, у него тогда был перелом руки.

— Да? А если бы...

— Нет! — почти вскрикнула Юлия.— Я не то хотела сказать, он и со здоровой рукой не пошел бы, верите?

— Я-то ему готова верить. Он мне — нет...

— Мы вас знаем три года, а он — один. И после всего, что было, ему трудно причалить к нам...

— Я о том и говорю. Собираетесь вы у меня, ревнует он тебя ко мне... Ревнует, ревнует, не спорь! Только напрасно, объясни ему. Я могу написать на своей двери аршинными буквами: «Все, кому интересно, — добро пожаловать!»

— Я знаю... А как сделать, чтобы ему стало интересно?

— Вот именно: как? Такое чувство, словно когда-то я пропустила лекцию на эту тему... И с того дня ни у кого не могу выпросить конспект...

...А еще они гуляли по лесу. Слушали капустный хруст снега под ногами. Высматривали обещанных белок. Дергали ветки, чтобы по-братски уронить снег на голову зазевавшегося товарищу. Антошку тащили и развлекали по очереди, и никому он не был в тягость. И была такая подходящая опушка, где Марина попросила:

— Таня! Почитай-ка нам.

— Стихи? Прозу? Басню? — тотчас перебрала она весь ассортимент, с которым собиралась поступать в актрисы.

— Стихи.

— Пожалуйста. Ну, допустим, вот это. Называется. «Из детства»:

Я маленький, горло в ангине.
За окнами падет снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещей Олег...»
Я слушаю песню и плачу,
Рыдаю в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.
Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я маленький, глупый, больной.*

— Хорошо,— вздохнула Марина и посмотрела на Майданова. Тот, наморщив нос, спросил:

— Над чем, над чем он плачет?

— Над тем, что все проходит на свете, ничто не вечно.

— Ну правильно,— согласился Майданов мрачно.— Человеку это всегда обидно. Хоть маленькому, хоть какому.

— Даже мне понравилось,— заявил Адамьян.— Странная вещь: информация ведь минимальная, так? Ничего нового и ошеломительного не сообщается. А действует!

Марина взяла его шапку за оба уха, нагнула на глаза:

— Женька, ты чудовище! Ну можно ли думать о количестве информации, когда тебе читают стихи?

— По-моему, за этим стихотворением моих данных совсем не видно. Они как бы не нужны,— пожаловалась Таня.

Майданов сплюнул. Когда его что-то корбило, он сплевывал.

— А ты их не навязывай,— резковато сказала Марина,— кому надо — увидит. Ты же не в манекенщицы идешь — в актрисы!

— Все равно. Я чувствую, что для поступления это не подходит. Надо взять что-нибудь гражданское, патриотическое...

— А что,— спросил Смородин угрюмо,— красивым девчонкам прощаются пошлости?

— Пошлости?! А что я такого сказала?

— Когда же люди поймут, Марина Максимовна? Когда они поймут, что нельзя выставлять свой патриотизм, чтобы тебе за него что-нибудь дали или куда-нибудь пропустили! Другие свои данные — выставляй, пожалуйста: может, и правда, в дом моделей возьмут...

Татьяна, округлив большие красивые глаза, готовилась заплакать.

— Дядя Алеша сердится? — спросил Антон у Майданова с которым успел подружиться.

— Ага,— сказал Майданов.— Он идейный...

И толкнул плечом Адамьяна: отойдем, мол. А когда отошли, спросил:

— Кто из вас придумал этот... культ-поход? Только мозги не пудрить, я все равно узнаю.

— А тут все открыто,— удивился Женья.— Предложила Мариночка.

— Так я и знал. Педагогические заклады!

— Слушай, ты ее с кем-то путаешь. Она — человек. С ней интересно — раз. Никогда не продаст — два. И говорить можно о чем угодно — три. Нам дико повезло с классным руководителем, если хочешь знать.

— Наивняк... Ну давай, заговори с ней «о чем угодно». О чем ей педагогика не велит!

* Стихи Д. Самойлова.

— Ну например? О сексуальной революции? — ухмыльнулся Женька.

— О сексуальной? Так это ж не у нас. Нет, надо такое, от чего нельзя отхохмиться. Начни только, сам увидишь, как завылет.

— Да что ты против нее имеешь?

— «Душевища» она. Я таким не верю! Нашей Денисовне, завучихе, верю больше, понял? В трех школах перебивал, видал всяких. Инспекторша детской комнаты — тоже молоденькая, с «поплавком» МГУ на груди — так со мной говорила за жизнь, так говорила...

— А потом?

— А потом — протокольчик. И в нем черным по белому: «На собеседованиях Майданов Александр показал...» Ну и там все мои сопли доверчивые в дело пошли. Против Витьки Лычко и других... ты их не знаешь. Артистка она была, понял?!

— Да... невесело, — поник Женька и тут же возразил: — Но это совсем из другой оперы!

— А про Марину я это не говорю. Рассказал так, для примера... Ну чего это она решила в гости ко мне? Чудно ведь!

— Брось, Майдан. У нее никаких задних мыслей!

— Не знаю. Вот у ее мальчишки — точно никаких! — Майданов улыбнулся. — Но мама-то она ему, а не нам. Нам — классная дама, пускай даже самая лучшая. А друг твой, Смородин, — все-таки комсомольский чин... Так?

— Ну и что?

— Ладно, поговорили, иди к своим...

Женя отстал от него, озадаченный.

Позже, в доме, когда гудела в печке отличная тяга, когда Антон спал под шубой на оттоманке, а остальные пили чай после сытной пшенной каши, имел место такой разговор.

— Ладно, никто не спорит с тобой, — говорил Смородин. — А чего ты от Марины Максимовны хочешь?

— Мнения! — настаивал Адамян.

— Зачем? Это наша проблема, и мы решим ее сами...

— Как? Вызовем «Голгофу» на бюро?

— Не смей!

— «Баба Сима» могла бы... — вмешалась Юля.

— Так ее уже нет! — выпалил Адамян, потом затих и усмехнулся. — Есть Марина Максимовна, но она молчит...

— Жень, а я имею, по-твоему, право обсуждать это с вами? — спросила Марина Максимовна.

— Нет? Ну не надо... что ж. Вообще-то я и сам понимаю...

— Понимаешь! Зачем же начал?

— Надеялся, что вы...

— Лопух потому что, — отозвался с оттоманки Майданов, охранявший там сон малыша. — Марине Максимовне неинтересно иметь неприятности из-за тебя, правда же?

Повисла пауза.

Смородин чиркнул спичкой для Марины: она разминала сигаретку. Но рассердившись (на себя?), она задула эту спичку и принялась ломать сигарету:

— Трудный вопрос, да. Такой, что все стараются отвести глаза. А надо бы набраться духу — причем не кому-нибудь, а мне! — и сказать на подсвете: «Вот мнение моих десятиклассников об одном учителе. Давайте думать, как быть».

— Вот! Я только этого и хотел!

— Ну и прекрасно. Если б еще обойтись без этой злости...

Адамян виновато отошел в темный угол, откуда блестели глаза Майданова.

— Марина Максимовна, — спросила Юля, — а как вам этот директор? Нравится?

— Граждане! Предупредили бы, что экзамен. Я ж не готовилась!

— Не будет он лучше «бабы Симы», это ясно, — вздохнула Тая.

— О чем говорить!

— Он еще не проявился и не мог успеть, — отвел Алеша этот вопрос от

Марины Максимовны, но Юлия от нее домогалась истины:

— Нет, не как начальство, как человек?

— А в нашем деле это все как-то вместе... Вот «баба Сима» считала, что школа — учреждение лирическое! Сами понимаете: с этим согласны немногие. Тем более, среди отставных военных...

— Он человек антилирический? — уточнила Тая.

— Не знаю... А в общем нигде не сказано, что этот самый витамин «Л» так уж необходим для здоровья,— усмехнулась Марина.— Наверно, без него даже легче руководить... Братцы, а ведь уже темно. Ни у кого родители не волнуются?

— Да знают они, рано не ждут.

— Мы не в пятом классе...

Юлия не ответила на вопрос о родителях.

— Юль, тебе батареек не жалко? Машина-то крутится,— Майданов указал на магнитофон.— Истратишь за один день...

— Куплю еще.

— Спасибо, что мы забыли о нем,— сказал Жёня, выключая аппарат и сматывая шнур микрофона.— А то каждый старался бы вещать для истории и обязательно нес бы чушь...

Юлия отозвалась, по-прежнему сидя на корточках у печки:

— А мне надо, чтобы было что вспомнить! Это и будет наша история на пленке — чем плохо? Включи опять, мы сейчас напомним туда что-нибудь...

И они спели в пять голосов (Майданов не знал слов, только покачивался в такт):

Может быть, пора угомониться,
Но я, грешным делом, не люблю
Поговорку, что иметь синицу
Лучше, чем грустить по журавлю.

Я стою, машу ему, как другу...
Хочется мне думать про него,
Будто улетает он не к югу,
А в долину детства моего.

Пусть над нашей школой он покружит,
Благодарный передаст привет,
Пусть посмотрит, все ли еще служит
Старый мой учитель или нет.

Мы его не слушались, повесы,
Он же становился все белей...
Помню, как любил он у Бернеса
Песню все про тех же журавлей...

Помню, мы притихли средь урока:
Плыл в окошке белый клин вдали...
Видимо, надеждой и упреком
Служат человеку журавли...*

Когда вышли на привокзальную площадь, Майданов молча передал спящего Антошку Смородину. И потянул за рукав Юлю:

— Пойду я... ладно?

— Не хочешь меня проводить? Интересно...

— Адамяну же с тобой по дороге, он так и так увяжется.

— Не ври, ему гораздо ближе.

— И потом, вы же еще туда завернете, на Гагаринскую?

— Обязательно. А тебе некогда?

— Время-то есть... Незачем мне туда, Юль! Но понимаю я, когда из учебы и личной жизни делают винегрет!

— Ах, вот в чем дело!

Майданов послушал, как она смеется (определил, что смех был «на публику») и крупно шагнул вперед, чтобы опередить Марину:

— Марина Максимовна, мне налево, до свиданья...

Она скользнула удивленным взглядом по его лицу, по Юлиному...

— До свидания...

Марину Максимовну провожали до самой квартиры. Еще на лестнице она прислушалась и сказала:

— Телефон у меня разрывается...

Открыла дверь, вбежала.

— Да? — сказала в трубку, задыхнувшись.— Да, я... За городом. А-а, здравствуйте, добрый вечер. Вас зовут... сейчас вспомню... Клавдия Петровна, да?

* Стихи автора на музыку К. Молчова.

Ребята вошли и слушали. Спящего Антона Смородин бережно положил на тахту и стал расстегивать на нем шубку. А Юля вся напряглась, норовя прямо-таки вырвать телефонную трубку, словно откуда исходила опасность для учительницы.

— Во-первых, я поздравляю вас, Клавдия Петровна... И я, и все наши ребята... Что? Но он и не мог ответить: мы только что вошли... Нет, что вы, никто ее не похищал! Она мне этого не сказала... Юля, ты знала, что к тебе должны придти гости?

— Знала и не хотела! Дайте же мне! — рвалась она к трубке, но мама ее говорила Марине что-то распространенное и тяжелое, и Марина не пыталась вставлять в этот монолог оправдательных слов, и с ее сапожек текло, и она молча оборонялась от Юли, уже готовой нажать на рычаг, разъединить...

— Что, что она там несет?! — изнемогла Юля.

Пришлось Смородину держать ее за локти. Наконец Марина Максимовна смогла ответить:

— Клавдия Петровна, ей было хорошо, ей все было на пользу в этот день... вас это не утешает? А я могу извиниться, что не поставила вас в известность. И обещаю, что минут через двадцать она будет дома. Ее проводят. Только... пожалуйста, не надо ничего обобщать сейчас... вы раздражены... Хорошо, пусть в другом месте. До свидания.

Она положила трубку и устало сказала Адамяну:

— Проводи ее, Женья.

Юля плакала, отрицательно качая головой.

— Кончай хамить, Юлька, — сказала Татьяна. — Они тебе и магнитофончик, и сапожки югославские...

— Ну спасибо им, спасибо! — крикнула Юля. — Но я бы с тоски сегодня померла, если бы с их гостями сидела... А главное — зачем я там? У них же телевизор есть!

Некоторое время все молчали. Марина ушла в смежную комнату укладывать сы-

на. Юля метнулась за ней, стягивая с себя пальто:

— Можно я его уложу?

— Нет. Иди домой.

И дверь комнаты закрылась перед ней. Она стояла в смятении, в сознании вины кусала ногу. Потом сбегала в ванную и принесла тряпку — затереть лужицы талого снега на полу. Но Алеша наступил на тряпку ногой:

— Иди, иди. Управимся.

Нагнулся и стал действовать тряпкой с уверенным домохозяйственным навыком. Юля села в углу, плечи ее вздрагивали.

— Дано: Жанне д'Арк хочется спасти Францию, — сказал Адамян меланхолически, — а папаша велит ей пасти коров. Спрашивается: как им договориться?

Алеша присел на корточках, поправил очки:

— Нет... все-таки самостоятельность начинается не с того, чтобы доводить предков до инфаркта. Как-то иначе их надо воспитывать. А если Жанна довела, то здесь она еще не героиня, подвига тут пока никакого...

Вышла Марина:

— Спит без задних ног... Алеша, зачем? Отдай-ка тряпку.

— А уже все.

— Спасибо, ребята... Длинный был день, правда?

— Особенно мне спасибо, да? — всхлинула Юля.

— Да не реви. Уладишь с мамой разумно, по-взрослому, и не будет никаких трагедий...

— Тем более, — сказал Адамян, — что тебе не нужно осаждать Орлеан и спасать Францию. Спокойной ночи, Марина Максимовна.

Она стояла в дверях, провожая ребят. Смородин, уходивший последним, сделал два шага вниз, потом три — обратно: огорченное лицо Марины не отпускало его.

— Зря вы так... Нельзя на всех реагировать с одинаковой силой, не хватит вас.

— Уже не хватает. На Майданова, например. На Таню, красавицу нашу...

— И что? Будете переживать?

— Сейчас нет, не буду. Выдохлась. Начну завтра с утра,— улыбнулась она.— Спокойной ночи, Алеша.

— Разрешите?

В директорский кабинет вошел учитель физики Сумароков, поджарый, высокий человек с палкой.

— У меня пустяковый вопрос,— он прохромал только полрасстояния от двери до стола, остановился почему-то на середине и заговорил, избегая называть Назарова по имени-отчеству (может, не запомнил еще?):— Нельзя ли так устроить, чтобы приказы по школе оглашалась не на уроке?

— Простите, не понял.

— Входит ваш секретарь, формально извиняется и отнимает ни много ни мало, а пять минут... Удобно ли это учителю — это ее не волнует.

Дверь распахнулась.

— Как вы можете, Олег Григорьевич? — Вперед выступила пухленькая блондинка Алина.— Я что, развлекаюсь? От нечего делать, да?

— Не знаю, милая, но так нельзя. Перед ребятами рождалась планетарная модель атома Резерфорда... и вдруг, пожалуйста, является совсем другая модель — вот этой прически, этой кожаной мини-юбки...

— А уж это нехорошо, ей-богу!

— Почему же? Модель сама по себе недурна, но не взамен резерфордовской, киса! Как по-вашему? — спросил физик Назарова.

— Минутку, Алина, это что — приказ о дежурстве в раздевалке?

— Ну да. И в буфете.

— Вот там и повесить. А если зачитывать — только на линейке с этого дня. Урок — неприкосновенное дело. Поняли?

— Я понятливая.— Алина поиграла многозначительной оскорбленной улыбкой.

— Это все, Олег Григорьевич?

— Да, благодарю.— Он удалился, сухой и прямой, как раз в тот момент, когда звонок прекратил перемену.

— Уж для него-то я никак не «киса»! — Алина сузила глаза.— Во внучки ему го-жуся...

— Ну-ну-ну... — произнес в рассеянности Назаров, собираясь на урок.

— Так будет каждый приходиться и ставить свои условия. Знаете, что это, Кирилл Алексеич? Это ваш характер испытывают!

— Знаю! — бросил он, уходя. И уже в дверях: — Если позвонят из милиции насчет того беглеца из пятого «А», поднимитесь сказать, ладно?

— Как? Среди урока? Вы сами только что...

— А сейчас я говорю: если найдется ребенок, поднимитесь сказать. Среди урока! Истина конкретна, слышали?

Кабинет военного дела и автомобилизма. Стенды, макеты, карты военной топографии. Ящик с песком. Присутствует только мужская часть 10-го «Б». Назаров трогает указкой дорожный знак, глядя на Алешу Смородина.

— Запрещен разворот? — гадают Алеша.

— Пальцем в небо. Майданов!

— Преимущество в движении встречного транспорта, — спокойно, с ленцой сказал Майданов.

— Так, дальше, — указка касается другого знака.— Смородин!

— Не знаю, — отвечает Алеша и садится, хотя Адамьян подсказывает так, что повторить за ним легче легкого.

— Майданов! А ты постой, Смородин, постой...

— Конец запрещения обгона.

— Так, а здесь?

— Ограничение габаритной высоты... Подряд говорить? Ограничение нагрузки на ось.

— Майдан, ты машину купил, что ли? — спросил кто-то сзади.

— А ты не знал? — огрызнулся он. — «Чайку»! Серую в яблоках...

— Тихо, остроумие потом... Смородин, — директор подошел к нему вплотную, — стало быть, по запрещающим знакам — ни в зуб ногой. Почему?

— Я уже говорил вам: я никогда не сяду за руль. У меня минус пять.

— Да-да, помню. И ты «неадекватен сам себе...»

— Даже если б разрешили, я бы не сел. Я был бы опасен! — Вдруг он улыбнулся. — Вон тот знак я понимаю...

— Который?

— Крайний слева. Означает: «Осторожно, дети!»

— Удивил! Тем более, что дети прямо нарисованы... Ладно, автомобилизм — дело факультативное, принуждать не могу. Но военная подготовка — это, брат, другое. На днях ты стоял такой же застенчивый, когда задача была — собрать автомат Калашникова. Теперь мог бы?

Алеша молчал.

— Да он же поступит в университет, Кирилл Алексеич! — не выдержал Адамьян. — Ему же медаль обеспечена!

Назаров потемнел:

— Это еще не факт, Адамьян! Факт, что есть статья сто тридцать вторая Конституции СССР... Или выполнять ее — тоже не его мечта?

Алеша, у которого кровь отхлынула от лица, сказал:

— Там про мечту не сказано, в статье... Там — про почетную обязанность. Я ее выполняю, как все... И для этого шуметь на меня — не надо.

Назаров отвел глаза, усмехнулся:

— Вот и хорошо. Это я и хотел услышать. А то, знаете, бывает такая психологическая установка на «белый билет». Независимо ни от очков, ни от болезней...

Раздался звонок. Глядя прямо на Алешу, в глаза ему, Назаров закончил:

— Про твои заслуги — и научные, и комсомольские — мне известно. И физик тебя нахваливает, и Марина Максимовна...

Но в следующий раз я тебя гоняю по Строевому уставу, по Боевому и по тактико-техническим данным автомата Калашникова. Основательно гоняю. Это ко всем относится! — предупредил и вышел.

Наблюдалось некоторое оцепенение.

Круглоголовый, с тонким голосом Ельцов высказал:

— Парни, а ведь у нас директор еще необозванный ходит! Кличка «унтер» — пойдет?

К Алеше подошел Майданов, предложил смущенно и грубовато:

— Взять тебя на буксир, натаскать? Один-два вечера — и будешь иметь у него пять баллов... А то ведь, кроме шуток, он может не дать медаль...

— Спасибо... Это я просто горю на плохой механической памяти, — объяснил Алеша в досаде. — Мозг уже не принимает того, что надо запоминать без доказательств...

— «Шериф»! — крикнул Ельцов. — Парни, нашел, потрясная кличка!.. Он же вылитый «шериф», ей-богу!

— Это пойдет, — расплывшись, одобрил Адамьян. — Да, Леш?

Дверь распахнула Таня Косицкая:

— Эй! Мариночка зовет, вместо урока мы будем телик смотреть.

Ребята шумно возликовали: «Мариночке — слава! Ура!..»

— К вам две мамы, Кирилл Алексеич. — В директорский кабинет вошла Алина. Томная улыбка на ее губах играла независимо от смысла того, что она говорила или слушала. — И сию минуту из милиции звонили: Додонова из пятого «А» сняли с сочинского поезда...

— Сняли?! Фу ты, ну ты... — Назаров откинулся в кресле. — Номер отделения, телефон записали?

— Да.

— Сейчас соедините меня. В Сочи его повесло... У нас ему холодно!

Вошла Марина Максимовна в черном

свитере с рукавами, вздернутыми до локтей:

— Можно? У меня просьба, Кирилл Алексеич...

Была в ней стремительность, которую он считал нужным притормозить. Наиграл хмурость:

— Минуточку, присядьте... Алина, пока не забыл: макулатуру, которую таскают маленькие, должен сортировать кто-то взрослый, скажите библиотекарю, что я распорядился. Я сейчас выудил хорошие вещи оттуда...— Он предъявил две мятые книжки.— Симонов, «Стихотворения и поэмы». «Птицы России», монография...

— Смотрите, карта выпала... Карта сезонных птичьих перелетов,— живо отозвалась Марина.— Какой же дикарь выбросил?

— Вот давайте не будем на него походить. Чтоб ни одной серьезной книжки не пропало, понятно, Алина? Лучше мне дарите, у меня дома в основном политическая литература... С пользой перечитаю... Симонова того же.

— На здоровье,— с улыбкой сказала Алина.

Кажется, над ним уже пронизывает его секретарша. Да еще в присутствии этой женщины!

— А чему вы улыбаетесь? Вы знаете все его стихотворения? И тем более — поэмы?

— Все — нет...

— А улыбаетесь! Через две минуты соединяйте с милицией. Как вы поняли — в детприемник они его не укутут?

— Вряд ли...

— Родителей известили?

— Кто, я? Нет... Кто поймал, тот пусть извещает, для того там и есть детская комната...

— Алина! — Назаров побагровел.— Вы мать Додонова видели? Какое у нее лицо было вчера? Мы все оглянуться не успеем, как у вас свой пацан будет! И представьте, что семнадцать часов вы не знаете, где он!

— Извините... Сейчас позвоню.

В дверь просунулись головы двух девушек.

— А вам что?

В канцелярию набилось человек тридцать десятиклассников. Марина объяснила со старательной непринужденностью:

— Это мой класс, мы хотим попроситься к вам в кабинет на этот час... Из-за телевизора. Там сейчас будут пушкинские «Маленькие трагедии» по второй программе. Оказывается, почти никто из моих не видел... А это нельзя не посмотреть.

— Да? — слегка растерялся Назаров.— Так-таки нельзя?

Алина саркастически покачала головой и напомнила:

— Кирилл Алексеич, вам надо двух мамаш принимать.

— Ну я-то место найду...— Он посмотрел на Марину озадаченно:— Слушайте, а нас с вами не подымут на смех? Странно все-таки... вместо урока... У вас же сейчас совсем не это по плану?

— Нет,— вскинула она голову.— Но знаете, внеплановый Пушкин — он еще гениальней!

— Балуете вы их, вот что,— вздохнул Назаров и повернулся к телевизору.— Пирожными кормите свой десятый «Б»...

— Русской классикой я их кормлю! А это давно уже хлеб.— Похоже было, что Марина рассердилась.— Ну что же вы? Включайте! Время идет.

Он покорно повернул рукоятку «Рекорда», а она распахнула дверь:

— Заходите, ребята!

Глядя, как этот табун вторгается в директорский кабинет, Алина подняла глаза к потолку и шепнула сама себе:

— Край света!

Но у Назарова глаза стали веселые. Стульев в кабинете хватило только на девочек. Назаров потоптался, глядя на стоящих у стен мальчишек, потом флегматично, не торопясь, стянул зеленую скатерть с длинного стола, за которым проходили педсоветы, и сделал приглашающий жест. Они не заставили просить себя дважды.

Звучала тема из моцартовского «Реквиема». Назаров, стоя за Марининым стулом, наклонился к ее уху:

— С вами не соскучишься...

Она, не отводя глаз от экрана, где уже появился Николай Симонов — Сальери, поднесла палец к губам:

— Т-с-с... Обо мне потом, не мешайте.

Зазвонил телефон. Вместо того, чтобы снять трубку, Назаров отключил розетки обоих аппаратов и бесшумно вышел из кабинета.

В вестибюле директора ждали две родительницы в распахнутых пальто.

— Кирилл Алексеич, это вы? Очень приятно. Баюшкина.

— Назаров.

— Смородина.— Мать Алешки оказалась маленькой, щуплой и стеснительной.

— Попрошу на второй этаж, в учительскую... Только нужно раздеться.

— С удовольствием... Я, паверное, красная сейчас, как этот огнетушитель,— говорила Клавдия Петровна, выскальзывая из шубки.— Сюда шла с классом Юлия, моя дочь... и если б она меня увидела, мне бы не одобровать!

— Вот даже как? — он приподнял брови.

— Да-да, тут, знаете, щекотливый вопрос. Так что вы уж, пожалуйста, не давайте меня...

— Хорошо.

— И меня, если можно...— совсем тихо и подавленно сказала Смородина.

...В учительской мы следим за разговором с того момента, когда суть щекотливого вопроса уже наполовину изложена. И Клавдия Петровна продолжала излагать, то понижая голос с оглядкой на Ольгу Денисовну, которая писала что-то за дальним столом у окна, то забывая об ее присутствии...

— В одиннадцать вечера, Кирилл Алексеич! Гости, конечно, не дождались и ушли, смертельно обиженные... Причем, явилась с мокрыми ногами! А у нее был нефрит, ей

нельзя простужаться!.. Но я сейчас не об этом... Я вообще не понимаю, что у них там происходит, я прошу объяснить мне. Там маленький ребенок. Прекрасно. Я сама мать, я знаю, что три года — это прелестный детский возраст, но... но я не готовила дочь в няньки, Кирилл Алексеич! Для этого не надо так долго учиться... В десятом классе они находят время, чтобы по очереди гулять с этим ребенком! Но если у меня или у отца просьба к ней, она не может, потому что «много задали»... А что они там вечерами делают по субботам? Это уже почти традиция. Говорят? О чем говорят? Причем они выговариваются так, что для нас у Юли остается совсем мало слов: «Да», «Нет», «Нормально», «Не вмешивайся», «Сыта», «Пошла»... Думаете, не обидно? — В голосе Клавдии Петровны зазвенели слезы, она отвернулась, теребя пальцами желтую кожу мужского портфеля, который имела при себе.

— Так вы считаете, что Марина Максимова восстанавливает Юлю против вас?

— Я знаю одно: после «посиделок» в том доме девчонка приходит чужая! Ее там, возможно, развивают, но мы с мужем в такую сторону не хотим ее развивать...

— Да...— Назаров закурил.— Ольга Денисовна, вы нас слушаете? Подключайтесь. Вы же лучше меня знаете историю вопроса.

— Да-да...— отозвалась Ольга Денисовна и зачем-то глянула в окно.— Там как будто привезли оборудование... Наверно, ищут нас с вами. Принять, подписать накладные... Мамаши извиняют? Это две минуты...

И она вышла в коридор. Назаров извинился и последовал за ней.

— Какое оборудование?

— Никакого! Военная хитрость. Отойдете... Историю вопроса вы хотели? Что ж, дыма без огня нет. Марина без конца дает поводы. Не может без фокусов, без педагогической отсебятины... С помощью такой Баюшкиной в РОНО могут легко заварить кашу. А нам это нужно?

— Пока не знаю. Пока слушаю вас.

Ольга Денисовна прищурилась:

— Не-ет, Кирилл Алексеич, тут ваше слово решает! А я — что же я? Скоро тридцать пять лет как работаю, в общем-то на выход пора. И не хочу я запомниться ребятам этакой телегой несмазанной, которая все против молодости скрипела. Невеселая, знаете, роль.

— Могу понять. Но сейчас-то вы не с ребятами говорите.

— Видите ли... Если они тянутся к учителю, этим уже многое сказано, это уже талант. А таланты, наверное, без отсебятин не могут... Гнать их за это? Нет. Невыгодно. Словом, надо так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты.

Назаров рассмеялся:

— Это еще ни одному пастуху не удавалось! Только теоретикам. Но я попытаюсь...

Ольга Денисовна не улыбнулась. Она сделала знак, чтоб он шел в учительскую:

— А я потом.

Назаров вернулся к мамашам.

— Ну, а у вас — такие же претензии? — обратился он к Смородиной.

Под его взглядом та опустила голову:

— Я не знаю... может, и не надо было мне приходить... — она опасливо покосилась на Баюшкину.

Клавдия Петровна вспыхнула:

— Ирина Ивановна, миленькая! А кто вчера плакал в телефон, что с вашим Алешей творится неладное?

— Я не говорила «неладное»... Непонятное для меня — это есть. А сейчас я думаю: они-то любят учительницу, а мы ругаться пришли... Завидуем ей, что ли?

— Да похоже, — усмехнулся Назаров.

— А чем эта любовь покупается, хотела бы я знать! — Клавдия Петровна выссила голос.

— Мало ли что говорят, — тихо, упрямо твердила Смородина. — Я только медицинская сестра, образование невысокое... И мне надо верить своему Алеше... А то я наговорю тут глупостей — он потом не простит.

— Ну, милая, так вы у него уже под

каблуком! Моя бы тоже взбеленилась, если б узнала... Но я же иду на это, иду ради нее!

За своей табачно-дымовой завесой директор пока отмалчивался.

Тем временем в директорском телефоне Сальери ждал Моцарта к обеду и мучительно доказывал сам себе, что гений его друга не нужен и даже пагубен в силу таких-то и таких-то причин...

Марина смотрела на ребят. Вот яд уже попал в бокал Моцарта, и у Саши Майданова — выражение боли на лице. Что это — реакция на единственный в трагедии «детективный» момент? Сознает ли он, что такое Моцарт, или для него просто-напросто «отрицательный убивает «положительного»?

Впрочем, ей, Марине, не нужно сейчас напрягаться и хлопотать о чем-либо. Сейчас работают Пушкин и музыка, которую никому не убить. Можно довериться.

Ольга Денисовна уже снова в учительской за своим дальним столом. Назаров раздавил папиросу в пепельнице:

— Спасибо... Я всех выслушал, я попытаюсь разобраться... хотя, по-моему, у вас одни эмоции, дорогие граждане.

— Эмоции? — Клавдия Петровна встала. — А вам факты нужны? Есть и факты, к сожалению. Я не хотела до них доводить, но если без этого нельзя... — Она щелкнула замками на желтом мужском портфеле и достала знакомый нам магнитофон.

— Что это у вас? Зачем?

— Сейчас услышите. Вчера Юля брала его с собой на их воскресный пикник, организованный Мариной Максимовной. Я же понимаю, Кирилл Алексеич, вы человек новый, вам не хочется сразу конфликтовать... Мне тоже нелегко было с этим прийти... Ольга Денисовна, вы идите поближе, вам не будет слышно... Думала, думала: с кем посоветоваться? Муж на работе... А я

как на углях все утро... Прослушала раз, другой — и поняла: ненормальные вещи там творятся, просто боюсь за ребят...

И Баюшкина включила аппарат. Магнитная лента заговорила знакомыми молодыми голосами:

— Марина Максимовна, вопросик можно? (Адамян)

— Ну попробуй.

— Эмма Пална — хороший, по-вашему, учитель?

— Брось, Жень. Отдохни сейчас от нее. (Смородин)

— Да я каждый второй урок от нее отдыхаю! За дверью!

— Что-то я не пойму, о чем речь. (Марина Максимовна)

— Все просто. Эмма Пална чувствует, что Женька знает химию... Ну, мягко говоря, не хуже, чем она... (Смородин)

— Пардон, я не хочу даже сравниваться! На проблемном уровне она не сечет абсолютно...

— Помолчи. В общем, он создает ей комплекс неполноценности. И она стала выгонять его в коридор. По любому поводу. Вот в последний раз не смогла, потому что сидел директор. А так — регулярно сплавляет. (Смородин)

— А по-моему, он сам виноват, Женька. «Голгофа» — невредная женщина, не за что ее так доводить! (Таня Косицкая)

— Это у нее прозвище такое — «Голгофа»? (Марина Максимовна)

— Ну да. Она говорит: «Каждый раз иду в этот класс как на Голгофу!» (Юля)

— Братцы, что же вы делаете? Помилосердствуйте...

— За ней надо записывать, Марина Максимовна! Она все время такое отмачивает. Вот еще, например: «Вас родители портили, портили, а потом школе подкинули!» (Юля)

Хохот.

— Представляете, все время такой уровень. С таким же успехом моя мама могла бы учительствовать! (Юля)

Клавдию Петровну Баюшкину передернуло.

— Дело даже не в талантах, Марина Максимовна! Но профессионалом-то надо быть, это уж минимум. Подсуньте ей любую сенсацию химическую — из «Науки и жизни», из «Эврики», о спецжурналах я и не говорю — по лицу увидите: все это мимо, ей это как рыбке зонтик! (Адамян)

— Ладно, никто не спорит с тобой... А чего ты от Марины Максимовны хочешь? (Смородин)

— Мнения!

— Зачем? Это наша проблема, и мы решим ее сами...

— Как? Вызовем «Голгофу» на бюро?

— Не смеши!

...Далее идет то, что мы уже слышали — вплоть до разговоров о новом директоре, в котором якобы не хватает загадочного витамина «Л»...

— Товарищи, как же это? Ведь мы подслушиваем... — словно очнувшись, сказала Ирина Ивановна Смородина.

— Что-что? — не поняла Клавдия Петровна, однако нажала клавишу «стоп».

— Я лучше пойду... Я эту педагогику не знаю, конечно, только как-то нехорошо... — Ирина Ивановна двигалась спиной к двери, горестно глядя на Назарова. — До свидания. — И ушла.

Клавдия Петровна всплеснула руками:

— Если хотите правду, вот уж кто действительно ревнует своего сына к этой Марине, так это она! И кажется, неспроста, это тоже вопрос интересный... А здесь вот струсила!

— Не о храбрости речь, Клавдия Петровна, — глухо сказал Назаров, уставившись на кассеты. — Если не ошибаюсь, магнитофон принадлежит вашей дочери?

— Да, это наш подарок... А сама-то она кому принадлежит? Я могу это спросить, не усмехайтесь, — я жизнь на нее положила! — Клавдия Петровна направилась к графину с водой и выпила два стакана подряд. — Когда я послушала разговоры эти, я поняла наконец, откуда у девчонки такой

тон со старшими. Оказывается, что можно! Вот «разобрали» Эмму Павловну... И вас, Кирилл Алексеевич, заодно! Ей знаний не хватает, вам — лирики, видите ли. От любо-го немного останется, если его так разо-брать. Никто не святой. Правильно? Одна Марина Максимовна — икона.

— По-моему, комментарии тут излиш-ни,— вмешалась Ольга Денисовна.— Мы по-думаем, разберемся...

— Вот-вот. А то получается по посло-вице: сильнее кошки зверя нет!

— Вы можете эту пленку доверить нам? На день-два? — спросил Назаров. Ему хоте-лось поскорей прекратить эту аудиенцию.

— Да, берите с аппаратом вместе... А ей я что-нибудь придумаю. Берите, берите, ин-тересы у нас одни, правильно? Только Кирилл Алексеевич, Юля-то здесь тоже рас-пустила язык... Надеюсь, по ней моя от-кровенность не ударит? Десятый класс...

Кивнув, Назаров ухватил магнитофон за кожаный ремешок и вышел. Дали звонок с урока.

— Ах, господи! — Клавдия Петровна досадливо щелкнула пальцами.— Тогда уж я пересизику у вас перемену, а?

Она подседа к Ольге Денисовне:

— Думала: приду, выложу все — станет легче. Нет, камень тут,— она дотронулась до груди.— И себя не облегчила, и вам тя-жесть навесила...

— Вот золотые слова,— согласилась Ольга Денисовна.

— Директор разнервничался... Между нами, женщинами, там ничего такого нет?

— Где «там»? Не понимаю...

— Может, он уже попробовал у нее этот витамин «Л»?

Внезапно Ольга Денисовна залилась краской, разгневалась, такой мы еще не видели ее:

— Послушайте!.. Речь все-таки идет об учителе вашей дочери! Нельзя так! Мы с вами не девочки, калякающие в туалете!

Она взяла стопку тетрадей и вышла прежде, чем Баюшкина успела оправдаться.

А через полминуты вдруг вернулся Назаров, ударом ладони распахнув дверь. Шея у него была красная.

— Во что вы меня превращаете, мама-ша? Иду в кабинет — навстречу весь деся-тый «Б»... А я — с этой штукой. Красиво? Я же педагог, черт возьми, директор, ком-мунист!

Лицо Баюшкиной хлопотливо выразило понимание и сочувствие.

— Действительно... Не хватало вам еще от них прятаться! Директору — от ребят! Смешно...— Она отобрала у Назарова маг-нитофон и уложила его в желтый мужской портфель.— Так хорошо будет?

— Лучше некуда...

В коридоре Назаров встретил Марину.

— Спасибо большое, Кирилл Алек-сеевич,— сказала она.— Мы там выключили.

— Да? А мы тут включили...

— Что? — Она, естественно, не поняла.

Он переложил портфель из правой руки в левую и распорядился:

— Зайдите ко мне после уроков, есть разговор...

— Хорошо,— сказала она рассеянно.— Но зря вы с нами не смотрели: такие вещи бывают раз в год, надо все бросать и смотре-ть...

— Дела, знаете, работа! — отозвался он едко.— Не всегда для души, как у вас, а все же не бросишь: зарплата идет!

Она даже задохнулась от этого выпада, но ответить не успела: директор спешил.

Алеша Смородин, застигнув свою маму в раздевалке, попытался:

— Мам, не выкручивайся, зачем ты при-шла?

— Ерунда, Алеша, не обращай внима-ния... Думала, что ключ дома забыла, а он — вот он, нашелся...— Ирина Ивановна, уже одетая, без надобности рылась в су-мочке, лишь бы не смотреть на сына.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна! — Подбежал Адамьян, а с ним Ельцов.— Не-ужели вас вызвали?

— Здравствуй, Женя. Давно вас не видела. Похудели вы что-то,— ушла она от вопроса.

— Мама, зачем ты приходила? — настаивал сын.

— Если уж смородинских родителей вызывают,— сказал Ельцов,— тогда я ничего не понимаю.

И не сумев спрятаться от честных глаз сына и его друзей, Ирина Ивановна вдруг взмахнула рукой, сердито взглянула наверх и сказала:

— Языкатые вы слишком, несдержанные... Особенно ты, Женя. Навредили вы своей учительнице этими длинными языками.

— Кому? Мариночке?!

— Вот видите: она для вас «Мариночка»... А разве это можно?

По иронии школьного расписания после телевизионного урока о Моцарте и Сальери в 10-ом «Б» была химия, «Голгофа».

— Кого нет? — выясняла Эмма Павловна.

Дежурная осмотрелась и несколько удивленно стала перечислять:

— Адамяна Жени... И Смородина не видно. Еще Ельцова...

— Адамяна нет? Слава богу! Один раз отдохнуть от его великой учености и великого нахальства! Он думает, что если его папа химик...

Дверь отворилась: прибыли Адамян, Смородин и Ельцов. У них замкнутые не добрые лица.

— Разрешите?

— Ну вот — только обрадовалась! Адамян, я уже отметила тебя как отсутствующего. Так что или ты уходишь, или на весь урок делаешься как рыба!

Женя фыркнул и отпарировал:

— Ну нет... Вам легче зачеркнуть вашу пометочку, чем мне отрастить жабры и метать икру...

Класс одобряет его смехом.

— Начинается! Всё, сели, тишина!

К доске идут Сысоев и Баюшкина. Сысоев решает задачу, а Баюшкина расскажет нам про бензол и вообще про ароматические углеводороды — их строение, свойства и так далее...

Урок пошел сравнительно гладко: Юлия неохотно, небойко, но все же сносно докладывала о бензоле, писала кольцевые формулы на доске, Сысоев пыхтел над задачей, у остальных были свои заботы, далекие в большинстве случаев от химии.

Алеша шептал Адамяну:

— В чем они могут ее обвинить, в чем? Все, о чем мы говорили, можно повторить на площади, в рупор!

— Слишком уж прямо она отвечала...

— А кто ей вопросы дурацкие задавал? Кто? — грозным свистящим шепотом напомнил Алеша.

— Ну кто знал, что Юлька свою игрушку поставит на запись?

— Ладно, молчи.

— А сама идея такого испытания...

— Молчи, говорю!

Женька виновато затаил. Но не было ему покоя: он метнул несколько жгучих взглядов назад, на Майданова, — тот не сразу заметил, потом поднял бровь: дескать, в чем дело? Женя размашисто написал записку и, прицелившись, пустил ее по воздуху так, что она шлепнулась как раз перед носом адресата.

Майданов прочел и весь напрягся.

Алина, секретарь директора, с удивлением приоткрыла дверь, открыла ее: в рабочее время товарищ Назаров слушал песенки! Алина позволила себе войти и осталась незамеченной: директор стоял, отвернувшись к окну. Портативный магнитофон на столе пел ему голосами Марины Максимовны и представителей 10-го «Б»:

Я стою, машу ему, как другу,
Хочется мне думать про него,
Будто улетает он не к югу,
А в долину детства моего.

Пусть над нашей школой он покружит,
Благодарный передаст привет,
Пусть посмотрит, все ли еще служит
Старый мой учитель или нет...

Алина бесшумно вышла.

Эмма Павловна рассеянно прочитала то, что изобразил на доске Сысоев, и сказала:

— Ну так, Сысоев — четыре, Баюшкина — три. Дневники мне на стол.

Адамян поднял руку.

— Что тебе? — с испугом спросила химичка. — Я же сказала: ты у меня отсутствуешь!

Женя встал:

— Но это субъективный идеализм, Эмма Павловна. Всякий материалист скажет вам, что я присутствую. А следовательно, могу задать вопрос: в чем ошибка Сысоева? Почему четыре, а не пять или три?

— Граждане, когда же это кончится? — воскликнула Эмма Павловна. — Почему я должна давать ему отчет?!

— Но вопрос по существу, Эмма Павловна. — Кротким взглядом своих черных бархатных глаз Адамян показывал полную лояльность. — Человек правильно вычислил объем газа, полученного...

— Молчать! — закричала Эмма Павловна так, что все перепугались. — Вон из класса!

— За что? — спросила Юлия. — Несправедливо!

— За что? — стали громко интересоваться и другие.

Эмма Павловна дала себе паузу, чтобы остыть. По лицу ее растекались яркие пятна.

— Это я вас хочу спросить: за что мне нервотрепка такая? Что я вам сделала плохого? А ведь могла бы кое-кому испортить аттестат! Нет, мне это не надо. Я вообще могу уйти и фармацевтом устроиться...

И тут вошел Назаров. 10-й «Б» хотел встать, но он удержал:

— Сидите, сидите... Я тоже посижу, Эмма Павловна, вы не против?

— Ну что вы... Наоборот, очень вовремя. Только урока не будет, Киприлл Алексееч, пока не выйдет Адамян. Я не могу его видеть, я уже говорила вам!.. Он... он... умственный хулиган, вот! Или он, или я!

Назаров оценил напряженность обстановки.

— Адамян, пойдй погуляй, — скомандовал он спокойно.

Женя усмехнулся и вышел.

Эмма Павловна раскрыла свои конспекты.

— Тема у нас — механизм реакций замещения. На примере предельных углеводородов... — Пальцы ее на тетрадочном переплете слегка дрожали.

Поднял руку Майданов.

— Можно выйти?

— Ну выйди... если невтерпех, — пожала она плечами.

Класс дружно хохотнул.

Майданов целеустремленно вышел, ухватив попутно насмешливый Юлин взгляд.

— Все пишут! — провозгласила Эмма Павловна и пошла по рядам, наблюдая за исполнением этой команды. — Ме-ха-низм ре-ак-ций за-ме-ще... — чеканила она и так дошла до Назарова, устроившегося за последним столом.

Он тихо удивился:

— Зачем же по складам, Эмма Павловна? Десятый класс...

— Ох, я уже не помню, на каком я свете, — созналась она. — Записали?

Он посмотрел на нее внимательно и подавил трудный вздох.

Вывравшись в пустой коридор, Саша Майданов допытывался у Адамяна:

— Объясни толком... Я и не помню, чего мы там такого наговорили.

— Не помнишь? Ну еще бы: ты-то в порядке! Кому будет плохо, так это Мариночке. Хотел ее испытать — теперь радуется! Теперь эту шарманку включают на педагогов!

— А ты не за себя ли испугался?

— Здравствуйте! Да если бы это по Мариночке не стукнуло, я б только радовался, что они наконец услышат про «Голгофу»!

Майданов помолчал, несколько раз подбросил и поймал монету. И высказал резюме:

— В общем так: ты отвлекаешь Алину — надо, чтоб она вышла, а я захожу в кабинет «шерифа»...

— Зачем? — честно не понял Женя.

— За магнитофоном!

— Погоди, погоди! Тут надо рассчитать на пять ходов вперед. Может, это только напортит? И потом...

— Что?

— Неловко все же...

Один лестничный пролет Майданов прошел молча, потом остановился и сказал:

— Вот поэтому вы не класс, а только прослойка. Что неловко-то — отобрать свое? Мы ж отдадим кому? Юльке. Она хозяйка? Она! Значит, что? Значит, обратно будет справедливость.

Адамян хотел возразить, но майдановская логика была слишком проста и пряма.

— А как ее отвлекать, Алину? — спросил он.

— Ну скажи, что о ней спрашивал один человек. Высокий, скажи, спортивный. И твоя резину, что ты обещал его не выдавать. И уходи. Она пойдет за тобой, как нитка за иголкой.

— Это что, проверено? — многознающий Адамян был, как дитя, неопытен по части женского сердца и распахнул глаза.

— Тыщу раз.

...Все шло, как по нотам. Из канцелярии Алина вышла вслед за Женей, заинтригованная предельно:

— Ну намеки, Женя... Ну хоть на какую букву?

— На «э».

— Стеблев Костя? Старший пионервожатый?

— Алина, не могу, слово дал, — Адамян

сдерживал смех: способ действовал безотказно.

— Если Стеблев — неинтересно... А подбородок у того человека раздвоенный, да? А глаза черные?

— А вот и нет. Серые!

— Серые — это хорошо. Только у тех серых, которые я имею в виду, фамилия совсем на другую букву, — вздохнула Алина. — А если ты на своего Смородина намекаешь, то давай не ври: мы-то знаем, на ком у него свет клином сошелся... На каком недоступном предмете! — засмеялась она.

— На каком? — застыл Женя.

— Не знаешь? А друг называется! Ну давай на обмен: я тебе эту тайну шепну, а ты мне про того человека... А?

Проводив их критическим взглядом, Майданов прошел в дирекцию спокойно.

В кабинете магнитофона не было. Ни на столе, ни внутри стола, ни на стеллажах, ни на подоконниках. Неужели в сейфе? Тогда это мертвое дело. Уже собравшись уходить, Майданов напоследок рискнул открыть большой желтый портфель, что лежал в кресле директора. Есть! Но ведь, если вынуть магнитофон, портфель совсем легонький? Ну что ж, пусть там пока полежит один из томов Большой советской энциклопедии — книги, товарищ директор, ваши, а магнитофончик, извините, — нет!

Уроки кончились. Раздевалка гудела. Девчонки, одеваясь, теснили и перекрывали друг друга возле зеркала.

Юля уже надела шапочку, когда рядом оказался Майданов. Вид у него был таинственный: он медленно открыл свой портфель, в который с трудом влез магнитофон, вытеснив книги — их Майданов держал подмышкой.

— Мой! Где ты взял? — поразились Юля.

— Где взял, там нету.

— У тебя сейчас лицо, как у афериста. Где ты взял, я спрашиваю?

— А чего ты сразу обзываешься? Это вместо благодарности... Вот не отдам те перь!

И он с независимым видом пошел вверх по лестнице.

Накинув шубку на одно плечо, Юлия кинулась за ним:

— Ты можешь толком сказать, в чем дело?

— Ну мама твоя принесла его... Только тихо.

От непонимания у Юли застопорились все реакции:

— Мама? Припесла тебе?

В вестибюль спустился Назаров. Саша торопливо наступил Юле на ногу. Однако Назаров думал что-то свое, гроза миновала...

У парапета набережной стояли Смородин и Адамян, смотрели на глыбистый серый лед. Алеша был мрачен.

— Не понимаю, чем ты недоволен, — говорил Женья. — Была мина, так? Ее нет. Обезврежена. Сделано не совсем изящно, согласен, но лучше уж так...

— Суетимся мы, Женька! Значит — неправы. Зачем было красть? Ну Майданов — понятно: он сразу представил себе, что он майор Смекалкин в штабе генерала фон Дёрке... А ты?

— А я его только страховал.

— От слова «страх»! А чего нам бояться, Женья? Ну допустим, что этот директор совсем не фон Дёрке...

— Идеализм... Гляди, Колчин шагает.

Парень, которого мы видели в классе, но пока не удостоили персональным вниманием, тоже заметил их.

— Чего это вы делаете?

— Видишь, стоим. Воздухом дышим.

— И дома еще не были? На пустое брюхо дышите? Не, я так не могу, я сегодня два раза обедал: дома и у бывшей соседки. Ей однокомнатную дали, ну я и помог ей там барахлишко перевезти. Второй обед заработал и еще пятерку.

— Тимуровец, — усмехнулся Алеша. — Ладно, Колчин, иди. Женья, а нам, я думаю, в школу надо. По некоторым признакам учителя там трубили сбор...

— Думаешь, насчет этого? А что мы можем сделать?

— Вы уже 'сделали! — взорвался Смородин. — Вы сделали так, будто Марине Максимовне есть чего стыдиться, вот ужасно в чем!

И он быстро пошел, не оглядываясь.

Колчин, между тем, не спешил.

— А чего случилось? — спросил он.

— У Марипочки неприятности, — вздохнул, поеживаясь на ветру, Адамян и последовал за другом. Колчин был заинтригован и решил тоже не отставать.

Назаров барабанил пальцами по коже застегнутого желтого портфеля, водруженного на стол. Наискосок, в кресле, сидела Ольга Денисовна.

— Вы уверены, что Серафима Осиповна замяла бы?

— Да. Она вообще брала ее под крыло. Ей тут мерещилось что-то от пушкинского лица... Красиво, я согласна. И все же лицей хорош на своем месте и в свой век. Слегка образумить бы Марину на первом же году работы — не имели бы сейчас такого дела скандального. И программа по литературе не превращалась бы в тришкин кафтан...

— То есть?

— Ну это когда «одадживляют» часы у одного писателя, чтобы посвятить их другому. Который сегодня больше вдохновляет Мариночку! Уж привыкли, не вмешиваемся. А как реагировать на жалобы отдельных учителей? Они говорят: ее популярность у ребят — за наш счет... Конечно, после ее дискуссий и спектаклей на обычном уроке сидеть скучно. Что поделаешь? Есть такое понятие — стандарт образования. Не очень интересно звучит, но всеобщ, средняя школа обойтись без него не может...

Теперь Назаров слушал Ольгу Денисовну, шагая по кабинету. И вдруг резко повернулся к ней, перебил:

— Не знаю, зачем понадобилось назначать «варяга» вроде меня. Вот вы — разве не справились бы? Смотрите, пока я только задаю вам вопросы!

Она тонко улыбнулась сухими, точно гипсовыми, губами:

— Руководству виднее, Кирилл Алексеевич. Здесь, видно, требуется мужская рука.

— Имеется в виду рука потяжелей? Которая не дрогнет? — Он поморщился. — Вот опять вопрос... Допустим, мы заслушаем эти магнитофонные записи на партбюро. Раз уж взяли их на свою голову... — Он вернулся к портфелю, открыл один замок... Тут позвонил внутренний телефон, сказал грудным голосом Эммы Павловны:

— Кирилл Алексеевич! Милости просим подняться в буфет...

— Зачем в буфет?

— Все просят... Тут у нас маленькое мероприятие...

Лицо Ольги Денисовны выразило осведомленность.

— Пойдемте, пойдемте, — сказала она. — Это дело такое, нельзя обидеть людей...

— Хорошо, — ответил он в трубку, недоумевая.

И они поднялись в буфет.

Так и есть — сдвинуты несколько столов, накрыто на двенадцать персон или вроде того; учитель физкультуры, буйнокурчавый Костя Мишин, открывает бутылки.

— Просим, просим, — оживились учителя, стоявшие группками.

— А что такое, граждане? — спросил Назаров. — Сегодня на моем календаре ничего такого красного...

— Опечатка там! Врет ваш календарь и не краснеет! Сегодня «День директора», — весело разъяснила учительница французского, гибкая брюнетка в серебристом платье.

— Кирилл Алексеевич, это нормальная

операция по сближению с начальством, — говорил, работая штопором, физкультурник. — Помните? «Без глотка, товарищ, песню не заваришь!»

— Ну надо же отметить ваше назначение, — подхватила Эмма Павловна. — Чтоб все по-людски было, по-русски... Садитесь, где вам больше улыбается.

Марины здесь не было.

— Спасибо, товарищи. А кто инициатор?

— Так мы вам и сознались, — исподлобья глянула на него Эмма Павловна. Куда подевалась ее раздражительность, где следы той изнурительной борьбы, что вела она на уроке? Цветущая женщина во власти вдохновения, хозяйка стола...

Назаров оказался между Ольгой Денисовной и Алиной, которая сразу приняла на себя заботы о его тарелке.

— Все вооружились? Первое слово беру себе, — заявил физкультурник.

Но одновременно поднялся физик Сумароков, худой, неизменно корректный.

— Уступите его мне, Костя, — тихо попросил он, и тот безропотно сел.

— Простите, Кирилл Алексеевич, мой тост не за вас. Мне кажется естественным и необходимым сказать здесь, сейчас, о Серафиме Осиповне. Сколько лет она была хозяйкой этой школы? Тридцать два? Больше? Но стаж еще не заслуга, стаж и опыт часто бывают щитом, за которым — костность. У нее было не так... Без Серафимы Осиповны моя личная судьба имела бы совсем другую траекторию: я не остался бы тут, я тяготился школой... В особенности презирал девочек, считая, что они и физика — две вещи несовместные. И вообще разделял печально известное мнение, что когда нету дороги, идут в педагоги... Но была Серафима Осиповна, которая швыряла в корзину мои заявления об уходе. Она просила дотянуть до лета. И позаниматься отдельно с какой-нибудь бледненькой девочкой. И провести олимпиаду. И открыть кружок радиолюбителей. Я скрепя сердце соглашался, потом увлекался, а осенью все

повторялось снова. «Они разбили мне амперметр,— страдал я,— они дикари!» «Они сами смастерят тебе новый,— говорила она.— если вы друзья, конечно... А если нет,— бог с ним, с амперметром, это из твоих убытков наименьший...» Не знаю, возможно, у нее, как у директора, были свои упушения. Возможно, Кириллу Алексеичу не все у нас нравятся. Но учителем она была настоящим! А теперь в ее глазах потух свет... Я, естественник, отказываюсь понимать природу в данном случае: слишком несправедливо... Давайте, что ли, протелепатуруем в Одессу: поправляйтесь, Серафима Осиповна, желаем вам света...

Ни с кем не чокнувшись, физик глотнул из граненого стакана.

— Постоите, я хочу с вами...

Это появилась Марина: она незаметно возникла за стулом физика и теперь, блестя глазами, тихо говорила ему:

— Смотрите, как все оторопели. Привыкли вас видеть холодным, недосыгаемым... А я вас давно не боюсь! За «бабу Симу» — спасибо...

Она чокнулась с Сумароковым и села на дальнем от Назарова конце стола.

— За «бабу Симу», товарищи! Все у нее будет хорошо, филатовцы чудеса делают,— снова зашумел курчавый тамада: он не выносил мишора.— А теперь слово о новом шефе! Не знаю, как вы, товарищи, а я очень боялся, что нам назначат какого-нибудь замухрышку. Что, не так сказал? Сказал, как думал! И то, что поставили крупного человека,— это прямо подарок! Не скрою, Кирилл Алексеич, были у нас такие разговорчики, что школой руководить может только учитель со стажем, знающий все изнутри, и так далее... Но я бы так на это ответил. Диплом у Кирилла Алексеича — если кто не в курсе — такой же, как у нас с вами, это раз. Политработа в армии и в комсомоле дала ему закалку на все случаи жизни, это два. И не боги горшки обжигают, это три! Теперь такая вещь, как связи. Про товарища Назарова шептаться по углам не надо: у него, мол,

большие связи и где-то наверху «рука»... У него не «рука» — у него личный авторитет! И, конечно, для школы это сыграет свою немаленькую роль, тем более, мы новоселы и еще много чего может понадобиться... А что вы смеетесь, Марина Максимова?

— От удовольствия, Костя!

— Да? Ну тогда ладно... Но вы меня сбили! У меня главное было в конце... Или вы и так все поняли? — тревожно спрашивал он красного Назарова, пробираясь к нему, чтобы чокнуться.

— Я понял, благодарю! Но насчет связей — преувеличено.

— Как? Я вас видела на хоккее месяц назад, вы сидели рядом — помните с кем?

— Помню, ну и что? Случайность. Совпадение.

— Ой, Кирилл Алексеич, вряд ли!..

Это — втихомолку, а во всеуслышание звучало требование «француженки»:

— Костя, дайте ответное слово Кириллу Алексеичу!

— Я вовремя, если можно,— сказал Назаров.

Юля и Майданов находились в это время в комнатухе под названием «Радиозузел». Лицо у Юли заплаканное, жалкое, горестно-некрасивое.

— Нет, ты мне объясни,— требует она, морща лоб.— Я знаю, что бывает предательство, читала... Но чтобы собственная мама? Это же дикость какая-то...

— Значит, насолила ты ей,— говорит Майданов.— Вот удрала в день рождения... А она обижается, наверно. Она не работает?

Юля мотнула головой.

— Ну вот. Сидит дома, скучает...

— Теперь она еще не так заскучает! Мне бы угол любой и хотя бы пятьдесят рэ в месяц! Как это сделать? Как?

— Брось, Юлька... перемелется.

— Если не знаешь, что говорить, молчи! — крикнула она и расплакалась снова.

Он неловко погладил ее по голове.

— Слово Кириллу Алексеичу! — опять воскликнул женский голос.

— Товарищи, дайте человеку покушать спокойно, — заступилась за него Эмма Павловна. — Это ж не педсовет... Вот, ей-богу, Кирилл Алексеич, я дома с удовольствием всех принимаю, я это люблю... Прогри мне удаются, кто из наших пробовал, все в восторге. Но нет смысла возиться, сойдутся и сразу начнут «о родном заводе»..

— Но это же понятно, Эмма Павловна! — сказала Марина. — Здесь просто не получается — выключить станок и уйти...

Учительница французского языка застучала вилкой по стакану:

— Перегибашь, Маринка! Оставь нам времечко на личную жизнь!

— Вот именно! Только фанатики так могут рассуждать, — обиженно добавила Эмма Павловна.

— Перегибаю, согласна, — потухла Марина. — Это у всех по-разному.

Ощутилась неловкость. Осторожно, даже ласково высказалась Ольга Денисовна.

— Ну что же, это можно понять: личная жизнь учителя и неклассная работа совпадают. Только вот содержание этой работы...

— Что?

— Таинственно! Поделился бы с нами опытом, Мариночка, это же всем интересно... Считается, что ключ к десятому «Б» только у вас!

— Ну, это не так... И потом, такой ключ они дают сами, кому и когда хотят. И уж конечно, без права передачи.

— Товарищи, — уловив напряженность, встал Константин Мишин. — Я притащу музыку, а? Сейчас в самый раз.

И, посчитав молчание знаком согласия, исчез.

— Так мы вас слушаем, Мариночка, — мягко напомнила Ольга Денисовна. — Про ключ — это очень образно, мы оценили... А внеклассная работа?

— Ольга Денисовна! Да это и не работа вовсе... Это общение...

— Тем более. Почему-то по вечерам.

Почему-то не со всеми, а с какими-то избранными...

— А кто к вам ходит, Марина Максимовна? — страшно заинтересовалась Алина. — Алеша Смородин, да? Еще кто? Адамян?

— Не вспоминайте при мне эту фамилию!.. — вздрогнув, попросила Эмма Павловна. — Сегодня я его вышибла в присутствии Кирилла Алексеича!

— Адамяна Евгения? — удивился физик. — За что? Я ему как раз симпатизирую... Впрочем, лишаю себя права голоса: я дружен с его отцом...

— Дело не в симпатиях, — сухо заметила Ольга Денисовна. — Вообще выдворение из класса — это капитуляция перед учеником, есть прямая инструкция на этот счет... И давайте не говорить все сразу.

Долго молчавший Назаров обратился к Марине:

— Я поддерживаю Ольгу Денисовну: мне интересно про это ваше общение...

Она напряженно улыбнулась:

— Нет, правда интересно? Или это очередная инспекция?

— Марина Максимовна! Бог с вами! — всплеснула руками Ольга Денисовна.

— Нет? Ну простите... Только как это рассказать? Мой отец собрал неплохую поэтическую библиотеку двадцатых годов — вот с нее началось. Нет, вру, началось раньше и очень бурно: когда они открыли для себя Писарева и чуть что — дубасили меня аргументами из его антипушкинских статей! Это они «пировали» после умственной диеты, где все было недосолено, протерто... Мы спорили. Программа, конечно, подстегивала, и урок становился тесен. Чтобы доспорить, они стали приходить ко мне домой. Не знаю, нашли мы истину или нет, но знаю, что родилось у них доверие ко мне. Только с ним очень непросто живется. Приходится больше читать, больше думать... Стараешься не сфальшивить ни в чем. Когда они хотят определенности, уйти в кусты невозможно...

— Выходит, надо быть идеалом? — со смешинкой в глазах спросил Назаров.

— Представьте себе, нет — достаточно быть живым человеком. А это и есть, по моему, главная трудность нашей профессии...

Одна из учительниц вдруг крикнула:

— Главная трудность, что программа рассчитана на призовых лошадей каких-то, а не на реальных детей! Я сама по три часа готовлюсь к уроку!

— Товарищи, я просила хором не говорить! — укротила её Ольга Денисовна. — Мариночка, вы нам поясните насчет «живого человека». Как вас понять? Не все мы живые, что ли?

— Я так не говорила, зачем же... Я вожую про всегдашнюю мобилизацию души. Только это не напряженность, не стояние на цыпочках — совсем не то! Но тебя как бы просвечивают: что у тебя там за душой? И нельзя оказаться банкротом, стыдно! А главное — что и у них появилось такое же чувство, такая ответственность друг перед другом...

— А поконкретней нельзя? Что вы все-таки делаете с ними — читаете стихи? Слушаете музыку?

— Совершенно верно. Вот недавно выяснили, что им всерьез нужен Бах! Я сама не ожидала. А вообще все понятно из песенки, которую они сочинили сами, — там есть такие слова:

Сударь, когда вам бездомно и грустно,
Здесь распрягите коней:
Вас приютят и согреет Искусство
В этой таверне своей...

— А дальше? — спросила «француженка».

— Минуточку! — воскликнула Ольга Денисовна. — Все это хорошо, только вы там замените слово «таверна». Это в переводе на русский — трактир, кабак. Кто-нибудь решит, чего доброго, что у вас трактир для учащихся. Замените.

— Кто так решит?

— Да кто угодно... Достаточно заглянуть в словарь.

— А зачем туда заглядывать, Ольга Денисовна?

— Ну, Мариночка... сначала учебники, а теперь уже и словари в немилости?

— Себе надо верить, Ольга Денисовна, себе! И ребятам...

— Bravo, — поддержал ее Сумароков. — Но зря вы так реагируете, Мариночка. Вот уже поблднели...

— Потому что спор этот не вчера начался, Олег Григорьевич! Со мной же все время проводят работу под девизом «как бы чего не вышло»...

— Ничего странного. Сделал же Антон Павлович своего «человека в футляре» педагогом? Имел для этого основания, как ни грустно...

— И до сих пор имеет, вы сами видите... Ребята ходят домой к учителю, пьют там чай — «какой пассаж!» Сочинили песенку — «батюшки, не кабак ли там?!» Шлифуют свои убеждения, вкусы, учатся их отстаивать — «а зачем? а почему там, а не в актовом зале?»

— Перебор, Марина Максимовна, — сказал Назаров. — Я не слышал здесь таких нелепых вопросов...

— Они подразумеваются! — крикнула Марина.

— Стало быть, знакомьтесь: «человек в футляре» — это я. — Ольга Денисовна потемнела лицом и приложила руку к сердцу. — Наконец-то поставлены все точки над «и»... Спасибо, Мариночка...

— Пожалуйста!

— Опомнись, Маринка, пожалеешь! — крикнула «француженка» в панике, и другие тоже принялись гасить конфликт:

— Товарищи, товарищи...

— Господи, хотела бы я знать, на ком из нас нет этого «футляра»! Такая профессия...

Сказавшая последнюю фразу учительница зоологии, мигая под взглядом Марины, выслушала ее отповедь:

— Если я когда-нибудь соглашусь с этим, уйду из школы в тот же день! Лучше

мороженым торговать — честнее, по крайней мере!

— Зачем же прибедняться? — заговорила Ольга Денисовна, вращая и разглядывая на просвет стакан. — Прекрасно устроитесь в редакцию... Будете печатать «педагогическую раздумья», поучать нас, грешных...

— Не надо меня трудоустраивать! Я сказала: если соглашусь... А этого никогда — слышите? — никогда не будет. Правится мне моя работа, несмотря ни на что! Вот только смешно теперь сидеть тут, жевать, чокаться... Извините!

Она мотнула головой, стяхивая упавшую на глаза волосы. И ушла. Была тугостная пауза.

— Что скажете? — задрожал голос Ольги Денисовны. — Я же с ней по-хорошему, все свидетели... Почему вы молчите, Кирилл Алексеич? Теперь я не думаю, что ваше молчание золото, я скажу! Товарищи, да будет вам известно, что в этой самой «таверне» нам с вами дают ключики, разбирают нас по косточкам и назначают свою цену!

— Велика ли цена, интересно? — спросил Сумароков.

— Ольга Денисовна! — почти взмолился Назаров. — Что вы делаете, вы же умница...

— Я не умница! Когда меня оскорбляют, я не обязана быть умницей! Сносить такое в шестьдесят один год... От девочки! Она же от ребят ничего не скрывает, там полная окроенность, — значит, она их восстановит против меня! Как против Эммы Павловны...

— А я при чем? — Эмма Павловна медленно отклеила пальцы от лица и жалостно улыбнулась. — Это они меня разбирали? Да? По косточкам?

— Это я так сказала, в виде примера...

— Скажите, Ольга Денисовна... Ну по секрету, на ушко...

— Не могу я, не подставляйте мне свое ухо!

— Я не думала, что Марина на такое способна... — сказала одна полная учительница.

— Да, тот еще банкет получился! Кирилл Алексеич, наверное, в ужасе, — отозвалась «француженка».

— Да что за новость, друзья? — удивился Сумароков. — Прозвища!.. Я подозреваю, что, уходя от Сократа, его ученики говорили: «Сегодня старик был в маразме... Нет, просто на него так действует Ксантипа... Да бросьте, ребята, он говорил дельные вещи... А я не согласен: это пустая софистика...» Обязательно что-нибудь в этом роде произносилось! А иначе Сократ оставил бы не школу, не учеников, а кучку педагогов, не способных пойти дальше него... Простой закон диалектики, друзья!

— Вот как? Ну, значит, я к диалектике не способна! — вздохнула Ольга Денисовна. — Пусть меня уберут за это на пенсию... Пойду я... У меня внучка нездорова. Мне, в сущности, давно пора к ней. А вы не обращайтесь внимания, — она пошла к выходу, — веселитесь...

— Вот видите, вам хорошо говорить, — простодушно упрекнула физика Эмма Павловна. — Вы знаете, что вас не склоняли, вас-то они уважают...

Сумароков громко отодвинул стул и захромал к окну, возле которого курил Назаров.

— Да... Паленым запахло! — Физик потянулся сигаретой к его огоньку. — Кстати, информация к размышлению: мой приятель инженер Адамян написал письмо в газету. По велению души, так сказать. Тема: благодарное слово Марине Максимовне Локтевой за сына, за Женьку... Вдохновенно написано!

— А где эта газета?

— Нигде! Он стесняется посылать, чудак. Говорит: вот будет на руках аттестат и характеристика, тогда непременно. А пока могут не так понять...

— Он не чудак, — заметил Назаров. — Не так понять — могут.

Учитель физкультуры Константин Мишин раздобыл связку ключей и подбирал подходящий к двери с табличкой «Радио-

узел». Но дверь вдруг распахнулась сама, оттуда вышли Юля Баюшкина и Майданов, как-то рассеянно реагируя на Константина Мишина. В руках у Юли был магнитофон.

— Вот! — обрадовался Мишин. — А я и в актовом зале искал, и в пионерской, и везде... Баюшкина, куда понесла музыку? Там что-нибудь умеренно-современное найдется?

Майданов делкатно отодвинул его:

— Константин Иванович, это ее личная вещь.

— А-а... Ну и что? Проявите сознательность, учителям надо поразмяться...

— Не можем, Константин Иванович, — сухо ответил Саша. — Не до этого...

— То есть как «не до этого»? Вам не до этого, а нам в самый раз... Баюшкина, я кому говорю-то?

У перил он взял Юлю за руку, — она поглядела на него диковато, отсутствующе. В этот момент снизу появился Алеша в распахнутом пальто: за ним следовали Женя Адамян и дважды пообедавший и прижмнувшийся из любопытства Колчин.

— Юля... магнитофон дай мне, пожалуйста. Я потом объясню, — сказал Смородин.

— А я сейчас объясню, — обиженно возразил Мишин. — Его просят двенадцать человек учителей. Банкет у нас, понятно? — Дай мне, Юля, — напряженно повторил Алеша.

— Смородин, а пу кончай торговлю, — возмущился Константин Иванович, — вот еще новости... Я учитель, а ты кто? Баюшкина, миленькая, ну? Это на час-полтора, не больше... Я тебе за него отвечаю! Вот спасибо...

Аппарат незаметным образом оказался у него.

— Отдайте, Константин Иванович! — Майданов загородил ему дорогу.

— Может, ты в драку со мной полезешь?! — побагровел физкультурник. — К дружкам своим бритоголовым захотел?

Майданов засунул в карманы кулаки и отвернулся.

В буфете Мишин застал тишину.

— Что это вы? Заскучали? — спросил он потерянно. — Эмма Пална, а те три бутылочки «Алиготе», которые в резерве?

Она не ответила.

— Откуда это у вас? — спросил, заметив магнитофон, Назаров.

— У ребят взял, у Баюшкиной... Еле отбил, такие собственники оказались — жуткое дело!

— А как магнитофон оказался у них?

— Я не знаю... Так чья вещь-то? — не понимал Мишин.

Назаров распахнул дверь — за ней молча, угрожающе стояли Юля, Майданов, Смородин, Адамян, Колчин.

Марина подоткнула одеяльце, поцеловала Антона:

— Больше ты меня не зовешь, договорились? Спишь, да?

— Сплю!

Но стоило ей выйти в другую комнату, как он позвал ее.

— Опять!

— Мама, спокойной тебе ночи, доброго тебе стирания и доброго мытья посуды!

— Спасибо! — засмеялась она. — Только мы уже распрощались, больше ничего не придумавай...

У нее действительно было запланировано «доброе стирание»: накопилось порядочно. Она замочила в ванне белье. Сквозь шум воды не сразу услышала, как звонят в дверь. Открыла и не смогла спрятать удивления: у порога стоял Назаров.

— Разрешите?

— Прошу...

— Что, очень странный поступок?

— Почему же? Вероятно, приехали вправлять мои вывихи... А где ваше пальто?

— А у меня печка в машине. — Он прошел за Мариной в комнату, держа за ремешок магнитофон в руках, сведенных за спиной. Стал разглядывать эстамп, изображающий Чарли Чаплина, большой фото-

портрет Улановой-Джульетты, статуэтку молодого Маяковского и во множестве — Автошкины снимки...

— Похож на вас парень.

— Да, я знаю.

— А это — брат ваш? Или друг? Хотя любопытной Варваре, как известно, нос оторвали...

— Это Юрий Николаевич Тынянов... Чаю хотите?

— Спасибо. Я этим банкетом сыт.

Чуткая настороженность была в Марине и передавалась Назарову. Или наоборот?

— Знакомая вам вещь? — спросил он вдруг и водрузил на стол магнитофон.

— Это чей же? Не Юли Баюшкиной?

— Именно. Знаете что? Об этом — после. Начнем сначала. — Он отодвинул от себя магнитофон и накрыл его газетой. — Договоримся так: я пока не добрый, не злой, не прогрессивный, не реакционный. Я — только человек, желающий разобраться. И допустим даже, что во мне всех в т а м и н о в хватает, какие человеку положены...

В дверях вдруг появился Антошка, зажмурился после тьмы от света:

— Здравствуйте, вы кто?

— Привет! Я большой начальник, а ты?

— Антош, что это такое? — встала Марина, придав своим глазам максимум строгости, извинилась наспех и вышла, чтобы вернуть его в горизонтальное положение.

Назаров осматривался.

Темнело быстро. На горке, на детской площадке, где прогуливают днем Маринино Антона, сейчас двое под медленным снегопадом — кажется, одни во всем дворе.

Юля села на заиндевевые качели, Майданов принялся раскачивать.

— Так теплей?

— Вроде бы.

— Ну дождемся мы, он уедет, и что? Ты наприснишься туда ночевать? А если она не пустит?

— Она не сможет захлопнуть передо мной дверь...

— А я ждать не заставляю, я сразу говорю: пошли ко мне.

— Опять двадцать пять. Сам иди, тебе давно пора.

— Да в кухне я буду, сказал, в кухне! Раскладушка есть, а мать у меня женщина спокойная. И накормит, и постелит, и ни одного вопроса не задаст.

— Я верю, Сашенька, верю. И завидую, что тебе так повезло.

Они замолчали и снова уставились в окно на четвертом этаже. Оно светилось, и там то вместе, то поочередно возникали два силуэта — мужской и женский.

— А чего они обсуждают? Нас, что ли? Ну и профессия, елки-палки... И ты ее выбрала? Сама?

Юля кивнула. Майданов подивился и снова приступил к уговорам:

— Сюда твои предки будут всю ночь трезвонить: «Отдайте дочку!» Так? А у меня еще одна выгода: телефона нет.

Юля еще раз покачала головой. Скрипели качели...

— Я с тридцать пятого года, — вдруг сказала Назаров. — Старше вас, следовательно, на самое первое детство плюс Отечественную войну...

— Это к чему же такое предисловие?

— Не надо сбивать, Марина Максимовна, — я сам собьюсь. Так вот. Родился в Ленинграде. Отец был флотский офицер: кортик его я не мог ни забыть, ни перепутать. А мать, кажется, учительница и, кажется, словесности... Но это смутно. Вот. Свое семилетие я встречал уже один на свете — и не в Ленинграде, а в лесах Новгородской области. Странно? Да нет, не странно, много было детей, которых из блокады вытащили, а из войны — не смогли. В общем, побывал я на войне в роли сына полка. Это, конечно, образное выражение, потому что, во-первых, не полка, а дивизионного медсанбата, а во-вторых, все дело

тут в конкретном человеке. В санитарке Назаровой Наде. Она оставила меня при себе, кормила, берегла от войны,— короче, усыновила. В год победы, когда вы родились, я привыкал к ее деревне, к дому, к ее мужу, сержанту Назарову, саперу. Он был вспыльчив, мой новый батя, суров, но склопотать от него затрещину пельзья было — он вернулся к маме Наде без рук... Всего не расскажешь. Я мечтал о Суворовском училище — эгоистически мечтал: ведь мои две руки в этой ситуации очень не лишние... И все же я был зачислен в Суворовское под новой фамилией. Жизнь получила русло, понимаете? И даже смысл. А ведь хотела уйти в песок — никому не нужна была потому что... А вот ей, Назаровой Наде, крестьянке, зачем-то понадобилась!.. Когда я, уже офицером запаса, уселся на студенческую скамью, из дому ежемесячно приходили две-три «красненькие» да зимой сало, да осенью яблоки... Мельчу я, наверно... То-есть, для вас это мелко все — откуда вам знать, чем были для них эти посылки? Неинтересно?

— Почему же? Но, по-моему, у вашего рассказа есть какая-то цель, а я не понимаю.

— Тогда бесцельно послушайте! Полгода назад мама Надя овдовела. Продала дом и приехала сюда — старушка с двумя узлами и сундучком. И вот мы живем... Сегодня утром моя дочь — ее тоже зовут Надя, она в шестом классе — говорит: «Бабушка, меня тошнит от этих твоих «наскрозь», «магазин», «нопче» и так далее... И стыдно тебе губами шевелить, когда читаешь,— я, говорю, со второго класса не шевелю...»

Он замолчал, выжидательно глядя на Марину.

— А вы что?

— Я-то? Я вас хочу спросить: почему наша молодость так безжалостна бывает, так неблагодарна? Почему наша образованность так... некультурна, если я верно понимаю это слово — «культура»?..

— Вот вы о чем... — пробормотала она: ей казалось, что она видит его впервые.

— Да! Я, наверное, не смог бы написать сочинение «Почему провалился „Гамлет“?» Я, может, не понял бы, что постановка плохая... Но зато я помню, что в этой пьесе говорится про связь времен. Говорится?

— «Порвалась дней связующая нить, как мне обрывки их соединить!» — тихо прочла Марина.

— Вот-вот. Нельзя, чтоб она порвалась, правильно? Ни на один день нельзя допустить! А вы допустили сегодня... И мне морoka теперь — обрывки соединять! Тридцать пять лет учительствует Ольга Денисовна. Тридцать пять лет объясняет базальные истины — да, по учебнику, да, по словарю, да скромненько, без затей... Фундамент закладывает. Порядок соблюдает во всем — в мозгах, в классах, в коридорах... А вы, благодаря этому, можете рассуждать с вашими поклонниками о материях красивых и тонких...

— С кем?!

— Виноват, отставить. С поклонниками вашего таланта — так можно? Я прошу и меня числить среди них.

— Будет вам издеваться!

— Нет-нет, я серьезно. Талант наличествует! И надо отдать должное Ольге Денисовне: она его видит, верит в него. Первым долгом сообщает про вас: одаренный человек, ребята ее любят, поаккуратней с ней надо...

— Кому это она говорила?

— Мне. Сегодня. Честное слово.

Он подождал: может быть, Марина скажет еще что-нибудь. Нет, она молчала. Ее шея сейчас была слабой, и казалось, что ворот черного свитера велик ей на несколько размеров.

— Я не тороплю вас, вы подумайте,— сказал он тихо и пошел к двери. Но там вспомнил о магнитофоне: — Да! Что касается этого... то я на вас никаких материалов не получал. И без того работы хватает... — Раздраженно, но не очень уверенно, словно наугад, он повернул один рыча-

жок, другой — и поставил-таки аппарат на стирание. Кассеты вращались бесшумно.

— Помню,— сказала Марина,— это про Эмму Палну... Вы думаете, я не имела права...

— Конечно, не имели. Это я даже обсуждать не хочу.

— Но когда ребята спрашивают в упор...

— Марина,— перебил Назаров, обойдясь почему-то без отчества.— У кого установлен талант: у вас или у меня? Пока только у вас. В чем он состоит? В том, чтобы научить детей жить в обществе, я так понимаю...

— Хотите сказать, я сама не научилась этому?!

— Спокойно! Гордость — в карман. Такое наше дело — учить и учиться одновременно... А что касается Эммы Павловны... Ну, заблудился человек, не туда попал. Это как если бы вас сделать дипломатом. Представляете, какая угроза миру?

Ее губы дрогнули, попытавшись улыбнуться.

— Я часто думаю,— вздохнула она,— может, это нелепая претензия — хотеть, чтобы они смотрели на нас, запрокинув голову, снизу вверх? В девятых классах, в десятых... Мы же не Королёвы, не Ландау, не Шостаковичи! Ну не получается снизу вверх — очень выросли ребята, акселерация! Значит — что? Значит, или не претендовать ни на что особенное... или тянуться выше, расти самим! Ведь не потому же я выше их, что они сидят, а я стою на уроке!

— Ну?

— Вот вам и «ну»! — совсем как девчонка огрызнулась она.— Когда вдумываешься, какая у нас работа, ведь жутко бывает, иногда прямо взмолишься: чтоб послал кто-нибудь ума, храбрости, терпения!

— Вам уже послали, я узнавал,— самым серьезным и доверительным тоном пошутил Назаров и нажал в магнитофоне клавишу «стоп».

Двор. Здесь все так же мерзнут Юля и Майданов. Но теперь с ними рядом — Смородин, Адамян и Колчин.

Колчин вдруг заявляет:

— Несправедливо. Я уже два раза обедал, а вы — ни одного.

Алеша засмеялся, потом сказал Юле:

— Действительно, Юль, давай домой. Ты уже сивья, и это упрямство ничего не решает...

— Если надо, я могу за всех вас постоять,— развивал свою мысль Колчин.— Я только не пойму, чего мы такие пассивные. Надо заступиться? Так давайте зайдем и скажем, что надо. А так стоять...

— Мы же не знаем, какой там разговор,— сказал Майданов.— И вообще, Колчин, ты откуда взялся?

— Я? От соседки. Я у нее второй раз обедал...

Все рассмеялись, и тут из парадного вышел директор. Направился к «Москвичу». Заметил ребят.

— Это вы? На страже чего стоите?

Они молчали.

— Баюшкина, ты вот что... Магнитофон свой возьми и скажи маме: спасибо, он не пригодился... Передашь?

— Да.

— Следовательно, и похищать его у меня было не только опасно, но и бессмысленно!

Пауза.

— Что-то я еще собирался сказать? Да! Хочу прочесть ваши последние сочинения на вольные темы. Дадите?

— Вы директор,— сказал Адамян.— Прикажете — сдадим!

— Ты не понял...— Назаров, несколько уязвленный, отвернулся и увидел, как в арку дома въехал такси, как неуверенно миновало один подъезд, другой...— Баюшкина, твоя мама легка на помине.

— Где?! — Юля спряталась за майдановскую спину.— О, черт!

Из машины вышли Баюшкины, муж и жена. Они свернулись с бумажкой и отыска-

ли нужный подъезд. Стоящих на горке они в темноте не разглядели.

— Вот видишь, — пробубнил Майданов. — Довела их до этого.

Назаров двинулся к парадному, в котором скрылись Баюшкины:

— Надо, братцы, взять огонь на себя. С Марины Максимовны хватит на сегодня!

— Нет, Кирилл Алексеич, — воспротивился Алеша. — До каких пор Юльке вешать свои проблемы на других?

— Баюшкина, прими меры! — потребовал Адамян.

Юля сверкнула глазами:

— Сама знаю, не подсказывайте! — И побежала с горки.

В парадном она запрокинула голову и услышала:

— Тебе заходить не надо, я сам, — хмуро

говорил отец. — Ты уже свое дело сделала...

— В каком это смысле? — на высокой ноте спросила мать.

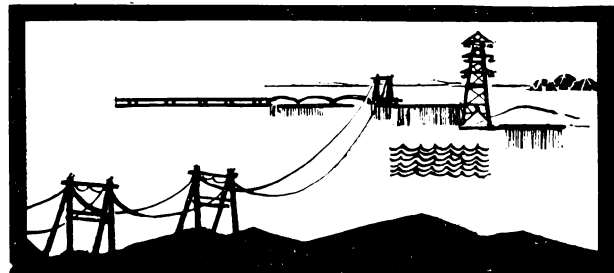
Юля не дала им доспорить, крикнула: — Папа! Спускайтесь... Я здесь!

Всклипнула, запричитала, зацокала по ступенькам мама...

Конвоируемая родителями, в молчании Юля влезла в такси, утвердив магнитофон на коленях. У Клавдии Петровны опухли глаза, она покусывала кончик промокнувшего носового платка.

— Теперь обратно, пожалуйста, — сказал шоферу отец, пряча от дочки глаза.

Развернулись, обогнули директорский «Москвич»... Через заднее стекло Юля не махала прощально, она лишь успела порадоваться тому, что оставляет своего Майданова в хорошем обществе...

*Анна Дмитриевна
Леонид Дягаченко*

ЗЕНИЦА ОКА

АШИМ ДЖАКЫПБЕКОВ (родился в 1935 году) окончил Киргизский Государственный университет. Член Союза писателей СССР, автор ряда сборников рассказов и повестей. В соавторстве с В. Соколом и Ю. Соколом им написан сценарий «Алые маки Иссык-Куля» (режиссер Б. Шамшиев, киностудия «Киргизфильм»).

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ ДЯДЮЧЕНКО (родился в 1934 году) по профессии геолог, участник многих экспедиций на Тянь-Шань и на Памир. Л. Дядюченко автор нескольких поэтических сборников, очерков и повестей. Член Союза писателей СССР. По его сценарию режиссер Ю. Борецкий в 1973 году поставил фильм «Водопад» на киностудии «Киргизфильм».

По литературному сценарию А. Джакыпбекова и Л. Дядюченко «Зеница ока» фильм ставит на киностудии «Киргизфильм» режиссер Геннадий Базаров.

Летит самолет. Летит над неоглядным, вслистым одеялом облаков. Только небо. Только солнце. Только плоскость крыла с двумя сверкающими дисками пропеллеров и сплошная, как белая кошма, облачная рябь. Кажется, этот полет над пустыней неба будет длиться вечно.

Эркин смотрит вниз. Белая пустыня. И ничего больше. Яркий свет, от которого больно глазам, и только. Эркин морщится и закрывает глаза.

Вот он, отец! Но как смутно его видно! Перед зрением памяти—словно выпцветшая фотография, словно отражение в воде, по зеркалу которой ветер погнал легкую рябь.

Вот отец среди односельчан. Он говорит с ними, а о чем — не разобрать. Он смеется их шуткам, а сам смотрит в сторону, туда, где, наверное, должен был бы стоять Эркин. Хочется подойти ближе, услышать, о чем он говорит, рассмотреть его освещенное солнцем лицо, а никак не получается. Как во сне. Но ведь это и есть сон!

Вот отец с кетменем в руках. Взмах — и над головой вспыхивает отполированное до зеркального блеска стальное солнце, насаженное на черенок. Удар — и земля летит вверх, комьями и пылью, только удара не слышно, все легко и беззвучно и подернуто дымкой. Рядом, по откосу арыка, работают люди. С кетменями и носилками. С лопатами и кирками. Это односельчане, но их лиц тоже не разобрать, как не различимо лицо отца. Но это отец. В этом нет сомнения.

А вот отец на коне. Он едет вброд через горную речку, такую сильную, что вода ставит лошадь на колени. Или лошадь просто споткнулась? Отец натягивает поводья, весело кричит, но крика не слышно. Лошадь идет к берегу, а берег не приближа-

ется, он словно отодвигается вместе с Эркином, и над глянцевыми валунами беззвучно режут седые буруны.

Эркин открывает глаза. Он трогает соседа за плечо и выбирается из кресла. Через весь салон идет к туалету, глядя только вперед. Толкнул створки, заперся, с облегчением откинулся к холодному металлу. Никого! Хотя мгновение побыть одному! Снял пиджак, сорвал галстук, сунул голову под кран, под прохладную струйку. Вытерся носовым платком и снова стоял, прижавшись к металлической переборке. Только настойчивый стук вынудил его выйти в салон.

— Простите,— сказал Эркин чуть не сбившей его с ног даме с гигиеническим пакетом у рта,— виноват...

Через весь салон — на свое место. Сквозь любопытные и равнодушные взгляды, мимо спящих и читающих, мимо полков со всяческими покупками и московскими подарками.

— Простите,— говорит Эркин.

Его соседи неловко поднимаются и Эркин протискивается на свое место.

Эркин смотрит на облака, а видит другое и думает о другом. Он снова видит отца.

Отец садится в газик. Газик медленно трогается, через открытую дверцу отец смотрит назад, на остающихся, на Эркина. Газик скользит по улице, но отец не удаляется, кажется, его ничего не стоит догнать, а догнать нельзя. И нельзя как следует рассмотреть отца, который, приоткрыв дверцу машины, все оборачивается назад...

— Граждане пассажиры,— оживает динамик над головой, возвращая Эркина в мир реального,— через несколько минут

вам будет предложен обед. Просьба привести спинки кресел в вертикальное положение и приготовить столики. Сейчас под крылом нашего серебристого лайнера остается граница Европы и Азии — река Урал.

Эркин смотрит в иллюминатор. Все та же белая пустыня облаков, все то же солнце, преломленное в сверкающих дисках пропеллеров.

Эркин вертит в руках тщательно упакованный в целлофан ломтик ржаного хлеба. Он разглядывает его, словно видит впервые, — хлеб в целлофане! Сдирает обертку, зло ест. Только хлеб, забыв про все остальное. Эркин смотрит сквозь стекло. Нос корабля плавно устремляется вниз, самолет медленно погружается в облачность. Солнце меркнет, его раскаленный шар тоже тонет в облаках, в салоне темнеет, и теперь в иллюминаторе не видно ни зги.

Эркин увидел их сразу, едва сошел с трапа и приблизился к перрону. Да и трудно не узнать — молчаливая, сумрачная группка мужчин среди оживленно праздничной толпы встречающих. Они двинулись ему навстречу. Впереди шел незнакомый Эркину высокий старик в вельветовом чепкене. Обняв Эркина, он в голос зарыдал.

— О Эркинтай, крепись, сынок. Для того ли я прожил свой век, чтобы привести эту черную весть?

Высокие горы. Черные полосы скал, белые полосы снегов. Черное и белое. Белое и черное. Полосатые столбики дорожных ограждений вдоль вороненной ленты асфальта, наброшенной на горы. Поворот за поворотом, подъем за подъемом. Стылое, неприятное безлюдье, безмолвие в газике, устремленные вперед лица ушедших в себя людей, в ту беду, что собрала их в этой машине. Иногда они перекидываются взглядами, обрывками ничего не значащих фраз и снова умолкают.

Сидящий позади пожилой усатый здоровяк трогает шофера за плечо. Машина сворачивает к обочине, останавливается. Все вылезают, разминая затекшие ноги. Здоровяк вытаскивает из машины небольшой чехол, ставит его на плоский камень, извлекает куски мяса, боорсоки и лепешки, бутылку водки. Эркин поднимает свой стакан, кивает головой, словно благодаря за сочувствие, и отставляет в сторону. Остальные пьют, молча закусывают.

Снова дорога и крошечный зеленый коробок машины, затерянный среди этих безлюдных гор. Все реже села, все глуше и выше горы, тонущие в космах сырого весеннего тумана. Из этого тумана, за очередным взлетом дороги появляется село Мин-Булак. Типичное село тяньшаньской глубинки: широко разбросанное по обе стороны дороги, с обязательными тополями, с домами, то новыми, так называемыми «плановыми», под шифером и с террасами, то обычными глинобитными мазанками, с дымами над плоскими крышами. Промелькнула колхозная контора, заметная по ярким плакатам и транспарантам, мастерские, с торчащими над дувалом тракторами, косилками, комбайнами, куцый рядок похожих друг на друга магазинов с коновязью перед ними, белый прямоугольник школы на высоком речном берегу.

Эркин неотрывно смотрит в окно, он весь как натянутая до предела струна — рвани посильней, и она лопнет.

Машина свернула в боковую улицу, показался дом. Несколько лошадей у коновязи, несколько «газиков» и «волг», группка людей перед настежь распахнутыми воротами... Видно, что люди уже расходятся, мальчишки тащат стулья, скамейки, двое парней пронесли стол.

Эркин в замешательстве оглянулся на своих спутников, вылез из машины. Кто-то услужливо взял его под руку, спутники прикрывали платками сухие глаза.

Из дому выбежал мужчина лет пятидесяти, обнял Эркина и громко заплакал, запричитал:

— О, мой дорогой, как ты опоздал! Лишились мы Шатмана! Упало наше с тобой знамя!..

Это был дядя Сарымсак.

Эркин поднялся на крыльцо, переступил порог. Дом выстужен, везде следы беспорядка, мебель сдвинута, на полу валяются еловые ветки. Эркин вошел в спальню. Здесь, в неярком свете занавешанной лампы, молчаливо сидели женщины. Вскочила младшая сестра Анар, обняла, залитым слезами лицом уткнулась ему в грудь. Подошла старшая сестра Зуура со спящим ребенком на руках. Опухшие глаза ее, казалось, осуждающе смотрели на Эркина. Эркин мягко отстранил Анар и протянул руку Зууре. Но она не подала своей, а указала вглубь комнаты, где лежала мать. Эркин поспешно подошел к матери. Просто-волосая, седая, сломленная внезапно обрушившимся горем Асылкан лежала на высокой кровати и смотрела на сына. Вокруг нее суетились женщины, озабоченная фельдшерца.

— Не успел, сынок,— Асылкан подняла голову и, обняв одной рукой Эркина за шею, поцеловала его в лоб.— Так и не дождался тебя отец...— Она откинулась на подушку, беззвучно заплакала...

Эркин обнажил голову. Он стоял перед могилкой, укрытой грудой венков и лент, но на могилу не смотрел, будто все еще не веря, что она, эта могила, есть. Сарымсак перекалывал венки, расправляя ленты. Наткнулся на разбитую пилу, которую кто-то положил на могильный холм. Сарымсак поднял ее, повертел в руке.

— Что за люди,— проворчал Сарымсак,— дрянь всякую...

Эркин поднял глаза:

— Оставьте. Пусть.

Сарымсак разогнулся, посмотрел на Эркина, на пилу, отряхнул руки.

Они вышли с кладбища. Сели в поджидавший их газик. Эркин был безучастен,

погружен в себя, с трудом слушал то, что говорил ему дядя Сарымсак.

— Эркин, дорогой, здесь ты хозяин. Но пока тебя не было, пришлось распорядиться мне. Твои сородичи и друзья собрали деньги. Придет время, и мы ответим тем же. Я, твой единственный дядя, внес пятьсот... Ты сам-то с чем приехал?

— Об этом ли было думать?

— Эх ты, племянничек мой. Тебя послушать, давно посмешищем стали бы... Ну ладно. Для поминок я приготовил водку, коньяк. Вчера зарезали одну кобылицу. Но народу много было, да и сегодня приезжают. Может, придется зарезать еще одну...

— В этом все дело?

— Вот,— сказал Сарымсак,— опоздал, теперь так говоришь... А народ очень доволен. Таких похорон Мин-Булак еще не видел. Что же, Шатман был знаменит на всю республику. Да и тебя знают. А славе — достойные почести...

Газик подъехал к дому.

— Ну, пойдем к людям,— сказал Сарымсак.

Совсем стемнело, в сумраке неясно белели еще неубранные столы. Свешивалась с ветки яркая лампа-переноска, дотлевали под опустевшими казанами коряжистые головешки. Теперь за столом сидели лишь родственники, да близкие знакомые, да те, кто помогал принимать и угощать людей, да те гости, которым если что и не под силу, так это, наверное, подняться из-за стола, на котором еще что-то есть. Люди сидели так, как будто только что кончили трудную, ответственную работу и вот теперь — отдыхают. Отдыхают, отдавая должное памяти Шатмана и — не в меньшей мере — щедрой еде. Кто-то рассказывает какую-то забавную историю, кто-то смеется. Все правильно. Так и должно быть. Нельзя жить одним горем, жизнь идет своим чередом.

— Э, дорогие, что горевать! Шатман был

счастливым человеком, и у него получалось все, чего бы он ни захотел.

— Дай бог каждому такую смерть!.. Сколько почета, уважения!

Эркин осторожно выбрался из-за стола. Нет, его даже никто не оставил. Может, постеснялись, может, не заметили — каждый был занят своим соседом, разговором, своими думами. Эркин поднялся на крыльцо, вошел в дом, приоткрыл было дверь спальни, но оттуда высунулась фельдшерница, предупреждающе прижав палец к губам.

— Не входите, мы только-только ее успокоили, пусть отдохнет.

Эркин повернулся, вышел во двор, но к столу уже не вернулся. Он стоял под яблоней, прислонившись к её стволу, глядя из темноты на позднее застолье.

— Наш председатель, наш Шатманаке,— кто-то произносил очередной тост,— был очень большой человек. И очень скромный. Он не гнался за чем-то необыкновенным, нет. Всю жизнь прожил он здесь, в Мин-Булаке, отдав всего себя той земле, на которой был рожден... Эта земля будет помнить его вечно...

Кто-то тронул Эркина за рукав. Эркин обернулся. Это был Сарымсак.

— Эркин, мой мальчик,— Сарымсак замялся.— Я понимаю, сейчас не время, но мне очень нужно с тобой поговорить. Такое горе... такое горе... А жизнь берет свое. Такова жизнь... Все спешат... Иной раз только на похоронок родня и соберется. А ведь мы с тобой коллеги... Правда, ты не очень высокого мнения о том, что я делаю...

— Дядя... Прошу вас, идите к гостям.

Эркин вышел со двора, отвязал от дегрева первого попавшегося коня, сломал хворостину.

Вскоре он был у почты. Бросил повод на шпакетник, тяжело поднялся на высокое скрипучее крыльцо.

— У вас Москву можно заказать? — спросил он у дежурной, совсем молоденькой, смутившейся под его взглядом девушки.

— Москву? — удивленно переспросила девушка.— Я сейчас узнаю, агай, вы садитесь. Алло, район, район, дежурная, попросите у Фрунзе Москву, район! По номеру!

Три шага от барьера до стены с открытками, три шага от стены с открытками до барьера. Эркин меряет шагами почту. Дежурная за барьером. В одной из кабин — целая семья поздравляет своих родственников с каким-то семейным торжеством, наперебой выкрикивая в трубку всяческие пожелания и приветы.

— Агай, по срочному будете говорить?

Эркин бросился в тесную клетушку, захлопнул за собой дверь. Говорить трудно, очень уж шумно и весело в соседней кабине.

— Алло, Москва! — закричал он, прижав трубку к уху.— Саша! Саша! Ты меня слышишь? Саша!

— Да, Эрик,— раздался в трубке неожиданно ясный и негромкий голос.— Что случилось? Почему ты мне ничего не сказал? Ты меня слышишь? Как дела?

— Плохо,— сказал Эркин и заплакал, впервые за весь этот день.— Плохи, Саша, дела.

Так больше ничего и не сказав, он повесил трубку, торопливо вышел на улицу, вскочил в седло. Выехав за село, погнал коня в галоп. Замаячили горы. Вокруг не было ни души, и Эркин вдруг запел срывающимся от рыданий голосом. Гулко простучали копыта по мокрым бревнам моста. Остервенело залаяли сторожевые собаки, бросившись от ворот кошары под ноги коню.

Эркин въехал во двор. На высоком столбе качался на ветру электрический фонарь, и желтый конус метался по всему двору.

Из кошары выглянул человек в кудей меховой безрукавке и в серой ушанке, сбитой на затылок. Он даже не удивился, узнав Эркина. Просто принял повод лошади, сам ослабил подпругу.

— Ты извини, что я не пришел. Окот у меня.

— Э, Джекшен,— позвал из кошары женский голос,— иди скорей, с кем ты там?

— Видишь как,— сказал Джекшен,— овцам все равно, умирает ли кто, живет... Я был на похоронах... Плохо, что ты не успел.

— Опоздал,— сказал Эркин.

— Я понимаю, далеко.

Из кошары выглянула женщина.

— Здравствуй, Айша,— сказал Эркин,— это я.

— Эркин? — удивилась женщина, выглядываясь в его лицо.— Как ты вспомнил о нас? В такой день!

— В такой день только и вспоминать...

Они вошли в кошару. Пожилая сакманщица возилась с только что появившимся на свет ягненок, и ей надо было помогать. Да и кругом работы было много: окот шел дружно и сакманщицы буквально сбились с ног.

— Помочь? — спросил Эркин.

— Э,— отмахнулся Джекшен, не прекращая работы,— какой из тебя сакманщик! Как ты еще на лошади усидел? Не забыл?

— Извини, что так принимаю. Сейчас чаю попьем.

— Какой чай!

Джекшен понимающе кивнул головой.

— Вот так, Эрик. Только позавчера был у нас твой отец... Вот тут стоял... Шутил, смеялся...

Эркин повернулся, вышел из кошары. Подошел к домику, стоящему возле кошары, открыл дверь. Под потолком горела лампа, стучали часы, на полу вдоль стены были расстелены кошмы, одеяла, тулупы. Эркин открыл дверь во вторую комнату. Настольная лампа неясно освещала спящих детей. Эркин осторожно прикрыл дверь, снял пальто и, тяжело опустившись на ширдак, закрыл глаза.

Скрипнула дверь, тихо вошла Айша. Села рядом с Эркином, взглядела в его лицо. Он открыл глаза, они встретились взглядами и долго смотрели друг на друга. Молчали.

— Ты хорошо выглядишь,— сказал Эркин.— А живете как?

— Хорошо,— сказала Айша.— Младший приболел недавно, а так хорошо... А ты?... Ты изменился.

— Постарел?

— Немного.— Айша кивнула головой.— Но тебе идет. У тебя есть кто-нибудь? Прости, о тебе разное говорят... Я даже не знаю, женат ты, нет?

— Дай водки,— сказал Эркин,— у вас есть водка?

— Кажется, есть,— сказала Айша,— брат недавно приезжал к Джекшену, Асылбек. Помнишь его?

— Нет,— сказал Эркин,— я и своих двоюродных перезабыл, выросли все.

Айша принялась торопливо накрывать дестархап.

— Что будешь делать, Эркинтай? — спросила она.

— Не знаю,— ответил Эркин,— не знаю. Хоть забирай мать в Москву.

— И-и-и, разве она поедет!

— В том-то и дело!

— Ты не жалеешь, что живешь так далеко?

— Жалею. Как не жалеть? Иногда иду и горы высматриваю над крышами. А их нет...

— Все же тебе там хорошо, раз не возвращаешься?

— Айша, для меня это одно, понимаешь? То или это — я не разделяю. Отними одно легкое — задохнусь наполовину. Отними одну руку — превращусь в калеку. Пропаду.

Вошел Джекшен. Сбросил ватник, усталю опустился на ширдак рядом с Эркином.

— Выпьешь с Эркином? — спросила Айша.

— Считайте, что уже выпил...— Джекшен покачал головой.— Совсем замотался... О чем вы тут?

— Все о том же,— сказал Эркин,— Айше в любви признаюсь...

— А-а-а,— сказал Джекшен, принимая

из рук Айши пиалу с чаем,— слушай, я прошлый год чуть к тебе не приехал. Я ведь ни разу в Москве не был.

— И что? Что ж не приехал? Правда, хотел приехать?

Джекшен махнул рукой:

— Мне замены нет. На кого оставить? Ты сам часто приезжаешь в Мин-Булак? ..Чай отставлен, оба они засыпали. А Айша сидела и смотрела на них двоих.

Отгромыхал под копытами мост, негромкий плеск еще не набравшей силу речушки стих за первым же поворотом.

Сарымсак и Эркин едут вниз по дороге, удаляясь от кошары Джекшена. Джекшен стоит у ворот и смотрит им вслед.

— Всех оставить, уехать... Нехорошо получилось. Я как старший должен тебе это сказать!.. Ты не в Москве, здесь каждый шаг на виду! Или ты на что обижен? Тогда скажи!

Сарымсак был недоволен. Он поигрывал камчой и смотрел в сторону.

— Какие обиды? — ответил Эркин. — Скажи, почему я должен высидживать до конца, если кто-то не может оторваться от стола?

— Вот-вот. Люди пришли почтить память твоего отца, а ты норовишь их обидеть. Не нами придумано, не нам отменять. А пока ты все-таки нашего роду, пока я брат твоей матери и прихожусь тебе дядей, я прошу: не заносись.

— Я не заносусь.

— Тогда зачем... Ну, хорошо, устал. Сейдахмат живет рядом, почему к нему не зашел? Кто они тебе, эти Джекшен, Айша?

— Это мои школьные друзья. Мы редко видимся.

— А-а,— досадливо махнул рукой Сарымсак,— это смешно. Рядом с тобой сидели люди... Очень большие люди... Ты даже не знаешь, как может пригодиться это знакомство! И ты уехал от них. И куда!

Эркин молчал, думая о чем-то своем.

— Эрик,— снова начал Сарымсак, до-

верительно тронув племянника за плечо,— пока был жив Шатман, ты мог заниматься только своими делами. Теперь ты вместо отца. И ты не можешь забывать об этом. Конечно, я буду помогать Асылкан, но в первую очередь сын должен подумать о своей матери!

— О какой помощи ты говоришь?

— Конечно, не о материальной,— засмеялся Сарымсак.— Таких как мы с тобой, Асылкан дюжину прокормит. Я говорю о другом. Сын должен быть рядом с матерью.

— Не понимаю,— сказал Эркин.

Сарымсак повернулся в седле.

— Ты свою мать хорошо знаешь? Помоему, нет. А я знаю. У Асылкан не было своей жизни. Она жила жизнью Шатмана. А теперь все кончено! Ты должен понять свою мать. Как она гордилась, что ты в Москве учишься,— земли не чуяла под ногами. Все думала, вернешься, большим человеком станешь. А ты вон что, не вернулся. И человеком, ты извини меня, конечно, большим не стал. В Москве таких как ты — сотни!

Они выехали на взгорье, с которого открылась вся минбулакская долина. Горели под солнцем голубые снега вершин, от нагретых южных склонов исходило весеннее тепло.

Эркин слез с коня, бросил повод на луку седла, сел на камень. Лошадь опустила голову, потянувшись губами к нежной, едва проклюнувшейся травке.

— Подумай о матери, Эркин! Она живет делами своих детей, а то, что делаешь ты,— это ей не объяснить... А тебе я проще скажу. Что ты имеешь в Москве? Да ничего! Здесь ты давно имел бы институт!

— Дядя!

— Да?

— Только не обижайся. Давай помолчим. Я хочу посмотреть на Мин-Булак...

Знакомая гостиная. На стене портрет Шатмана с траурной лентой, на полу — расстеленный дестархан, вокруг которого

неслышно хлопочет Анар, поднимая глаза разве что на Эркина. В комнате только близкие.

— Почему невестка моя не приехала на похороны? — спросила Асылкан. — Или у меня ее нет? Скажи!

Эркин посмотрел на мать. Было ясно, что она настроилась на серьезный разговор.

— Она не могла. У нее такая работа.

— Потому и чужая, — зло вставила Зуура. Она сидела с ребенком на коленях, ее заплаканное, опухшее лицо было неприглядно. — Знать нас не хочет. Да и что от нее требовать, если ты сам опоздал на похороны отца! Жил бы рядом — все было бы по-людски. Как положено!

— Дорогие мои, я всегда был плохим знакомым обычаев. Но то, что здесь происходило, не понравилось бы и отцу.

— А ты хотел по-московски? Сунуть в ящик да скорей, скорей... Бедный отец, еще гордился, что его сын... — Зуура заплакала.

— Давайте нальем, дорогие, — вмешался Зарлык, муж Зууры, давно тяготившийся видом пустых стаканов. — Как же мы иначе можем почтить память нашего отца? Он заслужил еще большего. Старались, сколько могли и как принято. По-городскому не умеем.

— Да, Шатман, — со вздохом протянул Сарымсак, дипломатично переведя разговор в другое русло, — это был удивительный человек. Как вчера правильно сказали, он всю жизнь отдал родному аилу, родной земле. А ведь мог взлететь — ого!.. Да, Эрик, все-таки, извини меня, но нам надо поговорить...

— А мы разве не говорим? Все время только и делаем, что говорим, — ответил Эркин.

— Я рада, что ты согласился зайти в школу, — говорит Анар. — Ты так редко приезжаешь, а ведь это ребятишки, им так интересно то, что ты делаешь... Это так здорово... Не то что у меня...

— Ты разочаровалась в своем флйфаке?

— Понимаешь... Вот я говорю с людьми... Какой-нибудь инженер, химик, а литературу знает не хуже меня. Зато я, кроме литературы, ничего не знаю. Я бы хотела еще учиться. И писать.

— Ты же пишешь?

— Пишу. Информашки. Зарисовки. Рецензии на то, что пишут другие.

— Ничего, не все сразу. Главное, что у тебя получается.

— Ну, ну. Пожалей младшую сестру...

— Не старшую же мне жалеть.

— А мне её жалко. Ты не обращай внимания, что она...

— Я не осуждаю её, понимаю, — прервал Эркин. — Это она и дядя не хотят понять меня. Наверное, и не поймут.

— А ты бы им объяснил.

— Ты это всерьез? Разве я тебе что-нибудь объяснял?

Вот так, разговаривая между собой, Анар и Эркин шагали по улице Мин-Булака, вдоль речки, пока не подошли к школе, белеющей сквозь шеренгу тополей на приречном взгорке. Их уже ждали. У ворот вертелась стайка возбужденных пацанов, а в дверях, в наброшенном на плечи пальто, стояла молоденькая учительница, ровесница Анар. Увидела Эркина, Анар — побежала им навстречу.

Эркин оглядел класс. Класс разглядывал Эркина. Девчонки шушукались.

— Ну, смелей, ребята, — поспешила на помощь Эльмира Садыковна, та молоденькая учительница, — неужели вам нечего спросить? Вы только представьте — МГУ! Одно из самых высоких зданий в Москве. Кстати, кто скажет, какой высоты здание Московского университета? Никто не помнит? Эркин Шатманович, помогайте нам!

Эркин развел руками, улыбнулся:

— Ей богу, не знаю. Метров двести?

— Ну, кто поможет Эркину Шатмановичу? Смелей, ребята!

— А у вас жена русская?

Класс хихикнул, замер. Девчонка, задавшая вопрос, спряталась за подружек.

— Нурбекова, это еще что такое?! —

строго спросила Эльмира Садыковна. Эркин снова улыбнулся.

— Русская,— ответил Эркин.

— А как вы с ней познакомились? — тут же последовал вопрос с задней парты.

— Мы вместе работали.

— А у вас дети есть?

— Ребята,— решительно вмешалась Эльмира Садыковна.— Как вы знаете, суша на земном шаре составляет всего лишь четвертую часть всей площади, все остальное занимает океан. Океан обладает колоссальной энергией... Представляете, как важно человечеству научиться использовать эту мощь... Вот этой проблемой Эркин Шатманович и занимается. Попросим нашего гостя рассказать о своей работе...

— Куда ушел Эркин? Совсем совесть потерял. Хоть бы людей постыдился. Называется, отца приехал хоронить!

Зуура говорит накаленно, с неприязнью, нетерпеливо поглядывая на Асылкан. А та будто не слышит ее слов. Она с таким тщанием подметает ковер, словно от того, как чисто она выметет, зависит вся ее дальнейшая жизнь. Зуура это раздражает. Раздражает молчание Асылкан. Раздражает беспокойство ребенка, плаксиво тянущегося к груди. Раздражает непоседливость другого сынишки, пятилетнего, который теревит её за подол платья. А больше всего её нервирует громкий мужской говор и смех в соседней комнате... Там её Зарлык.

— А ты молчишь... Почему ты все ему прощаешь? Ну ладно, отец с тобой не считался, но сыну-то можешь сказать? Ладно, отрезанный ломоть... Но раз уж он приехал, хотя бы ради приличия мог бы с тобой побыть. Ты думаешь, у Зарлыка нет дел? Все бросил...

Распахнулась дверь, появился Зарлык. Тяжело прошел через комнату, грузно опустился на ширдак.

— Да-а-а, Эркин,— отдуваясь, протянул Зарлык, привалившись к горке одеял и

ослабив ремень на брюках.— Что мне работа, когда такая беда...— Он зевнул.

Асылкан бесстрастно скосила взгляд на него, на Зууру. Зуура взглянула на мужа, и её глаза заблестели от слез. Асылкан хотела что-то сказать, но смолчала, видимо, пожалев дочь, и, опять согнувшись, выметая мусор, вышла из комнаты. А Зарлык уже спал. Он был сыт, пьян, и его могучее тело было полно безмятежного покоя.

— Никак я не пойму, как они тебя одного отпустили? В такую даль, на похороны! Неужели ты в Москве не нашел ни одного друга?

— Мама,— сказал Эркин,— причем тут друзья?

— О Шатман,— Асылкан заплакала.— Как рано ты ушел. На что мне этот дворец, если в нем не слышно смеха твоих внуков? Кто продолжит твой род, Шатман? Стоит, как кумбез, твой дом, а я в нем одна!..

— Мама!

— Кому я нужна? Зуура на своего жеребца только и молится, детей забывает. Анар... Тоже беда. Все с книжками... Все с бумажками... Я говорю, хоть бы ты замуж вышла, а, дочка? Руками машет. Насмотрелась на Зууру. Ох, Эркин... На тебя надежда была моя. У всех сыновья на виду, а тебя нет. Будто и не было тебя у меня под сердцем...

Неярко горит лампа, в комнате полумрак. Эркин лежит в постели, а мать сидит в изголовье. Так, как когда-то в детстве. Рядом под рукой — будильник. У дверей — собранный в дорогу чемодан. Завтра — уезжать.

— Что тебе там, в Москве? Не пойму, не знаю. Сарымсак говорит, ты давно во Фрунзе мог бы работать. Давно был бы уважаемым человеком, как другие... Другие работают — почему ты не можешь? Не знаю я твоей работы. Не понимаю. Вот и плачу все. Когда теперь тебя увижу? Или мне надо умереть, чтобы ты приехал!

— Мама.. Мама.. Ну что ты?.. Вы же сами говорили... И ты, и отец... Что ж мне теперь, назад с полпути?..

Пробиваясь сквозь пеструю толпу, Эркин выбирается из здания аэропорта в Домодедово на просторную площадь. Топливо направляется к стоянке такси.

— Куда? — спрашивает таксист.

— На Кропоткинскую.

Замелькали за стеклом березы, впечатанные в почную тьму, белое и черное, черное и белое. Вспышками света возникают и пропадают встречные машины, выхватывая из темноты лица Эркина и водителя, тут же вновь уступая их темноте.

— Все спешим, даже ночью, — сказал водитель, заметив попытку Эркина взглянуть на часы. — Куда спешить-то?

— Ждут, — сказал Эркин.

— В гости, небось?

— Да нет, — сказал Эркин, — не в гости.

...Хлопнула дверца. Вот она, Кропоткинская. У подъезда телефонная будка, Эркин нашарил в кармане монету, набрал номер.

— Я слушаю, — отозвался наконец женский голос. — Это ты?

— Да, — сказал Эркин, — я хочу тебя видеть.

— Где ты? Ты прилетел?

— Я ввизу.

— Хорошо, — сказала женщина, — только не звони. Я сейчас открою.

...Дверь действительно была открыта. Эркин шагнул за порог и в полутьме неосвещенной прихожей увидел Сашу. Не сводя с нее глаз, он поставил куда-то чемодан, стащил с себя пальто, оно упало на пол.

— Саша... Саша...

Долго стояли, молча обнимая и целуя друг друга, радуясь встрече, жалея, утешая и скорбя...

— Эрик, ну что ж тут поделать, Эрик...

— Саша... Саша...

Не разнимая рук, прошли в комнату. Не

зажигая света, сели на поспешно застланную одеялом постель.

— Не разбудим? — шепотом спросил Эркин.

Саша встала, прошла в соседнюю комнату, склонилась над детской кроватью, над разметавшейся во сне девочкой.

— Сегодня спрашивала, где Эрик. Я говорю, какой он тебе Эрик? Что он тебе, товарищ, мальчишка, что ли? Надо говорить — дядя Эрик... Уперлась. Эрик, и все!..

— Саша... Саша...

— Когда ты позвонил из Мин-Булака, я выключила телефон и заперлась. Лежу и реву. Понимаешь, горел для меня такой теплый огонечек — и вдруг... Шатман — в прошлом! Вдруг, думаю, и все в прошлом?.. О нас с тобой подумала... Не о тебе — о себе. Может быть, просто путаюсь у тебя в ногах. Вдруг надо тебя освободить, чтоб ты мог устроить свою жизнь без всяких предисторий и приложений... Зачем они тебе? Твоим родным?

— Саша! Мы ведь уже говорили об этом!

Мчит, раскачивается вагон метро. Эркин стоит у дверей, глядя прямо перед собой. Вагон пуст.

— Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны!

Вагон стоял. Эркин спохватился, шагнул на перрон.

Эскалатор потащил его вверх, к далекому куполу вестибюля. Купол приближался медленно, Эркин не выдержал и двинулся вперед, шагая сразу через три ступеньки. Дверь вестибюля откинул с натугой, в лицо ударил сырой ветер московской весны. Эркин поднял воротник.

...Прямо с чемоданом он прошел в комнату, бросил на стул перчатки, пальто, снял пиджак. Дзенькнул телефон. Эркин подошел к столу и выдернул вилку из розетки. Потом лег на тахту. Навзничь. Не раздева-

ясь. Не лежалось, поднялся, пошел на кухню, поставил чайник. Тут услышал звонок. Открывать дверь не хотелось, и он все не поднимался, надеясь, что звонки прекратятся. Потом пошел открывать.

— Разбудили? — раздался энергичный мужской голос.— Звоним, звоним... Можно к тебе?

Это был Борущ, из-за его плеча выглядывал пасмурный Глебов.

— Я только вошел. Только прилетел..

— Ладно. Нам хоть не рассказывай. Мы ведь у Саши узнали, что и как...

Борущ протянул руку.

— Эрик, прими наши глубокое соболезнования.— Он помедлил.— Позволь мне, старику, больше не говорить об этом. Я... чуть постарше твоего отца, так что у меня уже нет времени на эти разговоры... Дмитрий Сергеевич,— обернулся к Глебову,— что там у нас?

Глебов полез в портфель.

— Ты извини,— сказал Глебов, вытаскивая из портфеля какие-то свертки,— я конечно, не знаю, положено, нет...

На столе появилась бутылка коньяка, лимоны, кусок сыра.

Молча выпили. Борущ пожевал ломтик лимона, сморщился.

— Так вот, Эрик, у нас запарка.

— Разве она кончалась?

— А теперь — новая. И знаешь какая?

— Неужели Белое море? — оживился Эркин.

— Запорожье!

— Что Запорожье?

Борущ взял лист бумаги, быстро набросал несколько линий.

— Это ГРЭС в Запорожье. Пусковой объект, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потребитель энергии — здесь. Расстояние двенадцать километров, из них пять — морем. Если в обход — триста километров, что обойдется в тридцать пять миллионов рублей. Да и нет времени. Значит, напрямик.

— А мы причем?

— Надо поставить пять опор. По сто

метров высоты каждая. А на что ставить? Отсыпать острова? Не позволит рыбохрана и водники. Бить сваи по образцу Нефтяных камней? Нефтяники этим заниматься не будут, у них хватает и своих дел...

— Ну, а поскольку нам делать нечего... — с невозмутимым видом вставил Глебов.

— Да, я предложил наши услуги, — спокойно окончил Борущ. — Надо использовать кольский опыт. Наш наплавной метод монтажа готовых конструкций.

— Боюсь, — после некоторого молчания сказал расстроенный Эркин, — что мы так и останемся всего лишь обладателями этого уникального опыта...

— А французы тем временем построили приливную станцию Ранс, которая в шестьсот раз мощней нашей кольской и которую де Голль в свое время назвал «выдающимся сооружением века», — опять-таки ввернул Глебов.

— Эрик, — сказал Борущ, — в чем дело? Что за демагогия, Дмитрий Сергеевич!

— Ян Давыдович, я хочу строить приливные станции, — сказал Эрик.

— Мы их будем строить, когда будут готовы все технические решения. Для этого мы и работаем. Слушайте! — возмутился Борущ. — Да кому я все объясняю?!

— Хочу на Белое море, — сказал Эркин.

— Хорошо. Сделаем ЛЭП, дадим тебе отпуск без содержания, поезжай. Что еще?

— Хочу спать...

Борущ и Глебов пошли в прихожую.

— Эрик, — Борущ остановился, — твой отец бы нас понял. Мы... день выиграли.

— Каким образом?

— Ты сейчас пойдешь спать, а сам будешь думать. И когда завтра будешь ехать в Гидропроект, — будешь думать... Сутки!

— Есть над чем думать? — не без иронии спросил Глебов. — Вы ведь уже все решили!

— Глебов, — сказал Борущ, — вы плохо себя ведете. Все-таки я начальство. Ну, вперед!

Он ждет её у станции «Сокол», на трамвайной остановке, она приезжает минута в минуту, он даже знает, в каком вагоне она едет — в первом. Он протягивает ей руку, она спрыгивает с подножки. Взявшись за руки, они идут по тротуару, но толпа разделяет их; то отдаляясь, то сближаясь, они идут сквозь толпу, перебрасываясь взглядами, репликами, жестом.

— Куда пойдем?

— Все равно.

Их несет шумное течение вечерней Москвы, но они разговаривают, чувствуя себя так же свободно, как если бы плыли в лодке посреди пустынной и тихой реки.

— А знаешь,— говорит, оборачиваясь, Эркин,— я ведь отца почти не знал. Я просыпался — он уже уехал. Я ложился спать — его еще не было. Сколько себя помню, все я просил его съездить на Ак-Куль... Мальчишки ездили туда, рассказывали... Озеро... Скалы... Отец говорил: съезди, обязательно! Вот посевную кончим... Вот сеноуборку завершим... Погоди, с зерновыми разделаемся... Съездим!

— Правда, правда... Я твоего отца сразу приняла... — доносится голос Саши. — Помнишь, когда ты решил нас познакомиться? Я ведь тогда совсем не знала, что мне делать, быть мне с тобой, не быть. Шатмана увидела — ладно, думаю, если ты хоть немножко будешь на него похож... — Она засмеялась, прижалась к его плечу.

— Интересно... — заинтригованно протянул Эркин, оглянувшись на Сашу. — Интересно!

— А ты думал! Вот что такое интеллигентный человек, скажем, ты?.. Представитель технической интеллигенции. А я вот думаю еще, прежде чем назвать тебя интеллигентным человеком... Так?

— Так и есть. До сих пор рыба смущает... То ли вилкой её, то ли без...

— Вот-вот. Этим мы все и измеряем. Да еще институтским значком. А вот Шатман — он был интеллигент... От рождения... Сколько у него классов? Четыре?

— Какие-то еще курсы были.

— У него душа зрячая. И добрая... Он умница... А ты посуше... Эдакий «физик»... Тебе еще до отца жить надо...

— Что ж ты от меня не сбежишь, раз я такой?

— А причем тут — какой ты? Любят не за что-то. Если любят. Просто иногда больно, но тут уж ничего не сделаешь...

Они сворачивают с улицы Горького, толпа остается позади, узкий проезд выводит их к неприметной двери какого-то маленького, ничуть не современного кафе. Тесный пяточок гардероба, потускневшее зеркало, в котором возникают Саша, невозмутимо медлительный старец, принимающий пальто.

— Вам на один номер?

— Да,— ответил Эркин,— на один.

Они вошли в зал. «Их» столик, в углу у стенки, был занят, но те, что там сидели, кажется, уже собирались уходить.

— Садитесь, есть же места,— пронеслась мимо официантка. — Или только за своей хотите?

— Только,— сказала Саша. — Мы не спешим.

Она прислонилась к стене, глядя в зал, мимо зала, мимо обращенных к ней взглядов и лиц.

— Об одном жалею,— вновь заговорила она,— так и не побывала я в твоём Мин-Булаке. Шатману я обещала приехать, а теперь...

Эркин взял её за руку, повернул к себе.

— Послушай, Саша,— сказал он,— зачем мы усложняем то, что для нас совершенно ясно? Я ведь не мальчик. Я знаю, чего хочу.

— А я не знаю, Эрик. Вдруг мы все придумали. Вдруг я просто пользуюсь твоей слабостью. Или так... Мы оба пользуемся нашими слабостями... И все. Очень просто. И не нужно вставать на цыпочки, чтобы получше выглядеть... Все просто. Так тысячи людей живут. И никаких проблем!

— С тобой иногда страшно разговаривать. Ты так пронзительно смотришь. С вы-

соты каких-то оледеневших вершин.. И от туда взираешь...

— Ага,— согласилась Саша,— я и сама боюсь... Хочется поскорее спуститься, уткнуться в какой-нибудь милый, понятный пустячок... Сядем?

— Понимаешь,— снова начал Эркин, решительно придвигая кресло ближе к Саше,— я не хочу, чтобы ты выпроваживала меня за дверь, боясь, что я могу опоздать на метро. Не хочу, чтобы оглядывалась, когдаходишь в мой дом. Не хочу, чтобы мы назначали друг другу свидания то там, то здесь, как бездомные, понимаешь?

— Разве это так плохо — назначать свидания?

— Хорошо. Но в свое время. А мы не дети. И тебя это так же мучит. Мучит, я вижу. Какой бы ты лихой вид ни делала... Я хочу, чтобы у нас был свой дом.

— О,— сказала Саша,— у нас их два. Мы можем отдыхать друг от друга. Очень современный образ жизни. Мы идем в струе...

— Я не устал,— сердито сказал Эркин.

— Я тоже,— сказала Саша.

— Тогда в чем дело?

Появились цыплята, соус и бутылка сухого вина. Эркин налил Саше, себе, они посмотрели друг на друга, немного отпили. Зал наполнялся, становилось шумно, сине от сигаретного дыма, время от времени кто-то бросал в автомат монету, и тогда из за столиков вставали и начинали танцевать под оплаченную порцию консервированной музыки.

— Эрик, спаси меня,— сказала Саша.

Эрик огляделся. К их столику пробирался эдакий придаток к огромному, ядовитояркому галстуку.

— Я пошлю его,— сказал Эрик.

— Не надо,— поморщилась Саша,— пойдем. Они поднялись. Саша опустила руку на плечо Эркина, Эркин обнял её. Они медленно двигались между столиками, а то и просто стояли на месте,— покачиваясь, обнимая друг друга, слушая друг друга, сблизив лица, чтобы не растерять в этой толчее,

в этих судорогах бушующего вокруг твиста ни одного своего слова.

— Танцевать не с тобой... Мне кажется, я смогла бы это сделать только под наркотом.

— Так я тебе и поверил! Жить-то без меня ты можешь?

— Разве?

— Так в чем дело? Борьба за независимость?

— Все в том же... Мне трудно об этом говорить. И зачем? Ведь я согласна и на то, что есть... Я боюсь менять что-то, понимаешь? Боюсь тебя потерять. Я верю, ты, наверное, искренне хочешь, чтобы мы были вместе. Но это сейчас. А потом это станет бытом. Появятся твои родные, твоя мать... Они и так на тебя в обиде. А узнают обо мне? Ведь я стану причиной, на меня все перейдет! А мне зачем это? Ждать и дожидаться, когда стану в тягость?

— Что ты хочешь сказать?..

— Ничего обидного... Я тебя люблю. Но то, чего ты добиваешься, у меня уже было. А теперь я не одна. Не за себя боюсь, понимаешь? Пуганая ворона куста боится... Я пуганая, Эрик.

— Спасибо за сравнение.

— Не сердись,— сказала Саша.— Неужели тебе трудно смириться с тем, что я ничего у тебя не прошу, что я не хочу быть никому и ничем обязанной?

— Даже мне?

— Спасибо тебе, что ты есть. Я тебе так благодарна...

Она пыталась справиться с подступившими вдруг слезами.

— Саша, ну что ты...

Она высвободилась из его рук.

— Ты куда? — попытался задержать её Эркин.

— Соседка обещала взять Галку из сада. Я передумала. Я сама заберу.

— Саша,— Эркин обнял её за плечи,— пусть сегодня она заберет. Ну, пожалуйста!

— Погоди,— Саша, придерживая рукой отвороты халатика, бесшумно отвела голову замка, приоткрыла дверь, выглянула на лестничную площадку.

— Иди,— сказала она, откинувшись к стене.

— Видишь как,— Эркин посмотрел ей в глаза,— а говоришь: наплевать! Хорохорься!

Эркин был уже в плаще, и он распахнул его, чтобы еще раз обнять, поцеловать Сашу.

— До свидания, Саша, до свидания.

Она молча покивала головой.

Лязгнул, останавливаясь, лифт. Эркин пошарил в кармане ключи, подошел к своей двери. Дверь напротив приоткрылась, показался сосед.

— Вы еще не спите, Алексей Иванович,— обернулся Эркин.

— Рад бы, Эрик! Старость... На одну минутку, Эрик! На один миг! Я в прошлый раз не понял... Чтобы построить приливную станцию, надо перегородить залив дамбой, так?

Эркин улыбнулся, прислонился к стене.

— Алексей Иванович, имейте совесть!

— Один вопрос! Единственный! Вы сказали, что в Мезенском заливе длина такой дамбы будет пятнадцать километров, так?

— Так.

— Но ведь это безумно дорого!

— Дорого, но не безумно. А что дешево?

— Ну как что? Вот ГЭС на реках. Я читал, что они окупаются в несколько лет!

— Верно. Но их строительство связано с затоплением земель, а это дорогое удовольствие. Слишком!

— А тепловые станции?

— Они загрязняют среду. И требуют топливо. А с топливом, сами знаете, кризис.

— Ну, не у нас ведь!

— Да. Но это не значит, что об этом не нужно думать. Земля маленькая, Алексей

Иванович, и человек должен быть большим.

— Как вы сказали? Это интересно!

Эркин рассмеялся:

— Алексей Иванович, я труп.

— Да, да. Я понимаю... Простите...

Кивая, Алексей Иванович медленно закрыл свою дверь.

Эркин качнул головой, вернулся к соседской двери, позвонил.

— Алексей Иванович, не обижайтесь. Черт, вымотался я... Не верите, глаза закрываются...

— Что вы, Эрик, что вы... Это вы меня простите... Просто... слова не с кем было сказать за целый день. Простите...

Дверь в комнату, где работал Эркин, тихо приоткрылась. Заранее широко расставляя объятия, к его столу шел дядя Сарымсак. Они обнялись.

— С приездом,— сказал Эркин,— как долетели?

— Спасибо. Я еще вчера приехал... Я... поездом. Так оно лучше. Чем меньше остается жить, тем более трясешься за свою шкуру...

— Забавная закономерность,— сказал Эркин.— Садитесь! Как там дома, во Фрунзе?

— А у вас не очень роскошно,— сказал дядя, оглядывая комнату,— я уж думал, у вас тут, в Гидропроекте,— хоромы!

— Хоромы у тех, кто делом занимается, от кого прок есть, а мы что — отдаленная перспектива!

— Зато у вас и жизнь посвободней, наукой можно заняться.

— Какая наука, дядя! Рабочие чертежи печем, пусковой объект! Дыхнуть некогда!

— Хитришь,— засмеялся Сарымсак.— Только что об отдаленных перспективах говорил, и вдруг аврал, рабочие чертежи.

— Так вот, ради этой отдаленной перспективы и приходится, как говорится, хлебом насущным заниматься! Восемь пишем,

два в уме! Верите, маме месяц уже не писал!

— Ну поговорить-то найдется время?

— Найдется,— сказал Эркин.— Прошу!

Он пропустил дядю вперед, они вышли в коридор, а затем на лестничную площадку — излюбленное место курильщиков Гидропроекта. Закурили. Внизу, за стеклом стены, виднелись крыши домов и улицы Москвы.

— Эрик,— сказал Сарымсак,— у меня тоже к тебе есть... и хлеб насущный и отдаленная перспектива... С чего начать?

— С хлеба, наверное,— сказал Эркин.

— С хлеба... Ты как, в каких отношениях с Борушем?

— С Борушем? В хороших. В прекрасных. Мы же вместе работаем.

— Это ничего не значит,— сказал дядя.— Я о другом.

Он вытащил из портфеля объемистую рукопись.

— Боруш — это имя... Ты не смог бы с ним поговорить. Мне был бы очень кстати его отзыв.

Эркин поскуцнел.

— Эрик, у меня перед тобой нет секретов. Сам понимаешь, за отрицательным отзывом я бы не приехал.

— Дядя, могу лишь одно посоветовать: идти к самому Борушу.

— Просто так? С улицы?

— А вы думаете, если я попрошу, это скажется на оценке? Я знаю Боруша. Он терпеть этого не может.

— Ты не хочешь мне помочь?

— Да не в этом дело, дядя! Это просто невозможно.

— Хорошо. Будем считать, что разговора не было... Ты не можешь сейчас уйти с работы? Погуляем, поговорим...

— Об отдаленной перспективе?

— Не такая она и отдаленная, Эрик. Время летит — не увидишь!

Они уехали в Коломенское. Здесь тихо, можно спокойно поговорить. Эркин и Сарымсак идут по аллее столетних дубов,

мимо церкви, мимо домика Петра I, мимо деревянных башен, доставленных по бревнышку из Братска и еще откуда-то, мимо Коломенского собора и превращенных в музей палат. Редкие группы экскурсантов. Задымленные силуэты городской окрестности в просветах между деревьями и стенами. Отрешенность, сосредоточенность, еще более подчеркнутая отдаленным гулом занятой своими делами Москвы...

— Я не смог объяснить твоей матери, почему тебя не устраивает работа во Фрунзе, наш институт. Да я и сам этого не понимаю... Ты, именно ты мог бы сменить Нурматова, вот что я тебе скажу!

— Нурматова? Он что, уходит? Мне казалось, он будет у вас вечно.

— Боюсь, что ему тоже так кажется...

— Но почему вы решили, что я... Забавно... Разве в институте нет других специалистов?

— Там сложились свои взаимоотношения, своя расстановка сил... Вот увидишь, пригласят своего человека, со стороны. Я читал твои статьи, Эрик. Я, конечно, звезд с неба не хватаю, но оценить могу. Твои статьи проблемны. Дискуссионны. Ты широко мыслишь. Широко, а главное — доказательно. Ты прошел бы у нас первым номером.

— Вот этого я и боюсь.

— Быть первым?

— Считаться им. Меня вполне устраивает мое нынешнее положение.

Сарымсак смотрел на Эркина с любопытством.

— То есть?

— Я один из немногих, и передо мною никто не лебезит. Я не испытываю недостатка в критиках, мне никто не делает скидок. Ни по каким мотивам. Поэтому вам и нравятся мои работы. Мне их крепко приходится делать.

— Это хорошо,— сказал дядя,— но это не объяснение. Во всяком случае, не все объяснение.

— Не все,— согласился Эркин.

— Что еще? Что-нибудь личное? Я слышал, у тебя...

— Правильно, дядя, слышали. Но это тоже не все объяснение.

— Что же все?

— Океан,— Эркин засмеялся.— Океан мне нужен, дядя, отдаленная перспектива! А это — Боруш. Это — Глебов. Это Кольский полуостров и Белое море. А вы меня тащите в Киргизию.

— Тащите!.. Как ты говоришь о земле, где тебе перерезали пуповину? Где похоронен твой отец!

— Вы о чем, дядя?

— Я о том же. Человек должен жить на своей земле. Где он вырос... Где могилы его сородичей...

Эркин и Сарымсак стоят посреди музейного двора, возле длинного ряда чугунных пушек, установленных на бетонные подставки. С холма, на котором стоит Коломенское, пушки смотрят на речной плес, на низкий берег, на леса и деревни. Эркин поворачивается к Сарымсаку:

— Хорошо. Едем!

...Такси мчит по окружной дороге, вылетает на Минское шоссе. Мелькают дорожные указатели, перекрестки, путепроводы. Один поворот, другой, третий.

Узкая проселочная дорога выводит к маленькой деревушке у кромки молчаливого леса. У околицы обелиск. Эркин и Сарымсак выходят из машины, шофер с любопытством смотрит им вслед.

— Случайно наткнулся. Мы проходили здесь однажды на лыжах,— поясняет Эркин.— Читайте.

Дядя читает длинный столбик имен, заглянув всю лицевую грань обелиска. Самые разные фамилии. Русские, украинские, грузинские... И — киргизские.

— Я живу на земле, где похоронены мои сородичи,— говорит Эркин глухо.

Сарымсак молчит. Потом берет племянника под руку, отводит на несколько шагов от обелиска. Помолчав, произносит как можно мягче:

— И все-таки несдобровать народу, бре-

дущему не по своей земле, несдобровать молодцу, ушедшему от своего народа...

— Правильно...— серьезно отвечает Эркин.— Только все дело в том, как понимать свою землю, свой народ... Дядя, а если без ссылок на фольклор? Если попробовать — прямо?

— Хорошо! — Сарымсак резко поднимает голову.— Хорошо! Давай — прямо!.. Десять лет я добиваюсь лаборатории. И — ничего! Потому что я из Мин-Булака, а директор из Саракамыша, и он видит только своих. Он их поддерживает во всем. А они поддерживают его.

— Любопытно.

— Это жизнь, Эркин. Он мудрый человек, наш директор. Это ты думаешь, что всегда будешь молод, что всегда все будет получаться. Тебе тоже понадобятся такие, как я.

— Я все понял, дядя. Но если бы я и появился в институте, это б не улучшило вашего положения... Усложнило бы.

— Что ж, спасибо.

— Дядя,— Эркину стало жаль Сарымсака,— поедемте ко мне. Заварим чаю, посидим... Что мы все об одном и том же!

Сарымсак покорно двинулся к машине. Но вдруг остановился.

— Я поеду к себе. В гостиницу. Хочу отдохнуть...— Помолчал и с тоской продолжил: — Слушай, Эркин, как ты здесь можешь жить? Я во Фрунзе живу и то чувствую себя, как в командировке... Все кажется, это не настоящее. Это так... временно, придет день, и я поеду домой в Мин-Булак.

— Может, надо так и сделать? Заняться чем-то другим...

— Чем, Эрик? Я ничего другого не умею. Трактор водить — учиться надо. Чабаном? Отару загублю. Все поздно!

Сарымсак махнул рукой и, сгорбившись, пошел к машине.

Эркин, в последний раз оглянувшись на обелиск, двинулся следом.

Научно-исследовательская станция Гидропроекта. Лаборатория гидравлических исследований. Это громадный зал, напоминающий скорее заводской цех, нежели лабораторию. Переходные мостики, узкие трапы, а под трапами — хлещут струи воды. Здесь испытываются плотины и берега, водосбросы и водовыпуски. Текут искусственные реки, размывают искусственные отмели. Все это игрушечное, карликовое, и люди выглядят здесь настоящими гулливерами.

Саша стоит у пластикового лотка и, не отрываясь от видоискателя, фотографирует падающую струю воды. Вода шумит, и она не слышит, как подходит Эркин. Вздрыгнула от прикосновения его руки.

— Ох... ты... Здравствуй.

— Здравствуй. Ну что, укладывается? — Эркин кивнул на лоток.

— Нет. Моег берег. Подпорную стенку моег...

— Ничего, — сказал Эркин и поцеловал её в щеку, — уложишь.

— Ну вот, нашел место!

— А что? Сцена у фонтана.

— Ты чего такой радостный?

— Боруш интересную штуку заварил. Но работы — головы не поднять. Такого еще никто не делал. Триста девяносто составляющих для расчета прочности! У опоры колоссальная парусность, сто метров высоты...

Саша закрыла ему рот ладонью.

— Прости, — сказал Эркин, — голова забита, только об этом и думаешь. А я ведь на тебя пришел посмотреть.

— Спасибо. Мы что, не увидимся сегодня?

— Увидимся, — сказал Эркин, — если ты сама приедешь. Хотя бы на час... Я не обидно говорю?

— Приеду, — серьезно ответила Саша, — я понимаю... А теперь иди...

Такси остановилось у дома, где живет Эркин. Не без тревоги смотрит Асылкан на высокое здание, среди бесчисленных окон

которого где-то есть и окна ее сына. Таксист еще раз посмотрел бумажку с адресом, глянул на дом.

— Все, мамаша, приехали!

Асылкан вышла из машины. В черном с красными цветгами платке, в дорогом, подбитом мехом пальто, смуглая, нездешняя, она невольно привлекла внимание прохожих. Но взгляды, обращенные на нее, истолковала по-своему — так, как привыкла это делать в селе.

— Здрасте, — говорила она и кивала головой.

И тогда прохожие с любопытством вновь оглядывались в её сторону.

В дверях подъезда ей повстречалась какая-то женщина.

— Здрасте, — сказала Асылкан. — Вы здесь живете?

— Здесь, — женщина выжидающе посмотрела на Асылкан.

— Шатманов Эркин дома?

— Шатманов?

— Разве он здесь не живет?

— Гражданочка, в этом доме двести квартир, что же, всех знать? Вы поднимитесь, — добавила она уже на ходу. — Шестидесят седьмая квартира это двенадцатый этаж...

Асылкан решительно вошла в подъезд. Распахнулись двери лифта, оттуда, лупцую друг друга портфелями, выскочили двое мальчишек, и Асылкан вошла в кабину. Поднялась, вышла на лестничную площадку, нашла дверь с номером 67, позвонила. Ей пришлось позвонить еще и еще раз, прежде чем она уверилась в том, что Эркина нет дома.

Тихонько приоткрылась соседняя дверь. Показался Алексей Иванович, внимательно оглядел Асылкан, поздоровался.

— Мне нужен Эркин, — сказала Асылкан, — я его мать.

— Да? Очень приятно, — обрадовался Алексей Иванович. — К сожалению, его нет дома. Он приходит позже. Может, вы...

— А его жена? — перебила Асылкан.

— Жена? — удивленно переспросил

Алексей Иванович...— Ах, да... Знаете, я не в курсе дела. Минуточку.

Он исчез в глубине своей квартиры, но тут же появился вновь, с ключом в руке.

— Вот ключ, Эркин Шатманович оставляет его для тех, кто к нему приезжает... Я-то дома. Мы с ним, как два старых холостяка...

Асылкан посмотрела на него, словно стараясь понять, что эти слова означают, и старик осекся.

Он открыл дверь квартиры Эркина и тут же ушел, словно опасаясь дальнейших распросов.

Асылкан шагнула через порог. Огляделась. Поставила чемодан. Сняла пальто, повесила на вешалку, вошла в комнату. Здесь живет её сын. Тахта. Письменный стол. Книжные шкафы. Увидела ширдак на полу, улыбнулась... Вот фотография над письменным столом... Это Шатман. Это она, Асылкан. А это... Кто же это? Незнакомая русоволосая женщина... Неужели жена?

Щелкнул замок. У кого-то был свой ключ, и кто-то вошел, уверенно, как в свой дом. Но потом остановился, видимо, удивленный чужим чемоданом, знакомым пальто на вешалке. Наконец в комнате появилась хрупкая русоволосая женщина.

Она стояла и смотрела на Асылкан, а Асылкан на нее.

— Здравствуйте,— сказала наконец женщина,— вы... мама Эркина? Вы... Асылкан?

— Да,— сказала Асылкан,— я мать Эркина. А ты кто?

— Я Саша,— ответила женщина и, помолчав, добавила: — Не знаю, кто я.

Она двинулась в сторону кухни.

— Я поставлю чай,— сказала Саша.

Она прошла на кухню, поставила чайник под кран, прислонилась к стене, закрыв глаза, прижав ладони к щекам, не догадываясь, что вся её фигура отражается большим зеркалом в прихожей.

Асылкан отвернулась. Стыдно разглядывать человека, когда он в таком смятении и так беззащитен.

Из лифта вышел Эркин. Он было направился к своей двери, но тут его остановил Алексей Иванович.

— Эрик! На одну минуточку! Вы мне не дорассказали в прошлый раз...

— Алексей Иванович, я буду менять квартиру!

Алексей Иванович не отставал.

— Эрик, минуточку... Интересно, уже решен вопрос, сколько метров в диаметре будут эти ваши бетонные острова?

— Да, сорок пять метров.

— И они удержат стометровую опору? Как это вы говорите, наплаву?

— Удержат.

— А если ветер?

— Алексей Иванович... Саша должна вот-вот прийти...

— Эрик, она уже пришла... Но погодите минуточку.

— Не понимаю...

— Саша не одна. Там... ваша мама... Я отдал ключ. Она тоже недавно приехала... Только она зашла... И Саша...

— Так что же вы сразу не сказали!

— Эрик, не сердитесь... Пусть поговорят. Послушайте, у меня есть бутылка прекрасного «гурджаани»...

Они сидят за столом, Саша и Асылкан, перед забытым чаем. Горит только настольная лампа на письменном столе, и поэтому лиц почти не видно. Асылкан сидит свободно, несколько развалившись, она глядит на Сашу как бы издали, чуть не с высоты, и молча слушает. Саша пытается говорить спокойно, но это ей плохо удается.

— Простите, я закурю.— Она чиркает спичкой.— Надо делать что-то, а я не могу. Решиться не могу. Я люблю только на равных, а на равных уже не получается. Кажется, что мне терять, а я боюсь, что все потеряю... А тут некогда... И мне и ему... Соскучимся вконец, созвонимся, встретимся. В прошлый раз он у меня был. Сегодня — я у него. И дальше живем... Гля-

дишь, лето прошло. Там зима... снова лето...— Она проглотила слезы.

Асылкан протянула руку, взяла из пачки сигарету...

Эркин появился шумно, весело, в руках у него были цветы, какие-то кульки, свертки, коробка с тортом.

— Ну, мать, застучала ты нас. Здравствуй!

Он оглянулся на Сашу, на Асылкан, стараясь скрыть смущение. Не выпуская из рук покупок, шагнул к матери, хотел поцеловать её в щеку, нагнулся. И тут, совершенно для него неожиданно, Асылкан хлестко ударила его по лицу.

Упала на пол коробка конфет. Эркин изумленно посмотрел на мать. Саша молча поднялась, вышла из комнаты. Эркин рванулся следом, в прихожую, но Саши там уже не было.

— Эркин! — властно крикнула Асылкан.

В Сашиной квартире раздался звонок. Саша вытерла тряпкой мокрые руки, открыла дверь. На пороге стояла Асылкан.

— Можно к тебе,— сказала она,— поступишь?

— Пожалуйста, входите.

— Поздно, а ты стираешь...

— Я стираю, когда плохое настроение. Помогает.

Асылкан остановилась перед Сашей, посмотрела ей в глаза.

— Не обижайся на меня. Я тебя не хотела обидеть... Эркин меня обидел. Не ты.

Асылкан прошла в комнату, оглядела Сашины владения. Портретик Эркина на письменном столе. Книжки, книги... Кроме книг, кажется, и нет ничего. Что у этой Саши, что у Эркина...

— Саша,— сказала Асылкан,— я у тебя буду спать, хорошо?

А Саша уже снова по комнате, ловко, стремительно что-то убирая, доставая, готвя.

— Как знаете,— сказала она,— оставайтесь.

— А там что? — спросила Асылкан, показывая на дверь второй комнаты.

Не дожидаясь ответа, она открыла дверь и оказалась в детской. Услышала легкое дыхание, увидела две косички, щечки, по-розовевшие от сна, блаженную улыбку на приоткрытых губках — видно, снилось девочке что-то очень хорошее. Асылкан глядела на нее, а по щекам текли слезы.

Тут и нашла её Саша, плачущей неизвестно отчего, сидящей на полу перед кроватью.

— Твоя дочка? — спросила Асылкан.

— Да. Это Галка.

— Она Эркина знает?

— Житья не дает, Эрик да Эрик!..

— Кто её отец?

— Она его не видела. Он не хотел, чтобы она была.

— Ой,— охнула Асылкан,— так разве бывает?

— Бывает.

...Саша постелила Асылкан на тахте, сама легла на раскладушку. Асылкан не спалось, она ворочалась, вздыхала. Наконец не выдержала.

— Ай, Саша,— тихо позвала она.— Роди ему сына. Пусть у Эркина будет сын! Шатманов...

Саша молчала.

— Ты спишь? — Асылкан приподнялась.— Эй, Саша!

— Я не сплю,— сказала Саша.— Я слышу.

Они были вполне довольны друг другом, Галка и Асылкан, и прежде всего, конечно, Галка. Во-первых, эта неожиданно появившаяся бабушка была веселой, и она никуда не спешила. Во-вторых, она любила гулять и соглашалась идти в любую сторону, куда бы только Галке ни захотелось. Правда, она совсем не знала Москвы, но зато умела лихо останавливать такси, и тогда они мчались по Калининскому проспекту, по Ле-

нинским горам, вдоль Москвы-реки. А в третьих, бабушка Асылкан любила делать подарки и покупать мороженое. И опять-таки, и это было самым главным,— она никуда не спешила и у нее не было абсолютно никаких дел.

Под низким абажуром, за кухонным столом, заваленным рукописями, графиками, картами, работает Эркин. Иногда он отрывается от листа бумаги, незряче глядит на полку с матово поблескивающей посудой и снова пишет, торопливо, убористо, словно стараясь поспеть за минутной стрелкой.

А в комнате, на тахте Эркина прилегла Асылкан. Горит в изголовье бра, освещающая неярким светом высокие стеллажи, плотно уставленные темными томами научных трудов. Ящики картотек и рулоны исчерченной миллиметровки. Граненые кристаллы полупрозрачных минералов. Потертое, побитое в переездах охотничье ружьишко, фотография бородатых, обветренных людей, строек, каких-то ущелий, плоскогорий и морских заливов. Не меняя позы, Асылкан внимательно изучает стены сыновней комнаты, хотя порой ей приходится поворачивать голову чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Тогда она кажется забавной. Забавно и то напряжение, с которым она вчитывается в названия книг, будто в них, в этих названиях, ей вдруг может открыться то, что составляет тайну сегодняшней жизни сына.

Затем она долго глядит в окно, в черноте которого стеклянню пересыпается россыпь московских огней, во что-то вслушивается.

Асылкан поднялась, открыла дверь кухни.

— Ты чего, лунатик? — ласково спросил Эркин. — Почему не спишь?

— Я приехала, и тебе негде работать.

— Что за глушость, — возмутился Эркин, — я люблю здесь работать. В комнате тахта, посмотришь — спать захочется, а тут

хорошо. Вода журчит. Прохладно... Как в горах.

— Ладно, — сказала Асылкан, — я скоро уеду.

— Ну вот, — Эркин строго глянул на мать, — опять начинаешь?

— Что уж я могу начинать, — слабо возразила Асылкан... — Скажи, что ты пьешь?

— Ну уж это совсем не интересно, — отмахнулся Эркин. — Послезавтра техсовет, мне придется говорить. Вот и все.

— Я хочу послушать этот техсовет.

— Что ты, мама! — засмеялся Эркин. — Не обижайся, но ты ведь ничего не поймешь.

— Что мне надо, пойму, — назидательно отрезала Асылкан. — Где это будет?

— Ты что, всерьез? — изумленно вскинул глаза Эркин. — Ты представляешь, что ты говоришь? Технический совет, очень занятые люди...

— И вдруг старуха из Мин-Булака? Ты что, стыдишься меня?

— Да ты постой...

— Ладно. До Москвы добралась, а тут рядом. Сама найду. Я хочу знать, чем ты занимаешься...

Эркин посмотрел на мать.

— Ты хочешь знать, чем я занимаюсь?

— Да, — подтвердила Асылкан.

— Хорошо, — неожиданно повеселел Эркин, — тогда мы с тобой съездим на ВДНХ. Там есть фильм о первой приливной станции. У ты все увидишь. И нашу станцию, и Боруша, и море...

— Правда? — обрадовалась Асылкан.

— Конечно! А ты — техсовет!..

— Нет, — сказала Асылкан. — Сначала техсовет, а потом кино...

Выгороженный шкафом закуток Боруша полон посетителей. Вошел Эркин, осторожно отодвинул озабоченную секретаршу.

— Ян Давыдович, я к вам.

— Да, но через минуту техсовет...

— Я знаю, — сказал Эркин, — два слова...

— Что-нибудь случилось?
 — Не знаю даже, как и начать.
 — Только быстрее рожай. Пора идти.
 — Мама приехала.
 — Прекрасно. Поздравляю. Откуда приехала?

— Из Мин-Булака. Тянь-Шань.
 — Ах да! Ну, великолепно!..
 — Ян Давыдович, она сидит в холле. Приехала на техсовет, и я ничего не могу с ней сделать. Говорит, хочу послушать.

Боруш хохотнул.

— У тебя прекрасная мать, Эркин Шатманович. Я все понял.

Он обернулся к секретарше.

— Нина Васильевна, — Боруш побарабанил пальцами по столу, — у нас в холле... Как ее звать, Эркин Шатманович?

— М-мм... Асылкан.

— У нас в холле сидит гостья из Киргизии. Проводите её, пожалуйста, в зал, устройте так, чтобы она не слишком обращала на себя внимание и чтобы ей никто не мешал...

Асылкан сидела в холле, а мимо нее народ шел на техсовет. Да, в таком обществе ей бывать еще не приходилось. Очки, очки, лысины и бороды, изжелта-белые седины, старомодные пенсне и ультрасовременные очки, предохраняющие глаза от резкого света... Как эти люди умеют говорить... Как уверенно, по-свойски они держатся... Как-то её Эркин? Не оробеет? А вот она оробела... Прав Эркин, чего это она придумала! Вздорная детская забава. И потом, она ведь уже увидела. И Боруша, и других сотрудников, и их рабочую комнату, и рабочий стол Эркина. Чего же ей еще? Она уйдет. Рядом был выход на лестницу, и Асылкан поднялась.

...Нина Васильевна вышла в холл, но там никого не было; Асылкан исчезла. Пора было идти в конференц-зал, Эркин шел и оглядывался, надеясь, что мать все-таки появится, но её все не было. Уже закрывая

за собой двери в конференц-зал, он еще раз оглянулся, — и холл и длинный коридор были пусты.

Волны били в берега. Грива прибой вздымалась над дикими скалами, вода, горбатаясь, с ревом откатывалась назад, обнажая блестящую полосу песка. А на берегу океана, в котловане дока, люди строили странное, кубической формы сооружение из бетона. Потом люди разобрали перемышку, и в док хлынула вода. Сооружение всплыло, закачалось на мелкой волне. Приблизился небольшой корабль, взял на буксир, потащил в море.

Асылкан смотрела, как странный караван входит в узкий морской залив, как опускается на дно моря водолаз, как волнуются люди на берегу, на борту буксировщика, как празднуют свою победу над морем, над океаном...

Отзвучал голос диктора, погас экран. Асылкан обернулась, поискала глазами девушку-экскурсовода, пошла ей навстречу.

— Ай, девушка, включи, пожалуйста, еще...

Та с любопытством глянула на Асылкан:

— Простите, пожалуйста, вы откуда?

— Э-э, — сказала Асылкан, — я издалека, из Киргизии.

— Странно, — сказала девушка, — почему вас это так интересует. Киргизия, и вдруг — приливная станция!

— Включи, пожалуйста, — попросила Асылкан. — Сын должен там быть, а я не увидела.

— Правда? — улынулась девушка.

Она нажала на кнопку демонстрационной установки и, оглянувшись на Асылкан, пошла к своему столику. А перед Асылкан снова возник океан, буксировщик и люди на капитанском мостике, она вглядывалась в них, стараясь разглядеть среди них Эркина. Но его не было видно. И тогда на помощь Асылкан пришло воображение. Она увидела океан, могучий и безбрежный.

К берегу шел мощный вал прилива, а по сверкающей дорожке утрамбованного волнами песка бежал Эркин. Он бежал, расспластав в стороны руки, то ли пытаясь взлететь, то ли обнять весь этот необъятный мир, и сушу, и море, и небо, и всех тех, кого он любит, кто ему близок!..

Кончилась музыка, смолк диктор, а Асылкан все еще стояла и смотрела на потухший экран.

Потом повернулась, прошла мимо девушки в синем халатике, мимо стендов с фотографиями, мимо макетов знаменитых и незнаменитых электростанций, вышла в стеклянные двери.

Над площадью возвышался устремленный в небо исполинский «Восток-1». Асылкан медленно обошла легендарную ракету, постояла у ее подножья, то поднимая взгляд к высоким иллюминаторам, то опять погружаясь в свои раздумья...

Ранним утром Эркин, стараясь не шуметь, собирался к себе в институт. Но мать уже не спала, приоткрыв глаза, следила, как он повязывает галстук, торопливо натягивает пиджак. Эркин оглянулся, взгляды их встретились.

— Ты куда вчера исчезла? — улыбаясь, спросил он. — Испугалась?

— Нет, — улыбнулась она в ответ. — Зачем мне все это... Что надо, я увидела.

— Что ж ты могла увидеть? Заглянула и бежать!

— Увидела... Тебя уважают... Я не могу судить твою жизнь...

— Послушай, — сказал Эркин, — я обещал свозить тебя на ВДНХ. Может, сегодня?

— Нет, — сказала Асылкан, — тебе некогда, а я там была.

— Была?

— Ну да. Вчера.

— И всешла?

— Хм, — повела головой Асылкан. — Скажи, почему тебя не показали в кино? Эркин с любопытством глянул на мать.

— Там много кого не показали. Разве в этом дело?

— Скажи, океан — это далеко?

— Далеко, — ответил Эркин, — как до дому и еще столько же.

— До какого дома? — словно невзначай полюбопытствовала Асылкан.

— До Мин-Булака, — пояснил Эркин. — А что?

Она не ответила.

— Ну, не скучай, — помахал ей рукой Эркин. — Еда в холодильнике, завтракай, обедай, отдыхай. Привет!

И его нет. Отгудел лифт, и все смолкло. Асылкан смотрит из окна на асфальтовый пяточок перед домом, где появляются крохотные фигурки, чтобы тут же исчезнуть в уличной толчее.

Она идет на кухню, садится на белый пластиковый табурет. Все убрано, чисто, все разложено по полкам. Она заглядывает под салфетку и видит приготовленный для нее завтрак. Но ей не хочется есть. Очень уж тихо в доме. Она выглядывает на лестничную площадку, но и здесь ни души. Постояла, посмотрела на соседскую дверь, на что-то решаясь, потом позвонила.

— Ах, это вы, — выглянул Алексей Иванович. — Доброе утро! Чем могу служить?

— Спички, — сказала Асылкан, — у вас есть спички?

Алексей Иванович скрылся за дверью.

— Только у меня вот, устройт? — сказал он, протягивая ей длинную ручку кухонной зажигалки. — Пожалуйста. Может, что-то еще надо?

— Нет, — сказала Асылкан и пошла к себе. — Больше ничего. Спасибо.

Она закрыла дверь, вышла на кухню, повесила зажигалку на гвоздь. Одна там уже висела. Своя.

Эркин в задумчивости сидел за столом, машинально листая книгу. Раздался звонок, вошел Алексей Иванович.

— Эркин Шатманович, зажигалочку мне! Не нужна?

— Какая зажигалка?

— Мама ваша брала. Спички просила...

Эркин идет на кухню, видит две зажигалки на гвозде, а рядом спички. Полный коробок. Он подает старику зажигалку, тяжело опускается на табурет.

— Что такое, Эрик,— спросил Алексей Иванович,— что-нибудь случилось?

— Мать уехала.— Эркин с силой провел ладонью по лицу, поднялся.— Даже спички пошла спрашивать, а спичек — вон, вагон. Не может одна...

— А кто может? — сказал Алексей Иванович.— По себе знаю...

Эркин достал фужеры, бутылку вина.

— Вот мы живем рядом, а я даже ничего не знаю о вас, Алексей Иванович... Вы откуда родом? Москвич?

— Со Смоленщины.

— Не тянет на родину?

— Так как сказать, где она? Я и не помню Смоленщину-то! Мне года три было, как уехали. Потом Харьков, потом Поволжье. Потом гражданская война, потом голод, потом на границе служил — и в Забайкалье, и в Хорго, и в Туркмении, и под Ленинградом. Потом финская, потом Отечественная...

— Ну а родные ваши?..

— Эх, Эрик, давайте полегче что-нибудь... Давайте лучше про приливные станции. Вы мне вот что скажите... Как же она при малой воде будет работать, а?

— Понял,— сказал Эркин,— простите Алексей Иванович...

— Нет, правда, я серьезно. Как она будет, ваша станция, когда ни прилива, ни отлива, когда нулевая точка? Бывает же в жизни такая точка, а?

— Бывает,— сказал Эркин,— бывает нулевая точка. Но станция-то не одна. Она включена в единое энергетическое кольцо, она на общий котел работает, понимаете? Тут и ГЭС, и тепловые, и атомные станции, все поддерживают друг друга, помогают в пиковые часы.

— Понимаю,— сказал Алексей Иванович.— Точно так же, как у людей...

Они стояли на дамбе — Боруш, Глебов и Эркин, смотрели, как машинист экскаватора поднимается в свою кабину. Вокруг стояли рабочие и инженеры строительного дока, они тоже смотрели на экскаваторщика, затягивались сигаретами и негромко переговаривались.

— Знаешь,— сказал Эркин Глебову,— такое чувство... Хочется бежать к опоре, все проверить, все снова пересчитать...

Боруш услышал, обернулся.

— Все, Эркин Шатманович, все, дорогой! Сейчас мы увидим, что насчитали. Но если наше творенье перевернется — ох, и памятник мы себе соорудим! На века!

Тяжелый ковш смаху ударил в перемычку.

Эркин оглянулся в сторону котлована. Там, срезая перемычку, елозили два бульдозера, а в середине, на самом дне, покоилась громадная, приземистая бетонная коробка, увенчанная высоченной этажерной стометровой опоры.

Глебов нагнулся к Эркину.

— Ты веришь, что наша бандура всплывет?

И опять Боруш услышал.

— Что, поджилки трясутся? — не оборачиваясь, спросил он.— Как же вы приливную электростанцию собираетесь строить? В Белом-то море! Это — цветик!

— Ах, черт! — негромко воскликнул Эркин.— Как это мы забыли!

— Что? — спросил Глебов.

Но Эркин уже мчался к прорабской.

Первая струя воды пошла через перемычку. Она набирала силу с каждым ударом ковша, теперь в док низвергалась уже целая река.

Эркин выскочил из прорабской с банкой масляной краски и кистью. Обгоняя воду, добежал до основания опоры, и стал теропливо, размашисто что-то писать на бетонной грани.

— Год! Год не забудь! — крикнул Глебов.

Вода все прибывала. Теперь все следили

за этим неожиданным состязанием — Эркина и подступающей воды.

«Привет», — написал Эркин.

Вода коснулась его ног.

«Белому», — продолжал Эркин.

Вода подвядлась по щиколотку.

«Морю», — дописал Эркин, смаху поставил восклицательный знак и, высоко поднимая ноги, запрыгал к дамбе.

Вода достигла надписи, закрыла одно слово, другое, третье.

— Эркин, — сказал Боруш, глядя на рвущийся в котлован поток, — все-таки рыбам будет непонятно. Вы не могли бы спуститься еще раз и приписать пояснение. Насчет Белого моря.

Зуура сильно, по-мужски, ударила кетменем, отвернула запруду, и вода пошла под очередную яблоню. Тыльной стороной ладони Зуура смахнула со лба прядь волос, глянула на мать. Асылкан сидела в тени дерева, на низкой скамеечке, и её пальцы привычно сучили нить. Лицо Асылкан было бесстрастно, казалось, что если её что-то сейчас и занимало, то, может быть, только вращение веретена.

— Не о себе думаю, — сказала Зуура, — перед людьми стыдно. Все за спиной говорят — мать бросили! Мы все решили, мама. Продаем свой дом и переезжаем. Будем жить вместе. Зарлык согласен.

Асылкан покачала головой.

— Согласен, говорись. Молодец Зарлык...

— Что, — спросила Зуура, — ты недовольна?

— Рано меня хоронить, Зуура.

— Мама!

— Что мама! Если ты переедешь — это будет твой дом, Зуура. Дом Зарлыка. И ничей другой. А это дом Шатмана. И он останется домом Шатмана.

— Слова это все! Как вы любите слова! Дому нужны мужские руки! Нужен хозяин!

— Выгонит тебя Зарлык — сюда при-

дешь. Устанет Анар в городе — здесь крышу найдет. Эркин приедет — комната ждет его, — как бы размышляла вслух Асылкан.

— Приедет он, как же! Ему же некогда! Вот когда он учился, когда ты ему нужна была, вот тогда у него было время!

— Злая ты, — негромко сказала Асылкан. — Отчего злая, не пойму.

— Правильно! — сказала Зуура. — Я же и плохая! А твой сыночек живет в свое удовольствие, и плюет на всех. Это я тебя, мама, не пойму. Как ты можешь? У тебя сына отняли, а ты чай пьешь с этой бабой. Он письма тебе не напишет, а ей подарки делает. Какой-то потаскухе! Всему веришь.

— Ну, братцы, поехали? — с отчаянной решимостью выкрикнул Боруш. — Все по местам!

За кормой буксира вскипала вода.

Все молчали. С напряжением смотрели, как покачивается на воде огромная бетонная «подушка», как едва заметно раскачивается опора, как сооружение медленно выплывает из горловины строительного дока навстречу простору и волне Каховского моря.

Эркин взглянул на Боруша.

— Что? — тихо спросил Боруш.

— Мы как почтенные гости, — ответил Эркин. — Дурацкое ощущение! Даже если что случится, мы уже ничего не сможем изменить. Нам тут просто нечего делать!

— Да, дело сделано, — сказал Глебов, — теперь только смотреть.

— Ну вот и крещение, — сказал Боруш, оторвался от поручней и полез на капитанский мостик, к капитану.

— Ветер, — встревоженно сказал Эркин, глядя на заметно раскачивающуюся верхнюю часть опоры. — Успеем?

— Куда денемся, — отмахнулся Глебов, — назад хода нет.

К буксиру лихо подлетела моторная лодка, остановилась борт о борт...

— Шатманов, Глебов, на выход,— закричали с лодки.

— Пошли,— сказал Глебов,— карета подана.

На борту вспомогательного судна команда готовила к спуску водолаза. Облачался в водолазный костюм и Эркин Шатманов. Ему помогали двое обнаженных по пояс парней. Тут же расположился со своей аппаратурой корреспондент Всесоюзного радио.

— Впервые в мировой практике опоры ЛЭП будут смонтированы на плавучих бетонных островах,— взволнованным голосом вел репортаж корреспондент.— Я веду свой репортаж с борта вспомогательного судна «Норд». Рядом со мной стоит главный конструктор проекта Глебов. Дмитрий Сергеевич, чем вызвана необходимость спуска под воду вашего коллеги Эркина Шатманова?

— Дело в том,— начал Глебов,— что нашим сооружением является не только опора и ее бетонная «подушка», но и тот выровненный участок морского дна, куда ляжет этот бетонный блок. Сейчас Эркин Шатманов спускается под воду, чтобы осуществить авторский надзор...

Глебов продолжает говорить, а Эркин подходит к борту, ступает на трап и медленно тонет в пузырящейся воде.

Хлопает калитка, в сад вбегает, запыхавшись, взволнованная женщина.

— Ой, эжеке,— с трудом переводя дыхание, обращается она к Асылкан,— там об Эркине говорят, по радио.

Асылкан смотрит на женщину, поднимается, бежит к дому. Вслед за ней устремляется Зуура. Обе вбегают в дом, крутят ручку репродуктора, но из него вырывается какой-то бодрый мотив.

— Где, что передавали? — нервничает Асылкан.— Ты можешь сказать?

— Ой, не знаю,— оправдывается жен-

щина.— Я услышала — Шатманов и побежала, чтобы сказать.

— Ну хоть что говорили?

— Ой, эжеке, я скорей побежала тебе сказать, некогда было слушать! Куда-то спускается. Под воду, что ли? Ой, не знаю!

Асылкан бежит через дорогу, в соседний дом.

— Ай, кызым, радио слушала?

— Нет, а что передавали? Что случилось?

Асылкан машет рукой. Ей некогда объяснять. Она бежит дальше, из дома в дом, задавая один и тот же вопрос. Но кому в селе в полдень слушать радио? Кто в поле, кто в саду. Но Асылкан бежит дальше, задыхаясь, хватаясь рукой за сердце. По щекам текут слезы. Вдруг кто-нибудь слышал?

Они входят в вестибюль гостиницы, усталые, в запыленных спецовках, с монтажными касками в руках. Эркин сразу же увидел Сашу. Она сидела в кресле, у ног стояла дорожная сумка. Взгляды их встретились, они одновременно рванулись друг к другу, обнялись.

Потом Саша, старательно отводя глаза, стала рыться в сумочке.

— Эрик, ты только не волнуйся! — сбивчиво заговорила она.— Может, ничего страшного... Мало ли что может быть! Мне позвонил Алексей Иванович. Он получил телеграмму... Для тебя.

Саша закусила губу, глянула на Эркина. Он выхватил телеграмму, развернул: «Мне плохо срочно выезжай. Мама».

— Внимание встречающих. Произвел посадку самолет, выполняющий рейс по маршруту Красноярск — Караганда — Фрунзе...

Взлетают и садятся самолеты. Неумолчный гул стоит над этой закованной в бетон землей.

— Мама,— говорит Анар и берет Асыл-

как под руку,— пойдём. Мы ведь не знаем номера рейса! Мы даже не знаем, откуда прилетит и прилетит ли он? Пойдём, сколько можно?

— Иди, я постою. Ты иди...

Его не должен был никто встречать. Никто не мог знать, откуда и когда он мог прилететь. И спускаясь по трапу, Эркин вовсе не вглядывался в толпу встречающих. Он двигался сквозь толпу, сосредоточенно думая с своим. И вдруг увидел мать. Она стояла по ту сторону ограды и смотрела на прилетавших. Смотрела мимо, ведь он никогда не прилетал в таком виде — в сапогах, спецовке, с сумкой и курткой через плечо.

— Мама!

— Эркинтай!

Он рванулся к ней через толпу.

— Ты как здесь очутилась? Откуда узнала, что я прилетаю этим рейсом?

— Я не знаю. Я просто встречаю, и все.

— Все рейсы?

— Анар приходила, но у нее дела. А мне что делать? Ждать тебя — вот и вся моя забота.

— Ничего не понимаю. Погоди, что с тобой было?

— Я хотела тебя увидеть.

— Мать, ты с ума сошла! Это черт знает что! Я ведь на работе.

— Ты не доволен тем, что я жива?

— Мать, так нельзя! Я даже никому не смогу сказать об этом!

— Зачем говорить? Считаю, что мне было плохо. Когда по-настоящему заболею, ты не успеешь приехать. Я живая хочу на тебя посмотреть... Не из гроба.

Губы Асылкан задрожали, она отвернулась.

Эркин безнадежно махнул рукой. Они шли к выходу в город, и Асылкан заглядывала сыну в лицо. Она едва попевала за ним. Он сердился, и она прощала ему эту рассерженность.

— Только вот что,— сказал Эркин, глянув на мать,— отвезу тебя домой — и сразу

назад. Ясно? Никаких гостей. Никаких угощений... К Анар заедем и все!

— Там видно будет,— уклонилась от ответа Асылкан.

— Да нет же, я тебя предупреждаю...

— Хорошо, хорошо... Но ведь ты переночуешь...

— Куда ж я денусь?

— Хорошо...— удовлетворенно сказала Асылкан.— Очень хорошо!

Вечерело, когда они въехали в Мин-Булак. Водитель затормозил у ворот шатмановского дома, устало откинулся на спинку сидения. Эркин вышел, помог выбраться матери.

Они пошли к дому. Эркин вдруг остановился, долго смотрел на дом, потом поставил вещи на землю, засмеялся и обнял мать.

— Чего ты? — строптиво спросила Асылкан.

— Что бы сказал Боруш! Нет, это непостижимо... Спасибо тебе,— сказал Эркин,— хоть на вечер, а дома. Только, правда, давай, чтоб никого не было. Побудем вдвоем...

— Побудем,— кивнула Асылкан.

Шофер сдал назад, круто развернул машину.

— Стой,— закричал Эркин.— Подвези до почты!

— Ты куда? Зачем? — Асылкан схватила Эркина за рукав.

— Непонятно? Саше позвонить. Она же волнуется.

— Да, да, правильно,— сказала Асылкан.— и я поехала в аэропорт, чтоб ты не волновался.

— Ай, мама, ты уж помолчи,— досадливо поморщился Эркин, садясь в машину.— Я скоро.

Асылкан посмотрела вслед ушедшей машине, подобрала вещи, поднялась на крыльцо.

Войдя в дом, она в тихой задумчивости опустила на стул, обвела комнату взгля-

дом, словно вернулась бог весть из какого дальнего путешествия. С простенка между окон, из-под стекла на нее глядел молодой и веселый Шатман.

Асылкан выбежала из комнаты. Хлопнула дверью.

Эркин только вошел в кабину, только снял трубку с рычага, как в зале показались запыхавшаяся Асылкан.

— Эй, Саша, здравствуй,— сказала она, вырвав трубку у Эркина,— Асылкан говорит, я живая. Я живая, Саша, ты не волнуйся. Ты приезжай. Я буду ждать тебя. Ты не волнуйся ни о чем. Это я — Асылкан.

Раннее утро, едва взошло солнце. По предгорьям, на полях лежат прохладные тени. По улице Мин-Булака шествует стадо. Щурясь от солнца, хозяин выгоняет коров из ворот.

Дом Шатмановых. В калитке появляется Эркин. За ним — Асылкан. Она идет за ним следом, они обнимаются, мать сует в сумку Эркина какие-то свертки, а он отмахивается, он торопится. И вот Асылкан остается на дороге одна.

Эркин оглянулся, махнул рукой. Еще раз оглянулся — мать все смотрела ему вслед. Тропинка вильнула в сторону, повела через поле к большаку. Улица, дом Шатмановых и Асылкан перед ним — все ушло за поворот. Эркин вытер глаза, ускори́л шаг.

Он еще шел по тропе, через поле, когда впереди на шоссе показался автобус. Пришлось пробежаться. Эркин бежал, махал дорожной сумкой, надеясь, что его заме-

тят. И заметили. Автобус притормозил, выбив из дороги облако пыли.

— Э, начальник,— закричал шофер, высовываясь из окна,— давай скорей. На базар опаздываем!

Из автобуса неслась песня. Пели с воодушевлением, громко, с желанием перекричать и шум двигателя, и друг друга, и баян, на котором кто-то старался вовсю.

Под взглядами пассажиров Эркин неловко пробирался по загроможденному мешками, сумками, хурджинами проходу, пока не добрался до последней скамьи. Занимая её от стенки до стенки, здесь вольготно развалилась компания здоровых, краснощеких, беспшабашно веселых парней с солдатом-отпускником и баянистом в центре.

— Э, байке,— закричал один из них,— давайте с нами, веселей будет!

Эркин кивком поблагодарил за приглашение. Впрочем, о нем уже забыли. Автобус затрясся по ухабам, по жесткому грейдеру, все вернулись к своим дорожным занятиям, к своим разговорам. Теперь он стал одним из них, он ехал, кое-как примостившись на краешке сиденья, его даже трудно было разглядеть, выделить в основательно забитом салоне.

Парни пели «Кун чыгышым». Ах, какая это просторная, забирающая душу песня. за которой видится так много — и этот автобус, и сами эти парни, и эти старики, и молодуха с ребенком на коленях. И эта бегущая за окном гористая тьянь-шаньская глубинка, и мосты над речушками, и придорожные топольки. И сам он, Эркин Шатманов, вновь покидающий родные места, которые всегда остаются с ним. в его сердце, в его памяти, ибо без этого человеку жить нельзя.

Владимир Куткин

ГОРОЖАНЕ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КУНИН (родился в 1927 году) до прихода в кинематографию служил в военной авиации. Член Союза писателей СССР. Кинематографический дебют В. Кунина состоялся в 1967 году, когда на киностудии «Ленфильм» по его сценарию режиссер Н. Бирман поставил художественный фильм «Хроника пикирующего бомбардировщика». В дальнейшем им и при его участии написаны литературные сценарии фильмов: «Удар! Еще удар!» («Ленфильм», режиссер В. Садовский), «Разрешите взлет» («Ленфильм», режиссеры Н. Троценко и А. Вехотко), «Дела сердечные» («Мосфильм», режиссер А. Ибрагимов), «Уральск в огне» («Казахфильм», режиссер М. Бегалин) и др.

По публикуемому в альманахе литературному сценарию «Горожане» фильм ставит на киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького режиссер Владимир Роговой.

Пожилой шофер такси поставил машину во дворе старого московского дома привычно оглядел колеса. Заметил стайку мальчишек в углу двора и на всякий случай запер дверцу на ключ.

Потом он тяжело поднимался по лестнице. Сопя, открывал дверь своей квартиры.

В темноте коридора обо что-то задел, и это «что-то» жалобно звякнуло.

— Тьфу ты, леший!.. — беззлобно сказал Шофер и включил свет.

Он половчее прислонил к стене велосипед, перешагнул через валявшиеся на полу кеды и толстые шерстяные носки и прошел в кухню. На ходу он снял фуражку и повесил ее на электрический счетчик.

Вынул из холодильника кастрюлю с супом, зажег газ и поставил кастрюлю на плиту. Потом вернулся в коридор и, уставившись взглядом на велосипед, снял телефонную трубку, набрал номер.

— Ниночка? Простите... А можно Нину Павловну?.. А когда она вернется из треста? Да нет, ничего... Я еще позвоню... Спасибо.

Шофер повесил трубку и пошел в ванную. И пока мыл руки, все разглядывал свою физиономию в зеркале. Смотрел на себя несколько отрешенно и глуповато, как это делают даже очень умные люди, убежденные в том, что за ними никто не наблюдает...

Тра-та-тра-та-та! — протарахтел входной звонок.

— Сейчас открою! — крикнул Шофер из ванной.

Но дверь открылась сама, и в квартиру влетела дочь Шофера — семнадцатилетняя Машка.

— Не нужно! — крикнула Машка.—

У меня ключи. Это я тебя так приветствую! Я твой кабриолет увидела и думаю: ну, всё! Наверняка ест без сметаны!.. Хорошо, что я тебя перехватила!.. Точно?

— Точно, — согласился Шофер.

За время этого диалога произошло много коротеньких событий: дочь поцеловала отца — раз, Шофер успел мазнуть ей по носу мокрой рукой — два, и Машка успела стереть воду с лица о свитер отца. Одновременно Машка умудрялась разгружать авоську.

Шофер вытирал руки полотенцем и насмешливо разглядывал дочь. И было ясно, что Шоферу, в его потертой кожаной куртке и старом свитере, чрезвычайно льстит то, какой стройненькой и модненькой выглядит его Машка.

...Шофер хлебал суп со сметаной, а Машка в пластиковом переднике мыла посуду в раковине.

— Как в школе? — для порядка спросил Шофер.

— Потрясающе, папуля! — счастливо закричала Машка.— Мы завтра не учимся! Представляешь, какая везуха?!

Шофер не донес ложку до рта.

— Это почему же?

— Грипп!!! — с восторгом ответила Машка.— И что самое грандиозное, что у Юрки в колледже буквально то же самое!..

— В каком еще «колледже»? — не поняв Шофер.

— Ну, в ПТУ, в семьдесят шестом! Аналогичный карантинчик! Представляешь?! Так что мы запросто можем поехать завтра за город!

— Никто не звонил? — небрежно спросил Шофер.

Лицо Машки мгновенно приняло выражение холодной отчужденности. Тыльной стороной ладони она откинула волосы с лица и улыбнулась. И в улыбке ее было снисходительное прощание:

— Нет. Нина Павловна не звонила. Но если она завтра не работает, ты можешь пригласить её вместе с нами.

— Завтра она работает...— сказал Шофер и грустно докушал супчик.— Белье из прачечной привезли?

— Все о'кей! Сейчас я тебе второе положу.

...Потом Шофер уже в фуражке стоял у дверей с сигаретой в руке, а Машка, глядя в зеркало у вешалки, загибала себе ресницы.

— Ты во сколько сегодня кончаешь?

— Возврат в двадцать два тридцать,— сказал Шофер.— Так что, считай, пока туда-сюда, к двенадцати буду дома... Ты никуда не идишь?

— Нет. Юрка должен зайти...

— Скажи, что я достал ему болты ЭМ-шесть.

— А это что?

— Он знает. Привет...— И Шофер открыл дверь.

— Цулуу,— сказал Машка, упирая на первое «у», и поцеловала отца.

У подземного перехода машину остановили три очень модные девицы.

— ...Можно буквально обалдеть!— севшая рядом с Шофером блондинка продолжала начатый разговор.— Она делает себе платье из чудного импортного материала и умудряется скрыть его так, чтобы полосы шли поперек!

Девушки, сидящие сзади, захохотали.

— Куда?— спросил Шофер блондинку.

— На Горького. В кафе «Националь»...

— Обедать?— весело спросил Шофер.

— Банкет заказывать,— подмигнула блондинка и тут же повернулась назад к приятельницам:— Ну и конечно, теперь в

этом платье она вылитый трехстворчатый шкаф!..

Блондинка чуть ли не с ногамп залезла на сиденье.

— Да, девочки!— завопила она.— Со всем забыла!.. Вчера приходит Митька, зовет меня на кухню и преподносит какую-то коробочку... Чтоб мне провалиться— большой флакон «Кристиан Диор»!..

— Ой!— пискнула одна, а вторая трагически прошептала:

— Пятьдесят рэ!..

Шофер скосил глаза на блондинку, словно хотел сказать: «Ну, есть же еще на свете идиоты...»

— Покажи!— в один голос потребовали девицы.

Блондинка вынула из сумки флакон духов и осторожно открыла пробку. Встав на сиденье коленями, она повернулась к подругам. Благоговейно закрыв глаза, девицы нюхали пробку.

Шофер тоже понюхал воздух в салоне и снова покосился на блондинку.

— Ну как?— победно спросила блондинка.

— Восторг!— сказала одна, а вторая шумно вздохнула.

На перекрестке, у светофора, он сразу понял, что это свистят ему. Так и есть! Влез на пешеходную дорожку... Вот и старшина-орудовец. Они одного возраста, давно знакомы.

Шофер вышел ему навстречу.

— Здравия желаю, товарищ начальник,— сказал Шофер.

— А, это ты?— сказал старшина.— Ну, привет, привет... У тебя что— этот, как его... Дальтонизм?

Шофер глянул на переднее сиденье. Увидел только ноги блондинки и сплкнул:

— Задумался, товарищ начальник. Замечтался...

— Иди на пенсию и мечтай себе там сколько влезет,— сказал старшина.— Давай права!

— Может, деньгами лучше, а, старшина?..

— Ну, ладно, гони рубли!

Шофер вынул рубль, а старшина стал рыгаться в планшет.

— Сейчас я тебе квитанцию дам...

— Да брось... Как-нибудь потом...

— Ты что, сдурел?! — рявкнул старшина так, что Шофер перетрусил. — Держи!

Старшина вынул из планшета учебник алгебры и сунул его Шоферу. Тот виновато взял алгебру, а старшина уже нашел книжку штрафных квитанций. Шофер вернул ему алгебру, взял квитанцию и не удержался:

— Всё еще в восьмом сидишь?

— В десятый перешел, темнота! — презрительно бросил ему старшина. — Езжай, езжай...

Шофер спрятал квитанцию в бумажник и задумчиво сказал:

— Христиан Диор...

— Чего?.. — угрожающе переспросил старшина.

— Христиан Диор, — вздохнул Шофер. — Духи такие. Пятьдесят рублей флакончик...

— Ври больше!.. — ошалело сказал старшина.

— Ей-богу! — поклялся Шофер.

Старшина посмотрел вслед отъезжающему такси и покачал головой.

— Что случилось? — спросила блондинка.

— Ничего, — ответил Шофер. — Сядьте, пожалуйста, как следует...

...Шофер остановил машину у «Националя».

— Вылезайте, девочки. Я заплачу, — сказала блондинка.

Она подала Шоферу деньги и сказала:

— До свиданья. Мне очень жаль, что вас оштрафовали.

— Ничего, — ответил Шофер. — Сам виноват...

А потом Шофер посмотрел ей вслед, сплонул и сказал вслух:

— Христиан Диор...

И понюхал воздух в кабине...

И тут же дверца его автомобиля открылась и чей-то голос уверенно спросил:

— Вы разрешите?

У машины стоял высокий respectable-ный генерал.

Рядом с ним томился и отводил глаза в сторону его сын — солдат в выходной форме и с чемоданчиком в руке.

— Пожалуйста, пожалуйста... — оробел Шофер.

— Садись, Алеша, — сказал генерал сыну.

Солдат влез на заднее сиденье, а генерал крикнул в сторону черной «Волги», стоявшей у тротуара с поднятым капотом:

— Иван Николаевич!..

Из-под капота вылез замурзанный сверхсрочник:

— Слушаю, товарищ генерал!

— Починитесь, поезжайте в академию.

— Слушаю!

Генерал сел на переднее сиденье и сказал Шоферу:

— На Курский вокзал, пожалуйста.

И повернувшись к сыну, продолжил прерванный разговор:

— Ну неужели только из-за болезни бабушки, после моих долгих просьб, тебя должны отпускать в увольнение? Ты думаешь мне не прискорбно слушать, как твой командир роты мне выговаривает?

— Да ладно тебе, папа... — поморщился солдат.

— То есть, как это ладно?! — возмутился генерал. — Да я в твои годы...

Но тут и солдат не выдержал:

— Очень у вас у всех удобенькая позиция: «Вот я в твои годы!..» И выясняется, что один в мои годы коров пас, другой — камни ворочал, третий еще как-нибудь утверждал свое пролетарское происхождение... А вот мы, которые коров не пасли и камни не ворочали, в чем-то перед вами на всю жизнь виноваты! Противно просто...

Все, что сказал солдат, было очень похоже на правду, и теперь Шофер с интересом ждал, что ответит ему генерал.

Генерал достал из кармана пальто пачку сигарет, щелкнул зажигалкой. А потом сказал:

— Я, Алеша, за свою сознательную жизнь сталкивался с людьми, которые для достижения своих маленьких, лилипутских целей или для оправдания больших грехов громко и бесстыдно использовали прекрасные общие истины. Одни кричали, что так требует народ, другие опирались на священные традиции, третьи зывали к человеческому благородству и так далее... Способов уйма, лотерея беспроигрышная. И вот сейчас, слушая тебя, я с удивлением углядел зачаточное сходство между тобой и теми людюшками.

Шофер потрясенно посмотрел на генерала и уважительно покачал головой.

Солдат безнадежно смотрел на несущуюся мимо Москву.

— Но я же не преследую никаких целей,— устало огрызнулся он.

— Лжешь. Преследуешь. Всё, что ты говорил, абсолютно верно. Послушать тебя, так можно подумать, что ты-то и есть истинный борец за попранные права молодежи! А если бы ты не попался на самовольной отлучке, если бы тебя не посадили на гауптвахту, ты бы так говорил?! Да тебе и в голову бы это не пришло! А теперь, когда тебе на секундочку прицепили хвост, ты завопил о судьбах молодежи. Койку заправлять не умеешь, зачет по тактике ведения боя в ночных условиях не сдал, отстрелялся плохо...

Шофер облегченно усмехнулся. Генерал выигрывал.

— Ну хватит, папа...

— Служить в армии и плохо стрелять — просто нонсенс! — презрительно сказал генерал.— Да еще при таком оружии, как у вас сейчас! Тебе бы самозарядную винтовку дали, как мне в сорок первом, ты бы зашел Лазаря...

Генерал повернулся к Шоферу:

— Помните десятизарядную СэВэТэ?

— Еще бы! — рассмеялся Шофер.— Кошмар, а не оружие!..

— Кошмар! — подхватил генерал.— То патрон наперекосяк, то затвор заклинит...

Солдат разолился:

— Да ладно тебе, папа! В прошлом году позвонил бы куда следует, я бы уже сейчас на втором курсе института был, а не в армии...

Генерал чуть не задохнулся от гнева:

— Любой порядочный человек на моем месте набил бы тебе физиономию! Извините, пожалуйста...

— Ничего,— поощрительно сказал Шофер.— Вы на каком фронте были?

— На Первом Украинском.

— Соседи,— сказал Шофер.— Я на Белорусском...

Машина подъехала к вокзалу.

— Благодарю,— сказал генерал, подавая Шоферу деньги.

— Не за что...

Шофер втихомолку сделал генералу успокаивающий жест рукой: мол, все будет в порядке...

И генерал понимающе подмигнул Шоферу: дескать, сам знаю, но...

К вокзалу подкатывали такси. Из одной, выпустив пассажиров, появился громадный водитель. В нем килограммов сто тридцать.

— Здорово!

Толстый водитель снял фуражку и вытер пот со лба:

— Ну, как там, разбирали мое заявление на местком?

— Разбирали.

— Будет путевка?

— Будет.

— Ну слава богу! — оживился толстый и надел фуражку.— Я прошлый год туда ездил — четыре килограмма сбросил! Меня никто узнать не мог!.. А ты чего стоишь?

— Только подъехал. Клиентов привез.

Толстый сел в свою машину и крикнул Шоферу:

— Много сделал? — последовал классический жест пальцами.

— План будет,— ответил Шофер.

— Тогда порядок! — крикнул толстый и уехал.

Юра сидел за столом и аккуратно подпавал концы к разобранной электрической бритве Шофера.

Машка стояла сзади, облокотившись на спинку его стула, и почесывала нос о Юрину макушку.

— Ну, отстань, Машка!..— недовольно говорил Юра.— Мешаешь ведь...

Машка тихонько подула ему в затылок, расправила пальцами его волосы:

— А ты счастливый будешь... У тебя две макушки. Вот одна... А вот и другая...

— Ну, Машка! — раздраженно сказал Юра.— У тебя совесть есть? Я из-за тебя второй раз перепаиваю...

Машка выпрямилась, потянулась и лениво сказала:

— Господи... Другой бы за счастье считал...

Юра так и застыл с паяльником в руке.

— Кто это «другой»?

Машке понравилась перспектива помучить Юру. Она поправила волосы, погляделась в зеркало и томно сказала:

— Да так... Пустяки.

— Ты смотри у меня,— угрожающе сказал Юра и снова склонился над бритвой.

— Отца ждать будешь? — спросила Машка.— Он чего-то просил передать тебе, а я забыла.

— А он когда вернется?

— Часам к одиннадцати.

— Что ты! В общежитие не пустят...

— Тогда я провожу тебя.

— Проводи,— улыбнулся Юра.

Машина медленно пробиралась по Садовому кольцу. Времени осталось только на то, чтобы доехать до парка. Поэтому Шофер не заезжал на стоянку и не останавливался, когда ему махали наивные пассажиры.

На углу улицы Воровского высокий парень держал за руку девочку лет восемнадцати. Парень сошел с тротуара на мостовую. Девчонка что-то сказала ему и потянула обратно на тротуар. Парень, не отвечая ей, смотрел в сторону такси.

Шофер поглядел на девочку. Чем-то она показалась похожей на Машку и поэтому, когда парень поднял руку, Шофер притормозил.

— Вам куда, молодые люди?

— Странный вопрос, шеф! Мы, кажется, еще не сели в аппарат,— сказал парень и перекинул сигарету из одного угла рта в другой. Он сделал это очень лихо — видно, долго тренировался.

Шоферу захотелось послать парня к черту, но он посмотрел на девочку и сказал:

— У меня смена кончилась, я в парк еду, к «Динамо»...

— Блестяще, шеф! И нам туда же!

— Я не поеду,— сказала девочка.— Мне домой нужно...

— Садись,— зло сказал парень.

Они влезли в машину, и как только она тронулась, сзади сразу же началась возня.

— Ну, пусти...— тихо проговорила девочка.

Парень не ответил.

— Ну, пожалуйста, убери руки...— жалобно прошептала девочка.

Шофер громко покашлял. Возня прекратилась.

— Попроси остановить,— прошептала девочка.— Я вылезу...

— Не дури, цаца! — сказал парень и обратился к Шоферу: — У вас спички есть, шеф?

У Шофера были спички... Они лежали рядом с ним на сиденье.

— Нету, гражданин, у меня спичек...

Сзади опять началась возня.

— Мне нужно домой,— шептала девочка.— Ты не представляешь, какой будет скандал!.. Убери руки... Ну, я прошу тебя! Ну что ты делаешь? Ну как тебе не стыдно?..

И девочка потихоньку заплакала. Шофер остановил машину.

— А ну кончай! — повернулся он.

— Давай, давай... Трогой! Тебя не вызвали... — огрызнулся парень.

Шофер медленно вылез, открыл заднюю дверцу и рывком вытащил парня из машины. Второй рукой взял его сзади за штаны и выкинул на газон.

Потом Шофер молча забрался в кабину и поехал.

Девочка испуганно забилась в угол. Через зеркало Шофер видел ее заплаканное лицо, открытый рот и расстегнутую кофточку.

— Где ты живешь? — спросил Шофер.

— Остановите, пожалуйста. Я вылезу...

— Где ты живешь?..

— У меня денег нет, — сказала девочка и опять начала плакать.

— Где ты живешь? Я тебя спрашиваю! — рявкнул Шофер.

— На Хорошевке... У Силикатного.

Машина мгновенно развернулась и помчалась по Беговой.

Шофер досадливо посмотрел на часы. Ох, черт, как он опаздывает!.. Он прибавил скорость. Семьдесят, восемьдесят, девяносто!.. На перекрестке горел зеленый свет, и он с ходу свернул на Хорошевское шоссе. Вслед ему понесся милицейский свисток. Шофер посмотрел через зеркало назад и увидел, как разъяренный инспектор угрожал ему кулаком.

— Застегнись, — сказал Шофер девочке.

Девочка зашмыгала носом и стала топроливо застегиваться.

Мелькали дома. Неслась машина...

— Здесь... — сказала девочка.

Машина остановилась. Шофер посмотрел на таксометр: один рубль шестьдесят копеек.

Девочка тоже посмотрела на счетчик. Шофер перехватил ее взгляд, щелкнул тумблером — на таксометре вместо рубля шестидесяти копеек появились нули.

В подворотне несколько парней лениво бренькали на гитарах.

— Идем, я провожу тебя, — сказал Шофер.

Они поднимались по лестнице.

— Знал бы твой отец! — зачем-то сказал Шофер.

— У меня нет отца...

— Ну, мать... Все равно.

На четвертом этаже девочка остановилась.

— Спасибо, — сказала она.

— Кушай на здоровье, — ответил Шофер и стал спускаться вниз.

— До свиданья, — сказала девочка.

— До свиданья, — Шофер помахал ей рукой с третьего этажа.

Слышно было, как девочка позвонила домой, как ей тотчас открыли дверь и истерический женский голос закричал:

— Где ты шляешься до двенадцати часов ночи?! Ну, я тебя!..

...В каком-то переулке Шофер остановил машину, включил свет и вынул из заднего кармана кошелек. Достал оттуда два рубля и спрятал кошелек обратно. Из левого кармана куртки вытянул бумажник с выручкой, положил туда два рубля и взял сорок копеек сдачи...

— Благодарю вас, — мрачно сказал он себе и сам же ответил: — Не за что...

Стараясь не разбудить Машку, он осторожно открыл дверь квартиры, не зажигая света, тихонько прошел в коридор.

И тут же в темноте раздался звон и грохот упавшего велосипеда. Шофер злобно чертыхнулся.

Потом щелкнул выключатель. Лежал на полу велосипед, так же, как и днем, валялись в коридоре кеды и толстые шерстяные носки... Шофер поднял велосипед, ногой загнал под вешалку кеды и носки, прошел в комнату.

Машки не было. Висели на кресле ее старенькие джинсы, а на столе, на ковровой скатерти — отвертка, пассатижи, паяльник и электрическая бритва.

В роли Шофера — Народный артист СССР Николай Крюков

Шофер быстро прошел на кухню. Ужин ему был приготовлен и накрыт чистым полотенцем, но в раковине сгрудились грязные тарелки, вилки, ножи. И это окончательно вывело Шофера из себя.

— Ну, я тебе!..

Он выскочил во двор и крикнул, не заботясь о спящем доме:

— Машка!!!

Где-то рядом из темноты раздался спокойный Машкин голос:

— Папуля пришел. Что, па?

— Марш домой немедленно!

— Что это с ним? — удивилась Машка. — Ну-ка, пойдём, Юр...

Они вышли из-под темной арки ворот. Впереди шла Машка, за ней Юра. Машкино спокойствие оковчательно взбесило Шофера.

— Марш домой!

— Что с тобой? — потрясенно спросила Машка. — Я провожала Юру...

Но Шофер уже ничего не слышал, кроме плача той девочки в его машине: «Ну, пусти меня... Убери руки... Как тебе не стыдно?..»

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Шофер не ответил ему и снова закричал на Машку:

— Домой! Кому я говорю?!

Машка пожалала плечами и ступила на лестницу. Юра ошеломленно смотрел на Шофера. А тот все слышал тоненький девичий беспомощный голос: «Ну, пожалуйста, убери руки... Ну, что ты делаешь!..»

И опять впереди Шофера на несколько ступенек шла семнадцатилетняя девочка. Только там была чужая лестница и чужая девочка. А здесь лестница своя. И девочка — дочь Машка.

В дверях квартиры его снова понесло:

— Сегодня ты гуляешь до часу ночи...

— Но мы же завтра не учимся... — перебила Машка.

— Сегодня ты гуляешь до часу ночи, — закричал Шофер уже в коридоре. — А завтра, может быть, вообще ночевать не придется?

Машка закрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной.

— Что с тобой? О чем ты говоришь?..

Шофер уже и сам понимал, что не прав, но тут снова увидел велосипед, об который шарахнулся в темноте, грязные кеды, раз-

брошенные носки, и в душе его опять поднялась волна гнева. Он схватил велосипед, грохнул его колесами об пол.

— Сколько раз я просил не оставлять эту дрянь в коридоре?! — Шофер в ярости поддал ногой кедину так, что она вылетела в кухню. — Посуда не вымыта! Носки на полу!..

Он схватил Машку за руку и втащил ее в комнату:

— Это что такое?! — Он показал на джинсы в кресле. — А это что?! — Он ткнул пальцем в бритву и инструменты.

— Мы тебе бритву чинили...

— Плевать я хотел на бритву!.. — рявкнул Шофер. — Квартира не убрана, всё разбросано!.. А ты с мальчишками по парадным тискаешься?!

— Папа!!! — закричала Машка.

Шофер вдруг холодно и жестоко посмотрел Машке в глаза:

— Что «папа»? Что «папа»... Вам хиханьки, хаханьки, а мне потом слезы горькие?! Да?!.. Я не где-нибудь, я в такси работаю! Вы у меня все как на ладони! Я каждого как сквозь рентген вижу...

И тогда Машка брезгливо сказала:

— Прекрати.

— Была бы жива мама!..

— Прекрати немедленно, — в голосе Машки прозвучали твердые нотки.

— Да как ты смеешь?! — и Шофер грохнул кулаком по столу.

— Смею, — сказала Машка, глядя в упор на отца. — Я от тебя ничего не скрываю... А ты...

— Что?! Что я?.. — крикнул Шофер.

Машка стала собирать инструменты со стола и спокойно сказала:

— А ты уже два раза говорил мне, что идешь работать в ночь... А сам? Ты думаешь я ничего не понимаю про Нину Павловну?

— Замолчи!!! — в отчаянии закричал Шофер и... ладонь его полоснула по лицу дочери.

— Машенька... — в ужасе сказал Шо-

фер хриплым шепотом. — Прости меня, Машенька... Господи, что я наделал!..

Из Машкиных рук вылетели инструменты и рассыпались по полу.

Машка удивленно простонала и посмотрела на отца так, словно увидела его впервые...

— Машенька... — голос у Шофера совсем пропал.

Под утро Машка заснула, уткнувшись опухшим от слез носом в подушку. Она и во сне еще судорожно вздыхала и всхлипывала.

А Шофер сидел в маленькой чистенькой кухоньке за столом, тупо смотрел в одну точку, курил и изредка горестно качал головой. Потом придалвил окурок в пепельнице, встал и сказал сам себе:

— Сволочь я старая... Негодяй, прости господи...

Часов в десять утра Шофер стоял перед зеркалом и брился. Машка умывалась.

— Машенька! — сказал Шофер фальшиво-бодрым голосом. — Я завтрак приготовлю, а ты звони Юре. Мы же за город собирались... Помнишь, доченька?..

— Помню, папа, — холодно ответила Машка из полотенца.

— Я вчера одного генерала возил, — заискивающе посмеялся Шофер. — Такой грамотный мужик! Просто интеллигент высшего класса! С Первого Украинского...

Дочь вытерлась, повесила полотенце и пошла.

Шофер печально посмотрел ей вслед.

— Машенька...

— Да, папа? — повернулась Машка.

— Знаешь, доченька...

Машка молчала. И Шофер замолчал.

— Ты что-то хотел сказать? — ровным голосом спросила Машка.

— Ничего...

И Машка пошла в комнату.

Зазвонил телефон. Шофер взял трубку:

— Слушаю.

— Это ты?
 — Я.
 — Слушай! Рожков заболел.. Будь друг, выручай! Выезжай на линию, а?..
 — А, чтоб вы лопнули!.. До которого часа?
 — Ну, как вчера.
 — А если бы у меня телефона не было?
 — Но у тебя же есть телефон,— резонно ответили Шоферу.
 — Отгул потом дадите?
 — Хоть два!
 — Ладно. Выеду,— сказал Шофер и бросил трубку.
 Он прошел в комнату и сказал:
 — Доченька... Меня на работу вызвали. Сменщик мой заболел. Ты его знаешь, деточка... Рожков. Дядя Витя... Я поеду?..
 Машка недобро усмехнулась. Она накрывала на стол.
 — Ты дома будешь? — спросил Шофер.
 — Дома.
 — А может, вы за город одни, без меня поедете?
 — Я буду дома, папа.
 — Ну, ну...

Из ворот таксомоторного парка, мимо поста ОТК выезжал Шофер. Старый мастер-контролер черкнул в путевке Шофера и буркнул:

— С богом...

Шофер тронул было с места, но тут же притормозил, открыл дверцу и спросил мастера:

— Слушай, Петрович, твоей дочке сколько?

— Которой? У меня их две.

— Ну, младшей...

Мастер поднял глаза в потолок, что-то посчитал и махнул рукой:

— А черт ее знает... Она уж лет пять не говорит, сколько ей. Хочешь я тебе лучше про внуков расскажу?

— Нет, нет... Что ты! — испугался Шофер.— Про внуков мне еще рано.

Захлопнул дверцу и выехал на улицу...

В мрачноватом, не очень уютном холле производственно-технического училища, за барьером сидела бабка — вязала маленькие варежки и ключи принимала.

У самой входной двери, возле телефона-автомата выстроилась очередь из пэтэушников. Юра стоял в этой очереди, а за ним еще тянулся хвост человек в десять.

Шофер медленно ехал по утренней осенней улице. С противоположной стороны вдруг раздался крик:

— Эй, дядя! У тебя закурить не найдется?

Это кричал молоденький водитель мусороуборочной машины. Шофер притормозил, вынул сигареты.

— Есть, племянничек, есть!..

Парень выпрыгнул из машины и перебежал улицу. Шофер протянул ему сигареты:

— Спички есть?

— Тоже нету,— весело сказал парень.

Шофер дал ему прикурить и снова протянул пачку:

— Бери еще.

— Я у тебя парочку...— сказал парень.

Он спрятал сигареты в верхний карман комбинезона и с наслаждением затянулся:

— Я, как демобилизовался, всё тоже норовил в такси попасть. Не взяли.

— Это почему же?

— Третий класс. Нам, говорят, с третьим классом не нужно. Нам, говорят, требуются водители опытные...

— А ты учишь, повышай квалификацию...

— Да некогда!.. Я в футбол играю за городской трест очистки. В кино-то времени нет сходить!..

— Слушай, а еще в Организации объединенных наций ты не заседаешь? — мрачно спросил Шофер.

— Нет. Там как-то без меня справляются... А что?

— Да я смотрю, ты такой занятый весь...

Парень не обиделся, расхохотался.

Маша, дочь Шофера,— актриса Марина Кукушкина, Юра — актер Михаил Васильков

- Спасибо за курево, дядя!
- Валяй, валяй, тетя...

В это же время Юра говорил по телефону с Машкой:

— Ты не нервничай и возьми себя в руки... Если будет нужно, я ему и сам все объясню...

— Только попробуй сунься!..— сказала Машка и невидяще посмотрела на себя в зеркало.— Он тебе болты достал ЭМ-шесть.

— Спасибо,— мрачно сказал Юра.— Нужны мне теперь его болты...

— Дурак.

— Он тебя... побил? — осторожно спросил Юра.

Машка окаменела у зеркала. А жотом ледяным голосом произнесла:

— Ты что, с ума сошел?..

Очередь у телефона в холле ПТУ уже волновалась. Разговор затягивался. Длинный парень с полотенцем на шее подошел к Юре:

— Давай, кончай. Понял?

Юра прикрыл трубку рукой и тихо сказал парню:

— Отойди по-хорошему...

И снова к Машке:

— Короче! Я сейчас приду...

— Не приходи,— сказала Машка и оглядела квартиру.— Я буду занята. У меня дел по горло...

— Значит, всё?..— упавшим голосом спросил Юра.

— ~~Кончай~~ понял!..— с блатноватой хрипотцой угрожающе протянул длинный парень с полотенцем.

— Подожди секунду! — сказал Юра Машке, передал трубку какому-то парнишке и бешено повернулся к длинному: — Ну ты, клизма! Тебя сейчас задавить или позже?..

И тогда из очереди закричали длинному:

— А ну, отхлынь!..

— Эй, длинный! Дай поговорить человеку!..

— Юрка! Врежь ему!..

Юра снова взял трубку.

— Значит, все?.. Да? — снова спросил он у Машки.

— Ничего не всё! — закричала Машка и заплакала. — Ничего не всё! Это только сегодня!.. Потому что человек иногда должен быть один...

И тогда Юра загородился плечом от всей очереди и тихо сказал в трубку:

— Я тебя люблю...

Машка не расслышала:

— Что?.. Что ты сказал? Я не слышу...

Юра глубоко вздохнул, выпрямился, повернулся к длинному и ко всей очереди и внятно повторил:

— Я тебя люблю. Слышишь?

И очередь мгновенно смолкла. Очередь устыдилась своего присутствия при этом разговоре и оценила чужое мужество. Очередь патэушников сделала вид, будто ничего не произошло... Юра медленно повесил трубку, посмотрел на длинного и сказал ему:

— Ну... Выйдем?

Но длинный вдруг стряхнул с себя опеменение, презрительно сплюнул и ответил:

— Пошел ты...

И отодвинулся на безопасное расстояние...

Потом Шофер подъехал к стоянке такси, где ждали человек десять-двенадцать. А над стоянкой мигал сигнал диспетчерского вызова. Шофер самую малость не доехал до очереди и остановился. Он вылез из машины и подошел к телефонной коробке. Открывая коробку, посмотрел на очередь.

Первым стоял парень с явного похмелья. Он был в шляпе, сбитой на затылок, кожаной куртке и расстегнутой рубашке. Рубашка была расстегнута сознательно, чтобы предъявить тельняшку как удостоверение личности. Он стоял лицом ко всей очереди и привязывался к гражда-

нину в очках. Гражданин держал в руке портфель и какие-то свертки.

— Ну, пойдем, выпьем... — говорил парень. — Ну, чего ты? Пойдем...

— Не смейте ко мне приставать! — с трусливым достоинством сказал ему человек в очках.

— Вот чудак!.. — ухмыльнулся парень. — Разве я к тебе пристаю? Я же предлагаю только выпить...

— Каков наглец! — возмущенно сказал гражданин, обращаясь к очереди за сочувствием.

Сочувствие было проявлено незамедлительно. Парня начали ругать, и он искренне удивился.

— Почему «наглец»?.. Я же его угостить хочу...

Он повернулся к гражданину в очках.

— Может, ты думаешь, что у меня денег нет? Не волнуйся. С этим все благополучно... Пожалуйста!.. — Парень извлек из кармана толстую пачку двадцатипятирублевков. — Пойдем? Мне знаешь, как скучно!..

Секундное молчание и какая-то старуха истерически завопила на всю стоянку:

— Да его в милицию надо! Рецидивист! Жулик!..

— Эх, барышня!.. — с тоской сказал парень старухе. — Были бы вы мужского полу, закатал бы я вам промеж глаз...

Очередь сразу же стихла.

— Ну, мужики! — грустно сказал парень. — Айда кто-нибудь по коньячишке...

Очередь хранила испуганно-презрительное молчание.

— Эх, люди!.. — вздохнул парень и спрятал деньги. — И кто же вас такими скучными сделал?..

Шофер повесил телефонную трубку, хлопнул крышку аппарата и сел в машину. Он подъехал к очереди и спросил:

— Кто следующий?

Гражданин в очках открыл дверцу. Парень удивленно посмотрел на него:

— Эй, пустрик! Ты куда?..

— Кто первый? — спросил Шофер.

— Я надеюсь, вам известно, что пьяных в такси сажать не положено? — спросил гражданин в очках.

— Да трезвый я! — обиделся парень. — Трезвый...

— Кто первый? — повторил Шофер.

— Да я, батя! Я — первый!.. — заволновался парень.

— Хулиган! — взвизгнула старуха.

— Ну и садись, раз ты первый! Слюняй!.. — рывкнул Шофер.

Парень расплылся в добродушной улыбке и сел рядом.

— Куда? — строго спросил Шофер.

— Куда угодно!..

— Тогда в вытрезвитель, — сказал Шофер.

— Не... Это меня с вечера надо было... А сейчас уже не к чему. Поехали, батя, в Химки...

Едут. Парень притих. Лицо усталое, глаза грустные...

— Я опущу стекло, батя?

— Опускай, опускай. Проветрись...

Парень опустил стекло со своей стороны, снял шляпу и подставил лицо ветру.

— Слушай, а чего они все такие злощие?..

— Кто? — не понял Шофер.

— Ну, те... В очереди.

— А-а-а... Они не злощие. Они — люди. И у каждого что-то свое... Знаешь, в каждой забушке свои погрешности. А ты еще к ним с фарсом со своим лезешь. Выпить предлагаешь. Деньгами хвастаешь.

— Что ж, и погулять нельзя?

— Знаешь, сынок, раньше так себя вели купчики заезжие: «Раз я гуляю — моему идраву не препятствуй! Я веселюсь — все веселитесь!» Вот так и ты: лезешь со своим весельем к посторонним людям. А может, этим людям в данный момент неохота веселиться? Ты об этом подумал?

— Я тоже, может быть, не с радости гуляю... У меня, может, сейчас трагедия почище, чем у них у всех... А тут еще всякие рецидивистом обзываются...

Парень опять достал пачку денег.

— Я за них два года на зимовке вкалывал!

— Что же ты там делал?

— Водителем на вездеходе...

— Спрячь деньги, «водитель». Гуляешь-то с какой радости?

— Я же тебе говорю — трагедия... Был у меня друг... Девчонка у меня была. Отличная девчонка! Только не дождалась меня, а вышла за моего друга... И нет у меня больше ни девчонки, ни друга... Понял? И я здесь никому не нужен!.. Со мной на зимовке все как с писаной торбой носились! С доктором наук из одной миски кашу жрали!.. Я по семьсот километров санные поезда водил!.. Мороз — пятьдесят, а мы идем и свое дело делаем... Потому что никто кроме нас этого не сделает!

— Понял... А в Москве у тебя больше никого нет?

— Почему нет? Есть. Тетка — папаши покойного сестра.

— Тетка-то человек?..

— Тетка — человек!.. Я у нее последние пять лет перед армией воспитывался...

— А где она живет?

— В Быково...

Шофер резко развернулся в обратном направлении.

— Эй, батя! Куда везешь? — удивился парень.

— В Быково. Сиди, не рыпайся...

Парень блаженно улынулся и откинулся на спинку сиденья.

Потом Шофер стоял в телефонной будке и говорил:

— Понимаешь, — в жизни пальцем не тронул, Ниночка!.. Помню в четвертом классе дневник с двойками зарыл во дворе... Так ведь слова нашел какие-то... За ремень не хватался. Сообразил, что нельзя. Что душу можно человеку покалечить. А тут!.. Прямо наваждение какое-то... Рукой по лицу!.. Представляешь? Рукой по лицу!..

Шофер помолчал, а потом снова сказал:
— Что же делать, Ниночка?.. Что же мне теперь делать?..

Дверь квартиры Шофера была распахнута настезь. Машка, завязав голову косынкой, суетилась в коридоре. Снимала с вешалки пальто, куртки, вытащила на лестницу ящик со старой обувью. Начиналась генеральная уборка...

Юра сидел на ступеньках лестничного марша, ведущего на верхний этаж, лицом к распахнутой двери.

— Давай помогу...— наверное не в первый раз предложил Юра.

— Сиди...— отозвалась из коридора Машка.— В конце концов существуют какие-то правила общежития. Если ты живешь с человеком под одной крышей — изволь ему доверять во всем!..

— Давай помогу,— сказал Юра.

— Не суйся... Мне противно!.. Понимаешь, противно, когда он бегает к этой Нине Павловне, а мне то про ночную смену, то еще про что-нибудь вкручивает... Что ты сидишь? Помогите мне вытащить вешалку!..

Юра вскочил, подхватил вешалку и поволок её из коридора на лестничную площадку.

— Причем, я убеждена, что она вцепилась в него мертвой хваткой...— говорила Машка.— Я себе очень четко представляю этот тип одиноких дамочек, которым кажется, что это последний мужчина в их жизни... Всё! Придвинь поближе к стене...

— Ты её когда-нибудь видела?— спросил Юра, снова садясь на ступеньки.

— Видела,— неохотно ответила Машка.— Один раз. Мельком... Издалека.

— Ну, и как она?

— Ничего,— вынуждена была признать Машка.— Смотрится.

— Машка...— задумчиво сказал Юра.— Хочешь, я тебя к своим отвезу?.. Во Владимир. Ты там и школу закончишь...

— Господи!..— по-бабьи вздохнула Машка.— О чем ты говоришь?.. Как я могу

его оставить?! Юра, ты думаешь, он действительно сегодня на смену выехал? Черта с два! Он сейчас наверняка у нее...

Машина подкатила к гостинице «Россия», и Шофер вышел протереть лобовое стекло. Тотчас к нему подскочил служащий гостиницы в форме:

— Сорок три — сорок девять?

— Точно,— ответил Шофер.

— Одну минутку,— служащий помчался к подъезду.

Там под навесом стояла красивая, высокая, элегантная старуха с букетиком цветов. Ее держал под руку молодой переводчик «Интуриста».

Служащий гостиницы указал переводчику на машину Шофера и скрылся в подъезде, а переводчик, бережно поддерживая старуху, двинулся к машине.

Старуха вежливо поклонилась Шоферу и сказала переводчику по-французски:

— Спасибо, дружок. Не сопровождайте меня... Мне хочется съездить туда одной.

— Вы не заблудитесь?

— О, нет...

Переводчик посадил старуху в машину и захлопнул дверцу. Шофер забеспокоился.

— Э, парень!— крикнул он переводчику.— Куда везти?

Старуха мягко улыбнулась и сказала на чистом русском языке:

— На Новодевичье кладбище...

— Извините,— смутился Шофер.

— Ради бога.

Машина плавно катилась по набережной, миновала бассейн, потом — по Кропоткинской, Пиროговской...

Сидела в машине грустная, задумчивая старуха...

— А вы хорошо говорите по-русски,— сказал Шофер, чтобы загладить неловкость.

— Это не мудрено, голубчик... Я москвичка...— вздохнула старуха.— Была москвичка...

— А теперь где живете?

— В Гренобле... Во Франции.

Полярник — актер Олег Даль, гражданин в очках — Валентин Никулин

— Не жалеете?

Старуха подняла усталые, мудрые глаза и встретилась с взглядом Шофера в зеркальце.

— Ах, месье!.. Жизнь состоит из потерь...

Такси остановилось у ворот Новодевичьего кладбища.

— Проводите меня, будьте любезны,— попросила старуха.

Они шли по центральной аллее, и высокая элегантная старуха держала под руку старого Шофера такси в потертой кожаной куртке. Шли два москвича по центральной аллее Новодевичьего кладбища...

— Нам сюда, направо,— сказала старуха.

Они свернули направо и прошли в старую заросшую аллею. У одной очень скромной ограды старуха выпустила руку Шофера, погладила его по плечу и улыбнулась.

Шофер такси отошел в сторонку и с интересом стал читать надписи на могильных плитах.

Стояла старуха у ограды, крестилась и кланялась потускневшему белому мрамору. Положила свои цветочки за ограду и снова стала креститься и кланяться.

А потом подняла голову, поискала глазами Шофера и улыбнулась ему. Шофер подошел, старуха взяла его под руку, и они медленно пошли обратно...

Лежали цветы старухи, бывшей москвички, грустной француженки у скромного маленького обелиска, на котором черными буквами написано: «Антон Павлович Чехов»...

Старый мастер ОТК шел по своему таксомоторному парку. Проходил мимо машин, сквозь огромные цеха, похожие на заводские, мимо ремонтных зон, оптических стендов, гидравлических подъемников и самодвижущихся лебедок...

Потом вошел в управленческий корпус, пройдя по коридору, остановился у двери с табличкой: «ФОФАНОВ В. В. Заместитель директора парка по эксплуатации». Постучал и сразу открыл дверь:

— К тебе можно, Василь Васильевич? Фофанов, человек лет пятидесяти, склонный к полноте, с умной хитроватой физиономией, сидел за столом. Напротив сидел тот самый парень, которого накануне Шофер выкинул из машины.

— Чего тебе? — недовольно спросил Фофанов.

— Заявки подписать, — сказал мастер.

— Зайди попозже.

— Это сколько же раз надо к тебе заходить? — спросил мастер.

— Сколько надо, столько и будешь. Видишь, занят!

Мастер непочтительно сплюнул и закрыл дверь. А Фофанов посмотрел на парня и ободряюще сказал:

— Слушаю...

Сегодня парень выглядел гораздо скромнее. Вид у него был обиженный и чрезвычайно правдивый.

— Вот и получается, — продолжал он. — Рабочий человек садится в такси, а ему морду бьют. Ему возить положено, а он...

— Ай-ай-ай! — Фофанов приподнялся из-за стола. — Вы, товарищ Зайцев, только не волнуйтесь! Как говорится, от возмездия он у нас не уйдет! Ай-ай-ай!.. Какое безобразие!.. Ну, прямо возмутительно!

Фофанов оглянулся на дверь и, понизив голос, сказал Зайцеву:

— Не поверите, как с этой шоферней тяжело управляться! Это же волки, хищники!.. Что ни день, то ЧП! Как на линию выехал, так всё! Никакого над ним контроля! А все почему? А всё потому, что у нас коллектива нет! Не коллектив, так... — Фофанов на секунду остановился за спиной парня и добавил решительно и громко: — Вот что, товарищ Зайцев, садись-ка и напиши мне всё, что ты только что рассказал. Слова к делу не пришьешь, а нам для борьбы с подобными явлениями такой документец просто необходим. Вот тебе бумага, вот ручка — пиши!

— На ваше имя?

— Не, не, не... Зачем на мое? Прямо на имя директора таксомоторного парка.

Парень стал писать, Фофанов заходил по кабинету.

— Как дальше писать? — спросил парень.

— Сейчас, сейчас... Значит, так. Пиши: «Такого-то числа, в такое-то время, мною, гражданином таким-то, проживающим там-то, было нанято такси Вашего парка номер такой-то»... Написал?

— Написал, — помедлив, ответил парень.

— Та-а-а-ак... — протянул Фофанов. — Пиши дальше: «В пути следования водитель машины номер такой-то неоднократно отпускал в адрес меня и моей девушки грубые реплики...» Так ты говорил?

Парень оторвался от бумаги и с интересом, внимательно посмотрел на Фофанова. Тот перехватил взгляд парня и разозлился:

— Ну что смотришь? Сам же так говорил!.. Пиши, пиши! Я тебе продиктую...

Машка и Юра вытряхивали ковер на заднем дворе...

— Ты пойми, — говорил Юра, отплевываясь от пыли. — Он же одинокий человек!.. А человек быть одиноким не может...

— Он одинокий?! — возмутилась Машка. — Как это «одинокий»? А я?

— А ты для него ребенок! Ты для него всегда будешь ребенок!..

Стояла пыль столбом на заднем дворе, равномерно взлетал и хлопал старенький ковер, отворачивали головы Машка и Юра. Отплевывались...

— Но он пожилой!.. Пойми это, черт возьми! Он пожилой человек!.. Я у него родилась, когда ему уже сорок два было!.. Я так и называлась — «поздний ребенок»!..

— Это он для нас пожилой, — сказал Юра. — А для Нины Павловны...

— Он и для нее такой же... — разозлилась Машка. — У них разница чуть ли не в двадцать лет!..

— Ну и что? — сказал Юра. — Давай перевернем ковер...

Машка перестала вскидывать ковер и вдруг застыла.

— Но он же так любил маму...

Юра промолчал, а потом негромко проговорил:

— Но ведь прошло одиннадцать лет...

Машка посмотрела на Юру и печально спросила:

— Слушай... А если бы я умерла?.. И прошло одиннадцать лет. Ты тоже так смог бы?..

Юра рванул в отчаянии ковер вверх и закричал растерянно:

— Дура! Ты никогда не умрешь! Никогда! Слышишь?!

На улице Горького Шофер высадил пассажира, отъехал от тротуара и тут же притормозил у светофора на Пушкинской площади. Впереди стояло машин десять-двенадцать. На этом перекрестке Шофер всегда успевал закурить. Он полез в карман за сигаретами... И вдруг — толчок, скрежет металла! Шофера сильно отбросило на спинку сиденья...

— Тьфу! Будь ты проклят!..

Он выскочил из кабины и увидел, что остановившийся сзади троллейбус изрядно помял бампер его машины.

Из троллейбуса неуклюже вылез пожилой водитель. Разъяренный Шофер схватил его за отвороты форменной куртки:

— Что же ты делаешь, подлюга?! На тракторе тебе ездить, дубина! На волах!..

И вдруг Шофер заметил, что водитель троллейбуса смотрит на него широко открытыми глазами, и губы у него дрожат, и сейчас вот-вот... И забыв обо всем на свете, Шофер вдруг закричал на всю улицу:

— Иван! Ванька!.. Живой?!.. Тридцать лет, Ванька!

Шофер всё держал его, не отпускал, и всё смотрел и смотрел в изменившиеся, но такие знакомые черты лица.

— Ванька...

— Узнал, браток... — троллейбусник схватил руку Шофера и стал тискать её, что есть силы...

А вокруг стояли люди. И не было никакой аварии... Был друг, про которого уж и не думалось, что он живой...

Не слышно было ни людей, ни машин, весь шум многолюдной улицы исчез, растворился, отступил перед тихим голосом старого друга:

— Волоколамск помнишь?.. Червоненко помнишь?.. Витьку — интеллигента?..

— Помню, Ваня... Ох, как я все помню!..

И вдруг совсем близко:

— Что случилось, товарищи водители? Молоденький, лет двадцати, лейтенант милиции строго смотрел на них.

— Что случилось, я вас спрашиваю?

— Ничего, — успокоил его Шофер и улыбнулся. — Всё в порядке, сынок.

Лейтенанту очень захотелось обидеться, но он не знал, как это нужно сделать при таком большом количестве людей, и поэтому нервно сказал:

— Нечего торчать на перекрестке. Проезжайте немедленно!

— Садись, — сказал Шофер Ивану. — Садись, я за тобой поеду...

Иван шел к своему троллейбусу и всё время оглядывался на Шофера, словно боялся потерять его снова. Шофер тоже сел в машину и пересек Пушкинскую площадь.

Остановка.

— Следующая — площадь Маяковского! — сказал Иван в микрофон и расслабленно шмыгнул носом.

Такси притормозило рядом. Шофер открыл дверцу и чуть не лег на сиденье. Иван высунулся из кабины.

— Ну, как ты? — спросил Иван негромко.

— Да ничего... Ты-то как?

— Я тогда так искал тебя... — сказал Иван и махнул рукой вперед. — Поехали! У нас график очень жесткий.

Шел троллейбус по улице Горького. Рядом двигалось такси...

Остановка.

— Следующая — улица Фучика, — сказал Иван в микрофон.

— Ты женат?

Кадр из фильма

— Женат. Пацанов уже трое...

— Слушай, Иван...

— Поехали... График...

Он будто извинялся перед Шофером за то, что не может высадить всех своих пассажиров, загнать троллейбус в какой-нибудь тихий переулок и поболтать с другом о былом...

— Следующая — Большая Грузинская! А ты женат?

— Холостой! — сказал Шофер. — Дочь — невеста!

— Как же это мы?! В одном-то городе!..

И снова они ехали вместе, как пристегнутые друг к другу — юркое такси и большой неповоротливый троллейбус...

— Белорусский вокзал — следующая!..

— Телефон запиши хоть, — сказал Шофер.

— Давай.

— Двести сорок три, тридцать три, двадцать четыре...

— Ты завтра работаешь?

— Гуляю, — ответил Шофер. — Давай, двигай, сзади подпирают.

Такси и троллейбус двигались совсем вплотную друг к другу.

— Ванька! — крикнул на ходу Шофер. — Ты вроде тогда помоложе был?..

— Проводи еще остановку...

— Давай, давай!

— Второй часовой завод! — объявил Иван.

— Я завтра с утра дома, — сказал Шофер.

— Обязательно! А то не дай бог еще тридцать лет пройдет...

И снова Шофер стоял в телефонной будке и крутил диск. И физиономия у него была счастливейшая!

К его такси подошли какие-то люди, оглянулись, узнали в нем водителя и вопросительно посмотрели на него. Он улыбнулся им и знаком показал, чтобы они сядились в машину.

А телефон в квартире Шофера все не отвечал...

...потому что (это было видно из окна) Машка и Юра, растянув во дворе веревку, выбивали пыль из зимних вещей и не могли слышать никаких звонков...

Тогда Шофер, чуть помрачнев, набрал другой номер. Этот номер соединился, и Шофер сказал в трубку:

— Нельзя ли попросить Нину Павловну?..

— Нины Павловны нет. Она вышла,— ответили Шоферу.

— Извините,— огорченно пробормотал Шофер и повесил трубку.

Он покинул будку и направился к своей машине, в которой уже сидели пассажиры.

— Вам куда? — хмуро спросил он.

— На Авиамоторную...

И такси покатило.

У Никитских ворот, возле закуской, полным-полно машин с зелеными глазками. Некоторые — во втором ряду, их водители ждут, когда кто-нибудь из пообедавших отъедет от тротуара, чтобы занять освободившееся место.

Наш Шофер подъехал, секунду помедлил, оценивая тактическую ситуацию и, проскользнув между соперниками, мгновенно прижался к поребрику. Сделано это было так нахально и мастерски, что ничего, кроме восхищенной ругани, у других водителей не вызвало.

А Шофер подмигнул нерасторопным, обошел свою машину сзади, посмотрел на примятый троллейбусом бампер, усмехнулся и удивленно-радостно покачал головой. Так, улыбаясь, и вошел в закусную...

Там стоял дым коромыслом! Шофер с одним поздоровался, с другим, похлопал по плечу старуху-уборщицу, взял поднос и встал в очередь. Здесь он был своим человеком...

Нагруженные куртками, пальто, одеялами Машка и Юра тяжело поднимались по лестнице.

— А может быть, у него вчера что-нибудь на работе случилось,— сказал Юра.

— Но я-то тут причем? — остановилась Машка.— Мне-то он почему не верит?..

Юра тоже остановился.

— Тебе он верит...

Он поправил кипу вещей на плече и пошел вверх по лестнице. Машка двинулась следом.

— Так чего же он закатил истерику? — крикнула Машка.

— Это он мне не верит,— сказал Юра.

— Как мне осточертели эти, так называемые, «взрослые»! Я думала, что хоть мой не похож на всех...

— И главное все пишут, пишут, пишут...— проворчал Юра.— То про акселерацию, то про инфантильность, то про ранние браки...

— И главное, кто пишет?! — подхватила Машка.— Люди, которым в силу своего почтенного возраста все это уже давно не доступно!..

— Что «недоступно»? — не понял Юра.

— Ну... в общем...— смутилась Машка.— Короче — ты есть хочешь?

— Как тебе сказать...

— Всё ясно! — Машка обрадовалась возможности переменить тему.— Сейчас сваливаем это барахло, я в темпе сервирую на кухне стол, а ты пулей летишь в булочную. В доме ни крошки хлеба!..

За овальными высокими столами закуской стояли по несколько человек. Напротив Шофера обедали две девчонки в халатиках со значками Школы торгового ученичества. Все трое хлебали суп из металлических мисочек.

— Здорово! — К Шоферу протиснулся какой-то таксист с подносом, на котором стоял такой же суп, котлеты и компот.— У тебя не занято?

— Привет,— сказал Шофер.— Становись.

— Слушай, ну умора!..— пристроившись, начал рассказывать таксист.— Ко мне из Горьковской области приехали тет-

ка жены и золовка... Ну, я тебе скажу, тет-ка — железная чувиха! Шестьдесят семь лет, а по всей Москве как наскипидаренная носится, кримплен ищет... Прямо сбесился! А золовка... Умрешь с ней!.. Исключительно югославскую спальню хочет! Я ей говорю: «Дуська! А кабинет Людовика четырнадцатого тебе не надо?» А она мне: «А где дают?» Ничего себе?!

Одна из девчонок, обедавших рядом, умудрялась безостановочно есть суп, плакать и жаловаться своей приятельнице:

— ...Вчера спрашиваю: «Где твоя зарплата?» А он мне: «Не твоя печаль. Ты в гастрономе работаешь, прокормишься...» Я ему говорю: «Была бы жива мама...» А он...

Шофер будто окаменел с ложкой в руке. Знакомый таксист еще что-то весело рассказывал про тетку жены и золовку, но Шофер уже не слушал его, а только смотрел на плачущую девочку.

— Уеду я... — всхлипывала она. — Завербуешь куда-нибудь и уеду...

— И правильно! — горячо зашептала другая, заслоняя подругу от посторонних глаз. — Кому он к черту нужен!..

Шофер бросил недоеденный суп, нетронутые котлеты и компот и в ужасе стал спешно выбираться из закуской...

Бросился к первой телефонной будке и лихорадочно стал набирать номер. А в трубке — длинные гудки.

Снова набрал — снова длинные гудки...

Бросил трубку, побежал к своей машине, завел ее и помчался через пол-Москвы к своему дому...

...Он влетел сквозь узкую подворотню во двор, выскочил из машины и побежал на третий этаж.

Трясущимися руками вставил ключ в замок, открыл дверь и ворвался в квартиру.

В ванной шумела вода, и Шофер первым делом бросился туда. Ничего, кроме грязных замоченных тряпок, там не было, и Шофер метнулся в комнату.

В старой продранной майке с большим баскетбольным номером на спине, в блек-

лых латаных джинсах, завернутых до колен, Машка остервенело мыла пол...

Шофер обессиленно рухнул на стул, стоявший у двери.

Машка выпрямилась, держа грязную тряпку в руках. Физиономия мокрая, злая, волосы прилипли ко лбу.

— Ты что? — спросила она и стала отжимать тряпку в ведро.

А Шофера колотила нервная дрожь и дыхание с хрипом рвалось из груди.

— Ты что?! — испугалась Машка и застыла с тряпкой в руках.

Шофер перевел дух и ответил как можно спокойнее:

— Да... вот... талоны на бензин забыл дома...

И тогда Машка снова стала яростно выкручивать воду из тряпки. Потом вдруг выскочила в суть сказанного отцом и медленно опустила тряпку в ведро.

— Ты сегодня работаешь?..

— Да, — сказал Шофер и пошел в кухню.

Там он увидел стол, накрытый на двоих, кипящую кастрюлю на плите. Прикрутил газовый кран, хмыкнул, ухватил щепоть квашеной капусты, с удовольствием захрустел...

Все еще не веря, Машка подошла к окну комнаты, выглянула во двор и увидела машину отца. Она прошла в коридор и столкнулась с Шофером в дверях кухни. Рот у него был набит капустой. Машка внимательно посмотрела на отца и спросила раздельно и со значением:

— Значит, ты сегодня, действительно, работаешь?

Полный рот квашеной капусты заставил Шофера только утвердительно покивать головой.

— А тогда? — в упор спросила Машка.

И Шофер отрицательно мотнул головой, виновато глядя в глаза дочери...

Такси нашего Шофера двигалось по загородному шоссе к аэропорту.

Сзади сидели мужчина и женщина, на коленях у них громоздились небольшие красивые чемоданчики. Муж и жена отпоявлялись в отпуск...

— Умоляю, быстреей!..— сказала женщина.

— Когда самолет?— спросил Шофер.

— Ровно через сорок пять минут,— сказал мужчина, посмотрев на часы.

— Успеем,— сказал Шофер.

И началась сумасшедшая гонка!

Шофер молчал и пассажиры молчали. Летели мимо дома, магазинчики, безнадежно отстаивали другие машины...

— Кажется, успеваем,— сказал муж и достал сигареты.

— Замолчи и не смей курить,— процедила жена.

Муж покорно спрятал сигареты.

— Не нервничай.

— Я не могу не нервничать! Я успокоюсь только тогда, когда буду сидеть в самолете!..

— Всё будет в порядке,— сказал муж.

— Ты можешь помолчать?!

На спидометре было сто двадцать...

— Всё твоя дурацкая щепетильность!— взорвалась жена.— Телефон без очереди ты поставить не можешь, машину из министерства ты вызвать не можешь! Что ты можешь?! Объясни мне, что?!

— Ну, перестань, не волнуйся... Ну, причем здесь телефон?

— При том, что такси можно было вызвать по телефону! А у нас его нет! Нет! Хотя у всех твоих сотрудников он есть!..

— И у нас будет. Дом ведь новый... И машину из министерства я не могу вызвать. Я уже два дня нахожусь в отпуске и делать мне это неудобно...

— Боже мой! Двадцать лет я живу со святым идиотом!..— воскликнула жена.

— Ну, перестань,— муж брезгливо поморщился.— В конце концов это пошло...

И в это время машина завиляла, словно подбитая. Шофер резко свернул на обочину, затормозил и выскочил на дорогу. Так и есть — спустило заднее колесо.

Около Шофера уже стоял его пассажир.
— Плохо?— спросил он негромко.

— Плохо,— честно ответил Шофер.— Сколько осталось до вылета?

— Двадцать три минуты.

— Успеем,— сказал Шофер.

Из машины выскочила женщина.

— Я так и знала! Я так и знала!..

Она выбежала на середину шоссе и попыталась остановить другую машину. Это ей не удалось, и она вернулась, полная отчаяния и злости.

Шофер уже успел подвести домкрат и теперь свинчивал с колеса гайки.

— Помочь?— спросил мужчина.

— Тащите сюда запаску.

Женщина начала лихорадочно вытаскивать из машины чемоданчики...

Шофер с ее мужем работали. Муж оказался отличным помощником.

— Ключ!— командует Шофер.

— Держите!

— Спасибо. Вправо, вправо крутите...

— Раз, два, сняли!

— Хорош!

— Давайте запаску!

Вместе они надели запасное колесо.

— Наживляйте гайки, а я опущу машину!..

— Долго будет продолжаться это издевательство?!— в бешенстве закричала женщина.

И тогда вдруг поднялся ее муж. В руках он держал балонный ключ и монтировку. Рукава пиджака засучены, руки грязные, лицо в масле.

— Сейчас же прекрати истерику!— грозно рявкнул он. И тут же, нагнувшись, стал затягивать гайки.

Женщина замолчала и скисла. Склонившись у колеса, Шофер посмотрел на мужчину. Тот, сидя на корточках, глянул на шофера, подмигнул ему, и они оба по-мальчишески прыснули...

Машина влетела в аэропорт под радиоголос:

— Пассажиры Петровых, вылетающих рейсом одиннадцать семьдесят два по маршруту Москва-Адлер, просят немедленно занять свои места в самолете. Повторяю: пассажиры...

Женщина чуть не выпрыгнула на ходу из машины.

— Мы здесь!.. Сейчас! Одну минуточку!..

Шофер резко остановил машину. Втроем они схватили вещи и ворвались в здание аэровокзала. Шофер даже дверцу забыл захлопнуть.

Стояла пустая машина такси с открытой дверцей и загораживала путь рейсовому автобусу. Когда водитель автобуса убедился, что проехать ему не удастся, он нервно посигналил и крикнул в сторону стоянки такси:

— Эй! Чья машина?..

Несколько водителей такси переглянулись, пожали плечами, а один, молодой паренек, крикнул:

— По всему видно, наша...

Он сел за руль машины Шофера, аккуратно захлопнул дверцы и отогнал машину в сторону. Вылезая, заметил пачку сигарет на сиденье. Вытащил одну, прикурил...

Когда Шофер вышел из здания аэровокзала, со стоянки раздался разбойничий свист. Шофер обернулся и увидел, что его машина стоит в самом конце длинной вереницы такси.

— Папаша,— крикнул молодой паренек,— я у вас сигареточку там подстрелил. Не возражаете?

— Кури на здоровье...

— Успели? — спросил кто-то.

— Успели,— ухмыльнулся Шофер.— Клиент попался забавный!..

— Небось, фэар какой-нибудь приезжий? — спросил паренек.

— Нет, что ты! — уважительно сказал Шофер.— Наш, коренной... Министр. Не меньше!..

— Ну да?!

— Точно! — сказал уже совсем уверенно Шофер и показал большой палец: — Вот такой мужик!..

После обеда в кухне Юра мыл посуду, а Машка в комнате разбирала вещи из шкафа. Все они были свалены на тахте, и Машка аккуратно прилаживала их на вешалки. Тут были пиджаки и брюки Шофера, Машкины старые школьные платья и много всякого, что годами хранится в больших семейных шкафах.

Что-то было укутано в чистую старенькую простыню и заколото булавками. Машка отстегнула булавки, развернула простыню и увидела крепдешиновое платье давнишнего фасона...

— Юр...— негромко позвала Машка и подняла платье с тахты.— Юр, посмотрика...

Юра вошел в комнату с тарелкой и посудным полотенцем в руках.

— Мамино...— сказала Машка и показала на фотографию под зеркалом.

Там жена Шофера была именно в этом платье...

— Надень...— сказал Юра.

— Ну, что ты...— смутилась Машка.

— Нет, правда, надень,— попросил Юра.— Прямо на это...

И Машка взяла и надела прямо на майку и джинсы мамино крепдешиновое платье с рюшечками и оборочками, с плечами-фонариками, блекло цветастое и по-сегодняшним временам нелепо длинное...

Она стояла в этом платье и разглядывала себя в зеркало. И Юра смотрел на нее.

— Знаешь...— очень серьезно проговорила Машка.— А ты... А ты надень... Сейчас, подожди!

Она повернулась к тахте и из-под кучи разного барахла осторожно вытащила выходной костюм Шофера. Она сняла с «плечиков» пиджак и протянула Юре:

— А ты надень вот это...

Юра улынулся, но Машка была строга и печальна. И тогда Юра тоже перестал улыбаться и неловко надел пиджак Шофера.

Под левым лацканом пиджака позвякивал длинный ряд военных медалей, и на-

чинался этот ряд с двух солдатских орде- нов «Славы»..

Пиджак был очень широк, рукава ко- ротки, и Юра стоял, боясь пошевелиться, потому что чужие награды звенели у него на груди и от этого становилось страшно- вато.

Они стояли перед зеркалом и смотрели на себя — два семнадцатилетних человека, случайно примеривших чужую прожитую жизнь...

Мчалась наша машина в Москву с но- вым пассажиром.

— А вот мой тесть говорит, что «Моск- вич» лучше! — запальчиво сказал пасса- жир.— И с «Жигулями» их сравнивать...

— Я не сравниваю, — устало проговорил Шофер.— Я ни на той, ни на другой не ездил, так что...

— Ну вот вы какую бы взяли? — не унимался пассажир.

— А никакую... Дочке рано, а я на этой накручу с за день так, что руки отвали- ваются...

— Это не ответ... — упорствовал пасса- жир.

— Самый правильный ответ, — рассер- дился Шофер.— А вот вы мне скажите: по- чему это, как в такси сядут (вы только не обижайтесь), так обязательно с водителем нужно разговор об автомобилях завести? Или считаете, что мы ни о чем другом ду- мать не можем?

— Ну, зачем же так?.. — растерялся пас- сажир.

— Вот вы кем работаете? — продолжил наступление Шофер.

— Я врач... — робко ответил пассажир.

— По какой специальности?

— Кардиолог...

— Это как? — не понял Шофер.

— Сердце...

— А-а-а, — уже совсем другим тоном протянул Шофер.

Впереди показалась бензоколонка.

— Не возражаете, если заправимся?

— Пожалуйста, — пожал плечами пас- сажир.

И Шофер свернул на заправку, подо- гнал машину к колонке и вылез из кабины. Пока доставал талоны из бумажника, ка- кой-то слесарь, чинивший соседнюю колон- ку, оторвался от работы и посмотрел на него.

— Эй!.. — пегромко позвал слесарь и вы- тер руки ветошью.

— Елки-палки! — удивился Шофер.

— Сколько лет, сколько зим!..

— Тыфу ты, леший! Бондаренко?! здо- рово! Ты здесь откуда?..

— Всё оттуда же... Из мест не столь от- даленных.

— Давно?

— Да уж недели три.

— Чего же в парк-то не зайдешь?

— А чего душу травить? Я и здесь по- чти всех вижу. Всё тебя ждал... Думаю: ко- гда мой сменщик бывший на заправку явится?.. Тебе сколько?..

— Да уж шестьдесят без малого.

— Бензину, спрашиваю, сколько?

— А под завязку...

— Давай талоны. Открывай пробку, дер- жи «пистолет»...

Слесарь сам отнес талоны заправщице и снова подошел к Шоферу.

— Кто у тебя сменщик сейчас?

— Рожков Витька. Помнишь?

— А ты думал? Как дочка твоя?..

— Отличная деваха! Человек...

Слесарь прислушался, как хлещет бен- зин в бак, и сказал:

— Сейчас за ней только глаз и глаз...

Такой возраст.

Шофер посмотрел на бегущую стрелку- счетчика на колонке, поправил «пистолет» в горловине и ответил:

— Никакого за ней глаза не нужно. Этим только обидишь лишний раз... В та- ком возрасте самое страшное — человека обидеть...

— А в другом возрасте можно?

— Нет. Обижать людей ни в каком воз- расте нельзя, — возразил Шофер.— А ты

что, может, себя обиженным считаешь?

— А ты думал?!

— Ты не обиженным себя считай, а счастливым, что тебе тогда не пять лет впаяли, а только год! Нажрался за рулем, машину исколечил и еще обижается!..

— Не ожидал я от тебя...

Насос выключился автоматически. Шофер повесил шланг, закрыл пробку, и уже садясь в машину, сказал:

— Так что ты, Петро, себя к великомученикам не причисляй, понял?!

И резко рванул машину с места. Пассажир удивленно посмотрел на Шофера.

— Знакомого встретили?

Тот не ответил. Только поудобнее устроился за рулем и сам спросил:

— Вот скажите, доктор, почему это я когда немного попсихую, у меня вот здесь, как важмет? — И Шофер показал на левую сторону груди.

Пассажир рассмеялся.

— Со мной то же самое...

— Тоже здесь зажимает? — поинтересовался Шофер.

— Нет. Как узнают, что врач, так со мной обязательно только про болезни.

— Один — один! — рассмеялся Шофер.

— Так где, вы говорите, у вас болит?.. — уже серьезно спросил пассажир.

Посредине комнаты стояли Юра и Машка. Машка пришивала пуговицу к рукаву Юриной рубашки, а он недвижимым взглядом смотрел вверх Машкиной головы в темное окно.

— Держи руку выше. Мне неудобно так... — сказала Машка.

Юра безучастно поднял руку.

— Возьми кончик воротничка своей рубашки. В зубы, в зубы возьми..

— Зачем?

— Примета такая...

Юра послушно прикусил кончик воротничка.

— Ты знаешь, о чем я думаю?.. — спросил он.

— Обо мне, — сказала Машка.

— И о тебе тоже... Я думаю, дело не в орденах... Не в том, что они у них есть, а у нас их нету. Дело в том, что они знают что-то такое, что нам неизвестно. Это всё очень сложно, и я не знаю, смогу ли я тебе это толково объяснить... Но сейчас я попробую...

Он выпустил из зубов кончик своего воротничка и, уставившись в окно остановившимися глазами, продолжал:

— Я, например, не знаю, как я вел бы себя в бою, в атаке, под огнем... А они знают. У них это уже все было... То есть, другими словами, они знают себя. Они уже себя проверили. И вот это их знание в какой-то момент перекрывает все, что знаем мы. И это немножко... давит.

— Напрасно... Если на нас, сегодняшних, посмотреть с ужасно большой высоты или с расстояния в тысячу лет — окажется, что нам тоже очень трудно... И, наверное, нам каждый день есть на чем проверить себя... — Машка откусила нитку.

Было уже совсем темно. Кончилась смена Шофера такси.

И снова он ехал один по Садовому кольцу... И снова, как вчера, на углу улицы Воровского стояли парень с девчонкой. Она что-то говорила парню и тянула его на тротуар. Увидела машину и резко вскинула руку.

— Тьфу, чтоб вы провалились!.. — У Шофера сразу испортилось настроение.

Девчонка отчаянно махала рукой, и Шофер, остановив машину, крикнул через стекло:

— Смена кончилась. В парк еду.

— Ой, пожалуйста!.. Нам тут совсем рядом!.. Мы так опаздываем... — закричала девчонка.

Она дернула парня за руку. Тот мрачнее разглядывал палые листья на асфальте.

— Садитесь!

Девчонка буквально впихнула парня в машину.

— Садись, медуза,— прошипела она.

— Ладно тебе... Подумаешь...— неуверенно огрызнулся парень.

— Второй Обыденский переулок,— приказала девчонка.— Недалеко от бассейна...

Шофер не ответил.

— Мне это вот как все надоело! — парень провел ребром ладони по горлу.— Всё время мы куда-то мчимся, к кому-то торопимся...

— Чудак! — рассмеялась девчонка.— Это же прекрасно!..

— Ты со мной вдвоем хоть один вечер побыть можешь?..

— Нет.

— Почему? — обиделся парень.

— А потому, что когда мы остаемся вдвоем, ты катастрофически глупеешь...

— Ах, так?! — возмущился парень.

— Ну, миленький мой!..— девчонка прижалась к парню, горячо и быстро заговорила: — Ну как ты не понимаешь, ведь я таскаю тебя повсюду, чтобы все, и знакомые, и незнакомые, видели, какой ты у меня хороший, умный... И что ты только мой, мой, мой... Несуразная ты личность!

— Ты что же, значит, демонстрируешь меня?! Как клипсы, да? Как сапожки на платформе?.. А я, может, не хочу быть платформой? Я мужчиной хочу быть! Это тебе понятно?

— Да будь им, будь! — раздраженно сказала девчонка.— Кто тебе мешаешь?..

— Хорошо,— угрюмо проговорил парень.— Сейчас!

И обратился к Шоферу:

— Остановите машину, пожалуйста!

— О, черт возьми! — устало вздохнула девчонка.— Какой дурак! Ну ничего не понял! Ровным счетом ничего...

— Остановите,— повторил парень.

Шофер затормозил у тротуара.

Парень вышел из машины и пошел вперед.

Девчонка тихо заплакала.

Шофер тронул с места и поехал рядом с упрямо шагающим парнем. Затем он прибавил газ, обогнал его метров на пятна-

дцать и остановился. Вылез из машины и подошел к парню:

— Для того чтобы окончательно стать мужчиной, тебе осталось совсем немного...

Парень растерянно посмотрел на Шофера.

— Нужно сесть в машину и попросить у нее прощение за свое мальчишеское хамство... Идем,— сказал Шофер парню.

В машину они сели одновременно.

Шофер подождал, пока парень справится с дверцей, и тронулся с места, все больше и больше увеличивая скорость...

Спустя полчаса он осторожно заезжал на яму в гараже.

— Хорош! — командовал дежурный мастер ОТК из своей будки.

Шофер застопорил машину и вылез. Протянул мастеру путевой лист в окошко. Мастер положил лист на столик и вышел.

— Слушай,— сказал он и полез в яму,— я вспомнил, сколько моей младшей... Тридцать один. А про внуков я могу тебе рассказать замечательные истории...

Мастер осматривал машину и как долго молчавший пожилой человек теперь говорил без умолку:

— Ты напрасно отказываешься послушать про внуков... Я тебе скажу — это даже очень полезно. Потому что как только наши дети начинают заводить разные шуры-муры, мы для них существовать перестаем...

Шофер встревожился и присел на корточки у ямы, чтобы лучше слышать старого мастера. А тот, погромыхивая ключами, вещал из-под автомобиля:

— И тогда уже жить не хочется! Точно?

— Точно,— тихо сказал Шофер.

— А вот появляются внуки, и наше значение очень резко возрастает!.. Во-первых, мы стаповимся сразу же всем нужны... Тебя эксплуатировать — а ты радуешься!.. А во-вторых...

Мастер с трудом вылез из ямы и сказал:

— Подыми капот.

Шофер поднял капот моторного отсека и нетерпеливо спросил:

— А во-вторых?..

— А во-вторых,— продолжал мастер, оглядывая двигатель.— Начинается твое возвращение к жизни... Рождается маленький, а у тебя появляется за него ответственность больше, чем у его шлопутных родителей... И это очень продлевает тебе жизнь! Ты от тоски уже готов было копыта откинуть, а тут у твоих детей чегой-то там рождается. Считай, что это ты возникаешь заново! Понял? Потому как он тебе столько вопросов задаст, что тебе до ста лет на них не ответить! Вот и стараешься жить, как можно дольше... Закрывай капот.

Шофер закрыл капот, а мастер прошел к себе в будку и стал подписывать путевку Шофера.

— Твоей дочке сколько? — спросил он у Шофера.

— Семнадцать...— грустно сказал Шофер.

— Тьфу!..— сплюнул мастер.— А я с ним, как с человеком!.. Знал бы, что она малолетка — и разговору не было бы!.. Ты ко мне лет через пять приходи, я тебе тогда новый инструктаж выдам... Я по этому делу могу лекции в Академии наук читать!..

В будке зазвонил телефон. Мастер поднял трубку:

— Слушаю. Приехал. Здесь, в ОТК. Ясно... Да скажу, скажу, господи!..

Мастер положил трубку, поставил в путевке штамп и только тогда сказал Шоферу:

— Фофан звонил.

— Чего это он до сих пор в парке? — удивился Шофер.

— Заседает...— сплюнул мастер.— Говорил, как на мойку отгонить, так сразу к пему. Чтобы на рысях, говорит.

Шофер спрятал путевку в карман:

— Как же, сейчас, галопом...

Он уже хотел сесть в машину, как мастер вдруг заметил вмятину на заднем бампере.

— Это кто тебя так приложил?

— Это по дружбе,— рассмеялся Шофер.

— ГАИ акт составила?

— Обошлось,— сказал Шофер улыбаясь.

— Ну и лопух! — сказал мастер.— Так бы он платил, а так ты, не меньше как на пятерку сгоришь.

— Это хорошо,— почему-то сказал Шофер.— Это даже очень хорошо...

Он сел в машину и стал осторожно отъезжать от ямы. Старый мастер посмотрел ему вслед и pokrutil пальцем у виска.

В диспетчерской, посредине комнаты — огромный стол, разделенный на лотки. Лотки небольшие — полметра на полметра. Каждый водитель вываливает в такой лоток свою выручку, подсчитывает, сверяясь с путевым листом.

Шелестят купюры, звенит мелочь. Шутки и разговоры...

— План привез?

— Привез, чтоб его!..

— Набавляют и набавляют...

— Ну, сегодня мне клиент один попался, умереть можно! Ну, тип!..

— А ко мне сегодня садится у Казанского вокзала и кричит: «Шеф, гони к Ярославскому!» Я ему говорю: «А не пошел бы ты подземным переходом?..»

— Слушайте, братцы! Где это Прудключики?.. Я сегодня крутился, крутился...

— Где эта улица, где этот дом...

— Садится одна ко мне. Я говорю: «Куда?» А она: «Куда хочешь...» Что, думаю, делать?..

Вокруг смазливого парня, который начал эту историю, сразу образовался кружок.

Подшел наш Шофер, прислушался и рывкнул:

— Ну, чего врешь? Чего врешь, я тебя спрашиваю?

Все повернулись к нему.

— Развесили уши, раскрыли варежки! — сказал Шофер.— Он эту сказку от

Спиридонова из второй колонны еще в прошлом году услышал. Что тот трепло, что эгот!..

— Что ты сказал? — поднялся царев.

— Что слышал. Иди, иди, петушок безхвостый!..

Открылась дверь и кто-то крикнул Шоферу:

— Эй, батя! Тебя Фофан ищет. Убегайся, родимый!..

— Да он мне и самому во как нужен! — огорченно сказал Шофер.

— Ну, заходи, заходи, — ласково сказал Фофанов. — Как делишки, как детишки?

— Василь Васильч! Ты Бондаренко помнишь? — прямо спросил Шофер.

— А как же! Который сидит? Отлично помню!

— Он не сидит. Его уже выпустили.

— Ай-ай-ай!.. Скажи, пожалуйста! Время-то как летит.

— Василь Васильч! Давай возьмем его в нашу колонну. Водитель он — будь здоров...

— Что ты, что ты!.. Ты с этим делом в кадры...

Шофер вздохнул и безнадежно махнул рукой:

— Ладно... Не здесь, так в другом месте. Что у тебя ко мне?

Фофанов с искренним сочувствием и теплой улыбкой посмотрел на Шофера:

— Понимаешь... Такое дело... Тут, понимаешь, один хлюст на тебя жалобу написал...

— Что еще за жалоба?

Фофанов взял со стола бумагу, смущенно повертел ее и протянул Шоферу:

— Вон, погляди, сколько накарябал! Прямо «Война и мир»!

Шофер взял заявление. Читая, вытаскивал пачку сигарет. Но она была уже пустая, и он засунул ее обратно в карман.

Фофанов услужливо пододвинул Шоферу свои папиросы. Шофер закурил. Фофанов вышел из-за стола:

— Я ему говорю: «Да не может этого быть! Это же наш лучший водитель! Член месткома! Коммунист!.. Вы, говорю, молодой человек, что-то путаете. Не тот у нас коллектив! Бывают, говорю, у нас отдельные случаи, но такого, говорю, извините, проивойти не могло!..»

Шофер продолжает внимательно читать бумагу.

— Клянется, божится!.. Номер твой записал. Хотел я его турнуть отсюда, так ведь сам знаешь, потом не расхлебашься.

Шофер положил бумагу и поднял глаза на Фофанова:

— М-да... Подонок...

Фофанов оживился.

— Кто? Он-то? Подонок! — убежденно сказал Фофанов. — Наврал много?

— Да понимаешь, наврал немного... Но ведь повернул как, сукин сын! — удивился Шофер. — И откуда в этом ценке такая ловкость?

— Господи, боже ты мой! — всплеснул руками Фофанов. — Будто ты современную модадежь не знаешь!

— Он эту бумажку как опытный подлец написал.

— Ну, это ты уж слишком! — неприятно проговорил Фофанов. — Ты его из машины вытащишь?

— Вытащил.

— По фотографии смазал?

— Смазал.

— Девку у него увез?

— Ты что, сдурел?! — возмутился Шофер. — Куда увез?

Фофанов рассмеялся:

— Ну, это уж твое дело, куда!

— Я ее домой отвез. Домой! Слышишь? — И шофер встал.

— Да ты не волнуйся, сядь. Я же тебя ни в чем не обвиняю. Может, ты и прав... А вот бумажка такая есть!

— Ну и что?

— Как что! Пока она была чистая, — и Фофанов взял лист в руки, — это была просто бумага, а как на ней написано, так это сразу документ!

— Да подожди ты пугаться,— сказал Шофер.— Выслушай, как дело было...

— Да не нужно мне, не нужно мне слушать! Что я, сам за баранкой не сидел? Я сердцем чувствую, что прав ты. Была бы эта бумажонка на мое имя написана, порвал бы! Честное слово, порвал бы!.. Так ведь нет, подлец, написал директору. Попробуй теперь, не дай ей ход!.. Но ведь ты и сам не отказываешься от всего? Верно? То-то и оно. Все несчастье в профессии. К чему призван водитель такси? Он призван обслуживать пассажиров. А раз так, значит, как говорили раньше, клиент всегда прав!

Шофер встал, подошел вплотную к Фофанову:

— Откуда в тебе эта лакейская убежденность?

Фофанов отодвинулся.

— Вот как раз расчет лакейства ты осторожнее! Я чаевые, вроде тебя, не получаю... Пятачок да гривенничек!

— Ты что, Фофанов, думаешь, я в пояс кланяюсь, когда их суют мне? Вот они где у меня сидят, эти пяточки и гривеннички! — И Шофер сжал себе горло руками.— Мне за пятак каждый соплик «ты» говорят! А у меня дочь взрослая!.. Может быть, тебе известно, Фофанов, куда эти гривеннички идут? На оплату твоей же системы!..

От дружелюбия Фофанова не осталось и следа:

— Это еще какой «моей»?! Вы воруете, а у меня какая-то система?

— Какая-то? Это ты весь техперсонал приучил доить из нас, водителей, пяточки да гривеннички! Аккумуляторщику плати, слесарям плати, вулканизаторам плати, к мотористу без грешки не суйся!.. Так что ты, Фофанов, не крути!

— Ты как смеешь?! — испуганно закричал Фофанов.— Ты с кем разговариваешь? Может быть, и я взятки беру?!

— Берешь! Интересно, теперь по сколько же? Когда начальником колонны был,

по четыре червонца брал с водителей за новую машину! Теперь рангом повыше... Небось и берешь побольше?

— А ты мне платил?

— Я-то не платил,— совершенно спокойно сказал шофер.— Ты меня всегда боялся. Ты меня и сейчас боишься. Потому и кляuzu всю эту состряпал!..

— Я?! — взвизгнул Фофанов.

— Ты.

— Ну, погоди, мы с тобой в другом месте поговорим!

— Это точно,— сказал Шофер и пошел к дверям.

— Смотри, не зарвись,— крикнул ему Фофанов.— Земля круглая.. Неизвестно еще, как она для тебя повернется!..

Шофер остановился в дверях, повернулся к Фофанову и спокойно, с сожалением глядя на него, тихо сказал:

— Дурак. Она же всегда в одну сторону вертится...

А потом Шофер шел по вечерним московским улицам... Как всегда в это время, на улицах было много людей. И никого из них не надо было куда-то везти, они не уезжали, не улетали, не опаздывали на свидания, не мчались в больницы... С ними можно было просто идти рядом. Или двигаться им навстречу. И это было прекрасно!..

...Потом Шофер спускался по эскалатору в метро и, надев очки, нахально читал «Вечерку» какого-то паренька, который стоял на ступеньку ниже...

...Потом он ехал в вагоне метро и в темном стекле разглядывал свое отражение...

По счастливой случайности, паренек с «Вечеркой» вышел на той же станции, и Шофер снова пристроился за ним и снова надел очки. Тут ему повезло меньше — читать было трудно, потому что Шофер теперь стоял на ступеньку ниже... Но что-то Шофер все-таки успел прочитать и даже удивленно покачал головой.

Когда эскалатор выплеснул их наверх, паренек с «Вечеркой» быстро пошел к выходу, а Шофер медленно направился к телефонным будкам.

Он опустил монету, набрал номер и вернулся лицом к телефонной инструкции, загородившись от всех собственной широкой спиной.

— Нину Павловну можно?.. Прости, не признал. Ниночка! Вот какое дело... Ты давай, завтра приходи к нам... Я тебя с Машкой познакомлю... Ну, и вообще... Пора. Да никого больше не будет! Дружок мой с супругой, наверное... Мишка со своим товарищем... Ну и мы с тобой... Вот и все.

Потом, видимо, что-то говорила Нина Павловна, и Шофер стоял в телефонной будке, прижимаясь лбом к серому телефонному боку, и слушал.

Вот он вздохнул, повернулся лицом к водовороту людей, взглянул на них и сказал:

— Я тебя очень люблю, Ниночка...

В квартире Шофера все блистало. Уборка была закончена, и символом ее завершения был велосипед, наконец-то подвешенный под потолком.

— Ну, я пойду...— грустно сказал Юра и прислонился к дверному косяку.

— Я провожу тебя,— сказала Машка.— Только переоденусь.

— О'кей!— сказал Юра и улыбнулся.— Я покурю на лестнице.

— Валяй!— и Машка легонько тронула ладонью его щеку.

Юра набрал полную грудь воздуха и, не выдыхая, вышел на лестничную площадку.

...Шофер открыл дверь парадного и стал медленно подниматься по лестнице. Когда он прошел третий лестничный марш, вдруг увидел Юру.

Тот сидел на ступеньках у дверей квартиры Шофера, широко расставив ноги и подперев руками голову.

Юра увидел Шофера и ничего не сказал.

Шофер остановился и тоже ничего не сказал. Только почувствовал, как страшно устал за сегодняшний день...

Сел Шофер рядом с Юрой на ступеньки, залез в карман куртки и вытащил пачку сигарет. Пустая пачка... Скомкал и сунул обратно в карман.

Юра вынул свои сигареты, протянул Шоферу.

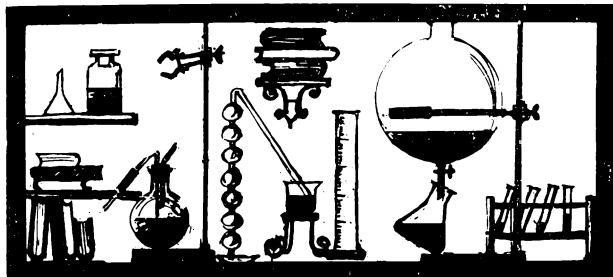
Шофер взял сигарету, размял пальцами.

Юра протянул свою сигарету.

Шофер прикурил и с наслаждением затянулся.

Сидели. Молчали. Курили...

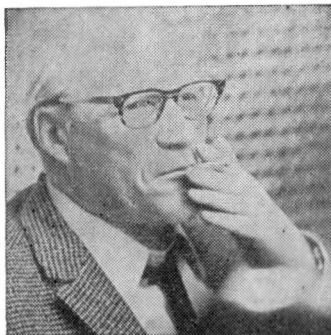
И не подозревали, что сверху, из-за полуоткрытой двери квартиры Шофера, смотрела на них Машка...

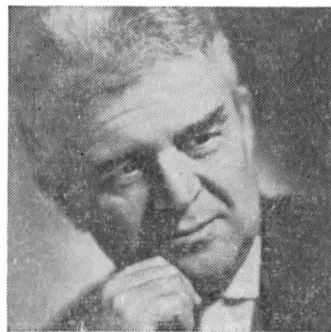
*Алексей Спиринев
Борис Могилевский*

**ПЛАТА
ЗА ИСТИНУ**

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СПЕШНЕВ (родился в 1911 году) известный драматург и кинорежиссер. Член Союза писателей СССР. Автор и соавтор многих сценариев художественных фильмов, в том числе: «Друзья встречаются вновь», «Пятый океан», «Обыкновенная история», «Миклухо-Маклай», «Пржевальский», «Тахир и Зухра». По своим сценариям А. Спешнев как режиссер поставил фильмы: «Москва — Генуя», «Тысяча окон», «Черное солнце», «Хроника ночи». Перу А. Спешнева принадлежит также ряд пьес.

БОРИС ЛЬВОВИЧ МОГИЛЕВСКИЙ (ОКТАБРЬСКИЙ) родился в 1908 году. В 1941 году закончил Литературный институт им. М. Горького. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР. Автор серии биографических повестей: «Илья Мечников», «Жизнь Пирогова», «Молодость Сеченова», «Жизнь Тимирязева», «Артем», «Никитич», «Призвание инженера Красина» и др.

ВСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Двор института Пастера в Париже. Стена. Залп. Падают расстрелянные заложники.

Среди мужчин — одна женщина, почти девочка. Глаза глядят в небо.

И другие глаза, глубокой старухи, остекленело смотрят вверх. Старуха лежит на кровати в палате институтского госпиталя. Над ней склонилось лицо немецкого лейтенанта. Чуть сзади врач француз и медицинская сестра.

— Русская? — спрашивает лейтенант.

— Да, — отвечает врач.

— Из Сопротивления?

— Ей больше восьмидесяти лет, господин лейтенант, — сдерживая ярость и презрение, бросает врач.

— Как она сюда попала?

— Ее муж в течение многих лет был вице-директором нашего института.

— Мадам Пастер?

— Мадам Ольга Мечникова.

...Двор. Стена. И снова залп.

И снова лицо старухи. Губы ее шепчут:

— Для меня он все еще жив... все еще жив... Его убила война...

— Та война, господин лейтенант, — пояснил врач, — двадцать пять лет назад...

— Но сейчас тысяча девятьсот сорок четвертый, — бормочет лейтенант.

— Совершенно верно, — бросает врач.

И снова залп. Но мы его только слышим.

Пальцы врача скользят по лицу старухи.

Лежат у стены расстрелянные, ничком, лицом вниз.

Старуха повторяет шепотом:

— Для меня он все еще жив...

ВСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огромный, во весь экран, глаз человека. И такой же глаз линзы микроскопа. И микромир. Живой и фантастический. В токе крови плывут белые тельца-фагоциты.

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ НАВИДЕЛ СМЕРТЬ И ВОЙНУ, ОТКРЫЛ ЗАКОНЫ ВЕЛИКОЙ НЕВИДИМОЙ БИТВЫ ВНУТРИ НАШЕГО ОРГАНИЗМА И НАУЧИЛ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИХ НА БЛАГО ЛЮДЕЙ...*

В кровь проникают бактерии. Фагоциты, раздвигая стенки капилляров, выходят из кровяного русла, набрасываются на убийц, обволакивают их, загоняют в свое маленькое тельце, уничтожают.

ПОБЕДА ФАГОЦИТОВ — ЖИЗНЬ, ПОРАЖЕНИЕ — СМЕРТЬ...

Микробы с фантастической быстротой размножаются. Миллионы фагоцитов спешат принять бой.

ВСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Фотография. Гвардейский офицер и женщина. Темные миндалевидные глаза.

ЭТО ЕГО РОДИТЕЛИ. ОТЕЦ — ГВАРДЕЙСКИЙ ОФИЦЕР. ИГРОК. ЖИЛ НЕ ПО СРЕДСТВАМ. РАЗОРИЛСЯ... МАТЬ ЗВАЛИ ЭМИЛИЕЙ. В ГОДЫ ДЕВИЧЕСТВА НА БАЛУ В ПЕТЕРБУРГЕ С НЕЙ ТАНЦЕВАЛ ПУШКИН.

* Прописным шрифтом дан дикторский текст.

Другая фотография. На нас глядят детские, остро пронипательные глаза.

А ЭТО ОН САМ. МАЛЕНЬКОГО НЕПОСЕДЛИВОГО ЧЕЛОВЕЧКА ВСЕ НАЗЫВАЮТ «ГОСПОДИН РТУТЬ»...

Еще фотография. Он гимназист.

«ГОСПОДИН РТУТЬ» И ЕГО ТОВАРИЩИ ПОКЛЯЛИСЬ ЖИТЬ НЕ ТАК, КАК ЖИЛИ ИХ РОДИТЕЛИ. ОН ВО ГЛАВЕ ТАЙНОГО СВЯЩЕННОГО СОЮЗА НАУКИ. СВЕРСТНИКИ СОБИРАЮТСЯ НА ЧЕРДАКЕ, ЧИТАЮТ ЗАПРЕЩЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ГЕРЦЕНА — «КОЛОКОЛ» И «ПОЛЯРНУЮ ЗВЕЗДУ»...

Фотографии, фотографии...

ЕМУ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА, НО ОН УЖЕ ДОЦЕНТ. МНОГИЕ ЕГО УЧЕНИКИ ЗНАЧИТЕЛЬНО СТАРШЕ.

На фотографии Одесса. Затем фасад здания с колоннами.

ЗДЕСЬ, В ОДЕССЕ, В НОВОРОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «ГОСПОДИН РТУТЬ» ПРИОБРЕЛ СЛАВУ, ПЕРЕШАГНУВШУЮ ГРАНИЦЫ РОССИИ...

Ножницы разрезают эту фотографию на тонкие полоски. Полоски падают на пол.

Он сидит в полутемной комнате и машинально режет ножницами фотографии, черновики.

Пустой коридор университета. Звук шагов. Пустые аудитории. Пустой актерский зал.

К стуку шагов прислушивается юноша, заросший бородой. Грязная рубаха на нем порвана. Шаги ближе.

Юноша отступает к двери, осторожно приоткрывает ее.

И тотчас сквозняк рванул другую дверь. Захлопнулось со звоном окно. Посыпались стекла.

Стоит Мечников. Позади него ректор и профессор Новиков.

— Вот здесь сидел Ковров,— показывает ректор на скамью в аудитории.— Казнен...

— А здесь Матюшенко. Казнен...

— А тут Лазарев. Казнен...

Юноша в рваной рубахе прижался к стене. Шаги удаляются.

Профессор Новиков, тихо вздыхая, собирает стекла в кабинете ректора.

— Они хотели убить царя.— Ректор опускается в кресло, жестом приглашая Мечникова последовать его примеру.— Эти молодые люди слушали не только проповедников «Народной воли»...

— Но и ваши лекции, уважаемый Илья Ильич.— Новиков раскладывает осколки на подоконнике.

— Вот мое прошение об отставке,— Мечников протягивает ректору бумагу. Новиков уронил осколок.

Ректор испытующе смотрит на Мечникова.

Маленькие пронзительные глаза Илья Ильича не мигая встречают этот взгляд, и мы слышим хрустящий звук ножниц, разрезающих бумагу.

— Сложное, ужасное время, Илья Ильич.— Новиков снова раскладывает осколки.— И я протестовал. Но все, все мы слабые люди, и каждому приходится идти на компромисс.

— Амеба, этот мельчайший комочек живого вещества,— с недоумением читает ректор,— способна обволакивать и переваривать бактерии...— Ректор хмуро поглядел на Мечникова.— Амеба?!

— Простите,— говорит Илья Ильич,— перепутал... Вот прошение.— И Мечников кладет на стол другой листок, а первый рвет на мелкие куски.

— Я разорвал бы на вашем месте прошение,— советует Новиков.

— Я не могу быть учителем обманутых мною студентов,— отрезал Мечников.

— Ах, боже мой, Илья Ильич,— искренне сочувствует Новиков.— Ну господин Корниенко написал сочинение в социалистическом духе, ну его арестовали. Но ведь царь убит, во всех университетах волнения. Нельзя сейчас иначе, нельзя. Всем тошно, все страдают. Три дня на-

зад приехал в Одессу генерал Стрельников для расследования... Его тоже убили. Среда бела дня. На бульваре... Если мы не остановим безумия и мести...

— Вот именно, меня просили содействовать успокоению,— говорит Мечников.— Я выступил посредником, обещал студентам от имени попечителя учебного округа, что Корниенко выпустят и он возвратится в университет. А результат каков? Условия не выполнены, и я обманщик!— Мечников повернулся к ректору, наклонил голову.— Решение мое окончательно.

Мечников входит в зоологический кабинет, где помещается его лаборатория. Поспешно собирает свои бумаги, рассовывает по карманам. Зажег газовую горелку. пробежал глазами лист с записями, поднес к огню.

Илья Ильич поднял глаза и вздрогнул. За полкой с тучелами птиц стоял юноша в рваной рубашке.

— Корниенко?! — негромко воскликнул Мечников.— Каким образом вы здесь очутились?

— Я сбежал из тюрьмы, чтобы сдать вам экзамен,— так же негромко произнес Корниенко.

— Да вы понимаете, что говорите?!

— Только примите у меня экзамен... и я вернусь в полицейский участок. Даю слово, вернусь за решетку.

Мечников подошел к двери и запер ее на ключ.

— Я не могу выполнить вашу просьбу, и не потому что она нелепа. Я более не профессор в этом университете.

— Вы Мечников... и этого никто не отнимет.

Шум за окном. Илья Ильич выглянул, видит: к подъезду университета направляются полицейские.

— Полиция,— сказал Илья Ильич.

— Я не уйду,— ответил Корниенко,— пока вы не примете у меня экзамен.

Илья Ильич посмотрел на Корниенко

серьезно, с уважением. В глазах его сверкнул веселый огонек.

— Давайте вашу экзаменационную книжку, безумный человек.

— Нет, вы должны меня спрашивать.

— Ну хорошо, извольте.— Мечников сел на подоконник.— Ну, быстро: сколько у человека ненужных, исчезающих органов?— И снова, высунувшись в окно, посмотрел на улицу.

Полицейским преградили дорогу студенческий пикет. Отсюда, сверху, фигурки людей казались крошечными и почти черными на выбеленной солнцем мостовой.

— Таких органов семьдесят восемь.

— Перечислите основные.

— Остатки хвоста, лишние ребра, червеобразный отросток слепой кишки, зубы мудрости, остатки шерсти...

Полицейские пытаются оттеснить студентов, пройти к подъезду.

— В чем сходство между амебой и блуждающими клетками в нашем организме?

— Они, вероятно, тоже способны поглощать бактерии...

— Отлично! — бросил Илья Ильич.— Большого вы не знаете... как, впрочем, и я. Держите книжку. Пойдите. Могу вам сказать одно: блуждающие клетки ожидают великое будущее. Сожалею, что лишен возможности рассказать подробней.— Илья Ильич подошел к Корниенко.— А теперь...

— Я вернусь в участок...

— Ну и глупо! — сказал Илья Ильич.— Если удастся... отправляйтесь ко мне домой — там вас искать не станут.

— Нет, Илья Ильич, я не имею права вмешивать вас в свои отношения с полицией. Спасибо... за все. И простите меня.

Они молча обнялись.

— А теперь уходите,— сказал Корниенко.— Может быть, мне придется воспользоваться... пожарной лестницей. Мне не хотелось бы это делать при вас...

Мечников пристально, с печалью по-

глядел в глаза отчаянного студента, пробормотал: «Жаль...» и повернул в двери ключ.

Мечников спускается по лестнице в вестибюль, уже занятый полицией.

— Кого вы здесь ищете, господа? — спрашивает Илья Ильич офицера.

— Нам приказано занять помещение, — отвечает офицер.

— Ну что ж, выполняйте свою полезную миссию, — говорит Илья Ильич. — Сегодня я понял окончательно: все сошли с ума!

Мечников выходит на улицу. Здесь толпятся студенты, некоторые поворачиваются к Илье Ильичу спиной.

На какое-то мгновение им овладевает гнев, он хочет обратиться к студентам, но передумывает и стремительно продолжает свой путь.

На противоположной стороне улицы нетерпеливо прохаживается тоненькая респектабельная девушка.

— Шли бы вы отсюда, барышня, — советует ей незлобно полицейский. — Береженого бог бережет.

Илья Ильич проходит мимо девушки, не замечая ее. Вскочил на подножку конки, с трудом пробирается в вагон.

Через некоторое время девушка тоже появилась среди пассажиров.

Переполненная конка, громыхая, катит по пыльной одесской улице.

— Господа, не забудьте закоптить стекла, — в вагон протискивается обливающийся потом, тучный короткорукый газетчик на деревянной ноге, — сегодня ожидается солнечное затмение! Спешите приобрести у Яши «Одесский листок». Солнечное затмение!.. Подробности убийства генерала Стрельникова...

Голова Мечникова откинута назад, веки сомкнуты, рука судорожно сжимает спинку скамьи. Грохот конки, и болтовня пассажиров, и хриплые выкрики тучного газетчика для Мечникова невыносимы.

— Скрипка, которая стоит миллион!.. Концерт Пабло Сарасаты!.. Где? Яша вам

скажет: в зале биржи. «Одесский листок»!.. «Одесский листок»!.. Самый несчастный человек в мире!.. Кто? Яша вам скажет: siamo! короли! Триста пятьдесят жен короля! Каждой он подарил фортепиано... Солнечное затмение! Солнечное затмение!.. Студенческие волнения продолжают... В Одессе заканчивается устройство первой телефонной линии — Яша будет разговаривать по телефону...

Лицо Мечникова мучительно морщится. Гул, и звон, и обрывки фраз:

— ...Яша вам скажет по телефону: солнечное затмение... подробности убийства... казней, казней, казней!..

У Большого фонтана Илья Ильич со скакивает с конки. Шагает к морю. Следом за Мечниковым идет девушка.

Плоские волны легко бьются о корму лодки, наполовину вытащенной на берег. В лодке сидит Илья Ильич. По лицу его текут слезы.

— Я уже битый час гоняюсь за вами... — садится на скамью позади Мечникова девушка.

Мечников не обернулся. Только протянул назад руку, нашел пальцы девушки.

— Зачем?

Глядя на сгорбленную спину Мечникова, девушка сказала:

— Чтобы вы знали... у вас есть друг...

— Я знаю, — отозвался Мечников.

— На всю жизнь, — сказала девушка.

Поднялся ветер, потемнело море, где-то залаяли собаки и закудахтали куры.

Илья Ильич сжал ладонями уши, молодое лицо его болезненно сморщилось.

— Временами это меня просто убивает, — прошептал Мечников.

— Что? — спросила девушка.

— Лай, гудки, свист.. Сами видите, я неврастеник, мизантроп, мне не везет в жизни...

Глаза девушки засветились ласково, губы тронула грустная снисходительная улыбка.

— Который час? — спросила девушка.

Он вынул из жилетного кармана большие плоские часы:

— Да, скоро начнется затмение...

...Сквозь закопченные стекла они смотрели на убывающий кружок солнца.

Солнце стало узким серпом. Над головами кричали в наступившей мгле чайки. Невдалеке стояла старая собака и отчаянно лаяла на море.

Босые ноги мужчины и девушки шлепали по влажной гальке. Мечников нес в руке свои и ее ботинки.

— Чудесно, правда?

— Я старше вас на двенадцать лет, — отозвался Илья Ильич.

Они снова смотрели сквозь закопченные стекла.

— Знаете, что меня спасло от самоубийства?.. Это было в Женеве. Я решил... стоял на мосту. И вдруг заметил рой поденок, ну, мотыльков... кружащийся вокруг фонаря, и подумал: как же применить дарвинову теорию естественного отбора к этим насекомым, когда они живут всего лишь несколько часов, вовсе не пытаюсь, не имея необходимости и времени приспособиться к внешним условиям жизни?

Опять светило солнце, и девушка с удивлением смотрела вокруг.

Оказывается, они не были одиноки: десятки детей и взрослых стояли на берегу, на скалах и смотрели через затемненные бинокли и стекла и хлопали в ладоши, радуясь возвратившемуся дню.

...Лодка качается на волнах. Поперек лодки, на скамье, опустив ноги в воду, лежит девушка в длинном платье и смотрит на одинокое темное облако в небе.

— Мечников, — чуть слышно произносит девушка, — я люблю вас.

Илья Ильич сидит на корме серьезный, стекла очков его поблескивают.

— Моя жизнь вам неизвестна. Я трудный, неприятный вдовец. Мои друзья занимаются только наукой...

— Мечников, я люблю вас, — повторяет девушка.

Волны, шлепаясь о борт, покачивают лодку.

— Наверное... пора возвращаться. — Илья Ильич щурясь смотрит на небо. — Очень подозрительное облачко... Будет шторм.

— Не хочу, — шепчет девушка.

Мечников поднялся.

Девушка вырвала весла из уключин и бросила их в море.

— Ну? — белые зубы ее смеются. — А на это что скажет ваш Дарвин?

— Гораздо существенней, что скажет ваша матушка, — мягко, но строго произносит Мечников. — Ольга Николаевна, я прошу вас проявить благоразумие.

Он снял скюртук, засучил рукава рубашки и принялся грести ладонями.

Лодка носом стукнулась о весло. Девушка поймала его.

— Я хочу быть вашей женой, Мечников, — сказала Ольга, — я согласна быть благоразумной... согласна... на все.

...Могучие волны обрушиваются на берег.

Старая собака, расставив лапы, смотрит на грозное море. Вдруг она бросилась вперед, на пенистый вал, и тотчас отбежала. Несет в зубах мертвую рыбешку, складывает на сухом месте.

Сидя невдалеке друг от друга, Илья Ильич и Ольга Николаевна обуваются.

— Мечников, посмотрите! — девушка показывает на собаку, которая в этот момент опять кинулась на гребень. — Что она делает?

Илья Ильич подошел к собаке. Она взяла в зубы несколько рыбешек — всю свою добычу — и побежала прочь.

Девушка и Мечников пошли за нею следом.

Собака свернула за угол дачи, пролезла под шлеть, возле будки сложила свою добычу на траву. Подползли щенки и, скуля, стали рвать зубами рыбу. А сука лежала рядом и смотрела на них.

Ольга обернулась, совсем близко от себя увидела грустное лицо Ильи Ильича,

сказала просто и спокойно:

— Да, жизнь жестока... Я понимаю...

— Знаете, куда мы забрались? — спросил Мечников.

— Куда?

— В сад Ковалевского.

— Александра Онуфриевича? Профессора зоологии?

— ...к которому я нынче собирался.

— Бежим!

Из-за деревьев послышался голос:

— Кто там?

— Поздно, — взял девушку за руку Мечников.

Быстро ступились сумерки. Раздвигага кусты, Илья Ильич и Ольга вышли на дорожку.

Перед домом за чайным столом сидели Ковалевский и его жена Татьяна Кирилловна. Ее полное, простое лицо было заплакано. Александр Онуфриевич зажег керосиновую лампу.

— Но это мой долг, Таня... — тихо повторил он, подкручивая фитиль, — мой долг, пойми...

— Лучше уйдемте, — шепнула на ухо Мечникову Ольга.

В этот момент с криками промчалась ватага наследников Александра Онуфриевича. Пробегаая мимо стола, один из мальчиков крикнул: «Дядя Илья! Дядя Илья пришел!»

— Это мы, — сказал Мечников, подталкивая вперед, в полосу света, Ольгу.

— Милости просим, — торопливо вытирает слезы Татьяна Кирилловна.

— Пожалуйста, пожалуйста... — чуть растерянно говорит Ковалевский.

Ольга делает гимназический книксен:

— Извините...

— ...за наше позднее вторжение, — подхватывает Мечников.

— О чем вы говорите, в самом деле! — пожимает руку друга Александр Онуфриевич. Затем, понизив голос: — Я ожидал вас. У меня гость... из Петербурга. — Александр Онуфриевич взял Мечникова под локоть. — Идемте скорей ко мне... Дамы

нас извинят.

Они направляются к дому, а Татьяна Кирилловна рассматривает спутницу Мечникова. Их взгляды встретились. Ольга улыbnулась.

— Чаю? — спросила Татьяна Кирилловна.

— Нет, нет, спасибо. — Девушка присела на краешек плетеного стула.

И вдруг Татьяна Кирилловна разрыдалась.

— Боже мой! — прошептала девушка.

— Простите, — бормочет Татьяна Кирилловна. — Вы должны понять нас. Муж считает себя обязанным уйти из университета... вслед за Ильей Ильичем... Они друзья... Они единомышленники. Но он не может... уйти. У него семья, дети. На какие средства мы стапем жить?..

Александр Онуфриевич ведет Мечникова по темному коридору. Приоткрыв дверь, заглядывает в свой кабинет.

На диване, возле рабочего стола, заставленного приборами, колбами и книгами, спит, широко раскинув руки, мужчина с калмыцким лицом, обрамленным черной бородой.

— Сеченов? — воскликнул Илья Ильич.

— К вашим услугам, — не открывая глаз, отозвался Сеченов.

Он потянулся, пожал руку Мечникова, ворчливо объяснил:

— Из-за вас прикатил. А я занятый человек. Мне время тоже дорого. — Уселся по-турецки на диване, смерил Илью Ильича добродушно-презрительным взглядом. — Прощение об отставке подали?

— Подал.

— Ушли?

— Ушел.

— Дверью хлопнули?

Ковалевский вернулся в сад.

— После смерти царя они просто обезумели. — Мечников сел за стол, и теперь его лицо было смутно видно за колбами и пробирками.

— А вы? — крикнул Сеченов, зажигая свечу в шандале. — Мерзавцам в масть

играете?

— Я не мог поступить иначе.

— Умный человек, а полезли в капкан. Извольте взять прошение обратно.

— Это исключено.

— Это необходимо. Иначе что же... лучшие российские профессора хлопнут разом дверьми, и в университетах останутся одни бездарности и кляузники? Подумайте о студентах, о целом поколении!..

— А по-моему,— усмехнулся Мечников,— мы должны быть признательны безумцам: министерство народного просвещения угадает образование, а полиция распроставляет его, разбрасывая по самым отдаленным уголкам образованных, мыслящих людей.

В комнату с восклицаниями: «Казаки, казаки, держите разбойника!!!» врываются дети и один за другим выпрыгивают в окно.

— Сарынь на кичку! — страшным басом кричит им вслед Сеченов. Затем, повернувшись к Мечникову, продолжает: — Не дверью вы хлопнули, Илья Ильич, а в окно выпрыгнули, как эти мальцы. Однако вы заблуждаетесь, вас могут и поймать. Должен предупредить: в питерской полиции есть относительно вашей особы резюме: «Человек крайних убеждений, невозможный ни в каком учебном заведении».

— В таком случае,— сказал Мечников,— вы только подтверждаете, что я поступил правильно.

— Да поймите, черт вас подери,— вспыхнул Сеченов,— вы сами им помогли от вас избавиться! — Он отошел к окну, помолчал, спросил спокойней: — Что теперь намерены делать?

— Зреет у меня, Иван Михайлович, гипотеза,— мягко и доверительно сказал Мечников. — Блуждающие белые тельца несомненно связаны с воспалением... всеми воспалительными процессами... Еще год, два — и я смогу объяснить, каким образом люди побеждают болезни.

— А сами... с голоду помрете? — спросил Сеченов. — Где вы будете преподавать? Откуда возьмете оборудование для лаборатории?

Наверху, над головами Сеченова и Мечникова, послышался грохот.

«Казаки» забрались на крышу. Один из них стреляет из лука в «разбойника», спрятавшегося в кустах.

Стрела попала в аквариум с рыбами, возле которого стоит Ольга.

— Эй вы, казаки-разбойники! — окликает детей Александр Онуфриевич. — Немедленно прекратите военные действия!

Вытирая платком лицо и платье, Ольга спрашивает:

— А вы видели сегодня затмение?

— А было затмение? — удивляется жена Ковалевского. — Ах, да, да, конечно... Ветер ужасный поднялся...

Из дома выходит Сеченов.

— Я вас не познакомила?.. — обращается к нему и Ольге Татьяна Кирилловна.

— Вы — Сеченов,— говорит девушка. — Угадала? Илья Ильич часто о вас рассказывает... и вас изображает.

— А ну его к черту! — проворчал Сеченов и довольно бесцеремонно устоялся на Ольгу. — Вы что же... замуж за него собираетесь?

— Иван Михайлович! — укоризненно произнесла Татьяна Кирилловна.

— Да ведь это невозможный человек,— проворчал Сеченов. — Он же вас бросит ради первой встречной ящерицы!

— Какое интересное существо! — тихо воскликнула Ольга, глядя на скользящего за стеклом аквариума ланцетника. — Как называется эта рыбка?

Сеченов подошел к аквариуму, подразнил ланцетника прутиком:

— Это, милая барышня, не рыбка, а, так сказать, амулет этого дома. Именуется сия тварь ланцетником, потому как на ланцет похожа. С ее помощью Александр Онуфриевич сделал теорию Дарви-

на неуязвимой в самом трудном ее звене. Ланцетник оказался одновременно внуком и дедушкой. Его личинка — тварь беспозвоночная, взрослая особь — позвоночное. У Дарвина эти два царства, увы, не соединялись. Однако все это вам вряд ли интересно.

— Мне интересно,— сказала Ольга Николаевна,— я слушала лекции Ильи Ильича и Александра Онуфриевича, еще будучи с ними не знакомой.

— Вот как? — насмешливо спросил Сеченов.— Чем еще занимаетесь?

— Живописью,— в тон ему ответила девушка.— А вы?

— Коробочкой, милая барышня.— Сеченов наклонил голову и постучал пальцем по черепу.— Вот этой фантастической коробочкой.

Подошли Мечников и Ковалевский, и девушка тихо сказала Илье Ильичу:

— Мне нравятся ваши друзья.

С улицы, сквозь листву деревьев, проникают в сад колеблющиеся отсветы. Двое в студенческой форме входят в калитку.

— Ау-у!.. Есть тут кто?

Залаяла собака. Послышался скрип гравия.

— Илья Ильич здесь? — крикнул в темноту студент в пенсне.

— В чем дело? — появляется из-за кустов Мечников.

— Умоляем великодушно извинить,— снимает фуражку студент с чумацкими усами.— Мы ищем вас по всему городу...

— Мы же ничего не знали,— бормочет первый.— Мы пришли просить прощения... все вместе...

Появилась Ольга. Вместе с Мечниковым они подошли к забору и увидели полсотни студентов с факелами, которые поспешно выпрягали из извозничьей пролетки лошадь.

— Это что означает, господа? — спросил Мечников.

Грянула песня. Студенты подняли Илью Ильича на руки и повесили к экипажу.

...И вот уже необычайная процессия движется по вечерней одесской улице. Впрягшись в оглобли, студенты везут в экипаже Мечникова и Ольгу.

Впереди процессии гарцует на извозничьей кляче студент в пенсне. Сзади плетется извозчик.

На козлах восседает усатый и погоняет своих коллег.

Освещенная светом факелов, Ольга прижалась к Илье Ильичу, взволнованная и счастливая. Оба они едва сдерживают слезы.

Гремит студенческая песня.

Дымят факелы. Остановилась конка. Еще конка... Звонки. Растет толпа зевак. Свистит городской.

...Свет на лицах Мечникова и Ольги Николаевны меняется. Он становится ярким и резким. Все звуки исчезают, кроме кока-та копыт.

Мечниковы (теперь они муж и жена) едут в экипаже по залитой солнцем набережной Мессины.

В узком ландо на высоких колесах они сидят прямо и от этого чуть торжественно. Мечников опирается на черный зонт. Ольга искоса поглядывает на мужа. В руке ее маленькая записная книжка.

— Пароход из Одессы в Неаполь — сто франков,— слышится голос Ольги.— Переезд в Мессину — сорок франков. Еда, аренда домика в Гринго, фрутти де маре, метленовая синь, кармин, новые линзы для микроскопа — триста двадцать франков...

Мечников молчит. Мимо тянутся мачты судов, пальмы и пинии, вывески тракторий. Где-то бьют часы.

— Ты молчишь ровно час и двадцать пять минут,— говорит Ольга.

— Я предупреждал,— отзывается Мечников,— зря вышла за меня замуж.

— Конечно, зря,— смеется Ольга.— У нас осталось восемьсот франков.

Мечников смотрит на ноги лошади. Задняя нога перевязана тряпкой.

— Наверное, воспаление сустава,— показывает он зонтом.

Высокая, статная сицилианка переходит лицу. Лицо ее изъедено оспой.

— И это результат воспаления,— бросает Мечников.

— У нас осталось восемьсот франков,— повторяет Ольга.

В этот момент нищий лаццарони вскакивает на подножку и, протягивая обезображенную гноящимися ранами руку, начинает яростно попрошайничать. Мечников дает ему монету.

Ландо сворачивает в переулок. Ольга обняла Мечникова:

— Илюша, милый, какое счастье, что оба мы с тобой одинаковые...

— Воспаление... воспаленне...— постукивает зонтиком Мечников.

Лаццарони догоняет ландо и бросает на колени Ольги розу.

— Грациа,— машет ему рукой Ольга.— Ты посмотри, Илья. Какая чудесная роза. Ой! — вскрикивает она.— Но ужасно колючая. Я, кажется, занозила себе палец...

— Покажи,— Мечников берет жену за руку, приближает ее палец к своим близоруким глазам и с ликованием, не понятным Ольге, восклицает:

— Заноза!.. Заноза... Заноза...

Мечников вставляет шип розы в личинку морской звезды. Ее блуждающие клетки подкрашены кармином.

Глаз приник к линзе микроскопа.

Где-то бьют часы.

Голос Ольги:

— Ты молчишь вторые сутки... и совсем не бережешь глаза.

Голос Мечникова:

— Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я... Блуждающие клетки охотно сожрали кармин. Теперь я их вижу.

Плывут подкрашенные клетки, обходя шип в теле личинки.

— Та-ра-ра-бумбия... Почему?.. Почему они не замечают занозу?

Голос Ольги:

— А ты?

Ольга сидит у раскрытого окна с видом на море. Перед ней мольберт, в руках палитра и кисть. Она пошевелила распухшим пальцем, пожаловалась:

— Видишь, как распух?

— И отлично, отлично!..

— Зверь, а зверь, хоть порычи на меня,— не отрываясь от работы, просит Ольга.— Ну, пожалуйста.

— Та-ра-ра-бумбия...

Плывут клетки в линзе микроскопа.

Медленно катятся валы моря.

Перемещаясь, множатся клетки.

Опускается в море огромное красное солнце.

Подкрашенные кармином клетки атакуют занозу.

Красная пелена застилает глаза Ильи Ильича.

— Скорей иди сюда! Оля!..

Он сжал веки.

Он стоит, закрыв глаза, ощупью ищет на столе очки.

— Смотри в микроскоп. Они должны окружить шип... Да смотри же!..

Она нагнулась над окуляром.

— Ну?.. Ну говори, говори! Что ты там видишь?

— Огромную палку... Наверное, это шип...

— Что еще?

— Красную каемку.

— А точнее, точнее!..

— Не кричи. Я только хотела, чтобы ты немного порычал.

— Черт знает что такое! Можешь ты толком...

— Не могу... Мне кажется, красных шариков стало больше...

— Пусти, я сам! — взрывается Мечников.

Это уже припадок гнева.

Ольга молча выходит прочь из комнаты.

...Где-то бьют часы. Мечников приник к микроскопу.

Подкрашенные клетки окружили шип, замерли.

— Та-ра-ра-бумбия... Та-ра-ра... сижу на тумбе я...

Мечников распахивает дверь в коридор.

— Окружили! Окружили!.. Сижу на тумбе я!.. Ольга, Ольга, где ты?.. Неужели ты не хочешь посмотреть на великого человека?!

Он распахивает дверь в спальню. Здесь никого нет.

Идет, пошатываясь, по коридору, потерял очки, они разбились.

— Теперь знаю... все знаю!.. Воспаление — акт борьбы против вторжения врага... И белые кровяные тельца в твоём пальце так же борются, как блуждающие клетки в личинке. Ольга! Ольга!

Он натывается на нее, хватая за руку. В руке Ольги — смятая телеграмма.

— Что это?

— Сейчас принес почтальон, — едва слышно произносит Ольга. — Заболела... мама... Она умирает.

Он прислоняется к противоположной стене, и так они некоторое время стоят молча в пронизанном солнцем и ветром маленьком коридорчике. С улицы доносятся голоса торговцев, женщин, погонщиков остов — начался день.

— Прости... прости меня, Оленька, — бормочет Мечников. — Как мало мы знаем... Как мало!..

В поле микроскопа меняются фантастические картины микромира, и мы слышим тихие голоса:

— Я должна вернуться в Одессу...

— Мы вернемся вместе... Я люблю тебя.. Ты моя любовь, а я виноват...

— В чем? Нет, нет... Боже, как беззащитна человеческая жизнь!.. Как эти подкрашенные шарики...

— Если бы я мог увидеть!.. Если бы я мог!..

— Что, что увидеть, Илья?

— Борьбу этих клеток... С микробами... теперь уже с микробами.

— А может быть, все это только плод твоего воображения... И ты просто все выдумал и мучаешь себя напрасно... и ме-

ня... Микроскоп убьет... убьет твои глаза... нашу жизнь... Все убьет, Илюша...

— Может быть. Во всяком случае, мы должны скорей вернуться домой!..

За стеклами аквариума плавают рыбы. Мечников снова в саду Ковалевских. Осень.

— Покойный отец Оли был против нашего брака, — говорит Мечников, — и только мать верила, что наши чувства серьезные... и Оля будет счастлива...

— Да, да, я понимаю. — Зябка кутается в старое пальто Александр Онуфриевич.

Они сидят в плетеных креслах возле аквариума.

С дерева на воду упал желтый лист, вспугнул рыб.

— Но счастлива ли она? — продолжает Илья Ильич. — Вот вопрос, который я все чаще и чаще задаю себе. — До сих пор он смотрел на рыб равнодушно, но вдруг придвинулся к стеклу, его внимание привлекли дафнии — водяные блошки. — Почему... одни подвижны, а другие лежат на дне? Смотрите!..

— А в самом деле, — приблизил лицо к стеклу Александр Онуфриевич. — Вы полагаете...

Они услышали скрип гравия, и Мечников через стекло увидел Ольгу. Она медленно подошла, лицо ее было бело.

— Почему? — повторил Мечников, глядя на Ольгу.

— Она умерла, — сказала Ольга, — мама... умерла, Илюша.

Однообразно повторяется нота «ре». Пустые комнаты квартиры Мечниковых: зеркала, завешанные черным тюлем, спальня, пустая кровать, рядом — ночной столик с лекарствами.

Около микроскопа в блюдце с водой плавают дафнии. Через открытую дверь видна гостиная. Мечников сидит боком к клавиатуре фортепиано и нажимает пальцем клавиш: ре, ре, ре...

— Почему?..

Мечников склоняется над микроскопом.

Микромир. Игольчатая спора грибка-паразита проколола кишечник прозрачной дафнии...

...Ре, ре, ре...

Блуждающие клетки-фагоциты обволакивают иглу, уничтожают ее.

...Мечников лежит на диване, в темноте, и слышит уже невыносимый звук: ре, ре...

И внезапно — аккорд, еще аккорд, и полилась медленная трагическая музыка.

Илья Ильич повернул голову.

Из гостиной падает на пол слабый свет.

— Это ты, Оля? — спрашивает Мечников.

Никто не ответил. Звучит музыка.

Мечников сжал веки, попросил:

— Не надо, Оля.

Музыка оборвалась.

— Нажми «ре»... Еще...

Из соседней комнаты доносится: ре, ре, ре...

— Понял... — шепчет Мечников, — понял...

Рядом с его лицом возникло на подушке лицо Ольги. Илья Ильич тихо сказал:

— Я видел... видел их борьбу!.. — Он прижал к себе ее лицо. — Ты даже не понимаешь, что это... Все объясняется, все!.. И почему жизнь, и почему смерть!..

— Я боюсь! — Она зарыдала, рот ее вздрагивает. — Ты страшен, страшен!

...Он шел, почти бежал по ночной одесской улице. Он налетел на прохожего, и тот отпрянул.

Прошла первая конка. По Дерibasовской тянулись фургоны цирка. В клетках спали львы.

Мечников шел рядом и смотрел, смотрел. Мелькали, надвигались на него морды львов и кошек, собак и лошадей, клювы птиц и хоботы слонов.

— Внутри всего живого идет война... Блуждающие клетки пожирают микробы, и только поэтому не наступает смерть... Я видел это, видел!

Ему повстречался городской. Илья Ильич хлопнул его по плечу.

— И вы существуете, господин городской, только потому, что фагоциты пожирают бактерии!

...Ольга лежала в смятом платье на диване, а он стоял перед ней на коленях и плакал.

— Нет, нет, я с тобой, я здесь, Оленька.

— Тебя нет, — повторяла она. — Мамы нет... Теперь я одинока, одинока, на всю жизнь одинока.

— Нет, Оленька, — целовал он ее руки, ее платье, — я люблю тебя... И никому не дам в обиду. Я вздерну на эшафоте этого мерзавца!

— Кого, кого?

— Илью Мечникова.

...Цирковая музыка и бинокль, направленный на Мечникова.

— Да, это он...

Бинокль придвинулся к соседнему биноклю.

— Что он теперь делает, этот бешеный профессор?

— Как видите, ходит днем в цирк, а в свободное время занят прививками... от бешенства. У него теперь бактериологическая станция.

Возник еще один бинокль.

— Напрасно иронизируете. Эти прививки многим помогли... отправиться на тот свет.

Раздаются аплодисменты.

Стоя аплодирует Илья Ильич. Рядом с ним Ковалевский с детьми. Они восторженно хлопают в ладоши.

Мадам и мсье Пишо в костюмах, вышитых стеклярусом, выходят на «комплименты», раскланиваются. Их ученые кролики, куврыкась, убегают с арены.

Илья Ильич пробирается между рядов, спускается по лесенке. Вот он уже за кулисами, где возятся в клетках львы, разминаются полуобнаженные девицы и курит сигару мощная черноволосая женщина.

Илья Ильич входит в грязную, заклеенную плакатами и картинками из иллюстрированных журналов артистическую уборную супругов Пишо. Хорошенькая мадам Пишо кормит морковкой своих питомцев, а ее муж разгримировывается, сидя перед осколком зеркала.

— Профессор Мечников, — представляется Илья Ильич, — почитатель вашего таланта.

— Весьма приятно, мсье, — склоняет голову дрессировщик. — Габриэла, предложи гостю стул.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — усаживается на корточки рядом с Габриэлой Илья Ильич. — Вы французженка?

— Да, мсье.

— А ваши кролики?

— Они тоже родились во Франции.

— Они великолепны, — гладит жующего морковку самца Илья Ильич.

С кроликом на руках Мечников подходит к Пишо:

— Я хотел бы купить у вас парочку экзemplаров.

Дрессировщик посмотрел на Мечникова. Перед Пишо явно стоял дикарь и безумец.

— Это не кролики, мсье. Это артисты. Понимаете, мсье, артисты!

— Да, да, конечно. Но я готов заплатить. И столько, сколько вы назначите.

— Вы хотите купить мой номер? — поразился Пишо. — У вас не хватает денег. Говорю прямо: не хватит, мсье.

В дверях появилась жепщина с сигарой.

— Ты только послушай, «наковальня», что мне предлагает этот человек! Он хочет купить мой номер!

— Ну и дурак! — произносит басом жепщина. — Из этих замызганных кроликов даже рагу не приготовишь.

— Что она говорит?! — заламывает руки Пишо. — Что она говорит, Габриэла? — Немного успокоившись, дрессировщик обращается к Мечникову: — Я, кажется, вас не познакомил?.. Мисс Вулкана, жепщина «наковальня».

— Очень приятно, — любезно кланяется Мечников.

«Наковальня» делает кокетливый реверанс, спрашивает:

— Пишо, у тебя есть деньги? Дай мне немного взаймы.

— Нет у меня денег. Нет! — взвизгивает Пишо.

— Тогда скорей продай рагу этому типу. Иначе опять всем нам нечего будет жрать после представления.

Она отшвыривает ногой разбежавшихся по полу кроликов и величественно удаляется.

— По-моему, произошло недоразумение, — говорит Мечников. — Я вовсе не собираюсь купить ваш номер. Но, может быть, вы мне уступите парочку кроликов... из своего запаса, так сказать, еще не вполне образованных... не вполне артистов.

— Я, видимо, старею, Габриэла, и становлюсь полным болваном! — Вытирает полотенцем намазанное вазелином лицо дрессировщик. — Зачем они вам, мсье?

— Вы слышали что-нибудь о Пастере? — спрашивает Мечников. — Он живет в Париже.

— Кто же не знает Пастера! — восклицает Пишо. — Его магазин на авеню д'Опера известен всем: недорогая и очень приличная косметика. Я покупаю у него грим.

— Я имел в виду Луи Пастера, химика, — поясняет Илья Ильич. — Он делает прививки от бешенства, как и я... Кролики мне нужны для опытов.

— Если мсье хорошо нам заплатит, — вмешивается в разговор Габриэла, — я думаю... мы могли бы уступить вот этих... самых молодых...

...«Наковальня» с сигарой в зубах и ее усатые партнеры в красных трико идут на выход. Оркестр играет марш. За кулисами появляется Мечников. В руке его корзинка с кроликами.

— Он все-таки купил рагу! — хохочет мисс Вулкана.

...Кролики высовываются из корзинки, которая стоит теперь у ног Ильи Ильича.

Рядом с Мечниковым покачивается на скамье Ковалевский. За окнами конки мелькают дома, пыльные деревья.

— Волнуюсь, как студент,— говорит Илья Ильич.— Ведь вы еще ни разу не были на нашей станции, ничего не видели... Людей везут к нам со всей России. Часто привозят слишком поздно.

— Следующая — Гуляева улица,— выкрикивает кондуктор и дергает веревку.

Дребезжит звонок.

— Играем в перегонки со смертью, кто скорей попадет в мозг — яд бешенства или наша вакцина,— продолжает Илья Ильич.— У Пастера дела пока идут лучше, потому что он использует для приготовления вакцины другую, более крупную породу кроликов... французскую...— Он поднимает с полу и ставит себе на колени корзину с кроликами.— Вся надежда на этих молодых артистов.

— Ну, а как дома? — мягко спрашивает Ковалевский.— Как Ольга Николаевна?

— Кто сходит на Гуляевой? — доносится голос кондуктора.

Задрезжав, конка остановилась. Ковалевский и Мечников выбираются из вагона.

— Оля теперь мне помогает,— говорит Илья Ильич.— Станция нас очень сблизила... стала нашим домом... Теперь все у нас хорошо, слава богу...

На остановке их поджидает Ольга.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает удивленный Илья Ильич.

— Идем скорей,— говорит она мужу.

— Смотри, что я купил,— показывает Илья Ильич на корзину с кроликами.

— Идем,— говорит Ольга.

Только теперь Илья Ильич замечает, что жакет ее расстегнут, волосы выбились из-под шапочки.

— Простите, Александр Онуфриевич,— обращается она к Ковалевскому,— я даже с вами не поздоровалась...

Они подходят к зданию бактериологической станции. На двери сургучная печать с двуглавым орлом.

— Ты только не волнуйся,— говорит Ольга.— Идемте через двор.

Они вошли с черного хода, идут по коридору. Двери лабораторий опечатаны.

— Здесь был Новиков, были санитарные врачи. Все сотрудники вызваны в полицию для показаний. Погибли вакцинированные овцы... несколько тысяч... овцы Панкеева...

Мечников сел на табурет посреди приемной, посмотрел на Ковалевского.

— Пригласил называется...

Ковалевский срывает печати. С одной двери, второй, третьей.

— Они не имели права без меня... Я вхожу в санитарную комиссию.

Кролики вылезли из корзины, разбежались.

Илья Ильич оцепенел, лицо его безучастно.

— Еще был здесь твой брат Иван,— говорит Ольга.— Мне кажется, он болен, очень болен... И чем-то сильно встревожен...

— Иван? — переспросил Мечников.

— Да. Он из Тулы, проездом, на один день. Ищет тебя по всему городу.

...Звонят колокола.

В степи зной.

Огромный загон для овец. Овцы мертвы. Идет Мечников с непокрытой головой. Овцы лежат, как камни. Тысячи серых камней.

...Звонят колокола. Голос газетчика Яши:

— Кто уморил овец господина Панкеева? Яша вам скажет: профессор Мечников!.. Кто такой Мечников?.. Яша вам скажет! Шарлатан!.. Покупайте «Одесский листок»!.. «Одесский листок»!..

Смятый номер «Одесского листка» гонит ветер по степи мимо серых камней.

Недалеке от загона остановился экипаж. Из него вышел Иван Ильич, старший брат Мечникова.

Лежат мертвые овцы, осыпанные пылью.

— Здравствуй, брат.

Илья Ильич обернулся. Долго, с болью смотрит на высохшее, иссеченное морщинами лицо Ивана.

— Почему они погибли? — спросил Иван.

— Кто-то перепутал номера вакцины... не знаю уж, случайно ли...

— Плохо, — сказал Иван.

Их тени потянулись по выжженной земле, по трупам овец.

— Я был по делам службы в столице, — продолжал Иван, — в министерстве внутренних дел... Мне показали твоё досье...

— Знаю, — ответил Илья Ильич.

— Именуешься ты в нём «красным профессором»... В присяжные заседатели пригласят они теперь эти трупы, возбудят уголовное преследование... У нас это просто... Я-то знаю... Тебе не дадут здесь работать.

— Куда же мне? — остановился Илья Ильич. — Куда?

— Уезжай... — опустил на сухую траву Иван, выткнулся, отвернул лицо.

— Худо тебе? — присел рядом с ним Илья Ильич.

— Нечеловечески, — прошептал Иван.

Звон колоколов над степью.

— Объедини свои усилия с Луи Пастером, — невозможная боль, все так же едва слышно произнес Иван.

— Это вряд ли возможно... Мои неудачи подрывают доверие не только ко мне. Они компрометируют метод Пастера.

...Словно навстречу Мечникову, по развезенной дороге парижского пригорода шагает Пастер, окруженный учеными, журналистами и чиновниками. Они направляются к строениям экспериментальных служб, за которыми видны загон для скота, почерневшее от дождя поле. На ходу Пастер резко обращается к одному из ученых:

— Кто вас просил, Морен, поднимать шум относительно неудач Мечникова?

— Но вы сами ему отправили весьма сердитое письмо, — отвечает Морен.

— Я сожалею об этом, — перепрыгивает через лужу Пастер, придерживая рукой черный котелок. — И это было личное письмо. Я вовсе не был намерен предавать его гласности. А вы это сделали. И довольно бесцеремонно.

— Мечников не врач, — еле поспекает за Пастером профессор Морен. — Он не имеет права заниматься вакцинацией... ни людей, ни животных!..

Тяжело дыша, шагает за ними по грязи толпа. Ученые насторожились. Чиновники возмущены. Журналисты посмеиваются.

— Истинный творец, — раздраженно продолжает Пастер, — не тот рядовой специалист, который построил некоторые комбинаты, а тот, кто заметил между ними родственную связь. Первый видел лишь голый факт, второй понял сущность факта, обнаружил в частности общее, представил его в оправе теории и тем неизмеримо увеличил радиус действия. Наверное, в частности Мечников допустил ошибки. Но он предугадал захватывающую теорию борьбы между микроорганизмами, теорию фагоцитов.

— Впервые слышу об этом, — бросает Морен. — Для меня он дилетант!

— Я тоже не врач, а химик.

— Ничего не вижу в этом хорошего.

— Наглец! — взрывается Пастер. — Вы наглец, мсье! И я заставлю вас это признать. Вперед, вперед!..

Пастер энергично толкает перед собой сопротивляющегося Морена к воротам загона.

— Не смейте ко мне прикасаться! — кричит длинноногий Морен, и полы его сюртука развеваются на ветру.

— Вперед, черт возьми! — командует маленький Пастер.

Служащие открывают ворота, и Пастер вталкивает Морена в загон.

Толпа окружает изгородь: загон подходит теперь на ринг.

— Смотрите сюда! — приказывает Пастер. — Я повторил опыт вакцинации овец против сибирской язвы. Специально для

невежд и болтунов вроде вас. Считайте! Двадцать четыре овцы получили вакцину — и живы. А двадцать четыре мертвы — им мы инъекцию не делали. Считайте, мсье!.. Раз, две, три, четыре, пять, шесть...

Пастер толкает Морена от одной группы овец к другой:

— Считайте живых и мертвых!

— Я не желаю, слышите?! — кричит Морен, и щеки его дрожат от гнева. — Выпустите меня отсюда!

— Ну нет! Извольте считать! — Пастер отбрасывает Морена от ворот.

Толпа за изгородью стихла.

Морен медленно произнес:

— Пастер, я требую удовлетворения.

— Вы?! — усмехнулся Пастер. — Может быть, я?

— Мы будем драться, — мрачно проговорил Морен. — Дуэль!

Пастер прислонился к изгороди. Смотрит на Морена с недоумением. Потом поглядел на толпу. Лица за пеленой мелкого дождя были сочувственные, насмешливые, испуганные.

Лица приблизились, окружили Морена и Пастера.

— Устал, — тихо сказал Пастер и посмотрел на растерявшегося Морена без злости. — Простите меня. Страшно устал. Вы хотите со мной драться?

— Нет, нет, — прошептал Морен. — Нет. Я понимаю. Я все понимаю. Нам всем приходится преодолевать слишком много препятствий... Но каждый защищает себя, свою жизнь, свои заблуждения, в конце концов... Простите и вы меня.

Париж. Его площади. Его улицы.

Голос Мечникова:

— Вот он Париж, Оленька...

Голос Ольги:

— Что нас здесь ожидает? Найдешь ли ты друзей... Пониманье?..

Голос Мечникова:

— Отсюда, с Монмартрской горы, смотрели на вечный город прославленные чес-

толюбцы...

Голос Ольги:

— Мы покорим этот город, да?

Голос Мечникова:

— Непременно... За нами армия куда многочисленней, чем у Бонапарта. Я команду миллионами блуждающих клеток-пожирателей. Вперед!

Они выходят из экипажа перед домом Пастера. В руках Ильи Ильича обшарпанный саквояж.

— В этом ранце наш маршальский жезл, — стараясь быть веселым и тем вселить бодрость в Ольгу, заявляет Мечников.

Они идут к подъезду по дорожке, обсаженной старыми плодовыми деревьями.

Вдруг сверху посыпались яблоки и сбили набекрень шляпку Ольги Николаевны.

— Канопада... началась? — поднял голову Илья Ильич.

— Тысяча извинений, мсье, прошу простить, мадам, — послышался голос человека, сидящего на дереве. Человек был во фраке.

— С кем имею честь? — спросил Мечников.

— Сейчас попробую спуститься, — сказал человек. — Однако это гораздо труднее, чем забраться сюда... Одну минутку...

Наконец он спрыгнул на землю и представился:

— Доктор Ру. — Он поклонился Ольге: — Мадам...

— Мечникова, — пояснил Илья Ильич, — моя жена.

— О! — еще раз поклонился человек во фраке. — Мэтр ждет вас. Рад познакомиться и приветствовать вас в Париже.

Ольга и Мечников с интересом смотрели на доктора Ру, который, присев на корточки, собирал яблоки в большое хрустальное блюдо.

— Мадам Пастер отпустила слуг. Сегодня она хозяйничает сама, а я ей помогаю. Прошу вас, идемте.

Он пропустил Мечниковых вперед, а сам пошел чуть сзади, и его оживленное мгновение назад лицо с умными прони-

ческими глазами сразу переменилось, стало усталым. Он вынул из кармана платок и несколько раз глухо кашлянул.

Они вошли в дом. В передней на вешалке висели многочисленные пальто, накидки, цилиндры и шляпы.

— У Пастера гости? — спросил Мечников, помогая жене раздеться.

— В вашу честь, профессор, — сказал Ру и снова беспечно улыбнулся.

Он распахнул перед Мечниковыми дверь в гостиную. Мужчины во фраках курили, беседовали с дамами. Старый Пастер сидел в кресле, и на нем тоже был фрак с ленточками орденов. Его ассиметричное лицо, наполовину парализованное, еще сохраняло энергию. Он увидел Мечникова, поднялся и пошел ему навстречу, заметно прихрамывая.

Илья Ильич, в поношенном дорожном сюртуке и с саквояжем, стоял на пороге, явно смущенный. Он не ожидал встретить здесь столь большое общество.

Пастер заметил это. Пожимая руку Мечникова, сказал:

— Сердечно рад. И прошу меня извинить. На мгновение исчезну. Ру вас представит.

И он вышел.

— Мадам и мсье Мечниковы из Роспи, — наклонив голову и сделав широкий жест в сторону Ольги и Ильи Ильича, сказал Ру.

Затем они присели на диван. Мечников поставил саквояж себе на колени. Ру держал в руках блюдо с яблоками.

— Я не ошибся, прямо из России?

— Не совсем так, — ответил Илья Ильич. — Мы были в Страсбурге, Франкфурте, Бреслау. Были в Берлине у Коха...

— И, чувствуя, не слишком поладили с ним? — засмеялся Ру.

— Да, — ответил Илья Ильич. — В Германии я не нашел единомышленников.

— Надеюсь, французы вас разочаруют меньше, — сказал Ру.

Вернулся Пастер, и гости, увидев его, зааплодировали: теперь мэтр был в таком

же поношенном сюртуке, как Мечников.

...Туманный фонарь стоит на столе. Тарелки и бокалы отодвинуты. Конус света падает на белую скатерть, укрепленную на стене. Илья Ильич показывает последний диапозитив с изображением схватки фагоцитов с бактериями.

— Французы говорят, что экспромт хорош, когда заблаговременно подготовлен, — говорит Мечников, складывая в саквояж препараты. — Свой экспромт я готовил много лет, а резюме всего лишь несколько слов: всякая инфекция — борьба между фагоцитами и микробами.

Ру посмотрел на Ольгу. Ее узкие пальцы сцеплены, лицо горит. Женщина почувствовала на себе взгляд француза. Дружелюбно улыбнулась ему. Ру кивнул ободряюще: все будет хорошо.

Дым от сигар и папирос поднимался в конусе света. Все ждали, что скажет Пастер.

— Bravo, — вдруг послышался густой бас.

— Кто это? — шепотом спросила Ольга, наклонившись к Ру.

— Деньги, — шепотом ответил Ру, показывая глазами на тяжелую спину банкира Озириса. — Они имеют право быть бесцеремонными. Даже в доме Пастера.

Мадам Пастер зажгла свет. Подслеповато щурясь, Мечников сказал, обращаясь к хозяйке дома:

— Простите скромного натуралиста за вторжение в медицину.

— Охотно, дорогой Мечников, — ответил Пастер. — У меня тоже нет диплома врача, и в сад Эскулапа я проник, подобно вам, через забор. И я присоединяюсь к реплике мсье Озириса: bravo! Ваш экспромт подготовлен великолепно. — Он встал, налил в свой бокал немного шампанского. — Ваши идеи теоретически обосновывают наши общие усилия. И я предлагаю вам союз.

Все встали с бокалами в руках.

Ольга незаметно пожала руку мужа.

— Союз вполне практический, — продолжал Пастер, — лабораторию и место не-

зависимого исследователя в моем институте... Разумеется, я не тороплю вас с ответом. Ваше здоровье!

Гости осушили бокалы. Пастер тяжело опустился в кресло.

...Вешалка в передней опустела. Последними одевались Мечниковы. Послышался кашель, и тотчас появился из боковой двери доктор Ру.

— Я провожу вас,— сказал он, подавая Ольге накидку.— Мэтр очень устал... Теперь это случается все чаще.

Они вышли в сад. Накрапывал дождь.

— Вам лучше одеться,— обернулся Илья Ильич.

— О, пустяки,— бросил Ру и пошел к калитке.

По дороге он поднял с земли яблоко, вытер платком и стал грызть. Потом он легонько свистнул и остановил фиакр.

— Прощу вас.

Помогая Мечниковым забраться в экипаж, Ру сказал:

— Итак, все решено,— вы принимаете предложение мэтра.

— С благодарностью.

— Я рад.— Он стоял под дождем и грыз яблоко.— Но хочу предупредить: я не разделяю ваших взглядов.— Он поцеловал руку Ольги и обменялся с Мечниковым рукопожатием.— Мы враги... Надеюсь, это не помешает нашему сотрудничеству?

Институт Пастера. Сотрудники в холщовых робах и шапочках возятся с подопытными животными, готовят препараты, записывают результаты наблюдений. Лаборантка Мари помогает Ольге стянуть тесемками рукава робы. Вместе они входят в комнату, где работают Ру и Мечников.

Голос Мечникова:

— Так началась наша новая жизнь...

Они сидят за соседними столами — Илья Ильич и доктор Ру, и непосвященному может показаться, что их оружие сходно: пробирки, микроскопы, колбы, терпение.

Голос Мечникова:

— Эмиль Ру искал вакцину против дифтерии, а в свободное время повторял опыты немца Баумгартена, чтобы доказать мне несостоятельность фагоцитарной теории. Мы все более и более становились друзьями, оставаясь непримиримыми противниками.

День сменяется ночью. Гаснет свет.

По улице, освещенной редкими фонарями, усталые и молчаливые, шагают Ру, Мечников и Ольга.

— После изнурительного дня мы втроем совершали неторопливые прогулки всегда по одной и той же скучной улице...

И снова они за работой. Ольга помогает Илье Ильичу. Ру наблюдает за ними.

— День за днем длилась наша немногословная, но упорная борьба. Одно мы знали оба, в одном были убеждены: микроб — наш общий враг и друг. Микроб — творец в природе, великий санитар, великий губитель...

Ру кладет перед Мечниковым пачку научных журналов, возвращается к своему столу. Ольга сняла бандероль, развернула журнал. Смотрит на мужа.

— Моя жена повимала, что большинство европейских ученых на стороне гуморалистов, на стороне Ру. Они были уверены, что микробов уничтожают не фагоциты, а кровяная сыворотка.

Ру и Мечников работают каждый за своим столом, насмешливо поглядывая друг на друга.

— Мне удалось доказать свою правоту на опыте с лягушками, зараженными сибирской язвой.

В пестрой парижской толпе ценителей живописи пробираются Ру и Ольга. Остановились перед полотном Карьера «Семья». Ру знакомит Ольгу с автором картины.

— Я радовался, что Эмиль Ру помогает тебе изредка развлечься. Мне хотелось, чтобы ты снова занялась живописью...

Ру и Ольга рассматривают полотна импрессионистов.

Ольга в мастерской Карьера пишет натурщика. Художник стоит за ее спиной,

временами наклоняясь и поправляя кистью ту или иную деталь.

— Но, кажется, даже мэтр Карьер понимал, что ты беспокойна и мысленно все время рядом с нами в нашей лаборатории...

Поздний вечер. Ру и Мечников одни. Склонившись над микроскопами, поглядывают друг на друга доброжелательно и ревниво.

— Мы почти не знали отдыха, все реже выходили из лаборатории, чтобы хоть немного рассеяться, и Париж был для меня не городом, а лицами людей, которых я ежедневно встречал...

Возникают лица, сменяются... лица мужчин, женщин, детей...

— ...Странно подмигивающим лицом нашего швейцара с насмешливым взглядом авгура науки; умным и болезненным лицом стареющего Пастера; увядшим, милым личиком лаборантки Мари; утомленными физиономиями сотрудников института; лицами Карьера и Родена, у которого ты брала уроки ваяния. Я не знал парижских бульваров и площадей, почти не знал развлечений. Я помнил только лица. В особенности лица детей, которых у нас с тобой не было, о чем я все чаще и чаще жалел. Однако лицо Ру значило для меня больше всего, проницательное и непреклонное лицо друга-врага.

Ру глухо кашляет, прикрыв рот платком, и тело его под пледом содрогается. У его изголовья сидит Ольга.

— Когда ему становилось совсем плохо, мы брали его к себе, а в лаборатории я продолжал его работу и ставил опыты, которые должны были доказать правоту Эмиля и мое поражение... И все же победил я!

Илья Ильич входит в лабораторию оживленный, радостный, в дорожной одежде, на ходу снимая пальто. Сотрудники приветствуют его аплодисментами.

— Это было после Будапештского конгресса, где я сделал сообщение и показал

свои препараты... Пастер радовался моему успеху бесконечно... Тогда он еще приходил в институт... и мог работать...

Ольга и Мечников садятся в первом ряду, возле Эмиля Ру.

В огромном зале не хватает мест. Галерея и все кресла и проходы заполнены. Здесь собрались представители наук всего цивилизованного мира, делегаты пяти академий Франции, министры, студенты и учащиеся лицеев, сотрудники института Пастера.

Сильно хромая на левую ногу, Пастер вошел под руку с президентом Французской республики. Оркестр заиграл торжественный марш.

Они медленно прошли через весь зал, и Пастер опустился в кресло возле небольшого столика, где делегаты разных стран сложили адреса.

— Он болен...— прошептал Ру,— безнадежно...

Гремела овация. Пастер сидел, закрыв глаза, левая щека его подергивалась. Мадам Пастер стояла за его креслом, сжимая плечо мужа.

— Она понимает,— тихо сказала Ольга Илье Ильичу,— понимает, что это начало конца... Это ужасно!..

— Ваш семидесятилетний юбилей — праздник Франции,— начал свою речь министр просвещения Дюпюи,— всего цивилизованного человечества...

Теперь на трибуне прославленный английский хирург Листер.

— Вы подняли завесу, которая в течение столетий скрывала происхождение инфекционных заболеваний...

Один за другим сменяются ораторы. Звучат все языки мира: английский, русский, японский, немецкий, испанский.

Пастер не в силах уловить содержание речей. Губы его дрожат, что-то шепчут.

Пастеру помогли подняться.

Поднесли на бархатной подушечке медаль Парижской Академии наук.

Надели ленту и приколоты орденом.

Он плакал жалкими старческими слезами. Огромный лавровый венок висел на его шее, и точно под его тяжестью Пастер клонился все ниже и ниже и наконец упал в кресло, поддерживаемый женой и сыном.

— Это невыносимо! — закрыл лицо руками Илья Ильич.

...Верхний свет в пустой аудитории погашен. Настольная лампа на кафедре прикрыта газетой с портретом Пастера. Из большого зала все еще доносится музыка. Пастер вытянулся на студенческой скамье, накрытый пальто.

— Я никого не хочу... ни с кем не хочу говорить, — глухо произносит он.

С его шеи свисает, кажущийся теперь нелепым, лавровый венок.

— И ты уйди, — говорит он жене.

В дверях она сталкивается с Мечниковым.

— Не надо, Элиас... Он никого не хочет видеть.

— Элиас? — доносится голос Пастера. — Идите... ко мне...

Они остаются вдвоем.

— Это было отвратительно, — шепчет Пастер, — я плакал...

— Да, — говорит Илья Ильич, — я следил за вами и не стану лгать и утешать...

— Я одряхлел, — стягивает с себя венок Пастер, — скоро наступит конец... Конец?

— Как это нелепо! — восклицает Илья Ильич. — Человек должен жить сто пятьдесят лет, а мы угасаем... так мучительно рано. Я смотрел на вас и думал: старость — это болезнь... ее надо лечить.

— Как?.. Как?.. — бормочет Пастер.

Мечников сидит за пюпитром, на студенческой скамье.

— У меня нет еще никакого точного взгляда... никакой теории... Но уверен: существуют «яды старости». В нашем кишечнике обитает сто двадцать восемь триллионов микробов. Они не могут не влиять на жизнь и здоровье человека. Яды микробов через стенки кишок проникают в кровь...

— Да, да, — слабо отзывается Пастер, — я тоже... я думал... старость... отравление... трясущиеся руки... провалы... провалы памяти... Элиас, позовите ее... жену... Я... я забываю... слова... Она подсказывает...

— Я понимаю, — торопится Мечников успокоить старика, — я всегда вас понимал...

Пастер вытянул из-под пальто руку, хотел что-то объяснить.

— Мы хорошо... оба... всегда... хорошо поработали вместе... Говорите...

— Все, что мы до сих пор с вами делали, Луи, — продолжал Мечников, — было направлено против болезни. Надо идти дальше, дальше. Об этом я думал во время торжественной церемонии. Начать большую облаву... на смерть. Начать вместе.

— Вместе, — чуть слышно повторил Пастер. — Скорей!..

...Комнатный термометр показывает 37 градусов по Цельсию. Мечников склонился над микроскопом. Виски и лоб покрыты испариной. Полотняный халат накинут на голое тело. В комнату-термостат входит барон Озирис. Он в визитке, шею подпирает тугой воротник.

— Ад здесь у вас, Египет! — восклицает барон, вытирая платком лицо. — Давайте выйдем из этого чистилища, мне надо с вами потолковать.

— Не могу, барон, — отвечает Илья Ильич, тонкой стеклянной трубочкой помешивая растворитель, — иначе придется все начинать сначала. А я должен торопиться... торопиться... Я, видите ли, выяснил, что есть два типа фагоцитов. Одни друзья, другие враги... Но это еще надо доказать...

Озирис снимает визитку и вешает ее на гвоздь рядом с термометром.

— Пастер такой же. Но он умрет, Элиас. Скоро. — Озирис пристально смотрит на Мечникова грустными, беспощадными глазами. — Пятьдесят лет назад я был нищим... маленьким паршивым голодранцем. Меня

звали Ифла, и я пришел в Бордо пешком. У меня ничего не было, кроме этой неглупой головы... Что, если я сниму жилет?

— Снимайте,— бросает Илья Ильич,— здесь действительно можно изжариться.

— Я поступил в банк.— Озирис снимает жилет и галстук, расстегивает крахмальную рубашку на волосатой груди.— Я был бережлив и смел, и меня посадили в тюрьму.— Он задумчиво рассматривает жемчужную булавку для галстука.— Я не скучал в тюрьме. Я думал. И это принесло золотые плоды... Все у меня кланчили деньги, в особенности родственники, но я их прогнал... Мне много лет, Элиас, я рано овдовел, и у меня нет детей. Зачем я унижался и страдал? Зачем я жил? Вы можете мне сказать?

— Вероятно, чтобы купить баронский титул,— отозвался Илья Ильич.

— Вздор.— Стоя спиной к Мечникову, Озирис смотрит на термометр.— Я мог бы оставить институту сорок миллионов франков. Вы слышите, Элиас?

— Разумеется.

— И это все, что вы можете ответить?

— Поговорите с доктором Ру. Он лучше меня разбирается в денежных делах.

— По-моему, вы ни черта не поняли.— Озирис садится напротив Мечникова, наваливается грудью на стол, заставленный лабораторной посудой.— У вас будут новые лаборатории, обезьяны, крокодилы, собаки. Сто собак! Тысяча собак! Миллион собак!

— Зачем это вам, Озирис? — Теперь Мечников смотрит ему прямо в лицо.

— Я хочу умереть с достоинством,— печально произносит Озирис.— Хочу, чтобы осталось мое купленное имя... чтобы его повторяли с уважением.— Он вытер платком грудь.— Вы мне верите?

— Нет.

Озирис ухмыльнулся:

— Вы умный человек. Никому нельзя верить. Я дам деньги, если у вас что-нибудь получится... Я говорю о продлении жизни... моей несчастной жизни...

Илья Ильич стукнул кулаком по столу, и пробирки в деревянных стойках подпрыгнули.

— Вы мне мешаете!

— Я знаю людей, Элиас.— Озирис медленно поднялся, одел жилет и визитку.— Когда Ифла пришел пешком в Бордо, он уже знал: рано или поздно люди всегда берут деньги. Я буду ждать.— В дверях он остановился.— Ведь мы с вами... почти ровесники.

— Закройте дверь, вы все испортите!..

...Лица, лица... Улыбающиеся, смеющиеся... В холщовых робах и шапочках сотрудники лаборатории стоят возле тиглей и колб, весело поглядывая на Илью Ильича. Мечников рассказывает:

— В 1554 году кардинал д'Арманьяк, проходя по улице, увидел плачущего восьмидесятилетнего старика. Выяснилось, что его побил отец. Удивленный кардинал пожелал увидеть отца. Ему представили бодрого мужчину ста тринадцати лет. Он объяснил кардиналу, что поколотил проказника за неуважение к деду. Войдя в дом, кардинал обнаружил еще одного старца: ему было сто сорок три года...

В лабораторию входит барон Озирис. Лицо его мрачно.

— Весьма обнадеживающие сведения, Озирис,— обращается к нему Илья Ильич.— В 1670 году в Йоркшире умер Дженкинс ста шестидесяти девяти лет. Томас Парр прожил сто пятьдесят два года и пережил девять английских королей. Его анатомировал знаменитый Гервей. В протоколе вскрытия отмечено отсутствие каких-либо старческих изменений в органах. А некто Карне прожил двести семь лет. Думаю, эта статистика должна порадовать Луи... Во всяком случае, меня она воодушевляет.

— Луи Пастер... умер,— глухо произносит Озирис.

За спиной его стоит Ру. Он плачет.

— От имени попечительского совета объявляю в этом доме час молчания.

Они идут по коридорам института. Двери лабораторий распахнуты. Люди в холщовых робах стоят возле своих микроскопов, вытянулись вдоль стен, неподвижно застыли на лестницах, будто время остановилось. Глаза сухие от горя и полные слез. Мечников вглядывается в эти лица, точно спрашивая, все ли готовы после смерти учителя продолжать великое будничное дело. Холщовые роботы... роботы... молчание.

Оголенные стволы тянутся, как роботы. Под старым деревом стоит Ольга. Она все знает. Мечников уткнулся лбом в кору дерева, ударяет по стволу кулаком.

— А ему триста... триста лет!..

Ольга отвела его кулак, разжала, прильнула губами к руке Ильи Ильича. Молча. Без слов.

Мечников в кепи с ушами и длинном теплом пальто прохаживается по заводскому двору с тучным курчавым журналистом в клетчатом сюртуке. Посреди двора медленно вздувается, наполняясь газом, желтый парусиновый аэростат. Воздухоплаватели укрепляют приборы в четырехугольной пассажирской корзине.

— Эпидемия холеры стремительно распространяется по всей Европе,— продолжает Мечников,— необходимы решительные действия, а медики и все мы спорим, спорим, теряем драгоценное время. Вопреки здравому смыслу мои противники утверждают, что возбудители холеры — испарения почвы, миазмы, туман.

— И вы решили убедиться...

— В их глупости... с помощью воздушного шара.

Аэростат качается над их головами, похожий на гигантскую грушу, воспаленную лучами заката.

Журналист и Мечников забираются в корзину, где уже укреплены барометры и сигнальная сирена. Командир аэростата бросает на дно гондолы одеяла. Его помощник забирается в сетку, соединяющую гондолу с шаром.

Гудит сирена.

Уходит земля.

Кто-то машет руками.

Илья Ильич смотрит вниз.

Покачивается внизу темнеющая громада Парижа.

...Во тьме летит аэростат.

Он летит бесшумно, и с земли доносится лай собак, шум поезда.

— Высота пятьсот метров,— сообщает командир,— мы над Иерусалимом.

— Если возможно,— просит Илья Ильич,— опустимся ниже.

Шар снижается. Илья Ильич, держась за стropy, смотрит вниз.

Едва различимые сквозь туман светятся огни Версаля.

— Итак, туман,— оживленно бросает Мечников.— А в Версале ни одного случая заболевания холерой... Однако не будем торопиться и проявим добросовестность.— Он извлекает из карманов пальто необходимую ему посуду и инструменты.— Возьмем пробу воздуха.

...На следующий день Мечников входит в свою лабораторию и спрашивает:

— Каков результат?

— Холерных микробов в пробе воздуха не обнаружено,— отвечает Мари.

— Прекрасно.— Илья Ильич подошел к клеткам с подопытными животными.— А как чувствуют себя наши уважаемые мыши, которых мы напоили разводкой холеры?

— Они не заболели.

— Это хуже... Где Ру?

— Еще не приходил.

— А мадам Ольга?

— Ее тоже не было сегодня.

— Позвоните ко мне домой, Мари, и узнайте, дома ли она.

— Хорошо, профессор.

Мари выходит, а Илья Ильич натягивает перчатку, открывает дверцу клетки и запускает внутрь руку.

Он извлек из клетки мышь и обернулся.

— Дома мадам нет,— сказала Мари.

— Странно.— Мечников положил мышь на стол, и она тотчас метнулась прочь, опрокинув несколько колб и чашечек.— Вы уверены, что мадам...

— Она уехала из дому утром,— набросила на мышь полотенце Мари.— К мсье Родену... Во всяком случае, так думает горничная...

— Я же запретил ей! — надевает пальто Мечников.— Там холера...

...Звонят колокола в Париже — холера.

На трамваях намалеваны кресты. Дребезжа, трамваи тянутся один за другим.

Мечников расплывается, отпускает фиакр и входит во двор, где за изгородью лежат глыбы мрамора. На стене дома, примыкающей к изгороди, также виден зловеющий крест.

Прежде в мастерской Родена была коюшня. Ворота открыты.

Косые лучи солнца резко освещают статуи. Некоторые из них накрыты чехлами.

Каменные «Граждане Кале» движутся навстречу Мечникову. Он пробирается между ними, зовет:

— Огюст!.. Мсье Роден!..

Посредине мастерской медленно прогуливаются по кругу обнаженные натурщики. Слышен гул колоколов.

— Мсье Роден,— крикнул юноша-натурщик.— К вам гость.

Роден появился из-за трехметровой статуи Бальзака в белой блузе и кожаном переднике — внешность каменщика.

— О, мсье Элиас! — приветствует он Мечникова, и сразу начинает жаловаться: — Черт бы побрал вас, медиков. Мне запрещают брать со склада мрамор, потому что умер сторож!..

— Вам вообще оставаться здесь опасно,— говорит Илья Ильич.

Медленно прогуливаются по кругу натурщики. Звонят колокола.

— Холера, холера! — ворчит Роден.— Я сам знаю, что это такое.— Он срывает со

статуи холстину, и Мечников видит проступающий из камня торс женщины с ребенком на руках.— Они умерли... и Мадлен, и ее сынишка, и теперь это никогда не будет закончено.— Он сбрасывает чехол еще с одного изваяния: — И этот старик умер от холеры... Его лепила ваша жена.— Роден показывает на своих натурщиков: — И они это знают и дерут с меня по пятьдесят франков в неделю, и я плачу. А что мне делать? Я не могу не работать.

— Но почему они все время ходят? — спрашивает Мечников, высматривая кого-то в глубине помещения.

— А я иначе не умею,— все еще раздражено отвечает Роден.— Я не ставлю натуру на постамент, в позу. Поза — это ложь. Мне необходимо движение, движение...

Медленно прохаживаются по кругу натурщики.

— Эпидемией охвачены Берлин, Париж, Марсель, Петербург,— заглядывает в соседнюю комнату Мечников,— двести шестьдесят семь городов... двадцать одно государство...

— Послушайте, кого вы там ищете? — спрашивает Роден.

— Мою жену.— Снова появляется Мечников из-за статуи женщины с ребенком.— Когда она ушла от вас?

— Ее не было здесь... с начала эпидемии.

— Где же она?! — похрустывает сцепленными пальцами Илья Ильич.

— А с женщинами всегда одни неприятности,— зажигает фитиль лампы Роден.— Я предпочитаю иметь дело вот с такими...

Он задернул штору и, стоя спиной к Илье Ильичу, водит лампой перед животно мраморной Венеры.

— Разве это не чудо? Кажется, поверхность живота совсем гладкая. Но посмотрите, сколько деталей, складочек, выпуклостей... Живое тело!..

Роден оборачивается — Мечникова уже нет.

...Звонят колокола. Мечников сворачивает в узкую улочку. Навстречу ему выезжает омнибус, запряженный лошадьми с черными попонами, на которых намалеваны мелом белые кресты. На имперiale трясуся гробы. В нижнем отделении омнибуса сидят мортусы в балахонах и играют в карты.

Путь Мечникову преграждает полицейский кордон с санитарными нашивками на рукавах. Кордон вытянулся вдоль баррикады, сооруженной из ящиков, тачек и двух брачных карет.

— Район оцеплен, мсье,— выходит навстречу Илье Ильичу полицейский с небритым лицом.— Холера.

— Где ваш офицер?

— К вашим услугам, мсье,— отдает честь юный лейтенант.

— Что у вас тут происходит? Мне надо пройти.

— Это невозможно. В районе туман, опасные испарения.

— Вы врач?

— Да, мсье.

— И вы не понимаете всю нелепость вашего объяснения?

— Не понимаю, мсье. Я подчиняюсь приказу, а не обсуждаю его с прохожими.

— Похвальное рвение. В особенности для образованного человека. Я Мечников, из Пастеровского института.

Лейтенант с сомнением оглядел Илью Ильича:

— У вас есть удостоверение?

— Удостоверение?.. Нет.

— В таком случае, ничего не могу для вас сделать, мсье.

Но Мечников уже его не слушает. В толпе за баррикадой он заметил жену.

— Оля!.. Оля!..

— Илья?!..

Ольга растеряна, оборачивается, ища кого-то в толпе.

— Нас... меня не пропускают...

— Пропустите мою жену,— требует Мечников.

— Я уже сказал, мсье, сообщение между районами закрыто.

Ольга пробирается в толпе к фиакру.

— Ольга! — кричит Мечников, идя вдоль баррикады.— Куда ты? — Он взбирается на подножку брачной кареты.— Где ты была?

— Я тебе все объясню, Ильюша... Потом...

Но гул колоколов заглушает ее слова.

— Я ищу тебя по всему Парижу,— кричит через баррикаду Мечников.— А эти сумасшедшие блокируют туман... В конце концов это черт знает что!.. Где ты была?

Из фиакра выходит Ру и останавливается позади Ольги. Мгновение Мечников смотрит на них с глубоким недоумением. Затем насмешливо, даже весело спрашивает:

— Вы что со мной делаете, Эмиль? Воспользовались всеобщим помрачением и паникой и... похитили мою жену?

Полицейские захохотали.

Но лицо Ру осталось серьезным. Он крикнул:

— Мы вряд ли сумеем...

— Что? — не расслышал Мечников.

— Здесь объясниться...

Лейтенант взобрался на подножку позади Ильи Ильича и крикнул Ру и Ольге, показывая на Мечникова:

— Этот мсье... действительно из Пастеровского института?

Ру молча кивнул и без улыбки поднял руку.

— О, в таком случае,— наклонился к Илье Ильичу лейтенант,— я могу вам дать совет... Вот за этим домом во дворе... проход... И пусть они тоже свернут в подворотню... Там велодром...

Мечников кивает, показывая жестаи Ру и Ольге, чтобы они шли к проему между домами.

Звук колоколов вытесняет пронзительный матчш. Мечников пробирается по темному двору, спускается по железной лесенке между двумя полуразрушенными

домиками и оказывается под эстрадой для оркестра. Над головой Ильи Ильича колотит по клавишам тапер. Ему вторят барабан, кларнет и несколько скрипок.

Мечников толкает дощатую дверь, заклеенную афишами, и оказывается на трибуне для публики.

— Ставлю на черного! — щелкает пальцами господин в соломенной шляпе.— Еще сотню франков!

— Придет желтый! — взвизгивает девица с перьями в волосах.— Он обходит, обходит твоего черного!

— На желтого — двести! — выкрикивает извозчик в помятом цилиндре.

Мечников ищет глазами Ольгу и Ру. В тумане, подсвеченном желтыми фонарями, виднеются на трибунах кучки зрителей. Их совсем мало, но они горланят, свистят и размахивают руками.

По треку мчатся, накрепко на поворотах, велосипедисты в разноцветных блузах и коротких узких панталонах.

Илья Ильич идет вдоль рядов, подслеповато щурится.

Звенит матчш, свист, выкрики:

— Красный, красный обходит!..

— Илюша,— раздается позади Мечникова голос Ольги.— Я здесь.

Их разделяют несколько пустых скамей, полукругом поднимающихся вверх.

— Мы были в Версале, Илюша,— говорит Ольга.

— Забавно,— пытается перелезть через скамью Мечников.

— Что? — переспрашивает Ольга.— Ты только не волнуйся..

— Нет, нет, испарения меня тревожат менее всего... Я взял пробу воздуха и, разумеется, не обнаружил в нем никаких возбудителей холеры.— Он смотрит снизу на Ру.— Я тоже был в Версале... Вернее, над ним...

Ру перепрыгнул через скамью, говорит, глядя в глаза Мечникову:

— Это я просил мадам Ольгу провести со мной...

— Вы?!..

Ру сел на скамью, снял котелок, оперся локтями на колени, произнес тихо, почти неслышно:

— Элиас, я люблю вашу жену.

— Я знаю,— отозвался Мечников.

— И вас,— не поднимая головы, проговорил Ру.— После смерти Луи... вы и Ольга... это все, что связывает меня с жизнью...

— Знаю. Спасибо, Эмиль. Хорошо, что вы сказали прямо. Я давно знаю...

— Значит, вы понимаете, что между мною и Ольгой не может быть иных отношений, кроме...

Ру засломили яркие юбки и два сюртука. Они пробирались ближе к треку, по которому неслись в желтоватом тумане гонщики.

— К сожалению,— сказал Ру,— она любит вас. Говорю откровенно: к сожалению, к несчастью...

— Ты убеждена в этом, Оля? — отвернувшись и глядя на велосипедистов, спросил Илья Ильич.

— В чем?..

— Хорошо, не стоит сейчас об этом говорить...— Он все еще смотрел на велосипедистов.

Красный гонщик упал и покатился вниз вместе с велосипедом. Зрители зашвистели.

— Да, да, такова жизнь,— пожал плечами Илья Ильич,— не стоит... Он наклонился к мужчине в цилиндре, сидящему впереди.— Вы позволите на минуту ваш бинокль?

— Прошу вас.

Мечников смотрел в бинокль.

Крошечный ярко-красный гонщик корчился. На расстоянии от него неподвижно стояли санитары.

— Это холера.— Мечников обернулся к Ру: — Эмиль, мы должны заехать с вами в институт и ровно к восьми быть в муниципалитете.

— Я поеду с тобой,— срывающимся голосом крикнула Ольга.

— Нет. Со мной поедет Ру.

...В зале муниципалитета Мечников говорил членам медицинского совета:

— Немедленно закройте велотреки, рестораны, театры. Опасно скопление людей, а не испарения почвы. Болезнь передается от человека к человеку через заразные выделения больных. Все дело в холерной запятой, а не в миазмах. Я требую предупредительных мер. Изолируйте больных, сжигайте их вещи.

— Но так мы только усилим панику в Париже, — возражает председатель. Это Морен, когда-то вызвавший на дуэль Пастера.

— Другого пути нет, — устало опускается в кресло Мечников.

— Где доказательства... ваши доказательства? — Морен озабочен и взволнован искренне.

— У меня их больше, чем у вас. — Илья Ильич бросает на стол пачку мелко исписанных листов. — Пробы воздуха, обследование Бретани, лабораторные анализы. В этой записке все это изложено достаточно ясно.

— Простите, коллега, но ваши подопытные животные... не заболели.

— Это только доказывает, что вибрион холеры опасен лишь для человека.

— Не знаю, — угрюмо отозвался председатель Морен. — Не убежден.

Мечников встал, прошелся вдоль стола, вновь услышал за окнами гул колоколов, сказал резко:

— И велите прекратить, наконец, этот невыносимый, бессмысленный набат... если вы так беспокоитесь о настроении парижан.

— Понимаю, — сказал председатель. — Вы устали, коллега. Мы все устали...

— Вот именно. — Мечников поставил на стол свой знаменитый саквояж. — Пора кончать спор. — Он вынул из саквояжа несколько колб с разводкой холеры. — Доказать вам микробное происхождение холеры я могу сейчас только одним способом. Разводку должен выпить человек, и он...

— Заболеет?

— Более того... возможно, умрет.

Илья Ильич аккуратно расставляет на столе колбы.

— Я не имею нравственного права, господа, — продолжает Мечников, — просить кого-либо из вас выпить... — Он открывает пробку. — Я выпью сам.

— Не делайте этого! — бросается к нему Ру и выбивает из рук Ильи Ильича колбу.

Она падает на пол и разбивается.

— Не подходите, — приказывает Мечников. — Это смерть. — Затем он оборачивается к Ру и просит: — Принесите карболку, Эмиль.

Мгновенье Ру пристально смотрит на Мечникова и быстро выходит из зала в сопровождении служителя.

— Я совершенно забыл!.. — легонько ударяет себя пальцем по лбу Илья Ильич. — Здесь есть представители прессы?

— Да, мсье, мы здесь, — поднимается из заднего ряда знакомый журналист. — Если вы не возражаете, мсье.

— Спасибо, господа, — кланяется Мечников. — Прошу вас быть свидетелями.

И он быстро выпивает содержимое второй колбы.

— Безумный человек! — восклицает председатель.

— Если правы мои уважаемые коллеги, — складывает в саквояж колбы Илья Ильич, — со мной решительно ничего не случится.

В дверях стоит потрясенный Ру. В руке его склянка с карболкой.

— Я выпил, — говорит ему Мечников. — И надеюсь, что мадам Ольга узнает об этом только завтра утром... из газет, не ранее. — Он берет свой саквояж и направляется к выходу. — Имею честь, господа.

...Мечников положил очки на ночной столик возле лампы, дернул шнурок, и свет погас.

Послышались шаги. В соседней комнате вспыхнул свет.

— Оля, поиграй мне, пожалуйста... на сон грядущий...

Илья Ильич закрыл глаза. Прозвучали несколько легких, тихих аккордов. И все смолкло.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Поиграй мне,— повторил Илья Ильич.

Пальцы ее опять побежали по клавишам.

Илья Ильич спал.

Утром нечесаная горничная в ночной рубашке причитала:

— Господи, господи!.. Сжался над нами, дева Мария!..

Она подняла штору, и в спальню ворвались лучи солнца.

Постель Ильи Ильича была смята и пуста.

Ольга спала одетая на своей кровати.

— Мадам, мадам,— тормозила ее горничная,— вы должны скорей прочесть газету...

— Какую газету? — зевнула озябшая Ольга.— О чем ты говоришь?

— Здесь написано... — Горничная заплакала, уткнувшись лицом в свежий номер «Матэн». — Мсье Элиас отравился холерой!..

...Ольга бежала по коридорам института, натываясь на озадаченных сотрудников, в смятом платье, в ночных туфлях.

Она распахнула дверь в лабораторию и увидела Илью Ильича. Он спокойно работал, склонившись над микроскопом. За соседним столом сидел Ру.

— И ты... скрыл? — бросила Ольга газету, и она упала к ногам Мечникова.

— Ну, зачем так, Оленька? — Илья Ильич поднял газету, пробежал глазами сообщение.— Все убеждены, что со мной ничего не случится.

Ольга села на стул, посмотрела на Ру.

Тот заставил себя улыбнуться, но улыбка получилась скорбной, и он отвел глаза.

— Иди в мой кабинет, Оля,— сказал Мечников,— и успокойся.

Пошатаваясь, она с трудом добрела до двери, вошла в кабинет и заперлась на ключ.

Ее бил озноб. Ключ выпал из рук. Силы оставили ее.

Она сидела на полу босая и глухо, истерически рыдала. Ру постучал в дверь.

— Оставьте... оставьте меня,— простонала Ольга.

— Вас просят к телефону, профессор,— вошла в лабораторию Мари.

— Иду,— сказал Мечников.

Теперь в лаборатории остался один Ру. Он опять постучал в дверь.

— Ольга... умоляю вас!..

— Оставьте меня в покое,— донесся голос женщины.

Вернулся Мечников. Острые глазки его метали искры.

— Эти мерзавцы справляются о моем здоровье! — Он торопливо стягивал с себя полотняный халат.— Я еду в муниципалитет. Явился из Берлина Кох. Надеюсь, у него останется сил и разума забыть былые распри и объединить усилия...

— Вы мерили температуру? — спросил Ру.

— Нормальная... Прошу вас позаботиться об Ольге.— И он стремительно вышел.

Ольга по-прежнему сидела на полу, прислонившись к двери, и плечи ее вздрагивали. С той стороны стучал Ру.

— Ольга, откройте!..

Рука ее шаряла по полу, ища ключ, натолкнулась на саквояж с колбами... открыла саквояж... вынула коробку... одна ампула пуста, две полны и крепко закупорены... рука замерла...

— Зачем он это сделал? — спросила Ольга.

— Он был вынужден,— сказал за дверь Ру,— они требовали доказательств.

Это не имеет отношения к вам... или ко мне... Откройте, я все объясню...

— Я не могу найти ключ,— запрокинув голову, устало произнесла Ольга.

— Вы заставите меня влезть через окно,— бил кулаками в дверь Ру.

Ольга больше не отвечала. Она поднялась, держа в руках коробку с колбасами. За дверью было тихо.

Сев за стол, Ольга откупорила одну из колб, по-детски слабо улыбнулась какой-то своей мысли и выпила разводку холеры.

В эту минуту в окне появилась голова Ру. Он не закричал, не остановил женщину — было поздно.

Он сидел на подоконнике, и они смотрели друг на друга растерянно.

— Я хочу, чтобы он верил мне,— прошептала Ольга,— до конца... У нас все в жизни было общим... И если он... Пусть и я...

Ру опустил глаза, кивнул:

— Я... боялся этого...

— Дайте мне слово, Эмиль, что Илья не узнает... пока...

Он снова кивнул.

— А теперь помогите мне найти ключ...

...В спальне темно. Мечников сунул себе под мышку термометр:

— Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я... Оля, поиграй мне на сон грядущий...

Он видит ее спину. Она села к роялю. Из передней послышался резкий звонок телефона.

— Не подходи,— сказал Илья Ильич.— Целый день я слушал их лицемерные восторги: «Какое счастье, что вы ошиблись, а мы оказались правы!..» Если я не заболелю, они сделают из меня посмешище... памятник научной ошибке!..

Ольга играла.

Снова раздался звонок.

— Не подходи!

Она продолжала пьесу, а телефон все звонил и звонил.

...Утром, в халате, Мечников стоял в передней и кричал в трубку:

— Какая температура? Вы требуете консилиума? Очень хорошо. А я настаиваю, чтобы вы оставили меня в покое.— Он бросил трубку и яростно покрутил ручку отбоя.

Но телефон опять зазвонил.

— Что?.. Какое общество «Фермент»? Какая простокваша? Ах, моя простокваша?.. Да, слушаю... Хотите получить монополию? Нет, у меня нет коммерческого представления, и я не собираюсь... Что?.. Хорошо, обратитесь к моему швейцару, он будет предупрежден.

Усаживаясь за стол завтракать и повязывая вокруг шеи салфетку, он говорит Ольге:

— Откуда они все знают? Все, решительно все! — Он дернул шнурок сонетки, и тотчас же в дверях появилась горничная.— Позовите, пожалуйста, нашего швейцара.

— Слушаюсь, мсье.

— Им известно о моих опытах по продлению жизни,— продолжает Мечников,— известно, что я выделил чистую культуру молочнокислых бактерий, что я сам каждое утро пью простоквашу, что институт нуждается в средствах, а я за свою работу не получаю ни франка.

— Они читают газеты, Илюша,— говорит Ольга,— в отличие от тебя... Она придвигает ему пачку газет, писем и телеграмм.— В России холера...

— Я читаю газеты, Оля. И принял решение... Знаешь, почему все они оживились и так торопятся?.. Они боятся!

— Чего?

— Что я окажусь прав, заболею холерой и...

Ольга посмотрела на мужа, но ничего не ответила. Некоторое время было слышно, как позвякивают в их руках вилки и ложечки. Этот утренний завтрак выглядел удивительно мирным.

Вошел швейцар:

— Вы меня звали, мсье?

Он был лыс, грыз погасшую трубку и все время загадочно, сардонически подмигивал — у него был тик.

— Присаживайтесь, Пьер. Вы уже завтракали?

— Да, мсье.

— Вы пьете по утрам простоквашу?

— Да, мсье. Разве вы не заметили, как я похорошел и какая у меня выросла шевелюра?

— Что бы вы сказали, Пьер, если б я вам предложил стать предпринимателем?

— За десять лет работы с вами, мсье, я отвык удивляться.

— Очень хорошо.— Илья Ильич прошел в свой кабинет и открыл бюро.— Общество «Фермент» желает выпускать мечниковскую простоквашу.— Он вернулся с листком бумаги, на котором было написано несколько слов.— Здесь я подтверждаю, что все права переданы вам. Для себя лично я оговорил получение ежедневно и бесплатно одной бутылки простокваши... пожизненно. Вам не кажутся мои условия суровыми, Пьер?

Швейцар яростно грыз трубку и подмигивал. По морщинистой щеке катилась слеза.

— Они вас найдут, эти господа из «Фермента».— Илья Ильич отхлебывал из маленькой чашечки кофе.— И можете о нашей сделке сообщить господам из газет. Впрочем, они вас тоже найдут.

— Мсье Пастер никогда бы не стал издеваться... так издеваться надо мной.— Пьер больше не подмигивал. Он обиделся.

— Глупости, Пьер,— вытер рот салфеткой Илья Ильич,— я знаю ваши обстоятельства, предложение серьезно. Скоро вы сами в этом убедитесь. Торопитесь, Пьер, мы уезжаем в Россию.

— Я подумую, мсье.— Швейцар снова подмигивал.

Мечников расхохотался:

— До свиданья, Пьер. Только не забудьте — одну бутылку каждое утро.

Швейцар затворил за собой дверь.

Ольга смотрела на мужа. Он прошел в спальню и стал переодеваться.

— Ты заметила, что я меняюсь... к лучшему, Ольга?

Ольга продолжала сидеть за столом, словно окаменев. Голос Мечникова из спальни звучал мажорно:

— Я больше не думаю о бессмысленности жизни, не жалею на ее чудовищную дисгармонию. Даже начинаю находить вкус... в борьбе! Приближаюсь к шестидесяти, становлюсь взрослым, Оленька. Ты меня осуждаешь?

Рука ее вцепилась в скатерть, скатерть поползла, и на пол со звоном полетела посуда.

Скорчившись от боли, Ольга упала на осколки разбитой тарелки.

...Ночью опять гудели колокола. Она металась в жару, и Мечников стоял перед ее постелью и плакал.

— Я хотела, чтобы ты мне верил...— едва слышно шептали ее губы.— И чтобы ты... победил.

— Я всегда тебе верил,— так же тихо повторял Илья Ильич,— всегда...

— Все будет хорошо, Илюша. Спасибо тебе... что ты взял меня в жены. Я была счастлива...— Она закрыла глаза.— А теперь иди к ним...

...Корреспонденты собрались в лаборатории, пили кофе из термоса. В железных стаканчиках. Отворилась дверь и вошел Мечников в сопровождении сухонькой Мари. За высокими окнами гудел набат.

Поднялся гигант в клетчатом сюртуке и сказал, не скрывая искреннего волнения и сочувствия:

— Мсье, позвольте от имени всех нас выразить вам глубочайшее соболезнование...

— Сейчас три часа ночи,— метнула на него ненавидящий взгляд Мари.— У вас нет сердца, господа.

— Не думайте о нас слишком плохо, мадемуазель,— пробормотал гигант и погасил сигару.— Это наш долг.— Он нахло-

нил голову, исподлобья поглядел на Мечникова черными беспокойными глазами:— Париж ждет, мсье Мечников.

— Моя жена выпила разводку холеры,— сказал Илья Ильич,— но ее состояние не имеет к этому никакого отношения... тяжелое нервное потрясение, осложненное простудой.— Он опустился на табурет.— Вас интересует, почему не заболел я? В моем организме холерный вибрион так же не нашел благоприятных условий для роста. А вот последовавшие моему примеру молодые ученые... выпив разводку... заболели!.. И это ужасно! Ужасно... Это плата за истину. Однако теперь спор окончен, господа, инфекционное происхождение холеры доказано.

Журналисты записали его слова. Затем он добавил более спокойно:

— Когда мадам Мечникова... поправится... мы уедем в Россию. Сейчас мое место там... что бы нас ни ожидало...

Мчится поезд среди полей.

Россия...

Отворилась дверь хаты.

На пороге Мечников с группой санитарных врачей.

— Облить карболкой. Вещи больного сжечь.

Он входит в другую хату.

— Облить!.. Сжечь!..

Вместе с врачами он входит в церковь. Посреди нее одиноко умирает поп.

— Облить!.. Одежду сжечь!..

В роскошную парижскую квартиру входит в сопровождении санитаров Эмиль Ру.

— Облить!.. Все вещи сжечь!..

Ру со своими помощниками появляется в деревянном бараке провинциальной больницы.

— Сжигать!.. Сжигать!..

И снова Мечников. Перед ним градоначальник Петербурга.

— Вы учинили за мной полицейский надзор,— говорит Илья Ильич.— Это глупо. Но я пришел не для нотаций. Я требую мер более широких.

— Сжигать? — спрашивает градоначальник.— Разве мы не сжигаем?

— Этого мало,— настаивает Мечников.— Необходимы карантин. В опасных районах. В портах. В воинских поселениях. В казармах.

— И сжигать, сжигать, сжигать! — угрюмо повторяет градоначальник.

...Мечников лежит на диване в номере петербургской гостиницы. Повторяясь, звучит: «Сжигать! Сжигать! Сжигать!..» Мечников открыл глаза, вздрогнул.

Перед ним стоит заросший бородатый человек в вылинявшем суконном пальто. Лицо человека грустно, глаза смеются.

— Кто вы такой?.. И что вам угодно?

— Я Корниенко.

Мечников опускает ноги на пол.

— Корниенко... Корниенко...

— Я опять сбежал из тюрьмы... чтобы сдать вам экзамен.

И сразу Илья Ильич вспоминает все.

— Корниенко?!.. — хлопает себя по коленям Мечников.— Опять сбежал? Не шутите?

— Нет.

— Социалист?

— Социал-демократ. Не смущает?

— Нисколько. Хотя я, как вам, может быть, известно, более верую в науку, чем в политику.

Они обнялись. Долго смотрели друг другу в глаза. Обоим не пощадило время.

— Да разве дело в седине и морщинах! — снова опустился на диван Илья Ильич.— Холера все выжгла... вот здесь... — Он постучал пальцем по своему темени: — Совсем пустая коробочка, как говаривал Сеченов. Нет идей.

— Примите у меня экзамен, Илья Ильич,— вынимает из кармана помятую клеенчатую тетрадь Корниенко.— Вот здесь некоторые мысли, может быть... найдете что-либо полезное... Я был бы счастлив...

Ольга идет по коридору гостиницы. В дверях номера сталкивается с официантом.

— Вы меня звали? — спрашивает официант Мечникова.

— Да, — щелкает подтяжками Илья Ильич. — Пожалуйста, шампанского.

— В чем дело?! — изумленно восклицает Ольга. — Что случилось?

— Корниенко нашел вакцину против холеры, — сердито и весело бросает Илья Ильич. Затем тычет пальцем в грудь Корниенко. — Этот инсургент не терял времени даром!

Ольга поздоровалась с гостем, обняла мужа, прошептала на ухо:

— Тс-с... Свят, свят, чтобы не услышать!..

...Слышны аплодисменты. Полицейские на конях скучают, поглядывая на ярко освещенные окна.

В зале по меньшей мере две тысячи человек.

Мечников и Ольга сидят в креслах на эстраде.

Говорит председатель:

— После пережитых внутренних и внешних поражений русской интеллигенции нужна вера в себя и в свои силы. И эту веру она может почерпнуть в сознании, что в лице Ильи Ильича, труды которого по иммунитету ныне отмечены Нобелевской премией, нашли всемирное признание мощь и сила русского ума, спокойное, глубокого и объективного.

Поднимается Мечников.

— Благодарю всех вас. — Он оживлен и склонен шутить. — И прежде всего петербургского полицмейстера...

В зале засмеялись. Перешептываются.

— Он прислал, — продолжает Илья Ильич, — великолепный наряд конной полиции. Для меня это — большая честь, и еще большая... для клеток-пожирателей, для моих милейших фагоцитов.

Аплодисменты. Кто-то поднимается, выходит из зала.

— Однако всем известно, — говорит Мечников, — мой противник сейчас не полицмейстер, а граф Толстой. Не впервые против науки гремят протесты. И я, подобно Толстому, когда-то считал, что «бессмыслица жизни есть единственное несомненное знание, доступное человеку». Но годы и опыт нас меняют. В «Этюдах оптимизма» я попытался об этом рассказать. Подобно моим незабвенным друзьям и единомышленникам, подобно Сеченову и Ковалевскому, я все более и более верую в безграничные возможности познания. Науке предначертано изменить жизнь!

Зал гудит. Не все разделяют взгляды Ильи Ильича, и это заметно по оживлению в партере и на балконах.

— А премию не могу считать присужденной одному мне. — Продолжая говорить, он подходит к жене, склоняется, целует ее руку: — Ольга Николаевна по праву разделяет все со мной..

На глаза Ольги навертываются слезы. В зале гремят аплодисменты, а она смотрит на мужа, уже седеющая, бесконечно признательная.

И он смотрит на нее, и как на юбилее Пастера, звучат слова на всех языках Европы, и когда на Мечникова надевают лавровый венок, возникают голоса прошлого:

Голос Мечникова: Это невыносимо!..

Голос Пастера: Это было отвратительно... Я плакал.

Голос Мечникова: Я следил за вами и не собираюсь лгать и утешать...

Голос Пастера: Я одряхлел... скоро наступит конец... Конец?

— Человек должен жить сто пятьдесят лет...

— Я забываю слова... забываю слова... забываю слова...

И это повторяется, повторяется, как на диске фонографа.

— Старость — наша болезнь, — выпрямившись, крикнул в зал Илья Ильич. — Все просвещенные нации, все правительства должны отдать излишки средств для борьбы с ядом старости. А я для этой един-

ственно осмысленной цели... хочу прожить... сто пятьдесят лет!

...Лев Николаевич Толстой сидит за обеденным столом в холщовой рубашке и говорит:

— Почему люди боятся смерти? Страх потерять свое «я»? — Узловатой рукой он аристократически небрежно отламывает кусочки хлеба. — Но ведь каждую ночь, засыпая, мы теряем свое «я»...

— Стало быть, вы не боитесь? — улыбается Мечников, помешивая ложкой суп.

— Нет, не боюсь, — лукавит Толстой.

— Не верю. Все ваше я читаю с пристрастием.

— Теперь я больше не пишу... беллетристики.

— Честное слово, мы чувствуем себя неловко, — говорит Ольга хозяйке дома. — Илюша публично ругает Льва Николаевича, а вы нас принимаете.

— А я хитрец, — смеется Толстой. — Противника накормить надо, усыпить — и глядишь, добить легче.

— Лев Николаевич, скажите откровенно, что вас заставило описать историю моего покойного брата? — спрашивает Мечников.

— Вы имеете в виду рассказ «Смерть Ивана Ильича»? — повернулся к нему Толстой.

— Именно. Страшный рассказ. И жизнь в нем предстает бессмыслицей, и смерть нелепой и случайной.

Толстой явно избегает откровенного ответа:

— Да... я знал вашего брата. Он служил в Туле... по юридической части.

...Толстой и Мечников шли по весенней траве. Молодые жеребята гонялись по лугу. Оправляясь по легкой нужде, глядел на них пастушонок.

— Вы меня напрасно обвиняете в том, что я против науки, — говорил Лев Николаевич. — Я высоко ценю ее, если она интересуется человеком. Но какое благо ему от

того, что ученые открыли семь тысяч мух?

— Ошибаетесь, — возразил Мечников. — Микробы, например, были открыты, когда никто не подозревал их значения. Тем не менее, это привело к благу, помогло впоследствии бороться с болезнями.

— Но медицина и все вы бессильны... бессильны против того, что мы называем... смертью! — Лев Николаевич поймал коня, вскочил на него, сказал: — Возвращайтесь в дом, к дамам... А я... извините...

Озадаченный Илья Ильич остался среди луга. Толстой ускакал.

Он мчался галопом, и конь перепрыгивал через рвы, и борода старого писателя прилипла к рубашке, а в маленьких синих глазах блестели слезы...

...Возвратившись, Толстой вошел в «ремингтонную», где беседовали в креслах возле столика с большой пишущей машинкой Илья Ильич, Софья Андреевна и Ольга, и резко спросил Мечникова:

— Скажите, зачем вы, в сущности, ко мне приехали?

— Лева! — укоризненно сказала Софья Андреевна и добавила несколько слов по-французски.

Мечников растерялся. Затем прямо поглядел в глаза Толстого, медленно поднялся и сказал:

— Мы очень непохожие люди, Лев Николаевич, но, мне кажется, оба постоянно думаем об одном и том же. По-разному. Весьма по-разному, разумеется.

Затем они снова сидели в столовой, и Ольга играла на рояле. Мечников придвинулся к Льву Николаевичу.

— Простите, бестактный вопрос... О чем вы сейчас думаете?

— Мерзавцы, — отозвался Толстой, — явоз привезли — одна солома!

Толстой искоса поглядел на Илью Ильича и с удовлетворением отметил, что ему удалось окончательно озадачить ученого. Помолчав, он добавил:

— Будет скоро война... Откройте газету и вы тотчас увидите причину возможной всемирной драки... То Корея, то Абис-

синия, то Армения с Турцией, то Япония... Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, ждут только, чтобы кто-нибудь впал в несчастье и ослабел и можно было напасть на него... Война будет страшная, безразственная, кровопролитная. А вы о продлении жизни толкуете...

— Да,— сказал Илья Ильич,— и считаю это самой великой целью.

— Где-то прочел недавно: обезьяна умней нас, умней человека...— ответил Толстой.— Она, по крайней мере... не принимает себя всерьез.

В клетках сидят обезьяны: Клод, Эдуард, Жанетта. Сильно постаревшая Мари делает Эдуарду инъекцию.

— Эдуард мученик,— слышится голос Ильи Ильича,— он подвергается разрушающему действию алкоголя, обильной пицци. Разврат и яды... Мы заразили его сифилисом. А вот Жанетта ведет, вроде меня, строго гигиенический образ жизни, и это несомненно скажется на сроке ее жизни.

— А это Клод,— продолжает Илья Ильич,— контрольный экземпляр. Существует бапалью, без крайностей, как благо-разумный буржуа... как вы, Озирис.

В своей парижской лаборатории Мечников беседует с Озирисом.

— Прекрасно,— говорит Озирис,— но каковы... мои надежды?

— Видите сами,— отвечает Илья Ильич,— все это только начало, и оно может длиться столетие... Вы напрасно сюда приходите так часто, Озирис.

— Я дал деньги, а вы взяли. Имею я право хотя бы приходиться?

Теперь обезьяны режутся на траве. За ними присматривает Мари.

Мечников сидит на скамье. Солнечный свет проникает сквозь листву. Мечникову тепло. Кажется, что он спит. Но это впечатление обманчиво. Из-под прикрытых век Илья Ильич зорко следит за животными. Подходит Озирис с пачкой

газет под мышкой, садится рядом.

— В Сараево убит кронпринц Фердинанд,— сообщает банкир.— Это война.

Обезьяны подрались. Эдуард приревновал Жанетту. Она довольно повизгивает.

— Чепуха,— глядя на них, улыбается Илья Ильич.— Как можно, чтобы в Европе, в странах цивилизованных, не пришли к соглашению... Война была бы безумием. Нет, нет, война невозможна.

— Война неизбежна,— тихо говорит Озирис.

Издав воинственный клич, Клод бросился на Эдуарда, повалил его.

— Но кто... кто заинтересован в ней? — спрашивает Мечников.

— Я понимал такие вещи, когда меня звали еще Иффлой,— отвечает банкир.— Война — естественное продолжение политики... и человеческой алчности, и нетерпимости...

Они сидят рядом — два непримиримых старика, связанных миром необходимости, компромиссом, сумасшедшей надеждой.

— Мы оба опоздали, Элиас,— с грустью произносит банкир.

На следующее утро в лаборатории Илья Ильич говорит жене:

— Клод убил Эдуарда. Опять придется начинать все сначала. Но я спокоен. Положительно я переменялся к лучшему. И я не верю, что может начаться война.

— Австрия объявила войну Сербии,— появляется в дверях Пьер с неизменным тиком на лице и неизменной трубкой, и с бутылкой простокваши на подносе.

— Ваша простокваша, мсье Элиас. Как видите, я честней кайзера и соблюдаю договор.

Но шутка Пьера не веселит Илью Ильича. Он в смятении.

Звонок.

Ольга выглянула в окно:

— Это почтальон.

Вскоре появляется Жанетта. В передних лапах ее — письмо. Мари, вошедшая

следом, говорят:

— Это вам, Пьер.

Бывший швейцар распечатывает пакет.

— Многие наши сотрудники получили сегодня... такие же...

Тик на лице Пьера прекратился, зубы твердо сжали мундштук трубки.

— Какие-нибудь неприятности, Пьер? — спросила Ольга.

— В чем дело? — подошел к нему Илья Ильич.

— Я просто безгранично счастлив, мсье. Я получил пакет от моего правительства.— Щеки его снова дрожали и глаз сардонически подмигивал.— Я мобилизован.

И сразу — мерный гул. Цеппелины над Парижем. Они еще не бросают бомбы, эти немцы, сидящие в металлических гондолах. Они еще смотрят.

Илья Ильич тяжело болен. Он прислушивается. Рядом Ольга Николаевна. В квартире темно. Окна спальни раскрыты. Дома за ними. Дома без огней. И гул цеппелинов.

Рука Ольги сжала запястье Ильи Ильича. Рука ловит редкие, слабые удары пульса.

Пулеметная очередь.

Подмигивающее лицо Пьера в дыму и огне, под железной каской.

Голос Мечникова:

— Я не могу представить его лица... их лица...

Пьер падает, катится, захлебывается в гнилостной воде, которой наполнена воронка от снаряда.

Возникают в дыму и огне лица людей в шинелях, лица людей, с которыми Илья Ильич работал в Пастеровском институте или в России.

Лицо Корвиенко возникает. И словно в упор глядят его глаза на Мечникова через смерч войны.

И снова цеппелины над Парижем.

Рушатся дома.

Колеблются и содрогаются статуи в мастерской Родена.

Роден лепит умирающего Мечникова, говорит:

— Каждый должен сопротивляться своему... Но непременно сопротивляться.

Глаза Мечникова закрыты.

В лабораторию входит полицейский офицер:

— Где животные?

Мари проводит офицера в соседнее помещение, где заперты в клетках обезьяны, собаки, крысы.

Офицер вынимает из кобуры револьвер и стреляет.

Падает Клод. Заметалась Жанетта. Залаяли собаки.

Мари повисла на руке офицера. Он оттолкнул женщину, идет вдоль клеток и пристреливает животных. Отвернул лицо.

— Что вы делаете?!.. Что вы... — У Мари нет больше сил бить офицера в грудь, кричать, кусаться — нет сил.

— Приказ,— стоя к ней спиной, говорит офицер.— Они заражены, могут разбежаться. А боши бросают бомбы... бросают бомбы...— Офицер кусает губы, чтобы не заплакать, протягивает Мари бумагу с печатью.— Вакцины холеры, дифтерита, сибирской язвы... вы должны уничтожить или вывезти в глубь страны. Приказ.

Лицо Мечникова на подушке, искаженное страданием. Он задыхается, ловит ртом воздух.

Ползут люди в изодранных обожженных шинелях, натягивают противогазы.

Газовая атака. Двигаются в дыму шеренги солдат в масках.

Мечников приподнимается на постели, прислушиваясь к внезапной тишине.

Надвигаются ряды в противогазах.

Опрокидываются убитые.

Плывут, множатся в крови бактерии. Их окружают фагоциты.

Голос Мечникова:

— Опыт заканчивается. Сейчас я субъект и объект эксперимента. Мой организм еще борется, но силы с каждым мгновением уходят. Меня убивают мои милые

фагоциты. Теперь я знаю, что они неоднородны. Микрофаги — мои спасители, макрофаги — могильщики. Они пожирают мои клетки, пигмент волос, рассасывают кости... Записывай, Оля, записывай...

Над изголовьем Мечникова склонились лица Ольги и Ру.

— Роден прав, — силится улыбнуться Илья Ильич, — каждый должен сопротивляться по-своему... Я понимаю, понимаю, перед всеобщим безумием наука оказалась бессильной... Мои ученики... видели дальше... Корниенко видел... Нельзя использовать до конца антагонизм внутри нашего естества, нашей плоти, не победив антагонизма человеческого... Пиши, Оля, пиши...

— Илюша! — в отчаянии восклицает Ольга, и листки падают на пол.

— Не надо, Оля, — ласково просит Илья Ильич. — Помогите ей, Эмиль.

Теперь записывает Ру.

— Я прожил хорошую жизнь, — диктует Илья Ильич, — но главные мысли пришли слишком поздно... Вы записываете?

— Да, — смиряя горе, твердо произносит Ру.

— Когда кончится ужас всеобщего убийства, — продолжает Илья Ильич, — люди должны будут устранить дисгармонию природы... Страх перед смертью заставляет повиноваться злу и отчаянию, оправдывает убийство... Время сыплется, как песок... между пальцами, и мы торопимся, совершаем трагические ошибки, уподобляемся животным... Угасание должно быть естественно, желанно... спокойно... Над этим не могут не задуматься люди, которые будут жить после нас... Это цель всечеловеческая... Более молодые силы займутся проверкой моих гипотез, их развитием... пусть они примут это за род завещания... Пишите, Эмиль... Сейчас остановится сердце...

— Илья! — умоляет Ольга. — Скажи мне... что-нибудь мне одной... ведь я твоя жена!.. Ты не можешь уйти, умереть... вот так... Я не могу жить!

— Ни о чем не надо сожалеть, Оля, — чуть слышно произносит Илья Ильич. — Ты была моим другом... всегда... Нет, нет, не надо меня утешать... Я вовсе не волнуясь. Смерть в моем возрасте... почти естественна. Не мешай мне... Мы должны все... все записать!..

Р. Гюльмагзе

СТРАНСТВУЮЩИЕ РЫЦАРИ

РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ ГАБРИАДЗЕ (родился в 1936 году) — выпускник факультета журналистики Тбилисского университета. Сотрудничал во многих газетах Грузии. В 1968 году закончил Высшие сценарные курсы, и в том же году состоялся его кинематографический дебют — на киностудии «Грузия-фильм» по его сценарию была поставлена картина «Необыкновенная выставка». Р. Габриадзе — автор сценариев художественных фильмов: «Не горюй» («Мосфильм», режиссер Г. Данелия), «Чудаки» («Грузия-фильм», режиссер Э. Шенгелая), телевизионного фильма «Пари», небольших киноновелл «Серенада», «Кувшин», «Феола», «Белые камни», «Родник у дороги».

Комедию «Странствующие рыцари» ставит на киностудии «Грузия-фильм» режиссер Тимур Палавандишвили. По замыслу сценариста и режиссера-постановщика, это должно быть кинопроизведение, насыщенное живописными панорамами сегодняшней Грузии, ее богатейшими музыкальными ритмами.

Редакция многотиражки «Шаг» располагалась в доме девять по улице Трех Персиков. Вообще дом этот был выстроен еще в начале прошлого века, и по преданию, в том же веке намеревались его разрушить, но добрые ангелы, которые украшали фронтон здания, сохранили ему жизнь до наших дней.

Газета «Шаг» была основана Географическим обществом и поначалу принадлежала ему, но с течением времени к указанному обществу присоединились спортивные и студенческие организации.

В тихое весеннее утро улицу Трех Персиков взбудоражил вой sireны милицейской машины. Радиофицированная «Волга» остановилась у подъезда, прямо под ногами одного из ангелов-хранителей. Из машины вышел седой мужчина, внимательно оглядел дом и энергичной походкой двинулся к подъезду.

Две комнаты редакции назывались «большой» и «маленькой», хотя по размеру были совершенно одинаковыми. В большой творил редактор, в маленькой — литсотрудники. Их, литсотрудников, было довольно много, некоторые сидели по двое за одним столом. В углу, у окна, примостилась старушка-машинистка.

Седой мужчина миновал маленькую комнату и прошел прямо в кабинет редактора. Не дожидаясь приглашения, придвинул кресло к редакторскому столу, сел и небрежно бросил:

— Здравствуйте... Вы руководите этой организацией?

Редактор испуганно поднялся.

— Так сказать... по мере сил, насколько мог... — Он почему-то перевел действие в прошедшее время. — Конечно, у меня были ошибки...

— Были, были, — охотно подтвердил седой.

Колени редактора часто задрожали, он машинально взял в руки календарь.

— Где редакционный мотоцикл? — строго спросил незнакомец.

— Какой мотоцикл? — удивился редактор.

— ГР-15-59, который вы получили пять лет тому назад.

— Пять лет тому назад я здесь не работал. Господи, неужели у нас есть мотоцикл?!

— Есть, только он, видно, вам ни к чему. Пойдемте, я покажу вам машину.

— Куда мы должны пойти? — разволновался редактор.

— Недалеко. В подвал вашего дома.

Вместе с присоединившимся к ним комендантом дома они спустились в темный подвал.

— Здесь испорчено электричество. Света нет... — вежливо сообщил комендант.

— Есть! — убежденно откликнулся незнакомец и щелкнул выключателем.

— В самом деле есть, — констатировал факт редактор, оглядывая подвал бессмысленным взглядом.

Подвал был захламен: набитая песком, оставшаяся, может быть, еще с военных времен пожарная бочка, изодранные, заплесневелые пачки газет и журналов, использованные матрицы и клише, юбилейный венок из искусственных цветов, который украшали две цифры: 60 и 40.

А в углу стоял мотоцикл с коляской.

— Вот, — сказал незнакомец и посмотрел на спидометр. — За пять лет он прошел всего триста километров. Отсюда я заключаю, что вам эта машина не нужна.

— Как то есть не нужна! — обиделся

редактор.— Мы просто не знали о существовании этого инвентаря.

— Спорить здесь нечего. Я представляю комиссию, которой поручено выявить скрытые резервы в нашем транспорте. Вопрос стоит так: в течение десяти дней государственная комиссия проверит мотоцикл и, если на спидометре будет меньше трех тысяч километров, мотоцикл передадим другой организации, где он принесет больше пользы нашему обществу.

— Ровно три тысячи? — осторожно спросил редактор.

— Именно так! Мы не простим даже половины километра. И не вздумайте обманывать, поскольку вчера я опечатал спидометр.

— Вы и вчера здесь были? — удивился редактор.— А откуда вы узнали о существовании этого мотоцикла?

— Поступили сигналы, — ответил незнакомец, и при этом комендант неизвестно почему понурил голову.

— Значит, через десять дней, следовательно, двадцать пятого, ровно в десять часов утра приведете мотоцикл на техническую комиссию. В противном случае можете с ним распрощаться.— И незнакомец покинул подвал.

Минут через десять в маленькой комнате редакции уже висело написанное от руки объявление. Коллектив оповещался, что в половине одиннадцатого будет совещание. В порядке дня один единственный пункт: «Проблема приведения в движение неиспользованных резервов в транспорте». Докладчик: редактор Вахтанг Хурцидзе.

— Наверное, заставят нас приобрести трамвайные абонементы, — забеспокоился низкорослый мужчина, который считался ответственным секретарем газеты.

— Ну, ну, поторапливайтесь! — призвал редактор, и все, кроме одного молодого практиканта, двинулись со своими стуль-

ми в редакторскую комнату и расположились согласно субординации.

— Женщинам выйди, — первым делом потребовал редактор Вахтанг Хурцидзе.

В редакции было две женщины — одна высокая, вторая маленькая старушка-машинистка. Когда они вышли, редактор поднялся со стула и оглядел своих сотрудников.

— Товарищи, — начал он медленно, — я не могу быть сегодня веселым.

Сделав это сообщение, редактор умолк. Любопытство сотрудников достигло апогея.

— Вопрос стоит так, либо его у нас отберут, либо он у нас останется. Сейчас, к сожалению, не время для споров.

— Почему должны отнять? — разозлился высокий, кожа да кости, нервный мужчина.— Только и думают, что отнять. Хотя бы один раз дали чего-нибудь.

— Да... да... хотя бы дали! — поддержал кто-то из угла.

— Не должны отнять, — согласился второй.

— Не смогут отнять, если мы как следует воспротивимся! Не смогут! — разъяренно размахивал руками ответственный секретарь.

— А знаете ли вы, что именно у нас отбирают? — спросил редактор.

Сотрудники удивленно переглянулись.

— То, что им понравится, — на всякий случай сказал нервный.— Или им трудно?

— Слушай, а ты умеешь водить мотоцикл? — прервал его редактор.

— Нет, — виновато ответил высокий.

— Кто из вас умеет водить мотоцикл? — обратился редактор к коллективу.

Воцарилось молчание. Редактор махнул рукой.

— Я знал, что так это и будет. План ни один из вас не выполняет. Вечно опаздываете. Правописание забыли. Править мотоциклом ни один из вас не умеет. Прямо поразительно, каким чудом эта газета выходит. Вы не любите нашу газету. Я дол-

жен омолодить аппарат! — В голосе редактора послышалась угроза.

— Кажется, Сандро умел водить мотоцикл, — нерешительно сказал кто-то.

— Какой Сандро?

— Наш практикант.

— А... Элисабедашвили, — без энтузиазма произнес редактор.

— Да. Он говорил, что в армии водил танк.

— Больше никто не водил?

Журналисты опустили головы.

— Вы все свободны. Позовите ко мне Сандро, — сказал редактор ответственному секретарю.

...Сандро Элисабедашвили пристроился у окна в маленькой комнате редакции. Он поймал муху и впряг ее в сплетенное из тонких проволочек подобие арбы. Муха, волоча за собой арбу, тщетно пыталась взлететь.

— Зовет, — сказал практиканту ответственный секретарь и показал головой в сторону комнаты редактора.

...Практикант удивленно таращился на редактора. Тот возбужденно потирал руки. Потом наклонил голову к сотруднику, таинственным голосом спросил:

— Хочешь, возьму в штат?

— Что я должен сделать? — так же таинственно спросил практикант.

— Умеешь водить мотоцикл?

Сандро ворвался в красивое, выстроенное из стекла и бетона здание телестудии. По коридору деловито сновали люди. Сандро открывал то одну, то другую дверь, кого-то отыскивая.

— Извините, вы не видели Мито Бешкинадзе? — спрашивал он, но нигде не получал определенного ответа.

— Сегодня не видели, — отвечали ему в одной комнате.

— Целый день здесь вертелся, — сообщали в другой.

Наконец Сандро подошел к одной широкой двери и приналег на нее плечом.

Дверь подалась и Сандро осторожно пролез в узкий тамбур.

— Тсс, — услышал он в темноте, — идет запись.

В маленькой комнате светился голубой экран телевизора. На экране какой-то мужчина с благообразным лицом спокойно говорил:

— Затем, когда мы вытащим тонущего на берег, главное не растеряться и своевременно оказать ему первую помощь.

Режиссер передачи крикнул в микрофоны, свисавшие гроздьями с потолка:

— Приготовьте объект!

Сандро посмотрел в ту сторону, где огромное толстое стекло заменяло стену. Через стекло был виден павильон. Благообразный мужчина листал страницы своей лекции. Двое в белых халатах, по-видимому, ассистенты лектора, уже приготовили носилки, на которых лежал «объект». Глаза у «объекта» были прикрыты. Сандро хотел как-нибудь привлечь его внимание, но их разделяло толстое стекло.

— Это не Мито? — спросил Сандро у режиссера передачи.

— Мито, но пока его нельзя вызвать. Подождите. Передача скоро кончится.

«Объект» осторожно уложили на стол и начали делать искусственное дыхание, после чего он поднял голову.

— Главное в такой ситуации не волноваться, не растеряться, — закончил свое выступление лектор. И в тот же миг на экране его сменило лицо молодой очаровательной девушки:

— Следующую передачу из цикла «Первая помощь» вы увидите через месяц...

— Пусть выйдет Мито Бешкинадзе, — сказал режиссер в микрофон, — его ждет приятель.

Сандро и Мито стояли в кабинете редактора многотиражки «Шаг».

— Это Мито Бешкинадзе, — представил Сандро своего друга, — мы вместе учились. Если можно, он поедет вместе со мной.

Он и мотоцикл водить умеет. Будет мне помогать.

— Хорошо. Не будете скучать дорогой,— одобрил редактор.— Путешествие начнется завтра в шесть ноль ноль утра. Но редакция не желает, чтобы ваше путешествие по территории республики было беспредельным времяпрепровождением. Мы решили дать вам несколько поручений. Вы, правда, в десятидневный срок должны накрутить три тысячи километров, то есть двигаться днем и ночью, и у вас не будет времени на написание статьи. Но нужно набрать материал, чтобы по приезде написать несколько статей...

Сандро Элисабедашвили и Мито Бешкинадзе слушали редактора и кивали головой.

— А сейчас познакомьтесь с мотоциклом, и в добрый путь,— редактор пожал приятелям руки.

В одном из старинных районов Тбилиси, в маленьком дворе высокий худой человек рыл яму. Пенсионер Ардалион Элисабедашвили осторожно водил лопатой по рыхлой земле — бывший санитар-паразитолог в настоящее время был увлечен археологией. Глубина ямы достигала почти двух метров, но кроме коммуникационных линий, тусклого бутылочного стекла и других незначительных предметов, старик пока ничего не обнаружил.

— Копай, копай, жактовский дом разрушится, коменданта позову, Ардалиона в Сибирь, в тюрьму угонят,— спокойным голосом грозил пенсионеру пожилая женщина-дворник.

— Осторожно,— сказал Сандро и тихо открыл калитку.

— Кто это? — Ардалион, услышав скрип калитки, высунул голову из ямы.

— Я и Мито.

— Здравствуй, Мито. Где пропадал, что это тебя не было видно?

— На практике в телестудии.

Старик схватился за веревку, привязан-

ную к дереву, и выкарабкался из ямы. Ребята вошли в дом.

Узкая комната была украшена крайне странно. На стенах висели мечи и мотыги эпохи бронзы, колесо арбы, насчитывающее два тысячелетия, из горла огромного, склеенного из тысячи черепков чурки торчал лошадиный череп.

— Все это он нашел во дворе,— без энтузиазма похвастал Сандро, роясь в ящиках стола,— в доме жить невозможно. Сто раз домоуправление его предупреждало, а он все свое.

— Что ты ищешь? — поинтересовался старик.

— Нас отправляют в командировку,— сказал Мито и замолк, так как Сандро приложил палец к губам.

— В какую командировку? — взбудоражился старик.

— Где мой паспорт? — спросил у Ардалиона Сандро.

Ардалион выдвинул ящик, достал паспорт и протянул его Сандро.

...Было часа два ночи. Сандро и Мито сидели у карты Грузии, расстеленной на столе и обсуждали свой будущий маршрут. Ардалион возбужденно ходил взад и вперед по комнате.

— Ложись спать,— попросил Сандро.

Старик махнул рукой, подошел к кровати, вытащил из-под нее ящик, запертый на три разных всяческих замка. Проскрипели ключи в скважинах, жалобно охнула железная крышка, и Ардалион осторожно вынул из ящика какой-то изъеденный временем предмет, который разве что только издали можно было признать за шлем. Сандро и Мито с интересом следили за стариком. А тот достал шерстяную тряпку и начал осторожно тереть ею странного вида шлем.

— Что ты делаешь, Ардалион? — испугался внук.

— Разве я могу оставить здесь это сокровище? — ответил старик.— Я десять дней буду гонять с вами на мотоцикле, и

как мне не волноваться, если эта шапка Помпея останется здесь без хозяина.

— Что, что?! — нахмурился Сандро. — Ни в коем случае! Нам своих забот достаточно! Три тысячи километров не то что ты — мотоцикл не выдержит. И этот шлем тоже.

Мито с готовностью закивал.

— Моей смерти хочешь! — закричал старик. — Что такое случится, если я поеду?! Людей посмотрю, себя покажу! Исторические памятники... Может, я вам пригожусь, объясню историю, дорогу покажу, начну рыбачить, песни петь!

— Какие песни, какие рыбы! Ни в коем случае! — схватился Сандро за голову.

Рассветало. Над горой Махата небо слегка поблекло. Ардалион спал, сидя на стуле. Рядом громоздилось приготовленное им снаряжение: керосиновая лампа, удочка, заступ, кирка, гитара, бурка, треножник, кастрюля, кочерга, зонтик, ружье и шапка Помпея, бережно завернутая в шерстяную тряпку.

Мито и Сандро молча поднялись с постелей, на цыпочках прокрались мимо Ардалиона, осторожно открыли двери и выскочили во двор.

На улице Трех Персиков, перед редакцией, стоял полусонный редактор и зевал во весь рот. На проводах двух приятелей присутствовал еще один человек: старушка-машинистка, которая держала в руках авоську, набитую молочными бутылками. Мотоцикл был привязан цепью к дереву.

Наконец появились Сандро и Мито.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровались они с редактором.

— Здравствуйте!

— Вот. — Сандро достал из нагрудного кармана военный билет.

Редактор перелистал билет и по словам прочел:

— Танкист, механик второго класса.

Неожиданно сверху послышался отчаянный крик Ардалиона:

— Ни с места, бессовестные!

Редактор при виде странного старика, увешанного кастрюлей, мотыгой, киркой и ружьем, вздрогнул и отступил к подъезду.

— Это мой дед, — виновато улыбнулся Сандро, — он едет в Мцхету навестить младшего брата.

— Мой младший брат умер в девятьсот восьмом году, — отверг старик версию внука и обернулся к редактору. — Они дети, не советую отпускать их одних, прошу отправить меня с ними.

— Добро, — после короткого раздумья согласился редактор. — Вы мне кажетесь человеком опытным, я не возражаю.

— Останься, дедушка, — снова попробовал уговорить Ардалиона внук.

— Ни в коем случае!..

Тогда Сандро хитро подмигнул Мито, достал из мотоциклетной коляски ключи, нагнулся к колесам и стал что-то подвигивать.

— Мы готовы. Садись, дедушка. — Сандро взял деда под руку и бережно усадил в коляску.

— Ну валяйте, — махнул рукой редактор. — Ровно три тысячи километров, и двадцать пятого в десять часов быть на месте. До свидания!..

— Да здравствуют советские спортсмены! — дискантом выкрикнула старушка-машинистка, и в ее авоське задребезжали бутылки.

Воцарилось неловкое молчание, все взоры обратились к машинистке.

— Самые передовые спортсмены в мире... — упавшим голосом закончила она лозунг, прикрыла лицо свободной рукой, повернулась и затрусилась к магазину за молоком.

Мотоцикл тронулся с места, а коляска, которую Сандро незаметно снял, осталась на месте.

— Убью обоих! — завопил Ардалион и схватил ружье.

— Элисабедашвили, стой! — крикнул редактор.

Сандро сплюнул и затормозил.

Тбилиси пробуждался. Огромные машины с ревом тащили бетонные конструкции. Возле гостиницы «Аджария» подъемные краны начали размеренную пляску. Из труб заводов шел дым. Дорожники укладывали асфальт.

Только Ардалион не видел всей этой красоты. Рассерженный, он сидел в коляске и что-то бурчал себе под нос.

Эх, кто не испытывал очарования дороги! Но должен вам сказать: одни чувства испытывает человек, который из пункта «А» направляется в пункт «Б» по какому-либо серьезному делу, и совершенно иные эмоции обуревают человека, который ничем не ограничен — ни пунктом «А», ни пунктом «Б». Только бы крутились колеса. Никто тебя не ждет, ни к кому ты не спешишь!

Крутитесь, колеса!

— Если хотите, научу вас одной хорошей песне,— Ардалиону надоело сидеть обиженным. Он прокашлялся, поправил на голове шанку Помпея, взял гитару и зашел. Но не успел он справиться с первым куплетом, как раздался чей-то голос:

— Минуту, товарищ.

Мито сбавил скорость, друзья повернули головы и все трое одновременно воскликнули:

— Ваа!..

На сельской дороге, которая под углом примыкала к шоссе, стоял «Запорожец» первого выпуска. Удивительного в этом ничего не было бы — мало ли старых машин можно встретить на дорогах? — но дело в том, что на крыше «Запорожца» стоял деревянный дом.

Друзья медленно подкатили к странной машине.

— Джоджуа не встречали? — измученным голосом спросил ее владелец.

Деревянный дом, который стоял на крыше «Запорожца», был покрыт старой черепицей. У дома были и двери и окна, на крыше торчала жестяная труба, окна были

затянуты пестро раскрашенными ситцевыми занавесками.

— Два дня иду.— Хозяин «Запорожца» отер с лица пот и, заметив удивление на лицах трех путешественников, пояснил: — Сто семьдесят пятый участок пусть будет твоим, сказал он мне. Дачу, сказал, можешь ставить...

— Кто такой Джоджуа? — поинтересовался Ардалион.

— Как, вы его не знаете? — удивился незнакомец и после минутного молчания извиняющимся тоном прибавил: — Я думал, вы из наших, когда увидел мотыгу и заступ... Извините, остановил.

Мито завел мотоцикл.

— Джоджуа нам участки раздал, у нас товарищество садоводов. Дачу, говорит, можно строить на восьми квадратных центнерах,— путанно продолжал незнакомец.— Я собрал дом. Балкон, говорит, столько метров, сколько пожелаешь... И лоджию и туалет, а хочешь — переделай. Если где встретите, скажите, что его Качлишвили ищет...

...Мотоцикл продолжал свой путь. Время от времени Ардалион, уточняя маршрут, деловито спрашивал:

— Сколько прошли?

— Шестьдесят пять.

— Мало! — Ардалион недовольно покачал головой.— Я точно высчитал: в день мы должны проходить триста километров, чтобы за десять дней покрыть три тысячи.

Вдруг Мито сбавил скорость. В коляске мотоцикла, спрятанного в кустах шиповника, дремал автоинспектор. Увидев шлем Ардалиона, он от удивления раскрыл рот и попытался встать.

— Ардалион, сними с головы этот горшок, не своди людей с ума,— взмолился ввук.

Старик ничего не ответил и усердно принялся рассматривать пейзаж.

— Батоно Ардалион,— нарушил неловкое молчание Мито,— этот шлем и в самом деле принадлежал Помпею?

— Конечно,— убежденно ответил тот.

— А где вы его взяли?

— Во дворе, разумеется. Если хочешь найти что-нибудь, надо искать в Тбилиси. Меня спросить, Тбилиси надо разрушить и всю территорию раскопать. При таком подходе к делу на археологические экспедиции будет расходоваться гораздо меньше средств.

...Полуденное солнце нещадно палило. С наших героев градом лил пот. Неожиданно из-за поворота, размахивая руками, выскочил какой-то крестьянин.

— Остановите, помогите! — остервенело кричал он.

— Пьяный, наверное, не видит, что в мотоцикле нет места, — сказал Мито. — Жми, уже скоро вечер, а мы и ста километров не проехали.

— Стой! — приказал Ардалион.

Мотоцикл остановился.

— В чем дело, приятель?

— Гибну, помогите, ради бога! У жены роды начались. Помогите, отвези в Гурджаани в больницу.

— Ну конечно, — тотчас же согласился Ардалион.

Крестьянин вбежал в серый, выстроенный из гальки дом, осторожно вывел женщину с перекошенным от боли лицом и непомерно большим животом. За родителями с веселым гвалтом вынеслись семеро ребятшек.

Ардалион мгновенно покинул коляску. Выложил на землю свои пожитки, осторожно усадил женщину.

— Ну ребята, ежайте потихонечку. Да не курите! Я останусь здесь, присмотрю за детьми.

Муж сел на багажник, прикрепленный к запасному колесу машины. Мотоцикл с ревом двинулся в сторону Гурджаани.

Мотоцикл остановился у родильного дома. Фельдшеры высыпали на улицу, помогли сойти женщине, мужу велели остаться во дворе.

— Спасибо, ребята, ржавый Пэто не забудет. Спросите у детей, где марани, и откройте любой куври, по вашему желанию.

Сандро взялся за руль, и мотоцикл помчался обратно.

Дети «ржавого Пэто» окружили яму. Ардалион, по-видимому, не желая зря тратить время, занимался археологическими раскопками. Перед домом уже зияла глубокая яма. У забора стоял сосед и спрашивал у трехлетнего сына «ржавого Пэто»:

— С чего этот человек в земле роется?

— Мы должны найти могилу царицы Тамар, — серьезно отвечал трехлетний.

Дети помогали Ардалиону вытаскивать наверх ведра с землей. Великое оживление и веселье царило во дворе. Ардалион спешил.

Вдруг яма стала наполняться водой. Ардалион прервал работу и торопливо выкарабкался наверх. С минуту он задумчиво смотрел на дно ямы, потом почесал затылок и сказал детям:

— Передайте вашему отцу, чтобы он впредь не таскал воду из родника, я ему колодец вырыл.

У калитки остановился мотоцикл.

— Ардалион! — позвал деда Сандро.

— Иду, иду! — Ардалион вмиг собрав инструменты и пожитки, побежал к мотоциклу.

— Будьте здоровы, детки! — крикнул он, садясь в коляску.

На повороте, на обочине дороги, сидел дряхлый старик. Перед ним лежал ящик с посылкой, и старик камнем старался отодрать от него крышку, на которой твердым почерком был выведен адрес: «Деревня Цаблаант Шесабруни, Сатарклети, Шаками квартал, колхознику Качлишвили, или Старика Ваню».

— Остановите! — потребовал Ардалион, когда мотоцикл поравнялся со стариком.

Он сошел с коляски и протянул крестьянину кирку, которой тот мигом отодрал крышку посылочного ящика. Оттуда посыпались разноцветные шары.

Такими резиновыми шарами в городе торгуют по праздникам — гривенник за штуку. В головки шаров были вделаны маленькие мундштуки. На шарах кричащими красками было начертано: «Ну, погоди!»

У крестьянина были жилистые руки со старчески вздутыми венами. Пораженный, он рассматривал шары, видимо, не понимая их назначения, еще раз беспомощно оглядел ящик и грустно задумался.

— Эх,— вздохнул старик, дрожащей рукой накрыл посылочный ящик крышкой, попытался подняться, но не смог. Мито и Сандро помогли ему встать.

— Будьте здоровы, дети! — благословил старик молодых.— Вот я на почте был. Сын из города мне подарок прислал. Домой несу.— Он указал на маленький дом на пригорке.

— Мы подвезем,— предложил Мито.

Сандро пересел на запасное колесо, его место занял археолог, а старого крестьянина осторожно усадили в коляску.

— Господь да будет заступником вам,— снова поблагодарил старик.

Вскоре они подъехали к маленькому покосившемуся от времени дому, перед которым располагался запущенный виноградник.

— Две тысячи лоз было в моем винограднике,— рассказывал старик.— Потом, когда жена моя преставилась, не смог ухаживать... Сейчас эти триста лоз остались. Мой сын в Тбилиси. Не могу, говорит, приехать, дачу, говорит, строю, некогда... Вот прислал мне подарок... Вы мне христианскими людьми кажетесь, может, объясните мне, для чего это? — Старик снял с ящика крышку и протянул один шарик Сандро.— Мой сын по этой части работает... Квартира у него, оказывается, пятикомнатная, тумбочка...

Сандро надул шар. Накрыл мундштук пальцем, потом отпустил — раздался довольно противный писк.

— Дальше? — спросил совершенно битый с толку старик, когда из шара вышел весь воздух.

Сандро снова надул шар, прикрыл мундштук, сунул ему в руки и улыбнулся. Старик покорно кивнул головой, но по его лицу было видно, что он ровным счетом ничего не понимает.

— А виноградник? — грустно спросил старик и покачал головой.

— Друг,— обратился Ардалион к крестьянину,— мы спешим. Ты отдохни, усталым кажешься.

Мотоцикл отъехал от усадьбы Ваню.

А по винограднику, среди упавших на землю стеблей, ходил старый крестьянин Ваню, и в воздухе то и дело раздавался тонкий бессмысленный писк.

Мотоцикл мчался в сторону Сигнахи. Дорога становилась все живописней.

— Здравствуйте,— донеслось вдруг до слуха путешественников.

Их догонял «Запорожец» с домом на крыше.

— Нашли Джоджуа? — спросил Мито, останавливая мотоцикл.

— Нет, не смог,— покачал головой владелец дачи без участка.

— Хороший дом,— сказал Сандро лишь бы что-нибудь сказать.

— Сам выстроил,— оживилась жертва Джоджуа.— Без дачи жить нельзя!

— Куда вы теперь? — спросил Ардалион.

— Туда,— незнакомец показал рукой в сторону дальней горы.

— Всего наилучшего! — попрощались журналисты и продолжили путь.

Ардалион достал гитару. И три голоса, временами сливаясь в один, временами расходясь, затянули веселую песню.

Молодая луна неподвижно висела над Сигнахи и нежным светом освещала старые, покосившиеся дома и церковь. Внизу бесчисленной россыпью огней мерцала Алазанская долина. Узкой дорогой мотоцикл направлялся в Сигнахи. Ардалион спал. Спал и Мито. Наконец дорога выровнялась, и друзья остановились перед рестораном «Сигнахи».

— Где здесь милиция? — спросил Сандро у какого-то толстого мужчины.

— Малхазов, — вежливо представился тот.

— Где здесь милиция? — повторил свой вопрос Сандро.

— Ниже и направо.

В отделении милиции сиротливо сидел один дежурный.

— Где сотрудники? — спросил Ардалион.

— На операции, — многозначительным шепотом ответил рядовой.

— Можно оставить у вас мотоцикл?

— Да, но только за калиткой.

Мотоцикл привязали цепью к дереву и направились к гостинице. Сигнахи спал. Вот они вошли в узкую аллею, которая вела к гостинице.

— Извините, — слышался голос, и друзья увидели у соседнего дерева милиционера с револьвером в руках.

Когда глаза привыкли к темноте, они почти у каждого куста и дерева увидели по милиционеру. Время от времени слышался хриплый от простуды голос, по-видимому, принадлежащий старшему.

— За мной! — требовал голос, и в тот же миг в саду происходило перемещение милиционеров.

В тускло освещенной витрине фотоателье висели наиболее удавшиеся фотографу изображения горожан: волоокие девушки, вихрастые юноши, вернувшийся из армии сержант, толстый мужчина с рогом в руке — словом, обыкновенная витрина провинциального городка. Вдруг из темноты вынырнул молодой парень с топором в

руках. Он подошел к витрине, поддел острием топора замок. Потом открыл окошко, оглянулся по сторонам и осторожно начал отдирать фото красивой девушки.

— Ни с места! — раздался вдруг голос из темноты. Кусты зашелестели и со свистом и гиканьем фотовитрину окружило все отделение милиции.

— Это он и есть, начальник! — указал на парня мужчина, одетый во все черное, по всей вероятности, фотограф.

Первым делом у парня отняли изображение любимой.

— Хотел моим зятем стать? — тихо спросил пожилой майор.

Парень взглянул на луну.

Издали, из дома на горе слышался голос. Он пел баяти о любви... о луне...

Утром перед милицией военный комиссар остановил неорганизованную толпу новобранцев. В калитке показались начальник отделения милиции и парень, пытавшийся выкрасть фотографию.

— Окончишь службу, приезжай, — примирительным тоном сказал парню майор.

Что нужно человеку в этом мире? Колеса!

Мотоцикл сделан из железа. Не жалейте железа, гоните! Раскройте шире глаза, смотрите на мир... Встречайте восход солнца, любуйтесь его закатом. Спускайтесь в ущелье и поднимайтесь к вершинам гор — величественное зрелище!.. Алазанская долина... Пасауаури... Казбеги... Не жалейте железа — в крайнем случае его переплавят!

Гардабанский базар! Руставский металлургический завод! Взметнувшиеся в небо трубы! Все это превратилось в единую песнь. Спидометр наращивал километры — километры труда людей и красоты мира!..

Все уголки Грузии на редкость красивы, но Картли творец, кроме красоты, наделил еще и тишиной.

— Давай, давай, не останавливай, четвертый день едем, а на спидометре всего ничего,— кричал приятелю Мито, когда они покинули маленькую тихую деревню и дорога вывела машину в поле между двумя холмами. Вдали по правую руку стояло какое-то дощатое строение.

— Нет, останови! Останови, я говорю!— требовал Ардалион.— Здесь что-то очень интересное.

Местность и в самом деле казалась несколько странной. Дело в том, что все поле было прочерчено белыми линиями. Высокий юноша сыпал из ведра известь, выводя эти непонятные линии. На дощатом доме высилась телевизионная антенна, и все поле было тоже утыкано чем-то похожим на телевизионные антенны.

— Здравствуйте! — приветствовал незнакомца Ардалион.

Тот обернулся и...

— Важа! — вдруг радостно воскликнул Сандро и раскрыл объятия.

— Сандро!

Важа и Сандро обнялись и нещадно заколотили друг друга по спине.

— Мы вместе два года прослужили в армии! — объяснил Сандро.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — спросил раскрасневшийся Важа.

— Газета послала. Путешествуем. А ты что делаешь?

— Вернулся в деревню... Занимаюсь всякой всячиной... Изобретать начал,— прибавил Важа вполголоса.

Ардалион вылез из коляски.

— Не ходите! — вдруг крикнул Важа и побежал к Ардалиону.— Остановитесь!

Но было уже поздно! Любопытность повела Ардалиона к дощатому дому. А из-за дома неожиданно выскочил трактор, точнее, что-то похожее на трактор. Ардалион прыгнул в сторону: трактор мигом повернул и погнался за Ардалионом. Куда бы Ардалион ни повернул, трактор поворачивался вслед за ним.

— Снимайте китель! Китель снимайте! — крикнул Важа Ардалиону.

И он сам стал срывать с себя белую рубашку. Подбежав к Ардалиону, он остановился между ним и странным агрегатом. То, что случилось дальше, очень напоминало схватку быка с тореадором. Важа пропуская трактор то слева от себя, то справа. Наконец ему удалось подвести трактор к концу поля. Повернувшись кабиной к черной скале, машина остановилась, порокотала мотором и смолкла.

— Фотозлементы,— пояснил Важа.— За белым цветом ходит.

— Интересно,— сказал Ардалион, больше не осмеливаясь подойти поближе.

— Работает? — спросил Сандро.

— Без плуга работает, с плугом нет... Сам-то старый, а плуги новые... Нового трактора не дают. Председатель запретил мне работать этим трактором. За детьми, говорит, гоняется, старикам угрожает, женщинам в белых платьях проходу не дает, у коров, говорит, молоко пропадает. Всю деревню, говорит, ты в скорбь вогнал, все из-за этого твоего трактора в черном ходят... Эх, разве они понимают?! — Важа в отчаянии махнул рукой.

— Важа, я очень был рад тебя увидеть,— сказал Сандро.— Нам пора, спешим.

— Разве я могу вас отпустить так просто! — Важа схватил Сандро за локоть.

— Нет, Важа, умоляю, если будет время, на обратном пути заглянем. Будь здоров!

Путешественники двинулись дальше. Важа долго махал им вслед рукой.

Показались огромные корпуса Зестафонского завода ферросплавов, которые стояли посреди прекрасных, ухоженных виноградников. Облака дыма угрожающе устилали небо... Здесь начиналась Имеретия: Треджола, Чхари, Сиктарава, Бардубежи, Симоноэти, Читгура, Нагарэби, Гидогани!.. И эта панорама превратилась в одну сплошную песнь.

— Извини, друг,— неожиданно послышалось из кустов, когда с горы Сапичхизе показался город Кутаиси.

Журналисты остановили мотоцикл.

— В чем дело? — спросил Сандро у высокого худого парня лет девятнадцати, который неловко мял в руках шапку.

— Помогите, ради бога.— Он протянул руку в сторону кукурузного поля.

Сандро, Мито и Ардалион последовали за парнем. За кустами, в грязи, безнадежно увяз старый, выдавший виды «Москвич». В машине, стыдливо опустив голову, сидела девушка. На заднем сиденье лежали ломоть мчади, остатки сыра, торта и пустая бутылка.

— Никак не можем выбраться,— со счастливой улыбкой сообщила девушка.

— Ну-ка, поднажмем все вместе,— бодро призвал друзей Ардалион и бесстрашно ступил в грязь.

Парень включил мотор. Машина взвыла, напряглась, задрожала.

— Я тоже вам помогу! — Девушка скинула туфли и уперлась плечом в крыло машины.

Промучались они довольно долго, но «Москвич» упрямо сидел в грязи.

— Боже, отец! — Девушка вдруг закрыла лицо руками и спряталась за машину.

Остальные залегли в кустах.

На дороге показалась «Победа», битком набитая сердитыми мужчинами. Один из них держал в руке мегафон и наводящим ужас голосом орал, заглушая все вокруг:

— Гражданин Гиви Гванерия и Цисана Чирадзе, обращаемся к вам с просьбой показаться!

Сидевший рядом толстяк вырвал у него из рук мегафон и крикнул:

— Гиви, дурачина! Выходи, если в тебе есть капля мужской чести. Для чего мне в зятя шофер? Скажи, а?!

«Победа» медленно прошла мимо беглецов и укатила дальше.

— Гиви Порфирьевич Гванерия...— снова, но теперь уже издали послышался мегафонный голос.

— Два дня уже нас ищут,— покачал головой парень и улыбаясь посмотрел на девушку.

— Давайте привяжем к мотоциклу,— предложил Сандро.

Вскоре машина стояла на дороге, корпус ее был направлен в противоположную от преследователей сторону. Радости Гиви и Цисаны не было границ.

— Большое спасибо, мы никогда не забудем вашей услуги, не смеем больше вас беспокоить, продолжайте свой путь, счастливо вам!

— Не подумайте ничего плохого,— добавил Гиви,— мы уже расписались... Мы с детства друг друга любим.

Кутаиси утопал в зелени.

Путешественники проехали мимо автозавода. Некоторое время следовали за автоколонной, идущей к вокзалу.

Какие только города не были названы в надписях на автомашинах, созданных Кутаисским автозаводом: Свердловск, Норильск, Харьков, Москва, Ташкент, Будапешт, Ханой!..

— Останови, Сандро,— попросил внука Ардалион и обратился с вопросом к одному из прохожих: — Как проехать в военный комиссариат?

Сандро и Мито удивленно переглянулись.

— У меня маленькое дело,— туманно пояснил Ардалион.

...Через несколько минут Ардалион деловито входил во двор военкомата. За ним, недоуменно переглядываясь, следовали молодые.

— Здравствуй, сигналаец! — весело поздоровался Ардалион с бритоголовым юношей, в котором Сандро и Мито с трудом признали героя темной сигналацкой ночи, когда столь бесславно закончилась попытка ограбления провинциальной фотовитрины.

— Здравствуйте,— тихо ответил юноша, явно не узнавая посетителей.

— Это тебе.— И Ардалион, достав из кармана фото красивой девушки, протянул ее солдату.

Юноша счастливо улыбнулся.

Под могучим суровым дубом на берегу реки скверно выбритый мужчина в огромной кепке грозил кулаком верхушке дерева и что-то кричал. Рядом стояли раскрытые чемоданы, доверху набитые ветвями мимозы.

На приветствие Ардалиона плохо выбритый мужчина никак не реагировал, зачерпнул своей огромной кепкой воду в реке и окропил мимозы.

— Здравствуйте, — повторил Ардалион.

— Будешь тут здравствовать, когда имеешь дело с несчастным таким, — сплюнул небритый и кулаком снова погрозил верхушке дуба.

На верхушке было воронье гнездо, большое, сухое, неряшливо построенное. Из гнезда показалась черная птичья голова, внимательно оглядела вновь прибывших.

Тем временем небритый принес еще воды в кепке и снова полил мимозу.

— Может, мы сумеем вам помочь? — вежливо осведомился Ардалион.

— Куда смотрит начальство?! — накинулся владелец мимозы на журналистов. — Только меня одного преследует. Вот — «Вечерняя Москва», вот — «Вечерний Тбилиси»... Все на меня одного взелись. У... ты! — он погрозил кулаком вороне. — Почему о ней никто не напишет!

— Успокойтесь, приятель. Если можно, расскажите более связно, чем навредила вам эта симпатичная птица? — спросил Ардалион.

— У ее, черную... — задвигал скулами небритый.

— Садитесь, садитесь и рассказывайте. — Ардалион усадил побритого на большую каменную глыбу.

— Люди вы или нет, — продолжал возбужденно кричать небритый, — объясните, чего эта дрянь от меня хочет... Вчера не поспел на «скорый»... Ты думаешь, легко эти чемоданы тащить, скольких людей избежать надо! А попробуй подними чемодан. Цветком называется, а тяжелый, как камень... Миновал один пункт, так у Сам-

третия чуть не зацапали, по воде пришлось перебираться... Каково эти чемоданы в воде тащить!.. Чуть не утянули к архангелу Гавриилу... Промок насквозь... Но что поделаешь... Теперь ведь для этих цветов документ нужен. Хорошо, достал я документ: из личного, мол, сада... Промок насквозь, разделся, разложил документы — не идти же на станцию в таком виде. Кто пустит? На московский поезд не то что мокрым, вполне сухим не пускают... Сижу себе, сохну, за документом приглядываю. Вдруг эта гадина как промчится рядом! Цоп, и забрала документ в свое гнездо! И ругал ее, и уговаривал. Жене, поверьте, таких слов отроду не говорил... Все камни в гнездо перекидал. Не отдает! У, чтоб тебя!.. А цветы сохнут. Прямо не знаю, как быть!

Вдруг небритый заметил в коляске мотоцикла ружье Ардалиона.

— Одолжи, дядя, твое ружье! Выручи, сохнет мимоза.

— Такие, как ты, нас позорят, — твердо сказал Ардалион и поднялся. — Пошли, ребята...

На рассвете путешественники прикатили к берегу моря. В это серебряное утро оно было тихое, покойное, ни одна волна не горбатила ровную его поверхность.

Пожилой, невысокий рыбак тщетно пытался вытащить тяжелую лодку на берег.

Поздоровавшись, Мито подкатил мотоцикл к самой кромке воды, зацепил тросом лодку.

Вскоре лодка стояла на берегу, а рыбак одаривал журналистов наизнанной на ивовый прут рыбой.

— Ни в коем случае! — отказывался Ардалион.

— Дай бог, чтобы на дороге было побольше таких людей, как вы. — Рыбак уложил связку рыбы в коляску и попрощался.

Мотоцикл двинулся в сторону Ингургэса.

Величественное это было зрелище — строительство Ингурской ГЭС! Казалось,

человек восстал против природы и вступил с ней в единоборство в узком ущелье. Тысячи людей двигались в едином трудовом ритме, ревели двигатели автомашин, бульдозеров, экскаваторов. На огромном, величистой с дом, корпусе шагающего гиганта кто-то с гордостью вывел аршинными буквами: «Даешь Ингургэ!»

Путешественники оставили мотоцикл, вскарабкались на гребень плотины, окинули взором всю величественную панораму стройки.

Потом они спустились вниз и у темной стелы приметили массивный самосвал. Капот у машины был поднят. Водитель повернул к ним измазанное лицо, наши путешественники сразу узнали Гиви Гванерия. Это был именно он, похититель своей невесты Цисаны Чирадзе.

— Кого я вижу, — развел руками Ардалион.

— А где Цисана? — спросил Сандро.

Гиви покраснел и указал взглядом вверх: в кабине самосвала сидела маленькая, как кукла, Цисана и обрадованно смотрела на экипаж знакомого мотоцикла.

— Сюда сбежали. Работаю здесь водителем. Встретили меня хорошо. Цисану зачислили поваром, на той неделе начнет работать. И квартиру нам дали, но она пока все время со мной, — счастливо улыбался, сказал Гиви.

Цисана сошла с машины.

— Это я от тебя не отстаю или ты меня не оставляешь?

— Ну-ка, моя Цисана, раз ты собираешься стать поваром, приготовь эту рыбу для Гиви. — Ардалион протянул Гиви связку. — А мы спешим...

Мотоцикл с места набрал скорость, с ревом одолел подъем.

— Заезжайте хотя бы на обратном пути, — прокричал Гиви.

Уже была полночь, когда на одном из поворотов фара мотоцикла вдруг погасла.

— Лампа перегорела, а запасной нет, — печально констатировал Сандро.

Опечаленные путешественники молча уселись у подножья стелы. Где-то завыл шакал.

— Я знаю, что делать, — вдруг осенило Ардалиона.

Он зажег керосиновую лампу, прихватив с собой из Тбилиси, подвязал ее к палке. Мотоцикл медленно двинулся в сторону Местии. И всю ночь по вершинам скал маячил бледный светлячок.

Крутитесь колеса!

Солнце всходило и заходило. Друзья мчались по Грузии. Навестили Маяковский, спустились в Ткибули, повидали Гелат, Чиатуру, Сачхере и снова Зестафони, Лихский перевал, Картли... Эта великолепная панорама тоже превратилась в сплошную песню.

Они промчались мимо того дуба, что рос на берегу реки. Разъяренный торговец цветами по-прежнему грозил кулаком в рожу, а ветер трепал пожухшую мимозу.

— Сколько километров мы проехали? — спросил Ардалион.

— Две тысячи пятьсот.

— Почти ничего не осталось! — обрадовался старик. — Обьедем еще раз Картли, заедем в Кахетию и руки в брюки! Ваши дела на мази, в штат вас зачислят.

Из-за переутомления или по какой другой причине, Сандро и Мито казались опечаленными.

— В чем дело? — поинтересовался Ардалион. — Почему опустили носы? Через два дня будем в Тбилиси. Три тысячи километров проедем. Вы должны радоваться.

Журналисты ничего не ответили.

В укромном, почти библейском месте, где река Кура огибает скалу, на зеленой лужайке сорокапятилетний делец, которого давно разыскивали закон и владелец «Запорожца» с домом на крыше, грустно прощался со своей сытой и беззаботной жизнью. Это был Джоджуа.

Белела на зелени лужайки новая «Волга», яркими пятнами выделялись заграничные тряпки и магнитофоны разных марок. Шипела, разнося аромат шашлыка, электрическая жаровня, подключенная к машине. Тут же валялись бутылки с красочными этикетками. На Джоджуа были яркие трусы в пестрых попугайчиках. Японские часы «Сейко» были почему-то подвязаны к ноге.

Здесь же на большом платке громоздились сыры, колбасы, коробки с икрой и прочими яствами. Разве что не было птичьего молока на прощальном банкете Джоджуа.

Магнитофон играл грустную мелодию, и он танцевал. Это было последнее танго Джоджуа.

Ардалион, Сандро и Мито наблюдали за ним с противоположного берега и видели в то же время, как по проселочной дороге к Джоджуа приближается крытая милицмейская автомашинa.

Наверное, сам Джоджуа тоже видел милицмейскую машину, и танец его поэтому становился все грустнее и грустнее. Вот открылись двери кузова, Джоджуа молча, танцующей походкой направился к машине, проник внутрь, и она медленно повезла продавца дачных участков на встречу с законом.

Неожиданно до журналистов донесся знакомый голос:

— Здравствуйте!

На дороге стоял «Запорожец» с дачей на крыше.

— Встретили Джоджуа? — спросил Ардалион искателя дачи.

— Нет, так и не смог.

— Показать? — спросил Ардалион.

— Хотя бы мельком его увидеть! — мечтательно отозвался дачевладелец.

— Видите ту милицмейскую машину?

— Джоджуа! — вырвалось у фанатика дачи.

В маленьком узком окне действительно виделось опечаленное лицо Джоджуа.

Перед путешественниками возникла странная картина. По полю с грохотом двигался трактор, волоча за собой множество плугов. За штурвалом сидел гордый Важа.

— Знаете что, — обратился Сандро к деду и Мито, — я останусь здесь, а вы поезжайте без меня.

— А газета? — остолбенел Мито. — Пятьсот километров осталось...

— Двух дней вполне достаточно, чтобы их накрутить, — сказал Сандро.

— А что мы скажем редактору? — забеспокоился Ардалион.

— Скажи, что Сандро нашел одну хорошую работу... Закончу ее и приеду. До свидания.

— Будь здоров, Сандро! — Мито завел мотоцикл.

— Присмотри за собой, сынок! — крикнул Ардалион.

И опять крутились колеса! Остались позади живописные долины Картли. Вот показался и Гурджаани. Одна из улиц была запружена народом. Здесь же стоял автобус телестудии, и осветители устанавливали приборы у дверей родильного дома. В толпе сновали фотокорреспонденты. Один из них подбежал к Мито:

— Как, Мито, и тебя прислали?

— Что здесь случилось? — вопросом ответил Мито.

— Женщина четверых родила. Вон там, видишь, отец стоит...

У дверей в окружении фотокорреспондентов стоял именно тот человек, супругу которого журналисты когда-то привезли в родильный дом.

— Все четверо мальчики, — восторженно продолжал фотокорреспондент. — Ну и народ эти кахетинцы, каким только именем не назовут ребенка!

— Как же их назвали? — спросил Ардалион.

— Сандро, Мито, Ардалион и еще Сандро! — смеясь ответил фотокорреспондент.

— Молодцы кахетинцы! А ведь могли четвертого и Мотоциклом назвать!

Вдруг застрекотали киноаппараты, вспыхнули «блицы». Из дверей роддома робко вышла мать. Следом за ней четыре медсестры в белых халатах несли по туго запеленутому свертку. Отец, красный как рак от застенчивости и счастья, подтащил годори — большую плетеную корзину с расстеленной на дне подушкой. Медсестра осторожно сложила новорожденных в корзину. Раздались аплодисменты.

И тут счастливый отец увидел Мито и Ардалиона. Он было бросился к ним, но Мито включил скорость и мотоцикл сорвался с места.

— Он бы нас три дня не отпускал!

— Да, да, ты прав, — поддержал Ардалион. — До трех тысяч километров почти ничего не осталось. Приедем в Тбилиси, сдадим мотоцикл, расскажешь о своем путешествии и о том, что увидел в Грузии...

Перед домом старого Ваню стоял «Запорожец» с дачей на крыше.

— Что это? — кричал Ваню, размахивая палкой перед носом незадачливого владельца «Запорожца».

— Дача, отец.

— Негодяй ты! Имея такой виноградник и дом, собираешься жить в этом нужнике?! Давно пора вернуться домой. Видишь, мне одному трудно справляться с виноградником!

— У меня, отец, свое дело в Тбилиси, — важно ответил сын.

— Что-о?! — взорвался старый Ваню и вытащил из кармана надувной шарик; слышался жалобный писк.

Старик стукнул кулаком по «Запорожцу».

— Это твое дело?! Людей бы постеснялся! Убирайся с глаз моих!..

Владелец «Запорожца» увернулся от палки разъяренного родителя, юркнул в кабину и умчался. А старик, схватившись за сердце, опустился на скамью. Ардалион выскочил из мотоциклетной коляски — зашумел:

— Ты мой старый друг. Сын тебя обидел. Случается такое, часто случается. Мы на это не должны обращать внимания...

— На что мы не должны обращать внимания? — тихо спросил старик и сморщился от боли.

— Сию минуту! — воскликнул Ардалион и вытащил из кармана пузырек-валокордин, несравненный препарат.

— Что это за ветер вы мне в рот положили? — с облегчением улыбнулся старик, медленно поднялся на ноги и тут же взялся за валявшийся рядом опрыскиватель.

Мито опередил его, накинул лямки опрыскивателя себе на плечи и двинулся к винограднику.

...По старому винограднику ходил Ваню и учил Мито, как и где надо опрыскивать.

— Дядя Ваню, — сказал Мито, — ведь я в деревне вырос, кое-что в этом деле смыслю.

...В ту ночь из открытого окна долго лились три сплетенные воедино голоса: старый Ваню, Ардалион и Мито пели кахетинскую песню.

На следующее утро Ардалион вышел на балкон и остановился пораженный. У калитки стояла грузовая машина. Мито и Ваню тросами закрепляли в кузове мотоцикл.

— Я, дедушка Ардалион, не поседу, — виновато сказал Мито. — Останусь на некоторое время, помогу дяде Ваню, присмотрю за виноградником.

— И ты, видно, вроде моего Сандро, не очень организованный человек, — с сожалением сказал Ардалион. Он поднялся в кузов грузовика, сел на закрепленный тросами мотоцикл, взялся за руль. — Что мне сказать твоему редактору?

— Передайте, что Мито Бешкинадзе у старого Ваню теперь практику проходит, в винограднике.

— Приезжай быстрее! — крикнул Ардалион. — Заезжай за Сандро и возвращайтесь вместе.

— Счастливого пути!..

Мито сначала превратился в точку, а

потом совсем исчез в утреннем тумане... Ардалион посмотрел на спидометр.

— Три тысячи пятьсот километров,— сказал он и пожал плечами.

Грузовик весело мчался в сторону Тбилиси. Ардалион, задумчивый и печальный, сидел на мотоцикле, поворачивая руль то влево, то вправо — в зависимости от того, куда двигался грузовик.

— Ох! — вырвалось у Ардалиона, когда за поворотом вдруг показались какие-то впечатляющие развалины. Ардалион заколотил кулаками по крыше кабины: — Останови, водитель, останови!

— В чем дело? — испуганно спросил шофер, рывком нажав на тормоза.

Ардалион торопливо сбрасывал свое барахло: кирку, заступ, веревку, зонтик, керосиновую лампу...

— Я, друг, решил немного задержаться.— Ардалион показал рукой в сторону развалин.

— Спустить мотоцикл? — спросил водитель.

— Для чего? Не надо. Просьба у меня к тебе. На улице Трех Персиков находится редакция газеты «Шаг». Приедешь туда, найди редактора и передай ему мотоцикл.

— Я с утра чувствовал, что сегодня со мной что-то должно стрястись,— обреченно пробормотал водитель,— у меня глаз прыгал... Что ему сказать, редактору?

— Скажи, что журналисты задание выполнили, проехали три тысячи километров и временно переменили профессию. Ну, будь здоров!

— И ты, дедушка, тоже меняешь профессию? — спросил водитель.

— Я уже переменил. Будь здоров! Заранее тебе благодарен...

— Если у тебя нужда какая, дедушка, я подожду,— робко сказал водитель.

— Никакой нужды, дражайший.

— А что тебе здесь делать, в этом глухом месте?

— Я должен произвести раскопки,— важно ответил Ардалион и поспешил к развалинам.

Водитель развел руками, влез в кабину, завел мотор и уехал.

Небо на востоке поблекло. Медленно восходило солнце, покрывая багрянцем вершину Ушбы. Затем лучи солнца пронизали верхушки деревьев, достигли верхних этажей домов.

Всходило над Грузией солнце...

Огромный самосвал медленно двинулся в сторону строительства Ингурской ГЭС. Гиви и Цисана ласково смотрели друг другу в глаза...

Туповатый искатель дачи продолжал свой путь и спрашивал у каждого встречного и поперечного, где находится его земельный участок...

Слышались крики новорожденных. Четыре колыбели раскачивались одновременно. Ардалион, Мито, Сандро и еще Сандро требовали молока, мать бегала между люльками и не знала, кому из четырех первому дать грудь...

В маленьком одичалом винограднике Мито и Ваню, весело переглядываясь, меняли колья...

Ардалион, проникший глубоко в исторические пласты, дико светящимися глазами уставился на древнюю бронзовую чашу...

По картлинской равнине строим пли тракторы — одни пахали, другие опрыскивали лозу, третьи воевали с сорняками...

А в небо стремительно поднимался реактивный самолет. Вот он превратился в точку, а потом и вовсе исчез. Только две оставленные им белые тропинки свидетельствовали о том, что кто-то сверху глядит на наш прекрасный мир.

*Валентин Ежов.
Виктор Сидовский*

ОДИННАДЦАТЬ НАДЕЖДА

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЕЖОВ (родился в 1921 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей СССР. Им и при его участии написаны литературные сценарии фильмов, поставленных на разных киностудиях страны: «Чемпион мира», «Ляна», «Человек с планеты Земля», «Баллада о солдате», «Золотой дом», «Своя голова на плечах», «Будь счастлива, Ани», «Течет Волга», «Тридцать три», «Крылья», «Мужской разговор», «Дворянское гнездо», «Белое солнце пустыни», «Легенда», «Это сладкое слово — свобода». За сценарий фильма «Баллада о солдате» В. Ежов был удостоен **Ленинской премии**.

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ САДОВСКИЙ (родился в 1922 году) окончил режиссерский факультет ГИТИСа. Кинематографический дебют В. Садовского состоялся на киностудии «Ленфильм», где по сценарию Ю. Нагибина он поставил фильм «Победитель». На этой же студии он осуществил постановку еще двух художественных фильмов «Удар, еще удар» и «Ход белой королевы» (сценарии написаны В. Садовским совместно с Л. Кассилем). Одновременно он является автором сценариев и постановщиком ряда документальных картин: «Зимняя сюита», «Золото высоких Татр», «Кино и время» (сценарий написан с А. Витолем) и других.

Фильм по сценарию «Одиннадцать надежд» ставит на студии «Ленфильм» Виктор Садовский.

Ярко расцветенные трибуны огромного зарубежного стадиона. Температурные болельщики активно реагируют на игровые ситуации, которые меняются молниеносно. Мужчина в замысловатой шляпе, приоткрыв рот, с надеждой следит за происходящим. А рядом другой нервно жуёт жвачку. Вдруг оба замерли, привстали... Мгновение — и на лицах разочарование... Кто-то неистово замахал руками, закричал, вскочил и тут же в отчаянии опустился на место... Шум и крики усиливаются, перерастая в сплошной рев.

В эфире звучат голоса, среди них голос Николая Озерова:

— ...Дополнительное время матча сборных команд Италии и Советского Союза не принесло никаких изменений. Счет оставался прежним: один-один. Согласно условиям розыгрыша, для выявления победителя команды пробьют по пять одиннадцатиметровых ударов. По два удара уже сделано. Итальянский вратарь красиво взял мяч, пробитый Александром Соколовским. Итак, счет два-один...

Трибуны замерли. Секунда — и лица итальянских болельщиков расплываются в улыбке. Весь стадион аплодирует. Голос Озерова:

— ...Счет становится три-один. Ведет Италия...

А теперь зрители кричат, гудят, стараются всячески воздействовать на футболиста советской сборной, приготовившегося пробить одиннадцатиметровый. Рев стадиона нарастает. Голос Озерова...

— ...Капитан советской команды Борис Лавренев сократил разрыв в счете. Три-два. Сейчас пробьет сильнейший нападающий Италии Альберто Този... Свисток судьи. Удар!.. Пархоменко в красивом бро-

ске берет труднейший мяч. Счет остается прежним.

...Ставит мяч на одиннадцатиметровую отметку центральный нападающий советской команды. Стадион вопит, стараясь помешать футболисту. Сильнейший удар! Озеров радостно кричит в микрофон:

— ...Центральный нападающий Сергей Таманцев сравнивает счет. Три-три! Командам остается пробить по одному удару.

У мяча итальянец Джузеппе Грасси. Пушечный удар и... Джузеппе Грасси выводит свою команду вперед: четыре-три.

— ...Советской команде необходимо забить последний мяч, и тогда будет назначена новая серия одиннадцатиметровых, — сильно волнуясь, говорит Озеров. — К мячу подходит Мишин. Стадион замер. Сильнейший удар! Какая обида! Мяч попадает в штангу!

Стотысячный стадион всколыхнулся, поднялся, взревел, утонул в овации. Огромная толпа болельщиков вырвалась на поле, подхватила победителей и понесла их вдоль трибун.

В глубоком унынии уходит с поля наша команда. У одного из футболистов бегут по лицу слезы. Обняв его и успокаивая, идет к тоннелю расстроенный Таманцев. Позади всех, низко опустив голову, бредет капитан.

Все происходящее теперь мы видим на экране цветного телевизора, возле которого сидит Воронцов, его жена и десятилетний сын.

— Опять «вылетели»... — поднимаясь сказала жена Воронцова. — Эх вы, тренеры!

Воронцов ничего не ответил, вздохнул, покачал головой.

Дверь с табличкой «Председатель Федерации футбола СССР». Воронцов входит в кабинет, и навстречу ему из-за стола поднимается мужчина средних лет.

— Только предупреждаю сразу.— Воронцов резко останавливается.— Если опять насчет сборной, разговора не будет.

— Ну-ну, зачем так?.. Это ведь не просто разговор, Вася. Мы все просим тебя.. Понимаешь? Очень просим тебя принять сборную страны.

— А я не хочу!.. У меня есть команда. С меня хватит. Слава богу, до бронзы дошли!

— И очень быстро дошли. Поэтому ты нам сейчас и нужен. У тебя чутье на футболистов, ты хороший педагог, тактик...

— Чутье!.. Только тренер соберет команду, начнет понимать людей.. Я тогда полтора года готовил сборную. Только-только начал чувствовать команду.. а вы меня сняли. За что? За проигрыш, видите ли. А ведь они неизбежны.. проигрывши!

— Что было, то было!.. Я считаю, что тогда с тобой мы не совсем справедливо поступили. Но ведь все-таки десять лет прошло.— Председатель помолчал, пристально посмотрел на Воронцова.— Поверь, Василий, настало твое время.. ты сейчас нужен не отдельному клубу, а всему нашему футболу.

— А я не хочу, чтобы со мной опять повторилось... Мне это слишком дорого обошлось. И больше я не хочу играть в эту чехарду! — Воронцов сильно хлопнул кулаком по столу, разбив лежащее на сукне стекло.

Председатель пристально посмотрел на трещину, потом на Воронцова и громко засмеялся. Воронцов, чувствуя неловкость, смутился, но, посмотрев на председателя, рассмеялся тоже.

Василий Васильевич Воронцов — человек, только что взявший на себя ответственность за престиж советского футбола на мировой спортивной арене, шел в глубокой задумчивости, не замечая никого и ничего

вокруг. Сменяются московские улицы — меняется выражение лица идущего Воронцова: он задумывается, чему-то усмехается.

Проходит по мосту через Москву-реку, останавливается, долго смотрит на воду... закуривает на скамейке в сквере... снова идет по улице.

Зажглись вечерние огни, и в их сиянии Воронцов вышел на проспект Калинина. Идет по этой прозрачной дороге света. Вошел в один из домов. Молоденькая лифтерша приветливо поздоровалась с ним. Он рассеянно кивнул, не в состоянии отвлечься от своих дум. Поднялся на лифте, открыл дверь квартиры...

— Наконец-то, Вася! Ну что, как дела?

— Все нормально,— чуть вздохнув, ответил Воронцов жене.— Коля спит?

— Давно.

Он прошел в комнату сына, с улыбкой постоял над ним, поправил одеяло.

Сел ужинать на кухне. Жена пододвинула ему тарелку:

— Твоя любимая.. грибная.— И подперев щеки руками, сказала: — Ты знаешь, я сегодня наблюдала, как Коля во дворе с мальчишками в футбол играл. Ты не представляешь, как он был похож на тебя! Нет, правда! Он твою майку надел.. и все движения, все, как когда-то у тебя. И голову так же держит. Я даже всплакнула...

Между тем из соседней комнаты было слышно, как диктор телевидения вел передачу последних известий. Вот он перешел к новостям спорта. Воронцов прислушался к рассказу о результатах прошедшего футбольного тура. А потом диктор неожиданно передал: «В Спорткомитете СССР. Сегодня старшим тренером сборной команды Советского Союза по футболу назначен заслуженный тренер СССР Воронцов Василий Васильевич».

— Согласился!.. — всплеснула руками жена.— Мало тебе пишек было! Мало бессонных ночей! Ведь обещал не лезть. Тебе уж давно не сорок!

Василий Васильевич виновато вздохнул, развел руками.

В комитете по физической культуре и спорту уже давно идет заседание тренерского совета.

— ...Итак, товарищи, мы утверждаем состав сборной СССР, предложенный тренерским советом. Слово Василию Васильевичу Воронцову, — председатель тренерского совета кивает в его сторону.

— Товарищи...— Воронцов немного помедлил, — я не согласен с тем составом команды, который здесь найден. Не сомневаюсь, что каждый из вас настолько опытен, что может предложить свой вариант сборной. Но поскольку теперь за все отвечать прежде всего мне, позвольте мне и комментировать команду.

Члены тренерского совета зашумели, слышались недовольные голоса:

— Здесь собрана вся элита!

— Кто тебя не устраивает?

— Пожалуйста... В вашем варианте нет Лавренева. Почему?!

— Потому что ему тридцать три годика, Василий Васильевич! Ты что, сам не понимаешь, что надо омолаживать сборную? — Председатель был раздосадован.

— Во-первых, ему не тридцать три, а тридцать четыре! — несколько не смутившись, продолжал Воронцов. — А во-вторых, я категорически против паспортного режима в этом деле! Лавренев сейчас в самом расцвете сил, и выше его по классу у нас защитника сегодня нет!

— Вся жизнь ты играл в защите, Василий Васильевич, а теперь перешел в нападение...

— Степли Метьюз выходил на поле до сорока пяти лет! До сорока пяти! — не обращая внимания на попытку председателя смягчить обстановку, горячо продолжал Воронцов. — Хотя в Англии, если бы он чуть послабее стал играть, могли бы найти другого правого крайнего! Еще в нападении нет Бабочкина. Опять — почему?

— Зелен еще! — крикнул один из тренеров. — Он, конечно, может быстро и много бегать...

— И не только это, — перебил Ворон-

цов, — он загадочен. На поле хитер не по возрасту. Хороший импровизатор... И вообще я прошу дать мне возможность поискать окончательный вариант.

— Ну что ж, поищи... — неохотно согласился председатель. — Только большую берешь на себя ответственность, Василий Васильевич! Очень большую!

В кабинете нагугулила напряженная тишина.

— Хорошо, я отвечу! — после затянувшегося тяжелого молчания сказал Воронцов. — Но команду все-таки соберу я! Или вам придется назначить другого тренера.

Поле московской команды высшей лиги. Готовятся к тренировке футболисты...

Костя Косичкин, девятнадцатилетний белообрый парень, уже переодетый в спортивную форму, сидит на скамейке с книгой в руках: Василий Лавренев. «Жизнь в футболе». Косичкин листает книгу... Много фотографий Лавренева. Вот маленький Вася гоняет консервную банку — это фото явно из семейного альбома... Дальше — дворовая команда... Дальше — финал уже более или менее организованных дворовых команд... Кончается детство... Клубные фотографии. И наконец, сборная СССР, первенство мира — Мексика... Последнее фото — Лавренев на тренировке...

И вот Лавренев в той же тренировочной форме, что на фото, появился на стадионе...

Лавренев подошел к Косте Косичкину. Поздоровались. Костя показал книгу, попросил автограф. Лавренев взял ее в руки, полистал в задумчивости.

— Коротка футбольная жизнь, Костя! Вот и в сборную меня уже не берут. Говорят, Мишина зачислили... Скоро ты мое место займешь.

— Ну-у, Василий Николаевич!.. Мне до вас еще... ой-ой-ой!

Началась тренировка. Костя внимательно следил за Лавреневым, который, приняв мяч, с блеском сделал обманное движение корпусом вправо, а сам с мячом быстро пошел влево... Еще один финт, еще...

— Этого мне никогда не осилить! — смущенно сказал Косичкин.

— Давай! — жестко произнес Лавренев. Костя повторил его движения.

— Не так плохо, — сдержанно похвалил ученика Лавренев, — еще немного — и устоишь.

Тренер поднял руки: перерыв.

Усталые футболисты расселись кто на траву, кто на скамейки... Женщина в белом халате принесла стаканы с чаем.

А Лавренев с Косичкиным все продолжали тренироваться. Проходивший мимо третий защитник Мишин бросил:

— На свою шею готовишь, старик?.. Поберег бы лучше силенки.

— Ты лучше о своих силенках подумай, — не прерывая занятия, ответил Лавренев.

— Мне пока хватает. А как ты, до тридцати четырех, и тянуть не собираюсь.

— А тебе и не дотянуть... с твоим режимчиком!

— Что делать? Я жизнь люблю.

Большой театр. Кончается балетный спектакль. Под бурные аплодисменты балерина с блеском исполняет последние вариации. Среди зрителей Василий Лавренев с женой, Косичкин...

На сцену выходит режиссер спектакля:

— Товарищи! Друзья! Я хочу сообщить вам, что сегодня было последнее выступление нашей несравненной Марины Васильевны. Марина Васильевна сегодня покидает сцену, но она уходит от нас непобежденной. Марина Васильевна! — Он аплодирует, жестом приглашая балерину на авансцену.

Балерина приседает в низком поклоне. Зрители поднимаются и аплодируют стоя. Ученики балетного училища подносят ей букеты цветов... Сцена утопает в цветах. Овации!.. Еще раз склоняется перед своими зрителями знаменитая балерина... уходит за кулисы.

...Зрители покидают театр. Взволнованный больше других, Лавренев закурил,

молча взял жену под руку. Вошли в сквер у Большого театра, присели на скамейку. Василий Лавренев задумался, молчит... Он сейчас видит свое...

...Трибуны огромного стадиона переполнены. Закончилась игра... Футболисты выстроились посреди поля. На зеленый ковер вышел один из спортивных руководителей и объявил в микрофон, что это был последний матч великолепного защитника Василия Николаевича Лавренева... Громко аплодируя, в едином порыве поднимаются с мест зрители. Юные футболисты змейками с двух сторон подбегают к Лавреневу и осыпают его цветами. А он стоит посреди поля в спортивной форме с широкой лентой через плечо, на которой не меньше сотни самых разнообразных сверкающих медалей. На поле футболисты и тренеры.

— Сейчас потащим тебя, Вася! — пошутил один из них.

— Только не уроните, черти.

Болеельщики аплодируют, смеются, кричат: «Вася, не уходи! Лавруха! Оставайся с нами!»

Под марш духового оркестра Лавренева несут вдоль трибун. Фото-и кинорепортеры суетятся вокруг.

...Жена поняла его состояние, молча взяла его руку.

— Черт бы побрал этот футбол! — сказал Лавренев с горечью. — В тридцать четыре года быть стариком — парадокс какой-то... Я ведь мальчишкой неплохо играл в шахматы... Надо было стать мне шахматистом. а? Играл бы себе до девяноста лет.

Жена провела рукой по его волосам:

— Ну-ну, старичок мой!.. Ты уже совсем дряхлый!.. Тридцать четыре!.. Ужас! — и поцеловала его.

Он обнял ее, улыбнулся...

Из Москвы на загородное шоссе выехала легковая автомашина «Жигули». За рулем — Василий Васильевич Воронцов, рядом — тренер «Зари» Андрей Павлович Таманцев.

— А они так решили,— продолжал Таманцев начатый разговор, — пойдешь вторым тренером к Воронцову, но будешь работать и с «Зарей».

— Правильно решили. Ты своей команде сколько лет отдал?! Тебе от нее уходить не след.

— Ну, а с Мишиным как? — спросил Таманцев.

— Понимаешь, Андрей... Футболист он, конечно, неплохой. И бегаёт ничего. И здоровья хватает, но нет в нем... этой самой... изюминки. Нет и нет!

Бегут по кругу футболисты. Среди них Лавренев и Косичкин... Костя очень старается. Опередив многих, ушел вперед. Мишин как всегда не упустил случая, чтобы не связываться:

— Куда спешишь? Надорвешься!

Косичкин оглянулся, смутившись, сбавил ход... Теперь он бежал вместе со всеми.

В стороне, на скамейке пустой трибуны, сидели Воронцов и Таманцев. Внимательно приглядывались к футболистам.

— А ничего мальчик! Подрос! А?..— Воронцов проводил Косичкина одобрительным взглядом.

— Я его еще пару лет назад хотел в «Зарю» перетащить! Этот «жеребенок» скоро всем нос утрет,— ответил Таманцев.

Воронцов молчал в раздумье, все поглядывая на футболистов. Потом повернулся к Таманцеву:

— Ну как, Андрюша?

— Я за!

Воронцов достал блокнот. На страничке — список футболистов его варианта сборной. Решительно вычеркнул фамилию Мишина и над ней написал: Косичкин.

Футболисты закончили бег. Воронцов подошел к Лавреневу:

— Здравствуй, Василек!

— Василий Васильевич?! Добрый день! — обрадовался Лавренев.

— Что ж, Вася...— Воронцов улыбнулся.— Готовь повязку капитана сборной.

— Шутите, Василий Васильевич?— Лавренев недоверчиво посмотрел на старшего тренера.

— Нет. И забирай с собой этого «жеребенка»,— он кивнул в сторону Косичкина,— будешь играть с ним в паре.

Спорткомитет одного из областных городов.

Председатель Комитета протянул телеграмму сидящему напротив немолодому, седеющему мужчине. Это тренер местной команды — Константин Иванович Лапшин.

— Вот так. Бабочкина Владимира срочно откомандировать в Москву, в сборную. Оба долго молчали. Наконец председатель тихо произнес:

— Лучший нападающий.

— Худших они не берут. Это не просто лучший нападающий. Это вся команда. А на этой неделе самые трудные игры. Без Бабочкина мы у «Жальгириса» не выиграем.

— И тогда не видать нам высшей лиги...— подхватил председатель. — Начинать всё сначала.

Они молча смотрели друг на друга.

— Ну что ж, все понял... сообщайте,— вздохнул Лапшин,— Владимир Бабочкин болен... Я вам об этом докладываю, вся ответственность, конечно, на мне...

Купе скорого поезда. На нижней полке спит Воронцов. Напротив сидит пожилой мужчина. Вид у него скучающий. Перед ним на столике початая бутылка портвейна. Воронцов на секунду приоткрыл глаза. Его сосед сразу воспользовался этим, дружелюбно улыбнулся:

— Ну и здоров ты спать, приятель!

Воронцов уселся, пригладил волосы, зевнув, взглянул в окно на проплывающие деревья, затем посмотрел на пассажира, на портвейн и, оценив ситуацию, сказал:

— А где же еще поспать, как не в поезде.

— Это точно! — обрадовался сосед разговору, налил в стакан вина, пододвинул Воронцову. — Выпьем!.. А то одному — тоска!

— Спасибо, я не пью.

— Ну?... — удивился сосед. — А где еще и выпить, как не в поезде!.. Совсем не пьешь?

— Никогда не пил.

— Да ты что?... Космонавт, что ли?

— Нет, — улыбнулся Воронцов, — просто всю жизнь занимался спортом.

— Каким видом?

— Футболом.

— Ну!.. А сейчас?

— Сейчас — тренирую.

— Погоди! — взволновался сосед и отпил несколько глотков. — Футбол — это я, друг, понимаю... Я, правда, болельщик только, но футбол — это моя стихия! Помоему, я тебя когда-то видел... Ты какую команду тренируешь?

— Так... одну команду... заводскую, — решил не выдавать себя Воронцов.

— А-а!.. Значит я ошибся, — кивнул сосед. — Ну и как тренируешь? По-бразильски, по-английски?

— Не понимаю, — ответил Воронцов, впервые заинтересованно взглянув на собеседника.

— А чего тут понимать? — развел руками сосед. — У нас ведь как? Выиграли бразильцы первенство мира — давай переходи на бразильскую систему. Англичане стали чемпионами — заводи по-английски! А если корейцы всех победят — по-корейски будем играть?

— Ну-ну!.. — оживился Воронцов.

— А что? Не прав я?... — продолжал в запальчивости сосед. — Была у нас, есть и должна быть одна система! Русская! Бразильцы — они по-кошачьи, в мелкий пас играют... Зачем нам это? А мы должны во всю широту наступать! Наступать и все! Конечно, я против техники не говорю... Наоборот. — Он отпил еще из стакана, умолк.

— Пожалуйста, продолжайте! — попросил Воронцов.

— А что?... — начал снова сосед. — Какие игроки были? Имена! Я еще Селина знал... Бутусова. А Сережа Ильин! Братья Старостины. Пека Дементьев, Павлов, Степанов... А Григорий Федотов — господи! Бобер, Карцев... Да разве всех перечислишь?! А что, сейчас ребят нет? Да сколько угодно! Только вы «работников» больше любите, а не настоящих мастеров... Кто все время бегает, суетится — тот у вас и игрок, а он и поля-то ни черта не видит. Одно слово — сила есть, ума не надо. А помнишь, Федотов... Гриша — тот не бегал без толку, но всегда оказывался в нужном месте. И уж если получил мяч, попробуй догони — ветер!.. И сразу голом пахло!

Поезд сбавил ход. Сосед Воронцова глянул в окно, поднялся.

— Жалко, приехал уже, а то бы я тебе еще много чего сказал. Вы там «колдусте» у себя втихаря, а нужно и к нам прислушиваться, к общественности!.. Со стороны-то оно иногда видней!.. — Он допил вино из стакана, сунул бутылку в сумку, подал Воронцову руку: — Будь здоров!

— До свиданья!.. Спасибо... за очень интересный беседу.

— А что? — широко улыбнулся сосед. — Ты не обижайся и давай кончай там со своей «бразилией», не порть ребят. — Он шагнул к двери. — И еще запомни: футбол — это не работа. Это игра... Великая игра!

Он ушел, а Воронцов еще долго сидел, улыбаясь, покачивая головой.

Областной город, в котором живет Владимир Бабочкин. У вокзала в такси сел солидный мужчина с солидным портфелем. Посмотрел в бумажку, бросил шоферу:

— Жуковского, тридцать три.

...Небольшая однокомнатная квартира. Обстановка предельно скромная — тахта, стол, заваленный журналами, в углу габелы, разное спортивное оборудование, одежда, спортивная обувь, сумка. Тумбочка с зеркальцем и электробритвой.

Хозяин квартиры — Володя Бабочкин — жарил на кухне яичницу. Позади него стоял солидный мужчина и уговаривал:

— Ну пойми ты, Володя, чудак-человек!.. Посмотри, как ты живешь. Комнатушка... кухонька... повернуться негде. А мы тебе — хоромы!

— Не люблю хоромы, — буркнул Бабочкин.

— Ну пойми же, ведь будешь играть в команде высшей лиги. Когда ты из своей первой туда выкарабкаешься? И условия другие.

— Мне хватает, — не оборачиваясь, ответил Бабочкин.

— Стотысячные стадионы! Поездки за границу. Вся Европа! Весь мир у твоих ног! И жить будешь в столице. Столи-и-ца! Понимаешь? Не Москва, конечно, но столица же.

— Были и из Москвы. — Бабочкин снял с плиты яичницу, спросил: — Будете?

— Нет, спасибо, — отмахнулся тот. — Как мне тебя убедить?

И тут Владимир Бабочкин взорвался и швырнул сковороду на стол.

— Ну как же вы все не понимаете?.. Я здесь вырос. Здесь вся моя жизнь. Школа. Завод. Я здесь всех людей знаю. И они меня знают. Где я еще найду таких людей?

— Будут люди. Будут. Людей везде много.

— А в высшую лигу я перейду только вместе со своей командой.

— А если нет? Мяч, он ведь круглый.

— Не могу я бросить ребят. Мы вот с таких лет начинали играть. Не могу я их бросить, не могу. И не хочу! Понимаете?

— Нет.

— А-а, — махнул рукой Бабочкин. — В общем, так. Я в вашу команду переходить не буду. Все! Окончательно! А теперь извините, у меня сегодня игра. — Позабыв про яичницу, Бабочкин пошел в комнату, бросив на ходу: — Могу пригласить на стадион.

— Подожди, Володечка, — занял представитель и пошел за ним...

Тот же город. Из поезда вышел Воронцов. Взял такси, попросил шофера подвезти его к стадиону. Таксист присвистнул.

— Поздно, игра скоро кончится. Я вот с ума схожу, что не попал. Смена, будь она... Чего же вы так опоздали?

— Ничего, все нормально, — спокойно ответил Воронцов.

У входа на стадион Воронцов показал удостоверение тренера. Под шум и крики болельщиков прошел вниз и сел на скамью позади Лапшина.

На табло надпись: «Спартак» (Ор.) — «Волга» 1:0. До конца матча осталось несколько минут. Последние усилия «Волги» сравнять счет. Но вот издалека мяч получил Бабочкин. Прошел одного защитника, другого, а через третьего красиво перебрал мяч, выдавая сам себе пас. Обошел защитника и сходу послал мяч под верхнюю штангу. Такой мяч отразить нельзя. Гол! Взорвался стадион. 2:0!

Над стадионом прозвучал голос диктора: «Мяч забил Владимир Бабочкин». Позади Воронцова истошно завопил болельщик:

— Молодец, Бабочка-а-а-а!!!

Воронцов наклонился к Лапшину:

— Привет, Костя!

Лапшин обернулся, не очень удивился. Уныло ответил:

— А, Вася... Привет!

— Неплохо работают у тебя больные.

Лапшин вздохнул, помолчал, потом с тайной гордостью произнес:

— Видал, как прошел?

...Судья продолжительно свистит, поднимает руки, нападающий ловит мяч. Матч окончен. Зрители шумно расходятся...

Наконец они остались на трибуне одни — два тренера. Они долго молчали, курили. Первым нарушил молчание Лапшин:

— Я знал, что ты приедешь.

— Что делать? — Воронцов пожал плечами.

— Перед тобой же вся страна, — продолжал Лапшин, — неужели ты не мог нигде найти одного нападающего? Там, у нас, в высшей лиге?.. До первой опустился!

— Опустился и нашел.

— Ты же голову команде рубишь. Голову. Это — мотор,— Лапшин все еще пытался убедить Воронцова.— Только он в команде умеет так организовать атаку... Э-э, да разве тебе это объяснить!

— Мне именно такой и нужен, Костя. Ты молодец, Костя. Хорошего парня вырастил... Через месяц вернется, доиграет,— гнул свое Воронцов.

— В том-то и дело, что на этот месяц падают самые тяжелые игры. Мы высуху уже за кончик хвоста ухватили, а потеряем пару очков — и все сначала... Все сначала!...— сокрушался Лапшин. Воронцов молчал, давая ему возможность высказаться.— Полжизни я отдал этой команде. Как слепые щенята были. Тянул их вверх, тянул... Теперь сам видишь. Неплохой футбол ребята показывают.

— Вижу, Костя. Хороший футбол.

— Я сегодня всю ночь плакать буду, Вася. Ей-богу... Не забирай,— тон у Лапшина был уже просительный.

— Ведь там, в Испании, твоему Бабочке чуть поважнее работенка предстоит...— Воронцов помолчал.— Можно мне больше тебе слов не говорить?

Лапшин понял, что Воронцов ждет от него теперь только действий, поздравил мальчишку в форме футболиста:

— Позови Бабочкина.

...К ним подошел Владимир Бабочкин, уже переодетый.

— Знакомся, Володя, тренер сборной Союза Василий Васильевич Воронцов.

Парень смущенно пожал протянутую руку.

— Пошли, поговорим,— предложил Воронцов.

Константин Иванович остался сидеть один на трибуне пустого стадиона.

Ленинградский стадион. У раздевалки футболистов толпа болельщиков... Прозвучал клаксон машины. Люди неохотно разступились, и такси подъехало к самой раз-

девалке. Оттуда поддерживаемый двумя футболистами вышел Сергей Таманцев. У него задрана правая штанина, нога перевязана. Впереди идет врач команды.

— Здравствуйте, Сергей Андреевич.— Таксист поспешил мимо врача к Таманцеву.— Вам «скорую» вызвали... Да она ведь «скорая» — нескорая, когда еще приедет... Прошу...— И открыл дверцу такси.

С визгом подъехала машина «скорой помощи». Из машины быстро вышли врач и санитары.

— Ну что? — обратился врач «скорой» к врачу команды.

— Плохо... Тяжелая травма колена. Мениск... Необходимо оперировать.

— Куда вы меня повезете? — спросил Таманцев.

— В клинику,— ответил врач «скорой».

— Нет, на аэродром. В Москву. В Центральный институт травматологии... К Мироновой,— решительно потребовал Таманцев.

— Сережа,— пытался уговорить Таманцева врач сборной,— боюсь, это нереально.

— А почему нереально? — вдруг вступил в разговор таксист.— Сейчас восемь, а самолет в девять пятнадцать. Вполне успеет!..

Таманцев вопросительно посмотрел на врача команды. Тот на секунду задумался, потом решительно скомандовал: «Поехали!»

Такси, несмотря на сильный дождь, мчалось по шоссе. Вода заливала стекло — «дворники» не помогали. Таксист наклонился к стеклу.

— А я тебя уже два раза возил... Не помнишь? — спросил он.— Зовут меня Александр Александрович, а по-простому Сан Саныч. Ты не бойся, я тебя как маленького доведу, прямо к трапу.

У поста ГАИ милиционер остановил машину, подошел, взял под козырек. О чем-то поговорил с таксистом, заглянул внутрь. Потом поднес руку к фуражке. Машина помчалась дальше.

Операционная в Институте травматологии. Ввезли Таманцева. Молодая женщина-врач склонилась над ним.

— Вы Миронова Зоя Алексеевна? — спросил Таманцев.

— Нет. Я Лозовская Ирина Григорьевна.

— Нет, нет!.. — запротестовал Таманцев.— Только Зоя Алексеевна!

— Я вас понимаю, товарищ Таманцев,— ответила Лозовская холодно.— Но Зоя Алексеевна сейчас за границей, на симпозиуме...

Таманцев растерялся.

— Как вам не стыдно, больной? — вмешалась молоденькая сестра.— Ирина Григорьевна трех чемпионов мира спасла!

— Ниночка! — прервала ее Лозовская и снова обратилась к Таманцеву: — Так отвезти вас в палату?

Таманцев долго смотрел ей в глаза и потом тихо сказал:

— Оперируйте!

— Наркоз! — приказала Ирина Григорьевна, закрывая лицо повязкой, и теперь видны только ее глаза. Сосредоточенные, строгие глаза хирурга.

Палата. Таманцев лежал на кровати, медленно сгибал и разгибал ногу. Его сосед по палате — еще три спортсмена, так же усердно занимались лечебной физкультурой.

В открытом окне показались мальчишечьи физиономии. Один из мальчишек, огненно-рыжий, тихонько толкнул створку окна.

— Привет, Митя.— Таманцев сел в кровати и выжидательно смотрел на паренька.

— Все в порядке.— Митя, довольный, протянул в окошко букет роз и сдачу.

— Спасибо, Митюха!.. Сдача — ваше мороженое.

— Будет сделано,— весело пообещал Митя, и ребята исчезли.

Врач Ирина Григорьевна Лозовская вошла в палату, поздоровалась с больными,

поинтересовалась их самочувствием.

— Отлично! — ответил за всех сосед Таманцева.

— Ирина Григорьевна! — Таманцев протянул ей цветы.

— Спасибо, Таманцев. У вас не хватит зарплаты каждый день дарить такие букеты.

— Тогда наймусь по совместительству в Парк культуры и буду обрывать клумбы.

— Доктор, у нас жалоба на Таманцева! — сказал сосед по палате.

— По поводу чего?

— Спать не дает. Всю ночь свет держит... Стихи начал писать.

Все заулыбались. Таманцев показал соседу кулак. Лозовская спокойно сказала:

— Стихи — это прекрасно.— И вышла из палаты.

Закрыв за собой дверь, она на мгновение остановилась, улыбнулась и покачала головой.

Таманцев накинулся на соседа:

— Остряк! Если уж не дано, то лежи молча и сучи ножками.

— А что,— подмигнул сосед,— я ж на тебя работаю. Сам боишься, а нам все уши прожужжал: Ирина Григорьевна!.. Ирина Григорьевна!..

Таманцев потянулся за костылем.

— Молчу...—сказал сосед и начал усердно сгибать и разгибать ногу.

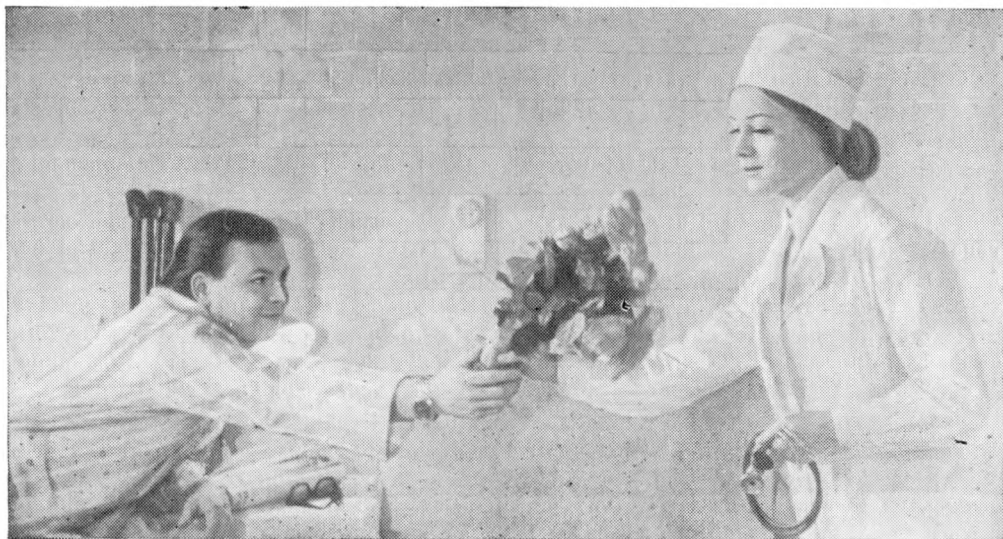
Лозовская заметила в конце коридора странную фигуру: могучий мужчина в маленьком не по росту халате нес под мышкой большущий сверток, который пытался замаскировать.

— Вам кого, товарищ? — остановила его Ирина Григорьевна.

— Таманцев Сергей Андреевич где располагается?

— Сегодня нет посещений.

— Я из Ленинграда!.. Проездом. Розочки у вас хороши,— оценил он букет.

Сергей Таманцев — Юрий Демич, Ирина Григорьевна — Любовь Виरोлайн

— Ну-ну, если из Ленинграда да проездом...— улыбнулась Ирина Григорьевна,— пятая палата.

— Здравствуйте, товарищи! — Гость обвел взглядом палату, увидел Таманцева: — Привет от всего Василеостровского таксомоторного! И от меня лично — особый!

— Сан Саныч!..— узнал посетителя Таманцев.— Откуда?

— Проездом. В Полтаву... В отпуск. Ребята просили передачку подбросить! — Он вынул из-под халата огромный целлофановый мешок с продуктами. Не обращая внимания на дружный хохот всей палаты, Сан Саныч выгружал продукты... Чего там только не было — мед, фрукты, соки, колбасы, шоколад и даже мороженое.

— Ничего! Поправляйся! От всего таксомоторного! — приговаривал Сан Саныч.— Тебя нет — весь Питер в слезах. «Заря» две «баранки» схватила!.. Поправляйся скорей!..— И он положил Таманцеву на одеяло целый круг колбасы.— А что не доешь — товарищи помогут! Не подведете, товарищи?

Во дворе Института травматологии прогуливались больные. Среди них Сергей Та-

манцев шел, опираясь на костыли. К нему подошла Ирина Григорьевна:

— Вам пора посидеть, Таманцев.

— Сейчас сяду. Можно с вами поговорить? — он увлек ее в сторону к скамейке.

— Я буду играть? — Таманцев волнуется — ведь от ее ответа зависит вся будущая его жизнь.

— Будете. Операция прошла удачно,— спокойно и уверенно ответила Лозовская.

— Но Ирина...

— ... Григорьевна, — добавляет Лозовская.

— Ирина Григорьевна, я имею в виду играть, как прежде...

— Теперь все зависит от вас. Сейчас нас трое — вы, ваша болезнь и я. Если вы поддадитесь болезни, я одна ничего не смогу сделать, даже если буду очень хотеть. Поэтому лучше будет, если мы с вами вдвоем объединим усилия против болезни.

— Понимаете, — Таманцев как будто слушал и не слушал ее,— спорт — это моя жизнь! Для этого я родился... Пусть всего десять лет! Говорят, тридцать лет — роковая черта для футболиста. У меня еще есть время... Потом все можно начать сначала...

— Вы же кончили институт...— попыталась вставить слово Лозовская.

— Не знаю, может быть, потом! — прервал ее Таманцев. — Но сейчас — футбол. Я должен... Вы, вы должны сделать так, чтобы я играл не хуже, а даже лучше!.. Иначе...

— Мне не нравится ваша истерика, Таманцев... — Ирина Григорьевна резко встала. — Болезнь — это испытание, и если вы с ней не справились, значит вы не тот, кем хотите стать... Пойдемте со мной. Вы сейчас все поймете.

Ирина и Таманцев вошли в одну из палат. Ирина поздоровалась с больным, который лежал в кровати, и попросила его встать.

Тот сполз с кровати, взял костыли, встал.

— Оставьте костыли, Петр Владимирович. Идите ко мне.

— Я же не могу еще, Ирина Григорьевна, — жалобно произнес больной, — ноги не держат, больно.

— Бросьте костыли! — строго сказала Ирина Григорьевна.

Он бросил костыли и тут же схватился за спинку кровати. Он старался держаться на одной ноге, не наступая на больную.

— Идите!

Больной пошел, если это можно было так назвать. Он как-то странно подпрыгивал, потому что старался не касаться пола больной ногой. И в конце комнаты свалился на руки товарища по палате.

— Отпустите его, — сдвинула брови Лозовская и снова приказала очень строго: — Я знаю, вам очень больно, но вы должны идти нормальным шагом... Это ваше лечение. Идите!

Больной ступил на травмированную ногу, громко вскрикнул и снова схватился за спинку кровати.

Ирина Григорьевна вышла с Таманцевым в коридор.

— Вы видели?.. Это артист балета... Хороший артист. Думаю, что таким он больше не будет. Он боится, не может преодо-

леть боль и поэтому враг самому себе — двигательные функции могут полностью не восстановиться. — В голосе ее слышалась обида и тревога за больного. — И я ничего не могу сделать.

— По-моему, это слишком жестоко, Ирина Григорьевна. Ему же действительно больно.

— Да, — сказала она строго, — очень.

И тут Таманцев бросил костыли и пошел по коридору. Он шел так, как будто у него не было никакой травмы. Но что ему это стоило? Лицо его мгновенно покрылось испариной. Он сжал зубы, но шел по коридору... Дошел до самого конца, повернулся и, бледный, вспотевший, пошел ей навстречу. Подошел, остановился. Они долго смотрели друг другу в глаза. Ирина Григорьевна протянула ему руку:

— Спасибо, Таманцев!.. Для меня это тоже победа! Вы будете играть. Будете играть на любом стадионе мира.

У подъезда Центрального института травматологии остановилась «Волга». Из машины вышел Воронцов, прошел в кабинет главного врача. Пока он один занялся изучением висящих на стенах фотографий знаменитых спортсменов, известных артистов балета. На всех портретах — автографы благодарных пациентов. Воронцов с интересом читал надписи, качал головой, улыбался.

В кабинет вошла главный врач института Зоя Алексеевна Миронова. Воронцов принял стойку «смирно», нарочито громко произнес:

— Бывшей неоднократно чемпионке Советского Союза по конькам, доктору медицинских наук — физкульт-привет!

— Василий Васильевич! Надеюсь, здоров? — улыбнулась Миронова.

— Ну здравствуй, Зоя! Богатая у тебя картинная галерея, и лица все знакомые! А как пишут — поэты!

— А еще сколько писем, Василий, таких интересных, хороших писем!

— Вот и я к тебе за советом пришел. Тут один наш мальчик лежал... Сергей Таманцев...

— Помню. По поводу мениска... Реактивный такой мальчик! Нападающий... Кажется, из ленинградской «Зари». Ну что ж, по-моему, с ним все благополучно.

— Вот я и хочу узнать, насколько благополучно? Он мне очень нужен.

— Погоди.— Миронова сняла трубку телефона.— Я сейчас лечащего врача приглашу. Получишь самую точную информацию. Ирина Григорьевна?.. Зайдите, пожалуйста, ко мне. Да-а, Василий... Сочувствую — нелегкая тебе предстоит работка. Трудно сейчас с футболом.

— А когда легко было? Попробую... Не скрою, надежда есть...

В кабинет вошла Лозовская. Миронова представила их друг другу.

— Василий Васильевич Воронцов хочет знать, могут ли возникнуть какие-либо осложнения у Сергея Таманцева?

— У Таманцева никаких осложнений нет и не будет,— уверенно ответила Лозовская.— Он нам пишет: тренируется... играет... совсем забыл о больной ноге. Я могу повторить то, что сказала ему однажды: он может играть на любом стадионе мира.

Миронова посмотрела на Воронцова, развела руками.

— Это, собственно, все, что мне хотелось знать. Большое спасибо от всей сборной,— слегка поклонился Василий Васильевич.

— Кстати, был запрос на врача вашей команде,— сказала Миронова.— По-моему, Ирина Григорьевна одна из лучших кандидатур. Специалист по травмам. Пишет диссертацию. Могу откомандировать, по совместительству.

— Но при футбольных командах врачами всегда были мужчины...— смутилась Лозовская.

— А в нашей будет женщина! — И Воронцов ободряюще взглянул на Ирину Григорьевну.

База сборной команды СССР... Ко второму тренеру Андрею Таманцеву подошел вратарь Виктор Пархоменко, высокий блондин.

— Андрей Павлович, семнадцатого мы с Польшей в Киеве играем, а завтра — выходящий. Разрешите я к родственникам заеду... на денек. Они как раз по дороге живут... Два года не был!.. А послезавтра я прямо в поезд подсяду. Андрей Павлович!

— Ты с Василием Васильевичем говорил?

— Поезд через два часа, а Воронцова нигде нет...— умолял вратарь.— Я даже телеграмму своим дал — на всякий случай. Таманцев помолчал.

— Андрей Павлович!.. На один денек! А?

— Ладно, поезжай!..

Железнодорожная станция небольшого городка. На перроне собрались встречающие, в основном мужское население городка от мала до велика.

Поезд остановился, и из вагона с небрежно перекинутой через плечо спортивной сумкой вышел Виктор Пархоменко, прославленный вратарь сборной Советского Союза. Он широко улыбнулся, поднял руку, приветствуя собравшихся.

— Ура-а!..— дружно закричали мальчишки.

— Кто это? Кого встречают? — спросила проводница кого-то из толпы встречающих.

Ей ответили сразу несколько «охотников»:

— Самый лучший вратарь! Темнота!

— Мастер спорта! •

— За сборную СССР стоит!

— Тьфу!..— махнула рукой проводница и пошла в вагон.

Пархоменко чуть ли не на руках вынесли с перрона к машине. Машина развернулась и поехала к центральной площади, а вратарь продолжал приветственно махать рукой.

Квартира родственников Пархоменко. Стол, уставленный закусками. Здесь так же полным-полно народу: родственники, школьные друзья, ребята из районной команды, с которыми когда-то играл Пархоменко.

— Вить, а ты ведь начинал у нас нападающим, помнишь? — спросил один из ребят.

— Переквалифицировался, — улыбнулся Пархоменко. — Как говорит наш тренер, вратарь — главный игрок команды. А почему? Потому что ошибку игрока можно исправить, а ошибку вратаря — нет. А в общем, друзья, — Виктор посерьезнел, — это очень тяжелая и ответственная должность — вратарь.

...А люди все приходили и приходили: кто с шампанским, кто с вином. И каждый говорил:

— Мы понимаем... Водки — ни-ни!

— Только винца, шампанского.

— Нет, нет, я не могу. С этим у нас строго. Разве один бокал, — с трудом согласился Пархоменко.

— Надолго к нам?

— На сутки. Завтра поезд, киевский. Послезавтра — матч.

Молодая женщина, сидящая рядом с Виктором, подняла бокал, тихо сказала, наклонившись к нему:

— Давай выпьем вдвоем.

Виктор принял тост, налил себе шампанского. Друзья понимающе подмигнули ему. Женщина тихо продолжала:

— Хотелось бы о многом поговорить с тобой. Вспомнить нашу юность. Но у тебя совсем нет времени. Как жаль!..

Он склонился к ней, чокнулся и, прямо глядя ей в глаза, так же тихо ответил:

— Я провожу тебя, Наташа.

Та же станция. Из окна одного из вагонов высунулись футболисты, Воронцов, Таманцев.

— Черт!.. Я же его только на сутки отпустил. Что же с ним могло случиться? — Андрей Таманцев сильно встревожен.

— Да-а... Остались мы с одним вратарем. Дай телеграмму в «Спартак». Пусть срочно выезжает Казанцев.

Поезд тронулся, медленно набирает скорость...

На станцию вбежал Виктор Пархоменко со спортивной сумкой в руке. Увидел хвост уходящего поезда. Заметался по перрону. Неподалеку от станции заметил машину — новенький грузовик МАЗ. Бросился к нему. В кабине молоденький сержант. Пархоменко вскочил на подножку, склонился к сержанту, горячо заговорил.

— Друг, понимаешь, такое дело... Надо поезд догнать!..

Сержант присвистнул.

— Друг, сделай, а! Иначе — смерть! Матч срываю!

Сержант не отрываясь смотрит на него:

— Пстой, где-то я тебя видел?

— Если любишь футбол...

— Еще бы! — перебил сержант.

— Я Пархоменко, вратарь.

— Заливай! — усмехнулся сержант.

Виктор достал книжечку, сунул сержанту. Сержант раскрыл ее, внимательно, как на посту, сверил фотографию с подлинником, задохнулся:

— Елки!.. Точно!.. Точно, ты! Елки!..

Садись... — Пархоменко забрался в кабину. — Скорый трудно догнать. Хотя тут он дугу делает, а мы напрямик! Километров десять срежем.

Сержант вывел МАЗ на шоссе и выжал всю скорость. МАЗ взвыл. Стрелка метнулась за 100 километров. Сержант то и дело поглядывал на Пархоменко, качал головой.

— Елки!.. Ведь не поверят! Попадет мне в части! Хотя, с другой стороны, скажу, что тебя вез, чтоб на ответственный матч не опоздал!..

...Они подъехали к следующей станции.

— Скорый не проходил? — высунулся из кабины сержант, обращаясь к старику в железнодорожной форме.

— Вот-вот будет.

— Ну спасибо, друг. Выручил! — пожал руку сержанту Пархоменко и выпрыгнул из кабины.

Серьякап смотрел ему вслед, качал головой и говорил:

— Елки, ведь надо же! Не поверят!

Пархоменко тем временем вбежал к начальнику станции.

— Умоляю!.. Я — Пархоменко... Вратарь сборной... Отстал от поезда... «Москва-Киев».

— Здравствуйте, товарищ Пархоменко, — заулыбался начальник и протянул руку. — Я смотрю, кто же такой знакомый?..

— Да, да, — перебил его Виктор. — Сделайте что-нибудь! Мне надо сесть в этот поезд! Обязательно!

— Что я могу сделать? «Москва-Киев» у нас не останавливается. Скорый.

— Что-нибудь!.. Ну пусть хоть притормозит немного. Я ведь прыгать умею.

Начальник поджал губы, подумал, потом махнул рукой.

— А-а!.. — И шагнул к селектору. Нажал кнопку: — Алло, алло!

...Виктор Пархоменко стоял на краю платформы... Показался поезд... Начал слегка притормаживать. Мимо Виктора медленно проплыли первые вагоны.

— Витя! Витёк! — из тамбура следующего вагона высунулись друзья Виктора, закричали: — Давай, прыгай!

Он дождался, когда вагон поравнялся с ним, схватился за поручни и прыгнул через все ступеньки прямо в тамбур. Ребята подхватили его, зашумели...

Позади всех Виктор увидел довольное лицо Андрея Таманцева, который, впрочем, погрозил ему пальцем.

Чаша Киевского стадиона. Беспрерывный шум, свист, крики, резкие звуки трубы. На табло надпись: «СССР—ПОЛЬША». Счет 3:2. До конца матча осталось несколько минут. Польские футболисты бросились всей командой в наступление, чтобы вы-

рвать ничью. Все игроки сборной СССР в защите. Напор очень силен, но они хорошо держатся. И вдруг совсем не сильный, но точный удар в сторону ворот советской сборной. Упал в броске Пархоменко — но мяч в сетке. 3:3.

Трибуны недовольно гудят. От одной штанги к другой ходит, волнуясь, Пархоменко. Мяч снова у польских футболистов. Сильный, красивый удар, но издалека — можно взять. Пархоменко бросился, а мяч снова в сетке. Польские футболисты вне себя от радости. Они обнимаются, кричат. На земле, у своих ворот, ничком лежит Виктор Пархоменко, он в полном отчаянии. Лавренев, пробегаая мимо него, зло бросил: — Вставай, протудисься!

Пархоменко медленно поднялся.

Стадион утонул в свисте.

На скамейке перед трибуной среди запасных игроков сидят оба тренера и врач команды Ирина Григорьевна Лозовская.

...Воронцов дает команду заменить вратаря.

В воротах появляется второй вратарь сборной — Геннадий Курганов.

Под неистовый свист трибун вдоль кромки поля, боясь поднять голову, идет Виктор Пархоменко.

В номере у старшего тренера собрались все футболисты. Шел разбор матча...

— Ну вот, в общем, и все. В целом за игру я ставлю четыре. Играл хорошо... Вратарю — двойка. — И обернулся к Пархоменко. — Ну что скажешь? Ведь это ты проиграл матч. Ты один.

Пархоменко, опустив голову, молчал.

— Только один мяч законный, — вставил слово второй тренер Андрей Таманцев. — Остальные три «бабочки».

— Пил? — строго спросил Воронцов.

— Нет... — Пархоменко помолчал. — Только шампанское.

— А может быть, еще и бессонная ночь? — Таманцев пристально посмотрел на вратаря.

Пархоменко молчал, не поднимая головы. Игроки перемигнулись.

— Теперь тебе, чтобы в прежнюю форму войти, нужно время, а у нас его нет... Мальчишка... Подвел ты нас всех!..— Воронцов строго оглядел присутствующих.— И так, за нарушение спортивного режима мастер спорта Виктор Пархоменко отчисляется из сборной команды Советского Союза. Все. Все свободны!

Андрей Таманцев и Воронцов ужинают в ресторане гостиницы. К ним подходит Лавренев.

— Василий Васильевич. Просьба у нас, все ребята просят,— Лавренев помялся.— Оставьте Пархоменко! Он раскаивается. Переживает. Сильно переживает.

— Ты — капитан. Ты понимаешь, что произошло? — вступил в разговор Таманцев.— В Бразилии во время сборов полный карантин. Отпускаются только на два часа в неделю. Опоздал на минуту — вон из команды.

— Но он же футболист хороший и товарищ хороший. Ну, случилось... — не отступался капитан.— Он осознал. За другого мы бы не стали просить...

Тренеры молчали.

— С ним играть легко... Он все понимает... — прибегнул к последнему доводу Лавренев.— Очень помогает защитникам. Василий Васильевич, а?

Вечером в номере гостиницы Виктор Пархоменко собирал в сумку свои вещички. С дивана на него сочувственно поглядывал Сергей Таманцев.

В номер вошел Воронцов и, остановившись незамеченным у двери, некоторое время наблюдал за сборами Пархоменко.

— Как заключенные какие-то... — зло говорил Пархоменко, ни к кому не обращаясь.— Мне двадцать пять, а что я видел?.. Тренировки... Игра... Игра... Тренировки! Ничего нельзя. Бокал шампанского выпил

и то — нельзя! — Он осекся, увидев Воронцова.

А тот подошел к Пархоменко и вдруг как-то очень тепло сказал:

— Да, сынок... нельзя. Все понимаю, но действительно многое нельзя. Такой сейчас спорт. Ему нужно отдавать себя целиком. Иначе на высоте не удержаться.— Он помолчал.— Ладно, оставайся. Будешь запасным.

Просторная комната на тренировочной базе сборной команды СССР напоминает своеобразную лабораторию. На стенах — схемы, диаграммы и большой макет футбольного поля. В углу большой телевизор и аппаратура видеозаписи.

На занятия собрались все футболисты сборной и ее тренерский состав.

— Вот противник овладел мячом.— Василий Васильевич Воронцов, который стоял у макета, переставил фигурку футболиста.— Где должен быть полузащитник?.. — Он переставил еще одну фигурку.— Здесь... контролируя эту зону... А теперь игровая ситуация изменилась.— Он передвинул фигурку.— Где должен быть полузащитник?.. Вперед!..

— На лихом коне! — добавил кто-то.

Все рассмеялись. Василий Васильевич улыбнулся, погрозил остряку.

— Футболист должен мгновенно оценивать ситуацию и выигрывать мяч на опережении.— Он снова взял фигурку футболиста.— Вот, скажем, идет с мячом Володя Бабочкин, что ты делаешь, Валя? — обратился он к одному из футболистов.

— Я должен сообразить,— Валя смотрит на макет,— как выгоднее мне предложить себя. Я бы пошел вот сюда.

— Правильно,— одобрительно кивнул Василий Васильевич.— А техника должна быть доведена до полного автоматизма. Игрок может даже не вспомнить, как он забил мяч. Ну а сейчас давайте рассмотрим показательные схемы по вчерашней контрольной игре.— Василий Васильевич

взял у второго тренера схему.— Вот вратарь Геннадий Курганов. Могу сказать, что ты, Гена, значительно улучшил игру. Из десяти стопроцентных голевых ударов отразил четыре. Это хорошо.— Взял другую схему.— А вот Саша Соколовский в первом тайме в отборе мяча участвовал шестнадцать раз, но отобрал только в семи случаях.— Василий Васильевич посмотрел на футбелиста, помедлил.— Я уже давно хочу тебя спросить: что с тобой происходит, Саша?

...Они остались вдвоем в опустевшей комнате базы. Молчали. Наконец Саша тихо попросил:

— Отпустите меня из команды, Василий Васильевич... Я решил бросить футбол.

— Ты что, устал? Заболел?.. Может быть, травма дает о себе знать? — спросил удивленный его просьбой Воронцов.

— Дома плохо. Совсем плохо. Жена от слова футбол прямо в ярость приходит. Пока мы с ней в институте учились, более-менее нормально было. А как родилась Танюшка, так и пошло: «голову на ноги променял»... «дешевая слава»... «ты бы сейчас уже давно институт кончил». Она-то уже в аспирантуру поступила.

— Эти ситуации мне, Саша, известны,— Воронцов помолчал.— Вот что, Саша, я завтра попробую с твоей женой поговорить. Как ты думаешь?

— Думаю, все равно ничего не выйдет...— голос его дрогнул.— Я ведь и сам без спорта не могу, а вот решил...

— Это не ты, это она решила... Попробуем...

Саша Соколовский открыл дверь своей квартиры. С ним вместе Василий Васильевич Воронцов и врач Ирина Лозовская. Вошли в квартиру. Никого нет. Саша несколько растерялся.

— Проходите... Ирина Григорьевна, Василий Васильевич...— Он развел руками.— Странно. Обычно в это время все дома...

...В гостиной он нашел на столе письмо, вернее, коротенькую записку: «Ты не вы-

полняешь своих обещаний. Я ушла к маме. Таня со мной. Женя».

Он молча передал записку Воронцову. Тот, прочитав, протянул ее Ирине.

— По-моему, раз уж мы начали... надо ехать к ним,— предложила Ирина.

Открылась дверь другой квартиры. Милостивая молодая женщина, холодно взглянув на Сашу, учтиво пригласила Воронцова и Ирину:

— Здравствуйте! Проходите, пожалуйста!

И вдруг из комнаты стремглав выскочила девочка лет пяти-шести.

— Папа, папа!..— закричала она и бросилась к Саше.

Тот подхватил ее, поднял на руки, расцеловал.

— Папа, ты совсем пришел? Совсем, да?

— Таня,— строго одернула девочку мать.

Саша шепнул что-то дочке на ухо. Таня с любопытством посмотрела на пришедших. Затем из кухни появилась Сашина теща, поздоровалась со всеми и, поглядев на Сашу, поджала губы. Все прошли в столовую.

Саша представил Воронцова и Ирину. Женя сказала «очень приятно», но лицо ее заметно посуровело.

Дочка снова вскарабкалась к Саше на колени, обняла его.

— Простите за неожиданное вторжение...— начал Воронцов.— Женя... Можно вас так называть?.. Нам нужно с вами поговорить. Разумеется, откровенно.

— Я очень рада всем, кто приходит ко мне в дом, но я догадываюсь, о чем вы хотите со мной говорить...— Было видно, как Женя начала волноваться.— Я тоже буду откровенна... Если о футболе, то это, простите, бессмысленно. О чем угодно другим — с удовольствием. Мама, поставь, пожалуйста, чай.

Мама с неохотой вышла.

— Мы с Танюшкой пойдем погулять. Не возражаете? — обратился ко всем Саша.

— Погуляем, погуляем! — запрыгала Танюшка.

...Саша с дочкой вышли во двор. Подошли к детской площадке с песочницей. Здоровенный Саша уселся на детскую скамеечку, а Танюшка взобралась к нему на колени и, обнимая, говорила:

— Мы теперь всегда будем с тобой гулять? А то все с бабушкой и с бабушкой. Вон Пинка из второго подъезда всегда с нами гуляет.

Саша гладил ее по голове, говорил: «Будем, будем!»... В стороне мальчишки гоняли мяч. Саша посмотрел на них и отвернулся.

— Я не могу больше так, поймите же и вы меня, — говорила Женя. — Он бывает дома от силы два месяца в году!.. Мы видим его только в телевизоре. И то чаще спины с его номером. Номер шесть!.. Номер шесть! Даже дочка, увидит где-нибудь цифру «шесть», кричит: «Папа!»

— Я понимаю вас, Женя, — Воронцов старался говорить как можно мягче и убедительней, — но он прекрасный спортсмен. Таких не так много. Он незаменим в сборной...

— Мне нет дела ни до какой сборной, — резко оборвала его Женя. — Он был способным парнем в институте. Доучился до третьего курса, а теперь... учится — не учится. Прошло уже несколько лет.

— Простите, Женя. Я тоже была спортсменкой, — вступила в разговор Ирина Григорьевна.

— Чемпионкой СССР, — добавил Воронцов.

— А теперь пишу кандидатскую. Мне спорт ни в чем не помешал. Даже помог. И он все успеет. Ведь спорт — это здоровье, и не только физическое, но и нравственное.

— Да... Знаю я это «здоровье»! На вашем уровне, где нужно отдавать все!.. Я

вижу, чего это ему стоит. Когда он приходит домой, сразу валится на кровать. Глазом не может моргнуть от усталости. А через несколько лет он вам будет не нужен! — Женя заплакала.

— У хорошо тренированных людей силы быстро восстанавливаются, поверьте. — Ирина положила руку на Женино плечо, успокаивая ее.

— Он не может без спорта, Женя. Вы его любите... — Воронцов еще не терял надежды убедить ее. — Но если он уйдет из спорта, уверяю вас, дома это будет не самый веселый человек... Вы заметили, как пустеют улицы Москвы в дни больших футбольных матчей? Вы равнодушны к футболу... Что ж... Но вы подумайте о Саше.

— Я хочу, чтобы у моей дочери был отец, — говорила Женя сквозь слезы. — Это ненормально, что при живом отце дочь растет только с матерью. Простите... Вы не сможете меня переубедить... Я не говорю, чтобы он завтра бросил футбол. Пусть он съездит на эти ваши соревнования, если вы его не можете заменить. Но после этого пусть выбирает — или семья или футбол.

Открылась дверь и с подносом в руках вошла Сашина теща.

...А во дворе на скамейке, с дочкой на руках, сидел сам Саша Соколовский, полузащитник сборной команды Советского Союза. Он был очень грустный.

Самолет иностранной компании. Все кресла в салоне заняты. Звучит разноязыкая речь. Шумнее всех испанцы. Их в салоне большинство. В середине салона — отдельным островком — футболисты сборной СССР. У них тоже не очень тихо.

Две красавицы-стюардессы вывели в проход тележку с напитками. Пассажиры покупают кто джин, кто виски, кто сигареты. Когда тележка поравнялась с нашими футболистами и стюардесса начала свое: «Джин, виски, кока-кола, сигареты», — Лавренев, обернувшись, подмигнул

остальным, и все хором грянули: «Кока-кола!» Это было смешно, когда двадцать здоровых парней начали пить из одинаковых бутылочек. Стюардессы заулыбались.

— Спортсмены? — спросила одна из них по-испански.

— Иес! — ответил за всех Косичкин.

Все рассмеялись, потому что проговорил он это, держа в руках гигиенический пакет. Полет для него был истинным мучением и, как только самолет поднялся в воздух, до самой посадки он сидел с пакетом наготове.

Один из ребят что-то шепнул стюардессе, показывая на Косичкина. Та закивала головой и убежала. А футболисты, большие любители розыгрыша, стали по очереди подходить к Косичкину и отдавать ему свои пакеты.

— Возьми, старик, а то вдруг не хватит. Тут такая чистота, а то еще страну опозоришь!

— Идите вы все!.. — отвернулся к иллюминатору измученный Косичкин.

В довершение прибежала стюардесса и присоединила к пакетам, лежащим на коленях Косичкина, еще несколько штук...

...Ирина сидела рядом с Пархоменко, а Сергей Таманцев — с Андреем Таманцевым, своим отцом. Сергей то и дело оглядывался на сидящих через проход Ирину Григорьевну и вратаря, но Пархоменко закрывал глаза, делая вид, что дремлет. Тогда Сергей обратился к отцу:

— Отец, позови Витьку, скажи, что ты должен дать ему кое-какие указания.

Старший Таманцев улыбнулся.

— Нет уж, сыночек. Твои дела — это твои дела. Я лично поступал по-другому.

Сергей решительно поднялся, подошел к сидящему с закрытыми глазами Пархоменко. Ирина, отвернувшись, еле сдерживала смех. Сергей ткнул Пархоменко в бок.

— Пересядь-ка к отцу, тебе полезно рядом с тренером побыть.

А сам сел рядом с Лозовской.

— Ирина Григорьевна! — обратился к ней Сергей. — Можно?

— Вы поздно спрашиваете, Таманцев, — улыбнулась она.

— Ирина Григорьевна, — сказал Таманцев после небольшой паузы, — я давно собирался предупредить вас... я по природе своей однолюб...

Она перебила его:

— Вы можете говорить о чем-нибудь другом, Таманцев? Учтите, я лечу только физические травмы, а душевные — не моя специальность. Возьмите себя в руки, вы плохо будете играть.

— Пусть!

— Вас выгонят из сборной, и тогда вы меня вообще не увидите.

— Увижу.

— Каким образом?

— Переломая себе ноги.

Ирина рассмеялась.

...Шота Бреговдзе сидел рядом с совершенно седой щупленькой старушкой. Она, не умолкая, говорила, перемежая русские слова с английской речью:

— Айм инглиш вумен, вы — Россия, вы играть Спэйн — Россия, я приду на матч завтра. Я кричать для вас...

Бреговдзе солидно склонил голову.

Старушка достала огромный блокнот, перо, протянула все это Бреговдзе.

— Автограф — все! — Она обвела рукой остальных футболистов.

Бреговдзе снова солидно склонил голову, поднялся, подошел к Косичкину и громко с грузинским акцентом произнес:

— Послушай! Тут мама английской королевы просит у тебя автограф.

Косичкин повернулся к тренеру и посмотрел на него молящим взглядом:

— Василий Васильевич!.. Я играть не буду, если они будут приставать.

Василий Васильевич засмеялся.

Бреговдзе вручил блокнот ребятам. Вернувшись на свое место и желая отделаться от назойливой старушки-соседки, решил заговорить с привлекательной молоденькой стюардессой:

— Простите, девушка, вы замужем? — спросил он, когда та поравнялась с ним.

Стюардесса не понимала по-русски. Она, улыбаясь, наклонилась, переспросила:

— Пожалуйста?

Ребята затаили дыхание. Брегвадзе взмок от напряжения, стараясь вспомнить подходящее иностранное слово.

— Марьяж? — наконец спросил он.

Стюардесса поняла, закивала и стала серьезно объяснять ему по-английски:

— О да! Мой муж тоже был спортсмен. Боксер.— Она, сжав кулаки, изобразила боксера.— А теперь он штурман. Здесь. В этом самолете. Может быть, мистер хочет познакомиться с ним?

«Мистер» предложения стюардессы не понял.

Андрей Таманцев, Воронцов и Ирина Григорьевна, знавшие немного английский, рассмеялись.

Ирина Григорьевна перевела слова стюардессы, а Лавренев предложил:

— Может, и правда, мистер Брегвадзе пойдет познакомиться с мужем-боксером? А я судить буду!

Брегвадзе сделал вид, что он ко всему безразличен, откинулся на сиденье, закрыл глаза.

Стюардесса постояла, слегка пожала плечиками, улыбаясь, пошла дальше.

...А через минуту в салоне стоял такой кавардак, который не часто бывает в международных лайнерах. Испанцы, узнав, что с ними летит сборная СССР, сгрудились около советских футболистов, забили весь проход и подняли невообразимый шум. Все одновременно и громко разговаривали, жестикулируя и оттесняя друг друга. В этом напоре испанской речи только и можно было разобрать понятные всему миру слова: «Советский Союз», «Испания», «победа». Вот когда у ребят началась настоящая работа с автографами.

И в самый разгар этого ажиотажа самолет вдруг рухнул в глубокую воздушную яму. Раздался дружный женский вопль.

Самолет выровнялся. В дверях салона стояла стюардесса, все такая же спокойная, улыбающаяся. На минуту наступила общая

тишина. И в этой тишине раздался слабый голос Косичкина:

— Лучше два матча подряд сыграть! Я говорил, поездом надо ехать!

Когда самолет приземлился, был поздний вечер.

Едва футболисты миновали таможенный кордон, как сразу очутились в водовороте кино-фото-теле- и газетных корреспондентов. Бесконечные вспышки блицев слепили глаза. Репортеры, перебивая друг друга, наседали на тренеров: Воронцова и испанца Гомеса, который приехал встретить своего давнего знакомого Василия Васильевича и теперь с преувеличенным дружелюбием хлопал его по плечу, широко улыбаясь.

— Ваши прогнозы, господа?

— У меня хорошее настроение,— сказал Гомес,— все основные игроки здоровы. Мы постараемся не уронить престиж испанского футбола.

Микрофон у лица Воронцова:

— Сборной СССР предстоит нелегкий матч. Мы выиграли нашу первую встречу в Москве. Выиграли с минимальным преимуществом и убедились, какая сильная команда перед нами.

Микрофоны повернулись к Андрею Таманцеву.

— Господин Таманцев, Сергей Таманцев ваш сын?

— Да.

— С какого возраста вы начали приучать его к футболу?

— К мячу? С трех лет.

Микрофон около испанского тренера.

— Ситуация совершенно ясная, господа. Мы должны выиграть — и только! Выиграть!.. Было бы интереснее, конечно, если бы наши команды встретились ближе к финалу.

— Мы также настроены на победу,— сказал Воронцов.— Хотя для того, чтобы выйти в финальную группу, нам достаточно ничьей. Любой ничьей, кроме нулевой.

И снова жужжание камер, вспышки блицев.

К бару под названием «Футбол» подъехала машина, из которой вышли Воронцов, Андрей Таманцев, Озеров и переводчица. Несмотря на вечернее время, стояла страшная духота, и все непрерывно обмахивались платками.

Хозяин заведения Бергер, специально поджидающий гостей, дал сигнал, и один из официантов включил автоматический проигрыватель. Зазвучали русские позывные футбола.

Андрей Таманцев представляет хозяина:

— Артур Бергер! Чемпион Германии, Франции...

— Голландии,— вставил Бергер.

— Бельгии...— добавил Озеров,— а также чемпион мира по футболу тысяча девятьсот...

— Тридцать девятого года.— Бергер, продолжая улыбаться, повел всех к столу.— Благодарю за визит!

— Вы, помнится, рано покинули поле,— сказал Воронцов, осматривая бар.

— Да, мог бы еще побегать...— вздохнул Бергер.— Откровенно, здорово тянуло на поле. Спорт— это болезнь на всю жизнь!— И попросил официанта, того самого, который включал автоматический проигрыватель:— Бобби, виски этим господам.

Озеров, напряженно раздумывая, посмотрел ему вслед:

— Очень знакомое лицо.

— О-о, это был великий футболист,— оживился хозяин бара.— Экстра!.. Чемпион мира пятьдесят второго года!...

— А-а!.. Да-да!— припомнил Озеров.— Бобби Джерси.

— Ему не повезло. Получил травму, в пятьдесят третьем!.. Разбили колено. Я его взял к себе,— Бергер улыбнулся.— В мой бар «Футбол».

Озеров предложил официанту сесть, но тот вежливо отказался.

— Мы были восхищены вашей игрой!— сказал Озеров.

Бобби Джерси, видимо, давно уже привык к таким разговорам, он невозмутим, разве только глаза его чуть-чуть погрустнели.

— Я всегда любил играть с русскими,— сказал он.— Это одни из самых корректных футболистов в мире.

— У вас завтра будет очень трудный матч, господа,— сказал Бергер,— испанцам нужна только победа. И они будут вырывать ее любой ценой. А вы знаете, что это значит...

Воронцов молчал, задумавшись.

В этот же вечер по шумной улице города шли Ирина Лозовская и Сергей Таманцев. Ирина ничего не замечала вокруг. Она вся ушла в себя. Таманцев, не смея нарушить эту ее отрешенность, молча шел рядом. Но вот он заметил цветочницу и слегка тронул руку Ирины. Эти цветы, с огромными алыми шапками, ему не знакомы. Купив, он протянул их Ирине, со смущенной улыбкой сказал:

— Я не знаю их названия, таких я еще вам не дарил.

— Спасибо,— тихо поблагодарила Ирина, все еще оставаясь в своем мире.

...Они сидели на скамье в маленьком городском сквере... Сидели молча. Наконец Ирина начала говорить, сильно волнуясь:

— Хорошо, Таманцев... Я не хотела вам говорить о нем... Но мне надо как-то объяснить вам мое поведение, поэтому я скажу. Тогда я воспринимала мир, как девочка, хотя и училась в институте. А он был уже прославленным спортивным летчиком... Мой муж.— Она помолчала и повторила еще раз:— Мой муж. Он разбился... Во время соревнований на первенство мира... Я до сих пор слышу свой крик и вой машин... Он был неустовым спортсменом... Я с головой ушла в медицину...

Они снова сидели молча. Потом Ирина сказала, уже спокойно:

— Пойдемте, Таманцев. Вам нужно сегодня как следует отдохнуть.

Они подошли к отелю.

...В холле навстречу им поднялся из кресла солидный мужчина. Заговорил по-английски.

— Господин Таманцев?

— Да.

Мужчина представился:

— Серж Моро. Вы говорите по-английски?

— Очень мало.

— Я говорю по-английски,— вмешалась Ирина.

Мужчина слегка замялся.

— У меня конфиденциальный разговор к господину Таманцеву.

Ирина перевела. Сергей незаметно сжал ей руку.

— Это моя жена, господин Моро, у меня нет от нее никаких секретов.

Секунду помедлив, Ирина перевела.

Серж Моро осклабился, поклонился.

— Очень приятно. Может быть, вы окажетесь моей союзницей. Прошу!

Они сидели за небольшим круглым столом в мягких креслах в маленьком уютном холле.

— Вам известно, господин Таманцев,— начал господин Моро,— что в Италии много сильных команд. Наш клуб, к сожалению, сейчас занимает одно из последних мест. Мы хотим возродить его славу. Мы приступаем к решительным действиям. Мы намерены пригласить несколько игроков из разных стран мира. В том числе и вас...

Таманцев удивленно поднял брови.

— Нет, нет. Я не предлагаю вам переехать в Италию навсегда. Но заключить контракт на два-три года на выгодных для вас условиях... Вам будут платить, как любому из лучших игроков мира... Мы гарантируем вам возможность в любое время выступать за вашу национальную сборную... За три года вы поможете нашему клубу занять ведущее положение, а себе составить приличное состояние.

Ирина перевела.

— Господин Моро, вы видите в футболе только профессию. Для меня же спорт — нечто иное...— Таманцев чуть улыбулся.— Очень благодарен вам за лестное предложение!.. Я не могу принять его. Извините, у меня завтра трудный день.

Моро, Таманцев и Ирина поднялись, раскладываясь...

...Таманцев проводил Ирину до ее номера. У дверей он сказал:

— Вот... Поехали бы в Италию, ели бы спагетти и купались в Средиземном море!

— Вы сильно озадачили господина Моро, Таманцев,— усмехнулась Ирина.

— А что бы вы ему ответили?

— Я бы ему сказала: «Как вы можете мне, футболисту высшей лиги, нападающему национальной сборной СССР, предлагать вытягивать какой-то захудалый итальянский клуб?!»

Таманцев посмотрел на нее с восхищением.

Лозовская улыбулась, ласково сказала:

— Я шучу... Спокойной ночи!..

Она вошла в номер, закрыла за собой дверь.

Сергей постоял немного и побрел к себе по длинному коридору...

...Ирина поставила в вазу цветы, села в кресло у окна. На грустном ее лице играли отблески рекламы.

Вот на секунду перед ее взором открылась вечерняя улица города. Сергей Таманцев, со смущенной улыбкой протягивает ей цветы, говорит:

— Я вам таких еще не дарил.

И снова ее грустное задумчивое лицо.

Воронцов лежит на неразобранной постели. Смотрит в одну точку. Небольшой ночник освещает его.

Послышался тихий стук в дверь... Вошел Андрей Таманцев.

— Спишь?

— Сплю.

— Я тоже.

— Ты когда-нибудь спал перед ответственными матчами?

— Я вот все гадаю — какой сюрприз они нам приготовили?

— Боюсь, наших наигранных вариантов будет маловато.

— Может быть, они будут атаковать через новенького, Брасиоло. В газетах пишут — он шесть голов в последнем матче забил... Играть будут, конечно, в четыре форварда.

— Этого они не скрывают. Им же остается только одно — атака.

Снова раздался стук в дверь. Вошел Николай Озеров.

— Не спите?.. Я тоже не могу.

— А тебе-то что?! Спал бы себе да спал, — подначил Озерова Василий Васильевич. — С тебя какой спрос?!

— Да вы что? Неужели думаете, что я там, у себя в кабине, спокоен, когда наши играют. Я ведь не Голландию — Люксембург комментировать буду.

Помолчали.

— Тут все газеты пишут о молодом нападающем Брасиоло. Он шесть голов в местном матче забил.

Воронцов и Таманцев продолжали молчать.

— Я думаю, что они в четыре форварда играть будут, — продолжал высказывать свои предположения Озеров.

— Еще что? — чуть улыбнулся Воронцов.

— Главное, знать, какой сюрприз они нам приготовили!

Воронцов и Таманцев рассмеялись.

— Все понимает!.. — подмигнул Воронцов. — Знаешь что? Давай ты завтра займи мое место, а я за тебя комментировать буду!

— Согласен. Посмотрим, что у тебя получится.

— Ладно... — вздохнул Воронцов и обратился к Таманцеву: — Андрюша, расстелий «поле».

Таманцев взял какую-то яркую афишу, на обратной стороне которой было расчер-

чено футбольное поле, и расстелил ее прямо на полу.

Василий Васильевич высыпал из коробочки пластмассовые красные и белые фигурки футболистов. Оба тренера улеглись на ковер друг против друга и начали разыгрывать матч.

Озеров сел между ними по-турецки, стал следить за игрой. Потом не без ехидства сказал:

— На таком поле вы всегда выигрываете.

— К сожалению, ты прав, — согласился с ним Воронцов.

Тот же номер утром до отказа набит футболистами сборной. Расположились, кто на чем. Здесь же Ирина Григорьевна.

— Всем понятна установка? — спросил Воронцов.

Футболисты молчали.

— Задавайте вопросы. Какие угодно. Может быть, кто чувствует себя не совсем подготовленным? Может, есть какие сомнения, говорите. Сейчас еще не поздно принять меры. Думайте! И прошу — не скрываете ничего! Ничего!.. — убеждал ребят Воронцов.

Все молчали. И тут решительно шагнула вперед Ирина Григорьевна.

— Василий Васильевич, я должна вам сообщить: Брегвадзе не совсем здоров.

Воронцов нахмурился.

Брегвадзе, протянув к врачу руки, почти закричал:

— Ирина Григорьевна, дорогая, мы же договорились!..

— Он вчера почти весь день проторчал в бассейне, здесь наверху... — Лозовская продолжала, не обращая внимания на его реакцию. — Перекунулся. Здешнее солнце коварно.

— Э-э! Бассейн-массейн... — продолжал кричать Брегвадзе. — Подумаешь, Испания!.. Подумаешь, солнце!.. Вот у нас в Грузии — солнце!.. Ты была когда-нибудь в Тбилиси летом?

В роли Воронцова — Анатолий Папанов

— Бреговдзе, у вас температура тридцать семь и одна.

— Э-э! — выкинул вперед руки Бреговдзе. — У меня всегда температура тридцать семь и одна! У нас в Тбилиси у всех температура тридцать семь и одна!

Ребята еле сдерживали смех.

Бреговдзе вдруг схватил стоящего рядом с ним Бабочкина, рывком вскинул его вверх под люстру. И так, держа его на вытянутых руках, победоносно смотрел на Воронцова.

Воронцов, скрывая улыбку, отвернулся.

Бабочкин, боящийся щекотки, барахтался и кричал:

— Поставь на место!.. Тебе говорят!

Бреговдзе бережно опустил Бабочкина на пол, подскочил к Ирине Григорьевне, протянул ей руку:

— Считаю пульс, доктор!

Ирина Григорьевна стояла молча, не склонная шутить.

Воронцов понял ее состояние и, чтобы поддержать авторитет молодого врача, сказал:

— Спасибо, Ирина Григорьевна! — Повернулся к старшему Таманцеву: — Андрей Павлович, на первый раз запишите Бреговдзе предупреждение.

В это время, протиснувшись сквозь группу футболистов, стоящих у дверей, в номер вошел Озеров. Он высыпал на стол кипу телеграмм.

— Вот! Со всех концов страны!.. И, как **вы** понимаете, все желают только одного!

Футболисты, столпившись у стола, разбирали телеграммы, читали.

В судейской комнате главный судья встречи и двое его помощников с очень серьезными лицами взвешивали футбольный мяч. Главный судья удовлетворенно кивнул головой, ловко подкинул мяч вверх,

поймал его, сделал знак своим помощникам. Все трое пошли к дверям.

Открылся огромный стотысячный стадион, гудящий в ожидании начала матча.

...Кабина советского комментатора.

— Внимание! Внимание!.. Говорит Севилья. Говорит испанский город Севилья! Сейчас начнется одна из решающих встреч футбольного турнира. Эта встреча должна определить победителя, который войдет в число четырех сильнейших команд Европы!.. Четыре сильнейших!.. Они продолжают борьбу за звание чемпиона Европы... Испания или Советский Союз?!.. На стадионе, даже на лестницах его,— ни одного свободного места... Сейчас в центре поля выстроились две сборные команды! СССР и Испания. Вы видите нашу команду... Одиннадцать лучших футболистов страны! Это одиннадцать наших надежд, товарищи!..

На поле судья с капитанами команд разыгрывают ворота.

— Нашим ребятам будет очень трудно сегодня играть, потому что Севилья по накалу страстей болельщиков считается самым неистовым городом в Испании. Недаром в здешней прессе Севилью называют «двенадцатым игроком»!

...Гудят трибуны.

...К Андрею Таманцеву, стоящему в проходе рядом с Воронцовым, подошел Бергер, взяв его руку, считает пульс.

— Сто двадцать,— улыбнулся Бергер.— Знакомое состояние!

...Судья посмотрел на секундомер... Свисток.

Первый удар по мячу сделал Сергей Таманцев, и наши футболисты сразу бросились в атаку. Стремительный проход — и они нанесли удар по воротам, который заставил содрогнуться сердца болельщиков огромного стадиона. Этот удар сделал полузащитник Александр Соколовский. И вратарь испанцев Каррера с трудом парировал его удар... И сразу же испанцам удалось организовать две опасные атаки на ворота советской сборной. Геннадий Курганов отбивает первый мяч после уда-

ра Перейры, который выполняет функции блуждающего форварда и ни секунды не стоит на месте... А через минуту сильно бьет Брасиоло. Мяч от его ноги пролетел буквально в сантиметрах от штанги ворот.

Москва. Пустынны улицы столицы. Среди немногих прохожих Женя, жена Александра Соколовского. Она подошла к дому, к почти изо всех его окон и из соседних домов звучит голос Николая Озерова...

Женя вошла в комнату, у телевизора сидит пятилетняя Танюша. На экране видно, как нападающий испанец Бирри пытается пройти к воротам, но ему преграждает путь Александр Соколовский и, в свою очередь, сам идет до вратарской площадки противника. Сильно бьет, но, к сожалению, прямо в руки вратаря.

Женя решительно выключила телевизор, сказала дочке:

— Лучше порисуй.

Танюша сердито посмотрела на мать:

— Там папа! — и упрямо включила телевизор.

Женя вышла из комнаты. До нее донесся голос Озерова.

— ...Хозяева поля играют по схеме — четыре защитника, три полузащитника во главе с Бирри и три форварда... Однако Бирри все время подключается к атакующим. Таким образом, в атаке они имеют четырех нападающих.

Стадион. Испанцы первичают. Стоящий в проходе у тоннеля тренер испанцев Гомес явно недоволен — он сердито выдергивает из пачки сигарету, закуривает.

...Из глубины поля советские футболисты организуют стремительную атаку, остро играет Сергей Таманцев. Вот он точно «выкладывает» мяч в штрафную площадь на набегающего Владимира Бабочкина, но тот на какие-то сантиметры не дотягивается до мяча... А теперь Сергей Таманцев вступил в единоборство с двумя защитни-

ками — он красиво обыгрывает их и сходу бьет. Вратарь угадал направление полета мяча и в труднейшем броске все-таки отбил его.

А в ответ опаснейший проход Перейры...

Что творится на стадионе, когда мячом овладевает любой из испанских футболистов! Оглушительный шум трещоток. Всеобщий вопль и свист. Ревут трубы и даже раздаются удары колокола.

Группа туристов из Советского Союза с флажками в руках выглядит маленьким строивком в огромной бушующей чаше стадиона.

...Что-то кричит тренер хозяев Гомес.

Испанцы взвинчивают темп, и им удается перехватить инициативу. Полузащитник Бирри все чаще подключается к атакующим. Длинная передача — Бирри «взрывается» и стремительно проходит между двумя защитниками к воротам советской сборной. Ревет стадион. Перебросив мяч через защитника Брегвадзе, Бирри убегает от него и сильно бьет по воротам.

На трибуне Воронцов, Таманцев, Ирина Лозовская и группа запасных футболистов. Воронцов и Таманцев внешне невозмутимы, а Ирина откровенно «болеет»...

В нетерпении ревут трибуны, требуя гола... Трубят трубы, звонит колокол, и как бы в ответ на все это защитник Вигон, получив мяч недалеко от своей штрафной площадки и увидев своего партнера прикрытым, начал сам перемещаться в центр... Неожиданно из очень трудного положения он сильно пробил по воротам. Удар застал Курганова врасплох. Он сделал отчаянную попытку достать мяч, но на какую-то долю секунды опоздал с броском. Как взревел стадион!..

Люди вскочили, закричали, замахали руками, взвились вверх ракеты. Какая-то молодая испанка начала танцевать прямо между рядами. Ей аккомпанировали на тамбуринах... По рукам пошли бутылки с вином...

...Советские туристы сидели молча, опустив флажки.

А стадион не унимался. Воронцов встал и вышел к проходу. Закурил. Испанский комментатор в своей кабине реагировал на забитый гол также весьма своеобразно. Почти две минуты он ничего не говорил, а только вопил: «А-а-а-а!»

Как ни странно, но этот гол снял нервное напряжение советской сборной, расковал ее, и команда, как бы включив дополнительную скорость, вдруг заиграла спокойно, быстро и широко.

Вот Владимир Бабочкин, взвившись вверх, сумел перекинуть мяч через выбежавшего вратаря. Мяч, казалось, опустился в пустые ворота, но защитник испанцев, отбив его головой, чудом спас положение.

Бросив сигарету, не отрывая глаз от поля, пробирается на свое место Воронцов.

Сергей Таманцев издалека пушечным ударом бьет в крестовину. И еще через две минуты только акробатический прыжок вратаря Карреры спасает ворота от удара Бабочкина. И снова резкий рывок, теперь уже Александра Соколовского, в штрафную площадку. Испанской защите ничего не остается делать, как прервать его движение недозволенным приемом. Они грубо сносят Соколовского, очень грубо. Он упал, покатился по полю, корчась от боли.

Москва. Мы видим этот момент на экране телевизора. Танюша испуганно повернулась к матери.

— Мама, ты видишь — папа!.. Ты видишь — папа!..

Женя погладила дочку по голове, усноколла ее:

— Он встанет, доченька. Он сейчас встанет.

Соколовский продолжал кататься, корчась от боли.

Тогда Таня приблизилась вплотную к экрану телевизора и зашептала:

— Папа, вставай!.. Папа!

И Соколовский, словно услышав ее голос, вдруг поднялся, «оглянулся» на Тяню, взмахнул рукой и побежал к центру поля.

Тяня ликующе посмотрела на мать.

У Жени в глазах были слезы, она тихо сказала:

— Будь она проклята, эта игра!

Стадион... Испанцы, восприняв указания тренера, начали энергично и широко маневрировать... Это сразу обострило игру. Опасные ситуации, одна за другой, создаются у ворот советской команды.

Стадион гудит.

Вот защитник Лаврепев затеял перекидку мяча с Косичкиным и отвлек внимание от ворвавшегося на штрафную площадь Бабочкина. Это сработала та самая «система опережения», которой учил их Воронцов. Последовала верховая передача назад Сергею Таманцеву, и тот, находясь метрах в двадцати от ворот, без обработки сильно и точно пробил в верхний угол. От этого удара мяч даже застрял в сетке.

Озеров с микрофоном в руке кричит:

— Го-о-ол!.. Красивейший гол!.. Наши сравняли счет!.. Очень красивый гол, товарищи.

...Ирина Григорьевна, поднявшись, что-то кричит и горячо аплодирует. Запасные игроки улыбаются. Андрей Таманцев молча берет руку Воронцова, пожимает ее. Тот, спокойно кивнув, не отрывает глаз от поля.

Ленинград. По одной из улиц едет такси. За рулем шофер Сан Саныч, который слушает репортаж Озерова.

На тротуаре возле магазина по продаже телевизоров большая группа народа. В витрине сразу на четырех экранах идет передача футбольного матча.

Слышится голос Озерова: — Итак, счет 1:1. До конца первого тайма остается пять минут.

Сан Саныч остановил машину, вышел, деловито поднял капот, сказал пассажирам:

— Извиняюсь, граждане!.. Поломка. Придется пересесть в другой мотор!

Немолодая пара, ворча, освободила машину...

Сан Саныч бросился к витрине с телевизорами и скрылся в толпе.

Идут к раздевалке испанские футболисты. Они настолько устали, что не реагируют на слова Гомеса. А тренер, широко жестикулируя, сердито их отчитывает.

Советские футболисты, как только вошли в свою раздевалку, свалились кто где мог. В кресла, на диваны, на застланный ковром пол...

Здесь же тренеры, запасные и Ирина Григорьевна, которая сейчас проверяет пульс Бреговдзе.

Один Косичкин совершенно не выглядит усталым. Он с готовностью разносит желающим чай...

— Ну что ж, ребятки! — говорит Воронцов.— Все идет нормально. Так держать! Только нужно еще немножечко... прибавить!

— Что?!.. Прибавить?!.— Поднял на секунду голову Бреговдзе, и все заулыбались. К Воронцову подошел вратарь Курганов:

— Василий Васильевич, замените меня!

— Ты что?!

— Не идет у меня игра, Василий Васильевич. Не идет и все!.. Боюсь.

— Ты что, Геннадий, возьми себя в руки!

— Не получается... И поле плохо вижу... И ребятам я мало помогаю... Не идет. Хуже будет. Замените... Даже руки дрожат.

Воронцов помолчал.

— Да-а... Пока я за ворота не беспокоился... Но хорошо, что ты честно сказал. Такое состояние бывает... Что ж... Он повернулся в сторону Пархоменко, резко произнес: — Пархоменко!

Сидевший в углу мрачный Виктор Пархоменко поднялся.

— Раздевайся!..

Пархоменко взглянул на Курганова, на Воронцова и быстро начал стягивать с себя тренировочный костюм.

Воронцов подошел к нему, пристально посмотрел в глаза. Пархоменко отвел взгляд.

Воронцов положил ему руку на плечо, тихо сказал:

— Витя, мы все надеемся на тебя. Они сейчас все бросят в атаку. У них нет другого выхода!

Пархоменко вздохнул.

— Я понимаю, Василий Васильевич...

Стадион. Испанские футболисты начинают атаку. На некоторое время им удается «запереть» соперника на его половине поля.

Защита, руководимая Лавреневым, взаимодействуя с игроками средней линии, с трудом сдерживает натиск, но в то же время и сама старается контратаковать.

...Вот Лавренев хорошим пасом «рассекает» оборону испанцев и выводит на удар Бабочкина, но в последний момент защитник Вигон в подкате выбивает мяч за лицевую линию.

После углового, поданного Соколовским, вратарь Каррера неудачно вышел на перехват, защитники не смогли помешать Бабочкину передать мяч свободному Сергею Таманцеву — последовал сильный удар, но вратарь испанцев в каком-то немислимом акробатическом прыжке достал мяч, упав с ним на землю.

Тренер испанцев Гомес опять что-то кричит, указывая рукой в сторону ворот советской команды.

Капитан испанцев Перейра делает знак своим футболистам, чтобы они шли только вперед. Только вперед!

Удары по воротам советской сборной следуют один за другим. Сильные и опасные удары.

Пархоменко в каком-то необычном подъеме отбивает подряд три «мертвых» мяча.

Капитан испанцев, который только что, казалось, неотразимо пробил по воротам, удивленно посмотрел на поднимающегося с мячом Пархоменко, покачал головой.

Но вот испанцы получают право на штрафной. Наши футболисты выстраивают «стенку».

Брасиоло сильнейшим ударом пробил в правый угол. И Пархоменко не смог ничего поделать... Гол!..

И снова ликование трибун!.. Пенья труби!.. Удары колокола!..

...Расстроенный Озеров. Его голос утопает в неистовом шуме стадиона.

— Два-один!.. Двадцатилетний форвард из мадридского «Реала» Брасиоло вывел свою команду вперед. Недаром в таких восторженных тонах писала о нем испанская пресса!..

Теперь уже советская команда, начав с центра, бросается в наступление.

Атака за атакой накачивается на ворота испанцев. Трижды они отбивают мяч на угловые, но Таманцев и Бабочкин никак не могут выйти на ударную позицию.

Внимательно следят за происходящим Воронцов и Таманцев.

...Тренер Гомес кричит, указывая в сторону своих ворот.

— Защита! Защита!

Советские футболисты держат инициативу.

После небольшой суматохи на штрафной площади соперников Сергей Таманцев отбросил мяч на набегающего Косичкина. Вратарь испанцев не успевает занять свой пост. Стадион замер... Но Косичкин метров с двенадцати не попадает в ворота.

Атаки на ворота испанцев не утихают.

...Лавренев дает великолепный пас на Ерегвадзе по воздуху, тот на Соколовского. Мяч пытается перехватить защитник Вигон, но безуспешно. Вратарь испанцев срывается с места и мчится навстречу Соколовскому, последний мягко откидывает

мяч на выскочившего Бабочкина, и мяч с силой пролетает мимо вратаря, упавшего на землю в попытке спасти ворота, и вонзается в сетку.

...Воронцов наконец сдержанно улыбнувшись, закурил, сказал Таманцеву:

— Ради таких мгновений — вся наша работа.

У Ирины Григорьевны на глазах слезы.

Василий Васильевич тронул ее плечо.

— Ничего не могу с собой сделать, — сказала она, как бы извиняясь. — Они такие молодцы. Я вас поздравляю!

Восторженный шум возле телевизоров, установленных в витрине магазина в Ленинграде. Плотным кольцом окружили витрину болельщики, прижимая к стеклу горячо аплодирующего шофера такси Сан Саныча.

И вдруг от его неосторожного движения трескается стекло витрины.

К Сан Санычу протискивается милиционер.

Сан Саныч, предупреждая его, говорит:

— Все уплачено. Все будет уплачено!.. Два-два! Понимаешь?! — И, обняв представителя власти, снова впивается взглядом в экран.

Стадион в Севилье. Испанцы перестраивают свои ряды, заменив полузащитника нападающим. Все для атаки! Только для атаки. Нападающий Брасиоло бьет по воротам — мяч срикошетировал от защитника Брегдадас и пролетел в очень опасной близости от ворот.

Четкая двухходовка Бирри и Поруджио. Отличный удар капитана испанцев Перейры — и мяч, словно снаряд, просвистел над перекладиной... И тут же снова коварный удар Брасиоло. Пархоменко с трудом отражает мяч, перекидывая его через планку.

Волнуются Воронцов, Андрей Таманцев, Ирина Григорьевна.

— Прошу вас, Ирина Григорьевна...—

обращается к ней Воронцов, — скажите Пархоменко, чтобы передал ребятам: любой ценой в контратаку!.. Увлеклись обороной.

Ирина быстро пошла к воротам.

...В игру вступают защитники сборной СССР. Проход Лавренева... но вратарь хозяев поля парирует его удар, а затем, после розыгрыша штрафного, сильно бьет Бабочкин, но мяч летит над перекладиной.

Кабина комментатора.

— ...Испанцы вновь активизируются. Много полезной работы выполняют их полузащитники, в особенности Бирри и Поруджио, без участия которых не обходится ни одна атака...

Стадион. Получив мяч от Бирри, Перейра прорвался к штрафной площадке советской команды и опасно прострелил. К мячу одновременно бросились два испанца, Косичкин и наш вратарь. Первым, на беду, успел Косичкин, от его ноги мяч, срезавшись, скользнул в пустые ворота.

Вновь ликует стадион! Зрители встали, приветствуя свою команду!

А Косичкин, схватившись за голову, опускается на траву.

В кабине Озеров снимает пиджак и вытирает платком потное лицо.

— Какой обидный гол!.. Счет становится три-два!.. Три-два!.. Ведет Испания.

К лежащему Косичкину подходит Лавренев, поднимает его. Косичкин руками утирает слезы.

— Ничего, старик, бывает!.. — успокаивает его Лавренев.

Новая атака на ворота Карреры. Вратарь нервничает. Сильный неожиданный удар Сергея Таманцева!..

Испанцы всеми силами стараются сдержать натиск советских футболистов. Защитник Вигон сбивает с ног Косичкина, который едва не ломает себе шею, перевернувшись через голову.

С тревогой следят за игрой Воронцов и Таманцев. Ирина Григорьевна, взяв сумку, спешит к Косичкину.

Испанцы, стараясь удержать счет, на-

чинают пользоваться недозволенными приемами. Игра становится нервной. Испанцы открыто грубят. Судья делает предупреждение.

Получает травму Брегвадзе. Ирина Григорьевна делает ему блокаду колена.

С мячом на большой скорости идет Сергей Таманцев... Защитник Вигон сносит его. Сергей падает. Лицо его искажается от боли, кровь просачивается через рубашку. К нему подбегает Ирина.

Судья показывает желтую карточку — новое предупреждение. А травмированного игрока жестами просит отнести за кромку поля...

Игра продолжается. Советские футболисты играют вдесятером.

Андрей Таманцев и запасные уводят Сергея Таманцева за ворота. Подбегает Воронцов.

За воротами Ирина Григорьевна осматривает руку Сергея Таманцева.

— Отвернитесь! — говорит ему Ирина Григорьевна. Она пристраивает к его руке шины и начинает перебинтовывать.

— Перевязывайте скорее. Я буду играть.

— Вам больше нельзя играть, Таманцев! — голос Ирины Григорьевны строг.

— Выпускайте Снегирева, — говорит Андрею Таманцеву Воронцов.

— Нет, буду играть я!.. — настаивает Сергей.

— Вам нельзя играть!.. У вас сломано предплечье, — говорит Ирина Григорьевна. — Еще одно падение и вы останетесь инвалидом! Послушайте... Ради меня!..

— Скорее перевязывайте, Ирина!.. — Он не добавил «Григорьевна», и она впервые его не поправила. — Скорее, прошу вас!

Андрей Таманцев стоит отвернувшись, молчит.

Ирина Григорьевна со слезами на глазах перебинтовывает руку Сергея.

— Вам не очень больно?

Сергей Таманцев, вдруг улыбнувшись, обнимает ее, целует в щеку. Бежит на поле.

Лозовская с упрёком смотрит на тренера.

Воронцов разводит руками, а Андрей Таманцев говорит:

— Он упрямый... с детства.

Игра продолжается.

Советские туристы стоя приветствуют появившегося на поле перевязанного Сергея Таманцева.

Сборная СССР продолжает наступать всеми линиями. До конца игры остается всего три минуты... Испанцы отчаянно защищаются, грубят.

Судья назначает штрафной удар в сторону испанских ворот. Это прямо на линии штрафной площадки. Футболисты сборной Испании не соглашаются с решением судьи. Они бросаются к нему, протестуют, кричат, не дают пробить штрафной. Стадион поддерживает их. Оглушительный свист несется с трибун.

Судья неумолим.

Тогда несколько болельщиков, прорвав кордон полиции, бросаются на поле, бегут к судье. Это служит сигналом остальным. Сотни зрителей, смяв полицейских, со всех сторон ринулись на поле.

Полиция старается навести порядок на стадионе. Болельщики не подчиняются, сбивают полицейских с ног. Начинается свалка.

Советские футболисты отошли к воротам, собрались в группу. К ним подходят Таманцев и Воронцов. Запасной игрок принес большую флягу с водой. Футболисты понемножку пьют, прополаскивают рты.

Ирина Григорьевна, поправляя повязку, пристально смотрит на Сергея Таманцева.

Тренер Гомес и остальные испанские игроки плотным кольцом окружили судью, защищая его от разъяренной толпы. Футболисты упрашивают болельщиков освободить поле, иначе им будет засчитано поражение.

Наконец порядок восстановлен.

...Кабина советского комментатора.

— Вот он и показал себя, город Севилья... «Двенадцатый игрок»... Болельщики

добились своего. Темп наступления нашей сборной сбит, а до конца игры осталось всего две минуты... Две минуты!.. Трудно что-либо сделать за это время... Но вот Владимир Бабочкин бьет штрафной. Удар! О-о-о!.. Слишком высоко!

...Стадион. Последние яростные атаки советской сборной... Все испанцы — в защите. Они отбивают мяч куда попало — только бы продержаться последнюю минуту.

Пытается пробить по воротам Бабочкин, затем Соколовский, мяч оба раза застревает в частокле ног.

Лаврепс пасует мяч назад — на неприкрытого Сергея Таманцева. Получив мяч, Таманцев идет по краю поля... К нему бросаются два защитника, затем третий, но он обходит одного, второго... Увертывается от ударов и подножек Вигона и точно передает мяч на открывающегося в выгодной позиции Косичкина. Тот сходу сильно бьет... Мяч взвивается вверх и пулей влетает под штангу в самый угол.

В ворота влетел и Костя Косичкин. Он вцепился руками в сетку и заплакал от счастья!

К Косичкину бросаются Лаврепс, Брегадзе, Бабочкин и другие футболисты...

Ленинград. У витрины с телевизорами собралось столько народу, что машинам невозможно проехать.

Слышен торжествующий голос Озерова: — Три-три!.. Ничья — равная победе! Экран телевизора. Косичкин высвобождается из объятий друзей и в слезах бежит к стоящему в стороне Сергею Таманцеву. Крепко обнимает его...

И вдруг на экране возникает совсем другой стадион. Другая публика.

Полощутся на ветру флаги шестнадцати стран — участников финального розыгрыша первенства мира по футболу. Здесь собрались люди со всех концов света.

Над центральной трибуной — эмблема с изображением футболиста с мячом. Гремят аплодисменты.

Президент международной федерации футбола вручает советской команде кубок ФИФА.

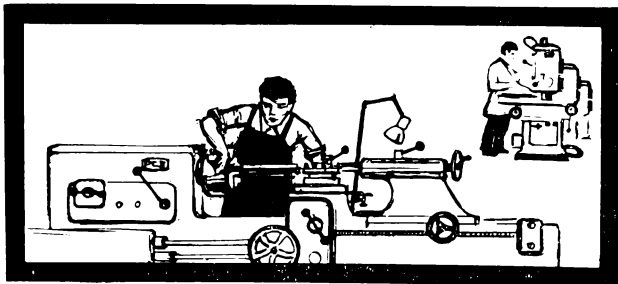
Мы слышим голос Николая Озерова: — Впервые в истории футбола советские футболисты стали чемпионами мира!!! Стучат колеса идущего поезда.

Под шум оваций футболисты сборной СССР несут флаг ФИФА, совершая круг почета.

...Стук колес поезда нарастает. Ночь. В полусвеченном коридоре вагона у окна в глубокой задумчивости стоит Воронцов.

Он поворачивается. С улыбкой смотрит на нас, негромко говорит:

— А ведь это когда-нибудь будет. Обязательно будет!

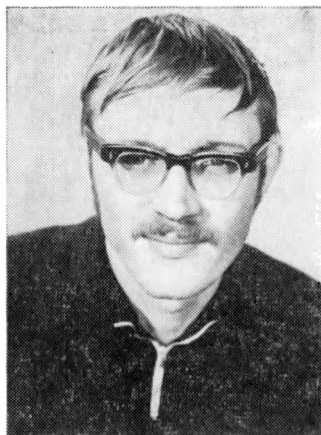

В. Поточный

**ПОТРАСАЮЩИЙ
БЕРЕЗДЕЕВ**

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПОТОЦКИЙ (родился в 1944 году) работал слесарем на трубном заводе, служил в рядах Советской Армии. В 1970 году закончил сценарный факультет ВГИКа, работал редактором на Свердловской киностудии. Его стихи и проза публиковались в журналах «Урал» и «Уральский следопыт».

По публикуемому в альманахе литературному сценарию «Потрясающий Берендеев» фильм ставит режиссер Игорь Вознесенский на киностудии им. М. Горького.

Взгляд медленно скользит по картонным домикам. Коричневые, серые, красные... Одноэтажные, двух- и трехэтажные... С поблескивающими целлофановыми окошками, с проволочными телеантенками на крышах... Все — почти правдоподобнее — очень похоже на натуральный город.

— Город наш, друзья мои, уже в настоящий момент можно мысленно разделить на две части, — слышен голос Степапа Николаевича. — Одна часть — это там, где мы с вами живем и существуем. Вторая часть это пока фантазия, — по-архитектурному выражаясь — проект...

Взгляд, скользивший низом, по коричнево-серо-красному, теперь обращается кверху — и белый, ослепительный 10-20-этажный — открывается зрителю Город Будущего.

— Вот это наш Трубинск образца двухтысячного года!.. Почему я с этого начал? Сейчас поймете. Зайдем с другой стороны, отсюда виднее.

Теперь весь макет открывается с высоты «птичьего полета».

— Дело в том, что Берендеев Сергей, о котором я сейчас расскажу... Федор, зажги огонек. — В одном из старых домов, на третьем этаже, загорается целлофановое окошко — и медленно, медленно приближается к зрителю... — Что Берендеев Сергей проживает как раз на окраине Трубинска. И что символично, — окно его комнаты смотрит в ту сторону, где будет стоять новый город, то есть окно его смотрит в будущее, товарищи... Вот, улица Разина, дом пятнадцать.

Мерцает, горит, надвигается на зрителя целлофановый огонечек...

Из окна был виден кусок пустыря, и по нему ползал трудяга-бульдозер.

Сергея, впрочем, взглянул в окно только мельком — он был занят, и занятие его требовало предельной сосредоточенности. Он медленно пятился от окна, разматывая длинный карандашного диаметра шнур. Уложив этот шнур на пол, Серега уселся в кресло, взял конец шнура и посмотрел на него задумчиво. Потом достал спички.

— Сережа! Ты что там делаешь? — раздался из другой комнаты голос матери.

— Думаю, — ответил Серега, поджигая спичкой конец шнура.

Серегины родители были в это время заняты будничными делами. Мать — крупной энергичной комплекции женщина — гладила белье на складном столике. Щуплый Берендеев-отец лежал на диване с книжкой.

— Думает он, — вздохнула мать.

— Интересное, Нина, явление, — сказал отец, перелистывая страницу. — Вот, послушай: каждое утро, на рассвете, из озера всплывает огромное чудовище с головой змеи...

— Пойди посмотри, чем занят ребенок, — перебила его мать.

— Сейчас, — сказал отец, поджав ноги в полосатых носках и поудобнее устроившись на диване.

— Нервов уже не хватает, — пожаловалась мать. — Вчера опять завуч встретила. Говорит, что Сереге пора сменить обстановку. Ехидно так выделил: сменить обстановку...

— Это который завуч? — спросил Берендеев-отец, не отрываясь от книжки.

— Из 13-ой, Семен Андреевич.

— А-а, рыженький такой!

— Рыженький, ехидный... А я говорю: «Нам его переводить больше некуда,

все школы уже прошли». А он говорит: «Почему вы решили, Нина Петровна, что именно наша школа обязана нести этот крест?» Это Серега — крест!

— Да-а, странная терминология, — рассеянно сказал Берендеев-отец.

— Вроде чем-то пахнет, — сказала мать, беспокойно понюхав воздух.

— Почудилось, — сказал Берендеев-отец.

— Да, а потом он и говорит: «А вы его в ПТУ устройте, Нина Петровна. В профтехучилище! Приобретет, говорит, специальность и рабочую закалку...» Это Серегу — в ПТУ! Что он у нас — неспособный какой-нибудь?! Вполне нормальный ребенок, и по физике одни пятерки.

— Вот еще интересный факт, — сообщил Берендеев-отец. — Есть в африканских водоемах такая рыбка карнеро...

Про рыбку карнеро он не успел досказать. За стеной послышалось явственное шипение, перешедшее в оглушительный свист, затем в полуметре от головы Берендеева-старшего треснула штукатурка, что-то хлопнуло, как пробка от шампанского, — и в стене образовалось аккуратное, с кулак величиной, отверстие. Из отверстия густо повалил дым.

Мать застыла в оцепенении.

Берендеев-отец с любопытством потрогал края отверстия и сморщился от дыма.

— Ну и стеночки нынче строят, тоньше картонных...

Дверь в комнату отщепилась. Просупилось веснушчатое лицо Берендеева-сына.

— Пахнет у вас? — спросил он осторожно.

— П-попахивает, — заикнувшись, сказал отец.

Мать не пошевелинулась.

— Ошибя немного, — сказал Сергей. — В следующий раз рассчитаю точнее.

— Новая рубашка!!! — вскрикнула мать.

На гладильном столике, на распластанной новой рубашке, лежал некий конусообразный предмет и мирно источал ядовитый

то-желтый дымок. Мать посмотрела на этот дымок, потом на дыру в стене.

— В ПТУ! — закричала мать, приходя в себя окончательно. — В училище! На завод! Куда угодно! Боже мой, за что этот крест?

В следующее мгновение звуки исчезли: что-то кричала, размахивая утюгом, Серегина мать; что-то говорил успокаивающее Берендеев-отец; оправдываясь, пожевываясь, Серега, — все это беззвучно, в слоях ядовитого, расплзающегося дыма...

— Фазаны! — залихватски, в три пальца свистнув, крикнул пацан разбойного вида. — Дядя Степа идет!

«Фазаны» тотчас рассыпались по классу, кто-то на бегу успел стереть рукавом с доски половину нарисованного мелом портрета. Голова, однако, осталась. Мальчишечья челочка. Пожилое лицо с несколько оттопыренной пижней губой... Через секунду вошел и сам прототип — Степан Николаевич Папаханов.

— Так, — сказал он, оценивая свое изображение. — Рафаэлей из вас не выйдет!.. Однако, сходство на этот раз имеется. — И повернулся к классу.

Восемнадцать пацанов и четыре девушки смотрели на С. Н. Папаханова бесовски веселыми, молодыми глазами.

— Здравствуйте, — сказал Папаханов.

— Здра-а-сте... Степан Николаич... — востроено поздоровался класс.

— Садитесь, — сказал Папаханов. — Пока вы свеженькие, объясню вам новую тему — «Твердость». Твердостью называется способность материала сопротивляться сдавливанию в него другого, более твердого тела... Запиши, Бердичевский!..

Бердичевский, замухрышка с востреньким личиком, охотно застрочил авторучкой.

— Измерение твердости, Бердичевский, производится несколькими способами... — Степан Николаевич встал, подошел к доске, взял брусок мела и посмотрел на него подозрительно, словно ожидая подвоха. Мел был как мел. И, потрогав двумя паль-

цами переносицу, Степан Николаевич успокоился.— В частности,— продолжил он объяснение,— твердость сырых незакаленных сталей, а также чугуна и цветных металлов, определяется на прессе Бринелли. Деталь устанавливаем на подъемный столик, затем с определенным — с определенным, Бердичевский! — усилием давливаем стальной закаленный шарик...

Степан Николаевич замолчал и прислушался — что-то мешало.

В первом ряду у окна, рядом с Берендеевым Серегой, меланхоличный лохматоголовый переросток Равиль тихонько мурлыкал: «Не родись красивой, а родись счастливой...» Мурлыкал, очевидно, сам для себя, от задумчивости.

— Равиль, прекрати пение,— терпеливо сказал Степан Николаевич, глядя на доску и не оборачиваясь.

Равиль послушно прекратил.

— Стальной закаленный шарик,— повторил Папаханов.— Число твердости по Бринеллю измеряется в килограммах на квадратный миллиметр и обозначается буквами *НВ*.

Он написал на доске, рядом со своим портретом, две буквы и спросил, повернувшись к классу:

— Бердичевский, ты чем там занят?

Щуплый Бердичевский потрошил на белом тетрадном листе окурки, намереваясь крутить сигарку.

Степан Николаевич подошел к Бердичевскому, посмотрел с любопытством.

— Так,— констатировал он.— На курево у тебя не хватает.

— Не хватает,— вздохнул Бердичевский, честно глядя на Папаханова.

— Встань,— сказал Папаханов. И к классу:— Обратите на него внимание! Это токарь. Будущий токарь-универсал! Рост — метр сорок девять сантиметров...

— Метр пятьдесят,— поправил Бердичевский.

— Метр пятьдесят! — согласился Папаханов.— При таком росте он еще курит!

Четыре девушки, занимавшие два передних стола, прыснули. Восемнадцать пацанов заготовали.

— Садись. Скоро ты усохнешь до дециметра, Бердичевский! — с пафосом пообещал Степан Николаевич, дождавшись, пока воспитанники слегка поутихнут. Затем вернулся к доске: — Одним словом, число твердости по Бринеллю обозначается буквами *НВ*!

Осторожно покосившись на свой портрет, Степан Николаевич начал пристраивать на доске формулу.

— Не родись краси-и-вой! — снова меланхолично затынул татарин Равиль.

— Я тебя запишу в хоровой кружок, Равиль,— не оборачиваясь, попугал Степан Николаевич.— Будешь посещать два раза в неделю, по средам и воскресеньям! Равиль замолк.

Степан Николаевич посмотрел на формулу, наморщил лоб и помял пальцами переносицу.

— На чем мы остановились? — спросил он рассеянно. Затем отвернулся от доски.— Селиверстовы, что вы пишете?

Поднялись Селиверстовы — брюнет и блондин.

— Объяснительную, Степан Николаевич,— сказал один.

— Какую объяснительную?

— За вчерашний прогул. Вы сами велели,— сказал другой.

— После уроков напишете.

— Ладно,— согласились Селиверстовы и сели.

— Так на чем мы остановились?.. Да! Между пределом прочности при растяжении и твердостью по Бринеллю существует, Бердичевский, следующее соотношение: для кованой и катаной стали...

Степан Николаевич подчеркнул мелом формулу и начал пристраивать рядом следующую.

Что-то опять мешало. Опять он помял переносицу, вздохнул утомленно:

— Берендеев! Ты-то чем увлекся?

Сергея, до этого сидевший задумчиво, теперь был явно чем-то вдохновлен и взволнован. Быстрыми-быстрыми, электрическими движениями он что-то чертил в тетрадке.

— Голография, Степан Николаевич,— сказал он, когда Папаханов подошел к нему.

— Голо... что?

— Голография. Новый способ объемного изображения! Представляете: обыкновенный листок бумаги, а посмотришь — и на нем все движется как живое,— с увлечением пояснил Сергей.— Ну, например, меня нету, а поглядишь — и я там, на бумаге, словно живой! Понимаете? Очень интересный способ. Если бы где-нибудь раздобыть небольшой лазер, я бы вам показал...

Папаханов внимательно слушал — и в ушах его нарастал комариный, невыносимой тонкости звон. Мало того, Берендеев Сергей вдруг начал раздваиваться: уже не один, а два Берендеева — зеленый и синий — сидели перед Степаном Николаевичем. Причем, Берендеев-зеленый смотрел на Степана Николаевича сочувственным понимающим взглядом, как на больного человека...

Степан Николаевич зажмурился, потискал пальцами переносицу — и все стало на свое место.

Но тут зазвенел, заверещал по коридору звонок, зазывая население ПТУ № 8 на перемену.

Когда Сергей торопливой походкой вошел в туалет, там — на фоне широкого закрашенного белилами окна — сидели на подоконнике, упервшись каблукми резиновых мушкетерских сапог в ребра отопительной батареи, три «деда» («дедами» в ПТУ называли учеников-старшекурсников, прочие же воспитанники именовались «салагами»).

— Эй, салага! — позвал один из «дедов», громко с виду.— Дай-ка закурить.

Сергея посмотрел на него удивленно.

— Я не курю.

— Чего так?

— Глухой процесс отравления организма,— ответил Сергей, с достоинством направляясь в кабинку.

— Ну-ка, стой. Подожди-ка сюда.

Сергея подошел.

— Чего это он такой умный? — спросил, обращаясь к друзьям, громко.

— Врежь ему, Юнга, — посоветовал один из них, сидевший подремывая, с закрытыми глазами.— Будет «дедов» уважать.

И Юнга лениво сложил пальцы щипчиками, протянул руку, намереваясь схватить Сергею за нос.

— Чё ты? Чё ты? — еще больше удивился Сергей и отстранил его руку.

— Сопротивляется! — в свою очередь удивился Юнга.

— Врежь, Юнга, врежь! — посоветовал второй дружок.

— Придется... — Юнга сполз с подоконника, дернул Сергею за шиворот.

— Ну-ка, кончай, — послышался тут еще один — спокойный — голос. Рядом с Сергеем появился его одноклассник Шура Петров. Был он не выше Юнги ростом, но заметно плечистее, и сила в нем чувствовалась уверенная.

— Кончай, говорю, — повторил он, неторопливо вытягивая большие кулаки из карманов.

На спортплощадке во дворе училища проходил урок физкультуры, и Шура Петров подтягивался на турнике.

— ...Четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать... — считал четким голосом физрук, и вся группа, скопившаяся у турника, уважительно смотрела на сильные Шурины мускулы, перекатывающиеся под белой майкой, и тоже хором считала:

— ...Тридцать семь... тридцать восемь... тридцать девять... — Подтянувшись тридцать девять раз, Шура с турника спрыгнул.

— Хватит, надоело,— сказал он без признаков утомления.

— Петрову — зачет,— объявил физрук.

— Вот это Шу-у-ра!..— восхитился щупленький Бердичевский.

Берендеев же отозвал Шуру в сторону.

— Есть разговор,— сказал Берендеев.

С деловитым выражением лица он осмотрел выдающуюся Шурина фигуру. После спросил:

— Можно потрогать?

— Потрогай,— великодушно позволил Шура, и Серега потрогал выдающийся Шурин бицепс.

— Ну и здоровый же ты! — сказал Берендеев, удовлетворенный осмотром.

— Да ничего,— согласился Шура и стал надевать рубаху.— Ты смотри, если еще раз Юнга полезет, скажи мне...

— А! — небрежно отмахнулся Серега.— С Юнгой я сам как-нибудь...— В глазах Сереги явно созрела какая-то идея, какой-то деловой интерес.— Ты мне для другого, может, понадобится...

И Шуре это не понравилось.

— «Понадобиться!» Ишь, деловой...— обиделся Шура и, с треском одернув рубаху, двинулся прочь.

— Чё ты? Чё ты? — удивленно прокричал ему вслед Серега.

Павел Иванович, мастер производственного обучения, шел по широкому бетонированному проходу между двумя рядами огороженных проволочной сеткой токарных станков. Шел и чему-то тихо радовался. На добром русском лице Павла Ивановича то и дело пробивалась улыбка; одетый в комбинезон, он походил на увальня-медвежонка Винни Пуха из детской сказки.

Гудели универсальные, токарно-винторезные, модели 1К62, и в этом гудении мастер, вероятно, улавливал некий музыкальный мотив, располагавший к хорошему настроению.

За одним из столиков, в комбинезоне, в берете и защитных очках, трудился Серега.

Он следил, как медленно движется каретка, как завивается в сизую пружину стекающая с резца стружка, и веснушчатый нос Берендеева потел от волнения.

— Останови на минутку! — подошел к Берендееву Павел Иванович.

Серега суетливо крутнул рукоятку поперечной подачи, суетливо, не враз отыскав, нажал кнопку,— станок затих.

— Ты его не бойся,— сказал Павел Иванович, пронаблюдав Серегины нервные действия.— А на кнопку надо плавно давить... как в масло ее вдавливай, в сливочное...

Павел Иванович нажал четыре раза на кнопку — большим, широким, как бы сплюснутым пальцем правой руки. Станок заурчал коротко, затих, опять заурчал и опять затих.

— Так вот! — пожмурился Павел Иванович от удовольствия.— А что это ты вытачиваешь?

— Штуку одну,— ответил Серега, сдвинув на лоб очки и вытирая вспотевшую переносицу.

— Штуку,— обиженным голосом повторил Павел Иванович. И настроение его заметно подпортилось.— А у тебя ведь задание, Сергей Васильевич. Выточить двадцать болтиков.

— Болтики я уже выточил.

— Двадцать?

— Ага.

— Все равно,— вздохнул Павел Иванович.— Посторонние предметы вытачивать не положено... А что за штука-то? — любопытствовал он, оживляясь.

В кулачках шпинделя была зажата почти готовая, ничем не примечательная деталь, вроде футлярчика от зубной щетки, и Павел Иванович смотрел на эту деталь неодобрительно.

— Да так,— уклончиво ответил Серега.— Мелочь, Павел Иванович...

Мелочь, штука, деталь, похожая на футлярчик, зажата кулачками, таинственно отдавала холодным металлическим блеском...

Легкими прыжками Серега сбежал со второго этажа, и тут его окликнули:

— Эй, салага! Иди-ка сюда!

В темном закутке под лестницей, прилепившись спиной к стене, стоял Юнга, и увидев его, Серега даже обрадовался.

— А! Это ты! — сказал он, засунув руки в карманы и подходя к Юнге небрежной походкой.

— Дай-ка десять копеек,— лениво приказал Юнга.

— Не дам,— сказал Берендеев уверенно.

— Нету, что ли?

— Нет, почему? — высокомерно сказал Серега.— Есть, да не дам!

И Юнга лениво отлепился от стены.

— Сегодня ты у меня схлопочешь...

— Погоди,— сказал Серега с прежним высокомерием.— А то хуже будет.

— Чего-о-о? — удивился Юнга.

— Я сказал, хуже будет.

— Мне?! — поразился Юнга.

— Тебе!..

В следующий миг случилось весьма неожиданное: громлоподобный Юнга медленно двинулся на Серегу, Серега не спеша вытянул из кармана правую руку, и между его рукою и носом Юнга протрещала красивая, длинная электрическая искра!

Юнгу отшвырнуло к стенке. Он хватнул ртом воздух, раздул страшно ноздри и бросился на Серегу вторично. И опять протрещала искра... На этот раз Юнга шмякнулся о стенку задом, сполз по стене — и сел.

— В воздухе запахло электричеством! — театрально объявил Берендеев и спросил, наклонившись, с участием: — Хватит тебе?

Юнга ошалело захлопал глазами. Потом толстые его губы дрогнули, искривились, расквасились...

— Га-а-д...— рыдая, ответил Юнга.

Металлический предмет, похожий на футляр от зубной щетки, лежал на полированном столе директора и мирно поблескивал.

— Случай-то пустяковый. Вот в позапрошлом году был случай...— говорил Павел Иванович.

Тут зазвонил телефон.

— Директор Папаханов слушает,— поднял трубку Степан Николаевич. И правая его щека нервно дернулась.— Да... да-да... Примем меры. Примем меры... Из школы звонили,— объяснил он, повесив трубку.— Опять Селиверстовы с английского убежали... Пустяковых случаев в нашей практике, увы, не бывает. У него вон зазубрина на носу! Он плачет!

— Я б ему две зазубрины сделал. Юнгу этого давно пора проучить.

— Павел Иванович!..

— Молчу,— смутился Павел Иванович.— А Берендеев паренек положительный, смысленный паренек. По всем предметам пятерочник.

Степан Николаевич двумя пальцами взял берендеевский «футлярчик», опасно оглядел его.

— Хм,— сказал он.— Положительный!..

— Интересная очень конструкция! — заметил Павел Иванович.

И опять затрещал телефон.

— Директор Папаханов слушает... Да... да... да...— Щека Степана Николаевича опять дернулась, поползла и сместилась вбок.— Хорошо, примем меры. Примем меры,— сказал он.— До свидания.

Осторожно положив трубку, он посидел секунду в оцепенении, после задумчиво потрогал щеку и, поднявшись со стола, понес берендеевский «футлярчик» к раскрытому сейфу. Брезгливо понес, двумя пальцами, как лягушку.

— Интересная очень конструкция,— робко подал голос Павел Иванович.

— Здесь пускай полежит! — ответил директор.

И толстая стальная дверка сейфа захлопнулась с глухим звуком.

За окном красиво падал первый снежок.

— Что удивительно, Нина, строение снежинки строго геометрическое,— задум-

чиво говорил Берендеев-отец, глядя в окно.— Во-первых, они симметричны, во-вторых, форма их...

Мать сидела на тахте и вязала, прислушиваясь.

— Удивительно,— сказала мать.— Второй месяц без приключений. Уж не хворает ли... Сережа! Ты что там делаешь?

— Слушаю последние известия,— донесся из другой комнаты голос Сереги.

— Известия слушает,— покачала головой мать.

— И что еще интересно,— продолжил отец,— пятиугольных снежинок в природе не бывает, это только художники такие рисуют. А углов у снежинки всегда четное количество — шесть, восемь и так далее...

— Интересно,— сказала мать,— неужели это училище на него повлияло? Даже не верится.

— А неплохо бы все-таки найти пятиугольную снежинку,— мечтательно пропел Берендеев-отец.

— Господи! — вздохнула мать, наконец-то выкинув в его слова.— Лучше пойдешь посмотри, чем занят ребенок... Сережа! Ты что там притих?

Вместо ответа Серега в другой комнате врубил на всю мощность приемник. Мать вздрогнула. Приемник вещал левитановским голосом: «...Таким образом, анализ марсианской атмосферы показал, что содержание кислорода в ней...»

Столовая ПТУ № 8. Все уже отобедали. За столиком в углу сидят только двое: Берендеев и Шура Петров. Шура без аппетита дожевывает котлету. Берендеев ждет терпеливо.

Наконец Шура дожевал.

— Компотику выпей,— заботливо сказал Берендеев.

Шура вздохнул и выпил.

— Шура,— вкрадчиво начал тогда Берендеев,— ты мне нужен.

— Ну,— сказал Шура.

— Понимаешь, такое дело...— Лицо Берендеева сделалось очень значитель-

ным.— Я тут прикинул и, знаешь, что думаю? Марс — это все-таки необитаемая планета.

— Ну? — сказал Шура и задумался.— А я-то здесь при чем? — сказал он потом.

— Слушай дальше! — вдохновился, зажегся, электрически задвигался Берендеев.— Раз он необитаемый — нам с ним возиться нечего! Правильно?

— Ну,— согласился, подумав, Шура.

— Надо по-быстрому на другое переключиться! Надо теперь заняться чем?..

— Чем? — спросил Шура, еще раз подумав.

— Проблемой Контакта! — убежденно стукнул ладонью по столу Берендеев.

И замахал, задергал руками. И движения его убыстрялись и убыстрялись, как в немом кино. Видимо, для наглядности и убедительности Серега молниеносно расчистил стол, поставил в разных концах его две тарелки, потом натряс между тарелками красного перца из перечницы, потом вилку схватил и продолжил объяснение, размахивая вилкой...

...Проблема Контакта, как потом выяснилось, давно уже его волновала. Сергей был уверен: где-то в системе Альфа Центавра существует иная цивилизация...

Шура сидел неподвижно.

Потом, не выдержав бурного натиска, согласно кивнул головой.

В вестибюле общежития ни души — пусто было.

— Так я и знал,— удовлетворенно констатировал Берендеев, оглядев помещение.— Я тебе говорил, никого не будет!

Шура Петров на плече держал большую голубую сумку с надписью «АЭРОФЛОТ», по виду очень тяжелую. Шура был удивлен.

— Все рассчитано, понял?! — хвастливо объяснил Берендеев.— Сегодня хоккей! Часа на три общежитие в нашем распоряжении!.. Ты в какой комнате живешь?

— В девятой.

— Окна на юг?

— На юг,— сказал Шура.

— Ладно, тащи туда! — скомандовал Берендеев.— Я пока прогуляюсь.

Шура потащил тяжеленную сумку к себе в комнату, а Берендеев, исподтишка озираясь, заложив руки за спину, начал прогуливаться по пустынному коридору.

Дверь в Красный уголок была распахнута, и оттуда доносились периодические дружные вскрики болельщиков.

Все население общежития напряженно, с полной отдачей переживало. Телеэкран светился мощным голубым светом, лица болельщиков были фиолетовыми, никто ничего кроме экрана не замечал.

В проеме двери появилась лохматоголовая фигурка Равиля.

— Кто мое масло взял из холодильника? — меланхолично спросил Равиль.

Никто ему не ответил. Только Павел Иванович, дежуривший в этот вечер по общежитию, обернулся и поморщился на Равиля.

Равиль постоял и ушел.

Берендеев, заложив руки за спину, стоял и делал вид, что рассматривает портреты передовиков, развешанные на стене по коридору.

— Оттащил? — спросил он, не меняя позиции.

— Ну,— сказал Шура, озираясь.

— Не озирайся! — зашипел Берендеев.— Чё ты озираешься, будто кур воровал!.. Пошли!

И они двинулись к дверям красного уголка.

Хоккейный матч был в разгаре, когда похитители возникли в проеме двери.

— Кхэ! Кхэ! — громко покашлял Серега.

Болельщики не среагировали, и Берендеев на цыпочках прошел в угол, где на тумбочке темною глыбой виднелась радиопла.

— Заходи справа! — шепотом скомандовал он.— Поднимай!

Они подняли радиолу и потащили к двери. Потом Шура вдруг остановился.

— Чё ты? Чё ты? — зашипел Берендеев.

— Шнур не пускает.

— Выдергивай!

Шура одной рукой дернул шнур, сверкнул электрический разряд.. Фиолетовые лица болельщиков разом, как по команде, повернулись к дверям. Берендеев и Шура застыли в секундном оцепенении.

— Судью на мыло!!! — взвизгнул не своим голосом находчивый Берендеев.

Фиолетовые лица дружно повернулись к экрану, и похитители благополучно выбрались в коридор.

Тащил радиолу в основном Шура. Серега лишь сбоку поддерживал и мешался.

— Не семени! — шипел он.— Уй! На ногу наступил, бегемотина!

Шура обиделся и остановился.

— Брошу,— пообещал он.

— Не надо,— примирительно сказал Берендеев.

И дальше Шура один потащил, прижав радиолу к животу и обхватив ее руками.

Где-то на середине пути им встретился меланхоличный Равиль.

— Кто мое масло взял из холодильника? — придирчиво оглядел он друзей-похитителей.

— Не я же! — буркнул обидчивый Шура Петров.

— Топай-топай! — посоветовал Равилю Серега.

Они разошлись, и Равиль поволокся дальше по коридору.

В комнате Шуры стояли четыре койки, четыре тумбочки, четыре стула и один стол. На столе громоздилась похищенная радиопла, на стульях была разложена еще кой-какая аппаратура, кишмя кишевшая проводками, сопротивлениями и конденсаторами. Все это освещалось заговорщическим светом настольной лампы. Серега во-

зился с радшолой — отвинчивал заднюю крышку. Шура молча наблюдал.

— Радиола ВЭФ, пятидесятого года выпуска, — возбужденно приговаривал Серега. — На лампах собрана, сейчас такую фиг купишь, сейчас одни транзисторы выпускают...

— Э, — обеспокоился Шура.

— Мощная штука! Мне от нее попадется только блок усиления.

— Ты что с ней делаешь?

— Блок усиления — остальное не требуется, — не слушал Берендеев, продолжая курочить радиолу. — Плоскогубцы! — скомандовал он, как хирург, не глядя, протянул руку.

Шура с места не двинулся.

— Плоскогубцы! — нетерпеливо пошевелил пальцами Серега и поглядел на Шуру.

— Мы не договаривались ее ломать, — сказал Шура. — Она казенная.

— Я не ломаю! — авторитетно объяснил Берендеев. — Я ее демонтирую! Подай, пожалуйста, плоскогубцы!

Шура нехотя порылся в голубой сумке, протянул плоскогубцы.

— Ты, Петров, не боись! Все будет как надо!.. Отвертку! — снова скомандовал Берендеев.

Шура подчинился.

— У меня, Петров, как в аптеке! Радиолуч пойдет остренький, как иголка! Лет шесть — и он там, на Центавре! Главное — антенну точно настроить. Эх, мне бы небольшую электронно-вычислительную... У тебя окна на юг?

— На юг, — буркнул Шура.

— Возьми-ка там в сумке радиоконпас. Круглый такой.

— Ну?

— Определяйся пока по звездам.

— Не умею я по звездам.

— Учиться надо, Петров!

Берендеев уже открывал форточку и выдвигал наружу трубчатую антенну. За окном была темень. Только горели, звеня в бесконечности, таинственные звезды...

Звезды в ту ночь были крупные, размером с кулак. И эти же звезды, как потом выяснилось, наблюдал контролер Копылов...

Контролер Копылов, сухощавый пожилой человек, стоял у окна и, выпятив волевой подбородок, пристально смотрел на далекие космические объекты. Лицо его было сосредоточенным, как у мальчишки, производящего какой-то сложный химический опыт. Уши его были плотно зажаты радионаушниками.

...Копылов работал на железной дороге, но тоже был в своем роде радиолюбитель! И была у него мечта. В свободное от работы время он прощупывал эфир — надеялся засечь какой-нибудь шпионский радиопередатчик...

Копылов разочарованно вздохнул и, путаясь в длинном проводе, который тянулся от наушников по всей комнате, отошел от окна.

В комнате была полутьма. Гудела самодельная аппаратура. Зеленым свечением светился экранчик осциллографа. Мигали красные, белые, синие сигнальные огоньки. Сидели в полумраке, играя в шахматы, еще два контролера — товарищи Копылова.

— Ну что там, Вася? — спросил один из них.

— Пусто, Коля, — ответил Копылов.

— Пусто... — повторил контролер Коля и двинул вперед ладью.

Копылов вздохнул и полез в карман за сигаретой.

В общепитии Сергей Берендеев закончил монтировать свою установку и сидел, нацепив наушники и держа руку на телеграфном ключе.

— Итак! — провозгласил он торжественно. — Начинаем сеанс космической радиосвязи! — Он бойко отстукал ключом морзянку. — Погляди, сигнал есть?

— Где глядеть-то? — буркнул Петров, все еще переживающий за раскуроченную радиолу.

— На шкале, а то где же?! — нетерпеливо вскричал Берендеев. — Не в окошке же.

И Шура Петров обиделся:

— Сам смотри, если умный. — И пошел в коридор.

— Куда ты? — спросил Берендеев. — Смотри, пожалеешь! — пообещал он вдогонку. — Обидчивый, тоже мне... — И, поерзав на стуле, сосредоточился...

Трубчатая антенна, выдвинутая из форточки, была направлена острием на звездную систему Альфа Центавра. Исторический момент приближался...

Над городом Трубинском — в морозном воздухе — запищала морзянка...

Вспыхнула красная лампа тревоги.

Змейкой забился на осциллографе нервный сигнал.

Загудел зуммер.

Контролер Копылов вздрогнул и вырвал незажженную сигарету.

— Что? — спросил, отвлекшись от шахмат, контролер Коля.

— Квадрат Е8-Ц5! — лихорадочно закрутил ручки настройки Копылов. — Незарегистрированный радиопередатчик средней мощности!

«...Квадрат Е8-Ц5... Радиопередатчик в квадрате Е8-Ц5...» — эхом пронеслось над морозным, над ничего не подозревающим мирным городом Трубинском.

...В красном уголке общежития фиолетовые лица болельщиков вытянулись от напряжения, стояла мертвая тишина, чреватая взрывом, — Александр Якушев с подачи Михайлова пытался провести в ворота канадцев шайбу...

Допотопный помятый «Москвичок» с фантастической скоростью летел по ночному городу. Визжали тормоза. Метался свет

фар. Взмокший контролер Коля невероятно быстро крутил баранку.

— Скорее! — азартно кричал Копылов. — Выложись, Коля! Выложись!

Шайба прошла в ворота! Счастливый Якушев обнимал Михайлова. Красный уголок взорвался восторженным воплем...

«Москвичок» с жутким визгом затормозил, прокрутился два раза вокруг собственной оси и стал как вкопанный.

Первым выскочил Копылов. В руках у него был плоский, размером с карманный транзистор прибор. За Копыловым выскочили двое его друзей.

— Вперед! — возбужденно скомандовал контролер Копылов.

Группа на цыпочках ворвалась в общежитие ПТУ № 8.

Вестибюль был пуст. Коридор был пуст. Копылов двигался от дверей к дверям, поглядывая на свой прибор. Под номером «9» прибор задребезжал, загорелась крохотная, как малининка, лампочка.

— Здесь, — шепотом сказал Копылов.

Сергея сосредоточенно выстукивал ключом морзянку, когда тяжелая рука Копылова опустилась на его плечо.

— А, это ты? — сказал Берендеев, не оборачиваясь.

— Угу, — взволнованно подтвердил Копылов.

— Пришел, значит, все-таки?.. Ладно, не мешайте, уже заканчиваю.

— Руки вверх, — торжественно произнес Копылов.

— Да не мешай ты! — сердито повторил Берендеев, обернулся, и веснушчатое его лицо вытянулось по вертикали.

Сработала фотовспышка. Потом еще раз, еще и еще... Это второй шахматист сделал серию снимков:

...на первом снимке — вытянутое от удивления лицо Сереги;

...на втором снимке — Серега с поднятыми руками, рядом — контролер Копылов;

...на третьем, четвертом и пятом — Серегина аппаратура, разложенная на столе и на стульях, проводами опутанная;

...на шестом — лица любопытных обитателей общежития, теснящихся у входа в комнату;

...на седьмом снимке — несколько разочарованное лицо Копылова.

— Руки можешь опустить, — сказал Копылов. — Чье задание выполняешь?

— Ничье, — ответил Серега, опуская руки. — Я сам по себе... У меня Контакт. С системой Альфа Центавра...

— Альфа Центавра? — оживился контролер Копылов. — С кем работал?

— Ни с кем...

— Один, следовательно?

— Со мной он работал, — слышался бас Шуры Петрова, и мужественный Шура шагнул в комнату.

— Встать рядом, — приказал Копылов, молниеносно обернувшись. Шура встал рядом с Серегой и поднял руки. Серега посмотрел на Шуру — и поднял руки тоже.

В этот момент, расталкивая любопытных, в комнату протискивался Павел Иванович.

— Пустите, ребята... Ну-ка... Это недоумение, товарищи... Я сейчас...

В кабинете милицейского подполковника рядом сидела четверка задержанных: похурившийся Берендеев, спокойный мужественный Шура, взволнованный Павел Иванович и меланхолик Равиль, которого прихватили на всякий случай.

Напротив них восседали гордо три контролера.

— Квадрат Е8-Ц5, — сказал подполковник, отдернул штору и заглянул в секретную карту, которая висела за шторой. — Квадрат Е-8-Ц5, — сказал он и штору задернул.

Серегина аппаратура громоздилась, занимая весь стол подполковника. Подполковник с любопытством оглядел всю эту

технику, усмехнулся, озорными глазами посмотрел на друзей-контролеров, потом на задержанных.

— Ну-ну-с! Так кто из вас шеф?

— Я, — страдая, поднялся Павел Иванович.

— Здесь пускай полежит, — сказал директор С. Н. Папаханов, закрыв дверку сейфа. — А где радиопла?

— Радиопла они вернули, — ответил Павел Иванович. — Берендеев ее восстановит.

Павел Иванович сидел перед директором, опустив голову, как провинившийся школьник. Лысина его поблескивала. Он страдал.

— Удивляюсь вашему спокойствию, — сказал директор.

— Восстановит, он мозговитый...

— «Мозговитый!» — саркастически улыбнулся директор. — Гнать из училища таких мозговитых! Без них приключений хватает!..

Лицо его вдруг застыло... Это зазвонил телефон. Правая щека Степана Николаевича дернулась, медленно сместилась вбок. Он посмотрел на телефон, и телефон начал раздвигаться...

— Что это со мной? — спросил Степан Николаевич плачущим голосом, потом с робостью поднял трубку и долго слушал, кивая головой...

— Да... — кивал Степан Николаевич. — Примем меры... Примем строгие меры...

— Сегодня наша комсомольская группа собралась обсудить проступок наших товарищей, — горячо выступала Катя Тугаринова, очень красивая девочка. — Нет слов, чтобы выразить наше возмущение их поведением. Я... Я не знаю, что сказать... — Катя искренне волновалась. — Я не знаю, что спросить...

Провинившиеся стояли перед классом. Серега переминался с ноги на ногу. Шура стоял по стойке «смирно».

— Что вас на это толкнуло? — спросила взволнованная Катя.

Берендеев поднял глаза и посмотрел на нее долгим взглядом. Катя Тугаринова Берендееву правилась.

— Что вас на это толкнуло? — повторила она.

В классе установилась гробовая тишина. За окном падал снег.

Билась о стекло отощавшая зимняя муха.

— А Петров-то при чем? — подал голос щупленький Бердичевский. — Он же только тащил!..

Мать размахивала перед носом Сереги синим листком бумаги.

— Пятьдесят рублей штрафа! Я так и знала! Я так и предчувствовала! — восклицала она патетически. — «За выход в эфир...» — прочитала она в бумаге и всхлинула. — Зачем ты выходил в этот эфир?.. Дома тебе не сиделось, да?.. Да?..

Серега молчал.

За окном валил снег.

Любознательный Берендеев-старший стоял у окна и разглядывал снежинки.

— А ты что молчишь? — плача, набросилась на него мать. — Скажи что-нибудь. Ты отец!

— Мм... Как ты думаешь, Сергей, если сигнал дойдет до Альфы Центавры и...

И мать возмущенно всплеснула руками.

Дядя Артур, 150-килограммовый мужчина в черном сатиновом халате, медленно поднимался животом вперед по ступеням училища. На лестничной площадке он задержался передохнуть, и тут ему встретился хулиган Юнга.

— Дядя Артур, закурить не найдется? — льстиво попросил Юнга.

— Мал еще! — добродушно пыхтя, ответил дядя Артур. — Когда стричься будешь?

Юнга потрогал свои роскошные патлы, хохотнул:

— В армии подстригут!

— Ладушки, — пропыхтел дядя Артур. — Что-то давненько у меня не гостил... Хулиганить перестал, что ли?

— Ну!

— Ладушки. А скажи-ка мне, орлик, кто тут у вас Петров и Берендеев?

Юнга вздрогнул. Улыбка моментально сползла с лица Юнга.

— Не знаю, — буркнул Юнга, опасно зыркнул по сторонам и заторопился вниз по лестнице.

Дядя Артур посмотрел ему вслед с недоумением, затем продолжил восхождение.

Серега и Шура, ведомые дядей Артуром, спускались в подвальное помещение.

— Это директор послал вас в командировку! — добродушно объяснил дядя Артур. — Вроде наряда вне очереди. Будете у меня перевоспитываться. У меня, орлики, все перевоспитываются...

На двери был прикреплен лист ватмана: «Кочегар Артур Брагин».

Дядя Артур открыл дверь, вежливо пропуская гостей.

Помещение кочегарки было размеров весьма внушительных, и чистота всюду была идеальная. Ровно гудело пламя в двух огромных стальных, футерованных огнеупорными кирпичами печах; дрожали стрелки манометров; толстые, как удавы, трубы переплетались под потолком и терялись где-то во мраке; уголь черною лавой сползал по наклонному желобу внутрь кочегарки.

— У меня обстановка интеллигентная, сюда ни один звук не доходит, — сказал дядя Артур, когда Шура с Серегой надели халаты. И вручил каждому по метле. — Это вам вместо пылесосов. Задание поняли?

— Поняли, — буркнул Серега, отыскивая на халате пуговицы.

— Тогда приступайте, орлики.

Дядя Артур гигантской лопатой подбросил уголька в олну печь, поглядел, прищурясь, в огненный зев другой и пошел к себе в угол. В углу он включил самодельный,

исполненный в виде тюльпана торшер, прилегал на роскошный, обитый старинным желтым шелком диван, поерзал, устраивая поуютнее свои сто пятьдесят килограммов, и раскрыл солидную книгу, на обложке которой значилось: «Древневосточная философия».

Берендеев и Шура Петров скребли метлами бетонированный пол кочегарки.

— Чего его подметать, он чистый... — ворчал Серега, путаясь в большущем халате.

Шура помалкивал.

— Его каждый день кто-нибудь подметает...

Шура на Серегу не реагировал.

— Вчера, например, Бердичевский здесь перевоспитывался...

Шура методично работал метелкой.

— Чё молчишь? — не унимался Серега. — Думаешь, все из-за меня? Ну и пометем немного — подумаешь! Чё ты, устаешь, что ли, от этого?

Шура Петров молчал.

— Ну и мети! — разозлился Серега, бросил метлу, чихнул. — Мети давай, перевоспитывайся!

Он подошел неторопливо к окошку, выходящему в улицу на уровне земли. Подтянулся на цыпочках, посмотрел сквозь прихваченное морозцем стекло...

...Там, во дворе, красивая веселая Катя, беззвучно хохоча, кидала в кого-то снегом. Наклонялась, загребала снегу в ладошку, кидала, смеялась и опять наклонялась...

Серега вздохнул и отошел от окна.

Гудели универсальные, токарно-винторезные, модели 1К62. За оградительными проволочными сетками — если идти вдоль этих сеток — видны были ученики-пэтэушники. Работали все по-разному: суетился, мельтешил, крутя рукоятки, щупленький Бердичевский; с плавной меланхолией, напевая что-то под нос, трудился лохматого-

ловый Равиль; недвижною глыбой, ссутулившись, стоял у станка Шура Петров; нервно покусывая губы, измерял деталь штангенциркулем Берендеев...

На Берендеева Павел Иванович задержал взгляд. Затем подошел к нему.

— Что у тебя? — спросил он обеспокоенно.

— Запорол, — ответил Серега. — Две сотки лишние снял.

— Так. — Павел Иванович отобрал у Сереги штангенциркуль, сам измерил деталь и вздохнул: — Не две, а четыре, Сергей Васильевич.

Серега опустил голову.

— Я уж давно за тобой наблюдаю, — сказал, помолчав, Павел Иванович. — Сейчас ведь уже не болтики, сейчас сложнее работа пошла. А ты... Ты без интереса работаешь... Вот. Все думаешь что-то. Думаешь что?

Серега молчал.

— Катя вон, Тугаринова — девушка! А лучше тебя освоилась...

Серега слегка вздрогнул и поднял голову.

Катя Тугаринова работала как раз напротив него. Красивая ее головка красиво склонялась над кареткой станка. Красивые щеки были покрыты матовым красивым румянцем. Красивые руки лежали на рукоятках. Вся она — эта Катя — была необыкновенно красивая...

Ее же прекрасный профиль — на фоне серебряно замороженного окна — Серега наблюдал в классе.

Катя болтала о чем-то с подружкой, а Берендеев был задумчив и грустен. К тому же все лицо его было исцарапано и замазано зеленой и от этого выглядело вообще печальным.

— Фазаны! — свистнул пацан разбойного вида. — Дядя Степа идет!

«Фазаны» разлетелись по местам; и в класс вошел директор Степан Николаевич.

— Доброе утро, — сказал он.

— Здра-а-сте... Степан Николаич... — хором поздоровался класс. — Как... ваше... здоровье?

Папаханов испуганно поднял брови.

— Спасибо, ничего, — сказал он, смеявшись. — Садитесь, пожалуйста.

Потом поискал кого-то глазами.

— Берендеев! — обратился к Сереге. — Я тебя вижу — или это опять голография?

— Вы меня видите... — поднялся печальный, перемазанный зеленкой Серега.

— Где это тебя угораздило?

— Стружкой задело...

— Стружкой, — устало кивнул Степан Николаевич. — Внимательней надо. Технику безопасности надо соблюдать... а не думать об Альфе Центавре!.. Садись. Объясню новую тему. «Допуски и посадки». Размер детали, Берендеев, полученный непосредственным измерением, называется действительным размером. А алгебраическая разность между действительным и номинальным размерами называется действительным отклонением. Таким образом, Берендеев...

Серега уже не слушал. Лицо его было меланхоличным, отрешенным от грубой действительности. Он взглянул на красивую Катю, достал из кармана авторучку, выдрал листок из тетради и начал, вздыхая, что-то записывать.

В Доме культуры, который располагался в здании ПТУ № 8 и занимал половину первого этажа, было время вечерних кружковых занятий. В коридоре было пусто и гулко. Где-то за дверью бречал струнный оркестр. Похоронно взывали духовые инструменты. Где-то кто-то пел «Светит месяц»...

Берендеев двигался по коридору расслабленной походкой.

У дверей с табличкой «Хоровой кружок» он остановился, прислушался и приоткрыл дверь.

За дверьми сводный хор ПТУ № 8 старательно тянул гаммы, и Берендеев зорко оглядел присутствующих. Третьим с краю

в первом ряду стоял татарин Равиль. «До-о, ре-е, ми-и, фа-а, с-о-ль, ля-а, си-и», — исполнял он вместе со всеми, но глаза его были закрыты, и он очевидно подремывал.

Берендеев захлопнул дверь.

— Петрова не видели? — спросил он у пробежавшего мимо пацана.

— Не-а, — ответил пацан, и Серега двинулся дальше.

За следующей дверью занимались танцоры. Здесь руководила глазастьенькая молодая преподавательница не по возрасту вялого вида.

— Нос назад. Нос на зрителя... — умиравшим голосом командовала она. — Веселее, девочки, это же кадрили... Острее флик, ровнее круг... Ливнию, ливнию...

Петрова и здесь не оказалось. Серега постоял, озирая коридор, затем еще одну дверь приоткрыл. Лицо его радостно ожило — и тут же приняло смиренно-печальное, с оттенком умиления, выражение.

Шура Петров сидел на стуле и играл на гармошке частушку.

Серега дал ему доиграть до конца — после позвал шепотом:

— Шура! Можно тебя на секунду?

На тебя я смотрю с волнением
и готов я смотреть целый век.
Ты — мимолетное виденье,
а я простой советский человек, —

с чувством декламировал Серега.

В моих глазах огонь пылает,
а в сердце засела гиря.
Да! Здесь меня никто не понимает.
Уйду я в дебри антимира...

Они сидели на барьере у раздевалок — в гулком пустом вестибюле, и голос Берендеева разносился по вестибюлю трагическим эхом.

— Это про Катю Тугаринову стихи, — вымолвил Шура после длительного, раздумчивого молчания.

Серега вздохнул и покивал головой.

— Да, — сказал Шура, — бывает.

Они помолчали еще, и вдруг Серега

оживился, какая-то мысль блеснула в его глазах, что-то он вспомнил или придумал.

— Шура,— сказал он хрипым от волнения голосом,— что ты знаешь про антимир?

Над городом Трубинском сгущалась очередная зимняя ночь. Загорались по одному и цепочками уличные огни, окна зданий. В беспредельной, в таинственной провре космоса звенели крупные звезды...

Друзья стояли в вестибюле перед большим зеркалом, и вид у Сереги был пзмочаленный.

— Да все же очень просто! — объяснял он, отчаянно жестикулируя.— Ну, что тут непонятного?! Вот, смотри... Вот это я, да? А вот мое отражение, это я в зеркале отражаюсь, понял? Там уже не я, там «антия», перевернутый, понял? Почему перевернутый? Потому что вот моя правая рука — в зеркале она левая. Вот моя левая — а в зеркале она уже правая. Это рука — а там «антирука». Здесь у нас мир — а там «антимир»... Непонятно?

Шура Петров пристально посмотрел в зеркало, подумал и сказал:

— Непонятно.

— Ладно,— устало кивнул Серега.— Начнем сначала.

И опять начал отчаянно жестикулировать. И слова его заглушила фантастическая, чавкающая электронная музыка, и музыка эта звучала до тех пор, пока он не кончил свое объяснение и не спросил, всклокоченный и взмокший:

— Понятно теперь?

— Вроде понятно,— ответил Шура.

— Ффуу,— выдохнул Берендеев и приложил разгоряченную ладонь к зеркалу.

Между его натуральной ладонью и ладонью-отражением вдруг просверкнули мелконькие электрические искры.

Серега рассеянно посмотрел на ладонь, потер ее о штанину и опять посмотрел.

— Наэлектризовался,— констатировал он.

За окном потрескивал январский мороз. Над Трубинском звенели крупные звезды. Была уже ночь...

...Проникновение в антимир Берендеев назначил на среду, на десять часов утра. Во вторник он торжественно обещал Шуру, что на этот раз тащить ничего не придется...

Княжну Тараканову захлестывали дикие воды. В глазах княжны застыл очевидный ужас. Мерзкие крысы в паннике шастали у пог кляжпы... Репродукция была прикреплена к классной доске в кабинете эстетического воспитания.

На преподавательском столе лежала початая пачка «Беломора» и спички.

Марья Димитриевна, пожилая, но энергичная старушка со слуховым аппаратом, прикрепленным к правому уху, объясняла новую тему.

— Я расскажу вам, дети мои, об интереснейшем, гениальнейшем периоде в истории русской живописи,— рассказывала она вдохновенно, чуточку хриловатым басом.— О периоде, подарившем нам незабываемую плеяду блистательных, неповторимых имен. О периоде Шишкина! Перова! Саврасова и Мясоедова! Сурикова и Репина! О периоде, когда все реалистические, все демократические силы России, дети мои, сплотились монолитно в борьбе против реакционных художественных течений...

Четыре девушки, занимавшие два передних стола, замороженно слушали. Восемнадцать пацанов занимались кто чем.

Берендеев толкнул локтем Шуру Петрова. Шура покосился и сделал вид, что внимательно слушает, что очень увлечен рассказом Марьи Димитриевны, что ни на что, кроме ее рассказа, не реагирует.

Берендееву пришлось толкнуть еще раз.

— Чё ты? Струсил уже?

Шура вздохнул — и обреченно поднялся. На дыпочках пошел к выходу. Берендеев сзади легонько подталкивал Шуру в спину.

Под мышкой у Берендеева был небольшой аккуратный сверток.

Кабинет электротехники был оборудован по самым современным стандартам. Действующие стенды, измерительные приборы, рабочие столы с инструментами для пайки и монтажа — всего этого в кабинете было достаточно.

— Да, оборудования хватает, — удовлетворенно оценил обстановку Серега. — Заходи, ничего нету!

Он впустил Шуру, прикрыл дверь и, усевшись за крайний стол, начал быстро распаковывать сверток.

— К этому кабинету я уже давно подбирался, — возбужденно приговаривал он. — Сегодня здесь занятий не будет, сегодня он в нашем распоряжении!.. Включи-ка паяльник.

Шура с места не сдвинулся. Шура о чем-то думал.

— Включи, пожалуйста, паяльник, — ласково повторил Берендеев.

Шура еще помолчал — и выдал вопрос:

— Я-то тебе зачем?

— Ты ручку будешь крутить.

— Какую ручку?

— Пластмассовую, — терпеливо объяснил Берендеев.

Он уже распаковал свой сверток — и на столе теперь лежал небольшой прямоугольный ящик со шкалой и круглой рубчатой ручкой.

В ПТУ № 8 стояла мирная тишина. Электрические часы в вестибюле показывали без пяти минут десять. Вахтерша тетя Дуся сидела на стуле под часами и вязала внуку носок, копотливо перебирая спицами.

В пустой учительской два Селиверстова — брюнет и блондин — трудились над очередной объяснительной.

— Объяснительная, — диктовал один.

— После «об» какой знак? — спрашивал другой.

— Твердый, — говорил убежденно первый. — Или мягкий.

— Мягкий или твердый?

Селиверстовы призадумались...

В кабинете электротехники заканчивались приготовления к эксперименту. Берендеев сидел, как парашютист, крест-накрест опутанный разноцветными проводами; на голову у него было надето нечто, напоминающее металлическую авоську. Он допаял последний контакт, отложил паяльник и вздохнул.

— Эх, мне бы небольшой синхрофазотрончик!.. — Затем повернулся к Шуру: — Теперь смотри внимательно. Это — инфразвуковой генератор. Вот это — ручка настройки. Я поверну ее вправо до упора — вот так, понял?.. После этого я исчезну.

— А я-то тебе зачем? — продолжал мучительно соображать Шура.

— Не перебивай! — цыкнул Серега. — Чё ты перебиваешь? Не на уроке ведь!.. Смотри и слушай. Значит, инфразвук разлагает меня на мелкие частицы, и я исчезаю. Ты... — Серега сделал акцент на слове «ты». — Ты ждешь меня пять минут — и поворачиваешь эту ручку обратно. Влево поворачиваешь. Учти, если ты что-нибудь перепутаешь, я не вернусь. Так и останусь в алиммире, понятно?

— Ну, — кивнул Шура. И Берендеев посмотрел на него с сомнением.

— Слушай, а может, мы тебя сначала попробуем?

— Нет, — неожиданно быстро сообразил Петров. — Ты уж сам разлагайся.

А в ПТУ № 8 обычным порядком проходили занятия.

...Вахтерша тетя Дуся по-прежнему вязала носок.

...В спортзале полуголые учащиеся играли в баскетбол; физрук со свистком во рту придиричливо судил игру.

...Электрические часы показывали ровно десять...

— Ну,— сказал Берендеев,— начинаем! Он устроился поудобнее на стуле, секунду посидел в неподвижности, сосредоточиваясь,— и медленно начал поворачивать рубчатую ручку вправо...

— Исчезаю? — спросил он у Петрова.

— Нет, вроде,— приглядевшись, ответил Петров.

— Даю на полную мощность! — объявил Берендеев, и в кабинете возник нарастающий, невыносимой тональности звук, напоминающий свист падающей авиабомбы.

Шура Петров сморщился и зажал ладонями уши...

В классе эстетического воспитания Марья Дмитриевна вдохновенно водила указкой по «Княжне Таракановой».

— ...тревожная гамма, трагическая экспрессия,— объясняла она,— сразу вызывает у зрителя чувство глубочайшей сопричастности, ощущение...

Она повернулась лицом к классу и прервала рассказ. В классе что-то происходило... Один за одним — в шахматном порядке — исчезали учащиеся. Наконец остался один Равиль, изговорявшийся уже двадцатый кораблик и мурлыкавший под нос какую-то песенку.

— Что, разве уже звонок? — изумленно спросила Марья Дмитриевна.

Равиль очнулся — и исчез вслед за всеми.

Марья Дмитриевна сокрушенно покачала головой, достала из пачки папироску, раскурила. Опять покачала головой, положила папироску на спичечный коробок, машинально отщипнула от уха слуховой аппарат и... и тут же сама исчезла...

— Исчезаю я или нет? — надорванным голосом кричал Берендеев.— Чё ты молчишь?

Он с возмущением обернулся.

На том месте, где стоял Шура, никого не было.

Сергеа выключил свой аппарат, снял с головы «авоську».

— Обиделся, что ли? — спросил он сам у себя и, огутанный разноцветными проводами, пошел к дверям.

В коридоре было пусто.

— Шура! — негромко позвал Сергеа.

Никто не откликнулся.

— Обидчивый, тоже мне,— пробормотал Берендеев и заглянул в кабинет эстетического воспитания.

Там было пусто и тихо. Только дымилась папироска Марьи Дмитриевны.

В полной тишине Берендеев дошел до спортзала и заглянул туда. Посреди зала подпрыгивал, успокаиваясь, баскетбольный мяч, но игроки и физрук отсутствовали.

— Хм,— удивился Сергеа.— Где это все? — После задумался и произнес задумчиво: — Где это я?..

Замерзший, синий с морозца, прибежал Бердичевский.

— Куда все ушли? — спросил он испуганно.— Я папироску стащил у Марьи Дмитриевны, выбежал покурить, прихожу — нет никого...

— Кажется, я понимаю,— медленным голосом сказал Берендеев,— кажется, они в антимире...

Кочегарка дяди Артура являла собою зрелище весьма живописное. Все население ПТУ № 8 собралось здесь и наполнило помещение до отказа. Плотнo, в тесноте да не в обиде, стояли однокашники Берендеева с испуганными лицами. Жались поближе к печам полуголые баскетболисты. Пристроившись на деревянном чурбачке, продолжали писать объяснительную записку брюнет и блондин Селиверстовы. Рядом, на корточках, сидел печальный директор С. Н. Папаханов, бережно держа на коленях оборванную телефонную трубку.

Ничего не понимая, энергично расспрашивала учащихса глуховатая Марья Дмитриевна. Вахтерша тетя Дуся, стоя у окна, где светлее, довязывала носок. В кочегарке стоял гул, как в бане...

Только хозяин, дядя Артур, увлеченный чтением, возлежал на роскошном желтом диване и ничего не замечал из окружающей обстановки. Потом, дочитав главу, он поднялся с дивана и осмотрел помещение веселым взглядом.

— Ого! — сказал дядя Артур. — Сколько вас сегодня, орлики!..

И опять было комсомольское собрание, и Серега стоял с отрешенным видом.

И опять — гневно и горячо — выступала красивая Катя Тугаринова, но Серега ее не слышал.

Он думал. Он мучительно думал...

...Почему же все бежали именно в кочегарку? И почему этот звук не подействовал на самого Берендеева? Эти вопросы мучили Сергея...

«Берендеев!» — восклицала, должно быть, Катя. — «Что тебя на это толкнуло?!» — вероятно, восклицала она.

— Отвечай же, Берендеев! — Наконец Серега услышал, что обращаются именно к нему. Он поднял голову и рассеянным взглядом обвел товарищей.

— Почему же он на меня не подействовал? — спросил он.

Директор Папаханов сидел за столом. Родители Берендеева и мастер Павел Иванович сидели на стульях. Сам Берендеев стоял в центре директорского кабинета — там, где пересекались осуждающие взгляды четырех взрослых людей.

— Так!.. — сказал Степан Николаевич решительно. Но тут зазвонил телефон, и щека его дернулась и поползла вбок. Степан Николаевич сделал механический жест рукой — словно прихлопнул невидимого комара, щека стала на свое обычное место, и он поднял трубку. — Директор Папаханов!..

Хорошо, разберемся!

Директор положил трубку, секунду смотрел на нее затравленно, потом попросил:

— Выйди, Берендеев.

Берендеев-отец послушно поднялся.

— Не вы, — сказал Степан Николаевич. И опять попросил: — Выйди на минуту, Берендеев.

Берендеев-отец послушно опустился на стул.

Берендеева-мать посмотрела на супруга уничтожающим взглядом.

Серега вышел из кабинета.

— Н-да, — сказал Степан Николаевич, — вот они перед вами. — На столе грудой лежали извлеченные из сейфа Серегины избрания.

— Вот они перед вами, берендеевские штучки, — сказал Степан Николаевич.

И опять зазвонил телефон.

Свет померк в глазах Степана Николаевича, в ушах его возник комаринный болзвешный звон, а телефон вдруг размножился: уже не один, а дюжина телефонов закружилась в сумасшедшем хороводе...

— Разберемся и примем меры! — крикнул, не снимая трубки, Степан Николаевич.

И вытер со лба ртутный пот.

— Заберите его, — жалобно обратился он к родителям Берендеева. — Заберите своего сына... товарищи...

— Нет! — энергично сказала Берендеева-мать. И толкнула локтем супруга.

— Нет, — с робкою твердостью произнес Берендеев-отец, приподнявшись.

На лицо Степана Николаевича легла печать обреченности.

— А вы? — сказал он голосом утопающего, который хватается за хрупкую соломинку. — Что скажете вы, дорогой наш Павел Иванович?

Павел Иванович зашевелился на стуле.

— Дак ведь... нельзя его исключать, — сказал он после молчания. — Фантазеры очень нужны. Если его, фантазера, направить в нужное русло...

У станка модели ИК62 Павел Иванович беседовал с Берендеевым.

— Ты изобрел бы что-нибудь практическое, путное что-нибудь. А то вот опять посторонний предмет вытаскиваешь. Чё опять точишь-то?

— Шкивочек...

— «Шкивочек»!.. У общества, Васильевич, тоже нервы не железные. Они у него тратаются. Тебе ведь дали исправительный срок, месяц всего... Взял бы да резец усовершенствовал какой-нибудь...

— Я ведь больше по электричеству...

— А ты пофантазируй! Смени сферу деятельности! Чё у тебя, мозгов не хватает?!

— Ладно,— совестливо обещал Берендеев.— Я подумаю.

— Ты подумай...

...А весна в тот год пришла рано. В Трубинске запели птички. Выпускники-старшекурсники начали выбрасывать в воду форменные шапки — такая уж у них традиция...

Шура Петров стоял на каменном мостике, облокотившись на чугунные узорные перила, и смотрел вниз, на воду. По реке плыли льдины и шапки.

Сергея подошел к Шуре, оперся на перила и тоже стал смотреть на воду.

— Еще год — тоже шапки будем выбрасывать,— сказал он.

Шура ничего не ответил.

Сергея вздохнул, переждал некоторое время и снова заговорил:

— У меня к тебе, Шура, дело...

Шура молчал.

— Решил я сменить сферу деятельности...

— Уйди,— попросил Петров.

— Да ты не бойся! Я на этот раз практическую вещь изобрел...

Шура повернулся и молча, не глядя на Берендеева, пошел прочь.

Они шли по весеннему городу Трубинску: Шура впереди — Сергей шагах в пятнадцати сзади.

Шура торопливо зашел в кинотеатр.

Сергея задержался у афиши. «Сестра Керри,— гласила афиша.— Дети до 16 лет не допускаются».

Шура взял в окошечке билет и еще раз оглянулся. Сергей независимо стоял рядом. Шура злобно хмыкнул и пошел в фойе.

— Один на двенадцать,— сказал Берендеев кассирше.

— Шестнадцать есть?

— Есть, есть!

И Берендеев бросился вдогонку за Шурой.

У входа в фойе стояла рябая контролерша.

— Куда? — спросила она, окинув суровым взглядом щуплую Серегину комплекцию.

— Туда,— ответил Сергей.

— Паспорт покажи,— сказала контролерша.

— Дома забыл,— ответил Сергей.

— Завтра придешь.

— Тетенька, мне через месяц будет шестнадцать...

— Через месяц придешь,— отрезала контролерша.

— Я ж понимаю,— говорил Берендеев, когда Петров вышел из кинотеатра,— мне из училища никак нельзя. Тут у меня техника под рукой. Современная.

— Выгонят тебя все-таки,— подумав, решил Петров.

— Не выгонят! Я же тебе честно сказал, на этот раз никаких антимиров! Я сделал практическую вещь! Ша-го-ход...

— Зачем тебе я?

Шура шагал широко. Сергей семенял сбоку.

— Без тебя мне не справиться, он тяжелый! — объяснил Берендеев.— По часам я его испытал, теперь надо все части перетасать в одно место...

Они двигались сосновым леском, обходя лужи и пласты грязного снега, кое-где еще сохранившегося.

— Не устал? — заботливо спрашивал Серега.

— Не, — пыхтел Шура.

— Ничего, это последняя порция.

Шура тащил на закорках нечто большое, продолговатое, обтянутое брезентом. Серега тоже тащил — ящик какой-то сивий.

— Вообще-то он легкий, — говорил Серега.

— Угу, — пыхтел Шура.

— Относительно, — уточнил Серега. — Этот шагоход вроде вечного двигателя. Главное — его завести, потом не остаповишь. Уйдешь — он шагает, придешь через десять лет — он все еще шагает.

— Ну да, — пыхтя сказал Шура, — вечных двигателей не бывает.

— Это ты в учебнике вычитал. У Перышкина.

— Ну.

— А Перышкин, Шура, устарел. Скоро новый учебник выустят, — коротко сообщил Берендеев.

Помолчали.

— А для чего? — спросил Шура после молчания.

— Что — для чего?

— Для чего он будет шагать?

— Ну-у, это уж не проблема! Лишь бы шагал — для чего-нибудь приспособят! Можно будет на Марс его забросить. Знаешь, сколько энергии сэкономится!.. Ффу, — сказал Серега, опустив ящик. — Вообще-то тяжеленький...

Большая ровная поляна с одной стороны окаймлялась мелким сосняком, а с другой обривалась обрывом.

— Ну вот и все, — сказал Берендеев. — Теперь соберем все части и начнем испытания. — Он деловито посмотрел на часы. — Бердичевский, гад, не пришел. Обещался, а не пришел. Ну, ничего, этот случай у меня предусмотрен.

Под сосенками лежали навалом части шагохода, обтянутые для секретности брезентовыми чехлами. Серега сдернул один чехол и подал Шуру:

— Набери-ка в него камней. Сорок семь килограммов.

Шура взял чехол, послушно пошел к обрыву.

Серега орудовал гаечным ключом, заканчивая сборку шагохода.

Конструкция эта напоминала коляску-велосипед, но кроме трех колес у нее были лапы, восемь пар, — и поэтому она чем-то смахивала на большую гусеницу.

— Принес? — спросил Берендеев, когда Шура сбросил набитый камнями чехол на землю.

Серега попробовал приподнять чехол:

— Тяжеловат... — И выбросил несколько камней. — Вот. Это будет вместо Бердичевского! Клади его на сиденье.

Шура начал укладывать мешок на сиденье, а Серега отступил в сторону и оглядел свое детище. Детище производило впечатление машины не очень серьезной, но Серега был очевидно доволен.

— Рассчитан на троих! — с гордостью сообщил он. И опять посмотрел на часы. — Начнем, что ли... Садись! С краю садись.

Шура неповоротливо начал усаживаться. В коляске было три сиденья: на одном лежал чехол с камнями, на другом уместился Шура, а на третье — переднее — величественно опустился изобретатель.

Он внимательно, цепким взглядом окинул приборный щиток, посередине которого сверкал вмонтированный будильник, взялся за рычаги и зажмурился, предвкушая историчность следующего момента.

— Опускай фонарь! — объявил он затем напряженным голосом.

Что-то зажужжало, Шура Петров опасно втянул голову в плечи — и над друзьями-испытателями опустился прозрачный, изготовленный из проволоки и полиэтиленовой пленки колпак.

— Запускаю! — торжественно объявил Берендеев.

И что-то опять зажужжало.

— Н-ну... — сказал Берендеев, и голос его пресекался от внутреннего волнения. — Поехали!!!

Он дернул рычаг, шагоход затрясся, заскреб по траве всеми шестнадцатью лапами — но с места не сдвинулся.

— Что такое? — удивился Серега.

— Вечный двигатель, — буркнул Шура.

Серега поморщился на грубую эту шутку, нажал кнопку, колпак полиэтиленовый сложился, как веер, — и Серега соскочил на землю.

Он обошел шагоход, придирчиво его осмотрел, что-то подкрутил сбоку, что-то подвинтил сзади — и вернулся на свое место.

— Поехали, — объявил он уже с некоторым сомнением.

Гусеница-шагоход опять затряслась, задвигала лапами и загудела.

— Увеличиваю обороты! — крикнул изобретатель.

...Она загудела, заскрежетала, гул перешел в волчий вой.

— Сталкивай Бердичевского!!! — взвизгнул Серега не своим голосом.

Шура спихнул чехол с камнями на землю.

...Гусеница скрежетала, корчилась и поскуливала...

— Спрыгивай сам, ты тяжелый! — Серега ерзал на сиденье, по очереди дергая все рычаги. Шура с сомнением смотрел за борт. — Да не бойся, мы еще не на Марсе!

Шура обиделся и спрыгнул.

...Из-под лап гусеницы летели опметки грязи...

— Еду? — в отчаянии спросил Берендеев.

Обидчивый Шура отвернулся и не ответил.

...А шагоход между тем уже двигался. Медленно-медленно, скребя лапами, он полз по полюне.

— Еду!!! — ликуя вскричал Берендеев и запел. Лицо его было вдохновенным, ветерок развеивал его волосы.

Но песня вдруг оборвалась.

Гусеница-шагоход неожиданно прибавила скорости и помчалась, теряя управление, к обрыву.

Шура Петров устал обижаться и смотрел теперь удивленно.

Серега нервно дергал рычаги.

Гусеница пошла вразнос. Пьяно виляя, орудя лапами, она подскреблась к обрыву, затем резко развернулась и двинулась по самой кромке...

...Серега увидел далеко внизу речку...

...Шагоход накрепился...

...Серега дернулся всем телом в противоположную сторону...

...Шура Петров застыл, подавшись вперед, как гипсовый бегун на горстадионе...

Берендеевский шагоход — хлипкая гусеница-коляска скovyрнула и вверх тормашками — медленно, долго, чуть ли не минуту, — летела в воздухе и, наконец, бухнулась в воду... Еще некоторое время была тишина. Потом вода вспучилась — всплыл и булькнул большой пузырь...

Берендеев Сергей лежал на животе на кромке обрыва и смотрел вниз.

Шура подбежал и шлепнулся рядом.

— 3-3-3-3... — Шуру трясло, и он заикался.

Берендеев Сергей посмотрел на Шуру печальным, длительным взглядом.

— 3-3-3-3...

— Красиво летел, — тихо сказал Берендеев и отвернулся.

Серега и Шура сидели в стеклянном кафе и ели мороженое. Серега ел вяло, Шура же опустошил уже две вазочки и прикапчивал третью.

— Что-то есть захотел, — сказал Шура.

— Кушай, кушай, — грустно сказал Серега.

— Ты не расстраивайся, — сказал Шура.

— Я не расстраиваюсь, — ответил Серега.

Шура поискал машинально глазами четвертую вазочку.

Сергея пододвинул свою.

Шура застеснялся и отодвинул обратно.

— Бери, бери, мне не хочется, — сказал Сергею.

И Шура вздохнул. Взят.

— Обидно, конечно, — сказал Сергей, глядя сквозь стеклянную стенку кафе. — Хотел сделать практическую вещь...

За стеклом — один за другим — проносились по влажному весеннему асфальту автомобили...

...Да, весна в том году наступила рано. И именно той весной у Шуры Петрова вдруг повысился аппетит, а в творчестве Берендеева Сергея наступил перелом... Именно перелом, товарищи!

В утреннем, хрустальной чистоты воздухе, по аллее, обсаженной зазеленевшими тополями, движутся по одному и группами люди — идут к проходной завода рабочие. Мимо тополей, мимо больших портретов передовиков, установленных вдоль аллеи... Идет к проходной и Сергей.

— Васильевич! — окликают его.

— Здравсте, Павел Иванович.

— Здравствуй. Что-то я хотел у тебя спросить... А! Резец! Вроде, ты резец обещал усовершенствовать. Туго опять с резцами-то...

— Резец???

— Ну да. Помнишь, сказал еще: «Я придумаю!» Не придумалось, что ли?..

Сергей стоял у вращающегося наждака и затачивал резец. На носу Сергея были защитные очки. Из-под наждака шлейфом вырывались красные искры.

Павел Иванович стоял чуть сбоку — наблюдал.

— Вот, — выключив наждак, объяснил Сергей. — Видите, вот основная кромка, а вот зачистная...

— Так.

— И длина ее чуть больше величины подачи...

— И что?

— Чистота обработки будет гораздо выше!

— Точно! — воскликнул Павел Иванович. — Сам выдумал?

— Сам, — скромно сказал Сергей.

— Ну, молодец! Молодец, Сергей Васильич! — Павел Иванович был очень взволнован. — Правда, резец такой уже имеется, это Олесова резец...

Сергей сдвинул очки на лоб.

— Какого Олесова?

— Олесова, новатора... Сейчас ведь, Васильевич, изобретать не так просто! Много уже придумано... Ну да неважно. Главное — сам...

— Подумаешь — резец! — воскликнул Сергей. И сердито сдвинул очки на нос. — Захочу — весь станок переделаю!

— Что-то сомневаюсь, — хитро сощурился Павел Иванович. — Станок изделие сложное...

Смена заканчивалась, и Сергей чистил и смазывал свой станок: торопливо протирал ветопкой направляющие, капал из масленки прозрачного масла и опять протирал.

— Э! — подошел к нему Шура Петров. — Мастер книжку тебе велел передать.

— Какую еще книжку? — недовольно спросил Сергей.

— «Новейшие токарные автоматы», — неторопливо прочитал Шура заглавие.

— Ну-ка, — Сергей взял книжку, полистал небрежно. — Ерунда! — сказал категорически. Потом задержал взгляд на титульном листе и вдруг заносчиво вздернул подбородок.

...На листе — в левом верхнем углу — крупным почерком наискось было написано: «Сомневаюсь...»

...Да, наш Павел Иванович знал, как задеть за живое! Недаром полкоршора пере-

довиков воспитал!.. Три дня и три ночи Берендеев не спал и пил кофе. Как писатель Бальзак. А на исходе третьих суток..

Шура глыбой стоял у станка. Сильные руки Шуры стискивали рукоятки. Из-под резца вилась фиолетовая стружка.

Сергея не сразу окликнул друга—помолчал еще, посмотрел, предвкушая свое торжество... Затем сказал просветленным голосом:

— Шура, я придумал..

Мощная спина Шуры вздрогнула.

— Я придумал, Шура! — ликуя, вскричал Берендеев.

И Шура затравленно вжал голову в плечи.

Был обеденный перерыв, и на участке никого не было. Только в дальнем краю цеха, за столиком, группа рабочих забивала «козла».

— Дупель, — кричал один рабочий.

— Пусто-пять! — объявил другой.

Тут же стоял, явно неодобрительно наблюдая игру, седоусый бригадир Захарыч.

Над станком ИК62 колдовали Серега и Бердичевский — пытались приподнять суппорт. Серега сидел на станине верхом — Бердичевский помогал снизу.

— Сейчас, Бердичевский... — пыхтел Серега. — Пока они обедают, мы с тобой... Ффу... Не идет!

Сергея расслабился.

Хилый Бердичевский вытер ладошкой лицо, вымазавшись машинным маслом.

— Эх, слабоват ты, — с сожалением посмотрел на его физиономию Берендеев. — Куришь все! Гантелями бы лучше занялся... Давай еще раз..

И они возобновили свою работу.

Тут подошел Петров Шура. Вид у него был слегка виноватый.

— А! — сказал Серега. — Пришел!

— Это в последний раз, — сказал Шура, сохраняя достоинство.

Он отодвинул Бердичевского, легко приподнял тяжеленный суппорт, снял его с направляющих и опустил бережно на рогожу, специально расстеленную на полу.

— Что еще снять? — спросил он затем.

— Пока все! — Берендеев спрыгнул на пол и сел рядом с суппортом. — Ключ мне, быстрее! — скомандовал он.

Бердичевский услужливо протянул гачный ключ.

— Рыба! — торжествуя, объявил один из рабочих. И звучно щелкнул доминошной костяшкой.

Группа загудела. Седоусый Захарыч сплюнул и отошел от играющих.

Вытянув ноги, Берендеев сидел перед рогожкой, на которой были разложены останки раскучероченного суппорта.

— Я им сделаю! — приговаривал он, орудия отверткой. — Такого еще никто... не делал... Будет работать по-новому, на космос будет работать!.. Где-то тут гайка была эм-восемь...

Неверующий Шура, понурившись, сидел на станине. Бердичевский стоял, вертя головой, — на стреме стоял.

— Где гайка эм-восемь? — занервничал Берендеев.

— Сейчас, — сказал Бердичевский. И полез под станину. Секунду его не было — потом он появился откуда-то с тыла. — Вот она.

Сергея схватил гайку.

— Живее надо, живее! Обед кончается... Где мои запчасти?

Бердичевский развернул на полу сверточек, в котором была горстка каких-то непонятных деталей, радиоламп, транзисторов — и все это в путанице разноцветных проводов.

Из-за проволочной оградительной сетки наблюдал эту сцену седоусый Захарыч. В глазах его была боль.

Павел Иванович шел по проходу между станками в сопровождении Захарыча.

— У меня даже сердце заколыхалось,— говорил Захарыч.— Такой станок! Такую технику раздробили на части! Я подумал, может, ты разрешил, может профилактика... Ффу...— Захарыч взялся за сердце.

Пол и рогожка, и вся площадь около станка была усеяна множеством винтиков, гаек, шайб, множеством пружинок, шестеренок, болтиков,— и Серега лихорадочно рылся в этом расплзающемся маслянисто-металлическом хаосе.

— Сейчас... Сейчас я им сделаю!

Бердичевский смотрел на его действия с беспокойством. Шура Петров вообще не смотрел — сидел, отвернувшись, заранее готовый ко всему.

Потом Бердичевский испуганно открыл рот — из-за проволочной сетки за Серегой наблюдал Павел Иванович.

Бердичевский беззвучно ойкнул и задом вперед пополз под станок.

— Я за гачкой,— сказал он и скрылся.

— Видишь, что творят,— зашептал в ухо Павлу Ивановичу подоспевший Захарыч.— Видишь...

— Погоди-ка, Захарыч,— остановил бригадира Павел Иванович. На его лице появилось мечтательное, счастливое выражение.

— В самом деле — творят...— помолчав сказал Павел Иванович.

...И тут возник звук заработавшего станка — сначала захлебывающийся, вызывающий, затем ровный, спокойный. И — лица возникли. Лица Серегиных однокашников, полукольцом обступивших место действия. Лицо седоусого Захарыча, глотающего таблетку «от сердца». Лицо счастливого Павла Ивановича... Они наблюдали, слушали, и гудение станка ИК62 перерастало в музыку...

Бодрой походкой, под бодрые звуки дубового оркестра, улыбаясь и раскланиваясь на все стороны, Степан Николаевич Папханов входил в зрительный зал кинотеатра.

Зал был переполнен. На сцене стоял стол, покрытый пурпурным бархатом. Над столом висел лозунг: «Привет молодым новаторам-рационализаторам!»

Степан Николаевич прошел в первый ряд и сел, радушно поздоровавшись с родителями Сереге, сидевшими во втором ряду.

Берендеевы, одетые по-парадному, вежливо покивали.

— Сереге-то наш, а? — с оживленной гордостью сказал Степан Николаевич и, повернувшись к сцене, зааплодировал.

— Кто это? — ревниво удивился рассеянный Берендеев-отец.

— Да директор же, господи! Директор училища! — укоризненно прошептала Берендеева-мать и, ткнув локтем супруга, захлопала в ладоши.

Сунруг послушно захлопал тоже.

А за столом, покрытым бархатом, уже рассказывались молодые новаторы.

А на сцену уже взбегали девушки с букетами цветов.

Сереге букет вручала красивая Катя Тугаринова.

— Это от всей группы,— сказала она, потупившись.

И Сереге, прижав цветы, кивнул с достоинством.

Подавшись вперед, веря и не веря, наблюдала этот момент Берендеева-мать.

Берендеев-отец отвлекался и с любопытством поглядывал по сторонам.

— Знаешь, Нина, — зашептал он. — Я сейчас вспомнил интересный факт: на высоте тысяча шестьсот метров над уровнем моря есть такое озеро — Нежигон...

— Господи! — Берендеева-мать опалила сунруга возмущенным взглядом. — Ты бы на сына лучше смотрел!.. «Озеро»!..

— Ну,— пробормотал Берендеев-отец,— не так это сложно — станки изобретать...

А в первом ряду директор Степан Николаевич сказал сидевшему рядом Павлу Иванову:

— Сергей-то наш, а?

— Сергей как Сергей,— невозмутимо ответствовал Павел Иванов. И захлопал в ладоши.

Оркестр играл «Амурские волны». Серега стоял у большого, в дубовой раме, зеркала и рассеянно наблюдал за танцующими. Он кого-то искал. На него смотрела, загадочно улыбаясь, Катя Тугаринова, но он искал не ее.

— А здорово ты... а здорово мы суппорт тащили! — тархтел под ухом щупленький Бердичевский.—Ты кричишь: «Поднимай!», а я говорю: «Обед заканчивается!» А тот из-за сетки зырит, зырит...

— Да,— кивал Серега. — Ага, — кивал он.— Шура! — Он нашел наконец Петрова. — Ты мне пужен, погоди.

Шура не спеша подошел.

— Есть дело,— отмахнувшись от Бердичевского, сказал Серега.

— Что? — спросил Шура с видимым, весьма для него необычным оживлением.

— Я тут решил изменить охлаждающую систему — у токарно-винторезного...

— А! — Шура сник.— Нет, ты уж сам давай...

— Что? — не понял Серега.

— Сам давай, а мне неохота. Шуму много, и вообще... Я тебе еще утром хотел сказать: неинтересно мне. Вот раньше, когда антимир,— интересно. А станок я и сам понимаю... Вот,— выдохнул Шура, устав от столь долгого монолога.

— Все сказал? — помрачнел Серега.

— Все.

— Ну, знаешь, Петров... На тебя не угодишь!

И Шура Петров пошел, а Серега посмотрел ему вслед длительным взглядом...

— Подумаешь, неинтересно ему! — фыркнул разгневанно Бердичевский.

— Погоди ты,— поморщился Серега.

— Ты меня возьми в помощники,— сказал мелахоник Равиль, до этого молча стоявший около.— Возьми, я веселый...

— Ладно,— рассеянно согласился Серега.

Загадочно улыбаясь, подошла красавая Катя:

— Сережа, дамский вальс!

— Ага,— кивнул Серега весьма равнодушно.

И пошел танцевать. И задумчивое его лицо еще долго то всплывало, то пропадало среди прочих веселых лиц в вихре вальса.

...Вот так или приблизительно так все и было!

— ...Да... Три года назад... Время-то летит, молодые мои товарищи! Сегодня Сергей уже токарь. Токарь-универсал! Учится заочно в Политехническом институте!.. И, бывает, задумаешься: а ведь я его когда-то хотел исключить... Был такой грех, чего уж там!..

Зал выставки технического творчества молодежи. У картонного макета города Трубинска стоит задумавшийся Степан Николаевич, стоят задумавшиеся экскурсанты — молодые ребята пэтэушники.

— Н-да,— Папаханов выходит наконец из задумчивости.— Пойдемте сюда, пожалуйста!

Все направляются к длинному столу-стенду.

— Вот они! — говорит Степан Николаевич с гордостью.— Федор, зажги... Вот они, наши воспитанники!..

Долговязый подросток, ассистент Папаханова, нажимает кнопку — и на стенде, подсвеченном лампочкой, возникает первый графический портрет.

— Это Коля Манзуров. Изобрел гидрокопировальный суппорт повышенной надежности...

Под матовым стеклом, покрывающим стол, загорается еще одна лампочка и освещает гидрокопировальный суппорт. Ребята-экскурсанты рассматривают его.

— Масштаб — один к трем,— поясняет Степан Николаевич.— А это Виталий Симонов. Усовершенствованная каретка для станка ИК62...

Возникает второй портрет. Освещается каретка.

— Равиль Шаметдинов. Новый мерительный инструмент...

Третий портрет. И третий экспонат.

— Шура Петров. Червячная передача...

И еще один портрет — и еще один экспонат.

— А вот это... Это вот сам Сергей!

На осветившемся портрете — Серега. Изображен он весьма солидным, над верхней его губой пробиваются молодые — настоящие — усики.

— Ойстрах! Магомаев токарного дела! — восклицает Степан Николаевич и, сложив руки на животе, с умилением смотрит на портрет.— Он преподавал мне хороший урок. Он дал мне второе дыхание! Он, товарищи, сделал...

Следующих слов С. Н. Папаханова уже не слышно — музыка звучит...

Утро в сосновом лесу. Низко, слоями висит меж сосен туман. Щебечут птицы.

По тропинке идут Берендеев и Шура Петров. Шура впереди — Серега за ним. Несут они нечто серебристое, продолговатое, похожее на гигантскую, идеальной формы сигару. «Сигара», видно, тяжелая,

поэтому друзья не разговаривают — молча идут.

Свежесть и тишина. Щебечут птицы.

Вдруг Шура Петров останавливается, замирает как вкопанный.

— Ты чего? — споткнувшись и едва не упав, бурчат Серега.

Шура оцепенело смотрит вперед.

Тогда Берендеев, изогнувшись вбок и с трудом удерживая двумя руками «сигару», тоже смотрит вперед...

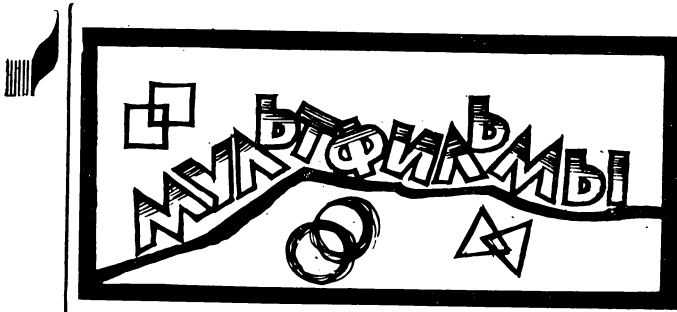
...В зарослях мелких сосенок, в слоевом тумане что-то движется, что-то продирается сквозь заросли, сквозь чащобу — и вот на поляну выползает гусеница-шагоход. Он сильно скрипит, потому что суставы его заржавели и весь он опутан речными водорослями. Он скрипит, и с него стекает вода, но все-таки он ползет...

— Не утонул,— хриплым голосом произносит остолбеневший Шура.

— Я ж говорил, что Перышкин устал,— говорит Берендеев без всякого удивления. И подталкивает вперед «сигару». — Ладно, пошли, и так времени мало!

И друзья тащат серебристую «сигару» дальше.

А шагоход, скрипя и тяжело ворочая заржавевшими лапами, проползает лесок, взбирается на бугор, спускается с бугра и ползет по свежей пахоте, по огромному полю,— оставляя за собой извилистый след, движется к горизонту...

**СЦЕНАРИИ
МУЛЬТФИЛЬМОВ**

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХОДЕР (родился в 1918 году) известный детский писатель. По сценариям Б. Заходера поставлено более двадцати короткометражных фильмов на киностудиях «Союзмультфильм» и «Центрнаучфильм». Среди них: «Вот тебе и заяц!», «Сказка про всех на свете», «Ты что за птица?», «Винни Пух», «Винни Пух и день забот», «Кит и Кот» и др.

ГАРРИ ЯКОВЛЕВИЧ БАРДИН (родился в 1941 году) закончил школу-студию МХАТ и работает режиссером в Центральном театре кукол С. В. Образцова. Г. Бардиным написаны сценарии для студии «Союзмультфильм» «Радуга» и «Вот как это было».

СЕМЕН ЛЬВОВИЧ ЛУНГИН (родился в 1920 году) драматург и киносценарист. Совместно с Ильей Пусиновым им написаны пьесы «Гусиное перо», «Пеппи Длинный чулок», «Дым без огня» и сценарии художественных фильмов «Мишман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен», «Внимание, черепаха!», «Телеграмма» и др. Его перу принадлежит также сценарий «Мальчик и лось».

СЕМЕН ДАВЫДОВИЧ ЛИСТОВ (родился в 1915 году) окончил Литературный институт им. М. Горького, участник Великой Отечественной войны. Совместно с Л. Аграновичем им написаны пьесы «Дорогое время» и «Ласточки». По его сценариям поставлены художественные фильмы «Твои друзья», «Улица космонавтов», «Озорные братья», документальные и научно-популярные фильмы.

Борис Заходер

ФАНТИК

Бархатная тьма заливает экран — непроглядная тьма первобытной тропической ночи. Лишь там и сям проблескивают золотом звездочки, и нелегко догадаться, где земля, где небо: звездочки всюду, и сверху и внизу. Правда, внизу они расположены обязательно парами и все время движутся — это чьи-то глазки...

БЫЛО ЭТО ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ ДАВНО, — говорит Голос, — В ТЕ ПЕРВОБЫТНЫЕ ВРЕМЕНА, КОГДА В ПЕРВОБЫТНЫХ ДЖУНГЛЯХ, ДА И НИГДЕ НА СВЕТЕ НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО СЛОНА, НИ ОДНОГО!

Земные звездочки продолжают свой маленький балет: сходятся, расходятся, что-то ищут, находят, собираются в группы, вновь разбегаются — но вскоре в рядах исполнителей этого балета поднимается смятение.

— Штуша-Кутуша! Штуша-Кутуша! — раздается испуганный писк-шепот. — Шпашайша, кто может! — отчаянно шепелявит кто-то, и все в панике бросаются врассыпную и исчезают. Зато появляются два зловещих огненных глаза и слышится громкое пыхтение, фыркание. Штуша-Кутуша, страшный ночной хищник, идет по следу, что очевидно для каждого ребенка: выисывая зигзаги своего прихотливого маршрута, Страшный Зверь приговаривает:

— Холодно... Теплее. Еще теплее... Опять холодно...

Вдруг он приостанавливается и в его голосе слышится недоумение:

— Фрр! Хрр! Новенький!.. Пахнет приятно! Интересно, какой он на вкус!.. Раз-

два-три-четыре-пять, я иду искать!.. Тепло... Холоднее... Опять тепло!.. Еще теплее!.. Совсем тепло!.. Горячо! — В тот же миг перед самым носом Штуши-Кутуши (мы почти успели его увидеть!) загорается надпись: Ф А Н Т И К.

Экран освещается, и на фоне картин пробуждения первобытных джунглей идут титры.

...Обитатели первобытных джунглей, естественно, ведут себя первобытно — как очень плохо воспитанные и довольно злые дети. Ежесекундно вспыхивают скандалы, ссоры, драки. Клубком покатились сцепившиеся шакалы — они пытались, как волки у Чуковского, скушать друг друга.

Первобытные кони лягаются. Первобытные ящерицы дерутся хвостами.

Отчаянно заревел маленький тушканчик — ему тоже попало...

— Закон джунглей! — словно подытоживая смысл всего происходящего, победоносно вопит на ветке Мартышка, отнявшая у другой обезьяны какой-то красивый плод, на вид весьма аппетитный. Ей, однако, не удается проверить, так ли это на самом деле — бывшая хозяйка плода набрасывается на нее с такой энергией, что обе кувырком летят с дерева.

И падают на кого-то, кто мирно спит под банановым деревом. Он встает. «Обиженная» моментально исчезает, а наша Мартышка, выронив от изумления «спорный фрукт», разиня рот смотрит на того, кого она разбудила.

Это и есть герой нашей сказки: САМЫЙ ПЕРВЫЙ НА СВЕТЕ СЛОН. Должно быть поэтому (а может быть потому, что он еще слоненок) он совсем маленький, не на мно-

го больше Мартышки. Зато уши у него на удивление огромные, как у взрослого африканского слона; когда он спал, то укрывался собственным ухом и оттого несколько походил на капустный кочан.

С недоумением зевнув, смотрит он на Мартышку, и при этом у него такой милый и безобидный вид, что она быстро обретает обычное нахальство.

— Ты чего? — неуверенно начинает она. — Чего лезешь?

— Я не лезу! — улыбается слоненок. — Я встаю!

Улыбка его окончательно успокоила Мартышку.

— Ой, какой смешной! Ха-ха-ха! — затараторила она и запрыгала на месте от восторга. — Какие у тебя смешные уши! Ты кто такой?

— Фантик! — коротко отвечает слоненок.

— Фантик, завяжи из носа бантик! — передразнивает Мартышка. — Я говорю, кто ты?

— Слон... кажется, — неуверенно объясняет Фантик. — Я еще точно не знаю. Я ведь самый первый на свете...

Он хотел сказать «самый первый слон», но Мартышка не дала ему закончить.

— Самый первый! Ишь, хвостун какой! Слопы маленькие не бывают!

— А какпе они бывают?

— Какие, какие! Не такие — и все!

— Ну, тогда я вырасту! — говорит Фантик. — Я буду хорошо кушать — и вырасту!

Он срывает большую гроздь бананов и вежливо протягивает ее Мартышке. Она выхватывает всю гроздь и с жадностью глотает один банан за другим, не жуя, и неожиданно, чуть не подавившись, разражается хохотом.

— Неподражаемо! Будешь кому попалю раздавать бананы — совсем не вырастешь! Можете не считать меня обезьяной — по этому я подражать не стану. Понял?

Весь этот несколько затянувшийся, но крайне важный диалог идет на фоне акро-

батических упражнений Мартышки, сначала на земле, затем на дереве. Она забралась уже довольно высоко, и вдруг спохватывается:

— Эй, ты! Как тебя?

— Фантик! — терпеливо отвечает слоненок. — А вас как зовут?

— Много будешь знать — скоро составишься! — дерзит невежливая Мартышка. — А ты, значит, Фантик? Ха-ха-ха! Фантик-ухантик! Ох, и уши у тебя! Фантик-ухантик! Ха-ха-ха!

— Уши ничего, — подтверждает Фантик. — Они слышат хорошо. Я вот слышу, кто-то тихо плачет.

— Неподражаемо! — закатывается Мартышка. — Смотри, как бы тебе самому не заплакать! У нас тут строго! Закон джунглей!

Развеселившаяся Мартышка уносится по ветвистым деревьям и вскоре скрывается в чаще; куда-то направляется и Фантик.

Вероятно, он собирается позавтракать — время подходящее, а кругом такая благодать: плоды всех форм и цветов, трава — и та выглядит весьма соблазнительно.

Но молодец Фантик! — перед завтраком он, оказывается, умывается. Решительно отвернувшись от всех соблазнов, он входит в заросли тростника. Там маленький прудик, пожалуй, скорее лужица. Он с наслаждением купается, поливает себе спину из своего природного душа.

Теперь можно и позавтракать. Осмотревшись, Фантик направляется к бананам.

И вдруг останавливается. Словно локаторы, настораживаются, поворачиваясь, его огромные уши. И вместе с ним мы слышим — все яснее! — слабенький голосок, всхлипывание. Это тот плач, который Фантик слышал ранее:

— Пить! Пить!

Кто же это плачет? Ни за что не угадать! Плачет жалкого вида кустик, колючка. Иссохшие, искалеченные веточки беспомощно торчат из песка... Неужели в них еще может теплиться жизнь?

У Фантика, однако, в этом нет никаких сомнений. И он сразу соображает, что надо сделать. Галопом устремляется он обратно к пруду, где только что купался. Отчаянно засасывая воду, он не замечает, что уровень пруда заметно понижается. После первой поливки прудик превращается в лужицу. После второй — в остатки лужицы. А когда Фантик набирает воду в третий раз — остается одна грязь и тина.

И из этой тины выскакивает разъяренная Лягушка с пятком мал-мала меньше столь же разъяренных лягушат. Все они точно повторяют «слова» и жесты своей мамы, до крайности возмущенной — ясно и без перевода! — поведением слоненка...

Пробормотав какое-то булькающее извинение, он возвращает воду...

Радостные и счастливые Лягушка и ее семейство плывут классическим брассом по глади вновь обретенного пруда. Но Фантику не до этого милого зрелища. Его колючая питомица (назовем ее так, несколько забегая вперед) снова плачет:

— Пить! Пить!

И добросовестный слоненок устремляется к более надежному источнику воды.

К счастью, река была неподалеку.

И вот повел Фантик нелегкую жизнь водоноса. Видимо, сил у колючки прибавлялось, и плач ее становился все настойчивей, все громче.

Слома голову мчится под этот аккомпанемент Фантик. Вот он у реки, поспешно набирает воды. В таком же темпе несется обратно.

— Эй ты, Ухантик Фантик! — кричит откуда-то сверху вездесущая Мартышка. — Осторожней! На ухо себе не наступи!

Сглазила, чертовка! Фантик повернул голову в ее сторону — и готово дело, действительно, наступил себе на ухо и покатился кувырком.

— Неподражаемо! — веселится Мартышка. Она в восторге.

А Фантик? Фантик верен себе! Он от души сам засмеялся над своей неловкостью!

...Снова бодро шагает он к реке. На ходу отправляет в рот банан.

Мимоходом помогает перевернуться на ноги беспомощно лежащей на спине большой Черепаше. Черепаха сначала втягивает голову и ноги в панцирь, потом неспеша выглядывает и, видимо, желая поблагодарить своего спасителя, поворачивает голову, открывает рот и произносит:

— Спа...

Но Фантик уже скрылся за поворотом тропинки.

Он шагает по пляжу. Тут такой чудесный золотой песочек, так и хочется поиграть. Ведь Фантик еще такой маленький.

Но не успел Фантик сделать первый куличик, как встревоженно вскакивает. Что это? Кто-то опять плачет, хотя, кажется, пляж совершенно пуст.

Хныканье идет из-под земли. Песчаный холмик. Фантик дует, сдувает песок, и мы удивлены не меньше его, понимая, что хнычет... кучка яиц.

На одном яйце треснула скорлупа и образовалась щель. Фантик дает ему легкий щелчок — ведь хобот его кончается пальчиком! Верхушка-крышка отлетает, и на свет божий появляется симпатичнейшая физиономия маленького крокодильчика. Новорожденный раздражается горячими крокодильими слезами.

И поток этих слез прекращается лишь тогда, когда все новорожденные благополучно соскользнули в реку.

— Неподражаемо! — слышится откуда-то сверху. — Странно, что в наших джунглях появился такой добренький дуррачок!

Это, разумеется, Мартышка. Она дает ясно понять, какого она мнения об умственных способностях Фантика.

Фантик старательно набирает воду. Может быть, ему нечего возразить?

— Старайся, старайся! — не отстает Мартышка. — Никто тебе спасибо не скажет.

Не отстает она и тогда, когда Фантик, набрав воды, шагает в обратный путь. Он снова проходит мимо Черепаша, которая

стоит в той же позе и на том же месте, где мы с ней расстались. Увидев Фантика, она несколько светлеет и произносят:

— ...сибо!

Фантик выразительно глядит на Мартышку — что, мол, съела?

— Подумаешь! — презрительно фыркает она. — Неподдражаемо! Полспасиба получил и радуется.

Тем не менее, она провожает, прыгая с дерева на дерево, Фантика до самой колючки и, увидев, чем он занимается, приходит в еще большее негодование.

— Что-что? Все равно эти штуки никогда, никогда не вырастут! Нечего их поливать!

— Она же плачет, — коротко объясняет Фантик. — Мне ее жалко.

— Неподдражаемо! Вот я никогда не плачу! — с гордостью заявляет Мартышка. — Жалко ему!

Она даже чем-то запустила в Фантика напоследок и удалилась с видом собственного превосходства. Все-таки она не совсем права: наш менее пристрастный взгляд замечает, что усилия Фантика не пропали даром: на колючке появились свежие побеги и не менее свежие зеленые шипы.

Впрочем, это могла заметить и Мартышка: она, кажется, сделала попытку сорвать колючку и потом долго трясла рукой.

А у колючки и голосок стал басовитее — ближе к меццо.

И звучит он несколько томно:

— Ах, пить!

И Фантик послушно отправляется к реке.

...И снова Фантик перед своей колючкой. Она превратилась уже в целое дерево. И все его ветки покрыты набухшими почками.

А с приходом Фантика все они вдруг, разом раскрываются — и все дерево покрывается свежими зелеными листочками!

Фантик пляшет на радостях — делает несколько робких неуклюжих па. Колючка молчит, и кругом никого нет...

И вдруг он настораживается. Снова от-

куда-то доносится плач. Да, кто-то рыдает. Да еще кто!

Вечная насмешница, Мартышка сама попала на зубок доброй дюжине насмешниц-подружек. Они издеваются над ее наруганностью. И как только не кривляются обезьяны, разбирая по косточкам и тут же передразнивая все ее недостатки! Их ничуть не смущает, что сами они точь-в-точь такие же красотки! Правда, времена первобытные и басня Крылова «Зеркало и Обезьяна» еще не написана.

— Вот уродина! — радостно твердят они. — Уродина! — повторяет за ними пестрый Попугай.

Уродина горько плачет. От этого, естественно, она еще больше дурнеет — ведь горе никого не красит.

Появляется Фантик, и распалившиеся обезьяны пытаются и его вовлечь в эту веселую с их точки зрения игру. Тычут в Мартышку пальцами, требуют подтверждения...

Но Фантик отрицательно качает головой.

— Да что вы! Вы, конечно, шутите! Посмотрите, какие у нее умные глазки! Какая славная шерстка! А улыбка! Да она очень, очень хорошенькая! Просто красавица!

А доброе слово и кошке приятно! Мартышка, действительно, на глазах хорошеет. Пропадает плаксивая гримаса. Глаза блестят. Она улыбается.

И мы готовы согласиться с Попугаем, который сердито говорит сконфуженным обезьянам:

— Заладили, как попки: уродина, уродина! Да она просто красавица!

Он повторил слова Фантика, и Фантик торжественно кивает.

Мартышка живо оборачивается.

— Как, как? — переспрашивает она. Попугай повторяет:

— Говорю, красавица!

Но Мартышка — ах, эти женщины! — опять почему-то не расслышала.

— Как ты сказал? Повтори погромче,

пожалуйста! — лукаво-кокетливо просит она. Но тут Попугай рассердился.

— Ты слушай, а то нашла попугая повторять одно и то же! Сказал «красавица» и хватит!

Смеется Фантик, за ним Мартышка и Попугай.

Мартышка бросается Фантику на шею. Потом протягивает ему руку, он осторожно пожимает ее пальчики хоботом.

— Можешь звать меня Мартой! — важно говорит она.

— Ой! Ой, Фантик!

— Ой! Ой, Марта!

С этих возгласов начинается следующий эпизод. Оба новых друга застыли в восторге перед бывшей колючкой. Вершину этого раскидистого дерева, словно звезда на новогодней елке, венчает чудесный, переливающийся всеми красками тропиков цветок. И мало того: лепестки его опадают, улетают, как бабочки, а восхищенному взору зрителей открывается ПЛОД. (Его название нельзя написать иначе, как прописными). Он светится, он как живой. Вероятно, именно так и выглядело волшебное яблочко, яблочко наливное.

На этот свет сбегаются знакомые нам обитатели джунглей. И тоже застывают в немом восторге.

А первой оказывается на месте, ни за что не угадаете кто: Черепаха! И это она говорит:

— Когда мой панцирь был не больше вишневой косточки, я слышала — плод, который принесет эта колючка — волшебный плод. У того, кто его съест, исполнится любое желание! Кому же он достанется, кто достоин?

— Фантик! — как один отвечают все обитатели первобытных джунглей. С понятным единодушием. И столь же единодушно испускают они громовое «Ох!»

Пока они разговаривали, Марта с невероятной быстротой вскарабкалась на ко-

лючку, схватила плод и сделала вид, что собирается его съесть.

— Закон джунглей! — кричит она, но, не выдержав роли, фыркает и, молниеносно скатившись на землю, протягивает волшебный плод Фантику.

— Спасибо! — говорит вежливый слоненок. — Только что же... Что ж мне пожелать?..

Всем есть что сказать, что посоветовать Фантику. К счастью, их советы мы не слышим, а видим. Видим, что-то кричит маленькая Антилопа и возникает «видение» слона с рогами: ясно, догадываемся мы, она посоветовала слоненку пожелать себе рога. Что-то кричит Попугай — появляется Фантик с крыльями и кривым клювом. А затем — Фантик в панцире, Фантик с крокодильей пастью, полной острейших зубов, — видимо, крокодилы тоже внесли свою лепту и т. д.

Поднимается хохот.

— Нет уж, лучше... Уж лучше пусть уши перестанут мне мешать. А то очень под ногами путаются, — вдруг решительно говорит Фантик и глотает волшебный плод.

— Ах! — вырывается из всех глоток сразу. И наступает темнота. Непроглядная тьма первобытной тропической ночи. Как в начале фильма.

Только зловец горят два огненных глаза: Штуша-Кутуша идет по следу.

— ...Тепло!.. Еще теплее!.. — рычит он. — Ну, сегодня доберусь я до этого добряка!.. Ага, совсем тепло!.. Еще теплей!.. Горрячо! Фантик!

Снова светло — как днем. Впервые мы видим Штушу-Кутушу. Это — первобытный хищник, похожий на всех хищников сразу, — и шакал, и гиена, и даже чуть-чуть лев. Только маленький.

Он стоит под какой-то серой колонной и с забавным недоумением смотрит вверх. И есть чему изумляться: оттуда, с вышины, к нему медленно склоняется голова слона — могучего слона с могучими бивнями. Уши у него остались, правда, такими же, но теперь они ему как раз впору!

Лишь по доброй, чуточку беспомощной, милой улыбке узнаем мы нашего Фантика.

— Вы, кажется, звали меня? — говорит он ласково. — Только теперь я не Фантик, а Э-ЛЕ-ФАНТ: я вырос и имя мое выросло, — поясняет он.

— Ээээ... Эээлефант? — лебезит Штуша.

— Простите! Извините! Всего хорошего! — кланяясь, поспешно ретируется он.

Собравшиеся (все те же обитатели джунглей) провожают его веселым смехом.

— А все-таки я была права, — говорит Марта, — когда я сказала: таких маленьких словен не бывает!

— Ты всегда права, — ответил Фантик. Веселая музыка. Песенка:

Больше всех на суше он —
Очень-очень добрый Слон.
Видно, даже у зверей
Тот и больше, кто добрей!

Пожалуй, перед тем, как зазвучала песенка, прозвучал Голос:

ТАК ЗАКОНЧИЛАСЬ ИСТОРИЯ ФАНТИКА — ПЕРВОГО СЛОНЕНКА НА СВЕТЕ. ОН СТАЛ ТАКИМ БОЛЬШИМ, ОГРОМНЫМ СЛОНОМ, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО БЫЛО БОЛЬШОЕ-БОЛЬШОЕ, ДОБРОЕ СЕРДЦЕ!

Г. Бардин

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

Вечером шел сильный ливень. Женька сидел на подоконнике, глядя, как косяе нити воды перечеркивали стекло и расплывались на нем бесформенными кляксами. Небо прояснилось, но дождь не ослабевал. И вдруг сильный гром рванул небо. Оно затрещало от грохота, и Женька своими глазами увидел, как оторвалась и полетела вниз звезда. Дождь от удивления прекратился. Женька притиснул нос к стеклу. Звезда падала все ниже и ниже.

— Папа, мама! Звезда упала! — закричал Женька и разбудил родителей.

— Ну звезда... Ну упала... Ну и что? — проворчал папа сонным голосом.

— Так ведь с неба упала!

— Ты не волнуйся. Там их еще много осталось. Ложись спать.

Но Женька не мог сейчас заснуть. Такое событие! Он еще видел, как молния корявой лапой пыталась подцепить звезду с земли, но та выскальзывала и снова падала вниз.

Женька тихо отворил окно, перелез через подоконник и спрыгнул на улицу.

— Шарик! Шарик! — тихо позвал он, и из темноты вынырнула лохматая смешная дворняга.

— Понюхай небо! — приказал Женька, и Шарик, задрав голову, старательно засопел.

— Ищи! След!

Шарик бросился в темноту. Женька едва попевал за ним, а вскоре и вовсе потерял его из виду. Нашел он Шарика по знакомому лаю. Шарик стоял, взлохматив шерсть, и лаял на что-то сверкающее и непонятное, что лежало на мостовой.

— Тихо! Это — звезда, — сказал Женька.

Шарик сразу же повял и весело завилял хвостом.

Женька опустил руку и, убедившись, что звезда ни чуточки не жжется, поднял ее и бережно понес домой. Звезда освещала ему путь, как большой фонарь. Когда Женька подошел к дому, а Шарик — к своей конуре, надо было прощаться. Было поздно. Женька пожал лапу Шарик, а тот лизнул его в нос.

Женька только собрался было влезть в окно, как вдруг папа окликнул его:

— Женья! Я кому сказал?! Гаси сейчас же свет!

А это просто звездочка осветила всю квартиру! Женька соскользнул вниз и спрятал звездочку в восточной трубе. Потом влез в окно и закрыл его за собой. Стоял дом с темными окнами, и светила в восточной трубе.

Когда утром Женька вышел на улицу, дворник дедушка Тимофей шаркал метлой по асфальту. Две старушки сидели на скамейке. Женька подошел к водосточной трубе, заглянул туда, но там ничего не было. Он растерянно оглянулся и вдруг увидел, что дедушка Тимофей в это самое время заметал звездочку на совок. Он бросился к дворнику.

— Дедушка Тимофей! Дедушка Тимофей! Это не мусор! Это звезда!

— Какая еще звезда!

— С неба!

— Ну, может, на небе она и звезда, а на земле — мусор. Что упало, то пропало.

Но звездочку отдал. Днем она не светила, поэтому трудно было поверить, что она — самая настоящая звезда.

Женька побежал со двора к своим друзьям — Мишке и Лельке, которые жили рядом, за ним увязался Шарик.

А во дворе остались сидеть две старушки.

— Что делается! Что делается! — запричитала одна.

— А что делается? — спросила другая.

— Да звезды нынче сыплются! Как горох!

— Как горох?!

— Да прям на голову!

— Что делается! Что делается! — вдвоем запричитали старушки, посмотрели на небо и на всякий случай раскрыли над собой зонты.

— Что же теперь делать? — спросила Леля, когда Женька все рассказал.

— Играть, — решил Мишка и, в свои пять лет, был по-своему прав. Но Женьке шел седьмой год, и он был несогласен.

— Нашел игрушку! — рассердился Женька. — Ее надо на место поставить.

— А как?

— Я знаю, — сказала Лелька. Она была очень-очень умная. И все это знали. Даже Шарик придвинулся поближе и поднял одно ухо, чтобы выслушать решение Лельки.

— Надо идти в бюро ремонта.

И вот они вчетвером зашагали по улице. Искать было очень трудно. Вывесок много, все надо прочитать. Женька, Мишка и Шарик читать не умели, а Лелька читала только по складам.

— Бюро! — прочитала Лелька.

— Бюро! — повторили хором Женька и Мишка.

— Ре-мон-та.

— Ремонта! — воскликнули трое и бросились к дверям.

Встретил их строгий дяденька в очках.

— Что у вас? — Он наклонился к ним через прилавок.

— Нам нужно отремонтировать небо! — сказала Лелька.

— А что с ним? — поинтересовался дяденька.

Тогда Женька раскрыл ладонь и протянул звездочку.

— Вот. Упала.

Дяденька внимательно рассмотрел ее и вернул обратно.

— М-да... Мы на земле не успеваем с ремонтом, а куда уж там — небо! Извините. Следующий! Что у вас? Галоши?

И он занялся со следующим. А ребята вышли на улицу. К кому теперь обратиться?

— Ничего. Попробуем сами, — решил Женька.

Как раз мимо проходил высоченный человек с портфелем и куда-то торопился.

— Скажите пожалуйста, вы до неба достать можете?

— Я? Что вы! Мне некогда! Я здесь в командировке.

И он зашагал дальше.

— Что у вас, ребята? — раздался сверху молодой и задорный голос.

Ребята подняли головы и увидели веселого парня, который вкручивал лампочки в фонари.

— Звезда! — закричали ему ребята.

— Всамделишная?

— Ага.

— Давайте, прикручу ее к фонарю. Пусть нашу улицу освещает.

— А как же другие улицы?

Парень ничего не ответил, только пожал плечами.

Но ребята не теряли надежды. И правильно, потому что вскоре увидели красную пожарную машину. Из нее росла высокая лестница, на верху которой стоял пожарник в сверкающей каске. Ребята побежали к машине.

— Дядя! — закричали они. — Вы нам очень нужны!

— Срочно?

— Да!

— Горит?

— Нет!

— Тогда не ко мне!

Ребята загрузили, а Шарик даже забил повилить хвостом. Но вот они завернули за угол и увидели новостройку. Строился высотный дом. Лелька начала считать этажи и сбилась со счета. Рядом с недостроенным домом стоял огромный башенный кран, похожий на жирафу. А в кабине этого крана сидел машинист. Снизу он казался таким же маленьким, как сами ребята, даже меньше.

— Вы дом строите до неба?

— Не совсем.

— А кто-нибудь строит до неба?

— Сейчас посмотрю.

Машинист огляделся вокруг и крикнул:

— Нет, пока не строят!

— Жаль! — сказала Лелька.

— Раз так, — решил Мишка, — то нужно взять ее и честно разделить.

— Это — нечестно! — кричал Женька.

— Почему? Она ничейная, — возразил Мишка.

— Звезда не может быть ничейная. Она должна светить для всех, одинаково для всех!

Но Мишка ухватил край звезды и тянул ее к себе. Женька не отпускал. Они кричали друг другу что-то, чего и сами не могли разобрать. Лелька кричала на них, а Шарик лаял на всех сразу.

Неизвестно, как долго бы это продол-

жалось, если бы над ними не раздался свисток и кто-то грозно не спросил:

— В чем дело, граждане?

Ребята стихли и, тяжело дыша, подняли головы. Над ними стоял милиционер. Рот у него был сурово сжат. Ребята, как заученный стих, хором сказали:

— Сверху звездочка упала!

— Непорядок, — констатировал милиционер.

— Мы хотим ее вернуть!

— Правильно, — одобрил он.

— Но у нас пока ничего не получается, — пожаловалась Лелька.

— Ищите военных с голубыми погонами. Они в небо летают, помогут.

— Спасибо!

— Не за что, служба моя такая.

Милиционер отдал честь и удалился.

А ребята стали высматривать военных с голубыми погонами. Но дети — маленькие, а погоны были очень высоко — у взрослых на плечах. И тогда им пришла в голову великолепная идея! Мишка забрался на Женьку, а Лелька села на плечи к Мишке. И Лельке сразу стало видно. Правда, Женьке было тяжело, но он не жаловался. Они догнали одного военного, но у него были зеленые погоны, потом другого, но у того были черные.

И когда пирамида готова была развалиться, потому что у Женьки от усталости подгибались ноги, Лелька закричала:

— Голубые! Голубые!

И от радости запрыгала. Это было очень неосмотрительно с ее стороны! Пирамида развалилась!

Правда, никто не ушибся. Военный остановился и поднял ребят с земли.

— Вы в небо летаете? — спросил Женька.

— Летают, — скромно сказал военный.

— Вы — летчик?

— Нет. Я — космонавт.

— Космонавт!!! — хором выдохнули ребята.

А Мишка достал из кармана открытки

с космонавтами и стал быстро лнстать. Такого космонавта не было.

— Не ищите меня на открытке, я еще не летал.

— А когда полетите? — спросили ребята.

Космонавт наклонился и шепотом сказал: «Сегодня вечером».

Тогда Женька протянул ему звезду.

— Вот, поставьте на место.

Космонавт взял ее и прикинул вес на ладони.

— Тяжелая, ну да ничего. Возьму еще два ведра горючего, но задание ваше выполню.

...Стемнело. Женька, Мишка и Лелька смотрели в звездное небо, ждали, когда взлетит ракета. Шарик тоже ждал. И вот она взлетела, серебристая, с буквами «СССР» на боку, оставляя за собой след красного пламени. Она поднималась все выше и выше, пока не долетела до самого неба, до звезд. И тогда из иллюминатора ракеты выглянул космонавт и закричал вниз:

— Женья! Где она была?

— Правее! — закричал ему Женька.

— Здесь? — спросил космонавт.

— Да!

И ребята увидели снизу, как он поставил звезду, но она почему-то не светилась. И тогда космонавт подышал на нее, как на зеркало, протер рукавом, и она засверкала так ярко, что стало светло, как днем.

Ракета полетела дальше.

— Ура! — закричали ребята.

И все вдруг заметили, как сверкает и переливается в небе звезда!

— Ух ты! — выдохнул от удивления дедущка Тимофей.

— Что делается! — с восхищением воскликнули старушки.

— А ведь ее действительно не хватало! — сказал строгий дяденька из бюро ремонта.

— Да, действительно... — хором подтвердили все.

Звук пионерского горна и дробь барабана. Строевым шагом подошли пионеры и отдали салют Женьке, Мишке и Лельке.

— Вы вернули звезду? — спросил пионер.

— Мы! — сказали Женька и Лелька, а Мишка почему-то молчал. Но Женька и Лелька толкнули его в бок, и во второй раз они втроем повторили:

— Мы!

И пионеры вручили каждому по маленькой звездочке, только красной — октябрятской.

А Шарикуну пожали лапу. Вот как это было.

С. Лунгин

ГОЛУБЫЕ СТРЕЛЫ

Я очень хорошо помню, как это было. Смоленский рынок в Москве. Он протянулся, наверно, на километр, не меньше. Сенной базар начинался сразу за низкорослым Смоленским бульваром, бульвар пересекал Арбат, по которому со звоном бегали одновagonные трамваи, и переходил в суматошные торговые ряды. Здесь продавалось решительно все — от живых петухов до хрустальных ваз «баккара» величиной с детскую ванночку. Изумительно живописная, многоцветная толчея, подобная китайской ярко раскрашенной бумажной игрушке. Вдруг в самом неожиданном месте базара толчея замирала. Это означало, что в самой ее сердцевине, на серо-малиновой чешуе булыжника, происходило нечто совершенно замечательное. То это был шарманщик с таинственным попугаем на корбочке, в которой лежали билетки «счастья»; то некто чернявый, выдувающий огонь изо рта; то цыган с дрессированным медведем, с которым он и боролся, и обнимался, и плясал на потеху зевакам; то какие-то полуголые силачи показывали «кре-

пость зубов» — последнее меня всегда ужасало. На глазах у изумленной публики они выворачивали из земли каменную тумбу, похожую на усеченный конус зеленого сыра. Они обвязывали ее веревкой, и один, самый могучий, вцеплялся в узел зубами и, напряжив чудовищную шею, тяжело сопя, поднимал тумбу не меньше чем на аршин над землей. Двое других кузнечными кувалдами принимались бить по серому камню, пока он не раскалывался на куски, которые с тяжелым стуком падали на мостовую. Тогда самый могучий расправлялся, весело сверкая глазами, выпускал из ощеренных зубов веревочный узел и с криком «Эва как!» начинал деловито вытирать красной косовороткой свою спину титана, взмокшую от напряжения. А кузнецы с кувалдами демонстрировали какую-то совершенно уж невозможную «игру мышц».

То старушка, как тогда говорили, «из бывших», тихонько пела нехитрый мотивчик под гитару, а две пожелтевшие от времени болонки, в голубых и розовых бантиках, астматически дыша, вертелись на задних лапках под музыку:

Пойдем, пойдем, ангел милый,
Пойдем танцевать со мной!
Слышь, слышь, звуки польки,
Звуки польки неземной...
Ах, как я страдаю
И томлюсь душой...

Я не дослушивал песенку и не досматривал собачий танец, потому что чуткое ухо мое поднималось, как у щенка. Я улавливал звук, нет, еще не звук, а тень звука — тоненький серебряный зов трубы, легким ветерком пронесившийся над разноцветной рыночной толчеей.

И сердце мое останавливалось и замирало. Я знал, что сейчас будет, и со всех ног, расталкивая толпившихся на моем пути, бросался в ту сторону, откуда ко мне доносились далекая серебряная трель. От волнения я даже подпрыгивал, норвя над головами взрослых углядеть издали прекрасного трубача...

И вот наконец толпа расступилась. По

длинному, бесконечному, как мне казалось, узенькому коридору двигались трое... Правда, я видел пока только одного — высокого статного старика в широченной бархатной блузе с раскидистым пикежным воротником. На пышной седой шевелюре прямо сидел стального цвета цилиндр. На вид ему можно было дать тысячу лет, но шел он пластичным упругим шагом, ступая с носка на пятку. Правой рукой он прижимал к губам коротенький кавалерийский корнет и, несуетливо нажимая на клапаны тонкими пальцами, выдувал мелодию такой чистоты и пронзительности, какой я позже никогда не слышал.

За ним шла девочка в синем платье, вроде бы совсем обычном, только застегнуто оно было не на пуговицы, а на пышные белые помпоны, как пуховки от пудреницы. Ее глазки, девчоночьи веселые глазки, были печально подведены синим, а щеки нарумянены этакими сердечками. Она была в розовых туфельках и шла то как обычная девочка, то как балерина, на пальчиках. Она ни на кого в отдельности не смотрела и улыбалась как-то всем сразу.

За девочкой шел клоун в разноцветных шароварах и рубаше, сшитой, как деревенское одеяло, из ситцевых лоскутов. На нем был рыжий парик, и спутанные патлы его время от времени вздымались как крылья. Клоун фистулой пропитательно верещал:

— Детям на радость, взрослым на удивление. Начинаем великолепное пр-р-представление!

И очень похоже кричал петухом.

Наконец старый трубач остановился и жестом предложил зрителям образовать круг. Мигом расчистилась площадка. Я до сих пор не перестаю удивляться этому истинному чуду — только что тут густым косяком шла толпа озабоченных людей, даже земли видно не было, и вдруг!.. Празднично засиял только что такой пыльный и замусоренный булыжник, на котором рубиновым квадратом вспыхнул яркий красный коврик. Множество людей, с предчувствием праздника, замерли вокруг

импровизированной арены. Даже рыночный многоголосый гул, казалось, стих в ожидании представления...

Типину прорезал торжественный трубный сигнал. Старик в бархатной блузе снял цилиндр, церемонно раскладывая на все четыре стороны и произнес:

— Представление начинается!

Старик был наредкость корректен и импозантен. Он обратился к базарным зевакам уважительно и с искренним почтением, подчеркивая тем самым, что все они приобрели к высокому искусству.

Старый джракач вынул из кармана блузы золотую нить и принялся спутывать ее в хитроумные узлы. Но стоило ему лишь потянуть за концы нити, как она моментально растянулась. Завязав очередной адский узел, он протянул спутанную нить зрителям. Они бились, пытаясь развязать его, суматошно помогая друг другу. Убедившись в тщетности своих усилий, они кинули ставший еще более запутанным золотой моточек старику. Тот высоко поднял руку, словно она обладала таинственными магнитными свойствами,— моточек ни с того, ни с сего в полете изменил направление и прямо впился в ладонь артиста. Он обнаружил кончик нити, тряхнул моточек — узла как не бывало!

Пока шел номер, милая девочка прелестно играла на крошечной мандолине, а рыжий клоун аккомпанировал ей, ловко и забавно стуча пестиками по стенкам разновеликих медных ступок, которые он с комическими ужимками полукругом расположил на ковре. Он метался между ними, изображая отчаянный страх, что не успеет вовремя ударить по нужной ступке, но все, конечно, обходилось наилучшим образом и мелодия игрушечной мандолины и медных колокольцев звучала, как небесная музыка.

А тем временем из-под широких рукавов блузы старика выбежала и принялась суетливо карабкаться вверх по бархатным складкам целая стайка белых мышей. Старый артист с наигранным испугом следил за тем, как на нем хозяйничают мыши, ко-

торые быстро-быстро добрались до цилиндра и чинно расселись на его полях. Старик поднял золотую нить, растянув ее, как струну. Мыши мигом перебрались на нить и принялись выделывать головокружительные трюки, словно заправские канатоходцы...

Зрители смеялись и аплодировали.

Потом очередь дошла до клоуна, который выволоч на край ковра самую большую ступку и пробежал вдоль кольца зрителей, выхватывая у них самые разные вещи: сумочки, часы, сережки из ушей какой-то дамы, яблоки, морковку, яйца и еще бог знает что. Он быстро покидал свой улов в ступу и стал толочь все это огромным пестом. Лица зрителей исказились от ужаса. Потом он вывалил содержимое ступы прямо на ковер. Какие-то колесики, обломки, битое стекло, яичная скорлупа — все перемешанное лежало жалкой кучей на ковре. Как перепугался клоун, увидев, что он наделал, и высказать невозможно! Он завыл как пес, волосы его поднялись, из глаз брызнули тонкие длинные струи. Он кинулся на колени, потешно прося прощения за причиненный ущерб. В публике не на шутку забеспокоились. Тогда клоун сгреб всю эту кучу изувеченных предметов, бросил их обратно в ступу и с таким комическим отчаянием принялся снова молотить пестом, что не улыбаться было невозможно, хотя и с некоторой опаской: уж больно все натурально делалось.

И вдруг клоун зажмурился и в страхе заглянул в ступу. Вероятно, то, что он там увидел, настолько его поразило, что он, подпрыгнув, рухнул наземь бездыханный. Девочка и старик кинулись приводить его в чувство самыми дурацкими и невероятными способами, трясли то руки его, то ноги, то голову, не знали с какой стороны его надо тащить, на какую сторону ставить. Он сплелся в клубок не хуже золотой ниточки и распутать его не было никакой возможности. Старик театрално зарыдал. Милая девочка в отчаянии заламывала руки. И тут с громким писком вся мышиная стая

ринулась на этот бесформенный комок, который еще недавно был клоуном, и ну по нему сновать! Раздался гомерический клоунский хохот и фистульное кудахтање:

— Щи-ко-ко-ко!.. Щи-ко-ко-тно!..

Клоун привялся распутываться. То появлялась одна рука, то выпрастывалась другая, то возникала голова, то вдруг всю длину вытягивались ноги и снова съезживались... Наконец клоун обрел свои конечности и двумя руками, откуда-то из глубины туловища выдернул, как редиску, свою рыжую голову. От радости, что он вновь возродился к жизни, клоун пустился в пляс под музыку.

Теперь играл старик на полутора десятках разнообразнейших свисточков, а девочка аккомпанировала ему на ложках. Сделав какое-то немислимое па, клоун зацепил ногой ступу, она опрокинулась, и на ковер вывалились все взятые у публики вещи, целые и невредимые.

Публика ликовала. Дети от восторга подскакивали на месте, да и взрослые тоже. Вещи весело разобрали, и все пригодились смотреть дальше.

Я уже видел это представление, и мне казалось, что я знаю его наизусть. Но всякий раз у меня что-то обрывалось внутри; я готов был поклясться, что слышу пронзительно-трепетный аккорд, рвущийся из моей груди и тревожно оглядывался — не слышит ли его кто-нибудь еще.

Мгновения, когда милая девочка вдруг оказывалась в зелененьком штопаном трико, я никогда не замечал и ненавидел себя за это. Так и сейчас, зазвучали в моей душе звонкие музыкальные струны, и не успел я обхватить руками свою грудь, чтобы эхо аккорда подольше звучало во мне, а артистка в трико, взмахнув руками, словно бабочка крыльями, взмыла в воздух. Она парила, улыбаясь, рассылая зрителям воздушные поцелуи, которые жасминными лепестками опускались на тех, кому были адресованы. И люди ловили эти лепестки и разглаживали их на ладонях.. Я глядел во круг, на глазах свершалось невероятное.

Озабоченные, тяжелые лица торговков и покупателей, за минуту до этого изрыгавшие грохочущий хохот, распрямлялись, светлели и становились даже нежными... Мне не достался лепесток. Ну что ж, ведь я еще такой маленький. Я потянулся было, подпрыгнул даже, чтобы его поймать, но какой-то мужик с густой бородой грубо отеснил меня и жадно сам схватил лепесточек. Я было вскипел, хотел кинуться на обидчика, но в этот момент увидел, что старый артист протянул руку и девочка опустилась на раскрытую ладонь, словно птичка. И тут старик начал ею жонглировать. Кто бы мог подумать, что в нем таится такая атлетическая сноровка, что он с юношеским азартом сможет проделывать со своей партнершей все эти невероятные трюки. Клоун сидел по-турецки и отбивал на барабане четкую дробь. Старый акробат выгибал девочку как лук, перекидывал с руки на руку, ставил на голову, заставлял упираться руками в одну свою ладонь, ногами — в другую и, разводя руки в стороны, растягивал ее до совершенно горизонтального положения. Номер просто опрокидывал элементарные законы школьной физики. Но это было. Было! Я видел это собственными глазами, и что бы мне ни говорили люди, обладающие здравым смыслом, меня ничто не переубедит, и я буду твердо стоять на своем. Она летала. Она была невесома. Она была прекрасна! Вдруг, когда этот мощный старик поднял ее так легко над своей головой и она балансировала на пуантах на его указательном пальце, произошло нечто такое, что раз и навсегда изменило течение всей моей жизни. В руках что-то засветилось ярким голубым огоньком. Старик в этот миг крикнул:

— Алле-гоп! — и метнул юную акробатку высоко-высоко вверх.

И я услышал, что и она звонко ответила:

— Алле-гоп! — и пустила в полет эту голубую сверкающую палочку.

И с того мгновения я уже не видел ар-

тистки. Все мое внимание было сосредоточено на летящей кругами голубой сверкающей черточке. Она плавно парила, все набирая и набирая скорость, постепенно превратившись в сплошную голубую спираль. Все ниже и ниже она... И вот... Вот!.. Я почувствовал острый укол в грудь, в сердце. Да, в самое сердце! Я схватился рукой и ощутил в пальцах какую-то тоненькую тростиночку. Вы не поверите, но это была стрела. Стрелочка! И почему она угодила именно в меня,— я положительно не могу объяснить...

— Представление окончено! — провозгласил старик и двинулся вперед, проталкиваясь сквозь рыночную толпу.

За ним шла усталая маленькая артистка с красными сердечками на щеках. Ее походка была уже не такой легкой.

Клоун собрал все свои ступки, барабаны и увязал их в красный коврик.

Скучно и буднично выглядела булыжная мостовая, покрытая сором и пылью. И было трудно предположить, что вот на этом самом месте только что происходило чудеснейшее на свете представление...

И вдруг я почувствовал, что некая неведомая сила овладела мной. Я двинулся вперед, расталкивая стоящих на пути, и подошел к клоуну. Я вынул из его тюка самую большую ступку, самый тяжелый пест и самый здоровый барабан. С удивительной легкостью взвалил все это себе на плечи и пошел вслед за стариком, усталой милой девочкой и рыжим клоуном. Я пошел за ними сквозь толпу, с тревогой ожидая, что меня прогонят прочь. Старик оглянулся, увидел, что я увязался за ними и, чуть улыбнувшись, приветливо махнул мне рукой. Я приободрился, расправил плечи, вытянулся так, что спина и шея образовали одну легкую прямую линию и, сам того не желая, пошел вперед пластичным шагом, упруго ступая с носка на пятку. Медная ступа, пест и барабан не давили плечи. Я видел радугу перед глазами и был по-настоящему счастлив.

Прошло много лет. Теперь я известный цирковой артист. Канатоходец. Мой номер пользуется успехом. Особенно та его часть, когда я, с осторожностью положив на тонкий стальной канат большую медную ступку и взяв в одну руку пест, а в другую — барабан, ловко вскакиваю на косую скользкую стенку ступки и, быстро перебирая ногами, стремительно качусь над ареной от одной опоры каната к другой. Огромная чаша цирка лежит далеко внизу, подо мной. Затаившие дыхание зрители кажутся мне оттуда, сверху, разноцветным горошком. Оркестр играет ту самую мелодию, которую когда-то искусно выдувал на своих свисточках старый прекрасный циркач.

Мне даже кажется, что в этот миг они тут, со мной, стоят на малиновом балкончике, к которому прикреплен канат, и весело машут мне. Там все: и старик в своем сером цилиндре, и клоун с рыжими патлами, и милая усталая девочка с сердечками на щеках... И я несусь к ним с легкой радостью...

А когда я, стоя на балкончике, освещенный разноцветными фонарями, раскланиваюсь, благодарю за аплодисменты, я иногда чувствую, как в моих пальцах появляется и оживает маленькая голубая стрелочка, как она вдруг вырывается из руки и летит по кругу цирка, все набирая и набирая скорость, пока не сливается в сверкающую голубую спираль.. Она ищет верное сердце и всегда — всегда! — его находит... А когда после представления я, пожилой уже артист, надев свою бархатную блузу, тороплюсь домой, то часто вижу, как какой-нибудь мальчик или девочка вдруг неожиданно вырывают свою ладошку из руки папы или мамы и начинают идти по улице легким пластичным шагом, с носка на пятку, точно шагая по белым клочкам перехода.

И всякий раз, как я это вижу, я оборачиваюсь к ним и приветливо машу им рукой...

Семен Листов

МАЛЬЧИШКА ТИШКА

Шагает по улице мальчик по имени Тишка. Он в школьной форме, ладненький, аккуратненький, на груди октябрятская звездочка, за спиной ранец с книжками. Шагает Тишка и песенку поет.

А в это время у магазина «Универсам», среди детских колясок, стоящих у входа, появился Рыжий Кот, большая шкода. Мамы в магазине — значит, коляски без прищмотра.

Заглянул Кот в коляску, видит, ребенок мирно спит. Взял Рыжий бутылочку с молоком, зубами соску снял, заткнул в ней отверстие и раздул до размера футбольного мяча. Хлопок! Ребенок проснулся, заплакал. Рыжий как ни в чем не бывало взболтал молоко и вылил в свою нахальную глотку.

У ребенка в соседней коляске Кот просто отнял бутылочку, которую малыш причмокивая сосал. Изю рта вынул, негодяй! Снял зубами соску, но раздуть ее не успел — около «Универсама» остановился Тишка. Заметив, что за ним наблюдают, Кот стал изображать заботливую няньку. Бутылочку к щеке приложил, вроде проверяет, не слишком ли горячее молоко. Колясочку качает, плачущего ребенка успокаивает: мол, потерпи, сейчас покормлю. Но Тишку провести не так-то просто. У тротуара стоял автомобиль. Тишка нагнулся, будто шнурок ботиночный завязывает, а сам в хромированный колесный колпак посмотрел. В нем, как в кривом зеркале, отразился Кот, пожирающий молоко из детской бутылочки. Тишка мгновенно сорвал ранец с плеч. Известно ведь, что нет лучшего средства защиты или нападения, чем школьный ранец. Рыжий это сразу понял. Прыгнул в сторону, затаился.

Малыши, обиженные Котом, громко плакали. Конечно, Тишка не оставил маленьких в беде. Одному сунул пустышку, над другим поцокал погремушкой. Но детишки все не унимаются.

Тишка положил ранец на землю и, воспользовавшись дужкой коляски как турником, подтянулся и сделал стойку на руках. Потом освободил одну руку, снял с головы берет и вроде как раскланялся. Повражилось. Перестал ребенок плакать, засмеялся, даже пустышку выронил.

Тишка, как заправский гимнаст, раскрутил «солнце» и перелетел на дужку соседней коляски. Сделал стойку на одной руке. Никакого впечатления, плачет ребенок. Ну, а если так? На носок ботинка нацепил берет и давай его раскручивать. Точно так жонглеры в цирке крутят разноцветные круги. Полный успех. Улыбнулась кроха, ладошками захлопала.

Кот схоронился за урной, наблюдает за Тишкой. Одним глазом вверх — Тишка на перекладине, другим глазом вниз — Тишкин портфель на земле лежит.

Пока Тишка жонглировал, вновь раздался плач из соседней коляски.

Ну как же этим крикунам угодить одновременно? Задумался Тишка, стоя на руке, приложил палец ко лбу. Нашел!

Встал Тишка одной ногой на дужку левой коляски, другой — на правую и айда барыню плясать. Сам пляшет, сам поет, сам колясочки качает... А малыши погремушки в ручки, в такт музыке подыгрывают.

И не видит Тишка, что Рыжий, стелясь по земле, подбирается к ранцу. Приблизился, конец хвоста согнул кочергой и подцепил ранец за ремешки... А Тишка знай себе пляшет, малышей убажает.

Но вдруг замерли коляски. Перестал Тишка плясать: увидел он Рыжего Кота, сидящего на заборе с его, Тишкиным, ранцем. Кот небрежно рванул пряжку от клапана, нахально покрутил, показывая Тишке: вот, мол, она, твоя пряжечка, видишь? Покрутил и через плечо швырнул.

Только Тишка собрался спрыгнуть с колысок (надо же ранец выручить), как один из малышей запищал, требуя, чтобы его качали дальше. Качнул Тишка. Теперь другой подал голос. И этого качнул.

А Кот? Залез, шкода, в ранец, вынул Тишкин школьный дневник, раскрыл его. «Ну ты молодец! Ну ты даешь!» — всем своим видом показывает Кот, издеваясь над успехами Тишки. Достал Кот из кармана толстый фломастер и стал в дневнике пятёрки переправлять на жирные единицы.

Тут появляются из магазина молодые мамы, с удивлением смотрят, как Тишка качает их детей. Мамаши протягивают Тишке яблоко, конфету. Тишка отказывается, убегает — надо ведь еще с Котом расчитаться...

...Удирает Кот. За ним гонится Тишка. Кот выбрасывает содержимое ранца. Тишка на ходу ловит пенал, тетради, тубик с клеем «цемент».

Вот Тишка и Кот в сквере. Впереди — гранитная чаша большого фонтана. Фонтан выключен, по его полированному обводу смешно вышагивает бельчонок. За ним умильно наблюдает бельчиха-мама. Кот, не выпуская ранца, прыгнул на обвод фонтана. Вскочил и Тишка. Кот бежит по кругу, Тишка — за ним. На пути у Рыжего оказался бельчонок. Кот, не задумываясь, смахнул его в бассейн. Бельчонок плюхнулся в воду, побарахтался, взобрался на трубу. Вскрикнула бельчиха-мама, а бельчонок на трубе сидит, от страха трясется.

Тишка, как это увидел, остановился, мгновенно сорвал с себя берет, курточку... А Кот, увидев, что Тишка остановился, размахнулся и запустил ранец по полированному краю фонтана. Со свистом скользит ранец по кругу, вот-вот свалит с ног Тишку. Краем глаза Тишка следит за ранцем. Подпрыгнул, пропустил под собой... Ранец продолжает скользить по кругу, настигая бегущего Кота. Кот споткнулся и с воплем подскочил вверх.

Спешит к бельчонку Тишка, плывет саженьками, торопится.

Бельчиха-мама плачет, в горе заламывает лапки. Сочувствуют ей няньки-ежи, зайцы-шахматисты пенсионного возраста, квочки с вязанием в лапках — в общем, все, кто в летний полдень греется на солнышке в сквере.

Доплыл Тишка до трубы, только руку протянул бельчонок снять, как неожиданно включился фонтан. Это кот устроился у вентиля и открыл воду. Подняла струя бельчонка в небо и давай его кувыркать.

Что делать? Как бельчонку помочь?

Подтягиваясь на руках, подымается Тишка по струе, словно по канату. Обхватит рукой струю, зажмет ее пальцами — и она угасает, бельчонок книзу опускается. Разожмет руку, чтобы бельчонок достать, — струя снова оживает и вверх его выносит. Но Тишка не промах, уперся ногами в струю как в шест, принялся гнуть ее на себя. Стала струя загибаться дугой, пока ее вершина вместе с Тишкой и бельчком не коснулась дорожки в сквере. Оказавшись на земле, Тишка отпустил струю. Освободившись, она снова взмыла в небо...

Когда успел Тишка надеть курточку, схватить ранец, бельчиха-мама и заметить не успела. Так и стоит она с юнфетой «Белочка» в лапке, оглядывается, а Тишки нет. Исчез.

Шагает Тишенька по улице, песенку поет. Попались ему на глаза часы на столбе, и он на полуслове осекся, даже за голову схватился. Видно, давно ему пора дома быть.

Бежит Тишка домой, торопится, а ему навстречу голубь летит. Вьется над ним, тревожным голосом что-то рассказывает. Голубиный язык кто понимает? Отмахнулся от птицы Тишка, хочет дальше бежать. А голубь крылья раскинул, повис на одном месте, дорогу загораживает, не пускает... Беда, что ли, какая приключилась?..

И Тишка поворачивает от дома, бежит за голубем, который дорогу показывает.

В парке под большим дубом, нахохлившись, подвернув раненое крыло, сиротливо сидит голубка. Не ведает птица, что к ней приближается Рыжий Кот.

«Какая неожиданная встреча!» — так, верно, надо понимать позу и улыбку Рыжего злодея. Он, понятно, удивлен и обрадован. Как галантный кавалер приветствует он раненую голубку — поклон чуть не до земли и вроде пляшущей с плюмажем размахивает. Глупая птица, верит. Улыбается смущенно и воспитанность показывает, здоровое крылышко-ручку протягивает. Рыжий крылышко поцеловал. В сторону отвернулся, сплюнул, а у самого спина дугой, шерсть дыбом, из глаз искры веером. Повернулся — и снова кавалер. Притворяться он мастер. Снова умильную гримасу соорудил: мол, позвольте поухаживать, щечку со спины у вас снять... А это у вас не грязь ли прилипла к перышкам? Нехорошо. Разрешите соскрести?

Кот-школа готовит свою жертву к съедению да при этом еще рыцарем прикидывается. Ну, кажется, натешился. Все. Сейчас схватит и сожрет голубку. Спина дугой, из глаз искры, пасть раскрыта...

Но тут подоспел Тишка. На ходу сорвал берет с головы, швырнул в злодея. Нахлобученный на глаза берет закрыл от Кота не только голубку, но и весь белый свет. А когда белого света не видишь, становится, конечно, очень страшно. Кот испугался и кинулся удирать, а куда бежит — не видит. С разгона он головой врезался в дуб. С ветвей посыпались желуди. Тишкин берет лопнул и оказался у Кота на шее. Рыжий быстро стянул его с себя, словно юбку. Хотел стрекача дать, да не вышло. Под ногами у него желуди, полированные, скользкие, из-под лап Кота вылетают пулями, в сторону голубки летят.

Закрывшись ранцем как щитом, Тишенька двинулся спасать голубку.

Кот буксует, желуди летят...

Словно в атаку на огневую точку идет Тишенька вперед.

Та-та-та-та — стучат пули-желуди по

ранцу. Изрешетили его, аж ключья висят. Но Тишка не отступил, закрыл голубку собой.

А голубь вьется над полем боя, переживает за подругу.

Тут, правда, и обстрел кончился. Рыжий перекидал все желуди, догреб до твердой земли и скакнул в сторону, только его и видели...

Тишенька взял в руки голубку, исправил перебитое крыло. Как помочь? Подумал. Достал из кармана тюбик с клеем «цемент», капнул на место перелома. Подышал, чтоб застыло скорей.

...Бежит Тишка домой, а за ним голуби летят, провожают...

Боже, в каком виде он предстал перед мамой! Берет с дырой, ранец разорван, пуговицы на курточке не хватает, брюки мокрые, измочаленные. Даже октябрятская звездочка, и та вырвана «с мясом» и висит на лоскутке. Ну что делать с таким непутевым сыном! Да, да, в угол, и немедленно! Побросала мама Тишкины вещи на стул и ушла.

И все это видели голуби. Они сидели на подоконнике и очень волновались за Тишку... Посоветались голуби о чем-то на своем языке, улетели.

В одних трусиках, лицом к стене, стоит Тишка в углу.

Не ведает он, что творится у него за спиной. А там кипит работа: ежи штопают берет, зайцы ранец чинят, белки хвостами одежду чистят.

И как положено в сказке, у нас на глазах свершилось чудо. Исчезли зверюшки, а все Тишкины вещи стали целыми, чистыми, словно только что из магазина. Лежат они на столе аккуратно сложенные. А курточка висит на спинке стула, и горит на ней в лучах закатного солнца октябрятская звездочка. Световой зайчик от звездочки запрыгал на стене у Тишкиных глаз. Две крупных слезы сияют у него на щеках. Он улыбнулся, слезы скатились. Он очень симпатичный, наш Тишка, когда улыбается.

СЮЖЕТЫ САТИРИЧЕСКОГО КИНОЖУРНАЛА «ФИТИЛЬ»

Вл. Панков

АЛИБИ

В служебной комнате заседает комиссия. Настроение у всех довольно мрачное.

— Я думаю, так мы ничего не выясним,— говорит председатель комиссии.— Кого бы мы ни спросили насчет дисциплины, у каждого найдутся прекрасные объективные оправдания. А между тем авралы на заводе продолжают... Я предлагаю пойти от противного.

— То есть?

— Пригласите следующего... Только попрошу мне не мешать и ничему не удивляться.

В комнату входит инженер лет тридцати.

— Ваша фамилия? — с неожиданной резкостью спрашивает председатель.

— П-Пронин.— Инженер немного оторопел.

Председатель комиссии встает из-за стола и начинает кругами ходить вокруг инженера:

— Мы проводим следствие. По одному очень серьезному делу. Скажу вам по секрету, подозреваются все. И вы в том числе.

— Я? — Пронин заволновался.— А в чем меня обвиняют?

— Скажите, что вы делали вчера на территории завода? — председатель резко придвинулся к Пронину.

— Здесь явная ошибка.— Пронин отпрянул.— Я могу доказать. У меня весь день, понимаете, расписан. Меня, может, вообще на территории завода... отсутствовало.

— Чем докажете?

Пронин порылся в карманах:

— Вот билет в кино. Случайно сохранился... Начало как раз в три.

Члены комиссии переглянулись.

— Алиби,— тихо сказал кто-то.

— Точно, алиби,— подхватил Пронин.— А до этого я тут, за углом, в магазине был. Вот и чек с указанием времени. Я еще за деньгами домой ездил.

Члены комиссии разом почесали в затылках.

— По на чёке время — двенадцать тридцать,— сказал председатель,— а что вы делали до этого?

— Ну... утром какое-то заседание было.

— Какое?

— Да так, ерунду какую-то на местком обсуждали. Но моя фамилия в протоколе есть. Потом свидетели... Вместе голосовали.

— Выходит, у вас стопроцентное алиби?

— Конечно,— Пронин явно повеселел.— Да у меня каждый день так. А если вы всех подозреваете, то скажу вам: напрасно!.. У нас весь коллектив в течение рабочего дня на месте не застать. Считайте, что у всех алиби!

— Ну вот,— председатель повернулся к членам комиссии, которые невесело усмехались.

Ал. Курляндский

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

В поликлинике царили тишина и спокойствие. Больные молчаливо ждали своей очереди у дверей кабинетов, медицинские сестры бесшумно пробегали по коридорам. Из дверей кабинета вышла сестра:

— Следующий, пожалуйста!

Человек с красной улыбающейся физиономией отодвинул в сторону старушку и в ответ на негодующие возгласы сказал:

— Не волнуйтесь, граждане! Я только на минуточку. Язык покажу и обратно!

Затем он прошел в кабинет и уселся против врача на стул.

— Фамилия? — спросил врач.

— Сидоров.

— Что болит?

— Все...

Врач с интересом посмотрел на больного:

— И давно заболели?

— После обеда... Через эту самую болезнь одному клиенту костюм испортил. Вместо пиджака брюки скроил. Брюк-то у него теперь двое, а пиджаков — ни одного!

Человек вздохнул, и врач, почувствовав запах перегара, сморщился и отвернулся.

— Все ясно!

Он поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

— Болезнь у вас сложная, без... этого самого... не разберешься!

Врач подсел к медицинскому шкафчику, достал склянку с белой прозрачной жидкостью, налил в мензурку и разом выпил. Затем с хрустом закусил витамином.

— А ничего что на работе? — усмехнулся пациент.

— А что ж тут плохого?

— Перепутаете вроде меня... — Человек кивнул на склянку с черепом и костью.—

Пропишете вместо микстуры, и помпнай как звали!

— Ничего, не перепутаю. А если и перепутаю, тоже не беда. Оттуда,— врач показал на потолок,— жалобы не напишешь!

— Мда,— вздохнул мужчина,— вам хорошо. А вот с живым клиентом труднее. То жалобы тебе пишет, то кляузы, то деньги назад требует.

— А ты к нам переходи, у нас деньги обратно не требуют. Медицина бесплатная!

Врач посмотрел на часы и принялся считать пульс:

— Раз... два... три... учащенный... четыре...

— Доктор! Вы же свой пульс меряете!

— Фу ты, черт! — врач ошалело уставился на собственную руку.— Эх меня развезло!

— Я, пожалуй, пойду,— испуганно сказал пациент и приподнялся со стула.

— Сиди! Чего испугался?

Врач налил жидкость в мензурку и снова выпил.

— А ну-ка открой рот! Шире!.. Мать моя родная!

— Чего?!

— Р-резать надо!

— А что у меня там?

— Так не видно... Освещение плохое. Разрежем — посмотрим!.. С-сестра! Подготовьте больного к операции!

Он снова подошел к шкафчику и, опрокидывая склянки, полез за бутылкой.

— Может, хватит, доктор? — не выдержал пациент.— Операция все же!

— Не дрейфь, парень! — крикнул врач.— Раскроем как надо! Не хуже чем твой брюки!

Врач взял скальпель и принялся точить его о край стола:

— Мы тут в-вчера после обеда... одному к-клиенту вместо гланд ухо отрезали. Гланд-то у него теперь — двое, а ухо — одно.

— А-а-а!!! — закричал человек и спрыгнул с кушетки.

— Т-ты чего?

— Как не стыдно? Разве можно так пить?! Здесь все-таки больница, а не ателье!

Человек бросился к двери и выскочил из кабинета. Сестра посмотрела на доктора:

— Что с вами? Какой пример вы людям показываете?

— Самый наглядный! — Врач был совершенно трезв. Он распахнул полы своего халата и сестра вытаращила от изумления глаза: под халатом оказался пиджак с кривыми бортами, косыми плечами и разноцветными пуговицами.

Д. Мильруд

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Магазин готовой одежды. За прилавком стоит продавец, а рядом, за столом, сидит пожилая женщина, листающая какой-то толстый регистрационный журнал. Входит покупатель:

— Добрый день! Можно приобрести у вас хороший костюм?

— Пожалуйста, — приветливо отвечает продавец. — Какой предпочитаете — спортивного покроя или поспокойнее? Анна Григорьевна, записывайте.

— Что-нибудь солидное. По возрасту.

— Прекрасно! Какой вам нужен размер?

— Скорей всего — пятьдесят второй, третий рост, — подумав, решает покупатель.

— Отлично! Однобортный или двубортный?

— Мне, знаете ли, как-то все равно...

— Зато нам не все равно, — твердо парирует продавец. — Нужны точные данные.

— Тогда пусть однобортный...

Продавец поворачивается к письменному столу:

— Записали? — И снова к покупателю: — Пуговицы?

— Да, да, конечно.

— Я спрашиваю, какой фасон пуговиц?

— Э-э... обыкновенный.

— Так и запишем. Какой цвет вам больше по вкусу?

— Мне нравится серый, — мечтательно произносит покупатель.

— С искрой?

— Желательно.

— По-моему, вам больше пошел бы коричневый в полоску. А? Ну вот, и хорошо. Анна Григорьевна, исправьте «серый с искрой» на «коричневый в полоску».

— В журнале нельзя исправлять, — сомневается пожилая женщина.

— Анна Григорьевна, покупатель просит.. Теперь, гражданин, прошу на примерку.

Покупатель заходит в примерочную кабинку и вскоре выходит в светлом костюме неопределенного фасона и чрезвычайно скверно пошитом. Взглянув в зеркало и придя в ужас от собственного вида, покупатель охнул:

— Что... что это... такое?!

— К сожалению, ничего другого пока предложить не могу, — холодно отвечает продавец.

— Зачем же вы спрашивали?

— А нам велели спрос изучать. У нас теперь научный подход..

Главный редактор В. СЫТИН.

*Редакционная коллегия:
О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ,
Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН,
С. ЮТКЕВИЧ.*

Альманах «Киносценарии»

Госкино СССР, Москва, 1975 г.

Художник *О. Кознов*
Редакторы: *Е. Клейнер, О. Горбачева*
Корректор *Т. Покровская*
Техн. редактор *Н. Рюрикова*
Мл. редактор *М. Сергиенко*

Подписано к печати 6/V 1975 г. А04757. Формат
70×90¹/₁₆. Печ. л. 21. Усл. печ. л. 24,57. Уч.-изд.
л. 27,85. Тираж 50 000. Заказ 3. Цена 1 р. 48 к.

Всесоюзное объединение «Союзинформкино».
119285, Москва, Мосфильмовская ул., 1, блок 2.

Тульская типография «Союзполиграфпрома» при
Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина,
109.